МОЛЬЕР • КОМЕДИИ

МОЛЬЕР

●

Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ БИБЛИОТЕКИ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бээкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Кербабаев Б. М.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Самарин Р. М.
Сомов В. С.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

ЖАН-БАТИСТ МОЛЬЕР

КОМЕДИИ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

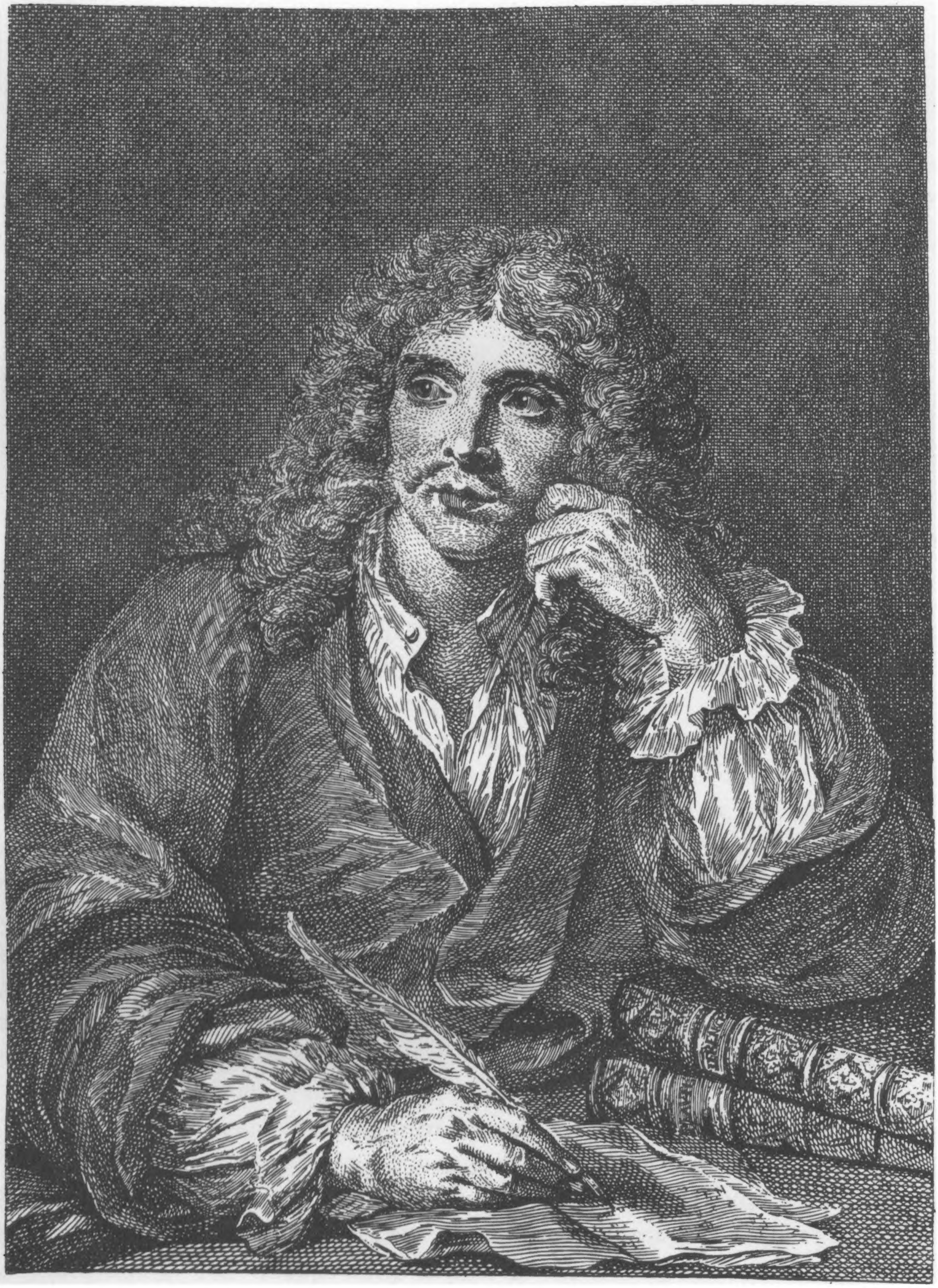
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1972

Вступительная статья
и примечания
Г. Бояджиева

И (Фр)
М 76

Иллюстрации
П. Бриссара

7-3-4
Подп. изд.



ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР КОМЕДИИ

В ряду гениев мировой литературы Жан-Батист Мольер занимает одно из самых видных мест.

На вопрос короля Людовика XIV к поэту и теоретику литературы Буало, кто тот величайший писатель, который прославил его царство, последовал ответ: «Мольер, ваше величество».

Высокий литературный престиж Мольера поддерживали главные авторитеты трех последующих столетий: Вольтер в XVIII веке, Бальзак в XIX, Ромен Роллан в XX. Комедиографы почти всех стран издавна признают Мольера своим старейшиной. Комедии Мольера переведены почти на все языки мира. Имя Мольера блистает во всех трудах по истории мировой литературы. Девиз Мольера: «цель комедии состоит в изображении человеческих недостатков, и в особенности недостатков современных нам людей» — во многом определил эстетику реалистической драматургии нового времени. Так писательский труд Мольера обрел самую высокую историческую оценку и в известном смысле был возведен в норму и образец.

Правда, творчество гениального комедиографа получало иногда и иные оценки. Полемизируя со сторонниками «академической мольеристики», навязывавшими порой Мольеру чуждую ему роль докучного моралиста и плоского бытописателя, ряд критиков впадал в другую крайность, утверждая, что автор «Тартюфа» и «Дон Жуана» — всего лишь «актер, а не писатель», что он думал лишь о том, чтобы рассмешить зрителя.

Борясь с убогой идейностью «академической мольеристики», сторонники новой теории допускали еще больший грех, отрицая у Мольера вообще всякую идейность и превратно видя в конфликте между Мольером и его плоским мещанским истолкованием извечную борьбу между «театром» и «литературой», в связи с чем и был затеян спор — какая из творческих сторон гения Мольера является ведущей. Кем был Мольер — «человеком пера» или «человеком театра»?

I

Надо сказать, что баталия за Мольера между литературой и сценой идет издавна. И начал ее еще Буало, выступив решительным воителем из лагеря Теренция. Хорошо памятен его укоризненный стих:

> Стремясь быть признанным вульгарною толпой,
> Он в шутовство ушел; Теренцию взамен
> Учителем его стал просто Табарен[1].
>
> *(Перввод С. Нестеровой и С. Пиралова)*

Имя Табарена, знаменитого площадного комика, было употреблено здесь как синоним народного фарсового театра.

И действительно, знаменитому критику было из-за чего досадовать: в возрасте пятидесяти лет, уже сочинив все свои шедевры, его друг упрямо не покидал сцену. Он даже сыграл роль весельчака Скапена, окончательно лишившись права занять кресло во Французской академии. А оснований стать академиком у Мольера было больше, чем у кого-либо другого: он стоял на вершине литературы века и был широко образованным писателем, глубоким мыслителем.

Жан-Батист Поклен (настоящая фамилия Мольера) родился в январе 1622 года[2], в семье королевского обойщика Жана Поклена. Потеряв в детстве мать, он остался на попечении деда Луи Крессе, а затем его определили в Клермонский коллеж. То было лучшее учебное заведение страны, а Жан-Батист Поклен — одним из его лучших учеников. Склонность к занятиям литературой и философией обнаружилась у Мольера очень рано. Прилежный юноша с любовью переводил стихами философскую поэму Лукреция Кара «О природе вещей», эту знаменитую энциклопедию материализма древности.

С молодых лет направление мысли Мольера было предуказано учением французского философа-материалиста Пьера Гассенди, а самое увлечение философией было связано с настойчивым стремлением драматурга познать суть, «природу вещей» окружающего мира — недаром Буало назвал Мольера «созерцателем». Человек созерцающий, сосредоточенно думающий, глядит на нас и с портрета, нарисованного Лагранжем: «Говорил он мало, но метко, и к тому же наблюдал за повадками и нравами окружающих, находя превосходные способы вводить наблюденное в свои комедии».

---

[1] Буало, Поэтическое искусство, Гослитиздат, М. 1937, стр. 77.

[2] Известна дата крещения Жана-Батиста Поклена — 15 января 1622 года.

Характерен и круг людей, с которыми был дружен Мольер. Еще молодым человеком он сближается с лицами, склонными к занятиям философией и литературой. Это Клод Шапель, обладатель живого иронического ума, ставший впоследствии писателем-памфлетистом; это Франсуа Бернье — в будущем автор смелого политического трактата; это драматург и философ Сирано де Бержерак. В провинции Мольер сближается с веселым поэтом-эпикурийцем д'Ассуси, с братьями Пьером и Тома Корнель. В Париже Мольер дружит с молодым Депрео Буало, с философом-гассендистом Ла Мот ле Вайе, с вольнодумной женщиной Нинон де Ланкло, с просвещенной дамой г-жой Саблиер, с юным Жаном Расином и, наконец, Лафонтеном, сказавшим как бы от имени всех собеседников и единомышленников Мольера: «Это мой человек».

Ведь богатые литературные источники, которыми, как показывают исследования, пользовался Мольер,— это первый показатель обширных знаний писателя, его значительного литературного опыта. Мольер — отличный латинист — четыре раза использует в своих комедиях сюжеты римских авторов; неоднократно обращается он к пьесам итальянского происхождения, пользуется испанским материалом. Отличный знаток литературы французского Возрождения, Мольер находит зерна для своих творений в сатире Матюрена Ренье или в комических историях, рассказанных в знаменитом романе Рабле. Свое «добро» Мольер находил и в закромах фарсового театра.

Можно было бы и дальше расширять список доказательств того, что актер Мольер был виднейшим литератором и литературно широко образованным человеком. И если за перо он взялся позже, чем поднялся на сцену, то это не значит, что писательство для него было делом вторичным по отношению к лицедейству.

Но так решительно подчеркивая писательство Мольера, не следует забывать и его собственное категорическое заявление: «Комедии пишутся для того, чтоб их играли».

Единство литературного и актерского творчества — действительно характернейшая черта гения Мольера. Величайший драматург Франции начал свое вхождение в театр как актер и оставался актером всю свою жизнь. Это обстоятельство имеет огромное значение, и дело не только в том, что пребывание на сцене способствует лучшему знанию законов театра. Главное в том, что, находясь тридцать лет на подмостках, Мольер собственной сценической практикой продолжал непрерывную французскую театральную традицию, развивая и согласовывая ее с требованиями жанра высокой комедии. Не только на самой сцене театра Мольера, но во всем внутреннем строе его комедий была сохранена стихия вольной площадной игры, открытая форма лицедейства, яркие краски масок, динамика внешнего построения действия — при том, что на подмостки были возведены современные типы и были показаны нравы и быт живой действительности.

Чрезвычайно важно было и то, что Мольер, оставаясь актером всю жизнь, был в непрестанном общении с сотнями тысяч зрителей. И если он сам воздействовал на их взгляды и вкусы, то народная аудитория своими аплодисментами, смехом, одобрением или порицанием формировала его вкус и направляла мировоззрение.

Неотделимость драматургии и театра была для Мольера неотделимостью творчества от его общественной функции. Драматург, будучи актером, сам доводил свои замыслы до конца, непосредственно сам делал свои пьесы подлинным достоянием народа.

Поэтому с такой определенностью и было им сказано: «Комедии пишутся для того, чтоб их играли».

И это явилось важнейшим условием того, что Мольер смог осуществить реформу современной комедии. Получилось так, что сцена способствовала Мольеру в его поисках новой комедии, а новая комедия стала главной причиной процветания его театра.

Но процесс этот был очень не прост.

Вступив на театральную стезю в юные годы,— и для этого отказавшись от должности «королевского обойщика» и от карьеры адвоката,— Мольер был полон светлых надежд. Он сдружился с семейством Бежаров, увлеченных театральным любительством. Старшая в семье дочь, Мадлена, была уже профессиональной актрисой. Влюбленный в театр, Жан-Батист влюбился и в Мадлену. Естественно, что он мечтал выступать со своей подругой в героическом репертуаре. Будущее рисовалось заманчиво, но познал он пока что лишь тернии актерского ремесла.

И беда была не только в ошибочном выборе героического амплуа. Любительская труппа, в которую вошел Мольер, не могла, конечно, со своим малооригинальным репертуаром и слабой актерской техникой, соперничать с двумя стабильными парижскими труппами — Бургундским отелем и театром Маре. С трудом протянув сезон 1644/45 года, театр (он гордо именовал себя Блистательным) оказался кругом в долгах, и Мольеру, взявшему на себя финансовую ответственность, даже пришлось отсидеть в долговой тюрьме.

Но юные энтузиасты не пали духом. Бросив неприветливую столицу, они отправились в провинцию и пробыли там долгие двенадцать лет.

Годы пребывания Мольера в провинции совпали с грозным временем Фронды (1648—1653), когда бунты, возглавляемые «принцами крови», перемежались с народными восстаниями, а иногда оба антиправительственных движения сливались в единый поток. Города, которые посещала труппа Мольера, не раз соседствовали с теми местами, где пылала гражданская война.

Картины ужасающих бедствий, нужды, голода, репрессий проходили перед глазами странствующих актеров. Но в народном возмущении таилась и вера народа в свои силы, сознание своих человеческих прав. Живя в народе, Мольер не только глубоко познавал жизнь, но и накапливал наблюдения для всего своего последующего творчества: он видел в народе энергию и оптимизм, непреклонную веру в конечную победу справедливости, здравость суждений, дерзновенность и непочтительность простолюдинов по отношению к господам, их убийственную иронию и громкий всесокрушающий смех. Так закладывались основы мировоззрения Мольера; дальнейший жизненный опыт только развил и углубил взгляды художника.

Но, конечно, такая позиция вряд ли поначалу была осознанной: дело шло о том, чтобы привлечь публику, привыкшую к простым и веселым зрелищам. Вот Мольер и снял с себя неуклюжую тогу трагического актера и, надев маску буффона, стал исполнять роли в стиле народных фарсов и итальянских импровизаций. Подобного рода увеселения были ему знакомы с детских лет — ведь сколько раз они вместе с дедом толклись у подмостков базарных комиков, этих веселых потомков бессмертного Табарена.

И хоть такой путь лавров не сулил, но хохота и аплодисментов было предостаточно. Пройдут годы, и Мольер в серьезном споре скажет: «На мой взгляд, самое важное правило — нравиться. Пьеса, которая достигла этой цели,— хорошая пьеса». Этому «правилу» Мольера научили, конечно, не книги, не ученые «поэтики», а сцена, его собственный артистический успех. Фарсы Мольера вроде «Ревности Барбулье» или «Летящего доктора» были чистыми «безделками», но они имели немалый смысл для формирования новой комедии, ибо были, по словам французского литературоведа Г. Лансона, той «народной почвой, в которую она уходит своими корнями».

Но, начав с примитивных форм площадного театра, Мольер тут же привил здоровый и сильный черенок народной сцены к древу литературной комедии — и результат был превосходным: Мольер использовал итальянскую комедию Николо Барбьери «Неразумный», и из-под пера первого комика труппы вышла комедия «Шалый, или Все невпопад» (1655).

Герой комедии Маскариль, сохранив маску, изворотливость и энергию фарсового персонажа, обрел тонкость ума, блеск остроумия и заговорил превосходными стихами; каждая его проделка имела точную психологическую мотивировку, а действие хоть и состояло из разнообразных плутовских затей, но укладывалось в целостную композицию и вмещалось в пять канонических актов. Новшеством было и то, что комедия уже обходилась без грубоватых непристойностей и в этом смысле совсем не похожа была на фривольную драматургию прошлого, XVI столетия. Выгодно отличалась она и от излишне драматизированных тяжеловесных комедий раннего Пьера Корнеля или пародирующих высокий жанр шутовских бурлесков Поля Скаррона. Хоть и тот и другой драматурги желали сдвинуть французскую комедию с мертвой точки, но груз традиций — литературных у Корнеля и театральных у Скаррона — оставил их начинания в своем веке, в то время как первый опыт Мольера всем своим духом предвещал наступление новой эры комического театра.

Неожиданно, но именно Маскариль принес своему создателю первую лавровую ветвь, первым прославил театр Мольера и был поводом к тому, что труппа после стольких лет скитаний вернулась домой, в Париж.

Счастьем было то, что молодые актеры, приглашенные в Версаль, понравились королю Людовику. Воспоследовало указание Мольеру с товарищами остаться в столице и давать спектакли в зале Малого Бурбонского дворца. Теперь нужно было завоевать любовь парижан, и тут главным воителем снова выступил веселый и ловкий Маскариль. Достаточно было одного сезона, чтоб маска эта стала популярным комическим типом [1].

Именно в этой маске Мольер пошел в бой против царившего в парижских салонах и на парижской сцене слащавого и манерного прециозного искусства. Речь идет о фарсе «Смешные жеманницы» (1659), в котором Маскариль был героем и носил титул маркиза (его товарищ, слуга Жодле, величал себя графом [2]). Дерзость была чрезмерной: шуты представляли высокородных аристократов, в шутов рядили графов и маркизов. Мольер зло высмеивал буржуазных дурех, помешанных на чтении модных романов и принявших подосланных к ним переодетых слуг за изысканных аристократов. Острота сатиры заключалась в том, что повадки, речи, вкусы «маркиза» и «графа» были воистину свойственны посетителям салонов. И все это подвергалось жестокому осмеянию с позиций народного здравомыслия и просвещенного разума. Аристократы приняли в штыки новую комедию, а в партере раздался голос: «Смелей, Мольер. Вот прекрасная комедия!» Была даже опасность запрещения пьесы, но молодой король смеялся на представлении, данном в Версале, и это решило судьбу «Жеманниц».

---

[1] Лагранж в своем «Реестре», который он стал вести с 1659 года, отметил, что спектакль «Шалый» прошел двадцать шесть раз. Надо полагать, что в первый сезон пьеса давалась еще чаще.

[2] Жодле — имя буффонного комика Жюльена Бедо, приглашенного Мольером в свою труппу из театра Маре.

Но, сказав «нет», выразив свою негативную позицию[1], Мольер сам готовился дать образец облагороженной комедии. Было известно, что он трудится над пятиактной пьесой в стихах «Дон Гарсия Наваррский, или Ревнивый принц», в которой герой был благородным рыцарем, события происходили на фоне борьбы за престол, но сами по себе были комичными и принц, ревнуя к своей невесте, каждый раз попадал впросак. Премьера комедии была дана в феврале 1661 года и имела столь слабый успех, что спектакль был снят с репертуара после седьмого представления. Беда пьесы заключалась в том, что Мольер задумал создать в ней новое, соединив два старых жанра — трагикомедию с комедией положений. Ходульный герой, сохраняя свою важность в комической ситуации, производил самое нелепое впечатление. Мольер при жизни даже не напечатал своей пьесы, использовав из нее только несколько удачных стихов в других комедиях.

Непредвидимо большой успех принес несколько ранее сыгранный фарс «Сганарель, или Мнимый рогоносец».

Сганарель тоже был из семьи площадных буффонов, его предком можно считать итальянскую маску Дзанарелло (Zanarello), но Мольер открыл лицо своему новому герою и позволил ему, несмотря на анекдотический сюжет и буффонные проделки, по-человечески «переживать». Муки ревности у «мнимого рогоносца» очень смешны, но назвать их нелепыми уже нельзя. В фарсовую пьесу просочился элемент субъективного драматизма, и условный образ обрел некоторое сходство с рядовым французским буржуа. Новым было и то, что фарсовый сюжет Мольер обработал с виртуозной классицистской техникой, придав каждому повороту действия точную психологическую мотивировку и выстроив композицию комедии с соблюдением закона строгой симметрии, музыкально выверенной грации.

Сганарель станет отныне любимым образом Мольера — драматурга и актера, писатель повторит этот тип многократно, развивая и усложняя его психологию и придавая своему новому герою в каждом случае различные сословные оттенки и индивидуальные черты. Фарсовый Сганарель-рогоносец в следующей пьесе, в «Школе мужей» (1661), появляется под видом Сганареля-буржуа. Этот недалекий угрюмый тип, человек строгих правил, ограничивая во всем свою воспитанницу, готовит ее себе в жены. Но ловкая Изабелла обводит своего опекуна вокруг пальца и бросается в объятия молодого Валера. Антиподом Сганареля является его брат — разумный Арист, он растит свою воспитанницу Леонору, проявляя к ней полное доверие, и в результате этого девушка, оценив душевные качества своего опекуна, охотно отдает ему руку и сердце. Веселая пьеса отвечала на важный вопрос — как воспитывать молодые души: методами ограничения или доверием. До того французская комедия такими этическими проблемами не занималась.

---

[1] Критическое отношение к прециозному стилю Мольер сохранил на всю жизнь; подтверждение этого — комедия «Ученые женщины» (1672).

Отыскивая способы возвысить комедийный жанр, Мольер, естественно, должен был обратиться к опыту Теренция, творчество которого в полной мере отвечало знаменитой классической формуле «развлекая — поучать». Позаимствовав из комедии «Братья» тему и исходную ситуацию, Мольер самый сюжет «Школы мужей» динамизировал с помощью искусно разработанной техники испанской комедии, использовав традиционную для нее ситуацию: девушка хитроумными способами преодолевает всяческие преграды и добивается своего счастья. Комедия от этого выиграла в своем действенном развитии, но пострадал центральный образ: интересно заявленный поначалу, Сганарель оказался лишенным воли к действию; энергично утверждая свои намерения, он не добивался своей цели, инициатива целиком принадлежала Изабелле, этой типичной героине комедий положений, образу динамическому, но малооригинальному.

То, что Мольер быстро потерял интерес к этим стандартам, подтверждается его следующей пьесой — комедией-балетом «Докучные»[1]. Сюжет в ней почти отсутствует, нет здесь и условно-театральных персонажей — одни лишь портреты, которые драматург с увлечением пишет с натуры. Это типы бездельников-придворных и назойливых просителей, докучающих рассказами о случаях на охоте, о сражениях за карточным столом, о сумасбродных проектах «обогатить государство». Вся эта несносная публика попадалась на пути Эраста, торопящегося на свидание и с досадой говорящего:

Ужель высокий сан бесчисленных глупцов
Обязывает нас страдать в конце концов
И унижать себя улыбкою смиренной,
Навязчивости их потворствуя надменной?

(Перевод Вс. Рождественского)

---

[1] В этом жанре Мольером написаны: «Брак поневоле» (1664), «Сицилиец, или Любовь-живописец» (1667), «Жорж Данден» (1668), «Господин де Пурсоньяк» (1669), «Мещанин во дворянстве» (1670), «Графиня д'Эскарбанья» (1671), «Мнимый больной» (1673).

В этих словах был слышен уже голос Мольера-сатирика, и произнесены они были в королевских покоях. Парадокс заключался в том, что Мольер, создавая зрелища для двора и став любимым комедиографом короля, получал право судить об обществе и его классах как бы с «королевской вышки». Если трагедия извлекала из идеи «государственной целесообразности» закон подчинения страсти героя его долгу, то комедия, став на эту «государственную» позицию, могла обличать злостных носителей всяких общественных скверн. Веселящемуся королю было даже лестно, что перед его особой унижены все эти аристократы, буржуа и клерикалы. Но когда дело доходило до особо острых ситуаций, король предавал своего любимца. Мольер вскоре убедится в этом; пока же Людовик был столь удовлетворен его сочинением, что даже подсказал драматургу ввести в его комедию-балет еще один тип докучного...

Иронические зарисовки Мольера имели и то важное значение, что указывали на его решительное движение к жизненной правде. Это сразу почувствовали современники; Лафонтен писал о «Докучных»:

Прибегли к новой мы методе —
Жодле уж более не в моде,
Теперь не смеем ни на пядь
Мы от природы отступать.

(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

Это прямое обращение к «природе», к изображению современных людей с их нравами и конфликтами Мольер совершил в «Школе жен» (1662), в своей первой высокой комедии. Здесь в известном отношении повторились проблематика, ситуация и основной персонаж «Школы мужей». Но тем очевидней было различие двух пьес.

В ранней вопрос о воспитании молодежи только декларировался, теперь же он пронизывал все действие пьесы — от ее экспозиции, рассказа о том, что герой комедии Арнольф подготавливал девочку-крестьянку Агнесу с детских лет себе в жены,— до заключительной сцены, когда показан катастрофический результат насильственного воспитания. В новой «Школе» драматическая ситуация находилась уже в прямой зависимости от воли и действий главного героя. Арнольф сам расставлял сети, сам задумывал интригу и выискивал средства ее осуществления. И если события поворачивались против него, то не от недостатка его собственных усилий, а по той причине, что никакими ухищрениями тирания не может воспрепятствовать свободному проявлению природы. Совсем по-иному в новой комедии строился и характер главного героя: в отличие от статичного Сганареля, Арнольф был показан в динамике развития своей натуры. Заявленный как тип буржуа-ретрограда, Арнольф настойчиво внушал Агнесе «правила супружества», полагая создать из нее покорную и бессловесную жену-рабыню. Но, тираня свою воспитанницу и желая целиком подчинить ее себе, Арнольф все больше и больше влюблялся в нее — и уже сам попадал в зависимость от ее воли, а получив отказ, переживал не только пароксизмы гнева, но и минуты отчаяния, которые воспринимал как крах своей жизни... При этом комедия, обогатившись драматическими нотами, не переставала быть веселой, иначе ее главная цель — обличать пороки современных людей — не была бы достигнутой.

Смех зала разил Арнольфа по всем пунктам — его идеи, поступки и страсть при каждом повороте сюжета оборачивались своей комической стороной: нравоучения были проповедью мракобесия, достойной только презрительной улыбки, действия, при всей уверенности героя в своей победе, приносили только поражения, а переживания, в силу их искренности, делали его фигуру особенно смешной, ибо она воспринималась в своей реальности. Обличительный смех — это главное оружие Мольера — раздавался из партера, из аудитории, состоящей не из аристократов и знатоков, а из людей, способных судить пьесу «судом правды». Так скажет устами одного из героев сам автор в «Критике «Школы жен», где новый жанр будет приравнен к высокой трагедии, нормой прекрасного объявлена жизненная правда, а критерием истины станет соответствие с демократическими взглядами и вкусами зрителей.

Но, что особенно существенно,— комедия, поднявшись до ранга высокого жанра, не оборвала нитей с традициями площадной сцены. В «Школе жен» элемент игры содержался и в ходе самого сюжета, и в буффонных эпизодах слуг, да и сам суровый Арнольф то и дело выдавал свое родство с маской Сганареля. Достаточно сказать, что финальный его возглас отчаяния «Уф!» произносился Мольером с расчетом на комический эффект.

«Школа жен», с успехом шедшая на сцене Пале-Рояля[1], вызвала у аристократической публики и в близких ей кругах литераторов и актеров бурю возмущения. Строчились памфлеты, писались доносы, ставились злобные пародийные пьески. Мольера обвиняли в развращении нравов, в богохульстве, в литературном воровстве, в искажении самой природы комедии, наносили ему и личные оскорбления...

Все это говорило, что комедия, перестав быть легковесным развлекательным жанром, вошла в большую общественную жизнь и стала орудием борьбы за гуманистические и демократические идеалы. Мольер это отлично понимал: в ответ на нападки врагов он в «Версальском экспромте» бесстрашно обещал — «не выходя за пределы придворного круга», найти немало поводов для сатиры, и тут же следовал перечень самых низких пороков: двуличие, низкопоклонство, лесть, авантюризм, тунеядство и прочие.

---

[1] Труппа Мольера, после реконструкции дворца «Пти Бурбон», играла в новом помещении, предоставленном ей королем.

Эти слова произносил комедиограф, в сознании которого зрели сюжеты и образы его великих комедий.

II

В анналах истории мирового театра пять лет — с 1664 по 1669, за которые были написаны «Тартюф», «Дон Жуан», «Мизантроп», «Жорж Данден» и «Скупой»,— сопоставимы только с пятилетием создания «Гамлета», «Отелло» и «Короля Лира». Настало время зрелости таланта Мольера. Но причина величайших творческих удач была не только в этом. Замечено, что крупные драматические произведения чаще всего создаются в периоды наибольшего подъема общественной жизни. Сама действительность, значительность ее социального содержания подготавливает художнику грандиозный материал, обнаруживает в своих обостренных конфликтах источники напряженных и драматических столкновений, обнажает через новые повороты истории свою истинную сущность и реальным ходом вещей способствует отрезвлению от старых иллюзий... Время — главный учитель художника, а Мольер был назван «созерцателем» не только потому, что умел подглядывать за особенностями поведения людей,— его пылкому проницательному разуму открыта была вся картина общественной жизни современной Франции.

Королевская власть, выполнившая свою исторически прогрессивную роль и осуществив объединение нации, могла даже казаться посредницей между борющимися классами дворянства и буржуазии, но эта власть к середине XVII века все отчетливей выявляла свою дворянско-феодальную природу. Лучезарные надежды на процветающее под дланью «короля-солнца» государство таяли под влиянием реальных процессов общественной борьбы. Эта борьба коснулась даже королевского двора, и силы политической реакции, группирующиеся вокруг королевы-матери Анны Австрийской, начинали явно преобладать. В Париже и по всей Франции всю духовную жизнь под строжайший контроль взяла тайная организация «Общество святых даров», некий гибрид иезуитского ордена и государственной полиции. Была установлена строжайшая цензура, ни одно печатное издание не могло увидеть свет без королевского разрешения. Сорбонна стояла на страже схоластических премудростей и жестоко преследовала всякое проявление свободной мысли. Были случаи даже публичного сожжения на костре за вольнодумство...

Но, несмотря на жесточайшие репрессии, ширилось и оппозиционное движение. В Париже — в аристократических салонах, в ночных клубах — велись вольнолюбивые беседы, из рук в руки переходили острые политические памфлеты[1]. Но движение это не выходило за пределы узкого круга...

Поэтому самым заметным событием общественной жизни середины века, когда оппозиционные настроения вырвались наружу и обрели небывалую гласность, стала история с запрещением комедии Мольера «Тартюф» и настойчивая пятилетняя борьба за разрешение крамольной пьесы.

Премьера комедии была дана в один из дней пышного версальского празднества, после чего пьеса была запрещена. В наступление пошли все силы реакции: двор во главе с королевой-матерью, «Общество святых даров» во главе с президентом[2] Ламуаньоном, церковь во главе с архиепископом парижским Ардуэном. Король тут же капитулировал перед этим натиском. Но не сдался Мольер. В послании к королю он бесстрашно писал: «Оригиналы добились запрещения копии» — и продолжал бороться до тех пор, пока комедия об Обманщике не получила разрешения.

Впервые с публичных подмостков было во Франции сказано, что под видом самых высоких идеалов скрываются самые низкие вожделения и осуществляются грубо корыстные цели. Впервые был жестоко обличен исступленный деятель реакции — лжепророк, тайный агент «Общества святых даров», рьяный стяжатель, способный дурачить сотни и тысячи людей под прикрытием идей христианства и патриотизма.

В комедии бой против Тартюфа загорается с самого же начала. Госпожа Пернель, мать Оргона, завороженная, как и ее сын, чарами лицемера, с фанатическим пылом отстаивает святость Тартюфа, а домочадцы наперебой стараются разубедить вздорную старуху. Мало того, что нужно разоблачить проходимца,— под угрозой весь уклад жизни семьи, честь ее главы, счастье детей. Надо оградить дом от тлетворного, разлагающего влияния ханжи, надо сохранить в семье здоровые моральные нормы. Страшная чума лицемерия, воцарившаяся в обществе, проникла и в их дом. Лицемер превращает Оргона в свое послушное орудие, а тому это и невдомек. Тонко продуманные ходы Тартюфа и его демагогию человек, жаждущий идеалов, принимает за чистую монету. Пойманный в капкан, он чувствует себя парящим в поднебесье, познавшим сокровенный смысл бытия. В порыве восторга Оргон восклицает:

---

[1] Примечателен дерзкий политический памфлет в стихах, получивший наименование «Возмутительная книга». Возможно, что Мольер был одним из авторов этой сатирической поэмы.

[2] Президентом парижского «парламента» — высшего судебного органа страны.

> ...можно ль дорожить хоть чем-нибудь на свете?
> Теперь пускай умрут и мать моя, и дети,
> Пускай похороню и брата и жену —
> Уж я, поверьте мне, и глазом не моргну.

Загипнотизированный лицемером, он уже и себя чувствует подвижником и носителем высшей благодати: ради «блага неба» Оргон изгоняет из дома своего сына Дамиса, восставшего против Тартюфа, и *ханжески убеждает дочь Мариану, что в браке с Тартюфом она найдет* возможность «умерщвлять свою плоть». Таковы результаты подлой работы Обманщика.

Этот чревоугодник и сластолюбец владеет тончайшими приемами церковной казуистики и может мгновенно погружаться в религиозный экстаз. Таким способом он добивается своих корыстных целей и выпутывается из самых затруднительных положений. Церковная демагогия служит Тартюфу оправданием и в грубых любовных домогательствах. Объявляя предмет своего вожделения «совершенным созданием творца», он кладет руки на колени Эльмиры — настолько трудно Тартюфу сдержать снедающую его похоть. Но, тая́ свою страсть, он будет хранить в тайне и их любовные отношения. Ведь «...не грешно грешить, коль грех окутан тайной». Маска снята окончательно, но это не смущает Тартюфа. Напротив, он не без гордости сообщает Эльмире тайны хитрого промысла ханжей, лицемерную стратегию, лишь пользуясь которой можно преуспеть в жизни. В этих сценах Тартюф не только носитель ханжеской морали, но и ее подлинный идеолог, проповедующий «теорию» двуличия:

> Круг совести, когда становится он тесным,
> Расширить можем мы: ведь для грехов любых
> Есть оправдание в намереньях благих.

Вот она, главная формула деятелей нового толка. Все их подлые деяния творятся во имя «благих целей», и поэтому на них молятся толпы оргонов, видя в каждом тартюфе — человека с большой буквы.

Тартюф действует у Мольера под маской «святоши», потому что реакция охотней всего прикрывалась формой религиозной догматики; но цель драматурга была шире, чем простое обличение двоедушия церковников. На примере религиозного ханжества Мольер обличал гнусную механику любого — политического и морального — приспособленчества, когда убита совесть и пущена в ход заученная фразеология «благих намерений»...

Тартюф, только что совершавший все свои козни под маской праведника, делает свою последнюю подлость: надев на себя личину патриота, предает своего друга и благодетеля в руки полиции. Видите ли, ради долга перед королем он не пощадит:

...все чувства истребя,
Ни друга, ни жены, ни самого себя.

Замороченный Оргон только что сам говорил такие слова, а сейчас испытывает эту воровскую увертку на самом себе. Только искусственно введенный к финалу комедии королевский посланец наказует порок...

Еще не перестали церковники проклинать Мольера за его «Лицемера», а гениальный сатирик во время великого поста 1665 года показал парижанам новое «дьявольское создание» — безбожную комедию «Дон Жуан, или Каменный гость».

Если в «Тартюфе» Мольер обличил лживую мораль, хитро прикрывающую собой бесчестие и хищный эгоизм, то в «Дон Жуане» драматург показал этот самый бесчестный и жестокий эгоизм, показал аристократа, открыто и цинично пренебрегающего всеми нормами человеческой морали и надевающего на себя личину ханжества, когда нужно уйти от ответственности за свои преступления. Но, пародируя ханжеские ужимки святош, сам Дон Жуан в лицемерии не особенно нуждается. Он гранд — и в силу знатности своего происхождения имеет возможность не считаться с законами морали и общественными установлениями, писанными лишь для людей простого звания.

Драматург показывает в образе своего героя не только легкомысленного покорителя женских сердец, но и жестокого наследника феодальных прав. Прислушиваясь лишь к голосу своих страстей, Дон Жуан полностью заглушает совесть: он цинично гонит от себя надоевших ему любовниц, нагло рекомендует своему престарелому родителю поскорее отправиться на тот свет, беззастенчиво отказывается платить долги, и делает все это с тем большей легкостью, что не признает над собой никаких законов — ни земных, ни небесных.

Но, свободный от морали общества, Дон Жуан свободен и от его предрассудков; не страшась церковных угроз, он открывает простор для своего разума. Знаменитый ответ Дон Жуана на вопрос слуги: «Во что же вы верите?» — «Я верю, Сганарель, что дважды два четыре, а дважды четыре восемь»,— выражение крайнего цинизма, но в этом ответе есть и своя мудрость. Вольнодумец, отвергая святой дух, верит только в «материю», в реальность человеческого бытия, ограниченного земным существованием.

Наделив своего героя острым и глубоким умом, сильным темпераментом и завидной жадностью к жизни, Мольер все же казнит Дон

Жуана за душевную опустошенность, за потерю самой потребности идеала, за полное равнодушие к людям. Этот тип аристократа, снявшего с себя всякую ответственность перед обществом и живущего трутнем, был Мольеру глубоко ненавистен. Отголоски этого авторского чувства слышны в укорах Сганареля: «Может, вы думаете... что все вам позволено и никто не смеет вам правду сказать? Узнайте же от меня, от своего слуги, что рано или поздно... дурная жизнь приводит к дурной смерти...» И хотя в этой отповеди слышна комическая интонация, но предсказанное в ней сбывается. Финал «Дон Жуана» широко известен: за этой театральной метафорой скрывается вполне определенная мысль о неизбежности суровой кары всякому, кто преступит законы человеческой морали.

Так в двух своих высоких комедиях, сохраняя верность заветам площадной сцены, сохраняя динамику действия и яркость красок, Мольер с тем большей силой показал, как поруганы величайшие идеалы прошлого — догматы христианства, ставшие маской ханжества, и кодекс рыцарской доблести, прикрывающей собой цинизм и насилие.

Но разрушился и идеал нового времени — первая заповедь гуманизма — человеколюбие. Новая комедия Мольера, написанная им в самый разгар битвы за «Тартюфа», называлась «Мизантроп» (1666). В отличие от Тартюфа и Дон Жуана, Альцест не имел литературных предтеч. Он был выращен в самой душе автора, он действовал в среде, где жил сам Мольер, и в те самые дни, когда шла борьба за пьесу о Лицемере.

Главный враг Альцеста существует за кулисами действия. Но из слов мольеровского протагониста вырисовывается фигура, во многом сходная с Тартюфом,— это лицемер, шантажист и клеветник, способный даже на арест Альцеста. Дело клеветника было явно неправым, но все оказалось так, что негодяй победил.

Он, задушив меня, добился своего —
Так ложь над истиной справляет торжество! —

возмущенно восклицает Альцест и тут же говорит, что свершившаяся несправедливость дозволяет ему

Кричать, что на земле царит неправда злая,
И ненавидеть всех отныне, не скрывая.

Впервые создается образ общественного борца и трибуна, чья главная цель — бросить в лицо общества горькие слова истины, во всеуслышанье сказать:

Везде предательство, измены, плутни, льстивость,
Повсюду гнусная царит несправедливость.

С такой речью Альцест обращается к своему приятелю Филинту. Последний же призывает Альцеста смириться с несовершенством человеческого рода и руководствоваться в своем поведении здравым смыслом, а не порывами сердца. Мольер, который сам нередко выводил на сцене здравомыслящих людей учителями жизни, теперь, в обстановке ожесточенной идейной борьбы, понимает унизительность позиции Филинта. Указывая на безнадежность борьбы против пороков, гнездящихся в обществе, здравый смысл полагал, что разумнее, охраняя себя от дурных проступков, жить, приноравливаясь к общественному мнению. Но такая философия, по существу, была не так уж далека от двуличия Тартюфа.

Яростный враг всякой кривизны души, Альцест отвечает Филинту:

Но раз вам по душе пороки наших дней
Вы, черт меня возьми, не из моих людей.

Своего героя Мольер изображал не столько в борьбе с реальными носителями зла, сколько в ожесточенных столкновениях с идейным противником,— смысл этой дуэли был очень важен: скрещивались разные концепции жизни.

Примиренчеству Филинта Альцест противопоставлял совершенно иные правила поведения:

Нет! Мы должны карать безжалостной рукой
Всю гнусность светской лжи и пустоты такой.
Должны мы быть людьми; пусть нашим отношеньям
Правдивость честная послужит украшеньем;
Пусть сердце говорит свободно, не боясь,
Под маской светскости трусливо не таясь.

Вспомним, что слова эти говорились в накаленной атмосфере борьбы за «Тартюфа», в которой поведение самого Мольера меньше всего напоминало осторожную позицию Филинта.

«Должны мы быть людьми» — это восклицание Альцеста было как бы ответом на фанатический вопль Оргона, называвшего «человеком» Тартюфа. В представлении «мизантропа» истинные люди — совсем иной породы:

Я родился с душой мятежной, непокорной,
И мне не преуспеть средь челяди придворной.
Дар у меня один: я искренен и смел,
И никогда людьми играть бы не сумел.
Кто прятать мысль свою и чувства не умеет,
Тот в этом обществе, поверьте, жить не смеет.

Драматизм ситуации был тем бóльшим, что одинокий и отчаянно протестующий человек становился в чем-то смешным. Его мизантропия делалась навязчивой страстью: презирая светское общество, он сгоряча клял уже все человечество, а неукоснительно сохраняя свою непримиримую позицию, приобретал славу неисправимого упрямца и хмурого человека.

В век рационализма и утонченной куртуазии такая пылкая и неуравновешенная натура в чем-то была даже комичной, и Мольер, сам исполнявший роль Альцеста, не скрывал этой стороны характера своего героя. Натуре Альцеста недоставало сдержанности: в любовных тирадах (он страстно любил умную, но холодную красавицу Селимену) и в литературных спорах (он критиковал светские вирши маркиза Оронта) чувства его перехлестывают через край, и он, оставаясь прав, сам легко попадал в смешное положение. Но не эти моменты определяли характер Альцеста, наделенный столь большой силой драматического напряжения, что именно на этом примере особенно заметно, что высокая комедия «нередко близко подходит к трагедии» (А. Пушкин). И это сближение происходит не только в силу драматического напряжения действия, но и в чисто театральном плане: динамика действия «Мизантропа» основана на тех же приемах острейших словесных столкновений, на борьбе противоположных идейных и нравственных концепций, что определяло театральный механизм жанра трагедии.

Вслед за «Мизантропом» Мольер пишет «Скупого» (1668), с центральным образом скряги Гарпагона, по силе сатирического накала сопоставимого только с фигурой Лицемера. Образ Скупого, созданный еще на заре классового общества римским комедиографом Плавтом и не раз повторенный в драматургии Возрождения, лишь под пером Мольера обрел наибольшую полноту: настало время, когда золотой кумир уже не нуждался в защитных масках и мог не считаться с моралью; пренебрегая сословной иерархией, он открыто и нагло господствовал над всем обществом. Одержимость Гарпагона вполне им осознана: он считает ее разумной и даже гордится ею, ибо может на деле испробовать могущество своего бога. Сознание Скупого целиком фетишизировано: не человек владеет золотом, а золото владеет человеком, его помыслами, чувствами, всей его жизнью. Отсюда и рождается комизм этой мрачной фигуры. Живя лишь для того, чтобы копить деньги, дрожа над каждым грошом, Гарпагон превращается в раба своей мелочной страсти. Он теряет всякий здравый смысл, становится маньяком скаредности и всеобщим посмешищем. Но при этом Скупой страшен, потому что в его руках сила всех сил буржуазного общества — деньги.

Отныне обличение уродующей силы денег становится важнейшей стороной творчества Мольера. В комедии-балете «Жорж Данден», завершающей рассматриваемое нами пятилетие, магической силой денег пытается воспользоваться зажиточный крестьянин Данден. Деньги позволяют ему обзавестись знатной женой и породниться с аристократами. И пусть он умней и честней новых родственников-дворян, все равно его человеческое достоинство унижено, потому что превосходство его определено не душевными качествами, а наличным капиталом. Доведенный до отчаяния цинизмом супруги и издевками аристократов, он готов броситься в колодец, а зал хоть и сочувствует бедняге, но одновременно и смеется над ним, приговаривая: «Tu l'as voulu, Georges Dandin»[1]. А театральные маски берут незадачливого крестьянина в свой веселый хоровод, и стихия карнавала тут не случайна: это остроумие площадной сцены, которое пускает свои стрелы в мужика, позорно утратившего свое человеческое достоинство и крестьянскую честь.

Наступил победный 1669 год — «Тартюф» с триумфом шел на парижской сцене Мольера; через год в Версале был показан со всей пышностью «Мещанин во дворянстве». В этой комедии-балете, как и в предсмертном «Мнимом больном», Мольер продолжал обличать новых хозяев жизни, самодовольных буржуа. Разжиревшие богатеи, Журден, возжелавший во что бы то ни стало быть аристократом, и Арган, помешавшийся на ценности здоровья своей особы, вдвойне комичны — и потому, что утеряв всякий разум, становятся «дойными коровами» для тех, кто потакает их причудам, и главным образом потому, что осмеяние страсти — у мещанина одворяниться, а у здоровяка излечиться,— остроумно использованы теми героями, которые выражают позицию автора и театра.

В обеих пьесах атмосферу комедийного действия разогревал раскатистый женский смех: служанка Николь громче всех хохотала над господином Журденом, а служанка Туанета, смеясь, дралась с господином Арганом подушками, им обеим веселым смехом отвечал зрительный зал. В театр врывалась стихия вольного веселья площади, и реальное действие комедии переходило в грандиозный розыгрыш ополоумевших мещан. Журден попадал в водоворот пародийного церемониала возведения в высший дворянский сан «мамамуши», а Арган становился центром «издевочного» посвящения в «мудриссими доктóрес, медицине профессóрес». На незадачливых героев напяливали шутовские колпаки, их колотили палками, заставляли творить всякие глупости и повторять любую чушь — и всё под видом ритуала «посвящения».

В этих карнавальных импровизациях инициаторами розыгрышей, управителями игр и главными исполнителями пародийных ролей были слуги. Их действия в финалах мольеровских комедий становились акциями буффонной Немезиды. Бесстрашно высмеивая, укоряя и стыдя своих господ, они, может быть, нарушали бытовую правду взаимоотношений челяди и хозяев, но зато великолепно передавали дух боевого протеста, смелость и здравость народных суждений, насмешку и презрение к паразитирующим господам жизни. И совершать все это им было тем легче, что они сохраняли в себе двуединство реальных образов и персонажей народной сцены. И если эволюция характера слуги (и служанки) в комедиях Мольера шла по линии усиления реалистических элементов роли, то ни один из этих типов не терял своей первородной связи с карнавалом и фарсом.

---

[1] «Ты этого хотел, Жорж Данден» — выражение, ставшее во французском языке пословичным.

Мольера всегда одушевлял принцип обнаженной театральности, открыто и увлеченно творимой игры, свойственной народной сцене. Знаменательно, что Маскариль, первый мольеровский слуга, по своей эстетической природе больше лицедей, чем реальный персонаж, находится в прямой связи с последним и самым современным творением Мольера этого рода — со Скапеном.

Герой «Плутней Скапена» (1671), помимо обычных черт слуги — остроты ума, энергии, знания жизни, оптимизма, наделен еще и чувством собственного достоинства. В своей критике господ Скапен вызывал открытое сочувствие зрителей, ибо действовал как разумный человек рядом с глупцами и простофилями старшего поколения и их беспомощными и легкомысленными отпрысками. Победы Скапена были особенно блистательны потому, что он был талантливейшим артистом, выдумщиком, острословом, нес в себе сакраментальный vis comica[1], унаследованный от далеких предков, зачинателей дерзкой и веселой плеяды театральных слуг — знаменитых дзани комедии дель арте.

Но существенно важным было и другое — в дерзновенных речах последнего мольеровского слуги можно предугадать следующий этап развития мировоззрения плебейского героя, когда начальные знания пороков дворянско-буржуазного общества приведут его к прямой потребности вступить в решительную борьбу с этими пороками. Доказательством тому служит Фигаро из комедий Бомарше, предтечей которого является деятельный, смелый и по-своему благородный и вольнолюбивый Скапен, сказавший о французском суде те слова суровой правды, которые Фигаро скажет о социальном строе дворянской Франции в целом.

* * *

Огромное историческое значение драматургической реформы Мольера выражено в том, что были сохранены главные силы народной сцены и на основе опыта классицистского театра создана комедия нового типа, определившая движение комедийного жанра на его пути к реализму.

Мольер больше, чем любой другой писатель XVII века, унаследовал опыт гуманистических традиций Возрождения, традиций Монтеня и

---

[1] Дух комического *(лат.)*.

Рабле, и одновременно обогатил свой творческий метод достижениями современной рационалистической мысли, а своим открытым демократизмом прокладывал французскому и мировому театру дорогу к самой широкой аудитории. Недаром о нем будет сказано: «Мольер едва ли не самый всенародный и поэтому прекрасный художник нового времени» (Л. Толстой) [1].

В таком же сложном сплетении унаследованного и вновь сотворенного складывались драматургические принципы театра Мольера. Он сохранил законы сгущенной характерности, идущей от маски, и насыщенный динамизм действия, свойственный народной сцене. Но рационализм и поэзия классицизма обуздывали комическую стихию, лишив ее самостийности и буффонной грубости и придав стремительно движущемуся сюжету строгую выверенность каждого его поворота. Гением Мольера гротеск был введен в систему новой эстетики, сделавшей комическую гиперболу условием типологического построения характера. Знаменитые сатирические типы Мольера содержали в себе данную, социально определенную страсть и открыто выраженное (отрицательное) отношение к этой страсти.

Но, возвысив комедию на уровень поэтического жанра классицизма, Мольер одновременно и выводил ее за пределы классицистской системы, обогатив ее значительным общественным содержанием, придав элементы драматизма, расковав строгую композиционную форму и добившись многообразия жанровых оттенков. Всем этим Мольер подготавливал дальнейшее сближение драмы с действительностью.

Драматургическая реформа Мольера была неотрывна и от реформы театрального аспекта новой комедии. Можно перечислить десятки комических приемов, заимствованных Мольером из арсенала народной клоунады. Причем веселые лацци существовали не только в фарсовых пьесах Мольера (к названным добавим еще «Господина де Пурсоньяка» и «Лекаря поневоле»), но и в его «высоких комедиях»; театральная игра могла врываться в самые драматические моменты действия. Но театральность мольеровских комедий не ограничивалась формами традиционного комизма, буффонной стилистикой. Комедия, обогащенная этической проблематикой, естественно сомкнулась с формами поэтического театра; создавая комедии для дворцового увеселения, Мольер порой хоть и отступал от завоеванных позиций, но эта его работа имела и свою положительную сторону [2]. Версаль еще сохранял свое «цивилизующее» влияние. Трагедия, пастораль, опера и балет пока что главным своим пристанищем имели двор. И комедия Мольера восприняла эту поэтическую культуру, найдя ей особый, слегка иронический оттенок, но сохранив самый язык, строй и ритм поэтического театра. Достаточно для этого вспомнить эпизоды любовных признаний молодых героев или полный сдержанной силы язык Альцеста или Селимены — и театральная природа этих сцен будет очевидной. Поэзия столь органично вошла в комедии Мольера, что они как элемент своей театральности вбирают в себя грациозные мелодии Люлли и пластические арабески Бошана, прославленных композитора и балетмейстера, именно в мольеровских спектаклях начавших свои поиски новых форм оперного и балетного театра.

---

[1] Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 30, Гослитиздат, М. 1951, стр. 161.

[2] Мы имеем в виду такого рода пьесы, как «Принцесса Элиды» (1664), «Мелисерта» (1666), «Комическая пастораль» (1667), «Блистательные любовники» (1670), «Психея» (1671).

Театральность комедий Мольера, осуществившая себя в синтезе буффонады и поэзии, имела своей основой жизненную правду — бытовую и психологическую,— отобранную и выраженную по строгим нормам рациональной эстетики. Собственно, в этом и было ядро органического для стиля Мольера реализма, и отсюда же протянутся нити, связывающие театральность мольеровских комедий с принципами современного нам синтетического театра.

Художественное богатство комедий Мольера огромно. На сцене середины XVII века в последний раз всеми своими красками сиял театр карнавала и площади, и в первый раз с подмостков была показана жизнь — семейная и общественная — в формах самой действительности. Такого рода единство свойственно только комедиям Мольера.

В прошлом — у Шекспира и Лопе де Вега — преобладала поэзия, она выражена была в героических или острокомедийных сюжетах, в душевном складе возвышенных или смешных персонажей, в патетике и острословии речи; поэзия была формой выражения правды.

Совсем по-другому будет строиться реалистическая драма; здесь возобладает правда: жизненно достоверные типические обстоятельства, правдиво очерченные характеры, выдержанная в прозаическом ключе речь — только так, через естественность, новая драма поднимется на свой высокий уровень, правда станет условием порождения поэзии.

И только у Мольера, повторяем, реализм и театральность, правда и поэзия равноправны: чем острей театральная форма комедий Мольера, тем сильней и ярче раскрыто их содержание.

Реформа Мольера свершила еще одно небывалое слияние: в единстве оказались гневная обличительная сатира и веселый жизнеутверждающий смех. И основа этого единства — оптимизм самого обличителя, непреклонная вера Мольера в нравственное здоровье народа, твердое знание того, что его комедии, показав современникам их недостатки и заставив людей смеяться над пороками общества, сделают их умней и лучше.

С этой верой Мольер прожил до последнего своего вздоха — и он умер фактически на сцене, через несколько часов после того, как снял с себя шутовской наряд «мнимого больного» Аргана, 17 февраля 1673 года.

Эта вера Мольера живет в его театре из века в век, живет как главный завет его гения.

Вот для какой великой цели Мольер совершил свою реформу. И посильной она была только гениальному художнику слова, одаренному еще и замечательным сценическим талантом, только «человеку театра» в самом полном и глубоком смысле этого слова.

Г. БОЯДЖИЕВ

СМЕШНЫЕ ЖЕМАННИЦЫ

КОМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

Странное дело: человека печатают без его согласия! По-моему, это высшая несправедливость; я готов простить любое другое насилие, только не это.

Я вовсе не собираюсь разыгрывать роль скромного автора и не за страх, а за совесть обливать презрением собственную комедию. Я бы ни с того ни с сего оскорбил весь Париж, обвинив его в том, что он аплодировал какой-то чепухе. Коль скоро публика является верховным судьей такого рода произведений, с моей стороны было бы дерзостью опорочить ее приговор. И будь я даже самого худшего мнения о своих *Смешных жеманницах* до появления их на сцене, теперь я должен был бы увериться в том, что они чего-нибудь да стоят, раз столько человек одновременно их похвалило. Но коль скоро значительною частью достоинств, найденных зрителями, моя комедия обязана мимике и интонациям актеров, я побоялся лишить ее этих украшений; я полагал, что успех, который она имела во время представления, достаточен и что им вполне можно удовлетвориться. Повторяю, я решил показывать ее только при свечах, чтобы не подавать кому-либо повода вспомнить известную пословицу; мне не хотелось, чтобы она перепорхнула из Бурбонского театра в галерею Суда. Все же я не смог этого избежать и, к вящему своему огорчению, увидел копию пьесы в руках книгопродавцев, а при ней — привилегию, добытую нахрапом. Я мог сколько душе угодно восклицать: «О времена! о нравы!» — мне ясно доказали, что я должен либо печататься, либо затеять тяжбу, а последнее зло еще горше первого. Итак, надо покориться судьбе и дать согласие на то, что все равно не преминули бы сделать и без моего позволения.

---

[1] Перевод Б. И. Ярхо.

Боже милостивый! Сколь затруднителен выпуск книги в свет, и как неопытен автор, впервые печатающийся! Если бы мне дали хоть немного времени, я успел бы позаботиться о себе и принял бы все меры предосторожности, которые господа писатели (отныне мои собратья) принимают в подобных случаях. Не говоря уже о том, что в покровители своего творения я взял бы какого-нибудь вельможу, щедрость коего я попытался бы искусить цветистым посвящением, я бы еще потщился составить прекрасное и высокоученое предисловие: у меня нет недостатка в книгах, которые снабдили бы меня всем, что можно в ученом стиле сказать о трагедии и комедии, об этимологии их названий, об их происхождении, сущности и т. д. Я поговорил бы кой с кем из моих друзей, которые для препоручения публике моей пьесы не отказали бы мне ни во французских, ни в латинских стихотворениях. Есть у меня и такие, которые восхвалили бы меня по-гречески; ведь ни для кого не тайна, что греческая похвала в начале книги обладает чудодейственной силой. Но меня выпускают в свет, не дав мне времени оглядеться, и я даже не могу добиться права сказать несколько слов, почему я выбрал именно этот сюжет для своей комедии. А между тем я хотел бы подчеркнуть, что она нигде не переступает границ сатиры пристойной и дозволенной; что наипохвальнейшие поступки подвергаются опасности подражания со стороны неумелых обезьян, которые вызывают смех; что скверные пародии на все, что есть самого совершенного, во все времена поставляли материал для комедии и что по той же причине истинно ученые и истинно мужественные люди еще ни разу не были в обиде на комедийного Доктора или Капитана, равно как судьи, князья и короли не оскорблялись, видя, как Тривелин или другой лицедей выставляет в смешном виде судью, князя или короля. Точно так же истинные прециозницы напрасно вздумали бы обижаться, когда высмеивают их смешных и неловких подражательниц. Но, как я уже сказал, мне не дают вздохнуть, и г-н де Люин собирается немедля отдать меня в переплет. Ну, в добрый час, раз уж на то воля божья!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Горжибюс — почтенный горожанин.
Мадлон — дочь Горжибюса
Като — племянница Горжибюса } жеманницы.
Лагранж
Дюкруази } отвергнутые поклонники.
Маротта — служанка жеманниц.
Альманзор — лакей жеманниц.
Маскариль — слуга Лагранжа.
Жодле — слуга Дюкруази.
Два носильщика с портшезом.
Люсиль
Селимена } соседки.
Скрипачи.
Наемные драчуны.

Действие происходит в Париже,
в доме Горжибюса.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лагранж, Дюкруази.

Дюкруази. Господин Лагранж!

Лагранж. К вашим услугам.

Дюкруази. А ну-ка, поглядите на меня, только прошу не смеяться.

Лагранж. Что вам угодно?

Дюкруази. Какого вы мнения о нашем визите? Много ли вы им довольны?

Лагранж. Я бы желал слышать ваше мнение. Довольны ли им вы?

Дюкруази. Откровенно говоря, не очень.

Лагранж. Я, признаюсь, глубоко возмущен. Помилуйте! Какие-то чванливые провинциалки жеманятся сверх всякой меры, обходятся свысока с порядочными людьми! Как это они еще догадались предложить нам кресла! И позволительно ли в нашем присутствии все время перешептываться, зевать, протирать глаза, поминутно спрашивать: «А который теперь час?» И на все вопросы ответ один: «да» или «нет»! Согласитесь, что, будь мы самыми ничтожными людьми на свете, и тогда нельзя было бы нам оказать худший прием, не так ли?

Дюкруази. Полноте! Вы уж не в меру чувствительны!

Лагранж. И точно, чувствителен. Настолько чувствителен, что хочу проучить этих девиц за дерзость. Я догадываюсь, почему они нами пренебрегают. Духом жеманства заражен не только Париж, но и провинция, и наши вертушки пропитаны им насквозь. Короче говоря, эти девицы представляют собой смесь жеманства с кокетством. Я понял, как удостоиться их благосклонности. Доверьтесь мне, и мы сыграем с ними такую шутку, что жеманницы сразу поймут, как они глупы, и научатся лучше разбираться в людях.

Дюкруази. А в чем состоит шутка?

Лагранж. Маскариль, мой слуга, слывет острословом; в наше время нет ничего легче, как прослыть острословом. У этого сумасброда мания строить из себя важного господина. Он воображает, что у него изящные манеры, он кропает стишки, а других слуг презирает и зовет их не иначе как скотами.

Дюкруази. Ну-ну, говорите! Что вы придумали?

Лагранж. Что я придумал? Вот видите ли... Нет, лучше поговорим об этом в другом месте.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Горжибюс.

Горжибюс. Ну что? Виделись вы с моей племянницей и дочкой? Дело идет на лад? Объяснились?

Лагранж. Спрашивайте об этом у них, а не у нас. Нам же остается только покорно поблагодарить вас за оказанную нам честь и уверить вас в нашей неизменной преданности.

Дюкруази. В нашей неизменной преданности.

Лагранж и Дюкруази уходят.

Горжибюс *(один)*. Те-те-те! Что-то они не очень довольны. Что за причина? Надобно разузнать. Эй!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Горжибюс, Маротта.

Маротта. Что прикажете, сударь?

Горжибюс. Где твои госпожи?

Маротта. У себя.

Горжибюс. Чем они заняты?

Маротта. Губной помадой.

Горжибюс. Довольно им помадиться. Позови-ка их сюда.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Горжибюс один.

Горжибюс. Негодницы со своей помадой, ей-ей, пустят меня по миру! Только и видишь, что яичные белки, девичье молоко и разные разности,— ума не приложу, на что им вся эта дрянь? За то время, что мы в Париже, они извели на сало, по крайней мере, дюжину поросят, а бараньими ножками, которые у них невесть на что идут, можно было бы прокормить четырех слуг.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Горжибюс, Мадлон, Като.

Горжибюс. Нечего сказать, стоит изводить столько добра на то, чтобы вылоснить себе рожу! Скажите-ка лучше, как вы обошлись с этими господами? Отчего они ушли с такими надутыми лицами? Я же вам сказал, что прочу их вам в мужья, и велел принять как можно любезнее.

Мадлон. Помилуйте, отец! Как могли мы любезно отнестись к неучтивцам, которые с нами так невежливо обошлись?

Като. Ах, дядюшка! Неужели хоть сколько-нибудь рассудительная девушка может примириться с их дурными манерами?

Горжибюс. А чем же они вам не угодили?

Мадлон. Хороша тонкость обращения! Начинать прямо с законного брака!

Горжибюс. С чего же прикажешь начать? С незаконного сожительства? Разве их поведение не лестно как для вас обеих, так и для меня? Что же может быть приятнее? Уж если они предлагают священные узы, стало быть, у них намерения честные.

Мадлон. Фи, отец! Что вы говорите? Это такое мещанство! Мне стыдно за вас,— вам необходимо хоть немного поучиться хорошему тону.

Горжибюс. Не желаю я подлаживаться под ваш тон. Сказано тебе: брак есть установление священное, и кто сразу же предлагает руку и сердце, тот, стало быть, человек порядочный.

Мадлон. О боже! Если бы все думали, как вы, романы кончались бы на первой же странице. Вот было бы восхитительно, если бы Кир сразу женился на Мандане, а Аронс без дальних размышлений обвенчался с Клелией!

Горжибюс. Это еще что за вздор?

Мадлон. Полноте, отец, вот и кузина скажет вам то же, что и я: в брак надобно вступать лишь после многих приключений. Если поклонник желает понравиться, он должен уметь изъяснять возвышенные чувства, быть нежным, кротким, страстным — одним словом, добиваясь руки своей возлюбленной, он должен соблюдать известный этикет. Хороший тон предписывает поклоннику встретиться с возлюбленной где-нибудь в церкви, на прогулке или на каком-нибудь народном празднестве, если только волею судеб друг или родственник не введет его к ней в дом, откуда ему надлежит выйти задумчивым и томным. Некоторое время он таит свою страсть от возлюбленной, однако ж продолжает ее посещать и при всяком удобном случае наводит разговор на любовные темы, предоставляя обществу возможность упражняться в остроумии. Но вот наступает час объяснения в любви; обычно это происходит в укромной аллее сада, вдали от общества. Признание вызывает у нас вспышку негодования, о чем говорит румянец на наших ланитах, и на короткое время наш гнев отлучает от нас возлюбленного. Затем он все же изыскивает средства умилостивить нас, приохотить нас понемногу к страстным излияниям и, наконец, вырвать столь тягостное для нас признание. Вот тут-то и начинаются приключения: козни соперников, препятствующих нашей прочной сердечной привязанности, тиранство родителей, ложные тревоги ревности, упреки, взрывы отчаяния и в конце концов похищение со всеми последствиями. Таковы законы хорошего тона, таковы правила ухаживания, следовать которым обязан светский любезник. Но пристало ли чуть не с первой встречи вступать в брачный союз, сочетать любовь с заключением брачного договора, роман начинать с конца? Повторяю вам, отец: это самое отвратительное торгашество. Мне делается дурно при одной мысли об этом.

Горжибюс. Что за дьявольский жаргон? Вот уж поистине высокий стиль!

Като. И точно, дядюшка: сестрица здраво о вещах судит. Пристало ли нам принимать людей, которые в хорошем тоне ровно ничего не смыслят? Я готова об заклад побиться, что эти неучтивцы никогда не видали карты Страны Нежности, что селения Любовные Послания, Любезные Услуги, Галантные Изъяснения и Стихотворные Красоты — это для них неведомые края. Ужели вы не замечаете, что самое обличье этих господ говорит об их необразованности и что вид у них крайне непривлекательный? Явиться на любовное свидание в чулках и панталонах одного цвета, без парика, в шляпе без перьев, в кафтане без лент! Ну и прелестники! Хорошо щегольство! Хорошо красноречие! Это невыносимо, это нестерпимо! Еще я заметила, что брыжи у них от плохой мастерицы, а панталоны на целую четверть у́же, чем принято.

Горжибюс. Неужто у них и впрямь рассудок помутился? Стрекочут, стрекочут — в толк не возьму, что они болтают. Слушай, Като, и ты, Мадлон...

Мадлон. Умоляю вас, отец: забудьте эти нелепые имена и зовите нас по-другому.

Горжибюс. То есть как — нелепые? Да ведь эти имена даны вам при крещении!

Мадлон. О боже мой! Как вы вульгарны! Поверить трудно, что такой отец, как вы, мог произвести на свет столь просвещенную дочь! Разве говорят в изящном стиле о каких-то Като и Мадлон? Согласитесь, что одно такое имя способно опошлить самый изысканный роман.

Като. Правда, дядюшка: от столь резких звуков мало-мальски музыкальное ухо невыразимо страдает. Зато имя Поликсена, избранное сестрицей, или Аминта, как я себя называю, отличается благозвучием, которого даже вы не сможете отрицать.

Горжибюс. Вот вам мое последнее слово: я знать не знаю никаких других имен, кроме тех, которые вам даны при крещении. Что же касается до господ, о которых идет речь, то мне хорошо известны их семейства, а также и достатки. Мой вам приказ: выходите за них замуж! Мне надоело с вами возиться: нянчить двух взрослых девиц — непосильное бремя для человека моих лет.

Като. Что до меня касается, дядюшка, то я одно могу сказать: я считаю замужество делом в высшей степени неблагопристойным. Можно ли свыкнуться с мыслью о том, чтобы лечь спать рядом с неодетым мужчиной?

Мадлон. Позвольте нам хоть немного подышать атмосферой парижского высшего общества,— давно ли мы расстались с провинцией? Позвольте нам самим завязать роман по взаимной склонности и не слишком торопите с развязкой.

Горжибюс *(в сторону)*. Дело ясное: совсем рехнулись. *(Громко.)* Я уж вам сказал: я ничего не понимаю в вашей болтовне, но я желаю быть полным хозяином в доме. Или вы без всяких разговоров пойдете под венец, или, черт возьми, я вас упрячу в монастырь! Помяните мое слово! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мадлон, Като.

Като. Ах, душенька! До какой степени у твоего отца дух погряз в материи! Сколь туп у него ум! Какой мрак в его душе!

Мадлон. Что делать, милочка! Он так меня конфузит! Представить себе трудно, что я его дочь. Я только и жду, что счастливый случай откроет тайну моего высокого происхождения.

Като. Я в этом уверена. По всем признакам ты знатного рода. И сама я, как погляжу на себя...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Маротта.

Маротта. Вот тут лакей чей-то пришел, спрашивает, дома ли вы, говорит, что его господин желает вас видеть.

Мадлон. Дура! Оставь ты свои мужицкие речи! Скажи: явился, мол, гонец и изволит спрашивать, дозволено ли будет его господину вас лицезреть.

Маротта. Чего захотели! Я не больно-то сильна в латыни и не учила эту, как ее, философию по великому Сириусу.

Мадлон. Какова дерзость! Просто невыносимо! Однако ж кто господин этого лакея?

Маротта. Он его назвал маркизом де Маскариль.

Мадлон. Ах, дорогая моя! Маркиз! Ступай же скажи, что мы принимаем. Конечно, это какой-нибудь салонный острослов, до которого дошли слухи о нас.

Като. Натурально, душенька!

Мадлон. Примем его тут, в зале: это будет приличнее, нежели приглашать его к нам наверх. Пойдем оправим слегка прическу и поддержим нашу репутацию. Скорее подай нам наперсника Граций!

Маротта. Ей-ей, не разберу, что это за зверь. Коли хотите, чтобы я вас поняла, говорите по-человечески.

Като. Принеси нам зеркало, невежда, да смотри не замарай стекла́ отражением своей образины.

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Маскариль, два носильщика.

Маскариль. Эй, носильщик! Ой-ой-ой-ой-ой-ой! Как видно, мошенники хотят переломать мне ребра о стены и о мостовую!

Первый носильщик. Тьфу, черт! Больно узкая дверь! Вы же сами приказали, чтобы мы вас втащили в дом.

Маскариль. А то как же? Ах, бездельники! Мог ли я допустить, чтобы на пышность моих перьев обрушилось безжалостное ненастье и чтобы на грязи отпечатались следы моих башмаков? Уберите прочь ваш портшез!

Второй носильщик. Так уж вы заплатите нам, ваша милость.

Маскариль. Что-о-о?

Второй носильщик. Я говорю, сударь, что нам следует с вас получить.

Маскариль *(дает ему пощечину)*. Мошенник! Требовать деньги со столь знатной особы?

Второй носильщик. Так-то вы платите бедным людям! Да разве вашей знатностью будешь сыт?

Маскариль. Но-но! Знайте свое место! Канальи еще смеют шутить со мною!

Первый носильщик (*вооружившись палкой от носилок)*. А ну, расплачивайтесь, да поживее!

Маскариль. Что-о?

Первый носильщик. Сию минуту давайте деньги, вот что!

Маскариль. Вот это разумная речь!

Первый носильщик. Поторапливайтесь!

Маскариль. Хорошо, хорошо! Тебя и послушать приятно, а тот мошенник несет такую околесицу! Получай! Довольно с тебя?

Первый носильщик. Нет, не довольно. Вы дали пощечину моему товарищу и... *(поднимает палку)*.

Маскариль. Потише, потише! Получай за пощечину. Миром от меня всего можно добиться. Теперь ступайте, а немного погодя зайдите за мной. Мне надобно быть в Лувре на вечернем приеме.

Носильщики уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Маскариль, Маротта.

Маротта. Мои госпожи сейчас выйдут, сударь.

Маскариль. Пускай не торопятся. Я расположился здесь со всеми удобствами и могу обождать.

Маротта. Вот и они. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Маскариль, Мадлон, Като.

Маскариль *(раскланиваясь)*. Сударыни! Вы, без сомнения, удивлены дерзостью моего поступка, однако ж эту неприятность на вас навлекла ваша слава. Высокие достоинства обладают для меня столь притягательной силой, что я всюду за ними гоняюсь.

Мадлон. Ежели вы гоняетесь за достоинствами, то не в наших владениях вам надлежит охотиться.

Като. В нашем доме достоинства впервые появились вместе с вами.

Маскариль. О, позвольте мне с этим не согласиться! Молва не погрешила против истины, отдав должное вашим совершенствам, и всему, что есть галантного в Париже, теперь крышка.

Мадлон. Ваша снисходительность делает вас излишне щедрым на похвалы, а потому мы с кузиной отказываемся принимать за истину сладость ваших лестных слов.

Като. Душенька! Надобно внести кресла.

Мадлон. Эй, Альманзор!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Альманзор.

Альманзор. Что прикажете, сударыня?

Мадлон. Поскорее вкатите сюда удобства собеседования.

Альманзор вкатывает кресла и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Маскариль, Мадлон, Като.

Маскариль. Но в безопасности ли я?

Като. Чего же вы опасаетесь?

Маскариль. Опасаюсь похищения моего сердца, посягательства на мою независимость. Я вижу, что эти глазки — отъявленные разбойники, они не уважают ничьей свободы и с мужскими сердцами обходятся бесчеловечно. Что за дьявольщина! Едва к ним приблизишься, как они занимают угрожающую позицию. Честное слово, я их боюсь! Я обращусь в бегство или потребую твердой гарантии в том, что они не причинят мне вреда.

Мадлон. Ах, моя дорогая, что за любезный нрав!

Като. Ну точь-в-точь Амилькар!

Мадлон. Вам нечего опасаться. Наши глаза ничего не злоумышляют, и сердце ваше может почивать спокойно, положившись на их щепетильность.

Като. Умоляю вас, сударь: не будьте безжалостны к сему креслу, которое вот уже четверть часа призывает вас в свои объятия, снизойдите к его желанию прижать вас к своей груди.

Маскариль *(приведя в порядок прическу и оправив наколенники)*. Ну-с, сударыни, что вы скажете о Париже?

Мадлон. Ах, что можно сказать о Париже? Нужно быть антиподом здравого смысла, чтобы не признать Париж кладезем чудес, средоточием хорошего вкуса, остроумия и изящества.

Маскариль. Я лично полагаю, что вне Парижа для порядочных людей несть спасения.

Като. Это неоспоримая истина.

Маскариль. Улицы, правда, грязноваты, но на то есть портшезы.

Мадлон. В самом деле, портшез — великолепное убежище от нападок грязи и ненастной погоды.

Маскариль. Часто ли вы принимаете гостей? Кто из острословов бывает у вас?

Мадлон. Увы! В свете мало еще о нас наслышаны, но успех нас ожидает: одна наша приятельница обещает ввести к нам в дом всех авторов *Собрания избранных сочинений.*

Като. И еще кое-кого из тех господ, которые слывут, как нам говорили, верховными судьями в области изящного.

Маскариль. Тут я могу быть вам полезен больше, чем кто-либо: все эти люди меня посещают. Да что там говорить: я еще в кровати, а у меня уже собралось человек пять острословов.

Мадлон. Ах, сударь, мы были бы вам признательны до крайних пределов признательности, если бы вы оказали нам такую любезность! Для того чтобы принадлежать к высшему обществу, необходимо со всеми этими господами познакомиться. В Париже только они и создают людям известность, а вы знаете, что для женщины довольно иногда простого знакомства с кем-нибудь из них, чтобы прослыть законодательницей мод, не обладая для того никакими качествами. Я же особенно ценю то, что в общении со столь просвещенными особами научаешься многим необходимым вещам, составляющим самую сущность остроумия. Каждый день узнаёшь от них какие-нибудь светские новости, тебе становится известен изящный обмен мыслей и чувств в стихах и прозе. Можешь сказать точно: такой-то сочинил лучшую в мире пьесу на такой-то сюжет, такая-то подобрала слова на такой-то мотив, этот сочинил мадригал по случаю удачи в любви, тот написал стансы по поводу чьей-то неверности, господин такой-то вчера вечером преподнес шестистишие девице такой-то, а она в восемь часов утра послала ему ответ, такой-то писатель составил план нового сочинения, другой приступил к третьей части своего романа, третий отдал свои труды в печать. Вот что придает цену в обществе, и, по моему мнению, кто всем этим пренебрегает, тот человек пустой.

Като. В самом деле, я нахожу, что особа, которая желает прослыть умницей, а всех четверостиший, которые сочинены в Париже за день, знать не изволит, достойна осмеяния. Я бы сгорела от стыда, если бы меня спросили, видела ли я то-то и то-то, и вдруг оказалось бы, что не видела.

Маскариль. Ваша правда, конфузно не принадлежать к числу тех, кто первыми узнают обо всем. Впрочем, не беспокойтесь: я хочу основать у вас в доме академию острословия и обещаю, что в Париже не будет ни одного стишка, которого вы бы не знали наизусть раньше всех. Я и сам упражняюсь в этом роде. Вы можете услышать, с каким успехом исполняются в лучших парижских альковах двести песенок, столько же сонетов, четыреста эпиграмм и свыше тысячи мадригалов моего сочинения, а загадок и стихотворных портретов я уж и не считаю.

Мадлон. Признаюсь, я ужасно люблю портреты. Что может быть изящнее!

Маскариль. Портреты сочинять труднее всего, тут требуется глубокий ум. Надеюсь, когда вы ознакомитесь с моей манерой письма, вы меня похвалите.

Като. А я страшно люблю загадки.

Маскариль. Это хорошее упражнение для ума. Не далее как нынче утром я сочинил четыре штуки и собираюсь предложить их вашему вниманию.

Мадлон. Мадригалы тоже имеют свою приятность, если они искусно сделаны.

Маскариль. На мадригалы у меня особый дар. В настоящее время я перелагаю в мадригалы всю римскую историю.

Мадлон. О, конечно, это будет верх совершенства! Когда ваш труд будет напечатан, пожалуйста, оставьте для меня хотя бы одну книжку.

Маскариль. Обещаю: каждая из вас получит по книжке в отличнейшем переплете. Печатать свои произведения — это ниже моего достоинства, но я делаю это для книгопродавцев: ведь они прямо осаждают меня, надобно же дать им заработать!

Мадлон. Воображаю, какое это наслаждение — видеть свой труд напечатанным!

Маскариль. Разумеется. Кстати, я должен прочесть вам экспромт, я сочинил его вчера у герцогини, моей приятельницы,— надобно вам знать, что я чертовски силен по части экспромтов.

Като. Именно экспромт есть пробный камень острословия.

Маскариль. Итак, прошу вашего внимания.

Мадлон. Мы превратились в слух.

Маскариль.

Ого! Какого дал я маху:
Я в очи вам глядел без страху,
Но сердце мне тайком пленили ваши взоры.
Ах, воры! воры! воры! воры!

Като. Верх изящества!

Маскариль. Все мои произведения отличаются непринужденностью, я отнюдь не педант.

Мадлон. Вы далеки от педантизма, как небо от земли.

Маскариль. Обратили внимание, как начинается первая строка? *Ого!* В высшей степени оригинально. *Ого!* Словно бы человек вдруг спохватился: *Ого!* Возглас удивления: *Ого!*

Мадлон. Я нахожу, что это *Ого!* чудесно.

Маскариль. А ведь, казалось бы, сущий пустяк!

Като. Помилуйте! Что вы говорите? Таким находкам цены нет.

Мадлон. Конечно! Я бы предпочла быть автором одного этого *Ого!*, нежели целой эпической поэмы.

Маскариль. Ей-богу, у вас хороший вкус.

Мадлон. О да, недурной!

Маскариль. А что вы скажете о выражении: *дал я маху? Дал я маху,* иначе говоря, не обратил внимания. Живая разговорная речь: *дал я маху. Я в очи вам глядел без страху*, глядел доверчиво, наивно, как бедная овечка, любовался вами, не отводил от вас очей, смотрел не отрываясь. *Но сердце мне тайком...* Как вам нравится это *тайком*? Хорошо придумано?

Като. Великолепно.

Маскариль. *Тайком*, то есть исподтишка. Кажется, будто кошка незаметно подкрадывается к мышке.

Мадлон. Настоящее откровение.

Маскариль. *Пленили ваши взоры.* Взяли в плен, похитили. *Ах, воры! воры! воры! воры!* Не правда ли, так и представляешь себе человека, который с криком бежит за вором: *Ах, воры! воры! воры! воры!*

Мадлон. Остроумие и изящество оборота неоспоримы.

Маскариль. Я сам придумал мотив и хочу вам спеть.

Като. Вы и музыке учились?

Маскариль. Я? Ничуть не бывало.

Като. А как же в таком случае?

Маскариль. Люди нашего круга умеют все, не будучи ничему обучены.

Мадлон *(к Като)*. Конечно, душенька!

Маскариль. Как вам нравится мелодия? Кха, кха... Ла-ла-ла! Скверная погода нанесла жестокий ущерб нежности моего голоса. Ну, куда ни шло, тряхнем стариной. *(Поет.) Ого! Какого я дал маху!*

Като. Ах, какая страстная мелодия! Можно умереть от восторга!

Мадлон. В ней есть нечто хроматическое.

Маскариль. А вы не находите, что музыка хорошо передает мысль? *Ах, воры!..* Как бы вопль отчаяния: *Ах, воры!..* А потом будто у человека захватило дыхание: *воры! воры! воры!*

Мадлон. Вот что значит проникнуть во все тонкости, в тончайшие тонкости, в тонкость тонкости! Чудо как хорошо, уверяю вас. Я в восторге и от слов и от музыки.

Като. Произведения равной силы я не слышала.

Маскариль. Природе одолжен я искусством слагать стихи, а не учению.

Мадлон. Природа обошлась с вами, как любящая мать: вы ее баловень.

Маскариль. Как же вы все-таки проводите время?

Като. Никак.

Мадлон. До встречи с вами у нас был великий пост по части развлечений.

Маскариль. Ежели позволите, я в ближайшие дни свезу вас в театр: дают новую комедию, и мне было бы очень приятно посмотреть ее вместе с вами.

Мадлон. От таких вещей не отказываются.

Маскариль. Но только я вас прошу, хлопайте хорошенько, когда будете смотреть пьесу: дело в том, что я обещал обеспечить комедии успех,— еще нынче утром автор приезжал меня об этом просить. Здесь такой обычай: к нам, людям знатным, авторы приходят читать свои произведения, чтобы мы их похвалили и создали им славу. А уж если мы высказали свое мнение, то, судите сами, посмеет ли партер возражать? Я, например, всегда свое слово держу, и если уж обещал поэту, то и кричу: «Прекрасно!» — когда еще в театре не зажигали свечей.

Мадлон. Ах, не говорите! Париж — восхитительный город! Тут на каждом шагу происходят такие вещи, о которых в провинции не подозревают самые просвещенные женщины.

Като. Довольно, довольно, теперь нам все ясно: теперь мы знаем, как нужно вести себя в театре, и будем громко выражать свое восхищение по поводу каждого слова.

Маскариль. Возможно, я ошибаюсь, но в вашей наружности все обличает автора комедии.

Мадлон. Пожалуй, вы отчасти правы.

Маскариль. Вот как? Ну так давайте же посмотрим ее на сцене. Между нами, я тоже сочинил комедию и хочу поставить ее.

Като. А каким актерам вы доверите сыграть вашу комедию?

Маскариль. Что за вопрос? Актерам Бургундского отеля. Только они и способны оттенить достоинства пьесы. В других театрах актеры невежественны: они читают стихи, как говорят, не умеют завывать, не умеют, где нужно, остановиться. Каким же манером узнать, хорош ли стих, ежели актер не сделает паузы и этим не даст вам понять, что пора подымать шум?

Като. В самом деле, всегда можно заставить зрителя почувствовать красоты произведения: всякая вещь ценится в зависимости от того, какую цену ей дают.

Маскариль. Что вы скажете об отделке моего костюма? Подходит ли она к моему кафтану?

Като. Вполне.

Маскариль. Хорошо ли подобрана лента?

Мадлон. Прямо ужас как хорошо! Настоящий Пердрижон!

Маскариль. А наколенники?

Мадлон. Просто загляденье!

Маскариль. Во всяком случае, могу похвалиться: они у меня на целую четверть шире, чем теперь носят.

Мадлон. Признаюсь, мне никогда еще не приходилось видеть, чтобы наряд был доведен до такого изящества.

Маскариль. Прошу обратить внимание вашего обоняния на эти перчатки.

Мадлон. Ужасно хорошо пахнут!

Като. Мне еще не случалось вдыхать столь изысканный аромат.

Маскариль. А вот это? *(Предлагает им понюхать свой напудренный парик.)*

Мадлон. Дивный запах! В нем сочетается возвышенное и усладительное.

Маскариль. Но вы ничего не сказали о моих перьях. Как вы их находите?

Като. Страх как хороши!

Маскариль. А вы знаете, что каждое перышко стоит луидор? Такая уж у меня привычка: набрасываюсь на все самое лучшее.

Мадлон. Право же, у нас с вами вкусы сходятся. Я страшно щепетильна насчет туалета и люблю, чтобы все, что я ношу, вплоть до чулок, было от лучшей мастерицы.

Маскариль *(неожиданно вскрикивает)*. Ай-ай-ай, осторожней! Убей меня бог, сударыня, так не поступают! Я возмущен таким обхождением: это нечестная игра.

Като. Что с вами? Что случилось?

Маскариль. Как — что случилось? Две дамы одновременно нападают на мое сердце! С обеих сторон! Это противно международному праву. Силы неравны, я готов кричать «караул»!

Като. Нельзя не признать, что у него совершенно особая манера выражаться.

Мадлон. Обворожительный склад ума!

Като. У вас пугливое воображение: сердце ваше истекает кровью, не будучи ранено.

Маскариль. Кой черт не ранено — все искрошено с головы до пят!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Маротта.

Маротта *(к Мадлон)*. Сударыня! Вас желают видеть.

Мадлон. Кто?

Маротта. Виконт де Жодле.

Маскариль. Виконт де Жодле?

Маротта. Да, сударь.

Като. Вы с ним знакомы?

Маскариль. Это мой лучший друг.

Мадлон. Проси, проси!

Маротта уходит.

Маскариль. Последнее время мы с ним не виделись, потому-то я особенно рад этой случайной встрече.

Като. Вот он.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Маскариль, Мадлон, Като, Жодле, Маротта, Альманзор.

Маскариль. А, виконт!

Жодле *(обнимает его)*. А, маркиз!

Маскариль. Как я рад тебя видеть!

Жодле. Какая приятная встреча!

Маскариль. Ну обнимемся еще разок, прошу тебя!

Мадлон *(к Като)*. Ангел мой! Мы начинаем входить в моду, вот и высший свет нашел к нам дорогу.

Маскариль. Сударыни! Позвольте представить вам этого дворянина, ей-ей, он достоин знакомства с вами!

Жодле. Справедливость требует воздать вам должное, прелести же ваши предъявляют суверенные права на людей всех званий.

Мадлон. Учтивость ваша доходит до крайних пределов лести.

Като. Нынешний день отмечен будет в нашем календаре как наисчастливейший.

Мадлон *(Альманзору)*. Эй, мальчик! Сколько раз надо повторять одно и то же? Ужели ты не видишь, что требуется приумножение кресел?

Маскариль. Да не удивляет вас виконт своим видом: он только что перенес болезнь, которая и придала бледность его физиономии.

Жодле. То плоды ночных дежурств при дворе и тягостей военных походов.

Маскариль. Известно ли вам, сударыни, что виконт — один из славнейших мужей нашего времени? Вы видите перед собой лихого рубаку.

Жодле. Вы, маркиз, тоже лицом в грязь не ударите. Знаем мы вас!

Маскариль. Это правда: нам с вами не раз приходилось бывать в переделках.

Жодле. И в переделках довольно-таки жарких.

Маскариль *(глядя на Като и Мадлон)*. Но не столь жарких, как нынешняя. Ай-ай-ай!

Жодле. Мы с ним познакомились в армии: в то время маркиз командовал кавалерийским полком на мальтийских галерах.

Маскариль. Совершенно верно. Но только вы, виконт, вступили в службу раньше меня. Насколько я помню, вы командовали отрядом в две тысячи всадников, когда я еще был младшим офицером.

Жодле. Война — вещь хорошая, но, по правде сказать, в наше время двор мало ценит таких служак, как мы с вами.

Маскариль. Вот потому-то я и хочу повесить шпагу на гвоздь.

Като. А я, признаюсь, безумно люблю военных.

Мадлон. Я тоже их обожаю, но только мой вкус — это сочетание храбрости с тонкостью ума.

Маскариль. А помнишь, виконт, тот люнет, который мы захватили при осаде Арраса?

Жодле. Какое там *люнет!* Полную луну!

Маскариль. Пожалуй, ты прав.

Жодле. Кто-кто, а я-то это хорошо помню. Меня тогда ранило в ногу гранатой, и сейчас еще виден рубец. Сделайте милость, пощупайте! Чувствуете, каков был удар?

Като *(пощупав ему ногу)*. В самом деле, большой шрам.

Маскариль. Пожалуйте вашу ручку и пощупайте вот тут, на самом затылке. Чувствуете?

Мадлон. Да, что-то чувствую.

Маскариль. Это мушкетная рана, которая была мне нанесена во время последнего похода.

Жодле *(обнажает грудь)*. А вот тут я был ранен пулей навылет в бою при Гравелине.

Маскариль *(взявшись за пуговицу панталон)*. Теперь я вам покажу самое страшное повреждение.

Мадлон. Не нужно, мы верим вам на слово.

Маскариль. Почетные эти знаки являются моей лучшей рекомендацией.

Като. Ваше обличье говорит само за себя.

Маскариль. Виконт! Карета тебя ожидает?

Жодле. Зачем?

Маскариль. Недурно было бы прокатиться с дамами за город и угостить их.

Мадлон. Сегодня нам никак нельзя отлучиться из дому.

Маскариль. Ну так пригласим скрипачей, потанцуем.

Жодле. Славно придумано, ей-ей!

Мадлон. Вот это с удовольствием. Но только желательно пополнить нашу компанию.

Маскариль. Эй, люди! Шампань, Пикар, Бургиньон, Каскаре, Баск, Ла Вердюр, Лорен, Провансаль, Ла Вьолет! Черт побери всех лакеев! Кажется, ни у одного французского дворянина нет таких нерадивых слуг, как у меня! Канальи вечно оставляют меня одного.

Мадлон. Альманзор! Скажи людям господина маркиза, чтоб они позвали скрипачей, а сам пригласи наших соседей, кавалеров и дам, чтобы они заселили пустыню нашего бала.

Альманзор уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Маскариль, Мадлон, Като, Жодле, Маротта.

Маскариль. Виконт! Что скажешь ты об этих глазках?

Жодле. А ты сам, маркиз, какого о них мнения?

Маскариль. Я полагаю, что нашей свободе несдобровать. Я, по крайней мере, чувствую странное головокружение, сердце мое висит на волоске.

Мадлон. Как натурально он выражается! Он умеет всему придать приятность.

Като. Он до ужаса расточителен в своем остроумии.

Маскариль. В доказательство того, что я говорю правду, я вам тут же сочиню экспромт. *(Обдумывает.)*

Като. Ах, троньтесь мольбою моего сердца: сочините что-нибудь в нашу честь!

Жодле. Я сам охотно сочинил бы стишок, да поэтическая жилка у меня немножко не в порядке по причине многочисленных кровопусканий, которым я за последнее время подвергался.

Маскариль. Что за дьявольщина! Первый стих мне всегда отлично удается, а вот дальше дело не клеится. Право, всему виною спешка. На досуге я сочиню вам такой экспромт, что вы диву дадитесь.

Жодле. Чертовски умен!

Мадлон. И какие изящные, какие изысканные обороты речи!

Маскариль. Послушай, виконт: как давно ты не видел графиню?

Жодле. Я не был у нее недели три.

Маскариль. Ты знаешь, сегодня утром меня навестил герцог, хотел увезти с собой в деревню поохотиться на оленей.

Мадлон. А вот и наши подруги.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Те же, Люсиль, Селимена, Альманзор и скрипачи.

Мадлон. Ах, душеньки! Извините нас, пожалуйста! Господину маркизу и господину виконту пришла фантазия воодушевить наши ножки, и мы пригласили вас, чтобы заполнить пустоты нашего собрания.

Люсиль. Мы очень вам признательны.

Маскариль. Ну, этот бал вышел у нас на скорую руку, а вот на днях мы зададим пир по всем правилам. Скрипачи пришли?

Альманзор. Пришли, сударь.

Като. Ну, душеньки, занимайте места.

Маскариль *(танцует один, как бы в виде прелюдии к танцам)*. Ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла!

Мадлон. Как он хорошо сложен!

Като. И, как видно, танцор изрядный.

Маскариль *(пригласив Мадлон)*. Свобода моя танцует куранту заодно с ногами. В такт, скрипки! В такт! О невежды! Под их музыку много не натанцуешь. Дьявол вас побери! Неужто не можете выдержать такт? Ла-ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла! Живее! Эх, деревенщина!

Жодле *(танцует)*. Эй, вы! Замедлите темп! Я еще не вполне оправился после болезни.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Те же, Лагранж и Дюкруази.

Лагранж *(с палкой в руке)*. Ах, мошенники! Что вы тут делаете? Мы вас три часа разыскиваем.

Маскариль. Ой-ой-ой! Насчет побоев у нас с вами уговору не было.

Жодле. Ой-ой-ой!

Лагранж. Куда как пристало такому негодяю, как ты, разыгрывать вельможу!

Дюкруази. Вперед тебе наука: знай свое место.

Лагранж и Дюкруази уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Маскариль, Мадлон, Като, Жодле, Маротта, Люсиль, Селимена, Альманзор, скрипачи.

Мадлон. Что все это означает?

Жодле. Мы держали пари.

Като. Как? Вы позволяете себя бить?

Маскариль. Бог мой, я изо всех сил сдерживался! А то ведь я вспыльчив и легко мог выйти из себя.

Мадлон. Снести такое оскорбление в нашем присутствии!

Маскариль. Э, пустое! Давайте лучше танцевать. Мы с ними старые знакомые, а друзьям пристало ли обижаться из-за таких пустяков?

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Те же, Лагранж и Дюкруази, потом наемные драчуны.

Лагранж. Ну, канальи! Сейчас вам будет не до шуток! Эй, войдите!

Входят драчуны.

Мадлон. Какая, однако ж, дерзость таким манером врываться в наш дом!

Дюкруази. Можем ли мы, сударыни, оставаться спокойными, когда наших лакеев принимают лучше, чем нас, когда они за наш счет любезничают с вами и закатывают вам балы?

Мадлон. Ваши лакеи?

Лагранж. Да, наши лакеи. И как это дурно, как это неприлично с вашей стороны, что вы нам их портите!

Мадлон. О небо, какая наглость!

Лагранж. Но впредь им не придется щеголять в наших нарядах и пускать вам пыль в глаза. Желаете их любить? Воля ваша, любите, но только уж ради их прекрасных глаз. *(Драчунам.)* А ну, разденьте их!

Жодле. Прощай, наше щегольство!

Маскариль. Пропали и графство и маркизат!

Дюкруази. Ах, негодяи! И вы осмелились с нами тягаться? Нет, довольно! Подите еще у кого-нибудь поищите приманок для ваших красоток.

Лагранж. Мало того, что заняли наше место, да еще вырядились в наше платье!

Маскариль. Ах, фортуна, до чего же ты непостоянна!

Дюкруази. Ну-ну, поживее! Снимайте с них все до последней тряпки.

Лагранж. Сейчас же уберите все это. Теперь, сударыни, ваши кавалеры приобрели свой натуральный вид, и вы можете продолжать любезничать с ними сколько вам угодно. Мы предоставляем вам полную свободу и уверяем вас, что совсем не будем ревновать.

Лагранж и Дюкруази уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Маскариль, Мадлон, Като, Жодле, Маротта,
Люсиль, Селимена, Альманзор, скрипачи.

Като. Ах, какой конфуз!

Мадлон. Я вне себя от досады!

Один из скрипачей *(Маскарилю)*. Вот тебе на! А кто же нам заплатит?

Маскариль. Обратитесь к господину виконту.

Один из скрипачей *(к Жодле)*. Кто же с нами расчитается?

Жодле. Обратитесь к господину маркизу.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Те же и Горжибюс.

Горжибюс. Ах, мерзавки! Наделали же вы дел, как я погляжу! Эти господа такого мне о вас наговорили!

Мадлон. Отец! С нами сыграли крайне обидную шутку.

Горжибюс. И точно, шутка обидная, а все из-за вашей чванливости, негодницы! Прием, который вы оказали этим господам, оскорбил их, а я, несчастный, глотай обиду!

Мадлон. О, клянусь, мы будем отомщены, или я умру от огорчения! А вы, нахалы, еще смеете торчать тут после всего, что произошло?

Маскариль. Так-то обходятся с маркизом! Вот он, высший свет: малейшая неудача — и те, что еще вчера вами восхищались, нынче вас презирают. Идем, приятель, поищем счастья в другом месте. Я вижу, здесь дорожат мишурным блеском и не ценят добродетели без прикрас.

Маскариль и Жодле уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Мадлон, Като, Маротта, Люсиль, Селимена, Альманзор, скрипачи, Горжибюс.

Один из скрипачей. Сударь! Хоть бы вы расплатились с нами, не напрасно же мы старались!

Горжибюс *(колотит их)*. Ладно, ладно, расплачусь вот этой самой монетой! А вы, негодницы, скажите «спасибо», что я не разделался таким же манером и с вами. Теперь мы станем притчей во языцех, всеобщим посмешищем — вот до чего довели ваши причуды! Прочь с глаз моих, бесстыдницы! Не хочу я вас больше знать! А вы, виновники их помешательства,— пустые бредни, пагубные забавы праздных умов: романы, стихи, песни, сонеты и сонетишки,— ну вас ко всем чертям!

БРАК ПОНЕВОЛЕ

КОМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сганарель.
Жеронимо.
Доримена — молодая кокетка, невеста Сганареля.
Алькантор — отец Доримены.
Альсид — брат Доримены.
Ликаст — молодой человек, влюбленный в Доримену.
Панкрас — ученый, последователь Аристотеля.
Марфуриус — ученый, последователь Пиррона.
Две цыганки.
Лакей Доримены.

Действие происходит на городской площади.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сганарель один.

Сганарель *(обращаясь к тем, кто находится в его доме)*. Я скоро вернусь. Следите за домом, глядите, чтоб все было в полном порядке. Если кто-нибудь принесет мне денег, скорей бегите за мной к господину Жеронимо; если же кто-нибудь ко мне придет за деньгами, то скажите, что я на целый день ушел из дому.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сганарель, Жеронимо.

Жеронимо *(услыхав последние слова Сганареля)*. В высшей степени мудрое распоряжение.

Сганарель. А, господин Жеронимо, весьма кстати! Я как раз шел к вам.

Жеронимо. Чем могу служить?

Сганарель. У меня есть кое-что на уме, и я хотел с вами посоветоваться.

Жеронимо. Сделайте одолжение. Очень удачно вышло, что мы с вами встретились: здесь никто не помешает нашей беседе.

Сганарель. Наденьте же шляпу, прошу вас. Видите ли, мне предлагают одну важную вещь, и не посоветоваться в таком деле с друзьями было бы с моей стороны неосмотрительно.

Жеронимо. Мне очень лестно, что вы остановили свой выбор на мне. Я вас слушаю.

Сганарель. Но только умоляю: не щадите меня, говорите со мной начистоту.

Жеронимо. Как вам будет угодно.

Сганарель. Ничего не может быть хуже, когда ваш друг с вами неоткровенен.

Жеронимо. Вы правы.

Сганарель. А в наш век прямодушные друзья встречаются редко.

Жеронимо. Это верно.

Сганарель. Обещайте же, господин Жеронимо, что вы мне все выскажете вполне чистосердечно.

Жеронимо. Обещаю.

Сганарель. Дайте честное слово.

Жеронимо. Вот вам честное слово друга. Скажите же, наконец, что у вас такое.

Сганарель. Я, собственно, хотел бы знать ваше мнение, правильно ли я поступлю, если женюсь.

Жеронимо. Кто, вы?

Сганарель. Да, я, самолично, своею собственной персоной. Как вы на это смотрите?

Жеронимо. Прежде всего я хотел бы задать вам один вопрос.

Сганарель. Какой?

Жеронимо. Сколько вам теперь может быть лет?

Сганарель. Мне?

Жеронимо. Да, вам.

Сганарель. Честное слово, не знаю, но чувствую я себя превосходно.

Жеронимо. Что такое? Вы даже приблизительно не знаете, сколько вам лет?

Сганарель. Не знаю. Да разве о таких вещах когда-нибудь думают?

Жеронимо. А скажите на милость, сколько вам было лет, когда мы с вами познакомились?

Сганарель. Да лет двадцать, пожалуй, было.

Жеронимо. Сколько времени провели мы вместе в Риме?

Сганарель. Восемь лет.

Жеронимо. Как долго вы прожили в Англии?

Сганарель. Семь лет.

Жеронимо. А в Голландии, куда вы потом переехали?

Сганарель. Пять с половиной.

Жеронимо. А как давно вы вернулись сюда?

Сганарель. Вернулся я в пятьдесят втором году.

Жеронимо. А теперь шестьдесят четвертый,— следственно, если не ошибаюсь, прошло двенадцать лет. Да пять лет в Голландии — итого семнадцать, да семь в Англии — итого двадцать четыре, да восемь мы вместе прожили в Риме — итого тридцать два, да вам уже было двадцать лет, когда мы познакомились,— выходит как раз пятьдесят два года. Итак, господин Сганарель, из ваших же собственных показаний явствует, что сейчас вам года пятьдесят два — пятьдесят три.

Сганарель. Кому? Мне? Быть того не может.

Жеронимо. Бог мой, да высчитали-то мы с вами правильно! Так вот, исполняя свое обещание, я вам скажу откровенно, как другу, что женитьба — не для вас. Это такой шаг, на который и молодым людям следует решаться лишь по зрелом размышлении, что же касается людей вашего возраста, то у них и мыслей таких не должно быть. И если верно, что величайшее из всех безумств — женитьба, то высшая, на мой взгляд, нелепость — совершать подобные безумства как раз в ту пору, когда от нас можно требовать большей рассудительности. Итак, я вам ясно изложил свое мнение. Я советую вам оставить всякую мысль о браке: вы были бы величайшим чудаком на свете, когда бы решились променять свободу, которою вы сейчас пользуетесь, на самую тяжелую из всех цепей.

Сганарель. А я вам на это скажу, что я твердо решил жениться, и если я возьму в жены ту именно девушку, которую я сватаю, то никому это чудачеством не покажется.

Жеронимо. Ну, тогда другое дело! Вы мне об этом ничего не говорили.

Сганарель. Эта девушка мне нравится, и я люблю ее всей душой.

Жеронимо. Любите всей душой?

Сганарель. Разумеется, и я уже просил у отца ее руки.

Жеронимо. Просили ее руки?

Сганарель. Да. Свадьба должна состояться сегодня же вечером. Я дал слово.

Жеронимо. Ну так женитесь! Тут уж я ничего не могу сказать.

Сганарель. Не такой я человек, чтобы отступиться от того, что задумал! Вы, верно, полагаете, господин Жеронимо, что я уж и мечтать не способен о жене? Оставим в покое мои лета, давайте посмотрим, как все обстоит на самом деле. Найдете ли вы тридцатилетнего мужчину, который на вид был бы свежее и бодрее меня? Разве я не так же легок в движениях, как прежде? Разве по мне заметно, что я не могу передвигаться иначе как в каретах или же в портшезах? Разве у меня не великолепные зубы? *(Показывает зубы.)* Разве я не ем четыре раза в день с большим аппетитом? И у кого еще вы найдете такой здоровый желудок, как у меня? *(Кашляет.)* Кха-кха-кха! Ну-с? Что вы на это скажете?

Жеронимо. Ваша правда, я ошибался. Вам хорошо было бы жениться.

Сганарель. Прежде я и сам был против, но теперь у меня есть важные причины. Помимо радости обладания прелестной женщиной, которая станет меня миловать, ласкать, ухаживать за мной, когда я приду домой усталый,— так вот, не говоря уже об этой радости, тут есть еще одно соображение: ведь если я останусь холостяком, то род Сганарелей по моей вине прекратится. Если же я женюсь, то у меня явится возможность возродиться в других созданиях, мне подобных: я буду иметь удовольствие видеть существа, которые произошли от меня, их маленькие личики, похожие на меня как две капли воды, и они вечно будут играть в моем доме, станут кричать мне: «Папа!», когда я буду возвращаться из города, и тут же наговорят мне всяких очаровательных глупостей. Право, мне уже кажется, что все это так и есть и что вокруг меня резвится с полдюжины ребятишек.

Жеронимо. Это и в самом деле ни с чем не сравнимое наслаждение, и я вам советую жениться как можно скорее.

Сганарель. Правда, советуете?

Жеронимо. Конечно. Лучше вы ничего не можете придумать.

Сганарель. Честное слово, я в восторге, что вы мне даете такой истинно дружеский совет.

Жеронимо. А скажите, пожалуйста, кто эта особа, на которой вы собираетесь жениться?

Сганарель. Доримена.

Жеронимо. Доримена? Та самая молодая девушка, такая изящная и такая нарядная?

Сганарель. Да.

Жеронимо. Дочь господина Алькантора?

Сганарель. Вот именно.

Жеронимо. Сестра некоего Альсида, который вступил в военную службу?

Сганарель. Она самая.

Жеронимо. Вот это я понимаю!

Сганарель. Что вы на это скажете?

Жеронимо. Блестящая партия! Женитесь немедленно.

Сганарель. Значит, я сделал хороший выбор?

Жеронимо. Несомненно. Ах, как вы удачно женитесь! Не мешкайте же с этим делом.

Сганарель. Вы меня чрезвычайно ободрили. Позвольте поблагодарить вас за совет и пригласить нынче вечером ко мне на свадьбу.

Жеронимо. Непременно приду, но только, для пущей торжественности, в маске.

Сганарель. Будьте здоровы.

Жеронимо *(про себя)*. Юная Доримена, дочь Алькантора, выходит за Сганареля, которому всего каких-нибудь пятьдесят три года! Великолепный брак! Великолепный брак! *(Уходя, несколько раз повторяет последние слова.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сганарель один.

Сганарель. Уж верно, мой брак будет счастливым: всех-то он радует, с кем про него ни заговоришь — все смеются. Нет теперь на свете никого счастливее меня.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сганарель, Доримена.

Доримена *(в глубине сцены, обращаясь к мальчику-лакею, который идет за нею следом)*. Ну-ну, мальчик, держи хорошенько шлейф и оставь свои шалости.

Сганарель *(увидев Доримену, про себя)*. Вот и моя избранница. Ах, как мила! Какое личико, какая фигурка! Кто бы не польстился на такую невесту? *(Доримене.)* Куда вы направляетесь, очаровательная крошка, будущая дорогая супруга будущего вашего супруга?

Доримена. Я иду за покупками.

Сганарель. Итак, моя красоточка, наконец-то мы с вами будем наслаждаться полным счастьем! Вы уже не вправе будете в чем-либо мне отказать, я смогу делать с вами все, что угодно, и никого это не будет коробить. Вы будете принадлежать мне вся, с головы до ног, и я окажусь обладателем всего: ваших живых глазок, задорного носика, соблазнительных губок, обворожительных ушек, прелестного подбородочка, пышненькой груди... Словом, вся ваша особа будет отдана мне во власть, и ласкать я вас буду, как мне заблагорассудится. Ведь вы довольны, что выходите за меня замуж, милая моя куколка?

Доримена. Очень довольна, клянусь вам! Дело в том, что отец был со мной неизменно суров и до последнего времени держал меня в невыносимой строгости. Меня уже давно бесит, что он стесняет мою свободу, и я часто мечтала выйти замуж, для того чтобы не подчиняться больше родительской воле и жить по-своему. Слава богу, на мое счастье подвернулись вы, и теперь я только и думаю о том, как я буду веселиться и наверстывать упущенное. Вы человек вполне светский, знаете, как нужно жить, и я думаю, что из нас с вами выйдет отличная пара; ведь вы, конечно, не превратитесь в того несносного мужа, который хочет сделать из своей жены какую-то буку. Заранее вам говорю, что это мне совсем не по душе, жизнь уединенная приводит меня в отчаяние. Я люблю игры, визиты, званые вечера, увеселения, прогулки — словом, всякого рода удовольствия, и вы должны быть счастливы, что у вашей жены такой нрав. Нам не из-за чего будет ссориться, и я ни в чем не стану стеснять вас,— надеюсь, что и вы не станете стеснять меня: я сторонница взаимных уступок, а начинать совместную жизнь для того, чтобы изводить друг друга, попросту не имеет смысла. Одним словом, поженившись, мы будем себя вести, как подобает людям, которые усвоили себе светские понятия. В сердце к нам не западет даже тень ревности — вы всецело будете доверять мне, а я вам... Но что с вами? Я вижу, вы изменились в лице.

Сганарель. У меня отчего-то голова разболелась.

Доримена. Теперь это бывает у многих, ну да после свадьбы все пройдет. До свиданья! Мне уже не терпится обзавестись приличными платьями вместо вот этого тряпья. Пойду сейчас наберу в лавках всего, что мне нужно, а за деньгами пошлю купцов к вам. *(Уходит вместе с лакеем.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сганарель, Жеронимо.

Жеронимо. Ах, господин Сганарель, как хорошо, что я еще застал вас здесь! Я встретил ювелира — он слышал, что вы хотите подарить своей жене кольцо с красивым брильянтом, и очень просил меня замолвить за него словечко и передать вам, что у него есть для вас дивное кольцо.

Сганарель. А, теперь это уже не к спеху!

Жеронимо. Как! Что это значит? Вы же только что были преисполнены такого пыла?

Сганарель. В последнюю секунду у меня явились некоторые сомнения по поводу брака. Прежде чем предпринимать дальнейшие шаги, я хотел бы рассмотреть этот вопрос всесторонне, а кроме того, я вспомнил сон, который мне нынче приснился,— вот бы как-нибудь его разгадать! Сны, знаете ли, похожи на зеркало, где отражается иной раз все, что нас ожидает в будущем. Мне снилось, будто я на корабле, а вокруг меня бурное море, и будто...

Жеронимо. Мне сейчас недосуг, господин Сганарель, я спешу по делу. В снах я решительно ничего не понимаю, а если вам нужно поговорить о браке, то вот вам два ваших соседа, два ученых философа: они вам выложат все, что можно сказать по этому поводу. Они принадлежат к разным школам, так что вам предоставляется возможность сопоставить различные мнения. Я же ограничусь тем, что было мной сказано, а засим желаю вам всего наилучшего. *(Уходит.)*

Сганарель *(один)*. Он прав. Я сейчас на распутье, и мне непременно надо с ними посоветоваться.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сганарель, Панкрас.

Панкрас *(глядя в ту сторону, откуда он появился, и не замечая Сганареля)*. Послушайте, друг мой! Вы нахал, вы человек, с истинной наукой ничего общего не имеющий и подлежащий изгнанию из республики ученых.

Сганарель. А, великолепно! Вот и один из них, весьма кстати.

Панкрас *(все в той же позе, не замечая Сганареля)*. Да, я приведу тебе веские доводы и сошлюсь на Аристотеля, этого философа из философов, в доказательство того, что ты человек невежественный, невежественнейший, невежествующий, изневежествовавшийся и так далее и тому подобное.

Сганарель *(про себя)*. Он на кого-то осердился. *(Панкрасу.)* Милостивый государь!..

Панкрас *(все в той же позе, не замечая Сганареля)*. Суешься рассуждать и не знаешь даже, как строится рассуждение.

Сганарель *(про себя)*. От злости он меня не видит. *(Панкрасу.)* Милостивый государь!..

Панкрас *(все в той же позе, не замечая Сганареля)*. На это положение должны ополчиться все святилища философии.

Сганарель *(про себя)*. Уж верно, его задели за живое. *(Панкрасу.)* Я...

Панкрас *(все в той же позе, не замечая Сганареля). Toto coelo, tota via aberras* [1].

Сганарель. Мое почтение, господин доктор!

Панкрас. К вашим услугам.

Сганарель. Позвольте мне...

Панкрас *(снова повернувшись в ту сторону, откуда он появился)*. Да знаешь ли ты, что у тебя получается? Силлогизмус идиотиссимус.

Сганарель. Я вас...

Панкрас *(в той же позе)*. Большая посылка в нем нелепа, малая — бессмысленна, заключение же смехотворно.

Сганарель. Я...

Панкрас *(в той же позе)*. Я скорей сдохну, чем с тобой соглашусь, и буду отстаивать мое мнение до последней капли чернил.

Сганарель. Можно мне...

Панкрас. Да, я буду защищать это положение *pugnis et calcibus, unguibus et rostro* [2].

Сганарель. Господин Аристотель! Нельзя ли узнать, что вас привело в такое негодование?

Панкрас. У меня на то есть в высшей степени важная причина.

Сганарель. Какая же, однако?

Панкрас. Некий невежда выставил против меня положение ошибочное, положение умопомрачительное, непростительное, возмутительное.

Сганарель. Позвольте узнать, в чем же оно заключается?

Панкрас. Ах, господин Сганарель, нынче все перевернулось вверх дном, весь мир окончательно погряз в разврате! Всюду царит чудовищная распущенность — блюстители порядка в нашем государстве должны бы сгореть со стыда оттого, что они терпят это недопустимое и позорное явление.

Сганарель. Да в чем же дело?

Панкрас. Разве это не ужасно, разве это не вопиет к небу, что у нас позволяют открыто говорить «форма шляпы»?

Сганарель. Что такое?

Панкрас. Я утверждаю, что следует говорить «фигура шляпы», а не «форма», ибо разница между формой и фигурой та, что форма есть внешний облик тел одушевленных, фигура же есть внешний облик тел неодушевленных, а так как шляпа представляет собою неодушевленное тело, то следует говорить «фигура шляпы», а не «форма». *(Снова поворачиваясь в ту сторону, откуда он пришел.)* Да, невежда вы этакий, вот как надо выражаться, об этом ясно сказано у Аристотеля в главе *О качестве.*

---

[1] Ты уклоняешься от истины на всю широту небес, на весь свой путь *(лат.)*.

[2] Кулаками и ногами, когтями и клювом *(лат.)*.

Сганарель *(про себя).* А я уж думал, конец света пришел. *(Панкрасу.)* Господин доктор! Забудьте об этом. Я...

Панкрас. Я вне себя от ярости.

Сганарель. Оставьте в покое и форму и шляпу. Мне нужно кое о чем с вами поговорить. Я...

Панкрас. Отъявленный наглец!

Сганарель. Успокойтесь, умоляю вас! Я...

Панкрас. Невежда!

Сганарель. Ах боже мой! Я...

Панкрас. Отстаивать подобное положение!

Сганарель. Он заблуждается. Я...

Панкрас. Положение, осужденное самим Аристотелем!

Сганарель. Ну, конечно. Я...

Панкрас. Самым решительным образом!

Сганарель. Ваша правда. *(Повернувшись в ту сторону, откуда появился Панкрас.)* Да, вы дурак и нахал, коли беретесь спорить с таким знаменитым ученым, который не только что читать, а и писать умеет. *(Панкрасу.)* Ну вот и все, а теперь я вас попрошу выслушать меня. Я хочу с вами посоветоваться об одном довольно-таки трудном деле. Я намерен жениться, хочу, чтоб в доме у меня была хозяйка. Выбрал я себе девицу статную, пригожую, она и мне очень нравится, и сама рада, что за меня выходит. Ее отец согласен, а я все-таки побаиваюсь... вы сами знаете чего... той самой беды, которая ни в ком сочувствия не вызывает. Вот мне и желательно от вас услышать, что́ вы, философ, обо всем этом думаете. Итак, позвольте узнать ваше мнение?

Панкрас. Я скорее соглашусь, что *datur vacuum in rerum natura*[1] или же что я болван, но только не с тем, что можно говорить «форма шляпы».

Сганарель *(про себя).* А, чтоб его! *(Панкрасу.)* Да ну же, господин доктор, выслушайте меня наконец! С вами толкуют битый час, а вы никакого внимания.

Панкрас. Прошу меня извинить. Правый гнев овладел всеми моими мыслями.

---

[1] В природе существует пустота *(лат.).*

Сганарель. Да выкиньте вы все это из головы и не сочтите за труд выслушать меня!

Панкрас. Извольте! Что же вы хотите мне сообщить?

Сганарель. Я хочу с вами поговорить об одном деле.

Панкрас. А каким вы языком воспользуетесь для беседы со мною?

Сганарель. Каким языком?

Панкрас. Да.

Сганарель. Черт побери! Тем самым, что у меня во рту. Не занимать же мне у соседа!

Панкрас. Я имею в виду не тот язык, которым мы говорим, а тот, на котором мы говорим.

Сганарель. А, это другое дело.

Панкрас. Хотите говорить со мной по-итальянски?

Сганарель. Нет.

Панкрас. По-испански?

Сганарель. Нет.

Панкрас. По-немецки?

Сганарель. Нет.

Панкрас. По-английски?

Сганарель. Нет.

Панкрас. По-латыни?

Сганарель. Нет.

Панкрас. По-гречески?

Сганарель. Нет.

Панкрас. По-еврейски?

Сганарель. Нет.

Панкрас. По-сирийски?

Сганарель. Нет.

Панкрас. По-турецки?

Сганарель. Нет.

Панкрас. По-арабски?

Сганарель. Нет, нет, по-французски, по-французски, по-французски!

Панкрас. Ах, по-французски!

Сганарель. Вот-вот.

Панкрас. В таком случае станьте с той стороны: это ухо предназначено у меня для языков научных и иностранных, а то — для языка обиходного, родного.

Сганарель *(про себя)*. До чего ж церемонный народ!

Панкрас. Что же вам угодно?

Сганарель. Хочу посоветоваться с вами насчет одного затруднительного случая.

Панкрас. Разумеется, насчет какого-нибудь затруднительного случая в философии?

Сганарель. Прошу прощения. Я...

Панкрас. Вы, вероятно, желаете знать, являются ли выражения «субстанция» и «акциденция» синонимами «бытия» или же они имеют двойной смысл?

Сганарель. Отнюдь. Я...

Панкрас. А может быть, что собой представляет логика: искусство или же науку?

Сганарель. Ничего похожего. Я...

Панкрас. Занимается ли она всеми тремя процессами мышления или же только третьим?

Сганарель. Нет. Я...

Панкрас. Сколько существует категорий: десять или же всего только одна?

Сганарель. Вовсе нет. Я...

Панкрас. Является ли заключение сущностью силлогизма?

Сганарель. Какое там! Я...

Панкрас. В чем сущность добра: в желанном или же в дозволенном?

Сганарель. Нет. Я...

Панкрас. Совпадает ли добро с конечною целью?

Сганарель. Да нет же! Я...

Панкрас. Чем именно воздействует на нас конечная цель: своею действительною или же предумышленною сущностью?

Сганарель. Да нет, черт с ней совсем, нет, нет и нет!

Панкрас. В таком случае изъясните мне вашу мысль — угадать ее я не в состоянии.

Сганарель. Да я и хочу ее изъяснить, но для этого надо, чтобы меня слушали. *(Продолжает говорить одновременно с Панкрасом.)* Дело, о котором я должен с вами поговорить, состоит вот в чем: я собираюсь жениться на молодой красивой девушке. Я очень ее люблю и уже просил ее руки у отца, но меня пугает...

Панкрас *(говорит одновременно со Сганарелем, не слушая его)*. Слово дано человеку для выражения мыслей, и подобно тому как мысли представляют собою изображения предметов, так же точно слова наши представляют собою изображения наших мыслей.

Сганарель в нетерпении несколько раз закрывает Панкрасу рот рукой, но стоит ему отнять руку, как тот опять начинает говорить.

Однако эти изображения отличаются от другого рода изображений тем, что другого рода изображения не составляют со своими оригиналами единого целого, слово же в самом себе заключает оригинал, ибо оно есть не что иное, как мысль, выраженная посредством внешнего знака; поэтому, кто мыслит здраво, тот и наиболее красноречиво говорит. Итак, изъясните мне свою мысль посредством слова, поскольку из всех знаков оно является наиболее вразумительным.

Сганарель *(вталкивает ученого к нему в дом и держит дверь, не давая ему выйти)*. Чтоб ты пропал!

Панкрас *(в глубине комнаты)*. Да, слово есть *aniті index et speculum*[1]. Это истолкователь движений сердца, это образ души. *(Высовывается в окно и продолжает говорить; Сганарель отходит от двери.)* Это зеркало, которое простодушно являет нашему взору самые заветные тайны внутреннего нашего мира, и раз вы обладаете способностью в одно и то же время и мыслить и говорить, то почему бы вам не воспользоваться словом, чтобы дать мне возможность постигнуть вашу мысль?

Сганарель. Я именно этого и хочу, да вы же меня не слушаете.

Панкрас. Я вас слушаю, говорите.

Сганарель. Ну так вот, господин доктор...

Панкрас. Только покороче.

Сганарель. Постараюсь.

Панкрас. Избегайте многословия.

Сганарель. Э, госпо...

Панкрас. Стройте свою речь в виде лаконической апофегмы...

Сганарель. Я вам...

Панкрас. Без подходов и околичностей.

Сганарель с досады, что не может вставить слóва, начинает собирать камни, чтобы запустить ими в ученого.

Э, да вы, я вижу, злобствуете, вместо того чтобы объясниться? Значит, в вас еще больше наглости, чем в том человеке, который пытался убедить меня, что надо говорить «форма шляпы». Ну, а я вам докажу неопровержимо, с помощью наглядных и убедительных примеров и аргументов *in Barbara*[2], что вы представляете собой в настоящее время и всегда будете собой представлять не что иное, как набитого дурака, я же есть и всегда буду *in utroque jure*[1] доктором Панкрасом...

---

[1] Выразитель и зеркало души *(лат.)*.

[2] Barbara — первая фигура силлогизма *(лат.)*.

Сганарель. Вот окаянный болтун!

Панкрас *(выходя из дому)*. ...человеком начитанным, человеком просвещенным...

Сганарель. Долго еще?

Панкрас. ...человеком выдающимся, человеком одаренным *(уходя)*, человеком, искушенным во всех науках, естественных, нравственных и политических *(возвращаясь)*, человеком ученым, ученейшим *per omnes modos et casus*[2] *(уходя)*, человеком, в совершенстве изучившим сказания, мифы и события исторические *(возвращаясь)*, грамматику, поэтику, риторику, диалектику и софистику *(уходя)*, математику, арифметику, оптику, онейрокритику и математическую физику *(возвращаясь)*, космометрию, геометрию, архитектуру, гадание по зеркалу и гадание по небесным светилам *(уходя)*, медицину, астрономию, астрологию, физиогномику, метопоскопию, хиромантию, геомантию и так далее, и так далее. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сганарель один.

Сганарель. К черту таких ученых, которые ничего не желают слушать! Недаром говорят, будто наставник его Аристотель всего-навсего пустомеля. Пойду лучше к другому: тот будет степеннее и благоразумнее. Можно вас на минутку?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сганарель, Марфуриус.

Марфуриус. Что вам от меня нужно, господин Сганарель?

Сганарель. Мне, господин доктор, надо бы посоветоваться с вами об одном дельце,— за этим я к вам и пришел. *(В сторону.)* Как будто бы ничего! Этот, по крайней мере, слушает.

---

[1] Обоих прав доктором (то есть гражданского и церковного) *(лат.)*.

[2] Буквально: во всех наклонениях и падежах, то есть во всех отношениях *(лат.)*.

Марфуриус. Господин Сганарель! Будьте любезны, выражайтесь по-иному. Наша философия учит не высказывать ни о чем решительных суждений, обо всем говорить неуверенно, все оставлять под вопросом — вот почему вы должны сказать не «я пришел», а «мне кажется, будто я пришел».

Сганарель. «Мне кажется»?

Марфуриус. Да.

Сганарель. Дьявольщина! Еще бы не казаться, когда это так и есть!

Марфуриус. Это одно с другим не связано: вам может казаться и нечто неправдоподобное.

Сганарель. То есть как! Стало быть, это неправда, что я к вам пришел?

Марфуриус. Это недостоверно, ведь мы же должны во всем сомневаться.

Сганарель. Выходит, что меня здесь нет и вы со мной не говорите?

Марфуриус. Мне представляется, что вы здесь, и мне кажется, что я с вами говорю, но это не непреложно.

Сганарель. А, черт, да вы издеваетесь надо мной! Вот это я, а вот это вы, ясно и определенно, и никакого «кажется» тут быть не может. Пожалуйста, оставим эти тонкости и поговорим о моем деле. Я пришел вам сказать, что я хочу жениться.

Марфуриус. Мне об этом ничего не известно.

Сганарель. Ну так я же вам говорю!

Марфуриус. Все может быть.

Сганарель. Девушка, на которой я собираюсь жениться, молода и хороша собой.

Марфуриус. Это не невозможно.

Сганарель. Если я на ней женюсь, это будет хорошо или дурно?

Марфуриус. Одно из двух.

Сганарель *(в сторону)*. Ну! Теперь этот свое заладил. *(Марфуриусу.)* Я вас спрашиваю: хорошо ли я поступлю, если женюсь на этой девушке?

Марфуриус. Смотря по обстоятельствам.

Сганарель. Или дурно?

Марфуриус. Все может случиться.

Сганарель. Умоляю вас, отвечайте мне толком.

Марфуриус. Я это и ставлю своей задачей.

Сганарель. У меня к этой девушке особая сердечная склонность.

Марфуриус. По-видимому.

Сганарель. Отец отдает ее за меня.

Марфуриус. Это возможно.

Сганарель. Однако ж я боюсь, как бы она потом не наставила мне рогов.

Марфуриус. Явление обыкновенное.

Сганарель. Как вы на это смотрите?

Марфуриус. Невероятного в этом ничего нет.

Сганарель. Но как бы вы сами поступили на моем месте?

Марфуриус. Не знаю.

Сганарель. Как же вы мне советуете поступить?

Марфуриус. Как вам заблагорассудится.

Сганарель. Я в бешенстве.

Марфуриус. Я умываю руки.

Сганарель. Черт бы тебя взял, выживший из ума старик!

Марфуриус. Возьмет, если случай подойдет.

Сганарель *(в сторону)*. Вот наказание-то! Ну да ты у меня сейчас запоешь по-другому, слабоумный философ! *(Бьет Марфуриуса палкой.)*

Марфуриус. Ай-ай-ай!

Сганарель. Вот тебе за твою галиматью, теперь мы в расчете.

Марфуриус. Это еще что? Какова дерзость! Нанести мне такое оскорбление! Иметь наглость побить такого философа, как я!

Сганарель. Будьте любезны, выражайтесь иначе. Следует сомневаться во всем, а потому вы не можете сказать, что я вас побил, а только лишь, что вам кажется, будто я вас побил.

Марфуриус. А вот я на тебя квартальному комиссару пожалуюсь, расскажу, какие принял от тебя побои!

Сганарель. Я умываю руки.

Марфуриус. У меня синяки на теле.

Сганарель. Все может быть.

Марфуриус. Это не кто иной, как ты, обошелся со мной таким образом.

Сганарель. Невероятного в этом ничего нет.

Марфуриус. Я добьюсь, что тебя посадят в тюрьму.

Сганарель. Мне об этом ничего не известно.

Марфуриус. Суд тебя упечет.

Сганарель. Упечет, если случай подойдет.

Марфуриус. Погоди же ты у меня! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Сганарель один.

Сганарель. Ух! От этой собаки слова путного не добьешься, с чем был, при том я и остался. Как же мне все-таки разрешить сомнения насчет последствий моего брака? Кажется, никто еще не был в таком затруднительном положении... А, вот цыганки, пусть-ка они мне погадают.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Сганарель, две цыганки.

Цыганки, с бубнами в руках, входят, напевая и приплясывая.

Сганарель. Э, да они бедовые!.. Послушайте, вы! Как бы это насчет того, чтобы мне погадать?

Первая цыганка. Можно, красавец мой, мы с ней вдвоем тебе погадаем.

Вторая цыганка. Ты только протяни нам руку с денежкой, а мы тебе за это кое-чего приятного наскажем.

Сганарель. Вот вам обе руки, да еще и с тем приложением, какого вы требуете.

Первая цыганка. У тебя славное лицо, господин пригожий, славное лицо.

Вторая цыганка. Да, лицо славное, из человека с таким лицом что-нибудь когда-нибудь да выйдет.

Первая цыганка. Ты скоро женишься, господин пригожий, скоро женишься.

Вторая цыганка. Возьмешь красивенькую женушку, красивенькую женушку.

Первая цыганка. Да уж, твою жену все будут любить да жаловать.

Вторая цыганка. Твоя жена введет к тебе в дом много друзей, господин пригожий, введет много друзей.

Первая цыганка. Твоя жена внесет в твой дом изобилие.

Вторая цыганка. Твоя жена прославит тебя на весь город.

Первая цыганка. Ради нее тебя станут уважать, господин пригожий, станут уважать ради нее.

Сганарель. Это все хорошо. А скажите, пожалуйста, не ожидает ли меня участь рогоносца?

Вторая цыганка. Рогоносца?

Сганарель. Да.

Первая цыганка. Рогоносца?

Сганарель. Да, не ожидает ли меня участь рогоносца?

Цыганки пляшут и поют: «Ла-ла-ла-ла...»

Черт побери, это не ответ! Подите сюда. Я спрашиваю вас обеих: наставят ли мне рога?

Вторая цыганка. Рога? Вам?

Сганарель. Да, наставят ли мне рога?

Первая цыганка. Вам? Рога?

Сганарель. Да, наставят мне рога или нет?

Цыганки уходят, приплясывая и напевая: «Ла-ла-ла-ла...»

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Сганарель один.

Сганарель. Пропадите вы пропадом, чертовки этакие, из-за вас я только еще пуще расстроился! Мне непременно нужно знать, что мне сулит женитьба. Пойду-ка я к этому знаменитому чернокнижнику, о котором теперь так много разговоров: будто бы он силою своих волшебных чар может показать вам все, что хотите. А пожалуй, незачем мне ходить к чародею: сейчас я и так увижу все, о чем собирался его расспросить.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Сганарель, Доримена, Ликаст.
Сганарель спрятался в углу сцены так, что его не видно.

Ликаст. Как, прелестная Доримена, вы не шутите?

Доримена. Нет, не шучу.

Ликаст. Вы правда выходите замуж?

Доримена. Правда.

Ликаст. И ваша свадьба состоится сегодня вечером?

Доримена. Сегодня вечером.

Ликаст. И вы могли, жестокая, позабыть о моей любви к вам и о тех уверениях, какие я от вас слышал?

Доримена. Позабыть? Нисколько. Я к вам отношусь по-прежнему, и мой брак не должен вас беспокоить: я выхожу замуж не по любви; богатство этого человека — вот что заставило меня принять его предложение. У меня нет состояния, у вас тоже, а вы знаете, что без средств трудно прожить на свете, их нужно стараться приобрести любым путем. Мне представился случай окружить себя довольством, и воспользовалась я им только в надежде на то, что скоро буду избавлена от моего старикашки. Дни его сочтены — самое большее, если полгода протянет. Даю вам слово, к этому времени он уж непременно отправится на тот свет, так что мне не придется особенно долго просить у бога счастья остаться вдовою. *(Увидев Сганареля.)* Ах, а мы о вас только что говорили, и притом все самое для вас лестное!

Ликаст. Так этот господин и есть...

Доримена. Да, этот господин и есть мой будущий супруг.

Ликаст. Позвольте мне, милостивый государь, поздравить вас с предстоящим бракосочетанием и изъявить вам совершенную мою преданность. Смею вас уверить, что вы женитесь на особе весьма добродетельной. Что же касается вас, сударыня, то позвольте мне вместе с вами порадоваться вашему столь удачному выбору. Лучшего выбора вы не могли сделать: самая наружность вашего жениха обличает в нем прекрасного супруга. Да, милостивый государь, я бы очень хотел с вами подружиться, как можно чаще видеться и вместе веселиться.

Доримена. Вы делаете нам обоим слишком много чести. А теперь идемте, я очень спешу, у нас еще будет время побеседовать.

Доримена и Ликаст уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Сганарель один.

Сганарель. Вот уж когда у меня совсем пропала охота жениться! По-моему, я не поступлю опрометчиво, если откажусь тотчас же. Правда, мне это стоило денег, ну да пускай они пропадают, а то как бы хуже чего не случилось. Попробуем как-нибудь половчее выпутаться из этого положения. Можно вас на минутку? *(Стучится в дверь к Алькантору.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Сганарель, Алькантор.

Алькантор. А, дорогой зять, милости просим!

Сганарель. Доброго здоровья, сударь.

Алькантор. Вы пришли заключить брачный договор?

Сганарель. Прошу прощения.

Алькантор. Поверьте, что я так же сгораю от нетерпения, как и вы.

Сганарель. Я пришел по другому делу.

Алькантор. Я уже распорядился, чтобы все было готово для празднества.

Сганарель. Да не об том речь.

Алькантор. Нанял музыкантов, заказал ужин, и дочь моя нарядилась к вашему приходу.

Сганарель. Я не за этим пришел.

Алькантор. Словом, вы достигнете предела своих желаний, теперь ничто уже не помешает вашему счастью.

Сганарель. Господи, у меня на уме совсем не то!

Алькантор. Ну так идемте же, идемте, дорогой зять!

Сганарель. Мне нужно вам сказать два слова.

Алькантор. Ах боже мой, не разводите церемоний! Проходите, пожалуйста.

Сганарель. Я же сказал, что нет. Прежде мне надо с вами поговорить.

Алькантор. Вы хотите что-нибудь сообщить мне?

Сганарель. Да.

Алькантор. Что же именно?

Сганарель. Господин Алькантор! Я действительно просил руки вашей дочери, и вы дали согласие, но, мне кажется, я не слишком подхожу ей по возрасту, боюсь, что я совсем не в ее вкусе.

Алькантор. Помилуйте! Вы пришлись моей дочери по сердцу таким, каков вы есть. Я уверен, что она будет с вами вполне счастлива.

Сганарель. Ну нет! Я человек с большими странностями, нрав у меня крутой, так что ей было бы со мной несладко.

Алькантор. Моя дочь уступчива, вы увидите, что она отлично с вами уживется.

Сганарель. У меня есть некоторые физические недостатки, они могут ей внушить отвращение.

Алькантор. Это не беда. Порядочная женщина ни при каких обстоятельствах не может испытывать отвращение к своему мужу.

Сганарель. Одним словом, знаете, что я вам скажу? Я вам не советую отдавать ее за меня.

Алькантор. Вы шутите? Да я лучше умру, чем изменю своему слову.

Сганарель. Ах боже мой, я вас от него освобождаю, и...

Алькантор. Ни в коем случае. Я обещал выдать ее за вас, и кто бы другой ни искал ее руки, она достанется вам.

Сганарель *(в сторону)*. Вот черт!

Алькантор. Послушайте: вы пользуетесь у меня особым уважением и любовью. Я скорей принцу откажу, только бы отдать ее за вас.

Сганарель. Благодарю за честь, господин Алькантор, однако ж да будет вам известно, что жениться я не намерен.

Алькантор. Кто, вы?

Сганарель. Да, я.

Алькантор. Что же тому причиной?

Сганарель. Причиной? Дело в том, что я не создан для супружеской жизни, я хочу последовать примеру моего отца и всех моих предков, которые так и не пожелали вступить в брак.

Алькантор. Что ж, вольному воля, я не такой человек, чтобы удерживать силой. Вы дали мне слово жениться на моей дочери, и все для этого уже готово, но раз вы отказываетесь, то я должен поразмыслить, как тут быть, а затем вы в самом непродолжительном времени получите от меня уведомление. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Сганарель один.

Сганарель. А ведь он благоразумнее, чем я предполагал; я боялся, что мне куда труднее будет от него отделаться. Честное слово, как подумаешь, очень даже умно я поступил, что с этим покончил: я чуть было не сделал такой шаг, в котором мне потом пришлось бы долго раскаиваться. А вот уже и сын идет ко мне с ответом.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Сганарель, Альсид.

Альсид *(вкрадчивым голосом)*. Милостивый государь! Я ваш покорнейший слуга.

Сганарель. Я тоже, милостивый государь, готов служить вам с наивозможною преданностью.

Альсид *(таким же голосом)*. Мой отец довел до моего сведения, что вы, милостивый государь, пришли взять свое слово обратно.

Сганарель. Да, милостивый государь, я очень сожалею, но...

Альсид. Ах, милостивый государь, это ничего!

Сганарель. Мне это очень неприятно, уверяю вас, и я бы хотел...

Альсид. Повторяю, это пустяки. *(Протягивает Сганарелю две шпаги.)* Потрудитесь, милостивый государь, выбрать из этих шпаг, какую вам будет угодно.

Сганарель. Из этих шпаг?

Альсид. Да, будьте любезны.

Сганарель. Зачем?

Альсид. Вы, милостивый государь, несмотря на данное обещание, отказываетесь жениться на моей сестре, а потому я полагаю, что вы не можете пожаловаться на несколько необычное приветствие, с которым я к вам сейчас обращусь.

Сганарель. Что такое?

Альсид. Другие на моем месте стали бы шуметь и ссориться с вами, но мы люди миролюбивые, и я в самой вежливой форме объявляю вам, что, если вы ничего не имеете против, нам следует перерезать друг другу горло.

Сганарель. Хорошенькое приветствие!

Альсид. Итак, милостивый государь, выбирайте, прошу вас.

Сганарель. Как бы не так, у меня только одно горло. *(В сторону.)* Экая у него гнусная манера выражаться!

Альсид. Позвольте вам заметить, милостивый государь, что это необходимо.

Сганарель. Нет уж, милостивый государь, вложите, пожалуйста, в ножны ваше приветствие.

Альсид. Скорее, милостивый государь. Я человек занятой.

Сганарель. Да я же вам говорю, что не хочу.

Альсид. Вы не хотите драться?

Сганарель. Ни под каким видом.

Альсид. Решительно?

Сганарель. Решительно.

Альсид *(бьет его палкой)*. Во всяком случае, милостивый государь, вам не в чем меня упрекнуть. Как видите, я соблюдаю известный порядок: вы не держите своего слова, я предлагаю вам драться, вы отказываетесь драться, я бью вас палкой,— дело у нас с вами обставлено по всей форме, а вы человек учтивый, следственно, не можете не оценить моего образа действий.

Сганарель *(в сторону)*. Сущий демон!

Альсид *(снова протягивает ему две шпаги)*. Ну же, милостивый государь, докажите, что вы человек благовоспитанный, не упрямьтесь!

Сганарель. Вы опять за свое?

Альсид. Я, милостивый государь, никого не принуждаю, но вы должны или драться, или жениться на моей сестре.

Сганарель. Уверяю вас, милостивый государь, я не могу сделать ни того, ни другого.

Альсид. Никак?

Сганарель. Никак.

Альсид. В таком случае, с вашего позволения... *(Бьет его палкой.)*

Сганарель. Ай-ай-ай-ай!

Альсид. Я искренне сожалею, милостивый государь, что принужден обойтись с вами подобным образом, но как вам будет угодно, а я не перестану до тех пор, пока вы или согласитесь драться, или обещаете жениться на моей сестре. *(Замахивается палкой.)*

Сганарель. Ну хорошо, женюсь, женюсь!

Альсид. Ах, милостивый государь, как я счастлив, что вы наконец выказали благоразумие и дело кончилось миром! Собственно говоря, я ведь вас глубоко уважаю, можете мне поверить, и я был бы просто в отчаянии, если бы вы меня вынудили прибегнуть к насилию. Пойду позову батюшку, скажу ему, что все уладилось. *(Стучится в дверь к Алькантору.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Те же, Алькантор и Доримена.

Альсид. Готово дело, батюшка: господин Сганарель вполне образумился. Он добровольно согласился на все, так что теперь вы можете отдать за него сестрицу.

Алькантор. Вот, сударь, ее рука, вам остается только протянуть свою. Ну, слава богу! Я от дочки избавился, теперь уж вам придется следить за ее поведением. Пойдемте повеселимся и устроим пышное празднество в честь этого счастливого брака.

ТАРТЮФ, ИЛИ ОБМАНЩИК

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Об этой комедии было множество толков, долгое время она подвергалась нападкам, и люди, осмеянные в ней, доказали на деле, что во Франции они обладают куда бо́льшим могуществом, чем те, кого я осмеивал до сих пор. Щеголи, жеманницы, рогоносцы и лекари покорно терпели, что их выводят на подмостки, и даже притворялись, что списанные с них персонажи забавляют их не меньше, чем прочую публику. Но лицемеры не снесли насмешек; они сразу подняли переполох и объявили из ряду вон выходящей дерзостью то, что я изобразил их ужимки и попытался набросить тень на ремесло, к коему причастно столько почтенных лиц. Этого преступления они мне простить не могли, и все, как один, с неистовой яростью ополчились на мою комедию. Разумеется, они побоялись напасть на то, что более всего их уязвило: они достаточно хитроумны и многоопытны и ни за что не обнажат тайников своей души. По своему достохвальному обычаю, защиту своих интересов они выдали за богоугодное дело — если их послушать, *Тартюф* есть фарс, оскорбляющий благочестие. Эта комедия, мол, от начала до конца полна мерзостей, и все в ней заслуживает костра. В ней каждый слог нечестив, каждый жест богопротивен. Беглый взгляд, легкий кивок, шаг вправо или влево — все это неспроста, и они, мол, берутся раскрыть мои зловредные замыслы. Тщетно представлял я комедию на просвещенный суд моих друзей, на рассмотрение публики: внесенные мною поправки, высочайший отзыв короля и королевы, смотревших комедию, одобрение принцев крови и господ министров, почтивших представление своим присутствием, свидетельство высокочтимых особ, которые сочли комедию полезной,— все это не послужило ни к чему. Недруги вцепились в нее мертвой хваткой, и до сей поры, что ни день, какой-нибудь ревностный вития по их наущению публично осыпает меня благочестивыми оскорблениями и милосердными проклятьями.

Я бы не придавал большого значения тому, что они говорят, если бы не ловкость, с которой они обращают в моих врагов людей, уважаемых мною, и вербуют своих сторонников среди истинных приверженцев добродетели, злоупотребляя доверчивостью и легкостью, с какою те, обуреваемые благочестивым пылом, поддаются внушению. Вот что вынуждает меня защищаться. Не перед кем иным, как перед истинно благочестивыми людьми, хочу я оправдать направление моей комедии, и я всячески заклинаю их не осуждать понаслышке, отбросить предубеждение и не быть на поводу у тех, кто позорит их своим кривлянием.

Всякому, кто возьмет на себя труд беспристрастно рассмотреть мою комедию, станет ясно, что намерения мои отнюдь не вредоносны и что в ней нет никаких посягательств на осмеяние того, пред чем подобает благоговеть; что я принял все предосторожности, каких требовал столь щекотливый предмет; что я употребил все свои способности и приложил все старания к тому, чтобы противопоставить выведенного мною лицемера человеку истинно благочестивому. С этой целью я потратил целых два действия на то, чтобы подготовить появление моего нечестивца. Зритель не пребывает в заблуждении на его счет ни минуты: его распознают сразу по тем приметам, коими я его наделил; от начала и до конца пьесы он не произносит ни одного слова, не совершает ни одного поступка, которые не изобличали бы перед зрителями негодяя и не возвышали бы истинно добродетельного человека, противопоставленного ему мною.

Я прекрасно понимаю, что вместо ответа эти господа начнут вразумлять нас, что, мол, театру не подобает заниматься таким предметом. Но я хотел бы задать им, с их позволения, вопрос: как они могут обосновать сию блестящую мысль? Это утверждение они заставляют принимать на веру, не утруждая себя никакими доказательствами. А между тем они должны были бы помнить, что у древних комедия берет начало из религии и что она была в свое время составною частью тогдашних религиозных действ; что у наших соседей, испанцев, редкое празднество обходится без комедии; что и у нас она возникла благодаря стараниям братства, коему и поныне принадлежит Бургундский отель; что это место было нарочито отведено для представления наиболее значительных мистерий; что там сохранились тексты комедий, оттиснутые готическими литерами и подписанные одним из докторов Сорбонны; что, наконец,— дабы не ходить за примерами слишком далеко,— и в наше время ставились духовные пьесы г-на де Корнеля, вызывавшие восторг всей Франции.

Коль скоро назначение комедии состоит в бичевании людских пороков, то почему же она должна иные из них обходить? Порок, обличаемый в моей пьесе, по своим последствиям наиопаснейший для государства, а театр, как мы убедились, обладает огромными возможностями для исправления нравов. Самые блестящие трактаты на темы морали часто оказывают куда меньшее влияние, чем сатира, ибо ничто так не берет людей за живое, как изображение их недостатков. Подвергая пороки всеобщему осмеянию, мы наносим им сокрушительный удар. Легко стерпеть порицание, но насмешка нестерпима. Иной не прочь прослыть злодеем, но никто не желает быть смешным.

Меня укоряют за то, что я вложил благочестивые слова в уста обманщика. Но как же я мог этого избежать, задаваясь целью изобразить лицемера? Вполне достаточно, на мой взгляд, что я обнажаю преступную подоплеку его речей и что я изъял из них те священные обороты, употребление коих с дурной целью резало бы наш слух. «Позвольте! Но ведь в четвертом действии в его тирадах извращается нравственность!» Да, но разве это извращение нравственности не навязло у нас в зубах? Разве в моей комедии оно пользуется новыми аргументами? Можно ли опасаться, что суждения, столь единодушно презираемые, окажут влияние на умы, что они становятся вредоносными, будучи произносимы со сцены, что они хоть сколько-нибудь убедительны в устах негодяя? Подобные опасения решительно ни на чем не основаны, а потому следует либо принять комедию о Тартюфе, либо отвергнуть все комедии вообще.

Этого-то и добивается кое-кто с некоторых пор; никогда еще на театр так не ополчались. Я не могу отрицать, что некоторые князья церкви осуждали комедию, но нельзя отрицать и того, что иные из них относились к ней более благосклонно. Следовательно, их авторитет, на который ссылаются сторонники строгостей, подрывается существующим разногласием. Из того, что эти умы, просветленные одною и тою же премудростью, придерживались различных мнений, вытекает лишь то, что они понимали комедию по-разному: одни рассматривали ее нравственную сторону, другие обращали внимание на ее безнравственность, не отличая комедию от тех непристойных зрелищ, которые с полным правом можно было называть срамными игрищами.

Рассуждать следует о сути вещей, а не о словах; споры по большей части вызываются взаимным непониманием, тем, что под одним и тем же словом подразумеваются противоположные понятия, а потому необходимо сорвать с комедии покров двусмысленности и, рассмотрев истинную ее сущность, установить, заслуживает ли она осуждения. И тогда, конечно, будет признано, что коль скоро она есть плод поэтического искусства, сочетающий в себе приятность и поучительность с целью обличения людских недостатков, то было бы несправедливо налагать на нее запрет. Если же мы пожелаем прислушаться к свидетельству истории, то она скажет нам, что комедии воздавали хвалу прославленные философы древности, философы, проповедовавшие суровые правила жизни и неустанно бичевавшие пороки своего времени. Она расскажет нам о том, как неусыпно трудился на пользу театру Аристотель, и о том, что он взял на себя заботу изложить правила, коим должно следовать драматическое искусство. Она сообщит нам, сколько великих мужей древности, занимавших самое высокое положение, гордились тем, что пишут комедии, а иные из них не считали для себя зазорным читать их публично. Она напомнит, что в Греции уважение к этому искусству проявилось в почетных наградах и в постройке грандиозных театров, что, наконец, и Рим высоко чтил это искусство,— я говорю не о развращенном Риме распутных императоров, но о суровом Риме мудрых консулов в пору расцвета римской доблести.

Я признаю, что были и такие времена, когда природа комедии искажалась. Да и есть ли что-либо в мире, что не подвергается искажению повседневно? Самое невинное занятие люди могут сделать преступным, самое благодетельное искусство они способны извратить, самое доброе дело умудряются употребить во зло. Медицина — искусство общеполезное и чтимое всеми, как одно из наших ценнейших достояний, а меж тем бывали времена, когда она вызывала ненависть, нередко ее превращали в искусство отравлять людей. Философия — дар небес, она дарована нам, дабы приобщить наши умы к познанию божества через созерцание чудес природы, и тем не менее общеизвестно, что нередко ее сбивали с пути и заставляли открыто служить нечестию. Даже величайшие святыни не ограждены от искажения их человеком. Мы видим злодеев, которые, повседневно прикрываясь благочестием, кощунственно заставляют его быть пособником страшных преступлений. Тем более необходимо различать то, что нельзя смешивать. Не следует объединять в ошибочном умозаключении возвышенность извращаемого с низостью извратителей, надобно отличать намерения искусства от дурного его применения. Никому не приходит в голову запрещать медицину по той причине, что она подвергалась гонениям в Риме, или философию за то, что она была всенародно осуждена в Афинах; равным образом не следует добиваться запрещения комедии потому лишь, что когда-то ее порицали. Для порицания существовали причины, а теперь эти причины отпали. Порицание ставило себе определенные пределы, и нам незачем выводить его из очерченного им самим круга, нет нужды давать ему расширяться и поглощать правого наравне с виноватым. Комедия, против которой оно выступало, вовсе не та комедия, которую хотим защитить мы. Их нельзя путать. У этих особ разные повадки. Они не имеют друг с другом ничего общего, кроме имени, а ведь было бы чудовищной несправедливостью осудить Олимпию, добропорядочную женщину, на том основании, что существовала другая Олимпия, которая вела распутный образ жизни. Такого рода приговоры внесли бы в мир ужасающий беспорядок, тогда уже ничто не могло бы избежать осуждения. К множеству вещей, коими злоупотребляют на каждом шагу, так уж строго не относятся, а потому следовало бы оказать снисхождение и комедии, одобрив пьесы нравоучительные и благопристойные.

Я знаю людей столь изысканного образа мыслей, что для них любая комедия нестерпима. Они считают, что чем она благопристойнее, тем опаснее, что изображаемые в ней страсти тем сильнее трогают, чем они благороднее, и что такого рода представления пробуждают в сердцах сочувствие. Я не вижу большого греха в сочувствии страстям благородным. Не чересчур ли высока та ступень добродетели — полное бесстрастие,— на которую эти люди хотят поднять наши сердца? Я не уверен, что такое совершенство окажется по силам человеческой природе. Не плодотворнее ли старания, направленные на то, чтобы очистить и смягчить людские страсти, нежели попытки их искоренить? Я признаю, что есть места, посещение которых более похвально, чем посещение театра. Если надлежит безоговорочно осудить все, что не имеет прямого касательства к богу и спасению души, то сюда надо будет причислить и комедию, и тогда я не стану возражать, чтобы и ее осудили вместе со всем остальным. Но если допустить, что в благочестивых занятиях дозволительны перерывы и что людям необходимы развлечения, то я осмеливаюсь утверждать, что нельзя найти развлечение более невинное, нежели комедия. Однако я заговорился. Мне хочется закончить мое рассуждение словами одного великого принца, сказанными о комедии *Тартюф*.

Спустя неделю после того, как на нее был наложен запрет, при дворе была играна пьеса под заглавием *Скарамуш-отшельник*. После представления король сказал великому принцу: «Хотел бы я знать, почему те, кого так оскорбляет комедия Мольера, молчат о *Скарамуше*?» А принц на это ответил: «Причина в том, что в комедии о Скарамуше высмеиваются небеса и религия, до которых этим господам нет никакого дела, а комедия Мольера высмеивает их самих, и вот этого они стерпеть не могут».

ПЕРВОЕ ПРОШЕНИЕ КОРОЛЮ

ПО ПОВОДУ КОМЕДИИ «ТАРТЮФ»

Ваше величество!

Поскольку назначение комедии состоит в том, чтобы развлекать людей, исправляя их, я рассудил, что по роду своих занятий я не могу делать ничего более достойного, чем бичевать пороки моего века, выставляя их в смешном виде. А так как лицемерие есть, несомненно, один из самых распространенных, невыносимых и опасных пороков, то я, Ваше величество, решил, что окажу немалую услугу всем честным людям в Вашем королевстве, если сочиню комедию, обличающую лицемеров и выставляющую, как и подобает, напоказ все заученные ужимки этих сверхправедников, все тайные козни этих фальшивомонетчиков благочестия, которые пытаются одурачить людей поддельной ревностью о вере и притворной любовью к ближнему.

Я сочинил такую комедию, Ваше величество, сочинил, как я полагаю, со всем тщанием, со всей осмотрительностью, коих требовала щекотливость предмета. А дабы ничем не поколебать почет и уважение, коими окружены истинно праведные люди, я подчеркнул, как мог, различие между ними и изображенным мною характером. Я не оставил места для двусмысленных толкований, я устранил всякую возможность спутать добро и зло, я рисовал свою картину с помощью ярких красок и отчетливых линий, которые позволяют сразу распознать несомненного и отъявленного лицемера.

И тем не менее все мои предосторожности были напрасны. Кое-кто злоупотребил тем, как близко к сердцу принимает Ваше величество все, что касается благочестия, и применил единственный способ к Вам подольститься: воспользовался Вашим преклонением перед святыней. Тартюфы сумели исподтишка втереться в милость к Вашему величеству, и вот оригиналы добились запрещения копии, невзирая на то, что она благонамеренна и, как говорят, верна.

Запрет, наложенный на это сочинение, явился для меня ударом чувствительным, и все же горе мое было смягчено тем, как Ваше величество соизволили истолковать мне случившееся. Я полагал, что мне не на что жаловаться, поскольку Ваше величество милостиво объявили, что не порицает комедию, хотя и воспрещает показывать ее на сцене.

И, однако, вопреки этим примечательным словам величайшего и просвещеннейшего монарха, вопреки одобрению монсеньера легата и большей части наших прелатов, которые, когда я читал им свое сочинение в частной обстановке, единодушно разделили мнение Вашего величества, вопреки всему этому появляется книжка, написанная неким кюре, и в ней открыто опровергаются упомянутые суждения высоких особ. Как бы ни высказывалось Ваше величество, какого бы мнения ни придерживались монсеньер легат и прелаты, он полагает, что моя комедия (которой он, кстати сказать, не видел) —сатанинская и образ мыслей у меня сатанинский, а я сам — нечистый дух во плоти и в человеческом обличье, нечестивец, безбожник, заслуживающий примерного наказания. По моим грехам мне мало, чтоб меня при всем народе сожгли на костре,— этак я дешево отделаюсь. Человеколюбивый пыл этого истинного ревнителя благочестия идет дальше: он возражает против того, чтобы меня коснулось божье милосердие, он требует во что бы то ни стало, чтобы я был навеки проклят, и не сомневается, что так оно и будет.

Эта книжка была преподнесена Вашему величеству, и теперь Вы сами, государь, можете судить, сколь тягостно для меня подвергаться постоянным оскорблениям этих господ, какой урон нанесут мне во мнении общества подобные наговоры, если я буду вынужден их сносить, и сколь важно для меня отвести наконец от себя напраслину и доказать публике, что моя комедия менее всего похожа на то, за что ее выдают. Я не стану говорить Вашему величеству, чтó именно было бы мне желательно для обеления моей репутации и публичного удостоверения благонамеренности моей пьесы. Столь просвещенным монархам, как Вы, государь, не подсказывают, чего от них ждут: они, подобно богу, сами видят наши нужды и знают лучше нас, какие милости нам оказать. С меня довольно, что я вверяю себя Вашему величеству, и я почтительнейше приму все, что Вы соизволите по сему поводу повелеть.

ВТОРОЕ ПРОШЕНИЕ,

ПОДАННОЕ КОРОЛЮ В ЛАГЕРЕ ПЕРЕД ГОРОДОМ ЛИЛЛЕМ ВО ФЛАНДРИИ

Ваше величество!

Я решаюсь на большую дерзость, докучая великому монарху во время его победоносного похода, но в положении, в каком я очутился, где могу я, государь, найти покровительство, как не там, куда я обращаюсь? И у кого искать мне защиты от притесняющих меня власти и могущества, как не у источника могущества и власти, как не у справедливого и непререкаемого законодателя, не у верховного судии и властелина?

Моей комедии, государь, было не суждено снискать благоволение Вашего величества. Ей не помогло то, что я поставил ее под заглавием *Обманщик* и нарядил ее героя в светское платье. Нужды нет, что он у меня носит длинные волосы, маленькую шляпу, широкий воротник, шпагу и камзол, обшитый кружевами, что я смягчил в комедии некоторые места и старательно вымарал всё, что, как мне казалось, могло бы дать достославным оригиналам рисуемого мною портрета малейший повод для придирок. Предосторожности не послужили ни к чему. Вся эта братия переполошилась — им было довольно простых догадок. Они нашли средства повлиять на умы тех, кто в любом другом случае не преминул бы во всеуслышание провозгласить, что не поддается никакому влиянию. Как только моя комедия появилась на сцене, на нее обрушила громовой удар власть, к которой нельзя не питать уважение. При таких обстоятельствах, дабы самому спастись от грозы, мне не оставалось ничего иного, как сослаться на то, что Вашему величеству угодно было дозволить представление моей комедии и что я не считал нужным испрашивать дозволение у кого-либо другого, поскольку и запрет исходил только от Вашего величества.

Я не сомневаюсь, государь, что люди, изображенные в моей комедии, сумеют нажать изрядное количество пружин вокруг Вашего величества и, как им это уже не раз удавалось, привлекут на свою сторону истинно праведных людей, которых тем легче обмануть, что они судят о других по себе. А ведь те навострились в искусстве приукрашать подлинные свои намерения. Как бы ловко они ни притворялись, ими руководит отнюдь не ревность о божьей славе: это они доказали, глядя сквозь пальцы на иные комедии и допуская без малейших возражений их многократные публичные представления. Ведь там подвергались нападкам вера и благочестие, а это их мало трогает; моя комедия задевает и осмеивает их самих, и вот этого они снести не могут. Они никогда не простят мне, что я хочу выставить их лицемерие на всеобщее обозрение. Без сомнения, Вашему величеству будет доложено, что все возмущены моей комедией. Истина же, государь, заключается в том, что весь Париж был возмущен наложенным на нее запретом, что лица самых строгих взглядов нашли ее полезной и что все удивляются, как это особы, известные своей порядочностью, выказали такую снисходительность к людям, которые должны бы всюду вызывать отвращение и которые ничего общего не имеют с подлинным благочестием, о коем столько распространяются.

Я почтительно ожидаю решения, которое Ваше величество соблаговолит вынести по этому делу. Но не подлежит сомнению, государь, что если Тартюфы восторжествуют, то мне нечего и думать сочинять комедии впредь — это даст им основание усилить травлю, они станут придираться к самым невинным вещам, которые выйдут из-под моего пера.

Соблаговолите, Ваше величество, защитить меня от их ядовитой злобы, дабы я мог по завершении государем столь славного похода доставить ему отдых после побед на поле брани, устроить ему невинное развлечение после доблестных подвигов, повеселить монарха, заставляющего трепетать всю Европу.

ТРЕТЬЕ ПРОШЕНИЕ,

ПОДАННОЕ КОРОЛЮ

Ваше величество!

Один весьма почтенный врач, у коего я имею честь лечиться, обещает мне — и готов засвидетельствовать свое обязательство у нотариуса,— что с его помощью я проживу еще тридцать лет, если только испрошу у Вашего величества некую для него милость. По поводу его обещания я ответил, что оно чрезмерно и что с меня будет вполне достаточно, если он обяжется не отправлять меня на тот свет до срока. Просимая им милость, государь,— должность настоятеля Вашей королевской капеллы в Венсенне, освободившаяся после смерти бывшего настоятеля.

Смею ли я обратиться к Вашему величеству еще и с этой просьбой в знаменательный день воскресения *Тартюфа*, возвращенного к жизни Вашим соизволением? Благодаря первой из этих милостей я примирился со святошами, вторая примирила бы меня с врачами. Столько благодеяний зараз — это, разумеется, для меня слишком много, но, быть может, это не будет слишком много для Вашего величества, и я, преисполненный почтения и надежды, ожидаю ответа на мое прошение.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Оргон.
Г-жа Пернель — его мать.
Эльмира — его жена.
Дамис — его сын.
Мариана — его дочь.
Валер — молодой человек, влюбленный в Мариану.
Клеант — брат Эльмиры.
Тартюф — святоша.
Дорина — горничная Марианы.
Г-н Лояль — судебный пристав.
Офицер.
Флипота — служанка г-жи Пернель.

Действие происходит в Париже, в доме Оргона.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г-жа Пернель, Эльмира, Мариана, Дамис, Дорина, Клеант, Флипота.

Г-жа Пернель

Флипота! Марш за мной!.. Уж пусть они тут сами...

Эльмира

Постойте, маменька! Нам не поспеть за вами.

Г-жа Пернель

Вам прежде бы меня уважить, не теперь.
Без ваших проводов найду я, где тут дверь.

Эльмира

О нет! Вас проводить велит нам чувство долга.
Но почему у нас вы были так недолго?

Г-жа Пернель

А потому, что мне весь этот дом постыл
И ваши дерзости сносить нет больше сил.
Меня не ставят в грош, перечат, что ни слово.
Поистине для них нет ничего святого!
Все спорят, все орут, почтенья нет ни в ком.
Да это не семья, а сумасшедший дом!

Дорина

Но...

Г-жа Пернель

Милая моя! Я замечала часто,
Что слишком ты дерзка и чересчур горласта.
Советов не прошу я у нахальных слуг.

Дамис

Однако...

Г-жа Пернель

Ты дурак, мой драгоценный внук,
А поумнеть пора — уж лет тебе немало.
Я сына своего сто раз предупреждала,
Что отпрыск у него — изрядный обормот,
С которым горюшка он досыта хлебнет.

Мариана

Но, бабушка...

Г-жа Пернель

Никак, промолвила словечко
Тихоня внученька? Смиренная овечка?
Ох, скромница! Боюсь, пословица о ней,
Что в тихом омуте полным-полно чертей.

Эльмира

Но, маменька...

Г-жа Пернель

Прошу, дражайшая невестка,
Не гневаться на то, что выскажусь я резко.
Была б у них сейчас родная мать в живых,
Учила б не тому она детей своих —
И эту дурочку, и этого балбеса.
Вы расточительны. Одеты, как принцесса.
Коль жены думают лишь о своих мужьях,
Им вовсе ни к чему рядиться в пух и прах.

Клеант

Сударыня!..

Г-жа Пернель

А, вы, ее милейший братец!
Ужели тот поток нелепиц и невнятиц,
Что вы дерзаете за мудрость выдавать,
Хотите на меня извергнуть вы опять?
На месте вашего почтеннейшего зятя
И сына моего, на споры слов не тратя,
Я перестала бы пускать вас на порог.
Я не хочу вам льстить. Правдивость не порок.

Дамис

Ваш господин Тартюф — ловкач, в том нет сомненья...

Г-жа Пернель

Он праведник! Его благие наставленья
Душеспасительны. Для всей семьи позор,
Что ты, молокосос, с ним затеваешь спор.

Дамис

А что же мне, молчать пред гостем тем незваным,
Который здесь, у нас, всевластным стал тираном?
Не сделай ничего, ни слова не скажи
Без позволения несносного ханжи!

Дорина

Послушать проповедь настырного святоши,
Так плохи будут все, лишь он один хороший.
С утра до вечера он поучает нас.

Г-жа Пернель

И он, конечно, прав. В грехе ваш дом погряз.
Вас этот человек ведет на путь спасенья,
И сын мой учит вас питать к нему почтенье.

Дамис

Никто мне не внушит, ни даже мой отец,
Что праведник Тартюф. Он попросту шельмец.
Стоять буду на том, пускай меня повесят!
Меня его слова, его ужимки бесят.
До крайней крайности претит мне этот гусь,
И я предчувствую, что с ним еще схвачусь.

Дорина

Нет, вы подумайте! Уж это ли не чудо?
Явился бог весть кто, неведомо откуда,
В отрепьях нищенских, едва не босиком,
И — нате вам, уже прибрал к рукам весь дом.
И до того дошло, что, вопреки рассудку,
Мы все теперь должны плясать под его дудку.

Г-жа Пернель

И лучше бы для вас не препираться с ним,
А жить, как учит он, по правилам святым.

Дорина

Святым? Пристало ль вам такое легковерье?
Да разве святость тут? Одно лишь лицемерье!

Г-жа Пернель

Что-что?

Дорина

Его слуга, Лоран, ему под стать,
Обоим ни на грош нельзя им доверять.

Г-жа Пернель

Мне до его слуги нет никакого дела,
Но за хозяина могу ручаться смело.
Нетрудно угадать, чем разозлил он вас:
Он говорит в глаза всю правду без прикрас.
Он, лютый враг греха и чистоты радетель,
Клеймит безнравственность и славит добродетель.

Дорина

Вот как? А почему нравоучитель сей
От дома нашего отвадил всех гостей?
Неужто их приезд столь неугоден богу,
Чтоб из-за этого бить каждый раз тревогу?
Мы все свои, и я вам истину скажу:
Он просто-напросто
(указывает на Эльмиру)
ревнует госпожу.

Г-жа Пернель

Уж ты не знаешь, что и выдумать от злости.
Но подозрительны все эти ваши гости
Не одному ему. Не столь большой секрет,
Что строй теснящихся под окнами карет
И вечно у крыльца толкущиеся слуги
Давно уже глаза мозолят всей округе.
Пусть эти сборища невинные. Но вы
Должны понять, что тут есть пища для молвы.

Клеант

А вам хотелось бы укрыться от злоречья?
Положим, болтовню пустую смог пресечь я,
Отрекшись для того от преданных друзей,—
Но разве жизнь тогда не стала бы грустней?
Да если б, вашему последовав совету,
Мы и отважились пойти на жертву эту,
Зловредным сплетникам заткнули б разве рты?
На свете нет лекарств противу клеветы.
Нам надо честно жить и презирать злословье,
А сплетники пускай болтают на здоровье.

Дорина

А кто про нас пустил зловредную молву?
Нетрудно угадать. Я вам их назову.
Нет бóльших мастеров по измышленьям скверным,
Чем Дафна со своим супругом благоверным.
Кто сам душой нечист — на кривотолки хват.
Такие что-нибудь услышат, подглядят,
С три короба приврут да и распустят слухи,
В минуту сделают они слона из мухи.
На что рассчитана их мерзкая возня?
Порядочных людей пороча и черня,
Они надеются, что будет им уютней:
Средь общей черноты не разглядеть их плутней,
А если не толкать молву на ложный след,
Придется за грешки самим держать ответ.

Г-жа Пернель

Не к месту, милая, разводишь ты рацеи.
Нет женщин на земле почтенней и святее
Оранты, а меж тем я слышала не раз —
Она решительно не одобряет вас.

Дорина

Высоконравственна и впрямь сия персона.
Но какова была она во время оно?
Ей старость помогла соблазны побороть.
Да, крепнет нравственность, когда дряхлеет плоть.
Встарь, избалована вниманьем и успехом,
Привержена была она к мирским утехам.
Однако время шло. Угаснул блеск очей,
Ушли поклонники, и свет забыл о ней.
Тут, видя, что, увы, красы ее увяли,
Оранта сделалась поборницей морали.
У нас таких особ немалое число:
Терять поклонников кокеткам тяжело,
И чтобы вновь привлечь внимание, с годами
Они становятся завзятыми ханжами.
Их страсть — судить людей. И как суров их суд!
Нет, милосердия они не признают.
На совести чужой выискивают пятна,
Но не из добрых чувств — из зависти, понятно.
Злит этих праведниц: зачем доступны нам
Те радости, что им уже не по зубам?

Г-жа Пернель
(Эльмире)

Так-так... Сударыня! К моим речам вы глухи,
Предпочитаете вы басни в этом духе,
Зато ей, пустельге, тут слава и почет.
Но выскажу кой-что и я вам. Мой черед.
Мой сын был мудр, когда, по наущенью свыше,
Благочестивцу дал приют под этой крышей.
Вам послан праведник, дабы извлечь из тьмы
И к истине вернуть заблудшие умы.
Спасительны его святые поученья,
А то, что он клеймит, достойно осужденья.
Приемы да балы, и песенки, и смех,
И шутки вольные, и танцы — это грех,
Служенье сатане. Хм... «Дружеские встречи»!
Там произносятся кощунственные речи,
Достойнейших особ там судят вкривь и вкось,
Такую говорят бессмыслицу — хоть брось!
Глупцы блаженствуют, но у людей разумных
Мутится в голове от этих сборищ шумных:
Крик, споры, суета — все из-за пустяков.

Там, как сказал один ученый богослов,
Стол-по-вторение: такие ж были крики,
Когда язычники, смешав свои языки,
Решили сообща разрушить Вавилон.

Клеант смеется.

Вам, сударь, кажется, что мой рассказ смешон?
Досель меня никто не причислял к шутихам.
(Эльмире.)
Ну что ж, невестушка, не поминайте лихом.
Теперь я знаю вас и вдоль и поперек,
Не скоро я опять ступлю на ваш порог.
(Дает оплеуху Флипоте.)
Тебя считать ворон я нанимала, что ли?
Скажи пожалуйста, какой набрались воли!
Я покажу тебе! Ступай за мною, дрянь!

Г-жа Пернель, Флипота, Эльмира, Мариана и Дамис уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Клеант, Дорина.

Клеант

А я останусь здесь. Мне надоела брань
Старухи этой...

Дорина

Тсс!.. Ну, сударь, повезло вам!
Услышала б она, каким ужасным словом
Назвали вы ее... Старуха? Никогда!
Она до тыщи лет все будет молода.

Клеант

Из-за безделицы, а как раскипятилась!
Смотрите, до чего Тартюф попал к ней в милость!

Дорина

К ней? А к хозяину? С ним свидитесь, тогда
Понятно будет вам, в ком главная беда.
Во время наших смут ум проявил он здравый,
Стоял за короля. А нынче — боже правый!
Со дня, когда Тартюф пожаловал в наш дом,
Хозяин не в себе, помешан он на нем.

Поверьте, носится он с этим пустосвятом,
Как курица с яйцом. Его зовет он братом,
И братца любит он — на грош вам не прилгну —
Сильней в сто раз, чем мать, дочь, сына и жену.
Его наперсником стал этот проходимец.
Такими окружен заботами любимец,
Каких любимая желать бы не могла.
За трапезой всегда он во главе стола;
Он ест за шестерых, а мой хозяин тает
И лучшие куски к нему пододвигает.
Тартюф рыгнет, а он: «Во здравье, милый брат!»
Тартюф — его кумир. Всеведущ он и свят.
Что он ни натворит — он «совершил деянье»,
Что ни сморозит он — «изрек он прорицанье».
Ну а Тартюф хитер, и просто мастерски
Оргону нашему втирает он очки.
Нас всех зажал в кулак пройдоха этот лживый,
Он сделал ханжество источником наживы.
Да не один Тартюф — его прохвост лакей
И то повадился учить меня, ей-ей:
Сует повсюду нос — ну чуть не под подушки —
И ополчается на ленты и на мушки.
Увидел в псалтыре платочек кружевной,
Так разорвал в клочки,— вот пакостник какой!
И обвинил меня в кощунстве безобразном:
Святыню, мол, грязню я дьявольским соблазном.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Эльмира, Мариана, Дамис.

Эльмира

Вы с нами не пошли за ней, и благо вам:
Здесь было горячо, а что творилось там!..
Но прибыл мой супруг. Мать, к счастью, он не встретил.
Пройду к себе, пока меня он не заметил,
И буду ждать его.

Клеант

А я тут подожду.
С ним поздороваюсь и тотчас же уйду.

Эльмира и Мариана уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Клеант, Дорина, Дамис.

Дамис
(Клеанту)

Поговорите с ним о свадьбе Марианы.
Боюсь, не по нутру Тартюфу наши планы:
Уж, верно, неспроста так медлит мой отец.
А речь — о счастии для четырех сердец:
Коль будет отдана моя сестра Валеру,
То за его сестру я, по его примеру,
Посватаюсь...

Дорина

Идет!..
(Дамису.)
Вам лучше помолчать.

Дамис уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Клеант, Дорина, Оргон.

Оргон

А, шурин, здравствуйте!

Клеант

С приездом, милый зять!
Сейчас приятного, поди, в деревне мало?

Оргон

Дорина!..
(Клеанту.)
Милый брат! Позвольте мне сначала
Порасспросить, что здесь случилось без меня.
Ведь был в отсутствии я, шутка ли, два дня!
(Дорине.)
Дорина! Расскажи о новостях мне вкратце.
Что вы тут делали? Здоровы ль домочадцы?

Дорина

Да вот у госпожи позавчерашний день
Вдруг приключился жар и страшная мигрень.

Оргон

А как Тартюф?

Дорина

Тартюф? По милости господней
Еще стал здоровей, румяней и дородней.

Оргон

Бедняга!

Дорина

Так у ней болела голова,
Что госпожа была под вечер чуть жива.
Хоть вышла к ужину, но вовсе есть не стала.

Оргон

А как Тартюф?

Дорина

Тартюф? Наелся до отвала.
С благоговением окинув взором стол,
Двух жареных цыплят и окорок уплел.

Оргон

Бедняга!

Дорина

Госпожа страдала все жесточе
И не сомкнула глаз в течение всей ночи:
То жар ее томит, а то озноб трясет.
И я с ней маялась всю ночку напролет.

Оргон

А как Тартюф?

Дорина

Тартюф? С трудом прикончив ужин,
Решил он, что покой его утробе нужен.
От всяческих земных тревог себя храня,
В постели пуховой храпел до бела дня.

Оргон

Бедняга!

Дорина

Госпожа, вняв общим настояньям,
Позволила лечить себя кровопусканьем,
И бодрость прежняя к ней возвратилась вновь.

Оргон

А как Тартюф?

Дорина

Тартюф? Когда пускали кровь
(Ей, сударь, не ему), не двинул даже бровью.
Желая возместить ущерб ее здоровью,
За завтраком хватил винца — стаканов пять.

Оргон

Бедняга!

Дорина

И теперь тут снова тишь да гладь...
Но вашей поспешу я доложить супруге,
Как огорчила вас весть о ее недуге.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Клеант, Оргон.

Клеант

Она же вам в лицо смеялась, милый брат!
И пусть мои слова вас даже прогневят,
Но с вами все-таки лукавить я не буду:
Нельзя не осудить столь странную причуду.
Как этот человек забрал над вами власть?
И можно ль под его влиянье так подпасть,
Чтобы забыть про всех? Я понимал, когда вы
Кров дали бедняку, но...

Оргон

Шурин! Вы не правы.
Ведь вы его еще не знаете совсем.

Клеант

Не знаю? Может быть. Но видел. А меж тем
В подобных случаях я доверяюсь глазу.

Оргон

Лишь познакомитесь получше с ним — и сразу
Его приверженцем вы станете навек.
Вот человек! Он... Он... Ну, словом, че-ло-век!
Я счастлив! Мне внушил глагол его могучий,
Что мир является большой навозной кучей.
Сколь утешительна мне эта мысль, мой брат!
Ведь если наша жизнь — лишь гноище и смрад,
То можно ль дорожить хоть чем-нибудь на свете?
Теперь пускай умрут и мать моя, и дети,
Пускай похороню и брата и жену —
Уж я, поверьте мне, и глазом не моргну.

Клеант

Да... Это чувство впрямь на редкость человечно.

Оргон

Я повстречался с ним — и возлюбил навечно...
Он в церкви каждый день молился близ меня,
В порыве набожном колени преклоня.
Он привлекал к себе всеобщее вниманье:
То излетали вдруг из уст его стенанья,
То руки к небесам он воздымал в слезах,
А то подолгу ниц лежал, лобзая прах;
Когда ж я выходил, бежал он по проходу,
Чтобы в притворе мне подать святую воду.
Я выспросил его слугу (ему во всем
Хозяин — образец); он мне признался в том,
Что бедствуют они: нет средств на пропитанье.
Тартюфу предложил я вспомоществованье,
Однако он пенял на щедрость лепт моих:
Не стоит, дескать, он благодеяний сих;
И, в скромности своей довольствуясь немногим,
Излишек отдавал он сирым и убогим.
Вняв небесам, приют я предложил ему,
И счастье с той поры царит в моем дому.
Тартюф во все дела со мной вникает вместе,
Стоит на страже он моей семейной чести:

Ревнивей он, чем я. Чуть кто к моей жене
С любезностями — он тотчас доносит мне.
Как добродетелен! Какого полн смиренья!
Себе же самому вменяет в преступленье
Ничтожнейший пустяк, безделку, чепуху.
Вот — за молитвою поймал на днях блоху,
Так небу приносил потом он покаянье,
Что раздавил ее без чувства состраданья.

Клеант

Как вам не совестно? Что за галиматья?
Вы, верно, шутите? Ушам не верю я.
Так может поступать лишь плут или безумец.

Оргон

Опасные слова. Вы, шурин, вольнодумец.
Вы вольномыслием давно заражены.
Я вам твердил сто раз, понять бы вы должны,
Куда вас приведет столь скверная дорога.

Клеант

Все вам подобные — а их, к несчастью, много —
Поют на этот лад. Вы слепы, и у вас
Одно желание: чтоб все лишились глаз.
И потому вам страх внушает каждый зрячий,
Который думает и чувствует иначе,—
Он вольнодумец, враг! Кто дал отпор ханже,
Тот виноват у вас в кощунстве, в мятеже.
Но я вас не боюсь, кривить душой не стану,
Я предан истине и не слуга обману.
Лжеправедники есть, как есть лжехрабрецы.
Бахвальством не грешат отважные бойцы,
А праведники, те, что подают пример нам,
Не занимаются кривляньем лицемерным.
Ужели ж разницы для вас нет никакой
Меж верой истинной и верой показной?
Как не сумели вы быль отделить от сказки?
Как не смогли лица вы отличить от маски?
Как вы не поняли, где топь, где твердый путь?
Где вымысел, где явь? Где видимость, где суть?
Как правду спутали вы с кривдою отпетой?
Червонец подлинный с фальшивою монетой?
Да, в большинстве своем мы, люди, чудаки
И действуем своей природе вопреки.

Зачем мы разуму дать не желаем веры?
И почему нигде, ни в чем у нас нет меры?
Порой наш замысел прекрасен и велик,
Но начинаем мы рубить сплеча — и вмиг
Переусердствуем и добрую основу
Испортим, извратим... Но это так я, к слову.

Оргон

Уж где тягаться нам с философом таким!
Во всем вы сведущи. Ваш суд непогрешим.
Вы — кладезь мудрости. Пророк. В сравненье с вами
Все прочие должны считаться дураками.

Клеант

Не кладезь мудрости я, сударь, не пророк,
Я вовсе не хочу вам преподать урок —
Не столь уж я учен для этого занятья,—
Но ложь от истины умею отличать я.
Из добродетелей всего я больше чту
Высоких помыслов святую чистоту,
И благороднее не знаю я примера,
Чем люди, в чьих сердцах горит живая вера.
И нет поэтому на свете ничего
Противнее, чем ложь, притворство, ханжество.
Не стыдно ли, когда святоши площадные,
Бездушные лжецы, продажные витии,
В одежды святости кощунственно рядясь,
Все, что нам дорого, все втаптывают в грязь;
Когда стяжатели в соперничестве яром
Торгуют совестью, как мелочным товаром,
И, закатив глаза, принявши постный вид,
Смекают, кто и чем за то их наградит;
Когда они спешат стезею благочестья
Туда, где видятся им деньги и поместья;
Когда, крича о том, что жить грешно в миру,
Они стараются пробиться ко двору;
Когда клеветники без совести, без чести,
Личиной благостной скрывая жажду мести,
Дабы верней сгубить того, кто им не мил,
Вопят, что он бунтарь противу высших сил?
И оттого для нас они опасней вдвое,
Что приспособили меч веры для разбоя,
С молитвою вершат преступные дела,

И стало в их руках добро орудьем зла.
Таких притворщиков немало в наше время.
Однако отличить нетрудно это племя
От праведных людей. А праведники есть.
И мог бы я легко примеры вам привесть:
Хоть Аристона взять, Оронта, Периандра,
Прибавим к ним еще Альсида и Клитандра,—
Кто может упрекнуть их в чем-нибудь дурном?
Но не звонят они по городу о том,
Что только их, мол, жизнь свята и безупречна.
Нет, добродетель их терпима, человечна,
И ближних осуждать почли б они за стыд,
Ведь осуждающий гордынею грешит.
Они творят добро без показного рвенья,
Чуждаясь пышных фраз и самовосхваленья.
У них спесивое злословье не в чести:
Им в людях радостно хорошее найти.
Интриги не плетут, не роют ближним ямы,
Их помыслы чисты, а их сужденья прямы.
Питают ненависть они, замечу вам,
Не к бедным грешникам, но лишь к самим грехам.
Им не придет на ум усердствовать сверх меры
И ревностней небес стоять на страже веры.
Вот люди! Вот с кого брать надобно пример.
Боюсь, что ваш Тартюф сшит на иной манер
И праведность его — пустое лицемерье.
Не слишком ли легко вошел он к вам в доверье?
Вас обманул его благочестивый вид?
Не все то золото, поверьте, что блестит.

Оргон

Вы все сказали?

Клеант

Да.

Оргон
(направляясь к выходу)

Тогда — слуга покорный.

Клеант

Постойте же! Предмет оставим этот спорный.
Сейчас я о другом. Я слышал, милый зять,
Что за Валера дочь хотели вы отдать.

Оргон

Да.

Клеант

Вы назначили ему день свадьбы, или...

Оргон

Назначил.

Клеант

Почему ж вы свадьбу отложили?

Оргон

Да так...

Клеант

У вас другой есть план, любезный брат?

Оргон

Гм!.. Гм!..

Клеант

Намерены вы слово взять назад?

Оргон

Не то, чтобы назад...

Клеант

Как будто нет для брака
Препятствий никаких?

Оргон

Да как сказать...

Клеант

Однако
Вы уклоняетесь. Валер меня просил...

Оргон

Просил? Я очень рад.

Клеант

Он мил вам иль не мил?
Что мне сказать, когда придет он за ответом?

Оргон

Что пожелаете.

Клеант

Я должен знать при этом,
Как вы поступите.

Оргон

Мне небо даст совет.

Клеант

Вы слово сдержите? Ответьте: да иль нет?

Оргон

Прощайте!

(Уходит.)

Клеант

Ох, боюсь, что этот брак — химера!
Мне надо сей же час предупредить Валера.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Оргон, Мариана.

Оргон

Дитя мое!

Мариана

Отец?

Оргон

Необходимо нам
Потолковать вдвоем.
(Заглядывает в соседнюю комнату.)

Мариана

Что ищете вы там?

Оргон

Хочу увериться, что посторонних нету:
Поговорить с тобой мне нужно по секрету...

Нет никого... Итак, до нынешнего дня
Всегда безропотно ты слушалась меня.
В своей отеческой любви границ не зная,
О благе о твоем заботился всегда я.

Мариана

Мне всех дороже благ отцовская любовь.

Оргон

Отлично сказано. Лишь мне не прекословь —
Навеки сохранишь мое благоволенье.

Мариана

Об этом лишь, отец, мечтаю каждый день я.

Оргон

Так-так... А по душе тебе наш гость, Тартюф?

Мариана

Мне? По душе?

Оргон

Свой долг дочерний вспомянув,
Подумай и ответь правдиво и свободно.

Мариана

Не знаю, батюшка. Как будет вам угодно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Дорина (входит неслышно и становится позади Оргона).

Оргон

Прекрасные слова. Итак, мое дитя,
Образчик совершенств в Тартюфе обретя,
Его вознаградить должны мы по заслугам:
Его полюбишь ты и назовешь супругом.
А?

Мариана

А?

Оргон

Что значит «а»?

Мариана

Как это?

Оргон

Ты о чем?

Мариана

Ведь я ослышалась?

Оргон

Что?

Мариана

Это вы о ком?
Кого вознаградить должны мы по заслугам?
Кого я полюблю и назову супругом?

Оргон

Тартюфа.

Мариана

Но его я вовсе не люблю.

Оргон

Полюбишь, дочь моя, раз я тебе велю.

Мариана

Но, батюшка...

Оргон

На спор мы только время тратим.
Женившись на тебе, Тартюф мне станет зятем,
Мы породнимся с ним. Знай: это мой приказ.
И по твоим глазам сужу я...
(Оборачивается и замечает Дорину.)
Вот те раз!
Подслушивать? Ну-ну! Я вижу, любопытство
Способно довести вас, женщин, до бесстыдства,

Дорина

Соседки-кумушки пророчат этот брак,
Да только, сударь, мне не верится никак.
Кто это выдумал и распустил по свету,
Ума не приложу. Привлечь бы их к ответу!

Оргон

Не веришь, стало быть, ты этому?

Дорина

Ничуть,
Хотя б изволили вы даже присягнуть.

Оргон

Дай срок, уж я тебя уверю, баламутку!

Дорина

Да-да, как бы не так! Вот отмочили шутку!

Оргон

Эй! На ветер слова бросать я не привык.

Дорина

Да ну?

Оргон
(Мариане)

Я не шучу.

Дорина
(Мариане)

Ваш папенька шутник.
Не верьте ничему — он это вам в забаву.

Оргон

Кому я говорю?

Дорина

Придумано на славу,
Да нас не проведешь...

Оргон

Ох, я тебе сейчас!..

Дорина

Да верю, верю я... Вот не ждала от вас!
Мужчина вы в летах — скажу вам не в обиду,—
С почтенной бородой, такой разумник с виду,
И вдруг... Я не пойму, как вам на ум взбрело...

Оргон

Не стоит, милая, употреблять во зло
Мое терпение. Ты слишком обнаглела.

Дорина

Давайте, не сердясь, обсудим это дело.
Хотите свадебкой вы насмешить людей?
Зачем она ему? На что сдался он ей?
Жениться ни к чему столь рьяным богомолам,
Им нету времени возжаться с женским полом.
А вы? Ох, как бы тут расчет вас не подвел,
Ведь сами знаете, что гол он как сокол.
К чему же вам такой зятек?

Оргон

Молчи, Дорина!
Он неимущ, и в том еще одна причина,
Чтоб уважать его. Богатство что? Тщета.
И нищета его — благая нищета.
О достоянии печется он нетленном,
А потому, забыв о достоянье бренном,
Поместий он своих и не сберег. Так вот,
Я поддержу его, он вотчины вернет,
От них мы вправе ждать немалого дохода.
К тому ж он дворянин стариннейшего рода.

Дорина

Он самолично вам хвалил свой древний род?
Благочестивцам-то тщеславие нейдет.
Тот, кто за суету поносит мир греховный,
Не должен хвастаться своею родословной,
И кто живет постясь и вознося мольбы
Не должен поминать дворянские гербы.
Гордыня — смертный грех... Но что это? Вы в гневе?
Не буду. Помолчу о родословном древе.
Займемся им самим. Ужели не смущен

Ваш взор? Представьте их вдвоем: она — и он!
Обдумали ли вы последствия их брака?
В подобных случаях, увы, бывает всяко:
Коль девушку ведут неволей под венец,
Тут добродетели нередко и конец.
Ведь может быть супруг за честь свою спокоен
Лишь при условии, что сам любви достоин.
И если у мужей растет кой-что на лбу,
Пускай винят себя — не жен и не судьбу.
Уж ежели тебе жених попался скверный,
То, как ты ни крепись, женой не будешь верной.
О том подумали вы, сударь, или нет?
Пред небом только вам за все держать ответ.
Иль вам не боязно взять грех на совесть вашу?
С пути собьется дочь, а обвинят папашу.

Оргон

Я вижу, милая, ты мне даешь урок?

Дорина

Неплохо бы, чтоб он пошел вам, сударь, впрок.

Оргон
(Мариане)

Ты эту чушь, дитя, не принимай на веру.
Доверься мне, отцу. Я слово дал Валеру,
Но слышал стороной: игрок как будто он
И вольномыслием к тому же заражен.
Увы, не частый гость Валер в господнем храме.

Дорина

А нужно, чтобы он юлил там перед вами
С молитвой напоказ, как новый ваш жених?

Оргон

Довольно! Не прошу советов я твоих.
(Мариане.)
А мой избранник чужд забавам легковесным,
Всегда в общении он с промыслом небесным,
И это поважней всей прелести земной.
Тебя, как станете вы мужем и женой,
Лелеять будет он, что голубок голубку.

Чего ни пожелай, пойдет он на уступку,
Вовек тебе не даст он повода для слез.
А ты...

Дорина

Она ему наставит мигом... нос.

Оргон

В уме ты?

Дорина

У него такая, сударь, внешность,
Что в грех она, ей-ей, введет саму безгрешность.
На что уж ваша дочь смиренна и тиха,
А замужем за ним не избежит греха.

Оргон

Не прерывай меня. Мне это надоело.
Я с дочкой говорю. Тебе какое дело?

Дорина

Стараюсь ради вас.

Оргон

Ну что ж, я твой должник.
Но об одном прошу: попридержи язык.

Дорина

Я слишком вас люблю, и никакая сила...

Оргон

Да не желаю я, чтоб ты меня любила!

Дорина

А я люблю! Люблю! Хотя бы вам назло.

Оргон

Вот как?

Дорина

И до того на сердце тяжело —
Ведь скоро станете вы притчей во языцех.

Оргон

Уймись!

Дорина

Уж лучше бы оставить дочь в девицах.

Оргон

Ехидна! Кончишь ли ты изливать свой яд?

Дорина

Вы злитесь? Ай-ай-ай! Ведь гнев приводит в ад!

Оргон

Уж добрый час она мне голову морочит.
От этих глупостей вся желчь во мне клокочет.
Ну помолчи, прошу покорнейше тебя!

Дорина

Молчу. Но не могу не думать про себя...

Оргон

Пожалуйста. Но вслух не смей. Ни звука, или...
(Мариане.)
Так вот, дитя мое, мы, значит, порешили.

Дорина
(в сторону)

И рта нельзя раскрыть! Как каменная стой!

Оргон
(Мариане)

Доверься мне. Тартюф не блещет красотой,
Но все ж его лицо...

Дорина
(в сторону)

Сказать точнее — рыло...

Оргон

...приятно, и когда б ты даже не ценила
Его души...

Дорина

Души? Да он...

Оргон оборачивается и слушает Дорину, меряя ее взглядом и скрестив руки на груди.

Я говорю:
Меня б не повели насильно к алтарю,
А если б вышло так, то — я ведь не трусиха —
Назавтра бы мой муж узнал, почем фунт лиха.

Оргон

Так для тебя мои приказы — звук пустой?

Дорина

Не с вами говорю.

Оргон

А с кем?

Дорина

Сама с собой.

Оргон

Так, значит, милая, к моим словам вы глухи?
(В сторону.)
Придется, кажется, прибегнуть к оплеухе.
(Собирается дать Дорине пощечину и, говоря с Марианой, смотрит на Дорину, но та стоит молча.)
Решение отца... одобришь ты, мой друг...
Я взвесил тщательно... Твой будущий супруг...
(Дорине.)
Ну, что же ты молчишь?

Дорина

Я высказала все вам.

Оргон

Дополнишь, может быть?

Дорина

Нет, ни единым словом.

Оргон

А все-таки?

Дорина

Нет-нет! Рехнулась, что ли, я!

Оргон
(Мариане.)

Итак, мой замысел ты знаешь, дочь моя.
Покорствуя отцу, пойдешь ты к аналою...

Дорина
(отбегая)

Такого жениха поганой бы метлою!

Оргон
(хочет дать ей пощечину, но промахивается)

Твоя служанка, дочь, не женщина, чума.
Она, того гляди, сведет меня с ума.
Беседовать с тобой я более не в силах:
Кружится голова, и кровь клокочет в жилах.
Перечит мне во всем! Все делает назло!..
Пройдусь, чтобы чуть-чуть от сердца отлегло.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мариана, Дорина.

Дорина

А наша скромница воды, знать, в рот набрала?
Я за нее борюсь, а ей и горя мало.
Услышать о чудно́м намеренье отца
И не найти в свою защиту ни словца?

Мариана

Не властен ли отец над дочерью своею?

Дорина

Вам надо было бы отвергнуть всю затею,

Мариана

Но как?

Дорина

Должны были папаше вы сказать,
Что худо, ежели противен тестю зять,
Но если муж жене противен — вдвое хуже.
Идти-то замуж вам, вам и судить о муже,
И, коль Тартюф так мил почтенному отцу,
Пусть с этим женихом он сам идет к венцу.

Мариана

Отцу мы никогда ни в чем не возражаем.
Любой его приказ в семье непререкаем.

Дорина

Отец, когда Валер предпринял сватовство,
Согласье дал ему. Вы любите его?

Мариана

Ты смеешь спрашивать? Ах, как ты бессердечна!
Валера одного любить я буду вечно,
И это от меня ты слышала сто раз.
С чего бы жар любви в душе моей угас?

Дорина

Я слышала слова. Но, может быть, на деле
К Валеру вы уже порядком охладели?

Мариана

О нет! Мои слова и чувства — заодно,
И сомневаться в них жестоко и грешно.

Дорина

Короче говоря, вы любите Валера?

Мариана

Всем сердцем.

Дорина

И у вас есть во взаимность вера?

Мариана

Да!

Дорина

И у любящих заботы нет иной,
Как только поскорей стать мужем и женой?

Мариана

Да.

Дорина

А коль замысел отцовский станет былью?

Мариана

О! Я скорей умру, чем подчинюсь насилью!

Дорина

Умрете? Правильно! Какой простой исход!
Помрешь — и кончено: ни горя, ни забот.
Тут все начнут жалеть, оплакивать все станут...
Тьфу! Вас послушаешь — так, право, уши вянут.

Мариана

Ты все стараешься обидеть и кольнуть,
Но не сочувствуешь чужой беде ничуть.

Дорина

Кому сочувствовать должна я? Уж не вам ли?
Ну нет, сударыня: мне не по вкусу мямли.

Мариана

Ты знаешь, что робка с рожденья я была.

Дорина

Кто любит — должен тот быть твердым, как скала.

Мариана

Поверь: моей любви, Дорина, нет предела,
Но убеждать отца — мое ли это дело?
Пускай Валер...

Дорина

Валер? Папаша-сумасброд,
Влюбившийся в ханжу, помолвку вашу рвет,
Он унижает вас, судьбу калечит вашу,
А вы: «Пускай Валер расхлебывает кашу».

Мариана

Как возражать отцу? Ведь, пререкаясь с ним,
Я этим выкажу, как мной Валер любим,
А чувства обнажать нам не велит обычай.
Забыть дочерний долг? Забыть свой стыд девичий?
Ты хочешь выставить на суд людской молвы...

Дорина

Да вовсе ничего я не хочу. А вы?
Чего хотите вы? Сказали бы уж честно,
Что хочется вам стать мадам Тартюф. Прелестно!
Ну что ж, пожалуйста, у всякого свой вкус.
Зачем вам отвергать столь выгодный союз?
Не лестно ли связать судьбу с таким мужчиной
И стать Тартюфовой законной половиной?
Ах, господин Тартюф! Он чересчур хорош,
Чтоб им пренебрегать. За ним не пропадешь.
Всем взял: и праведник, и крови благородной,
Немного лопоух, но свежий и дородный.
Какой приятный смех, какой открытый взгляд!
Я поздравляю вас: не муженек, а клад.

Мариана

О боже!

Дорина

А уж как супруга будет рада
По завершении венчального обряда!

Мариана

О нет, не продолжай! Прошу тебя, молчи!
Но как мне избежать несчастья? Научи!
Готова я на все, не буду я бояться...

Дорина

Нет, что вы! Дочь должна отцу повиноваться,
Пускай бы хоть козла в зятья он захотел.

На что вы плачетесь? Завиден ваш удел.
Вы обвенчаетесь, и сразу новобрачный
Супругу повезет в свой городок невзрачный.
И каждый третий там ему иль брат, иль сват,—
Всех надо ублажить. Визиты предстоят
Вам к сливкам общества. Судейша с важной миной
На табурет складной укажет вам в гостиной.
А уж веселье-то! Раз в год там карнавал,
И, может статься, вдруг вас пригласят на бал
С оркестром музыки из двух губных гармошек
При дюжине свечей или десятке плошек.
А может, случаем заедет в эту глушь
Бродячий фокусник, и разрешит вам муж...

Мариана

О нет!.. Спаси меня от доли горькой этой!

Дорина

Кто? Я? Служанка?

Мариана

Ах, Дорина, посоветуй!

Дорина

Вам в наказанье оставим все как есть.

Мариана

Ах, душенька!..

Дорина

Нет-нет!

Мариана

Но жизнь моя и честь...

Дорина

Завидным муженьком вы насладитесь вволю.

Мариана

Я вверилась тебе. Позволь же...

Дорина

Не позволю.
Вы обтартюфитесь от головы до ног.

Мариана

Ну что же, если так твой приговор жесток,
Придется мне самой искать себе спасенья;
Мое отчаянье подскажет мне решенье.
(Хочет уйти.)

Дорина

Постойте же! Куда? Я больше не сержусь.
Не брошу вас в беде. Не верите? Клянусь.

Мариана

Нет, чем подвергнуться такой ужасной муке,
Уж лучше на себя мне наложить бы руки.

Дорина

Да что вы! Полноте! Не убивайтесь зря.
Надеюсь твердо я, по правде говоря,
Что, действуя с умом... Но вот и ваш желанный.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Валер.

Валер

Сударыня! Сражен я новостью нежданной.

Мариана

Какой же?

Валер

Говорят, что скоро под венец
Вас поведет Тартюф.

Мариана

Так хочет мой отец.

Валер

Ах, вот как! Ваш отец?

Мариана

Он мне сейчас поведал
О новом замысле — и возражать мне не дал.

Валер

Он говорил всерьез?

Мариана

Всерьез, да еще как!
И согласиться мне велел на этот брак.

Валер

На что ж решились вы? Быть дочерью послушной?

Мариана

Не знаю.

Валер

Я хвалю ответ столь прямодушный.
Так вы не знаете, сударыня?

Мариана

Нет.

Валер

Нет?

Мариана

Надеюсь я, что вы дадите мне совет.

Валер

Совет? Пожалуйста. Примите предложенье.

Мариана

Вы думаете?

Валер

Да.

Мариана

Взаправду?

Валер

Без сомненья.
Завидной партией пренебрегать к чему?

Мариана

Так вот какой совет? Что ж, я его приму.

Валер

И, вижу, примете, не ощутив печали.

Мариана

Да, так же, как его вы с легкостью мне дали.

Валер

Хотел, сударыня, советом угодить.

Мариана

А я его приму, чтоб вас не огорчить.

Дорина
(отходит в глубину сцены)

Посмотрим, скоро ли куражиться устанут.

Валер

Так вот она, любовь! О, как я был обманут!
Коварная!

Мариана

Кто? Я? Вас не пойму никак.
Советуете вы, чтоб я вступила в брак,
Предложенный отцом. Ужели я коварна?
Я просто за совет весьма вам благодарна.

Валер

Итак, сударыня, по-видимому, вам
Угодно утверждать, что виноват я сам?
Найти пустой предлог, придраться — и готово:
Есть оправдание для нарушенья слова.

Мариана

Вот именно.

Валер

Теперь я ощутил вполне:
В вас истинной любви и не было ко мне.

Мариана

Что делать! Вы вольны в своих предположеньях.

Валер

О да! Я не привык просить об одолженьях.
Не мните, что меня печалит ваш отказ:
Свяжу свою судьбу — и даже раньше вас —
С другой, которая не бросит, не изменит.

Мариана

И по достоинству, конечно, вас оценит.

Валер

Мои достоинства не так уж велики,
И все ж не оттолкнет она моей руки
И сердца моего не оскорбит. Я верю —
Меня вознаградят сторицей за потерю.

Мариана

Потеря столь мала! Подумаешь, беда!
О, вы утешитесь без всякого труда!

Валер

Надеюсь. Если ж нет, не покажу и виду.
Коль нанесли тебе сердечную обиду,
Плати забвением — так гордость нам велит;
Не можешь позабыть — тогда хоть сделай вид,
Не унижай себя. Нет, не могу постичь я,
Как можно нежностью платить за безразличье.

Мариана

Да, образ мыслей ваш поистине высок.

Валер

Надеюсь, сказано мне это не в упрек?
Иль полагали вы, свое нарушив слово,
Меня с холодностью меняя на другого,
Что я своей любви у вас не отниму,

Останусь верен вам? Что больше никому
Не вверю сердце я, отвергнутое вами?

Мариана

Я полагаю, вы вполне достойной даме
Его предложите. По мне, так хоть сейчас,

Валер

Вас это радует?

Мариана

Могу заверить вас.

Валер

Устал, сударыня, я слушать оскорбленья.
Исполнить ваш совет иду без промедленья.
(Направляется к выходу.)

Мариана

Прекрасно.

Валер
(возвращается)

Помните: на этот крайний шаг
Меня толкнули вы. Ведь так?

Мариана

Пусть будет так.

Валер

И пагубный пример мне подали вы сами.

Мариана

Я? Пагубный пример? Пусть будет так, бог с вами,

Валер
(направляется к выходу)

Итак, я поспешу исполнить ваш приказ,

Мариана

Чудесно.

Валер
(возвращается)

Ухожу. Навеки.

Мариана

В добрый час.

Валер
(направляется к выходу и на пороге оборачивается)

А?

Мариана

Что вы?

Валер
(возвращается)

Вы меня как будто бы позвали?

Мариана

Нет, вам послышалось.

Валер

Итак, вы пожелали,
Чтоб я покинул вас. Прощайте навсегда!..
(Медленно направляется к выходу.)

Мариана

Прощайте!

Дорина

Боже мой, какая ерунда!
И вам не совестно?
(Валеру.)
Стыдитесь! Вы мужчина,
А хуже девочки.
(Удерживает его за руку.)

Валер
(делает вид, что сопротивляется)

Чего тебе, Дорина?

Дорина

Вернитесь-ка!

Валер

Нет-нет. Мне велено уйти.

Дорина

Вернитесь, говорю!

Валер

Так суждено. Пусти!

Дорина

Утихомирьтесь!.. Ну! Пожалуйте обратно.

Мариана
(в сторону)

Мое присутствие ему так неприятно,
Что лучше я уйду.

Дорина
(оставляет Валера и бросается за Марианой)

Ну вот, теперь она!
Куда же вы?

Мариана

Оставь, Дорина!

Дорина

Вот те на!

Мариана

Нет-нет, оставь! Твои старания напрасны.

Валер

(в сторону)

Противен ей мой вид, и должен я, злосчастный,
Исчезнуть с глаз ее.

Дорина
(оставляет Мариану и бросается за Валером)

Ох! Сущая беда!
Довольно глупостей!
(Берет Валера и Мариану за руки.)
Пожалуйте сюда.

Валер
(Дорине)

К чему это?

Мариана
(Дорине)

Зачем?

Дорина

Хочу вас помирить я,
А после сообща обсудим мы событья.
(Валеру.)
Не стыдно, сударь, вам? Вы что, сошли с ума?
Какой мололи вздор!

Валер

Но ведь она сама...

Дорина
(Мариане)

А вы, сударыня? Ну просто уши вяли!
Как можно! Ай-ай-ай!

Мариана

Но ведь он сам вначале...

Дорина

Вы оба хороши.
(Валеру.)
Для вас лишь одного
Живет — я вам клянусь — вот это существо.
(Мариане.)
Он любит вас одну, и только с вами вместе
Счастливым будет он, поверьте моей чести.

Мариана
(Валеру)

Зачем же вы такой мне подали совет?

Валер
(Мариане)

Зачем же спрашивать, коль ясен так предмет?

Дорина

Довольно, говорю! Оставьте эти штуки,
Вы оба стоите друг друга. Дайте руки.
(Валеру.)
Ну, сударь! Ну!

Валер
(подавая руку Дорине)
Зачем?

Дорина
(Мариане)
Сударыня!

Мариана
(подавая руку Дорине)
К чему?

Дорина

Ведь вы полны любви!
(Валеру.)
Вы — к ней.
(Мариане.)
А вы — к нему.
(Обоим.)
Возьмитесь за руки.

Валер и Мариана берутся за руки, не глядя друг на друга.

Валер
(обернувшись)

Вы против примиренья?
Вам трудно на меня взглянуть без отвращенья?

Мариана смотрит на Валера и улыбается.

Дорина

О господи! Как все влюбленные глупы!

Валер
(Мариане)

Увы! Куда б отсель направил я стопы?
Моим мучениям вы, злая, были рады:
Обидные слова и ледяные взгляды...

Мариана

А вы, упрямец! Вас не сдвинуть ни на пядь...

Дорина

Пошли-поехали! Хоть жаль вас прерывать,
Не время ли теперь порассудить, однако,
О том, как избежать насильственного брака?

Мариана

Ах, посоветуй нам!

Дорина

Да где уж вам самим!
(Мариане.)
Чудесит ваш отец.
(Валеру.)
Но справимся мы с ним.
(Мариане.)
Насколько я его натуру разумею,
Отвергнуть напрямик нелепую затею
Весьма рискованно. Верней окольный путь:
Смириться надобно для виду, но — тянуть.
Кто время выиграл — все выиграл в итоге.
Вам нужно без конца выдумывать предлоги:
То прихворнули вы, то снился сон дурной,
Разбилось зеркало, возился домовой,
То выла на луну соседская собака...
Ну, словом, мало ли препятствий есть для брака?
Вот так и действуйте, и эти господа
Не выдавят из вас желаемого «да».
Но все же, чтоб дела не обернулись худо,
Влюбленным лучше бы не видеться покуда.
(Валеру.)
Не тратьте времени. Сейчас всего нужней
Призвать на помощь нам сочувствие друзей.
(Мариане.)
За вас и братец ваш, и мачеха — горою,
Я тоже как-никак чего-нибудь да стою.

Валер
(Мариане)

Усилья общие пророчат нам успех,
Но больше я на вас надеюсь, чем на всех.

Мариана

Отец не обратит меня в иную веру:
Я сердцем и душой принадлежу Валеру.

Валер

О, счастье без границ! Но если только мне...

Дорина

Влюбленным лишь позволь — увязнут в болтовне!
(Валеру.)
Ступайте!

Валер

Но...

Дорина

Живей! С глухими, что ль, толкую?
(Валеру.)
Вы — в эту дверь.
(Мариане.)
А вы, сударыня,— в другую.
(Разводит их в разные стороны.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дамис, Дорина.

Дамис

Пусть гром меня сейчас на месте разразит,
Пусть несмываемый меня покроет стыд,
Когда я отступлю перед отцовской властью
И не пойду на все, чтоб помешать несчастью.

Дорина

Ну и горячая вы, сударь, голова!
Поймите: это ведь пока еще слова,
И вас без времени тревога одолела —
Не так-то близок путь от замысла до дела.

Дамис

И все же мне пора приструнить молодца.
Уж я ему скажу два-три таких словца...

Дорина

Ну-ну! Один лишь вред от неуемной прыти.
Нет, лучше мачехе своей все поручите.
Он к ней благоволит. Я даже так сужу,
Что он слегка того... влюбился в госпожу.
Чем черт не шутит, а? Вот нам бы всем потеха!
Поверьте мне: она могла б не без успеха
Тартюфа расспросить, разведать, что и как,
Узнать, как смотрит он на пресловутый брак,
И объяснить ему, коль сам не понимает,
Что ежели и впрямь надежды он питает,
То все домашние увидят в нем врага.
Я поднялась к нему, да не впустил слуга:
Хозяин погружен в молитвенное бденье;
Но скоро выйдет, мол, окажет снисхожденье.
Ступайте-ка!

Дамис

О нет! Послушать надо мне...

Дорина

Нельзя. Им следует побыть наедине.

Дамис

Клянусь, я буду нем при их переговорах.

Дорина

Вы, сударь? Да ведь вы, как всем известно, порох.
Вы нам наверняка испортите игру.

Дамис

Клянусь...

Дорина

Да вот и он.

Дамис прячется в маленькую комнатку в глубине сцены.

Куда? Ой, не к добру!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дорина, Тартюф.

Тартюф
(заметив Дорину, обращается к своему слуге, который находится за сценой)

Лоран! Ты прибери и плеть и власяницу.
Кто спросит — отвечай, что я пошел в темницу
К несчастным узникам, дабы утешить их
И лепту им вручить от скудных средств моих.

Дорина
(в сторону)

Вот мастер разводить цветистые рацеи!

Тартюф

Чего тебе?

Дорина

Я к вам.

Тартюф
(вынимает из кармана платок)

Возьми платок. Скорее!

Дорина

На что мне ваш платок?

Тартюф

Прикрой нагую грудь.
Сей приоткрыв предмет, ты пролагаешь путь
Греховным помыслам и вожделеньям грязным.

Дорина

Неужто же вы так чувствительны к соблазнам
И вожделение не в силах побороть,
Нечаянно вблизи узрев живую плоть?
Вы, как я погляжу, уж чересчур горячий,
А я — похолодней и чувствую иначе:
Явись вы предо мной в чем родила вас мать,
Перед соблазном я сумела б устоять.

Тартюф

Твоя несдержанность — одна тому причина,
Что, кажется, уйти придется мне, Дорина.

Дорина

Зачем вводить вас в грех? Сама уйду сейчас,
Лишь передам словцо от госпожи для вас:
Она желает, чтоб вы ей не отказали
В непродолжительном свиданье в этой зале.

Тартюф

Какая весть! О нет, я ей не откажу!

Дорина
(в сторону)

Размяк! Знать, втюрился и правда в госпожу.

Тартюф

Когда она придет?

Дорина

Не долго дожидаться...
Да вот она сама! Счастливо оставаться!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тартюф, Эльмира.

Тартюф

Ничтожнейший из всех, живущих в мире сем,
Я к силам всеблагим взываю об одном:
И ныне и вовек пусть промысел небесный
Дарит вас бодростью духовной и телесной.

Эльмира

Предметом ваших быть молитв — большая честь,
И я ее ценю. Но, может быть, нам сесть?

Тартюф
(садясь)

Итак, оправились вы от недуга злого?

Эльмира
(садясь)

Спасибо, все прошло, и я вполне здорова.

Тартюф

Что для небес мои смиренные мольбы?
И все ж с усердием молился я, дабы
Скорей вам небеса послали исцеленье.

Эльмира

Чем заслужила я столь пламенное рвенье?

Тартюф

Мне ваше здравие столь дорого, что впредь
За счастье бы почел я вместо вас болеть.

Эльмира

Вот как? Вы далее зашли в своем усердье,
Чем христианское велит нам милосердье.
Весьма признательна за вашу доброту.

Тартюф

Возможность вам служить за счастие почту.

Эльмира

Мне нужно было вам сказать два слова втайне.
Мы здесь одни.

Тартюф

Польщен доверьем вашим крайне.
Скрыть не могу от вас, сударыня: и мне
Столь с вами сладостно побыть наедине,
Что я давно молил об этом провиденье
И дожил наконец до дивного мгновенья.

Эльмира

Я буду искренна; жду также и от вас,
Что сердце вы свое откроете сейчас.

Дамис приотворяет дверь.

Тартюф

О, тут найдете вы во мне единоверца!
С великой радостью я вам открою сердце.

Признаюсь сразу же, что если иногда
Пенял я на гостей, которые сюда
Слетались восхвалять прелестную особу,
То вовсе не затем, что к вам питал я злобу,
Напротив — мыслил я вас уберечь от зла.
В заботе ревностной...

Эльмира

Я так и поняла —
В заботе о душе...

Тартюф
(хватая ее за руку)

Да, в ревностной заботе
О вашем благе...

Эльмира
(вырывая руку)

Ой! Вы слишком крепко жмете.

Тартюф

Простите мой порыв. Увы! Столь велика
Моя вам преданность...
(Кладет руку Эльмире на колени.)

Эльмира

При чем же здесь рука?

Тартюф

Хотел пощупать ткань. Она весьма добротна
И так нежна, мягка!..

Эльмира

Простите, мне щекотно.

Эльмира отодвигает свое кресло, но Тартюф придвигает свое.

Тартюф
(щупает косынку Эльмиры)

А это! Боже мой, какое мастерство!
Искусней я досель не видел ничего.
До чрезвычайности во всем мы преуспели...

Эльмира

О да! Но не пора ль потолковать о деле?
Как передали мне, Валера ждет отказ:

Мой муж перерешил и прочит дочь за вас.
Что это — истина или пустые слухи?

Тартюф

Он, правда, намекал на что-то в этом духе,
Однако же другой я жребий предпочту:
Лелею, признаюсь, я высшую мечту
И прелестей иных всем существом взыскую.

Эльмира

Отвергли, знаю я, вы суету мирскую.

Тартюф

Все ж сердце у меня в груди, а не кремень.

Эльмира

Святыми мыслями заполнен весь ваш день,
Земные чужды вам желанья и заботы.

Тартюф

Тому, кто возлюбил бессмертные красоты,
Должна приятна быть и смертная краса:
Ее на радость нам даруют небеса.
Иной раз и в других созданиях прелестных
Мы видим отблески прообразов небесных,
Но ваш прекрасный лик нежнее всех стократ,
Волнует сердце он и восхищает взгляд.
Едва встречаю вас, как снова я и снова
Чту в вашем облике творца всего живого,
И к воплощенному подобию его
Огнем любви мое пылает естество.
Сначала я считал, что мне бороться надо
С любовным пламенем, что это козни ада,
И, как вы ни чисты, как вы ни хороши,
В вас мнил препятствие к спасению души,
Но понапрасну я страшился, маловерный,—
Столь ваша красота чужда житейской скверны,
Что я, вас полюбив, в грех не рискую впасть:
Сия не пагубна, но животворна страсть.
Вам сердца моего теперь открылась тайна,
И дерзостью своей смущен я чрезвычайно.
Так недостоин я, я столь ничтожно мал,
Что не открылся б вам, когда б не уповал

На вашу доброту. О чудное созданье!
Что ждет меня теперь: блаженство иль страданье?
Вершина радостей иль бездна горьких мук?
Какую я судьбу приму из ваших рук?

Эльмира

Признанье пылкое... Но, как оно ни лестно,
Боюсь, что ваша речь немного... неуместна.
А я-то думала до нынешнего дня,
Что ваша набожность — крепчайшая броня
От искусов мирских, надежная плотина...

Тартюф

Как я ни набожен, но все же я — мужчина.
И сила ваших чар, поверьте, такова,
Что разум уступил законам естества.
Отринув суету для радости небесной,
Я все ж, сударыня, не ангел бестелесный.
Но, осудив меня за дерзость, часть вины
На вашу красоту вы возложить должны:
Она мной сразу же навеки завладела,
Вам помыслы мои принадлежат всецело;
Сей безмятежный взор и дивное чело
Пронзили сердце мне, оно изнемогло.
К молитве и посту прибег я, но напрасно,
Я думал об одном: о, как она прекрасна!
Мой каждый вздох и взгляд твердили это вам,
И вот я наконец доверился словам.
Но если тронут вас нижайшие моленья
И вы подарите свое благоволенье
Мне, недостойному и жалкому рабу,
Заоблак вознеся ничтожную судьбу,
Вам преданность явлю я, мой кумир бесценный,
Какой не видели доныне во вселенной.
Коль осчастливите вы своего слугу,
От всех случайностей я вас оберегу.
Честь ставят женщины на карту, как мы знаем,
Доверившись хлыщам, беспечным шалопаям:
Чуть юный вертопрах чего-нибудь достиг,
Тщеславье так его и тянет за язык,
И пошлой болтовней грязнит он без смущенья
Алтарь, где сам вершит он жертвоприношенья.

Но я не из таких. Нет, я любовь свою
От любопытных глаз надежно утаю:
Ведь сам я многое теряю при огласке.
А потому мне честь доверьте без опаски.
Своей избраннице я в дар принесть бы мог
Страсть — без худой молвы, услады — без тревог.

Эльмира

Хотя с начальных слов уже могла пресечь я
Столь неуместные потоки красноречья,
Я выслушала вас. Понравится ли вам,
Коль этот разговор я мужу передам?
Не охладеет ли он к преданному другу,
Который соблазнить решил его супругу?

Тартюф

Нет! Свято верую я в вашу доброту.
Пускай в избытке чувств я преступил черту,
По слабости своей подпав под ваши чары,—
Ужель столь тяжкие обрушите вы кары
На грешника за то, что он, увы, не слеп,
За то, что духом он еще не столь окреп,
Не защищен вполне от искушений плоти?

Эльмира

Другая женщина, как вы легко поймете,
Могла бы тут куда суровей поступить,
Но не пожалуюсь я мужу, так и быть.
С условьем: вы должны — смотрите без обмана! —
Добиться, чтоб была с Валером Мариана
Незамедлительно обвенчана. Я жду,
Что отведете вы от их голов беду
И нас избавите от ваших домогательств.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Дамис.

Дамис

О нет, сударыня! Я волей обстоятельств
Был здесь и слышал все. Теперь уж подлеца
Могу я обличить пред всеми до конца!
Уж раз так повезло, с ним расплачусь теперь я

За наглость и за спесь, за ложь и лицемерье.
Я расскажу отцу, как за его спиной
Злодей амурничать решил с его женой.

Эльмира

Спокойнее, Дамис! Попробуем сначала
Войти в согласье с ним. Молчать я обещала
И обещания обратно не возьму.
Не в правилах моих шум поднимать. К чему?
Мы, женщины, должны обороняться сами,
И докучать мужьям не стоит пустяками.

Дамис

Вы вправе поступать так, как угодно вам,
Но я уж вырваться разбойнику не дам.
Вы, верно, шутите? Чтоб я стерпел потворство
Тому, нахальство чье и гнусное притворство
Меня до белого каленья довело?
Доверчивость отца употребив во зло,
Он внес раздор в семью, разрушил наши планы,
Попрал любовь мою, Валера, Марианы.
Но небо выдало его мне головой.
Ужель не утолю гнев справедливый свой,
Ужель я упущу благоприятный случай
И выхода не дам для ненависти жгучей?
Держать его в руках — и выпустить? О нет!
Мне будет совестно глядеть на белый свет.

Эльмира

Дамис!..

Дамис

Нет, ни за что! Кто на моем бы месте
Не ощутил восторг от предвкушенья мести?
Я — не прогневайтесь — оставлю в стороне
Все ваши доводы. Раз он попался мне,
Уж будет сорвана с бесстыжей твари маска,
И я покончу с ним!
(Увидев Оргона.)
Ага! Вот и развязка!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Оргон.

Дамис

Как кстати вы, отец! Спешу поведать вам
О том, чему сейчас свидетель был я сам.
Вот этот господин — он возымел желанье
За вашу доброту, за все благодеянья
Весьма старательно и щедро отплатить:
Вас, благодетеля, бесчестием покрыть.
Изобличить хочу я этого злодея:
Я слышал сам, как здесь, от гнусной страсти млея,
Признанья расточал супруге вашей он.
Она скромна, кротка; столь дух ее смущен,
Что не хотелось ей вам говорить об этом.
Но, происшедшее оставив под секретом,
Я от возмездия укрыл бы наглеца,
Я предал бы тогда честь моего отца.

Эльмира

И вновь, Дамис, должна вам повторить я то же:
Что мы, своих мужей напрасно не тревожа,
Способны защитить их и себя. Увы!
С моим суждением не посчитались вы.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тартюф, Дамис, Оргон.

Оргон

Что слышу я? Чему мне верить? Боже правый!

Тартюф

Верь, брат мой! Я злодей, бесстыдный и лукавый,
Виновник всяких зол, источник всяких бед.
Такого грешника еще не видел свет.
С мерзейшим из существ не смею стать я рядом,
Вся жизнь моя полна позором, грязью, смрадом,
В ней скопище грехов и свалка нечистот,
И небо поделом мне казнь такую шлет.
Пускай припишут мне любое злодеянье —

Смирюсь, не проронив ни слова в оправданье.
Так верьте же всему! Услышав и узрев
Все низости мои, обрушьте ярый гнев,
Гоните прочь меня. Какие бы удары
От вас ни претерпел — я стою большей кары.

Оргон
(Дамису)

Как повернулся твой бессовестный язык
Над праведником так глумиться? Клеветник!

Дамис

Что? Этот лицемер кривляется бесстыдно,
А вы его...

Оргон

Молчи, проклятая ехидна!

Тартюф

О, пусть он говорит, и верьте вы ему!
Я поношения безропотно приму.
Сурово рассудив и нелицеприятно,
Вдруг вы позорные на мне найдете пятна?
Доверие ко мне внушают, милый брат,
Мое открытое лицо, правдивый взгляд,
Но, может статься, вас обманывает внешность,
И в сердце у меня порок, а не безгрешность?
И, добронравием прославясь меж людей,
На деле, может быть, первейший я злодей?
(Дамису.)
Итак, мой милый сын, вот весь я перед вами,
Клеймите же меня поносными словами:
Я изверг, лицемер, клятвопреступник, тать,
Убийца, блудодей,— не стану отрицать.
Колени преклонив, стерплю я поруганье
Как по грехам моим от неба воздаянье.
(Опускается на колени.)

Оргон
(Тартюфу)

Мой драгоценный брат!
(Дамису.)
Ну, бессердечный лжец,
Ты не раскаялся?

Дамис

Да разве вы, отец,
Не видите...

Оргон

Молчать!
(Поднимая Тартюфа с колен.)
О брат мой, поднимитесь!
(Дамису.)
Мерзавец!

Дамис

Я...

Оргон

Молчи!

Дамис

Клянусь, вы убедитесь...

Оргон

Замолкнуть велено тебе, клеветнику.
Еще лишь звук — и я сверну тебе башку!

Тартюф

Брат! Ради господа, себя возьмите в руки.
Я сам с готовностью отдам себя на муки,
Чтоб волос не упал с заблудшей головы.

Оргон
(Дамису)

Ну! Слышишь ты?

Тартюф

Ужель не смилуетесь вы?
Я за него молю коленопреклоненный.

Оргон
(становясь на колени перед Тартюфом)

Как можно, милый брат...
(Дамису.)
Гляди: во всей вселенной
Великодушия такого не найдешь!

Дамис

Но...

Оргон

Цыц!

Дамис

Но я...

Оргон

Молчи! Всё — происки и ложь.
Он ненавистен вам: моей жене, и детям,
И даже челяди; вы с праведником этим
Желаете меня поссорить. Никогда!
Чем более на то вы тратите труда,
Тем он дороже мне. Наветам и обидам
Враз положу конец: дочь за него я выдам
И этим браком спесь со всех вас я собью.

Дамис

Вы обвенчаете с ним силой дочь свою?

Оргон

Да-да, бездельник! Да! И нынче ж, без отсрочки,
Упрямцам всем назло: жене, сынку и дочке.
Кто здесь глава семьи? Я всех вас, так и знай,
Скручу в бараний рог. Сейчас же, негодяй,
Пади к его ногам и попроси прощенья!

Дамис

Я? У мошенника?

Оргон

Что? Снова оскорбленья?
Где трость моя? Где трость?
(Тартюфу.)
Пустите же меня!
(Дамису.)
Вон из дому! Слыхал? Чтоб с нынешнего дня
Тебя не видел я! Иначе будет худо!

Дамис

Что ж, я уйду...

Оргон

Живей! Проваливай отсюда!
Наследства я тебя лишаю, наглеца,
И получи взамен проклятие отца!

Дамис уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тартюф, Оргон.

Оргон

Как только наглости хватает негодяю!..

Тартюф

Пусть небеса ему простят, как я прощаю.
(Оргону.)
Как горько, милый брат, что вся ваша семья
Меня преследует! Чем досадил им я?

Оргон

Увы!

Тартюф

Так исказить души моей порывы!
Обидно... Сколь они ко мне несправедливы!..
Ужасно!.. Сердце сжал мне холод ледяной...
Ах, брат!.. Мне кажется, что смерть пришла за мной...

Оргон

(рыдая, бежит к двери, за которой скрылся Дамис)

Проклятый висельник! Жаль, не хватило духу,—
Прихлопнуть бы тебя на месте, словно муху!
(Тартюфу.)
Очнитесь, милый брат! Прощенья жду от вас!

Тартюф

Не надо более об этом... Но сейчас
Я понял, что в ваш дом раздора внес я семя,
Жизнь вашу омрачил и что приспело время
Отсюда мне уйти куда глаза глядят.

Оргон

Вы шутите!

Тартюф

Им всем я ненавистен, брат.
И о моих грехах вам прожужжали уши.

Оргон

Но ведь не слушаю я этой дерзкой чуши!

Тартюф

Увы, не кончатся наветы их на сем,
И в следующий раз, устав в борьбе со злом,
Вы им уступите.

Оргон

Меня не обморочат!

Тартюф

Ах, брат!.. Когда жена чего-нибудь захочет,
То рано ль, поздно ль муж ей сдастся.

Оргон

Но не я.

Тартюф

Нет-нет, уж раз меня отвергла вся семья,
Позвольте мне уйти!

Оргон

О нет! Разлуки с вами
Я не переживу.

Тартюф

Подобными словами
Вы разрываете мне сердце. Я боюсь,
Что уступлю вам...

Оргон

Ах!..

Тартюф

Ну хорошо, сдаюсь...
Однако же, дабы не вызывать злоречья,
Намерен избегать с женою вашей встреч я.

Оргон

Да нет, наоборот: я в долг вменяю вам
Не расставаться с ней назло клеветникам.

Признаться, для меня милее нет занятья,
Чем злить глупцов... Легко могу их доконать я
Созревшим только что решением одним:
Я назначаю вас наследником своим.
Помимо всех других! Единственным! Вот так-то!
Немедленно займусь я составленьем акта:
Свое именье в дар хочу вам отписать.
Милей мне верный друг и будущий мой зять,
Чем сын, жена и все... Вы примете даренье?

Тартюф

Могу ль противиться я воле провиденья?

Оргон

Бедняга!.. Ну, идем! Сей акт я сочиню —
И пусть хоть разорвет с досады всю родню!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клеант, Тартюф.

Клеант

О происшествии распространились вести,
И этот шум отнюдь не служит к вашей чести.
Я, сударь, очень рад, что встретились вы мне:
Хочу вам кое-что сказать наедине.
Поверьте, что совсем нет у меня желанья
Вникать в подробности и учинять дознанье.
Допустим, что Дамис неправ, что без причин
Он стал вас обвинять. Вы, как христианин,
Казалось бы, должны простить ему обиду
И впавшего во грех взять под свою эгиду?
Как допустили вы, смиренья образец,
Чтоб сына из дому прогнал родной отец?
Я повторяю вам: настолько это дико,
Что все возмущены — от мала до велика.
Я вам советую уладить все добром,
Дамису вновь открыть дорогу в отчий дом.
Давайте кончим-ка все чинно-благородно.
К тому ж прощать врагов весьма богоугодно.

Тартюф

Ах, если бы я мог так дело повернуть!
Поверьте: на него я не сержусь ничуть,
Я все ему простил и с радостью душевной
На помощь бы пришел в судьбе его плачевной,
Но замыслам небес тем причинил бы вред,
Вот почему — увы! — вам говорю я «нет».
Ведь если бы сюда он возвратился снова,
Я сам бы должен был сего лишиться крова:
Проступки юноши, к несчастью, таковы,
Что я, с ним примирясь, дам пищу для молвы,
Весьма злокозненных суждений не миную.
Все скажут: раз пошел я с ним на мировую,
То сам не без греха; прощаю для того,
Чтоб этим-де купить молчание его.

Клеант

Я вижу, сударь мой, вы ритор прирожденный —
Столь ваши доводы тонки и изощренны.
Так вы взялись помочь в отмщенье небесам?
Небесный промысел свершит свой суд и сам,
И грешникам без вас пошлет он воздаянье.
Не заповедано ль нам свыше состраданье,
Прощение грехов? И что вам до молвы,
Коль поступаете по заповедям вы?
Ужель воздержитесь вы от благого дела
Из страха, чтобы вас вдруг сплетня не задела?
Для тех, кто следует велениям небес,
Резоны прочие имеют малый вес.

Тартюф

Я вам сказал, что, вняв заветам провиденья,
Простил я клевету, простил и оскорбленья.
Но столь я претерпел от этих злобных ков,
Что небо не велит мне с ним делить сей кров.

Клеант

Но вам оно велит принять без колебанья,
В обход наследников, чужое достоянье?
Отвергнуть этот дар — не в том ли долг был ваш?
Отец рубил сплеча, но как такая блажь
Отпора не нашла в столь строгом моралисте?

Тартюф

Поверьте, сударь: чужд я низменной корысти,—
Вам это подтвердят все, кто со мной знаком.
Богатство — прах, и я не думаю о нем.
И тем не менее внушил мне высший разум,
Что встретить не могу надменным я отказом
Тот доброхотный дар, что преподносит друг:
Мой долг — спасти добро от недостойных рук;
В противном случае наследники именья
Могли бы дать ему дурное примененье.
Я ж деньгам оборот весьма похвальный дам
На благо ближнему, во славу небесам.

Клеант

Как вы находчивы! Что значит проповедник!
А все ж не лучше ли, чтоб сам прямой наследник,
Не беспокоя вас, на собственный свой страх,
Подумал о своих владеньях и деньгах?
Тогда, окажется он скрягой или мотом,
Уж вас не назовут бесчестным живоглотом.
Итак, вы приняли, не совестясь ничуть,
Подарок? Может быть, попался где-нибудь
Вам в текстах, мудростью глубокой освященных,
Предлог для грабежа наследников законных?
И если промысел небесный так суров,
Что возбраняет вам делить с Дамисом кров,
То для такой, как вы, возвышенной особы
Достойней было бы и натуральней, чтобы
Не сын хозяина покинул отчий дом,
А вы, откланявшись, ушли своим путем.
Мне тягостно сказать, что потеряли стыд вы,
Но...

Тартюф

Сударь! Три часа. То час моей молитвы.
Прошу меня простить, что вас оставлю я
И поднимусь к себе.
(Уходит.)

Клеант

Уф! Скользкая змея.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Клеант, Эльмира, Мариана, Дорина.

Дорина
(Клеанту)

Наш, сударь, долг — помочь бедняжке Мариане.
Зачахнуть долго ли от этаких страданий?
Так дочку женихом порадовал отец,
Что после свадебки ей сразу и конец.
Сейчас он будет здесь. К нему приступим разом,
А если на мольбы ответит нам отказом,
На хитрость пустимся, лишь бы он взял назад
Свою угрозу...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Оргон.

Оргон

А! Все в сборе? Очень рад.
(Мариане.)
Такую, дочь моя, составил я бумагу!..
Не бойся ничего — все к твоему же благу.

Мариана
(бросаясь на колени перед Оргоном)

Отец! Я вас молю! Я заклинаю вас
Всем, что вам дорого! Пускай на этот раз
Отцовские права уступят состраданью:
Впервые вашему противлюсь я желанью.
Ужели я должна в расцвете юных лет
Корить судьбу за то, что рождена на свет?
Ужели эту жизнь, дарованную вами,
Оплакать суждено мне горькими слезами?
О, если, вопреки мечтаниям моим,
Отвергли вы, отец, того, кто мной любим,
То я молю у вас хотя бы избавленья
От рук того, кто мне внушает омерзенье!
Не позволяйте же в отчаянье мне впасть,
Смирите жалостью отеческую власть!

Оргон
(растроган; про себя)

Ну-ну, не раскисать! Нужна тут непреклонность.

Мариана

Мне ваша ведома к Тартюфу благосклонность.
Но я вас упрекать не собираюсь в том.
Отдайте все ему: имущество и дом,
Мое приданое пускай берет он тоже,
Коль так угодно вам, но только, правый боже,
Не самое меня! Позвольте мне взамен
Окончить дни мои средь монастырских стен.

Оргон

В монахини? Так-так! Вот их прием всегдашний,
Лишь только мы, отцы, вмешаемся в их шашни.
Довольно! Встань с колен! Все это бредни, чушь!
А если все-таки противен будет муж,
Считай, что польза есть и в этом обороте:
Ниспослан он тебе для умерщвленья плоти.
Не хнычь, дай мне покой!

Дорина

Но как же...

Оргон

Ты опять?
Забыла, что тебе приказано молчать?

Клеант

Позволите ли мне подать совет смиренный?

Оргон

Дражайший шурин мой! Советчик вы отменный,
И высоко ценю я каждый ваш совет,
Но у меня сейчас нужды в советах нет.

Эльмира
(Оргону)

Все, что я слышу здесь, приводит в изумленье:
Как можно пребывать в подобном ослепленье?
Вы слишком верите любимцу своему,
И случай давешний — свидетельство тому.

Оргон

Э, нет! Не провести меня вам на мякине.
Известно мне, что вы в моем беспутном сыне
Души не чаете. Негодный лоботряс
Решил оклеветать беднягу, а у вас
Лжеца изобличить язык не повернулся.
Да будь и вправду что — уж я б не обманулся,
Уж я увидел бы, что вы возмущены.

Эльмира

Вы полагаете, что женщины должны,
Услыша вздорные любовные признанья,
Излить всем напоказ свое негодованье
С закатываньем глаз, заламываньем рук?
Такие выходки меня смешат, мой друг.
Мы разом можем быть и строги и учтивы,
И, признаюсь, претят мне пылкие порывы:
Иная женщина так свято честь блюдет,
Чуть что — и ноготки и зубы пустит в ход.
Я мерю нравственность совсем иною мерой:
Быть честною женой не значит быть мегерой.
Холодной строгостью, не тратя лишних сил,
Скорее остужу я неуместный пыл.

Оргон

Я знаю все, и нет причин менять решенье.

Эльмира

Могу лишь повторить: вы в полном ослепленье.
Но если доказать удастся все же мне,
Что правда как-никак на нашей стороне?

Оргон

На вашей?

Эльмира

Да.

Оргон

Вот вздор!

Эльмира

Но если станет ясен
Вам злостный умысел?

Оргон

Я не любитель басен.

Эльмира

Упрямец! Я склонять вас не хочу к тому,
Чтоб доверяли нам вы больше, чем ему.
Но если бы сейчас устроить так могли мы,
Чтоб, сами для него неслышимы, незримы,
Вы слышали бы, как вас предает ваш друг,
Что вы сказали бы на это, мой супруг?

Оргон

Что я сказал бы?.. Гм!.. Что это невозможно.

Эльмира

Пора нам выяснить, что истинно, что ложно.
Коль убежденьем вас не сдвинуть ни на пядь,
Вам все воочию придется показать.

Оргон

Ловлю вас на слове. Идет!.. Что, присмирели?
Посмотрим, как-то вы своей добьетесь цели.

Эльмира
(Дорине)

Зови его сюда.

Дорина
(Эльмире)

У этаких пройдох
Нюх, словно у борзой,— учует он подвох.

Эльмира

О нет! Поддался он любовному дурману
И полн собой,— таких влечет к самообману...
Скажи, чтобы Тартюф тотчас сюда пришел.
(Клеанту и Мариане.)
Оставьте нас.

Дорина, Клеант и Мариана уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эльмира, Оргон.

Эльмира

А вы пожалуйте под стол.

Оргон

Что?

Эльмира

Спрятаться должны вы от чужого взгляда.

Оргон

Зачем же вдруг под стол?

Эльмира

Ах, боже мой! Так надо!
Сейчас хозяйка — я, свой у меня расчет;
Когда все кончится, настанет ваш черед.
Сидите под столом и до поры — ни звука!

Оргон

Боюсь, что больно я покладист, вот в чем штука.
Однако ж я теперь вошел в азарт и сам:
Как вывернетесь вы?

Эльмира

Судить об этом — вам.
(Оргону, сидящему под столом.)
Итак, должны быть здесь вы недвижимы, немы.
Еще одно... Коснусь я щекотливой темы:
Не попрекайте уж свою жену потом,
Коль в поведении проявится моем
Несвойственная мне развязная манера —
Так проще нам сорвать личину с лицемера.
Пущусь с ним в нежности, приободрю чуть-чуть,
Чтоб к дерзким выходкам злодея подстрекнуть.
Но соглашусь внимать признаниям слащавым
Я только ради вас, дабы открыть глаза вам,
Чтоб виден стал он вам до самого нутра;
Лишь вы прозреете — вмиг кончится игра.
Пускай же мой супруг, когда сочтет уместным,
Положит сам конец исканиям бесчестным

И защитит жену, которая — увы! —
Должна унизиться, чтоб верили ей вы.
Запомните, что вы — хранитель нашей чести...
Но чу! Сюда идут. Застыньте же на месте.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Тартюф.

Тартюф
(Эльмире)

Мне было сказано, чтоб я пришел сюда,
Что вам поговорить со мной угодно.

Эльмира

Да,
Мне нужно кое-что сказать вам по секрету.
Взгляните: никого поблизости там нету?
Да затворите-ка плотнее эту дверь!

Тартюф затворяет дверь и возвращается.

Не дай бог, как тогда, застанут нас теперь!
Поосторожнее держаться б не мешало:
Дамис и так хлопот доставил нам немало.
Боялась я за вас и не жалела сил,
Стараясь остудить его ревнивый пыл,
Но с ним не удалось достичь единогласья.
По правде говоря, в смущенье не нашлась я,
Когда стал обличать он вас перед отцом,
И не смогла в глаза назвать его лжецом.
Все обошлось, хоть в том и не моя заслуга:
Вне подозрений вы для моего супруга.
Вдобавок хочет он, чтоб чаще с этих пор
Мы с вами виделись молве наперекор.
Вот почему сейчас могу без опасенья
Я с вами говорить в тиши уединенья,
Поведать, сердце вам доверчиво раскрыв:
Откликнулось оно на жаркий ваш призыв.

Тартюф

Не шутите ли вы, сударыня, со мною?
Давно ли ваша речь была совсем иною?

Эльмира

Ужели мой ответ вас в заблужденье ввел?
Как мало знаете еще вы женский пол!
Могли бы отличить — вы не юнец зеленый -
Решительное «нет» от слабой обороны.
В подобных случаях всегда между собой
Стыдливость с нежностью ведут жестокий бой.
Когда веленью чувств готовы мы поддаться,
Стыдливость нам всегда мешает в том признаться.
Умейте ж распознать за холодностью слов
Волнение души и сердца нежный зов.
Наш долг советует нам так, любовь — иначе,
И часто наш отказ — лишь предисловье к сдаче.
Но вы не поняли. Вот почему сейчас
Стыдливость превозмочь должна я ради вас.
Припомните, прошу, все с самого начала.
Да разве пасынка я укрощать бы стала,
А прежде разве бы я разрешила вам
Дать волю искренним, несдержанным словам,
В которых жар пылал, для вас столь необычный,
Когда бы для меня вы были безразличны?
И если не могла ваш с Марианой брак
Одобрить я,— и в том для вас был добрый знак:
Будь вы внимательней, вам тут и угадать бы,
Что вас отговорить хотела я от свадьбы
Затем, чтоб не пришлось сердечный пламень свой
Вам надвое делить — меж мною и другой.

Тартюф

Я ощутил в душе восторг неизъяснимый:
Рекли благую весть уста моей любимой.
Мне ваша речь была как сладостный нектар:
Блаженство без границ обещано мне в дар.
Приятным быть для вас — предел моих мечтаний,
И сердце радостью полно от сих признаний.
Но утаить от вас почел бы я за стыд,
Что это сердце червь сомнения сверлит.
Вы не лукавите ль — как было б это больно! —
Чтоб я от брачных уз отрекся добровольно?
Так не посетуйте, я с вами буду прям:
Поверю до конца я ласковым словам
И вашу прежнюю забуду отчужденность,

Когда проявите ко мне вы благосклонность
Не только на словах; чтоб счастлив быть я мог,
Мне нужен ваших чувств вещественный залог.

Эльмира
(кашляет, чтобы привлечь внимание мужа)

Как вы торопитесь! Ужель еще вам мало,
Что я свою приязнь от вас таить не стала?
Мне эта исповедь далась не без труда,
Но благодарность вам, как вижу я, чужда,
И чересчур у вас практическая складка:
Вам нужно получить все сразу, без остатка.

Тартюф

Чем недостойней мы, тем тяжелее нам
Мечтать о счастии, доверясь лишь словам,
И приглашению в заоблачные сферы,
Не очутившись в них, мы дать не смеем веры.
И я в сомнении, прослушав вашу речь:
В ничтожестве своем чем мог я вас привлечь?
Мне верить нелегко в успех моих искательств,
Не получив тому весомых доказательств.

Эльмира

О, как у вас любовь безжалостна! Она
Не знает удержу. Я, право, смущена.
Ах, боже мой! Да с ней нет никакого сладу!
Однако не пора ль ей положить преграду?
Но вы не слышите? Порыв ваш слеп и глух!..
Постойте!.. Дайте же перевести мне дух!
Вы, сударь, чересчур настойчивы! Как можно?
Вы домогаетесь всего — и неотложно!
Ужели, пользуясь приязнью к вам моей,
Вы отдали себя на произвол страстей?

Тартюф

Коль преданность мою и впрямь вы не презрели,
Зачем весь пламень чувств не проявить на деле?

Эльмира

Однако, если бы я уступила вам,
Не бросила ли бы я вызов небесам,
Чьи заповеди чтить велите вы так строго?

Тартюф

Страшат вас небеса? Напрасная тревога!
Тут я улажу все, ручаюсь за успех.

Эльмира

Нарушить заповедь — ведь это смертный грех!

Тартюф

О, вас избавлю я от самой малой тени
Столь мучающих вас наивных опасений!
Да, нам запрещены иные из услад,
Но люди умные, когда они хотят,
Всегда столкуются и с промыслом небесным.
Круг совести, когда становится он тесным,
Расширить можем мы: ведь для грехов любых
Есть оправдание в намереньях благих.
Я тайным сим путем вас поведу умело,
Не бойтесь ничего, доверьтесь мне всецело,
Без страха можете вы внять моим мольбам:
За все последствия в ответе лишь я сам.

Эльмира кашляет громче.

А вы изволили, я вижу, простудиться?

Эльмира

Да, кашель мучает.

Тартюф

Есть у меня лакрица,
Позвольте предложить.

Эльмира

Нет, знаю наперед:
Ни от каких лекарств мой кашель не пройдет.

Тартюф

Сколь это горестно!

Эльмира

Представить даже трудно!

Тартюф

Итак, сия боязнь, поверьте, безрассудна.
Подумайте: ну кто раскроет наш секрет?
В проступке нет вреда, в огласке только вред.
Смущать соблазном мир — вот грех, и чрезвычайный,
Но не грешно грешить, коль грех окутан тайной.

Эльмира
(снова кашляет и стучит по столу)

Боюсь, что для меня иного нет пути,
Как все позволить вам и до конца идти.
Лишь этою ценой — убеждена теперь я —
Смогу обидное сломить я недоверье.
Конечно, тягостно мне сделать этот шаг,
Но, видно, иначе не убедить никак
Того, кому всего услышанного мало;
Он добивается во что бы то ни стало
Свидетельств явственных, уже не слов, но дел,—
Что ж, если так, пускай получит, что хотел.
И если тяжкий грех содеян будет мною,
Тем хуже для того, кто этому виною.
Сама я, видит бог, тут буду ни при чем.

Тартюф

О да, за все лишь я ответствен целиком!..

Эльмира

Но мне сперва от вас нужна одна услуга.
Взгляните: за дверьми нет моего супруга?

Тартюф

Его-то мы всегда вкруг пальца обведем.
Как сам он пожелал, мы видимся вдвоем,
Он этим горд весьма, спесь взор его туманит,
И если даже вдруг он нас врасплох застанет,
Скорей поверит мне, чем собственным глазам.

Эльмира

Взгляните все-таки, спокойней будет нам.

Тартюф уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Эльмира, Оргон.

Оргон
(вылезает из-под стола)

Ну, я вам должу... Вот негодяй отпетый!..
Все не приду в себя. Сражен я сценой этой.

Эльмира

Вы вылезли? Уже? Не рано ли, мой друг?
А может, вновь под стол — там скоротать досуг?
Мне кажется, что вы торопитесь чрезмерно.
Боюсь, что будет все для вас недостоверно,
Пока не доведет он дела до конца.

Оргон

Еще не видел мир такого подлеца!

Эльмира

Неужто вы сдались? Не чересчур ли скоро?
Довольно ли у вас улик для приговора?
Все ль вами взвешено? Все ль вами решено?
(Заслоняет собой Оргона.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Тартюф.

Тартюф
(не замечая Оргона)

Ну вот! Сама судьба со мною заодно:
Нет ни души. Я жду счастливейшего мига...

Тартюф приближается, раскрыв объятия, к Эльмире, но она ускользает, и Тартюф оказывается лицом к лицу с Оргоном.

Оргон

Полегче, сударь мой! Какой вы торопыга!
Позвольте-ка чуть-чуть поохладить ваш пыл.
Вот это праведник! Уважил! Удружил!
Возвышенный ваш дух поддался искушенью,
И вы тогда пришли к похвальному решенью:
Взять замуж дочь мою и соблазнить жену.

Признаться, я ушам не верил. Ну и ну!
Я сомневался, ждал, надеялся... Ох, стыдно!
Теперь уж я прозрел и все мне очевидно.

Эльмира
(Тартюфу)

Окольные пути мне, право же, чужды,
На хитрость я пошла от крайней лишь нужды.

Тартюф
(Оргону)

Как! Вы поверили?..

Оргон

Довольно пустословья!
Вон! Живо! А уж там кривляйтесь на здоровье!

Тартюф

Хотел я...

Оргон

Разговор мы прекратим на сем.
Извольте сей же час покинуть этот дом!

Тартюф

Смотрите, как бы вас не выгнали из дому!
Нельзя по-доброму, так будет по-худому:
Дом — мой, и на него я заявлю права.
Вы мне ответите за бранные слова,
Вы пожалеете об этих мерзких кознях,
Замучите себя вы в сокрушеньях поздних
О том, что нанесли обиду небесам,
Мне указав на дверь. Я вам за все воздам!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Эльмира, Оргон.

Эльмира

О чем он говорил? Что это за угрозы?

Оргон

Да, дело скверное. Уж тут не смех, а слезы.

Эльмира

Прошу, скажите мне...

Оргон

Ну и попал впросак
Я с этой дарственной! Не зря грозился враг.

Эльмира

Как! С дарственной?

Оргон

Увы! Но есть еще другое,
И подозрение гнетет меня...

Эльмира

Какое?

Оргон

Все после расскажу. Какой я был слепец!
Взглянуть, на месте ли заветный тот ларец?

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Оргон, Клеант.

Клеант

Куда же вы сейчас?

Оргон

Ах! Я и сам не знаю.

Клеант

Обдумать надобно сперва, я полагаю,
Нам сообща все то, что здесь произошло.

Оргон

Ларец — вот где беда! Вот главное-то зло!
Все плохо, но ларец меня тревожит крайне.

Клеант

По-видимому, речь идет о важной тайне?

Оргон

Мне передал его мой бедный друг Аргас,
С тем чтоб укрыл ларец я от недобрых глаз.
В тот день, когда отсель пришлось бежать бедняге,
Он уложил в ларец важнейшие бумаги,—
И состояние, и жизнь его сама
Зависят, мол, от них.

Клеант

Но странно мне весьма:
Такая вещь — как вы могли расстаться с нею?

Оргон

По простоте своей, я все открыл злодею
С доверием к его познаньям и уму,
И он мне дал совет — отдать ларец ему:
Что, дескать, ежели потребуют бумаги
И приведут меня, чиня допрос, к присяге,
То, не кривя душой, я заявить смогу,
Что нет их у меня; солгавши, не солгу
И с чистой совестью дам ложную присягу.

Клеант

Сдается мне, что вы попали в передрягу
Как с этой дарственной, так и с ларцом, увы!
Столь опрометчиво распорядились вы,
Что сами недругу оружье дали в руки.
Да, лучше бы на хвост не наступать гадюке.
Как ни хотелось вам скорей его прогнать,
Сдержаться было бы умнее, милый зять.

Оргон

Подумать — злая тварь, ничтожная душонка,
А благочестие разыгрывал как тонко!
И я, я спас его от нищенской сумы!
Вот праведники! Жаль, что нет на них чумы.
Достаточно с меня людей такого сорта,
Для праведных особ я стану хуже черта.

Клеант

Вот так всегда: чуть что — немедля шум и гром.
Вы быть умеренным не можете ни в чем
И, здравомыслию чужды, напропалую
Из крайности одной бросаетесь в другую.

Сейчас вы видите, что, промах дав большой,
Связали вы себя с бессовестным ханжой,
И вот впадаете вы, ради исправленья
Ошибки сделанной, в другое заблужденье:
Коль в жизни встретился вам лицемерный плут,
При чем, скажите мне, все праведники тут?
Пусть вы на удочку попались шарлатану,
Пусть благочестие служило здесь обману,
Но это значит ли, что мерзок целый свет,
Что вовсе уж людей благочестивых нет?
Такие выводы оставьте вольнодумцам.
Нельзя, конечно, быть доверчивым безумцем
И душу раскрывать пред подлецом до дна,—
Средина мудрая тут, как во всем, нужна.
Ваш грех, что чересчур вы были легковерны,
Но подозрительность есть грех настолько скверный,
Что, если к крайностям стремится так ваш дух,
Впадайте сызнова уж в первую из двух.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Дамис.

Дамис

Отец мой! Правда ли, что негодяй лукавый
Вам, благодетелю, грозит теперь расправой,
Что в наглости своей он выковать посмел
Оружье против вас из ваших добрых дел?

Оргон

Да. Я не знал, что есть такие злые души.

Дамис

Позвольте лишь — ему я обкорнаю уши!
Нет, потакать ему никак нельзя, и вас
От наглых происков освобожу я враз:
Исколочу его — и струсит он, скотина.

Клеант

Так может говорить лишь мальчик, не мужчина.
По нашим временам насилье не в чести,
И надобно умней дела свои вести.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, г-жа Пернель, Эльмира, Мариана, Дорина.

Г-жа Пернель

Ну, что у вас? Опять какой-то беспорядок?
Кружится голова от толков и догадок.

Оргон

Всем происшествиям я очевидец сам.
И слух мне оскорбил и зренье этот срам,
За все мое добро — постыдная расплата.
Я бедняка призрел и возлюбил, как брата,
Под этим кровом он не ведает забот,
И льется на него поток моих щедрот,
Я отдаю ему и дочь, и все именье.
Тем временем злодей без всякого зазренья
Дерзает посягнуть на честь моей жены.
Но мною замыслы его обличены —
И гибелью грозит мне лицемер паскудный,
А средство для того дал сам я, безрассудный.
И в нищету теперь мечтает ввергнуть он
Меня, хоть мною был от нищеты спасен.

Дорина

Бедняга!..

Г-жа Пернель

И ты мнил, что в небылицы эти
Так и поверю я? Да ни за что на свете!

Оргон

Как?

Г-жа Пернель

Мало ли врагов у праведных людей!

Оргон

Про что вы, маменька? В толк не возьму, ей-ей!

Г-жа Пернель

Про нравы здешние, про то, что все тут вкупе
От злости истолочь его бы рады в ступе.

Оргон

При чем тут злость, когда...

Г-жа Пернель

Тебе я с детских лет
Внушала, что уж так устроен этот свет,
Где злые праведным завидуют жестоко,
Где добродетели житья нет от порока.
Завистники умрут, но зависть — никогда.

Оргон

Какая связь тут с тем, что нынче...

Г-жа Пернель

Ерунда!
Тартюф пал жертвою бесстыдного навета.

Оргон

Но я же вам сказал, что сам я видел это!

Г-жа Пернель

Настроил кое-кто тебя исподтишка.

Оргон

О, ч... чуть не сорвалось словечко с языка!
Все это истина. Я был тому свидетель.

Г-жа Пернель

Бессильна с клеветой бороться добродетель.

Оргон

Что за бессмыслица! Да говорят же вам,
Что сам воочию я видел все! Я сам!
Я видел! Видел я! О пресвятая сила!
Иль, может, маменька, вам уши заложило?

Г-жа Пернель

Сам видел? Ну и что? Нельзя судить на глаз.
Нередко видимость обманывает нас.

Оргон

Тьфу, пропасть!..

Г-жа Пернель

Род людской так склонен к подозреньям!
Подчас само добро нам мнится преступленьем.

Оргон

Что ж, мне ему вменять в заслугу, не в вину
Его намеренье... обнять мою жену?

Г-жа Пернель

Для обвинения одних догадок мало;
Тебе бы подождать, чтоб явственней все стало.

Оргон

Как явственней? Мне ждать, чтоб на моих глазах
Он... Фу ты, черт, чуть-чуть не сорвалось в сердцах!..
Ох, маменька, боюсь, меня вы в грех введете!

Г-жа Пернель

Он столь благочестив, столь чужд *соблазнам плоти*,
Что недоступно, сын, понятью моему,
Как мог свершить он грех, приписанный ему.

Оргон

Ну, знаете, не будь вы матерью моею,
Уж я бы вам сказал... Я просто сатанею!

Дорина
(Оргону)

Возмездие идет за нами, сударь, вслед:
Вы нам не верили, теперь вам веры нет.

Клеант

Мы время попусту проводим в разговорах,
Не обсуждая мер, при помощи которых
Могли бы вырваться мы из его когтей.

Дамис

Ужель и впрямь вредить осмелится злодей?

Эльмира

Не верю. Если в суд придет он с челобитной,
Сам обличит себя как хищник ненасытный.

Клеант

Не обольщайтесь. Он везде найдет ходы.
(Оргону.)
Не обобраться с ним вам, милый зять, беды.
При меньших козырях бессовестным пролазам
Вершить случалось то, с чем не мирится разум.
Он столь вооружен, что вам — скажу опять —
Не следовало с ним так круто поступать.

Оргон

И то. Но, увидав всю наглость негодяя,
Как мог я действовать? Крушил, не рассуждая.

Клеант

Ах, если бы связать разорванную нить!
Иного нет пути: вас нужно помирить.

Эльмира

Когда бы знала я, как велика опасность,
Не получили бы его поступки гласность,
Не стала б я...

Оргон
(Дорине, видя, что входит г-н Лояль)

Кто там? Узнай-ка поскорей!
Вот только мне сейчас недостает гостей!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и г-н Лояль.

Г-н Лояль
(Дорине, в глубине сцены)

Сестрица, добрый день! Сведи-ка, сделай милость,
Меня к хозяину.

Дорина

А что вдруг приключилось?
Он занят. Никого не велено пускать.

Г-н Лояль

Не собираюсь я вам долго докучать.
Явился я к нему с весьма приятной вестью,
И примет он меня, я думаю, честь честью.

Дорина

Как звать вас?

Г-н Лояль

Доложи ему лишь об одном:
Что господин Тартюф прислал меня в ваш дом
Для блага общего.

Дорина
(Оргону)

Видать, что он плутяга —
Уж так сладкоречив! Для вашего, мол, блага
Его сюда прислал сам господин Тартюф.

Клеант
(Оргону)

Советую принять. Посланца оттолкнув,
Вы совершили бы оплошность пребольшую.

Оргон
(Клеанту)

Быть может, хочет он пойти на мировую?
Что делать мне?

Клеант

Свой гнев смирить вам надлежит
И выслушать его, приняв любезный вид.

Г-н Лояль
(Оргону)

Желаю здравствовать вам, сударь! Провиденье
Пускай вам ниспошлет свое благоволенье
И с вашего пути всех недругов сметет.

Оргон
(Клеанту, тихо)

Начало впрямь сулит спасительный исход.

Г-н Лояль

Я связан узами приязни с этим домом:
Ваш, сударь, батюшка мне добрым был знакомым.

Оргон

Мне, сударь, совестно, и я готов принесть
Вам извинения, но с кем имею честь?..

Г-н Лояль

Меня зовут Лояль. Нормандец по рожденью,
Себя с младых ногтей я посвятил служенью
Законности. И вот уж добрых сорок лет,
Как, правосудию на пользу, злу во вред,
В палате состою я приставом судебным.
К вам с предписанием явился я служебным.
Когда позволите...

Оргон

Как! Вы пришли сюда...

Г-н Лояль

Тсс!.. Так, с безделицей — с решением суда.
Имею, сударь, честь вручить вам предписанье:
Незамедлительно очистить это зданье.
Всю вашу движимость, всех домочадцев — вон.

Оргон

Что? Выселить? Меня?

Г-н Лояль

Я крайне огорчен,
Но ныне — и со мной, конечно, вы согласны —
Здесь господин Тартюф владелец полновластный
По смыслу дарственной, которая при мне.
Законность на его, истцовой, стороне.
Все правильно. Комар тут носа не подточит.

Дамис

Да что этот наглец нам голову морочит?

Г-н Лояль
(Дамису)

Ведь дело, сударь мой, касается не вас.
(Оргону.)
Я смею уповать, благоразумья глас,
Глас осторожности подскажет вам любезно,
Что правосудию перечить бесполезно.

Оргон

Но, сударь...

Г-н Лояль

Сколько бы ни стоил этот дом,
Дороже было б вам прослыть бунтовщиком,
И вы исполните свой долг перед законом,
Как людям надлежит почтенным и смышленым.

Дамис

Уж больно ревностно блюдете вы закон!
А если черный ваш судейский балахон
Я выбью палкою, чтоб было меньше пыли?

Г-н Лояль
(Оргону)

Вы лучше бы сынку язык укоротили.
Печально было бы, коль в довершенье зол
Я оскорбление занес бы в протокол.
Его слова к тому дают мне веский повод.

Дорина
(в сторону)

Да, пристав к нам пристал, как неотвязный овод!

Г-н Лояль

Я высоко ценю порядочных людей
И дельце это взял затем лишь, ей-же-ей,
Что быть полезным вам мне подвернулся случай.
Явись к вам кто другой, он поступил бы круче.

Оргон

Чего уж круче-то, как честную семью
Гнать из дому?

Г-н Лояль

Но я отсрочку вам даю.
Хоть мог бы действовать суровей по закону,
До завтрашнего дня и пальцем вас не трону.
Но не прогневайтесь: ночь проведу я тут.
Со мною и мои подручные придут —
С десяток молодцов. По форме всё, чин чином.
Сдадите перед сном вы от дверей ключи нам,
И будем мы нести охрану до утра
Покоя вашего и вашего добра.

Зато уж поутру должны свои пожитки
Отсюда вы забрать, все до последней нитки.
Стараясь вам помочь по доброте души,
Молодчиков набрал я дюжих. Крепыши!
Они вам вынесут домашний скарб за двери.
Все делаю для вас, ведь люди мы, не звери.
Покорнейше прошу взять это, сударь, в толк
И не препятствовать мне выполнять мой долг.

Оргон
(Клеанту, тихо)

Хотя почти совсем лишен я достоянья,
Но все же из того, что есть, без колебанья
Я сотню золотых сейчас бы отвалил,
Когда б такой ценой мог, не жалея сил,
Шарахнуть чем-нибудь по этой гнусной харе.

Клеант
(Оргону, тихо)

Сдержитесь.

Дамис

Нет границ нахальству этой твари.
Эх, руки чешутся воздать ему сполна!

Дорина
(г-ну Лоялю)

У вас, почтеннейший, отличная спина;
Мне кажется, давно по ней скучает палка.

Г-н Лояль

Дерзка, голубушка. Тебе себя не жалко?
К ответу можно ведь и женщину привлечь.

Клеант
(г-н Лоялю)

Ну, будет! Мы хотим обдумать вашу речь.
Прошу, оставьте нам судебное решенье.

Г-н Лояль

До вечера! И пусть хранит вас провиденье!

Оргон
(ему вслед)

И разразит тебя с Тартюфом заодно!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Оргон, Клеант, Дамис, г-жа Пернель, Эльмира, Мариана, Дорина.

Оргон

Кто ж, матушка, был прав? Вот то-то и оно:
Каналья ваш Тартюф! Или еще вам мало?

Г-жа Пернель

Все не очнусь. И впрямь, как с облаков упала.

Дорина
(Оргону)

Чем недовольны вы? Чем рассердил он вас?
Нам праведность свою явил он лишний раз:
Ведь пуще, чем себя, своих он ближних любит,
И, помня, что людей богатство только губит,
Из сострадания он разорил вас в пух,
Дабы верней спасти от гибели ваш дух.

Оргон

Я об одном прошу: молчи! Вот наказанье!

Клеант

Сейчас нам надобно объединить старанья,
Чтоб выход отыскать.

Эльмира

Пути иного нет,
Как о его делах оповестить весь свет.
Не может этот плут не вызвать отвращенья,
И дарственной тогда не придадут значенья.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Валер.

Валер
(Оргону)

Мне, сударь, очень жаль, что приношу сюда
Я горестную весть, но вам грозит беда.
Один мой близкий друг во имя давней дружбы
Открыл мне то, о чем узнал по долгу службы.

О государственной здесь тайне речь идет,
Но, преданность мою к вам, сударь, взяв в расчет,
Мой друг решился мне послать уведомленье:
Вам надобно бежать, не медля ни мгновенья.
Бесстыдный негодяй, что втерся в милость к вам,
Отважился донос подать на вас властям.
Проникнув к королю, ему вручил мошенник
Ларец с бумагами: бежавший, мол, изменник
На сохраненье вам ларец оставил сей,
Вы ж дерзостно его скрывали от властей.
Короче говоря, указ есть об аресте,
И стража послана за вами. С нею вместе
Сюда пожалует и сам ваш злобный враг,
А он-то уж не даст вам ускользнуть никак.

Клеант

Он с хладнокровием отпетого злодея
Все средства в ход пустил. Таким путем вернее
У вас имущество отнимет он теперь.

Оргон

Я вижу — человек страшней, чем лютый зверь.

Валер

Нам дорог каждый миг. Послушайтесь совета:
Бегите. У крыльца нас ждет моя карета.
А здесь вот — тысяча червонцев. Грянул гром,
Спасение теперь лишь в бегстве мы найдем.
Итак, не медлите. Хочу вас проводить я
И сам доставлю вас в надежное укрытье.

Оргон

Заботой вашей я растроган и смущен.
Отложим наш расчет до лучших мы времен,
Но буду я о том от сей поры молиться,
Чтоб счастье выпало мне с вами расплатиться...
Прощайте! Может быть, удастся повернуть...

Клеант

Мы все возможное предпримем. Добрый путь!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Тартюф и офицер.

Тартюф
(останавливает Оргона)

Ну-ну, зачем спешить? Повременим немного:
До нового жилья недальняя дорога.
Вы арестованы указом короля.

Оргон

Как терпит этого предателя земля?
За то, что я посмел сорвать с тебя личину,
Ты, подлая душа, мне нож вонзаешь в спину!

Тартюф

Мой слух неуязвим для ваших бранных слов:
Во славу небесам я все снести готов.

Клеант

Да, отрицать нельзя: вы редкостный смиренник.

Дамис

И небеса еще приплел сюда, мошенник!

Тартюф

Меня не трогают ни брань, ни ярый пыл.
Я выполняю здесь мой долг по мере сил.

Мариана

О да, почетный долг! Есть чем гордиться, право!
На этом поприще вас ожидает слава.

Тартюф

Славней всего служить на поприще любом
Тому, чьей волею я послан в этот дом.

Оргон

Забыл ты, кто тебя от нищеты избавил?
Ни благодарности, ни совести, ни правил!

Тартюф

Служенье королю есть мой первейший долг.
Да, я обязан вам кой-чем, и если смолк

Признательности глас в душе моей смиренной,
Причина в том, что так велел мне долг священный.
Тут я не пощажу, все чувства истребя,
Ни друга, ни жены, ни самого себя.

Эльмира

О лицемер!

Дорина

Таких еще и не бывало:
На грязь чистейшее накинул покрывало.

Клеант

Коль вы предприняли столь тяжкие труды
С похвальным рвением, которым так горды,
То почему ж оно дремало в вас, покуда
Вас оскорбленный муж не выдворил отсюда?
Когда он выгнал вас, вы подали донос.
Покамест в стороне оставлю я вопрос
Об этой дарственной на все его именья.
Однако же и то примите в рассужденье,
Что, коль, по-вашему, преступен так мой зять,
Не след бы от него подарки принимать.

Тартюф
(офицеру)

Я вас прошу меня избавить от нападок.
Пора, мне кажется, тут навести порядок.
Так исполняйте же вам отданный приказ!

Офицер

Да, медлить незачем, совет ваш в самый раз.
Я предлагаю вам последовать за мною
В тюрьму, и там я вас на жительство устрою.

Тартюф

Кого? Меня?

Офицер

Да, вас.

Тартюф

За что меня в тюрьму?
Извольте объяснить.

Офицер

Да уж кому-кому,
А вам не стану я давать тут объясненья.
(Оргону.)
Вам, сударь, следует отбросить опасенья.
Наш государь — враг лжи. От зоркости его
Не могут спрятаться обман и плутовство.
Он неусыпную являет прозорливость
И, видя суть вещей, казнит несправедливость.
Не подчиняется он голосу страстей,
Не знает крайностей великий разум сей.
Бессмертной славою достойных он венчает,
Но их усердие его не ослепляет,
И, воздавая им за добрые дела,
Сурово он следит за происками зла.
Могли ль коварные уловки этой твари
Не вызвать тотчас же сомнений в государе,
Раскрывшем множество и не таких интриг?
В извилины души злодейской он проник.
Доносчик, выдав вас, попал в свои же сети.
Есть правда и закон. Увидев плутни эти,
Под новым именем узнал в нем государь
Злодея дерзкого, о коем слышал встарь.
Давно уж королю дела его знакомы:
Их грязный перечень заполнить мог бы томы.
Неблагодарностью, что выказал он тут,
Монарха прогневил закоренелый плут,
И переполнилась от этой капли чаша.
Был послан для того я с ним в жилище ваше,
Чтоб дать ему дойти в бесстыдстве до конца
И вслед за тем при вас унизить наглеца.
Бумаги, что к сему попали негодяю,
По воле короля вам, сударь, возвращаю.
Соизволяет он расторгнуть договор,
Согласно коему задумал дерзкий вор
Присвоить этот дом и ваше все именье.
И, сверх того, король дарует вам прощенье,
Хоть помощь получил от вас мятежный друг.
Все эти милости вам в честь былых заслуг
Оказаны теперь, когда вы их не ждете,—
Пусть знают все, в каком у короля почете
Благое рвение. Душа его щедра.
И в правилах его — не забывать добра.

Дорина

Ох! Слава небесам!

Г-жа Пернель

Уф! С плеч гора свалилась!

Эльмира

Счастливый оборот!

Мариана

Негаданная милость!

Оргон

Попался, негодяй!..

Офицер уводит Тартюфа.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Оргон, Клеант, Дамис, г-жа Пернель, Эльмира, Мариана, Дорина, Валер.

Клеант

Спокойней, милый зять!
Не следует свое достоинство ронять.
К чему сейчас слова? Сдержите пыл свой гневный,
Оставьте жалкого судьбе его плачевной.
Не лучше ль пожелать, чтоб, искупив позор,
Вновь к добродетели он обратил свой взор,
Чтоб горько осудил он сам свой путь бесславный,
Чтобы раскаяньем смягчил он суд державный?
Великий государь столь милостив был к вам,
Что тотчас вы должны припасть к его стопам.

Оргон

Да. Верно сказано. И, преклонив колени,
Я мудрость восхвалю его благих решений.
Исполню этот долг первейший, а потом
О долге предстоит подумать о другом
И, увенчав любовь победой долгожданной,
Соединить навек Валера с Марианой.

ДОН ЖУАН,
ИЛИ КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Жуан — сын дон Луиса.
Сганарель — слуга Дон Жуана.
Эльвира — жена Дон Жуана.
Гусман — конюший Эльвиры.
Дон Карлос } братья Эльвиры.
Дон Алонсо } братья Эльвиры.
Дон Луис — отец Дон Жуана.
Нищий.
Шарлотта } крестьянки.
Матюрина } крестьянки.
Пьеро — крестьянин.
Статуя командора.
Г-н Диманш — торговец.
Ла Раме — бандит.
Раготен } слуги Дон Жуана.
Ла Вьолет } слуги Дон Жуана.
Свита Дон Жуана.
Свита дон Карлоса и его брата, дон Алонсо.
Призрак.

Действие происходит в Сицилии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет дворец.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сганарель, Гусман.

Сганарель *(с табакеркой в руке)*. Что бы ни говорил Аристотель, да и вся философия с ним заодно, ничто в мире не сравнится с табаком: табак — страсть всех порядочных людей, а кто живет без табака, тот, право, жить недостоин. Табак не только дает отраду человеческим мозгам и прочищает их, он наставляет души на путь добродетели и приучает к порядочности. И если уж кто нюхает табак, с какой предупредительностью он угощает им и с каким радушием предлагает его направо и налево! Тут даже не ждешь, пока тебя попросят, ты сам спешишь навстречу чужому желанию,— вот каким порядочным и добродетельным становится всякий, кто нюхает табак!.. Но довольно об этом, вернемся к нашему разговору. Итак, мой дорогой Гусман, госпожа твоя, донья Эльвира, удивленная нашим отъездом, пустилась следом за нами в путь, а мой господин, по твоим словам, так пленил ее сердце, что она и жить не станет, если не разыщет его. Хочешь, я по секрету скажу тебе, что я думаю? Боюсь, что ей плохо отплатят за ее любовь, от ее приезда в этот город мало будет проку, так что лучше бы вам не двигаться с места.

Гусман. А в чем же тут причина? Скажи, пожалуйста, Сганарель, отчего у тебя такие недобрые мысли? Может быть, твой господин открыл тебе свою душу и сказал, что он к нам охладел и что именно это заставило его уехать?

Сганарель. Да нет, но я всего понавидался и примерно знаю, как оно бывает, и хоть он мне еще ничего не говорил, а я готов биться об заклад, что идет к тому. Может, я и ошибаюсь, но опыт, право же, кое-чему меня научил.

Гусман. Неужели же этот внезапный отъезд означает измену Дон Жуана? И он мог так оскорбить нежные чувства доньи Эльвиры?

Сганарель. Нет, но ведь он еще молод, и ему не хватает смелости...

Гусман. Человек такого знатного рода — и совершает такую низость!

Сганарель. Что ж, что знатного рода! Это еще не причина. Знатный род не помеха.

Гусман. Но его связывают священные узы брака.

Сганарель. Эх, бедный мой Гусман! Поверь, друг мой, ты еще не знаешь, что за человек Дон Жуан.

Гусман. Должно быть, я и правда не знаю, что он за человек, если он мог так коварно обмануть нас. И я просто не пойму, как после такой любви и такого явного нетерпения, после таких ласковых уговоров, обетов, вздохов и слез, таких страстных писем, таких жарких уверений и бесконечных клятв, после таких бурных порывов и такого исступления (ведь его даже святые стены монастыря не остановили — так жаждал он завладеть доньей Эльвирой), не пойму я, как после всего этого у него хватит духу нарушить свое слово.

Сганарель. Мне-то нетрудно понять. Если бы и ты знал этого молодца, ты бы сказал, что это для него дело вполне обычное. Я не говорю, что чувства его к донье Эльвире изменились, я еще сам в этом не убедился. Ты ведь знаешь, что я по его приказанию уехал раньше него, а со времени своего приезда он со мной еще не разговаривал, но на всякий случай я тебе inter nos[1] скажу, что мой господин Дон Жуан — величайший из всех злодеев, каких когда-либо носила земля, чудовище, собака, дьявол, турок, еретик, который не верит ни в небо, ни в святых, ни в бога, ни в черта, который живет, как гнусный скот, как эпикурейская свинья, как настоящий Сарданапал, не желающий слушать христианские поучения и считающий вздором все то, во что верим мы. Ты говоришь, что он женился на твоей госпоже? Будь уверен, что он бы и не то еще сделал ради своей страсти и заодно женился бы и на тебе, и на ее собаке, и на ее кошке. В брак ему ничего не стоит вступить:

---

[1] Между нами *(лат.)*.

он пользуется им, как ловушкой, чтобы завлекать красавиц. Он тебе на ком угодно женится. Дама ли, девица ли, горожанка ли, крестьянка ли — он ни одной не побрезгает. Если бы я стал называть тебе всех тех, на ком он женился в разных местах, то список можно было бы читать до вечера. Ты удивлен, ты побледнел от моих слов, а ведь я только в общих чертах обрисовал тебе его,— чтобы закончить портрет, нужно было бы еще как следует поработать кистью. Словом, кара небесная когда-нибудь непременно его постигнет, мне же лучше было бы служить у самого дьявола, чем у него: столько приходится видеть мерзостей, что я бы рад был, если б он сквозь землю провалился. Когда знатный господин еще и дурной человек, то это ужасно: я должен сохранять ему верность, хотя мне и невтерпеж. Быть усердным меня заставляет только страх, он сдерживает мои чувства и вынуждает одобрять то, что противно моей душе... Вот он разгуливает по дворцу, разойдемся. Постой! Я был с тобой откровенен, как-то невольно все сразу выложил, но, если что-нибудь до него дойдет, я прямо так и скажу, что ты соврал.

Гусман уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сганарель, Дон Жуан.

Дон Жуан. Что это за человек разговаривал с тобой? По-моему, он похож на добряка Гусмана, слугу доньи Эльвиры.

Сганарель. Да, что-то в этом роде.

Дон Жуан. Как! Это он?

Сганарель. Он самый.

Дон Жуан. И давно он в этом городе?

Сганарель. Со вчерашнего вечера.

Дон Жуан. А что привело его сюда?

Сганарель. Полагаю, вам должно быть ясно, что его тревожит.

Дон Жуан. Наверно, наш отъезд?

Сганарель. Бедняга совершенно убит и спрашивал меня, в чем тут причина.

Дон Жуан. И что же ты ему ответил?

Сганарель. Что вы мне ничего не говорили.

Дон Жуан. Ну, а сам-то ты что об этом думаешь? В чем тут, по-твоему, дело?

Сганарель. По-моему? Да я думаю, не в укор вам будь сказано, что у вас уже новая любовь на уме.

Дон Жуан. Ты так думаешь?

Сганарель. Да.

Дон Жуан. Честное слово, ты не ошибся: должен тебе признаться, что мысли мои поглощены не доньей Эльвирой, а другой.

Сганарель. Господи боже, моего Дон Жуана я знаю насквозь! Мне хорошо известно, что нет сердца более непостоянного, чем ваше: ему нравится то и дело менять одни узы на другие, и не любит оно оставаться на месте.

Дон Жуан. А скажи: разве я, по-твоему, поступаю неправильно?

Сганарель. Эх, сударь!..

Дон Жуан. Ну что? Говори.

Сганарель. Разумеется, правильно, если вам так угодно,— тут возразить нечего. Но если бы вам так не было угодно, то, пожалуй, и дело было бы совсем другое.

Дон Жуан. Да ты можешь говорить свободно и не скрывать, что у тебя на душе.

Сганарель. Ежели так, сударь, то я вам прямо скажу, что не по сердцу мне ваш образ действий. По-моему, очень скверно — влюбляться в первую встречную, как это делаете вы.

Дон Жуан. Как! Ты хочешь, чтобы мы связывали себя с первым же предметом нашей страсти, чтобы ради него мы отреклись от света и больше ни на кого и не смотрели? Превосходная затея — поставить себе в какую-то мнимую заслугу верность, навсегда похоронить себя ради одного увлечения и с самой юности умереть для всех других красавиц, которые могут поразить наш взор! Нет, постоянство — это для чудаков. Любая красавица вольна очаровывать нас, преимущество первой встречи не должно отнимать у остальных те законные права, которые они имеют на наши сердца. Меня, например, красота восхищает всюду, где бы я ее ни встретил, я легко поддаюсь тому нежному насилию, с каким она увлекает нас. Пусть я связан словом, однако чувство, которое я испытываю к одной красавице, не заставляет меня быть несправедливым к другим: у меня по-прежнему остаются глаза, чтобы замечать достоинства всех прочих, и каждой из них от меня — дань и поклонение, к которым нас обязывает природа. Как бы то ни было, сердце мое не может не принадлежать всему тому, что ласкает взгляд, и едва лишь хорошенькое личико попросит меня отдать ему сердце, я, будь у меня даже десять тысяч сердец, готов отдать их все. В самом деле: зарождающееся влечение таит в себе неизъяснимое очарование, вся прелесть любви — в переменах. Это так приятно — всевозможными знаками внимания покорять сердце молодой красавицы, видеть, как с каждым днем ты все ближе к цели, побеждать порывами своего чувства, вздохами и слезами невинную стыдливость души, которая не хочет слагать оружие, шаг за шагом преодолевать мелкие преграды, которые она ставит нам, побеждать щепетильность, в которой она видит свою заслугу, и незаметно вести ее туда, куда ты стремишься ее привести! Но когда ты своего достиг, когда уже нечего ни сказать, ни пожелать, то вся прелесть страсти исчерпана и ты засыпаешь в мирном спокойствии этой любви, если только что-нибудь новое не разбудит вновь твои желания и не соблазнит твое сердце чарующей возможностью новой победы. Словом, нет ничего более сладостного, чем сломить сопротивление красавицы. У меня на этот счет честолюбие завоевателя, который всегда летит от победы к победе и не в силах положить предел своим вожделениям. Ничто не могло бы остановить неистовство моих желаний. Сердце мое, я чувствую, способно любить всю землю. Подобно Александру Македонскому, я желал бы, чтобы существовали еще и другие миры, где бы мне можно было продолжить любовные победы.

Сганарель. Боже ты мой! До чего складно все у вас получается! Словно наизусть выучили, говорите, будто по книжке.

Дон Жуан. Что ты можешь сказать на это?

Сганарель. Да могу сказать... Не знаю, что и сказать: вы так оборачиваете дело, что кажется, будто вы правы, а между тем не подлежит сомнению, что вы не правы. Мне приходили в голову превосходные мысли, а от ваших речей они все перемешались. На сей раз пусть так и останется, а к следующему разу я мои доводы запишу — вот тогда я с вами и поспорю.

Дон Жуан. Прекрасно сделаешь.

Сганарель. Но только, сударь, позволите ли вы мне и тогда сказать вам, что меня отчасти смущает тот образ жизни, который вы ведете?

Дон Жуан. Какой же, по-твоему, образ жизни я веду?

Сганарель. Очень даже хороший. Но вот, например, смотреть, как вы каждый месяц женитесь...

Дон Жуан. Что же может быть приятнее?

Сганарель. Так-то оно так, я понимаю, что это весьма приятно и занимательно, я и сам бы от этого не отказался, если бы тут не было греха, а между тем, сударь, так смеяться над священным таинством и...

Дон Жуан. Ну-ну, довольно! Это дело неба и мое, мы уж как-нибудь разберемся и без твоей помощи.

Сганарель. Ей-богу, сударь, мне часто приходилось слышать, что шутки с небом — плохие шутки, вольнодумцы никогда не кончают добром.

Дон Жуан. Замолчи, глупец! Ты же знаешь, что я не люблю, когда мне читают наставления.

Сганарель. Да я и не для вас все это говорю, боже меня упаси. Вы-то знаете, что делаете, и если уж вы ни во что не верите, так у вас на то есть свои основания, но бывают на свете такие наглецы, которые распутничают неизвестно для чего и строят из себя вольнодумцев, потому что полагают, будто это им к лицу. И вот если бы у меня господин был такой, я бы ему прямо в глаза сказал: «Да как вы смеете шутить с небом, как вы не боитесь издеваться над всем, что есть самого священного? Это вы-то, жалкий червь, ничтожная букашка (так я говорю тому самому господину), это вы-то затеяли обратить в посмешище все то, что другие люди почитают? Или, может, вы думаете, что если вы знатного рода, что если у вас белокурый, искусно завитой парик, шляпа с перьями, платье, шитое золотом, да ленты огненного цвета (я не вам все это говорю, а тому, другому), может, вы думаете, что вы от этого умней, что все вам позволено и никто не смеет вам правду сказать? Узнайте же от меня, от своего слуги, что рано или поздно небо карает безбожников, дурная жизнь приводит к дурной смерти и...»

Дон Жуан. Довольно!

Сганарель. О чем мы с вами говорили?

Дон Жуан. О том, что некая красавица пленила мое сердце и я, прельщенный ее чарами, отправился за ней сюда.

Сганарель. И вам, сударь, не страшно, что вы тут полгода назад убили командора?

Дон Жуан. А чего мне бояться? Разве я не по всем правилам его убил?

Сганарель. По всем правилам, сударь, как нельзя лучше,— жаловаться ему не на что.

Дон Жуан. По этому делу я был помилован.

Сганарель. Так-то оно так, но все же вряд ли это помилование успокоило родственников и друзей, и...

Дон Жуан. О, не будем думать о злоключениях, которые могут нас постигнуть, будем думать лишь о том, что может доставить нам удовольствие! Особа, о которой я тебе рассказывал, просто очаровательна; привез ее сюда тот самый человек, за которого она должна здесь выйти замуж, а я эту чету влюбленных случайно встретил дня за три, за четыре до их путешествия. Я еще никогда не видел, чтобы два человека были так довольны друг другом и выказывали друг другу больше любви. Нежные проявления их взаимного пыла взволновали меня, поразили мое сердце, и любовь моя началась с ревности. Да, мне было невыносимо смотреть на то, как им хорошо вдвоем, досада распалила во мне желание, и я представил себе, какое это будет для меня наслаждение, если я смогу нарушить их согласие и разорвать эти узы, оскорблявшие мою чувствительную душу; однако до сих пор все мои усилия были тщетны, и я прибегаю уже к крайнему средству. Будущий супруг устраивает нынче для своей возлюбленной морскую прогулку. Я тебе пока ничего не говорил, а ведь все уже готово для того, чтобы моя любовь восторжествовала: я раздобыл лодку и подговорил людей, которые без труда похитят красавицу.

Сганарель. А, сударь!..

Дон Жуан. Что еще?

Сганарель. Все складывается очень удачно для вас, вы действуете решительно. Нет ничего лучше, как жить в свое удовольствие.

Дон Жуан. Словом, ты отправишься со мной и захватишь все мое оружие, чтобы нам... *(Заметив донью Эльвиру.)* Ах, какая досадная встреча! Мошенник! Ты почему мне не сказал, что и она здесь?

Сганарель. Вы, сударь, меня об этом не спрашивали.

Дон Жуан. Она совсем с ума сошла, даже не переоделась и явилась сюда в дорожном платье.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и донья Эльвира.

Донья Эльвира. Соблаговолите ли вы узнать меня, Дон Жуан? Могу ли я, по крайней мере, надеяться, что вы соизволите посмотреть в мою сторону?

Дон Жуан. Признаюсь, сударыня, я удивлен, я не ожидал вас здесь встретить.

Донья Эльвира. Да, я вижу, что вы меня не ждали, вы в самом деле удивлены, но только совсем не так, как я надеялась, само ваше удивление окончательно убеждает меня в том, чему я до сих пор отказывалась верить. Поражаюсь собственной простоте и слабости моего сердца: оно все еще сомневалось в измене, когда у него было уже столько доказательств! Я была так добра или, сознаюсь, так глупа, что хотела сама себя обмануть и старалась разубедить свои же глаза и свой разум. Я искала доводов, чтобы оправдать то охлаждение, которое моя нежность почувствовала в вас, и сама придумывала сотни благовидных предлогов для вашего поспешного отъезда, только бы вы были чисты от преступления, в котором мой рассудок вас обвинял. Напрасно мои справедливые подозрения каждый день твердили мне одно и то же,— я не слушала их голоса, называвшего вас преступником, и с наслаждением прислушивалась к множеству нелепых измышлений, которые рисовали вас моему сердцу невинным. Но прием, оказанный мне, уже не оставляет сомнений, и во взгляде, которым вы меня встретили, я прочла гораздо больше, чем хотела бы узнать. Все же я была бы не прочь услышать из ваших уст о причине вашего отъезда. Говорите же, Дон Жуан, прошу вас,— посмотрим, как вам удастся оправдаться.

Дон Жуан. Сударыня! Вот перед вами Сганарель, он знает, почему я уехал.

Сганарель *(Дон Жуану, тихо)*. Я, сударь? Я, с вашего позволения, ничего не знаю.

Донья Эльвира. Говорите вы, Сганарель. Мне все равно, от кого я об этом услышу.

Дон Жуан *(делая Сганарелю знак приблизиться)*. Ну, рассказывай!

Сганарель *(Дон Жуану, тихо)*. Да что я должен говорить?

Донья Эльвира. Подойдите же, раз вам велят, и объясните мне причину такого стремительного отъезда.

Сганарель *(Дон Жуану, тихо)*. Мне нечего сказать. Вы ставите вашего слугу в дурацкое положение.

Дон Жуан. Ты будешь говорить или нет?

Сганарель. Сударыня!..

Донья Эльвира. Что?

Сганарель *(поворачиваясь к своему господину)*. Сударь!..

Дон Жуан *(грозит ему)*. Если ты...

Сганарель. Сударыня! Завоеватели, Александр Македонский и другие миры — вот причина нашего отъезда. Это, сударь, все, что я могу сказать.

Донья Эльвира. Быть может, Дон Жуан, вы откроете мне эти необыкновенные тайны?

Дон Жуан. Сударыня! Сказать по правде...

Донья Эльвира. Вы — придворный, и так плохо умеете защищаться! Ведь для вас это должно быть делом привычным. Вы так смущены, что на вас тяжело смотреть. Почему бы вам не напустить на себя благородное бесстыдство? Почему вы не клянетесь мне, что полны ко мне все тех же чувств, что попрежнему любите меня необычайно пылко и что только смерть может разлучить вас со мной? Почему вы не говорите мне, что дела величайшей важности заставили вас уехать, не предупредив меня, что вам волей-неволей придется пробыть здесь еще некоторое время, а мне надлежит вернуться домой в полной уверенности, что вы последуете за мною при первой возможности, что вы, конечно, горите желанием соединиться со мной и что вдали от меня вы страдаете так же, как страдает тело, с которым рассталась душа? Вот как вам надо бы защищаться, а не стоять передо мной в замешательстве!

Дон Жуан. Признаюсь, сударыня, я не обладаю даром притворствовать, я человек прямодушный. Я не стану говорить, что полон к вам все тех же чувств и горю желанием соединиться с вами, ибо ясно и так, что, раз я уехал, значит, я намеревался покинуть вас, хотя и вовсе не по тем причинам, которые вы, быть может, себе рисуете: так мне подсказывала совесть, я уже не мог себя уверить, будто и впредь могу жить с вами, не впадая в грех. Во мне зародились сомнения, у души моей раскрылись глаза на то, что я творю. Я подумал о том, что ради женитьбы я похитил вас из монастыря, что вы нарушили обеты, связывавшие вас, и что небо весьма ревниво относится к таким вещам. Меня охватило раскаяние, мне стало страшно гнева небес. Я решил, что наш брак есть не что иное, как скрытое прелюбодеяние, что он навлечет на нас какую-нибудь кару свыше и что мне в конце концов надо постараться вас забыть и дать вам возможность вернуться к вашим прежним оковам. Неужели же вы будете противиться такому благочестивому намерению, неужели вы заставите меня удерживать вас и ссориться из-за этого с самим небом? Неужели...

Донья Эльвира. Ах, злодей! Теперь я вполне поняла тебя, но, на свое несчастье, слишком поздно, — от этого сознания мне будет только еще тяжелее. Но знай, что преступление твое не останется безнаказанным и небо, над которым ты глумишься, отомстит тебе за твое вероломство.

Дон Жуан. Слышишь, Сганарель? Небо!

Сганарель. Не на таких напали, нам-то это хоть бы что!

Дон Жуан. Сударыня!..

Донья Эльвира. Довольно! Я ничего больше не хочу слушать, я даже виню себя, что выслушала слишком много. Это малодушие — позволять, чтобы тебе еще объясняли твой позор. Слушая такие речи, благородное сердце с первого же слова должно принять твердое решение. Не жди, чтобы я разразилась упреками и проклятиями,— нет-нет, гнев мой не таков, чтобы изливаться в пустых словах, вся ярость моя сохранится для мести. Говорю тебе еще раз: небо накажет тебя, вероломный, за то зло, которое ты мне причинил, а если небо тебе ничуть не страшно, то страшись гнева оскорбленной женщины. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сганарель, Дон Жуан.

Сганарель *(про себя)*. Если бы в нем могла заговорить совесть!

Дон Жуан *(после краткого раздумья)*. Теперь подумаем о том, как нам осуществить нашу любовную затею. *(Уходит.)*

Сганарель *(один)*. Ах, какому ужасному господину я должен служить!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена представляет местность на берегу моря.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Шарлотта, Пьеро.

Шарлотта. Просто счастье, Пьеро, что ты оказался тут как тут.

Пьеро. Да, черт их возьми, еще бы немножко — и они бы оба потонули, как пить дать.

Шарлотта. Стало быть, это утренним ветром их в море опрокинуло?

Пьеро. Да ты погоди, Шарлотта, я тебе как есть все с начала и расскажу: я-то ведь, как говорится, их первый увидал, увидал-то их первый я. Были это мы с толстым Лукой, он да я, на берегу моря и забавлялись да баловались с ним: бросали в голову друг дружке комья грязи. Ты ведь знаешь: толстый Лука охотник до всякого баловства, а я, право слово, тоже баловник. Вот мы баловались, баловались, и вижу это я, будто вдалеке что-то в воде барахтается и этакими рывками к нам плывет. Я это видел хорошо, а потом вдруг вижу, что ничего не вижу. «Эй, Лука! — говорю.— Кажется мне, народ там плавает».— «Ишь чего,— говорит он мне,— кошка тебе в глаза наплевала, мутится у тебя в глазах».— «Вот те крест, говорю, не мутится у меня в глазах, это люди».— «А вот и нет, говорит, у тебя бельмо».— «Давай об заклад побьемся, говорю, нет у меня бельма, говорю, а это два человека, говорю, плывут прямехонько сюда»,— говорю. «Черт! — говорит он мне.— Бьюсь об заклад, что нет».— «Ну, говорю, хочешь биться на десять су?» — «Ладно, говорит, вот тебе деньги на кон»,— говорит. Я с ума не сошел, головы не потерял, а взял да и бросил на землю четыре су парижских да еще пять туренских полушками,— вот ей-ей, одним махом, как стакан вина выпить! Я ведь человек отчаянный и уж ни на что не посмотрю, но тут-то я знал, что делал. Мне пальца в рот не клади! Не успел я и деньги-то на кон поставить, а уж вижу как на ладони: два человека и зовут на помощь, и тут я сразу стал собирать заклад. «Ну, Лука, говорю, вишь ты, нас зовут, давай живо к ним».— «Нет, говорит, я из-за них деньги проиграл». Ну, тут уж я стал его стыдить да выговаривать ему — худо ли, хорошо ли, а кончилось тем, что сели мы с ним в лодку и с грехом пополам вытащили их из воды, а потом отвел я их домой к огню, и тут они догола разделись и сушиться стали, а потом набежало еще двое из той же шайки, только те сами спаслись, а потом Матюрина пришла, а с ней они перемигиваться стали. Вот оно, Шарлотта, какое дело, как оно все случилось.

Шарлотта. Ты, Пьеро, помнится, говорил мне, будто один из них получше будет.

Пьеро. Да, то хозяин. Он, верно, знатный, важный такой господин, платье у него сверху донизу все в золоте, и те, что в слугах у него, сами господа настоящие, а хоть и важный он господин, а потонул бы как пить дать, кабы я той порой не подоспел.

Шарлотта. Скажи на милость!

Пьеро. Да, вот те крест, крышка бы ему, кабы не мы.

Шарлотта. Он все еще голый у тебя сидит, Пьеро?

Пьеро. Ан нет, они его при нас опять разодели! Бог ты мой, никогда я не видывал, чтобы так одевались! Сколько там всего понакручено да понаверчено, пуговиц сколько всяких у этих господ придворных! Я бы во всем этом запутался, как увидел — глаза вылупил. Знаешь, Шарлотта: волосы у них такие, что на голове не держатся, они их напяливают на себя, как колпак из кудели. На рубашках у них такие рукава, что мы с тобой, ты да я, целиком бы в них залезли. Заместо штанов у них вроде как передник, а уж велик, что твой великий пост; заместо камзола — кацавеечки какие-то и не доходят даже до пупа, а заместо воротничка — большой шейный платок, сетчатый и с четырьмя большущими кистями из полотна, свисают они им прямо на живот. А еще у них воротнички, совсем маленькие, на рукавах, а на ногах — бочки целые, обшитые позументом, и повсюду столько лент, столько лент, что просто жалость. Даже башмаки — и там понатыкано лент с одного конца до другого, и так они устроены, что я бы в них шею сломал.

Шарлотта. Право слово, Пьеро, надо мне хоть пойти посмотреть.

Пьеро. Да ты сперва послушай, Шарлотта, мне тебе что-то надо сказать.

Шарлотта. Ну, что такое? Говори!

Пьеро. Вот какое дело, Шарлотта: надо мне, как говорится, душу тебе открыть. Я тебя люблю, ты ведь это знаешь, и я хочу на тебе жениться, но я, ей-богу, недоволен тобой.

Шарлотта. Это почему же?

Пьеро. А потому, что ты меня огорчаешь, верно говорю.

Шарлотта. Чем же это я тебя огорчаю?

Пьеро. Да вот не любишь ты меня.

Шарлотта. Ах вот что! Только и всего?

Пьеро. Да, только и всего, и это предостаточно.

Шарлотта. Господи, Пьеро! Ты мне всегда одно и то же говоришь.

Пьеро. Я тебе всегда одно и то же говорю, потому у нас с тобой всегда одно и то же, а кабы не было всегда одно и то же, я бы тебе всегда одно и то же не говорил.

Шарлотта. Да чего тебе надо-то? Чего ты хочешь-то?

Пьеро. Черт возьми, я хочу, чтоб ты меня любила!

Шарлотта. А разве я тебя не люблю?

Пьеро. Нет, ты меня не любишь, а вот я-то все делаю, чтобы ты меня любила. Я без всяких разговоров покупаю тебе ленты у всех торговцев, которые к нам заходят, чуть шею себе не ломаю, а достаю тебе дроздов из гнезда, нанимаю скрипачей, чтобы играли на твоих именинах,— и все как об стену горох. Знаешь Шарлотта, нехорошо это и нечестно — не любить людей, которые нас любят.

Шарлотта. Господи, да я ж тебя люблю!

Пьеро. Нечего сказать, хороша любовь!

Шарлотта. Да как же тебя еще-то любить прикажешь?

Пьеро. А так, как любят все люди, когда они взаправду любят.

Шарлотта. А я тебя не взаправду люблю?

Пьеро. Нет. Когда взаправду любят, так это всякому и видно, и чего только тут не вытворяют с людьми, если любят их от всего сердца! Погляди на Томасу-толстуху, что втюрилась в молодого Робена: все-то она вокруг него егозит, все-то его дразнит, никогда в покое не оставит. Пройдет мимо него — всякий раз как-нибудь пошутит или подзатыльника ему даст, а то намедни сидел он на скамейке, так она ее вытащила из-под него — он во весь рост и растянулся на земле. Вот это любовь так любовь! А ты никогда словечка мне не скажешь, ровно пень. Я хоть двадцать раз перед тобою пройду, ты и с места не двинешься, чтоб меня шлепнуть или что сказать. Черт возьми, так не годится, уж очень ты бесчувственная!

Шарлотта. Уж какая есть. Такой у меня нрав, мне себя не переделать.

Пьеро. Нрав тут ни при чем. Когда кого любишь, всегда чем-нибудь это покажешь.

Шарлотта. Люблю я тебя, сколько могу, а коли тебе этого мало, можешь полюбить другую.

Пьеро. Вот те на! Мне не этого надо. Да ты послушай: кабы ты меня любила, стала бы ты говорить такие вещи?

Шарлотта. А ты чего мне голову морочишь?

Пьеро. А, черт, да что я тебе дурного сделал? Я только прошу: будь со мной поласковее.

Шарлотта. Ну так не трогай меня и не приставай. Может, когда мы перестанем об этом думать, оно само вдруг и придет.

Пьеро. Ну, так ударим на этом по рукам, Шарлотта!

Шарлотта *(дает ему руку)*. Ладно, идет.

Пьеро. Только обещай, что постараешься любить меня побольше.

Шарлотта. Я-то постараюсь, как могу, но только надо, чтобы оно само пришло... Это кто, Пьеро? Тот самый господин, что ли?

Пьеро. Да, это он.

Шарлотта. Ах боже мой, какой миленький! Что за жалость была бы, ежели бы он потонул!

Пьеро. Я сейчас ворочусь — пойду винца выпью, надо маленько оправиться от всех передряг. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Шарлотта в глубине сцены, Дон Жуан, Сганарель.

Дон Жуан. Мы потерпели неудачу, Сганарель: нежданный шквал опрокинул вместе с лодкой и всю нашу затею. Но, по правде сказать, крестьянка, с которой я только что расстался, за все меня вознаградила,— она до того очаровательна, что я уже начинаю забывать об огорчении, которое мне доставил наш неуспех. Это сердечко не должно ускользнуть от меня, и я уже сумел так расположить его к себе, что мне не долго придется томиться и вздыхать.

Сганарель. Признаться, сударь, я вам дивлюсь. Только что нас миновала смертельная опасность, а вы, вместо того чтобы возблагодарить небо за милость, которую оно нам явило, опять стараетесь навлечь на себя его гнев вашими всегдашними затеями и любовными...

Дон Жуан грозит ему.

Ну, довольно, мошенник ты этакий; ты сам не знаешь, что говоришь, а вот господин твой знает, что делает. Идемте!

Дон Жуан *(заметив Шарлотту)*. Ого! Откуда же, Сганарель, взялась еще и эта крестьяночка! Посмотри, какая хорошенькая! Ведь правда, она не хуже первой?

Сганарель. Разумеется. *(В сторону.)* Новое дело!

Дон Жуан *(Шарлотте.)* Чему я обязан, красавица, столь приятной встречей? Неужели в сельской местности, среди деревьев и скал, можно встретить особ, подобных вам?

Шарлотта. Как видите, сударь.

Дон Жуан. Вы из этой деревни?

Шарлотта. Да, сударь.

Дон Жуан. Вы там и живете?

Шарлотта. Да, сударь.

Дон Жуан. А как ваше имя?

Шарлотта. Шарлотта, с вашего позволения.

Дон Жуан. Ах, какая красивая! И какие глаза! Так в душу и смотрят.

Шарлотта. Сударь! Мне просто стыдно.

Дон Жуан. О, пусть вам не будет стыдно — вам же говорят правду! Сганарель! Что ты скажешь? Какая прелесть! Повернитесь, пожалуйста. Ах, какая изящная талия! Чуть-чуть выше голову, сделайте милость. Ах, какое миленькое личико! Откройте глаза пошире. Ах, как они хороши! Позвольте мне взглянуть на ваши зубки. Ах, какое очарование! А ваши губки так соблазнительны! Я в полном восторге, такой обворожительной особы я еще никогда не видел.

Шарлотта. Воля ваша, сударь, но только, может, вы смеетесь надо мной.

Дон Жуан. Мне над вами смеяться? Боже сохрани! Я слишком вас люблю, я говорю от чистого сердца.

Шарлотта. Премного вам благодарна, ежели так.

Дон Жуан. Не за что благодарить. За все, что я говорю, вы должны быть благодарны не мне, а только вашей красоте.

Шарлотта. Все это, сударь, для меня слишком красно сказано, у меня и ума-то не хватает ответить вам.

Дон Жуан. Сганарель! Посмотри-ка на эти руки.

Шарлотта. Полно вам, сударь, они у меня черные как невесть что!

Дон Жуан. Да что вы! Таких рук ни у кого нет. Позвольте мне их поцеловать.

Шарлотта. Это мне, сударь, слишком много чести будет. Кабы я раньше знала, я бы их помыла с отрубями.

Дон Жуан. А скажите, прекрасная Шарлотта: вы ведь еще, наверное, не замужем?

Шарлотта. Нет, сударь, но скоро выйду за Пьеро, сына нашей соседки Симонетты.

Дон Жуан. Возможно ли! Такой особе, как вы, быть женой простого крестьянина! Нет-нет, это значило бы осквернить подобную красоту, вы рождены не для жизни в деревне. Вы достойны, несомненно, лучшей участи, и небо, которое это знает, как раз и привело меня сюда для того, чтобы я помешал этому браку и воздал должное вашим прелестям. Ведь я, прекрасная Шарлотта, люблю вас всем сердцем, так что от вас одной будет зависеть, чтобы я вырвал вас из этого убожества и помог вам занять положение, которого вы достойны. Моя любовь зародилась внезапно, не отрицаю, но ничего не поделаешь, Шарлотта: такова сила вашей несравненной красоты — вас за четверть часа полюбишь так, как другую не полюбил бы и за полгода.

Шарлотта. Когда вы говорите, сударь, я, право, не знаю, как быть. То, что вы сказали, мне по сердцу, и я хотела бы вам верить, но мне всегда твердили, что господам верить нельзя и что вы, придворные, обманщики; у вас одно на уме: как бы девушку обольстить.

Дон Жуан. Я не из таких людей.

Сганарель *(в сторону)*. Как же!

Шарлотта. Знаете, сударь, в этом мало хорошего, когда обманывают. Я бедная крестьянка, но честь берегу, и мне лучше умереть, чем потерять ее.

Дон Жуан. Неужели же у меня такая черная душа, что я способен обмануть такую особу, как вы? Неужели же я так низок, что обольщу вас? Нет-нет, совесть мне этого не позволит. Я вас люблю, Шарлотта, искренне и беззаветно, и, чтобы вы поняли, что я говорю правду, знайте: у меня нет другого намерения, как жениться на вас. Вам требуется еще более убедительное доказательство? Я готов жениться, когда вам будет угодно, а в свидетели обещания, которое я вам даю, беру вот этого человека.

Сганарель. Да-да, не бойтесь: он женится на вас сколько вам угодно.

Дон Жуан. Ах, Шарлотта, вижу я, что вы меня еще не знаете! Вы очень несправедливы, если обо мне судите по другим. Может быть, и есть на свете обманщики, которые только и думают, как бы девушку обольстить, но меня вы должны исключить из их числа и не подвергать сомнению искренность моих слов; да к тому же ваша красота порукой вам во всем. При такой наружности, как у вас, не должно быть и места для подобных опасений. Верьте мне: вы не похожи на особу, которую можно обмануть, а что до меня, то клянусь вам, я тысячу раз пронзил бы свое сердце, если б только у меня мелькнула мысль изменить вам.

Шарлотта. Господи! Не знаю, правду вы говорите или неправду, а получается так, что вам веришь.

Дон Жуан. Если вы мне поверите, вы только отдадите мне должное. Итак, я вновь обращаюсь к вам с тем же самым предложением. Вы его принимаете? Вы согласитесь стать моей женой?

Шарлотта. Да, только бы тетка моя согласилась.

Дон Жуан. Так по рукам, Шарлотта, раз вы сами на это согласны!

Шарлотта. Только, сударь, я вас прошу: вы уж меня не обманите, это был бы на вашей душе грех, вы сами видите, какая я доверчивая.

Дон Жуан. Что? Вы словно еще сомневаетесь в моей искренности? Хотите, я принесу самые страшные клятвы? Пусть небо...

Шарлотта. Господи, да не клянитесь! Я вам и так верю.

Дон Жуан. Поцелуйте же меня разок в знак вашего согласия!

Шарлотта. Ах, сударь, подождите, пожалуйста, пока мы поженимся! А тогда я буду целовать вас, сколько вам будет угодно.

Дон Жуан. Ну что ж, прекрасная Шарлотта, мне угодно все, что угодно вам. Дайте мне только вашу руку и позвольте тысячью поцелуев выразить то восхищение...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Пьеро.

Пьеро *(толкает Дон Жуана, целующего руку Шарлотте)*. Но-но, сударь, сделайте милость, подальше! Вы уж больно распалились, как бы не схватить вам воспаление.

Дон Жуан *(отталкивает Пьеро)*. Это еще что за наглец?

Пьеро *(становится между Дон Жуаном и Шарлоттой)*. Подальше, говорят вам, не приставайте к нашим невестам!

Дон Жуан *(снова отталкивает Пьеро)*. Чего он раскричался?

Пьеро. Вот черт, кто ж так толкается?

Шарлотта *(берет Пьеро за руку)*. Пусть его, Пьеро!

Пьеро. Как это — пусть? Я не позволю.

Дон Жуан. Ого!

Пьеро. Черт возьми! Раз вы господин, стало быть, вам можно приставать к нашим бабам у нас под носом? Нет уж, идите приставайте к своим.

Дон Жуан. Что?

Пьеро. Ничего.

Дон Жуан дает ему пощечину.

Черт возьми, вы меня не бейте!

Еще пощечина.

Ох, черт побери!

Еще пощечина.

Черт подери!

Еще пощечина.

Черт раздери! Черт разорви! Не годится это — бить людей, не так благодарят людей за то, что вам не дали утонуть.

Шарлотта. Не сердись, Пьеро!

Пьеро. Нет, буду сердиться, а ты — негодница, коли позволяешь, чтоб за тобой увивались.

Шарлотта. Ах, Пьеро, это не то, что ты думаешь! Этот господин хочет на мне жениться, и тебе нечего выходить из себя.

Пьеро. Как так? Еще чего! Ты же со мной помолвлена.

Шарлотта. Что за беда? Коли ты меня любишь, Пьеро, ты должен радоваться, что я стану важной дамой.

Пьеро. Ну нет, черта с два! По мне, лучше бы ты околела, чем вышла замуж за другого.

Шарлотта. Ладно, ладно, Пьеро, не горюй. Если стану я важной дамой, ты на этом тоже выгадаешь: будешь носить нам на продажу масло и сыр.

Пьеро. Черт подери, ни за что не буду носить, хоть бы ты платила в два раза дороже! Стало быть, уж он тебе напел в уши! Черт побери! Кабы я раньше знал, ни за что бы не стал тащить его из воды, а хватил бы хорошенько веслом по голове.

Дон Жуан *(приближается к Пьеро, чтобы его ударить)*. Что ты сказал?

Пьеро *(прячется за Шарлотту)*. Черт подери! Я никого не боюсь.

Дон Жуан *(идет к Пьеро)*. Ну погоди!

Пьеро *(перебегает на другую сторону)*. А мне на тебя наплевать.

Дон Жуан *(бежит за Пьеро)*. Это мы посмотрим.

Пьеро *(опять прячется за Шарлотту)*. Видали таких!

Дон Жуан. Ого!

Сганарель. Ах, сударь, оставьте вы этого беднягу! Грех вам его бить. *(Становится между Пьеро и Дон Жуаном. Обращаясь к Пьеро.)* Послушай, добрый человек: уходи ты отсюда и ничего не говори.

Пьеро *(проходит мимо Сганареля и гордо смотрит на Дон Жуана)*. Я ему все-таки скажу.

Дон Жуан *(поднимает руку, чтобы дать пощечину Пьеро)*. Ну так я тебя проучу!

Пьеро наклоняет голову, и пощечину получает Сганарель.

Сганарель *(смотрит на Пьеро)*. Ну и плут!

Дон Жуан *(Сганарелю)*. Вот ты и поплатился за свою отзывчивость.

Пьеро. Пойду расскажу ее тетке про все эти дела. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Шарлотта, Дон Жуан, Сганарель.

Дон Жуан *(Шарлотте)*. Итак, скоро я буду счастливейшим из людей, нет такой вещи на свете, на которую я променял бы свое счастье. Сколько меня ожидает наслаждений, когда вы станете моей женой и когда...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Матюрина.

Сганарель *(заметив Матюрину)*. Ох! Ох!

Матюрина *(Дон Жуану)*. Сударь! Что это вы там делаете с Шарлоттой? Может, вы ей тоже про любовь толкуете?

Дон Жуан *(Матюрине, тихо)*. Нет. Напротив, это она выражает желание стать моей женой, а я ей ответил, что связан словом с вами.

Шарлотта *(Дон Жуану)*. Чего это Матюрине надобно от вас?

Дон Жуан *(Шарлотте, тихо)*. Ее ревность берет, что я разговариваю с вами. Ей хотелось бы, чтоб я женился на ней, но я ей сказал, что люблю вас.

Матюрина. Как же так? Шарлотта!..

Дон Жуан *(Матюрине, тихо)*. С ней говорить бесполезно: она вбила это себе в голову.

Шарлотта. Что такое? Матюрина!..

Дон Жуан *(Шарлотте, тихо)*. Не стоит вам с ней разговаривать: вы все равно ничего не поделаете с этой блажью.

Матюрина. Да разве...

Дон Жуан *(Матюрине, тихо)*. Ей невозможно втолковать.

Шарлотта. Я бы хотела...

Дон Жуан *(Шарлотте, тихо)*. Она упряма, как сто чертей.

Матюрина. А все-таки...

Дон Жуан *(Матюрине, тихо)*. Ничего не говорите ей: она сумасшедшая.

Шарлотта. Я думаю...

Дон Жуан *(Шарлотте, тихо)*. Не трогайте ее, она со странностями.

Матюрина. Нет, нет, мне надо с ней поговорить.

Шарлотта. Хочу узнать, что же у нее на уме.

Матюрина. Как же так?..

Дон Жуан *(Матюрине, тихо)*. Бьюсь об заклад, она вам скажет, что я обещал на ней жениться.

Шарлотта. Я...

Дон Жуан *(Шарлотте, тихо)*. Ручаюсь вам, она будет утверждать, что я дал слово взять ее в жены.

Матюрина. Эй, Шарлотта, не годится это — перебегать другим дорогу!

Шарлотта. Нехорошо это, Матюрина, ревновать из-за того, что сеньор со мной разговаривает!

Матюрина. Меня сеньор увидел первую.

Шарлотта. Если тебя он увидел первую, зато меня увидел вторую и обещал на мне жениться.

Дон Жуан *(Матюрине, тихо)*. А что я вам говорил?

Матюрина *(Шарлотте)*. Ну уж это извини — он на мне, а не на тебе обещал жениться.

Дон Жуан *(Шарлотте, тихо)*. Разве я не угадал?

Шарлотта. Другим, пожалуйста, рассказывай, а я говорю, что на мне.

Матюрина. Не изволь дурачиться, еще раз говорю — на мне.

Шарлотта. Да вот он тут сам, пусть скажет, коли я не права.

Матюрина. Вот он тут сам,— коли я лгу, пусть скажет.

Шарлотта. Обещали вы ей, сударь, жениться на ней?

Дон Жуан *(Шарлотте, тихо)*. Вы смеетесь надо мной!

Матюрина. Правда ли, сударь, что вы дали ей слово взять ее в жены?

Дон Жуан *(Матюрине, тихо)*. Как это вам могло прийти в голову?

Шарлотта. Ты видишь, он подтверждает.

Дон Жуан *(Шарлотте, тихо)*. Пусть ее говорит, что хочет.

Матюрина. Будь свидетельницей: он признает мою правоту.

Дон Жуан *(Матюрине, тихо)*. Пусть говорит, что ей нравится.

Шарлотта. Нет-нет, надо узнать всю правду.

Матюрина. Это дело надо выяснить.

Шарлотта. Да, Матюрина, я хочу, чтобы сеньор посбавил тебе спеси.

Матюрина. А я, Шарлотта, хочу, чтобы сеньор дал тебе как следует по носу.

Шарлотта. Пожалуйста, сударь, разрешите наш спор.

Матюрина. Рассудите нас, сударь.

Шарлотта *(Матюрине)*. Сейчас увидим.

Матюрина *(Шарлотте)*. Сейчас сама увидишь.

Шарлотта *(Дон Жуану)*. Ну, скажите!

Матюрина *(Дон Жуану)*. Ну, говорите!

Дон Жуан. Что же мне вам сказать! Вы обе утверждаете, что я обещал жениться на вас обеих. Разве каждой из вас неизвестно, как обстоит дело, и разве нужно, чтобы я еще что-то объяснил? Почему я должен повторяться? Той, которой я на самом деле дал обещание,— разве ей этого недостаточно, чтобы посмеяться над речами своей соперницы, и стоит ли ей беспокоиться, раз я исполню свое обещание? От речей дело вперед не двигается. Надо действовать, а не говорить, дела решают спор лучше, чем слова. Только так я и собираюсь рассудить вас, и, когда я женюсь, все увидят, которая из вас владеет моим сердцем. *(Матюрине, тихо.)* Пусть думает что хочет. *(Шарлотте, тихо.)* Пусть себе воображает. *(Матюрине, тихо.)* Я вас люблю безумно. *(Шарлотте, тихо.)* Я весь ваш. *(Матюрине, тихо.)* Рядом с вами все женщины кажутся дурнушками. *(Шарлотте, тихо.)* После вас ни на кого не хочется смотреть. *(Громко.)* Мне надо отдать кое-какие распоряжения, через четверть часа я к вам вернусь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Шарлотта, Сганарель, Матюрина.

Шарлотта *(Матюрине)*. Он любит меня — это уж точно.

Матюрина *(Шарлотте)*. Он женится на мне.

Сганарель *(останавливает Шарлотту и Матюрину)*. Ах, бедные вы девушки! Жалко мне смотреть, какие вы простодушные, нет сил глядеть, как вы сами же стремитесь к своей погибели. Поверьте мне обе: не слушайте вы сказок, которыми он вас кормит, оставайтесь-ка у себя в деревне.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Дон Жуан.

Дон Жуан *(в глубине сцены, про себя)*. Хотел бы я знать, почему Сганарель не пошел за мной.

Сганарель. Господин мой — обманщик, в мыслях у него одно — как бы вас провести, а сколько девушек он уже провел!

Он на всех готов жениться, и... *(Заметив Дон Жуана.)* Но это неправда, и, если кто вам это скажет, вы скажите ему, что он врет. Мой господин вовсе не на всех готов жениться, он вовсе не обманщик, у него и в мыслях нет того, чтоб вас провести, он никого не обманывал... Ах, да вот и он. Вы лучше у него самого спросите.

Дон Жуан *(глядя на Сганареля и заподозрив его в том, что он что-то про него сказал)*. Да-а!

Сганарель. Сударь! Свет злоречив, и я хотел их предупредить: если, мол, кто-нибудь скажет о вас плохое, то пусть они ему не верят, пусть скажут, что он врет.

Дон Жуан. Сганарель!

Сганарель *(Шарлотте и Матюрине)*. Да, мой господин — человек порядочный, я в том ручаюсь.

Дон Жуан. Гм!

Сганарель. Это все наглецы на него...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Ла Раме.

Ла Раме *(Дон Жуану, тихо)*. Сударь! Я пришел вас предупредить: вам здесь оставаться опасно.

Дон Жуан. Почему?

Ла Раме. Вас ищут двенадцать всадников, они вот-вот прискачут сюда. Не знаю, как они могли выследить вас, но эту новость я узнал от одного крестьянина — они его расспрашивали и описали ему вашу наружность. Время не терпит; чем скорее вы отсюда удалитесь, тем лучше будет для вас. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Шарлотта, Сганарель, Матюрина, Дон Жуан.

Дон Жуан *(Шарлотте и Матюрине)*. Я должен уехать по неотложному делу, но я прошу вас помнить мое обещание и не сомневаться, что вы получите обо мне известие не позже завтрашнего вечера.

Шарлотта и Матюрина уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Сганарель, Дон Жуан.

Дон Жуан. Силы тут неравные, надо прибегнуть к хитрости, чтобы отвратить несчастье, готовое меня настичь. Я хочу, чтобы ты, Сганарель, оделся в мое платье, а я...

Сганарель. Нет, сударь, слуга покорный! Подвергать себя риску, чтоб меня убили в вашем платье, и...

Дон Жуан. Живо! Я тебе еще оказываю большую честь. Счастлив тот слуга, которому дано погибнуть славной смертью за своего господина.

Сганарель. Благодарю вас за такую честь. *(Один.)* О боже! Если уж пришла моя смерть, яви мне, по крайней мере, такую милость: пусть меня не принимают за другого!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена представляет лес.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Жуан, в одежде крестьянина; Сганарель, в одежде доктора.

Сганарель. Согласитесь же, сударь, что я был прав — мы теперь оба переоделись на славу. Ваш первый план был очень неудачен, а эта одежда скрывает нас гораздо лучше, чем все то, что вы тогда затевали.

Дон Жуан. Да ты и вправду хорош — уж не знаю, где это ты выкопал такой нелепый наряд.

Сганарель. Где? Это платье одного старого доктора, оставленное под заклад там, где я его и взял, и стоило мне оно немало денег. И знаете, сударь, это платье мне уже придало весу: встречные кланяются мне и спрашивают совета, как у человека сведущего.

Дон Жуан. Вот что!

Сганарель. Когда я шел по улице, человек пять-шесть крестьян и крестьянок просили у меня совета насчет разных болезней.

Дон Жуан. И ты им сказал, что ничего в этом не смыслишь?

Сганарель. Ничуть не бывало. Я решил поддержать честь моей одежды. Я порассуждал об их болезнях и каждому прописал рецепт.

Дон Жуан. Какие же ты лекарства им прописал?

Сганарель. Ей-богу, сударь, все лекарства, какие только мне приходили в голову. Рецепты я прописывал наобум,— вот было бы забавно, если бы мои больные поправились и пришли меня благодарить!

Дон Жуан. А почему бы и нет? На каком основании тебе не пользоваться привилегиями, какие есть у всех прочих докторов? Когда больные выздоравливают, доктора имеют к этому такое же отношение, как ты; все их искусство — чистейшее кривлянье. Они только пожинают славу счастливых случаев, и ты можешь, так же как они, обращать в свою пользу удачу больного и приписывать своим лекарствам все, что может зависеть от благоприятного стечения обстоятельств и от сил природы.

Сганарель. Как, сударь, вы и в медицине такой же безбожник?

Дон Жуан. Медицина — одно из величайших заблуждений человечества.

Сганарель. Как! Вы не верите ни в александрийский лист, ни в ревень, ни в рвотное вино?

Дон Жуан. А с чего бы я стал верить в них?

Сганарель. Душа у вас как у язычника. Но вы же сами видите: рвотное вино за последнее время наделало много шуму. Чудеса, которые оно творит, заставили поверить в него даже наиболее недоверчивых, да я и сам не далее как три недели тому назад наблюдал его изумительное действие.

Дон Жуан. А именно?

Сганарель. Один человек уже шесть дней находился при смерти; не знали, что ему и прописать, толку не было ни от одного лекарства, решили в конце концов дать ему рвотного вина.

Дон Жуан. И он, конечно, выздоровел?

Сганарель. Нет, умер.

Дон Жуан. Замечательное действие!

Сганарель. А что вы хотите? Целых шесть дней он не мог умереть, а тут сразу же и умер. Это ли не действительное средство?

Дон Жуан. Ты прав.

Сганарель. Но оставим медицину — все равно вы в нее не верите,— поговорим о других вещах; это платье придает мне ума, и мне хочется о чем-нибудь с вами поспорить. Ведь вы же мне разрешаете споры и запрещаете только упреки.

Дон Жуан. Ну?

Сганарель. Хотелось бы мне выведать ваши мысли. Неужели вы совсем не верите в небо?

Дон Жуан. Оставим это.

Сганарель. Стало быть, не верите. А в ад?

Дон Жуан. Э!

Сганарель. То же самое. А в дьявола, скажите, пожалуйста?

Дон Жуан. Вот-вот.

Сганарель. Тоже, значит, не особенно. Ну, а в будущую жизнь хоть сколько-нибудь верите?

Дон Жуан. Ха-ха-ха!

Сганарель. Я бы не взялся вас обратить. А что вы думаете насчет «черного монаха»?

Дон Жуан. Пошел ты к черту со своими глупостями!

Сганарель. Вот уж этого я вам не уступлю: достовернее «черного монаха» ничего быть не может, тут я хоть на виселицу готов. Однако нужно же во что-нибудь верить. Во что вы верите?

Дон Жуан. Во что я верю?

Сганарель. Да.

Дон Жуан. Я верю, Сганарель, что дважды два — четыре, а дважды четыре — восемь.

Сганарель. Хороша вера, и хороши догматы! Выходит, значит, что ваша религия — арифметика? Экие же вздорные мысли появляются, по правде сказать, в головах у людей,— чем больше учился человек, тем неразумнее он чаще всего бывает! Я, сударь, слава богу, не учился, как вы, и никто не может похвастаться, что чему-нибудь меня научил, но я с моим умишком, с моим крохотным здравым смыслом лучше во всем разбираюсь, чем всякие книжники, и я-то прекрасно понимаю, что этот мир, который мы видим, не мог же вырасти, как гриб, за одну ночь. Кто же, позвольте вас спросить, создал вот эти деревья, эти скалы, эту землю, это небо, что над нами? Или, может быть, все это сотворилось само собой? Взять, к примеру, хоть вас: разве вы сами собой появились на свет, разве не нужно было для этого, чтобы ваша мать забеременела от вашего отца? Можете ли вы смотреть на все те хитрые штуки, из которых состоит машина человеческого тела, и не восхищаться, как все это пригнано одно к другому? Нервы, кости, вены, артерии, эти самые... легкие, сердце, печень и прочие части, которые тут имеются и... Бог ты мой, что же вы меня не прерываете? Я не могу вести спор, если меня не перебивают. Вы нарочно молчите, это просто ваша хитрость, что вы позволяете мне говорить.

Дон Жуан. Я жду, когда ты кончишь свое рассуждение.

Сганарель. А я рассуждаю так: что бы вы ни говорили, есть в человеке что-то необыкновенное — такое, чего никакие ученые не могли бы объяснить. Разве это не поразительно, что вот я тут стою, а в голове у меня что-то такое думает о сотне всяких вещей сразу и приказывает моему телу все, что угодно? Захочу ли я ударить в ладоши, вскинуть руки, поднять глаза к небу, опустить голову, пошевелить ногами, пойти направо, налево, вперед, назад, повернуться... *(Поворачивается и падает.)*

Дон Жуан. Вот твое рассуждение и разбило себе нос.

Сганарель. А, черт! Как это глупо, что я пустился тут с вами рассуждать! Верьте во что хотите,— не все ли мне равно в конце концов, будете вы осуждены на вечную муку или нет.

Дон Жуан. Однако мы так увлеклись рассуждениями, что, по-видимому, заблудились. Позови-ка вон того человека и спроси у него дорогу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и нищий.

Сганарель. Эй, эй, человек! Эй, брат! Эй, приятель! Будь добр, на пару слов. Скажи нам, пожалуйста, как пройти в город.

Нищий. Вам надо и дальше идти этой дорогой, господа, а когда выйдете из леса, сверните направо, но должен вас предупредить — будьте начеку: с недавних пор тут в окрестностях завелись разбойники.

Дон Жуан. Я тебе очень признателен, друг мой, благодарю от всего сердца.

Нищий. Может, сударь, вы мне милостыню подадите?

Дон Жуан. Вот оно что! Твои советы, как я вижу, не были бескорыстны.

Нищий. Я бедный человек, сударь, и уже десять лет, как живу один в этом лесу. Заставьте вечно за вас бога молить.

Дон Жуан. Ты попроси у неба, чтобы оно дало тебе платье, а о чужих делах не беспокойся.

Сганарель. Ты, добрый человек, не знаешь моего господина: он верит только в то, что дважды два — четыре, а дважды четыре — восемь.

Дон Жуан. Что ты делаешь в этом лесу?

Нищий. Всякий день молюсь о здравии добрых людей, которые мне что-нибудь дают.

Дон Жуан. Так не может быть, чтобы ты в чем-нибудь терпел нужду.

Нищий. Увы, сударь, я очень бедствую.

Дон Жуан. Ну вот еще! Человек, который весь день молится, ни в чем не может иметь недостатка.

Нищий. Уверяю вас, сударь: у меня часто и куска хлеба нет.

Дон Жуан. Вот странное дело! Плохо же ты вознагражден за свое усердие. Ну так я тебе дам сейчас луидор, но за это ты должен побогохульствовать.

Нищий. Да что вы, сударь, неужто вы хотите, чтобы я совершил такой грех?

Дон Жуан. Твое дело, хочешь — получай золотой, не хочешь — не получай. Вот смотри: это тебе, если ты будешь богохульствовать. Ну, богохульствуй!

Нищий. Сударь!

Дон Жуан. Иначе ты его не получишь.

Сганарель. Да ну, побогохульствуй немножко! Беды тут нет.

Дон Жуан. На, бери золотой, говорят тебе, бери, только богохульствуй.

Нищий. Нет, сударь, уж лучше я умру с голоду.

Дон Жуан. На, возьми, я даю тебе его из человеколюбия... Но что я вижу! На одного напали трое! Силы слишком неравные, я такой низости не потерплю. *(Со шпагой в руке бросается к дерущимся.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сганарель один.

Сганарель. Мой господин — отчаянная голова: сам ищет опасности. Однако помощь-то его пригодилась — двое обратили в бегство троих.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сганарель в глубине сцены. Дон Жуан, дон Карлос.

Дон Карлос *(вкладывая шпагу в ножны)*. Бегство этих разбойников свидетельствует о том, какую услугу оказала мне ваша рука. Позвольте, милостивый государь, поблагодарить вас за столь великодушный поступок и...

Дон Жуан. Я, милостивый государь, не сделал ничего такого, чего бы и вы не сделали на моем месте. Наша честь заинтересована в подобных столкновениях, а эти негодяи совершили такую подлость, что не помешать им значило принять их сторону. Но каким образом попали вы к ним в руки?

Дон Карлос. Я случайно отстал от моего брата и от всей нашей свиты и, стараясь напасть на их след, столкнулся с этими разбойниками: они сперва убили моего коня, а потом, если бы не вы, сделали бы то же самое и со мной.

Дон Жуан. Вам надо ехать по направлению к городу?

Дон Карлос. Да, но в самый город я не собираюсь. Мы с братом вынуждены разъезжать по окрестностям ради одного из тех досадных дел, которые заставляют дворянина приносить и себя, и свою семью в жертву суровым требованиям чести, ибо самый отрадный успех здесь всегда губителен: если не расстаешься с жизнью, то, во всяком случае, расстаешься со всем остальным. Вот почему положение дворянина мне представляется печальным: вся его осмотрительность, все благородство его собственного поведения не могут обеспечить ему благополучие и безопасность, законы чести ставят его в зависимость от чужого распутства, его жизнь, его покой и его благосостояние подвластны прихоти первого же наглеца, которому вздумается нанести ему одно из тех оскорблений, что приводят порядочного человека к гибели.

Дон Жуан. У нас то преимущество, что человека, легкомысленно оскорбившего нас, мы заставляем подвергаться таким же опасностям и так же неприятно проводить время. Однако простите за нескромный вопрос, что у вас произошло?

Дон Карлос. Произошло то, из чего уже не приходится делать тайны, и, коль скоро оскорбление нанесено, наша честь должна стремиться не утаить наш позор, а дать совершиться мести и раскрыть истинное наше намерение. Итак, сударь, скажу вам прямо, что оскорбление, за которое мы хотим отомстить, заключается в следующем: нашу сестру соблазнили и похитили из монастыря, а виновник этого — некий Дон Жуан Тенорио, сын дон Луиса Тенорио. Мы разыскиваем его уже несколько дней, а нынче утром пытались выследить его по донесению одного из слуг, который нам сказал, что он отправился верхом в сопровождении не то четырех, не то пяти человек и поехал вдоль этого берега, но все наши усилия были тщетны: нам так и не удалось узнать, куда он девался.

Дон Жуан. А вы, сударь, знакомы с этим самым Дон Жуаном?

Дон Карлос. Нет, мне он незнаком. Я никогда не видел его и знаю о нем лишь со слов брата, который описывал мне его, но молва о нем не больно хороша, и жизнь этого человека...

Дон Жуан. Позвольте, сударь, вас прервать. Я с ним довольно дружен, и с моей стороны было бы, пожалуй, низко выслушивать дурные отзывы о нем.

Дон Карлос. Из приязни к вам, сударь, я вовсе не буду о нем отзываться. Самое меньшее, что я в силах сделать для вас после того, как вы спасли мне жизнь,— это молчать о человеке, которого вы знаете и о котором я могу сказать только дурное. Но, как бы вы с ним ни были дружны, я надеюсь, вы не одобрите его поступка и вам не покажется странным, что мы стремимся ему отомстить.

Дон Жуан. Напротив, я хочу вам услужить и избавить вас от лишних хлопот. Я друг Дон Жуана, тут я уж ничего не могу поделать, но чтобы он безнаказанно оскорблял дворян — это недопустимо, и я берусь добиться, что он даст вам удовлетворение.

Дон Карлос. Какое же удовлетворение можно дать, когда нанесено такое оскорбление?

Дон Жуан. Любое, какого пожелает ваша честь. А чтобы вы не утруждали себя дальнейшими поисками Дон Жуана, я обязуюсь доставить его в такое место и в такое время, какое вам будет угодно назначить.

Дон Карлос. Эта надежда, сударь, отрадна оскорбленным сердцам. Но теперь, когда я стольким вам обязан, мне было бы слишком больно видеть вас в качестве секунданта.

Дон Жуан. Я настолько близок с Дон Жуаном, что если он будет драться, то и я должен драться, но, во всяком случае, я отвечаю вам за него, как за самого себя: вам стоит только сказать, когда вы хотите, чтобы он явился и дал вам удовлетворение.

Дон Карлос. Как ко мне жестока судьба! Я вам обязан жизнью, а Дон Жуан вам друг!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и дон Алонсо со свитой.

Дон Алонсо *(не видя дон Карлоса и Дон Жуана, обращается к своей свите)*. Напоите лошадей и ведите их за нами, я немного пройдусь пешком. *(Замечает их обоих.)* О небо! Что я вижу! Возможно ли? Вы, мой брат, вместе с нашим смертельным врагом?

Дон Карлос. Нашим смертельным врагом?

Дон Жуан *(кладя руку на эфес шпаги)*. Да, я — Дон Жуан, и, хотя вас много, а я один, это не заставит меня скрывать мое имя.

Дон Алонсо *(обнажая шпагу)*. О, тебе не избежать гибели, изменник!..

Сганарель прячется.

Дон Карлос. Брат мой, остановитесь! Я обязан ему жизнью: если б не он, меня бы убили разбойники.

Дон Алонсо. Так неужели же это должно помешать нашей мести? Любые услуги, оказанные вражеской рукой, ничего не значат и ничем не связывают нас. Если сравнивать услугу и оскорбление, то ваша благодарность, брат мой, здесь просто смешна, а так как честь бесконечно дороже жизни, то мы, собственно, ничем и не обязаны человеку, который спас нам жизнь, но отнял у нас честь.

Дон Карлос. Я знаю, брат мой, какая для дворянина существует разница между честью и жизнью; благодарность за услугу не стирает в моей душе память об оскорблении, но позвольте вернуть ему мой долг и за жизнь, которой я ему обязан, рассчитаться тотчас же, отсрочив нашу месть и предоставив ему еще несколько дней наслаждаться плодами его благодеяния.

Дон Алонсо. Нет-нет, отсрочка опасна для нашей мести, а случай может больше и не представиться. Сегодня небо дарит нам его — мы должны этим воспользоваться. Когда честь оскорблена смертельно, незачем стараться сдерживать себя, а если вам претит участие в таком деле, вы можете удалиться и предоставить моей руке со славой совершить жертвоприношение.

Дон Карлос. Умоляю вас, брат мой...

Дон Алонсо. Все эти речи излишни: он должен умереть.

Дон Карлос. Повторяю, брат мой: остановитесь. Я не потерплю покушения на его жизнь. Клянусь небом, я буду защищать его от кого бы то ни было,— он спас мне жизнь, и пусть она станет для него броней. Для того чтобы ваши удары могли обрушиться на него, вам придется пронзить меня.

Дон Алонсо. Как! Вы принимаете сторону нашего врага и идете против меня? При виде Дон Жуана меня охватывает ярость, а ваши чувства к нему дышат кротостью!

Дон Карлос. Брат мой! Будем соблюдать умеренность в исполнении нашего долга и отомстим за нашу честь без того неистовства, какое выказываете вы. Будем великодушны и овладеем собою, сохраним достоинство, чуждое всякой свирепости, во всем послушное внушениям разума, а не порывам слепого гнева. Я не хочу, брат мой, остаться в долгу у моего врага, я считаю себя обязанным прежде всего рассчитаться с ним. Наша месть грянет с не меньшей силой оттого, что мы ее отсрочим; напротив — она еще выиграет от этого: если мы не совершим ее сейчас, она еще более справедливой представится потом всему свету.

Дон Алонсо. О, какая непостижимая слабость и какое страшное ослепление — подвергать подобному риску интересы собственной чести ради нелепой мысли о химерических обязательствах!

Дон Карлос. Нет, брат мой, не тревожьтесь. Если я делаю ошибку, я сумею ее исправить, я беру на себя все заботы о нашей чести. Я знаю, чего она требует от нас, и эта отсрочка на один день, к которой меня обязывает благодарность, еще более воспламенит мое желание исполнить долг чести... Дон Жуан! Вы видите, что я стараюсь отплатить вам за добро, которое вы мне сделали; по этому вы можете судить об остальном и верить, что я с таким же рвением возвращаю все мои долги и что за оскорбление я отплачу так же исправно, как и за благодеяние. Я не стану требовать от вас, чтобы вы тут же объяснили ваши чувства,— я предоставляю вам на свободе обдумать решение, которое вам следует принять. Вы сами хорошо знаете, какое оскорбление вы нам нанесли,— судите сами, какого удовлетворения оно требует. Чтобы нас удовлетворить, есть средства мирные, есть также средства жестокие и кровавые, но, как бы то ни было и что бы вы ни избрали, вы мне дали слово добиться удовлетворения от Дон Жуана. Прошу вас, не забывайте об этом, а еще помните, что в любом другом месте я должник только перед моей честью.

Дон Жуан. Я ничего не требовал от вас и исполню, что обещал.

Дон Карлос. Пойдемте, брат мой,— минутное снисхождение не наносит никакого ущерба суровости нашего долга.

Дон Карлос и дон Алонсо уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сганарель, Дон Жуан, потом статуя командора.

Дон Жуан. Эй, Сганарель!

Сганарель *(выходя)*. Что прикажете?

Дон Жуан. Как, мошенник! Ты убегаешь, когда на меня нападают?

Сганарель. Прошу прощения, сударь. Я был тут, поблизости. Сдается мне, что это платье вроде слабительного: как наденешь его — словно лекарство примешь.

Дон Жуан. Этакая наглость! Прикрывай свою трусость каким-нибудь более пристойным покровом. Знаешь ли ты, кому я спас жизнь?

Сганарель. Нет, не знаю.

Дон Жуан. Брату Эльвиры.

Сганарель. Брату...

Дон Жуан. Он человек порядочный, он вел себя как подобает, и я жалею, что в ссоре с ним.

Сганарель. Вам было бы легко все это уладить.

Дон Жуан. Да, но страсть моя к донье Эльвире остыла, и мне вовсе не по душе связывать себя обещанием. В любви я люблю свободу, ты это знаешь, я никогда бы не решился запереть свое сердце в четырех стенах. Я двадцать раз говорил тебе: у меня врожденная склонность отдаваться тому, что меня привлекает. Мое сердце принадлежит всем красавицам, и они могут одна за другой овладевать им и удерживать его сколько сумеют... Но что это за великолепное здание — там, между деревьями?

Сганарель. Вы разве не знаете?

Дон Жуан. Право, не знаю.

Сганарель. Да что вы! Это же гробница, которую заказал себе командор незадолго перед тем, как вы его убили.

Дон Жуан. Ах, верно! Я и не знал, что она здесь. Все рассказывают чудеса об этом сооружении да и о статуе командора,— мне хочется пойти посмотреть.

Сганарель. Не ходите, сударь.

Дон Жуан. Почему?

Сганарель. Неучтиво идти смотреть на человека, которого вы убили.

Дон Жуан. Напротив, я хочу сделать этот визит в знак учтивости, и он должен принять его благосклонно, если он воспитанный человек. Давай войдем.

Гробница открывается, видна статуя командора.

Сганарель. Ох, как красиво! Какие красивые статуи! Какой красивый мрамор! Какие красивые колонны! Ох, как красиво! Что вы скажете, сударь?

Дон Жуан. Я еще не видел, чтобы тщеславие покойника так далеко заходило. Удивительно, что человек, который довольствовался при жизни более или менее скромным жилищем, захотел иметь столь великолепное, когда оно ему ни на что не нужно.

Сганарель. Вот и статуя командора.

Дон Жуан. Черт возьми! Ему идет это одеяние римского императора.

Сганарель. Честное слово, сударь, отличная работа. Он совсем как живой, кажется, вот сейчас заговорит. Он бросает на нас такие взгляды, что мне бы страшно стало, кабы я был один. Мне думается, ему неприятно нас видеть.

Дон Жуан. Напрасно. Это было бы нелюбезно с его стороны — так принять честь, которую я ему оказываю. Спроси у него, не хочет ли он отужинать у меня.

Сганарель. Я думаю, он в этом не нуждается.

Дон Жуан. Спроси, говорят тебе.

Сганарель. Да вы шутите! С ума надо сойти, чтобы разговаривать со статуей.

Дон Жуан. Делай, что я тебе говорю.

Сганарель. Что за фантазия! Сеньор командор!.. *(Про себя.)* Мне стыдно за мою глупость, но так велит мой хозяин. *(Громко.)* Сеньор командор! Господин мой, Дон Жуан, спрашивает вас: соблаговолите ли вы сделать ему честь и отужинать у него?

Статуя кивает головой.

Ай!

Дон Жуан. Что такое? Что с тобой? Да говори! Что же ты молчишь?

Сганарель *(кивая головой, как статуя)*. Статуя...

Дон Жуан. Ну, дальше! Что ты хочешь сказать, негодяй?

Сганарель. Я говорю, что статуя...

Дон Жуан. Ну, что статуя? Я тебя убью, если ты не скажешь!

Сганарель. Статуя сделала мне знак.

Дон Жуан. Черт бы тебя побрал, бездельник!

Сганарель. Я вам говорю, она сделала мне знак, истинная правда. Подите поговорите с ней сами. Может...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена представляет апартаменты Дон Жуана.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Жуан, Сганарель, Раготен.

Дон Жуан *(Сганарелю)*. Что бы там ни было, довольно об этом! То сущая безделица: нас могла ввести в заблуждение игра теней, могла обмануть дымка, застилавшая нам взор.

Сганарель. Ох, сударь, не старайтесь опровергать то, что мы видели своими глазами! Он и впрямь кивнул головой. Я не сомневаюсь, что небо, возмущенное той жизнью, какую вы ведете, совершило это чудо, чтобы образумить вас, чтобы спасти вас от...

Дон Жуан. Слушай! Если ты и дальше будешь мне докучать глупыми нравоучениями, если ты мне скажешь еще хоть слово на этот счет, я позову кого-нибудь, прикажу принести воловьи жилы, велю трем или четырем человекам тебя держать и нещадно тебя изобью. Понял?

Сганарель. Как не понять, сударь, прекрасно понял! Вы говорите прямо, в вас то и хорошо, что вы не любите обиняков, а всегда объясняетесь начистоту.

Дон Жуан. Хорошо, пусть мне скорее несут ужинать. *(Раготену.)* Мальчик! Подай стул.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Ла Вьолет.

Ла Вьолет. Там, сударь, пришел ваш поставщик, господин Диманш, он хочет с вами поговорить.

Сганарель. Ну вот, этого нам как раз и не хватало — кредитора с его любезностями! Что это ему вздумалось требовать с нас денег, и почему ты не сказал ему, что барина нет дома?

Ла Вьолет. Я уже час целый это говорю, но он не хочет верить и сидит дожидается.

Сганарель. Пусть его ждет сколько ему угодно.

Дон Жуан. Нет, напротив, впусти его. Прятаться от кредиторов — это очень плохая политика. Надо же им чем-нибудь отплатить, а я знаю секрет, как отпустить их с чувством удовлетворения, не дав им ни одного дублона.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и г-н Диманш.

Дон Жуан. А, господин Диманш, милости просим! Как я счастлив, что вижу вас! Как мне досадно на моих слуг, что они не сразу провели вас ко мне! Я приказал, чтобы ко мне никого не пускали, но это не имеет никакого отношения к вам, для вас мои двери всегда открыты.

Г-н Диманш. Покорно благодарю, сударь.

Дон Жуан *(Ла Вьолету и Раготену)*. Черт бы вас побрал, бездельники, я вам покажу, как оставлять господина Диманша в передней, я вас научу разбираться в людях!

Г-н Диманш. Ничего, сударь.

Дон Жуан *(г-ну Диманшу)*. Нет, что же это такое! Сказать, что меня нет дома, и кому — господину Диманшу, лучшему моему другу!

Г-н Диманш. Премного благодарен, сударь. Я пришел...

Дон Жуан. Стул для господина Диманша, живо!

Г-н Диманш. Мне, сударь, и так хорошо.

Дон Жуан. Нет-нет, я хочу, чтобы вы сидели подле меня.

Г-н Диманш. Да это неважно.

Дон Жуан. Уберите складной стул и принесите кресло!

Г-н Диманш. Помилуйте, сударь, я...

Дон Жуан. Нет-нет, я знаю, чем я вам обязан, и не хочу, чтобы между нами делали разницу.

Г-н Диманш. Сударь!..

Дон Жуан. Садитесь, пожалуйста!

Г-н Диманш. Не извольте беспокоиться, сударь, мне ведь вам всего два слова сказать. Я...

Дон Жуан. Садитесь, говорят вам!

Г-н Диманш. Нет, сударь, мне и так хорошо. Я пришел, чтобы...

Дон Жуан. Нет, если вы не сядете, я не стану вас слушать.

Г-н Диманш. Пусть будет, сударь, по-вашему. Я...

Дон Жуан. Черт побери, господин Диманш, вид у вас на славу!

Г-н Диманш. Да, сударь, благодарю вас. Я пришел...

Дон Жуан. Здоровье у вас завидное: губы свежие, румянец на щеках, глаза такие живые.

Г-н Диманш. Я бы хотел...

Дон Жуан. Как поживает ваша супруга, госпожа Диманш?

Г-н Диманш. Хорошо, сударь, слава богу.

Дон Жуан. Славная женщина!

Г-н Диманш. Спасибо на добром слове, сударь. Я пришел...

Дон Жуан. А как поживает ваша дочка Клодина?

Г-н Диманш. Отлично.

Дон Жуан. Такая милая девочка! Я ее очень люблю.

Г-н Диманш. Слишком много чести для нее, сударь. Я вам...

Дон Жуан. А маленький Колен все играет на барабане?

Г-н Диманш. Играет, сударь. Я...

Дон Жуан. А ваша собачка Брюске все так же громко лает и кусает за ноги всех, кто к вам приходит?

Г-н Диманш. Пуще прежнего, сударь, не знаем, что с ней и делать.

Дон Жуан. Не удивляйтесь, что я так расспрашиваю вас о вашем семействе,— я принимаю в нем самое живое участие.

Г-н Диманш. Мы вам очень благодарны, сударь. Я...

Дон Жуан *(протягивает ему руку)*. Дайте руку, господин Диманш. Ведь вы правда мой друг?

Г-н Диманш. Я, сударь, всегда к вашим услугам.

Дон Жуан. Черт возьми, я к вам так привязан!

Г-н Диманш. Слишком много чести для меня. Я...

Дон Жуан. Я все готов сделать для вас.

Г-н Диманш. Сударь! Вы слишком добры ко мне.

Дон Жуан. И притом, поверьте, совершенно бескорыстно.

Г-н Диманш. Право, я не заслужил такой милости. Но, сударь...

Дон Жуан. А что, господин Диманш, не хотите ли без всяких церемоний отужинать со мной?

Г-н Диманш. Нет, сударь, мне надо домой. Я...

Дон Жуан *(встает)*. Эй, факел сюда, живо! Проводите господина Диманша! Пусть четверо или пятеро моих слуг возьмут мушкетоны и пойдут вместе с ним!

Ла Вьолет и Раготен уходят.

Г-н Диманш *(тоже встает)*. Это лишнее, сударь, я и один дойду. Но...

Сганарель быстро убирает кресло.

Дон Жуан. Что такое? Нет, я хочу, чтобы вас проводили, я слишком вами дорожу. Я ваш покорнейший слуга, и к тому же я ваш должник.

Г-н Диманш. Ах, сударь!..

Дон Жуан. Я этого и не скрываю и говорю всем.

Г-н Диманш. Вот если бы...

Дон Жуан. Хотите, я сам вас провожу?

Г-н Диманш. Ах что вы, сударь! Я, сударь...

Дон Жуан. Так сделайте милость, давайте обнимемся. И еще раз прошу вас не сомневаться в моей преданности: нет такой услуги, которой я бы вам не оказал. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сганарель, г-н Диманш.

Сганарель. Надо признаться, мой господин очень вас любит.

Г-н Диманш. Это правда. Он так со мной учтив и столько говорит любезностей, что у меня язык не поворачивается спросить о деньгах.

Сганарель. Уверяю вас, мы все готовы отдать за вас жизнь. Мне бы хотелось, чтобы с вами что-нибудь приключилось, чтоб кому-нибудь вздумалось отколотить вас палкой,— тут бы вы увидели, как...

Г-н Диманш. Верю, но только я прошу вас, Сганарель: закиньте ему удочку насчет моих денег.

Сганарель. О, не беспокойтесь, он отдаст!

Г-н Диманш. Но вы-то сами, Сганарель, вы мне тоже кое-что должны.

Сганарель. Фуй! Не будем об этом говорить.

Г-н Диманш. Как так? Я...

Сганарель. Неужели я не знаю, что я вам должен?

Г-н Диманш. Да, но...

Сганарель. Идемте, господин Диманш, я вам посвечу.

Г-н Диманш. Но мои деньги?..

Сганарель *(берет г-на Диманша под руку)*. Полно, полно!

Г-н Диманш. Я хочу...

Сганарель *(тащит его)*. Да ну!

Г-н Диманш. Я полагаю...

Сганарель *(толкает его к двери)*. Пустяки!

Г-н Диманш. Но...

Сганарель *(снова толкает его)*. Фуй!

Г-н Диманш. Я...

Сганарель *(выталкивает его)*. Фуй, говорят вам!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сганарель, Дон Жуан, Ла Вьолет.

Ла Вьолет *(Дон Жуану)*. Сударь! Пришел ваш отец.

Дон Жуан. Куда как хорошо! Только этого недоставало, чтобы довести меня до бешенства!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сганарель, Дон Жуан, дон Луис.

Дон Луис. Я вижу, что помешал вам и что вы не в восторге от моего прихода. По правде сказать, и вы и я странным образом досаждаем друг другу: я надоел вам своими посещениями, а мне надоело ваше беспутство. Увы, до чего же мы опрометчивы! Мы не доверяем небу заботы о наших нуждах,— нет, мы хотим быть умнее его и докучаем ему нашими бессмысленными желаниями и необдуманными просьбами. Я страстно желал иметь сына, я неустанно воссылал к небу жаркие мольбы, и вот теперь этот сын, которого оно, уступая моей настойчивости, мне послало, этот сын, кроме горя и муки, ничего мне не принес, а между тем я надеялся, что он будет мне отрадой и утешением. Какими же глазами я, по-вашему, могу смотреть на бесчисленное множество ваших недостойных поступков, всю мерзость которых трудно преуменьшить в глазах света, на эту нескончаемую цепь злых дел, которые, что ни час, вынуждают нас злоупотреблять добротою короля и уже свели на нет в его мнении все мои заслуги и все влияние моих друзей? Как низко вы пали! Неужели вы не краснеете оттого, что вы недостойны своего происхождения? Вправе ли вы гордиться им? Что вы сделали для того, чтобы оправдать звание дворянина? Или вы думаете, что достаточно имени и герба и что благородная кровь сама по себе уже возвышает нас, хотя бы мы поступали подло? Нет, нет, знатное происхождение без добродетели — ничто. Славе наших предков мы сопричастны лишь в той мере, в какой сами стремимся походить на них. Блеск их деяний, что озаряет и нас, налагает на нас обязанность воздавать им такую же честь, идти по их стопам и не изменять их добродетели, если мы хотим считаться их истинными потомками. То, что вы происходите от доблестных предков, ровно ничего не значит: предки отказываются признать в вас свою кровь, и все те славные деяния, что ими совершены, не дают вам никаких преимуществ; напротив, блеск их, падая на вас, выставляет вас в еще более неприглядном виде, слава их — это факел, при свете которого всем бросается в глаза ваше позорное поведение. Поймите наконец, что дворянин, ведущий дурную жизнь,— это изверг естества, добродетель — это первый признак благородства, именам я придаю куда меньше значения, чем поступкам; сына какого-нибудь ключника, если он честный человек, я ставлю выше, чем сына короля, если он живет, как вы.

Дон Жуан. Если бы вы сели, вам было бы удобнее говорить.

Дон Луис. Нет, дерзкий, я не сяду и не буду больше говорить: я вижу, что все мои слова не западают тебе в душу. Но знай, недостойный сын, что своими поступками ты довел отца до крайности: раньше чем ты думаешь, я сумею положить предел твоему распутству, упрежу гнев небесный и, покарав тебя, смою с себя позор быть твоим отцом. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сганарель, Дон Жуан.

Дон Жуан *(вслед отцу)*. Ах, да умирайте вы поскорее — это лучшее, что вы можете сделать! Каждому свой черед. Меня бесит, когда отцы живут так же долго, как сыновья. *(Садится в кресло.)*

Сганарель. Сударь, вы не правы!

Дон Жуан. Я не прав?

Сганарель *(дрожа)*. Сударь!..

Дон Жуан *(встает)*. Я не прав?

Сганарель. Да, сударь, вы не правы, что выслушали все его речи, вам следовало вытолкать его в шею. Видана ли такая наглость? Отец является к сыну с выговором, призывает его исправиться, вспомнить о своем происхождении, вести жизнь порядочного человека и говорит еще уйму всяких глупостей в том же роде! Может ли это вынести такой человек, как вы, который сам знает, как надо жить? Я удивляюсь вашему терпению: будь я на вашем месте, я бы его выгнал вон. *(В сторону.)* Ах, проклятая угодливость, что ты со мной делаешь!

Дон Жуан. Дождусь я сегодня ужина?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Раготен.

Раготен. Сударь! Пришла какая-то дама под вуалью, хочет с вами поговорить. *(Уходит.)*

Дон Жуан. Кто бы это мог быть?

Сганарель. Посмотрим.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Сганарель, Дон Жуан, донья Эльвира под вуалью.

Донья Эльвира. Не удивляйтесь, Дон Жуан, что видите меня в такой час и в таком одеянии. Причина важная заставила меня прийти; то, что я хочу вам сказать, не терпит промедления. Сейчас я уже не пылаю гневом, как тогда, я теперь совсем иная, чем была утром. Перед вами уже не та донья Эльвира, что проклинала вас, чья возмущенная душа посылала лишь угрозы и дышала местью. Небо изгнало из моей души ту недостойную страсть, которую я испытывала к вам, все эти бурные порывы преступного увлечения, все эти постыдные крайности грубой земной любви. В моем сердце, все еще любящем вас, осталось лишь пламя, свободное от всякой чувственности, чистейшая нежность, бескорыстная привязанность, которая печется не о себе, а только о вашем благополучии.

Дон Жуан *(Сганарелю, тихо)*. Ты, кажется, плачешь?

Сганарель. Простите.

Донья Эльвира. Эта любовь, чистая и совершенная, привела меня сюда ради вашего блага, чтобы от имени самого неба предостеречь вас и попытаться спасти вас от бездны, к которой вы стремитесь. Да, Дон Жуан, я знаю, как беспутна ваша жизнь. Небо, озарив мою душу и раскрыв мне глаза на мои заблуждения, внушило мне прийти к вам и сказать, что грехи ваши истощили его милосердие; грозный гнев его готов обрушиться на вас; в вашей воле избегнуть его немедленным раскаянием. Быть может, вам остался только один день, чтобы отвратить от себя величайшее несчастье. Меня уже никакие земные узы не связывают с вами. Хвала небесам, все мои безумные мысли развеялись, решение мое принято: я удаляюсь от мира; единственно, о чем я молюсь,— это прожить еще столько, чтобы я могла искупить мой грех, ту слепоту, в которую меня ввергли порывы греховной страсти, и суровым покаянием заслужить прощение. Но, и удалившись от мира, я терзалась бы жестокой мукой при мысли, что человек, которого я нежно любила, послужил роковым примером небесного правосудия. И несказанной радостью было бы для меня, если бы я могла помочь вам отвести от себя страшный удар, угрожающий вам. Умоляю вас, Дон Жуан, окажите мне эту последнюю милость, доставьте мне это сладостное утешение. Ради меня, не отказывайтесь от своего спасения, я прошу вас об этом со слезами, и, если вы равнодушны к собственному благу, не будьте равнодушны к моим мольбам и избавьте меня от лютой скорби — скорби при мысли, что вы осуждены на вечную муку.

Сганарель *(про себя)*. Бедная женщина!

Донья Эльвира. Я любила вас бесконечно, вы были мне дороже всего на свете, ради вас я нарушила свой долг, я пошла на все и теперь в награду прошу вас об одном: исправьтесь и отвратите от себя гибель. Молю вас, спасите себя из любви к себе или из любви ко мне. Еще раз, Дон Жуан, я со слезами прошу вас об этом. И если мало вам слез женщины, которую вы любили, то я заклинаю вас всем, что еще способно тронуть вас.

Сганарель *(глядя на Дон Жуана, про себя)*. Да это тигр какой-то.

Донья Эльвира. Я ухожу. Это все, что я хотела вам сказать.

Дон Жуан. Сударыня! Время позднее, останьтесь! Вас здесь устроят со всеми удобствами.

Донья Эльвира. Нет, Дон Жуан, не удерживайте меня.

Дон Жуан. Вы доставите мне удовольствие, если останетесь, уверяю вас.

Донья Эльвира. Нет-нет, не будем терять время на пустые речи. Мне надо скорее идти, не пытайтесь меня провожать и думайте только о том, что я вам сказала. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Сганарель, Дон Жуан.

Дон Жуан. А знаешь ли, я опять что-то почувствовал к ней, в этом необычном ее виде я нашел особую прелесть: небрежность в уборе, томный взгляд, слезы — все это пробудило во мне остатки угасшего огня.

Сганарель. Иначе говоря, ее речи нисколько на вас не подействовали.

Дон Жуан. Ужинать, живо!

Сганарель. Слушаюсь.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, Ла Вьолет и Раготен.

Дон Жуан *(садясь за стол)*. Надо все-таки подумать, Сганарель, как бы это исправиться.

Сганарель. Вот-вот!

Дон Жуан. Ей-богу, надо исправиться. Еще лет двадцать — тридцать поживем так, а потом и о душе подумаем.

Сганарель. Ох!

Дон Жуан. Ты что!

Сганарель. Да ничего. Вот ужин. *(Берет кусок с одного из поданных блюд и кладет в рот.)*

Дон Жуан. У тебя, кажется, щека распухла. Что это значит? Да отвечай: что с тобой?

Сганарель. Ничего.

Дон Жуан. Покажи-ка. Черт возьми! Да у него флюс. Живо ланцет, надо разрезать! Бедняге невмоготу, от этого нарыва он может задохнуться. Смотрите, нарыв совсем созрел. Ах ты мошенник этакий!

Сганарель. Ей-богу, сударь, я только хотел попробовать, не пересолил ли повар и не положил ли он слишком много перцу.

Дон Жуан. Ну, садись и ешь. Я займусь тобой, когда поужинаю. Ты, я вижу, голоден?

Сганарель *(садясь за стол)*. Еще бы, сударь, с утра ничего не ел. Вот этого возьмите, вкуснее ничего нельзя придумать. *(Раготену, который, после того как Сганарель положит себе чего-нибудь на тарелку, сейчас же убирает ее, едва лишь Сганарель отвернется.)* Моя тарелка! Моя тарелка! Пожалуйста, не торопитесь! Черт возьми, и мастер же вы, дружок, подставлять чистые тарелки! А вы, мой маленький Ла Вьолет, до чего же вовремя подливаете вино!

Пока Ла Вьолет наливает Сганарелю, Раготен убирает его тарелку.

Дон Жуан. Кто это так стучит?

Сганарель. Что это еще за черт мешает нам ужинать?

Дон Жуан. Я хочу поужинать спокойно — не впускать!

Сганарель. Позвольте, я пойду посмотрю.

Дон Жуан *(видя, что Сганарель возвращается испуганный)*. Что такое? Кто там?

Сганарель *(кивая головой, как статуя)*. Это... он.

Дон Жуан. Пойду посмотрю — докажу, что я ничего не боюсь.

Сганарель. Ах, бедный Сганарель, куда бы тебе спрятаться.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и статуя командора.

Дон Жуан *(слугам)*. Стул и прибор, живо!

Дон Жуан и статуя садятся за стол.

(Сганарелю). Ну же, садись за стол!

Сганарель. Сударь! Мне больше есть не хочется.

Дон Жуан. Садись, говорят тебе! Дайте вина! За здоровье командора! Я хочу с тобой чокнуться, Сганарель. Налейте ему вина.

Сганарель. Сударь! Мне больше пить не хочется.

Дон Жуан. Пей и спой командору песенку.

Сганарель. У меня, сударь, голос пропал.

Дон Жуан. Неважно. Пой. А вы *(обращаясь к слугам)* идите сюда, подпевайте ему.

Статуя. Довольно, Дон Жуан. Я приглашаю вас завтра отужинать со мной. Хватит у вас смелости?

Дон Жуан. Да. Я возьму с собой одного Сганареля.

Сганарель. Покорно благодарю, завтра я пощусь.

Дон Жуан *(Сганарелю)*. Бери факел.

Статуя. Кто послан небом, тому свет не нужен.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Сцена представляет открытую местность.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Луис, Дон Жуан, Сганарель.

Дон Луис. Ужели, сын мой, благое небо вняло моим мольбам? Не обманываете ли вы меня? Не обольщаете ли вы меня ложной надеждой? Могу ли я верить ошеломляющей вести о вашем обращении?

Дон Жуан. Да, я расстался со всеми своими заблуждениями, я уже не тот, что был вчера вечером, небо внезапно совершило во мне перемену, которая поразит весь свет. Оно озарило мою душу, раскрыло мне глаза, и теперь я в ужасе от того ослепления, в котором так долго пребывал, и от преступной развратной жизни, которую я вел. Я вспоминаю все свои мерзкие дела и изумляюсь, как могло небо так долго их терпеть и уже двадцать раз не обрушило на мою голову грозные удары своего правосудия. Я вижу, какую милость явило мне благое небо, не наказав меня за мои преступления, и я намерен как должно воспользоваться этим, дать возможность всему свету убедиться в том, как внезапно переменилась моя жизнь, искупить мои прошлые поступки со всем их соблазном и постараться заслужить у неба полное прощение грехов. К этому я теперь приложу все усилия. Я прошу вас способствовать мне в исполнении моего замысла и помочь найти такого человека, который служил бы мне вожатым, чтобы я, руководимый им, мог неуклонно шествовать новою для меня стезею.

Дон Луис. Ах, сын мой, как легко возвращается отцовская любовь и как быстро исчезают из памяти при первом слове раскаяния обиды, которые нанес нам сын! Я уже не помню всех тех огорчений, какие вы мне причиняли,— все изгладили слова, которые я только что слышал от вас. Признаюсь, я сам не свой, я лью слезы радости, все мои чаяния сбылись, мне больше не о чем просить небо. Обнимите меня, сын мой! Прошу вас, будьте тверды в вашем похвальном намерении. А я поспешу к вашей матери, принесу ей радостную весть, разделю с ней сладостный восторг, который я испытываю, и возблагодарю небо за то благодатное решение, которое оно внушило вам. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Жуан, Сганарель.

Сганарель. Ах, сударь, как я счастлив, что вы раскаялись! Давно я этого ждал, и вот, хвала небу, все мои желания исполнились.

Дон Жуан. Черт бы побрал этого дурака!

Сганарель. Как — дурака?

Дон Жуан. Неужели же ты за чистую монету принимаешь то, что я сейчас говорил, и думаешь, будто мои уста были в согласии с сердцем?

Сганарель. Вот как? Значит, нет... вы не... ваше... *(В сторону.)* Ох, что за человек, что за человек, что за человек!

Дон Жуан. Нет-нет, я нисколько не изменился, чувства мои все те же.

Сганарель. И вас не убеждает это изумительное чудо — движущаяся и говорящая статуя?

Дон Жуан. В этом, правда, есть что-то для меня непостижимое. Но что бы это ни было, оно не в силах ни убедить мой разум, ни поколебать мою душу, и если я сказал, что хочу изменить свое поведение и вести примерный образ жизни, то тут особый умысел, чистейшая политика, спасительная уловка, необходимое притворство, к которому я прибегаю, чтобы задобрить отца, ибо он мне нужен, и чтобы оградить себя от нападок чужих людей. Я говорю с тобой начистоту, Сганарель, я рад, что есть свидетель, которому я могу открыть свою душу и истинные побуждения, заставляющие меня действовать так или иначе.

Сганарель. Стало быть, вы ни во что не верите, а хотите выдать себя за добродетельного человека?

Дон Жуан. А почему бы нет? Сколько людей занимается этим ремеслом и надевает ту же самую маску, чтобы обманывать свет!

Сганарель. Ах, что за человек! Что за человек!

Дон Жуан. Нынче этого уже не стыдятся: лицемерие — модный порок, а все модные пороки сходят за добродетели. Роль человека добрых правил — лучшая из всех ролей, какие только можно сыграть. В наше время лицемерие имеет громадные преимущества. Благодаря этому искусству обман всегда в почете: даже если его раскроют, все равно никто не посмеет сказать против него ни единого слова. Все другие человеческие пороки подлежат критике, каждый волен открыто нападать на них, но лицемерие — это порок, пользующийся особыми льготами: оно собственной рукой всем затыкает рот и преспокойно пользуется полнейшей безнаказанностью. Притворство сплачивает воедино тех, кто связан круговой порукой лицемерия. Заденешь одного — на тебя обрушатся все, а те, что поступают заведомо честно и в чьей искренности не приходится сомневаться, остаются в дураках: по своему простодушию они попадаются на удочку к этим кривлякам и помогают им обделывать дела. Ты не представляешь себе, сколько я знаю таких людей, которые подобными хитростями ловко загладили грехи своей молодости, укрылись за плащом религии, как за щитом, и, облачившись в этот почтенный наряд, добились права быть самыми дурными людьми на свете. Пусть козни их известны, пусть все знают, кто они такие, все равно они не лишаются доверия: стоит им разок-другой склонить голову, сокрушенно вздохнуть или закатить глаза — и вот уже все улажено, что бы они ни натворили. Под эту благодатную сень я и хочу укрыться, чтобы действовать в полной безопасности. От моих милых привычек я не откажусь, но я буду таиться от света и развлекаться потихоньку. А если меня накроют, я палец о палец не ударю: вся шайка вступится за меня и защитит от кого бы то ни было. Словом, это лучший способ делать безнаказанно все, что хочешь. Я стану судьей чужих поступков, обо всех буду плохо отзываться, а хорошего мнения буду только о самом себе. Если кто хоть чуть-чуть меня заденет, я уже вовек этого не прощу и затаю в душе неутолимую ненависть. Я возьму на себя роль блюстителя небесных законов и под этим благовидным предлогом буду теснить своих врагов, обвиню их в безбожии и сумею натравить на них усердствующих простаков, а те, не разобрав, в чем дело, будут их поносить перед всем светом, осыплют их оскорблениями и, опираясь на свою тайную власть, открыто вынесут им приговор. Вот так и нужно пользоваться людскими слабостями, и так-то умный человек приспосабливается к порокам своего времени.

Сганарель. О небо, что я слышу? Ко всему прочему вам только еще недоставало сделаться лицемером — это уж верх гнусности. Ваша последняя затея, сударь, выводит меня из себя, и я не могу молчать. Делайте со мной все, что угодно: колотите меня, осыпайте ударами, убейте, если хотите,— но я должен выложить все, что у меня на душе, и, как верный слуга, высказать вам все, что считаю нужным. Было бы вам известно, сударь: повадился кувшин по воду ходить — там ему и голову сломить, и, как превосходно говорит один писатель, не знаю только какой, человек в этом мире что птица на ветке; ветка держится за дерево; кто держится за дерево, тот следует хорошим советам; хорошие советы дороже хороших речей; хорошие речи говорят при дворе; при дворе находятся придворные; придворные подражают моде; мода происходит от воображения; воображение есть способность души; душа — это то, что дает нам жизнь; жизнь кончается смертью; смерть заставляет нас думать о небе; небо находится над землей; земля — это не то, что море; на море бывают бури; бури треплют корабль; кораблю нужен добрый кормчий; добрый кормчий благоразумен; благоразумия лишены молодые люди; молодые люди должны слушаться стариков; старики любят богатство; богатство делает людей богатыми; богатые — это не то, что бедные; бедные терпят нужду; нужде закон не писан; кому закон не писан, тот живет, как скотина, а значит, вы попадете к чертям в пекло.

Дон Жуан. Чудесное рассуждение!

Сганарель. Если вы все еще стоите на своем, то тем хуже для вас.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и дон Карлос.

Дон Карлос. Как хорошо, что я вас встретил, Дон Жуан! Поговорить с вами и узнать ваше решение гораздо удобнее здесь, чем у вас. Вы знаете, что эту заботу я взял на себя и объявил о том в вашем присутствии. Что до меня, не скрою — я горячо желал бы мирного исхода, и чего бы только я не сделал, чтобы и вас побудить к тому же и услышать, как вы перед всеми назовете мою сестру своей женой!

Дон Жуан *(лицемерно)*. Увы! Я искренне хотел бы дать вам удовлетворение, которого вы желаете, но небо явно этому противится: оно внушило мне намерение изменить мою жизнь, и все мои помыслы сейчас только о том, что я должен совершенно отрешиться от всех мирских привязанностей, как можно скорее отречься от всяческой суеты и стараться отныне строгой жизнью искупить распутство, порожденное пылом безрассудной юности.

Дон Карлос. Ваше намерение, Дон Жуан, нисколько не противоречит тому, о чем я говорил: общество законной жены прекрасно может сочетаться с благими помыслами, внушенными вам небом.

Дон Жуан. Увы, нет! Такое же решение приняла и ваша сестра: она намерена уйти в монастырь, благодать коснулась нас одновременно.

Дон Карлос. Ее пострижение не может нас удовлетворить; его можно объяснить тем, что вы пренебрегли ею и нашим родством, а честь наша требует, чтобы она жила с вами.

Дон Жуан. Уверяю вас, это невозможно. Я, со своей стороны, об этом только и мечтал и еще сегодня спрашивал у неба совета, но тут же услышал голос, возвестивший мне, что я не должен помышлять о вашей сестре и что с ней вместе я не спасу свою душу.

Дон Карлос. Неужели, Дон Жуан, вы надеетесь обмануть нас подобными отговорками?

Дон Жуан. Я повинуюсь голосу неба.

Дон Карлос. И вы хотите, чтобы я удовлетворился вашими речами?

Дон Жуан. Так хочет небо.

Дон Карлос. Значит, вы похитили мою сестру из монастыря только для того, чтобы потом ее бросить?

Дон Жуан. Такова воля неба.

Дон Карлос. И мы потерпим такой позор в нашей семье?

Дон Жуан. Спрашивайте с неба.

Дон Карлос. Да что же это наконец? Все небо да небо?

Дон Жуан. Небу угодно, чтоб это было так.

Дон Карлос. Довольно, Дон Жуан, я понял вас. Рассчитаюсь я с вами после, здесь для этого неподходящее место, но в скором времени я вас разыщу.

Дон Жуан. Вы поступите, как вам будет угодно. Вам известно, что я не из трусливых и, когда нужно, шпагу держать умею. Вскоре я направлю свои стопы по узкой и безлюдной улице, ведущей к монастырю, но знайте, что хотя я и не желаю драться, так как небо запрещает мне самую мысль об этом, однако, если вы на меня нападете, мы еще посмотрим, что получится.

Дон Карлос. Мы еще посмотрим. Это верно, мы еще посмотрим. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Жуан, Сганарель.

Сганарель. Что это за чертовская манера выражаться появилась у вас, сударь? Это куда хуже, чем все прежнее; по мне, лучше бы уж вы оставались, каким были. Я все надеялся на ваше спасение, но теперь отчаялся; до сих пор небо вас терпело, но такой гадости оно уж, думается мне, не потерпит.

Дон Жуан. Полно, полно, небо не так щепетильно, как ты думаешь, и если бы всякий раз, когда люди...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и призрак в образе женщины под вуалью.

Сганарель *(замечает призрак)*. Ах, сударь, это само небо хочет с вами говорить и посылает вам предостережение!

Дон Жуан. Если небо посылает мне предостережение и хочет, чтобы я понял его, пусть говорит яснее.

Призрак. Дон Жуану осталось одно мгновение, чтобы воззвать к небесному милосердию. Если же он не раскается, гибель его неминуема.

Сганарель. Слышите, сударь?

Дон Жуан. Кто смеет так говорить со мной? Я как будто узнаю этот голос.

Сганарель. Ах, сударь, это призрак — я узнаю по походке!

Дон Жуан. Призрак ли, наваждение или сам дьявол — я хочу понять, что это такое.

Призрак меняет облик и предстает в образе Времени с косою в руке.

Сганарель. О небо! Видите, сударь, какое превращение?

Дон Жуан. Нет-нет, ничто меня не устрашит, я проверю моей шпагой, тело это или дух.

Дон Жуан хочет нанести призраку удар, но тот исчезает.

Сганарель. Ах, сударь, склонитесь перед столькими знамениями и скорее покайтесь!

Дон Жуан. Нет-нет, что бы ни случилось, никто не посмеет сказать, что я способен к раскаянию. Идем, следуй за мной.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Жуан, Сганарель, статуя командора.

Статуя. Стойте, Дон Жуан! Вчера вы дали мне слово отужинать со мной.

Дон Жуан. Да. Куда прикажете?

Статуя. Дайте мне руку.

Дон Жуан. Вот моя рука.

Статуя. Дон Жуан! Кто закоснел в грехе, того ожидает страшная смерть; кто отверг небесное милосердие, над тем разразятся громы небесные.

Дон Жуан. О небо! Что со мной? Меня сжигает незримый пламень, я больше не в силах его терпеть, все мое тело как пылающий костер. О!

Сильный удар грома; яркие молнии падают на Дон Жуана. Земля разверзается и поглощает его, а из того места, где он исчез, вырываются языки пламени.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сганарель один.

Сганарель. Ах, мое жалованье, мое жалованье! Смерть Дон Жуана всем на руку. Разгневанное небо, попранные законы, соблазненные девушки, опозоренные семьи, оскорбленные родители, погубленные женщины, мужья, доведенные до крайности,— все, все довольны. Не повезло только мне. Мое жалованье, мое жалованье, мое жалованье!

МИЗАНТРОП

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Альцест — молодой человек, влюбленный в Селимену.
Филинт — друг Альцеста.
Оронт — молодой человек, влюбленный в Селимену.
Селимена — возлюбленная Альцеста.
Элианта — кузина Селимены.
Арсиноя — подруга Селимены.
Акаст ⎫
Клитандр ⎭ — маркизы.
Дюбуа — слуга Альцеста.
Баск — слуга Селимены.
Жандарм.

Действие происходит в Париже.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Филинт, Альцест.

Филинт

Что с вами, наконец? Скажите, что такое?

Альцест

Оставьте вы меня, пожалуйста, в покое!

Филинт

Что это за каприз?

Альцест

Уйдите — мой совет.

Филинт

Дослушать не сердясь у вас терпенья нет?

Альцест

Хочу сердиться я и слушать не желаю.

Филинт

Я ваших странностей совсем не понимаю.
Хоть с вами мы друзья, но первый я готов...

Альцест

Я — друг вам? Вот еще!.. Скажу без дальних слов:
Я с вами до сих пор действительно был дружен,

Но знайте: больше мне подобный друг не нужен.
Повязка спала с глаз: я вас узнал вполне;
В испорченных сердцах не нужно места мне.

Филинт

Но чем я вызвать мог подобный гнев в Альцесте?

Альцест

Я б умер со стыда, будь я на вашем месте!
Поступку вашему нет оправданья, нет!..
В ком капля совести, тот будет им задет.
Помилуйте! Я был свидетель вашей встречи:
Какие тут пошли восторженные речи,
Как расточали вы объятья, и слова,
И клятвы в верности!.. Ваш друг ушел едва,
На мой вопрос: «Кого так рады были встретить?» –
Вы равнодушно мне изволили ответить,
Что, в сущности, он вам почти что незнаком,
И имя вы его припомнили с трудом!
Так душу унижать и подло и бесчестно
Отнюдь с достоинством душевным несовместно.
Случись бы мне, на грех, так поступить когда...
Да я б повесился сейчас же со стыда!

Филинт

Вы не находите, что это слишком строго?
Я умоляю вас: смягчите, ради бога,
Суровый приговор, и хоть вина тяжка,
Позвольте мне еще не вешаться пока.

Альцест

Как вы не вовремя становитесь шутливы!

Филинт

Но как нам поступать? Ну будьте справедливы!

Альцест

Как? Быть правдивыми, и знать прямую честь,
И говорить лишь то, что в вашем сердце есть.

Филинт

Но если кто-нибудь нас встретит так сердечно,
Мы тем же заплатить должны ему, конечно.

Его радушию, по мере сил, в ответ
За ласку ласку дать и за привет — привет.

Альцест

Нет! Я не выношу презренной той методы,
Которой держатся рабы толпы и моды.
И ненавижу я кривлянья болтунов,
Шутов напыщенных, что не жалеют слов,
Объятий суетных, и пошлостей любезных,
И всяких громких фраз, приятно-бесполезных.
Друг друга превзойти в учтивости спешат;
Где честный человек, не разберу, где фат.
Какая ж польза в том, когда вам «друг сердечный»
Клянется в верности, в любви и дружбе вечной,
Расхваливает вас, а сам бежит потом
И так же носится со всяким наглецом,
На торжище несет любовь и уваженье?..
Для благородных душ есть в этом униженье!
И даже гордецам какая ж это честь —
Со всей вселенною делить по-братски лесть?
Лишь предпочтение в нас чувства усугубит,
А тот, кто любит всех, тот никого не любит.
Но раз вам по душе пороки наших дней,
Вы, черт меня возьми, не из моих людей.
То сердце, что равно всем безразлично радо,
Просторно чересчур, и мне его не надо.
Хочу быть отличён и прямо вам скажу:
Кто общий друг для всех, тем я не дорожу!

Филинт

Вращаясь в обществе, мы данники приличий,
Которых требуют и нравы и обычай.

Альцест

Нет! Мы должны карать безжалостной рукой
Всю гнусность светской лжи и пустоты такой.
Должны мы быть людьми; пусть нашим отношеньям
Правдивость честная послужит украшеньем;
Пусть сердце говорит свободно, не боясь,
Под маской светскости трусливо не таясь.

Филинт

Но есть же случаи, когда правдивость эта
Явилась бы смешной иль вредною для света.

Порою — да простит суровость ваша мне! —
Должны мы прятать то, что в сердца глубине.
Ужели было бы и кстати и пристойно
Все, что мы думаем, высказывать спокойно?
Тем, кто противен нам иль нами не любим,
Вот так и объявлять должны мы это им?

Альцест

Да.

Филинт

Как?.. Сказали б вы Эмилии прекрасной,
Что в возрасте ее кокетство — труд напрасный
И что не следует так много класть белил?

Альцест

О да!

Филинт

Что Дорилас всем очень насолил
И при дворе давно у всех завяли уши
От хвастовства его и всевозможной чуши?

Альцест

Еще бы!

Филинт

Шутите!

Альцест

Нимало не шучу
И никого щадить отныне не хочу.
Все, что нас при дворе и в свете окружает,
Все то, что вижу я, глаза мне раздражает.
Впадаю в мрачность я и ощущаю гнет,
Лишь посмотрю кругом, как род людской живет!
Везде предательство, измена, плутни, льстивость,
Повсюду гнусная царит несправедливость.
Я в бешенстве, нет сил мне справиться с собой,
И вызвать я б хотел весь род людской на бой!

Филинт

Философ! Этот гнев слегка преувеличен,
И приступ мрачности, поверьте мне, комичен.
Как будто выбрали двух братьев мы в пример,

Что в *Школе для мужей* изобразил Мольер.
Наш спор...

Альцест

Сравнения ненужные вы бросьте.

Филинт

Нет, лучше даром вы не тратьте вашей злости.
Старанья ваши свет не могут изменить!..
Раз откровенность так вы начали ценить,
Позвольте мне тогда сказать вам откровенно:
Причуды ваши все вредят вам несомненно;
Ваш гнев, обрушенный на общество, у всех
Без исключения лишь вызывает смех.

Альцест

Тем лучше, черт возьми, мне этого и надо:
Отличный это знак, мне лучшая награда!
Все люди так гнусны, так жалки мне они!
Быть умным в их глазах — да боже сохрани!

Филинт

Так вы хотите зла всему людскому роду?

Альцест

Возненавидел я безмерно их породу.

Филинт

Но неужели вам внушает гнев такой
Без исключения весь бедный род людской?
И в нашем веке есть...

Альцест

Нет, все мне ненавистны!
Одни за то, что злы, преступны и корыстны;
Другие же за то, что поощряют тех,
И ненависти в них не возбуждает грех,
А равнодушие царит в сердцах преступных
В замену гнева душ, пороку недоступных.
Примеров налицо немало вам найду.
Хотя бы тот злодей, с кем тяжбу я веду.
Предательство сквозит из-под его личины,
Его слащавый тон и набожные мины

Еще кого-нибудь чужого проведут,
Но тут известно всем, какой он низкий плут,
Да-да! Все в обществе отлично знают сами,
Какими грязными пробился он путями.
Одна лишь мысль о том, как в настоящий миг
Всей этой роскоши, богатства он достиг,—
Честь возмущается! Краснеет добродетель!
И где хотите вы — да при дворе ли, в свете ль,—
Зовите вы его злодеем, подлецом,
Себе защитника он не найдет ни в ком.
И тем не менее он всюду мило принят,
Никто в лицо ему презрения не кинет,
В чинах и должностях ему всегда успех,
Порядочных людей он перегонит всех.
Я видеть не могу без горького презренья
Коварным проискам такого поощренья,
И, право, иногда мне хочется скорей
В пустыню убежать от близости людей.

Филинт

О боже мой, к чему такое осужденье!
К людской природе вы имейте снисхожденье;
Не будем так строги мы к слабостям людским,
Им прегрешения иные извиним!
И добродетельным быть надо осторожно,
Излишней строгостью испортить дело можно:
Благоразумие от крайности бежит
И даже мудрым быть умеренно велит.
Суровость доблести минувших поколений
Не в духе наших дней, привычек и стремлений.
Где совершенство нам в угоду ей найти?
За веком мы должны с покорностью идти.
Безумна эта мысль, ее пора оставить —
Не вам, поверьте мне, заблудший свет исправить.
Я вижу множество, как вы, вещей и дел,
Которых видеть бы иными я хотел,
Но, что бы ни было, не разражаюсь бранью
И волю не даю, как вы, негодованью.
Людей, как есть они, такими я беру,
Терплю безропотно их жалкую игру.
Иное ни к чему меня не привело бы,
И, право, мне покой милее вашей злобы.

Альцест

Покоем, сударь мой, вы хвалитесь своим.
Ужели ваш покой ничем не возмутим?
А если б изменил ваш друг вам очевидно,
А если б разорить старались вас постыдно,
А если б гибли вы от клеветы людской,
Все ненарушенным остался б ваш покой?

Филинт

На все, что будит в вас такое беспокойство,
Смотрю спокойно я как на людские свойства.
И так же оскорбить меня бы не могло,
Когда б увидел я порок, и ложь, и зло,
Как ястреба найти не странно плотоядным,
Мартышку — хитрою, а волка — кровожадным.

Альцест

Так все переносить — измену, воровство —
И даже не сказать и слова одного?
Ну нет! Мне эта речь — прямое оскорбленье.

Филинт

По чести, лучше б вам умерить возмущенье,
Поменьше своего противника хулить
И делу своему вниманье уделить.

Альцест

Не стану уделять, и кончим мы на этом!

Филинт

Кого возьмете вы, чтоб вам помог советом?

Альцест

Я? Правосудие и правоту мою.

Филинт

Не навестите ль вы заранее судью?

Альцест

Зачем? Иль мой процесс сомнительный, неправый?

Филинт

Согласен с вами я, но в происках лукавый
Ваш враг...

Альцест

Нет. Я решил спокойно ждать суда,
Хоть прав я, хоть не прав.

Филинт

Боюсь я, что тогда...

Альцест

Не сдвинусь с места я.

Филинт

Но ваш противник лично
Готовит козни вам.

Альцест

Мне это безразлично.

Филинт

Вам неприятности, наверное, грозят.

Альцест

И пусть себе грозят — мне важен результат.

Филинт

Но...

Альцест

С удовольствием я проиграю дело.

Филинт

Однако...

Альцест

Вот когда судить смогу я смело,
Довольно ль низости и злобы у людей,
Чтоб подлость сделать мне в глазах вселенной всей!

Филинт

О, что за человек!

Альцест

Факт был бы так прекрасен,
Что проиграть процесс заране я согласен.

Филинт

Кто ни услышал бы ваш яростный протест,
Смеяться стали бы над вами все, Альцест!

Альцест

Для них же хуже.

Филинт

Так! Но эта честь, правдивость,
Прямая искренность, святая справедливость,
Что в мире вы всему готовы предпочесть,—
В том, кого любите, ужель все это есть?
Я должен вам сказать, что я дивлюсь немало:
Гоненье на весь мир вам все ж не помешало,
Хоть гнусен род людской и так уж вам постыл,
Найти в нем кое-что, чем он и вас прельстил.
И вот что кажется особенно мне странным:
Ваш выбор для меня является нежданным.
Две женщины дарят вас склонностью своей:
Одна — так искренна, другая — всех скромней,
Но вызволить ничто не может вас из плена,
В котором держит вас кокетка Селимена.
Нрав легкомысленный... злословие... Она
Для нравов нынешних как будто создана.
Так как же примирить с тем ваши все нападки,
Что в ней вы терпите такие недостатки?
Пред милым существом ужель ваш гнев затих?
Вы их не видите или простили их?

Альцест

О нет! Моя любовь не знает ослепленья.
Все недостатки в ней мне ясны, без сомненья,
И как бы ни горел во мне любовный пыл,
Я первый вижу их и первый осудил.
Но, несмотря на все, я перед вами каюсь
И слабость признаю: я ею увлекаюсь,
И вижу слабости ее, о них скорблю,
Но все ж она сильней, и я ее люблю.

Огонь моей любви — в то верю я глубоко —
Очистит душу ей от накипи порока.

Филинт

Ого! Придется вам не пожалеть труда.
Так думается вам, что вы любимы?

Альцест

Да.
Я б не любил ее, не будь я в том уверен.

Филинт

Но почему ж тогда весь ваш покой утерян?
Коль любят вас, к чему завидовать другим?

Альцест

Когда любовь сильна, мы всем владеть хотим!
И я пришел сюда, чтоб все сказать ей смело,
Что мне внушила страсть, что в сердце накипело.

Филинт

Нет, если б выбора вы ждали моего,
На Элианте я б остановил его.
Да, с чувством искренним, с душою благородной,
Она-то более была б для вас пригодной.

Альцест

Да, это часто мне рассудок говорит,
Но над любовью ведь не он, увы, царит.

Филинт

А я боюсь за вас, надежды ваши хрупки...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Оронт.

Оронт
(Альцесту)

Хозяек увлекли какие-то покупки,
Ни Селимены нет, ни Элианты нет.
Но, слышу я, вы здесь. Примите мой привет.
Хотелось мне давно сказать вам откровенно,

Что для меня весьма знакомство ваше ценно,
Что ваши качества я так высоко чту
И другом вас назвать давно таю мечту.
Вам должное воздать умею по заслугам
И жажду страстно я, чтоб вы мне стали другом.
И смею думать я ввиду моих заслуг,
Что быть отвергнутым такой не может друг!

Во время речи Оронта Альцест стоит задумавшись и не слышит, что Оронт обращается к нему.

К вам, сударь, речь моя относится всецело.

Альцест

Как, сударь мой?..

Оронт

Да, к вам. Иль это вас задело?

Альцест

Нет, что вы, сударь мой! Но так сюрприз велик...
Такая честь меня поставила в тупик.

Оронт

Пускай вас не дивит порыв мой откровенный,
Почета вправе ждать от целой вы вселенной.

Альцест

Но, сударь...

Оронт

Выше вас нет никого в стране,
И ваши доблести для всех ясны вполне.

Альцест

Но, сударь...

Оронт

Лично я, признаюсь без смущенья,
Пред всеми оказать готов вам предпочтенье.

Альцест

Но, сударь...

Оронт

Разрази меня небесный гром,
Коль с вами покривил хоть в слове я одном!
Позвольте ж вас обнять, сказать с сердечным жаром,
Что вашу дружбу я считал бы ценным даром.
Вот вам моя рука, ее от сердца дам.
Я — друг ваш!

Альцест

Сударь мой!

Оронт

Как? Неугодно вам?

Альцест

Я повторяю вновь: мне слишком много чести.
Вы предложение свое получше взвесьте.
Ведь дружба — таинство, и тайна ей милей;
Так легкомысленно играть не должно ей.
Союз по выбору — вот дружбы выраженье;
Сперва — познание, потом уже — сближенье.
Мы ж с вами, может быть, друг другу так чужды,
Что как бы не дойти от дружбы до вражды.

Оронт

Вот, право, мудрости суждение прямое,
И я за ваш ответ вас уважаю вдвое.
Пусть время сблизит нас, я жду названья «друг».
Пока ж молю моих не отвергать услуг!
Быть может, при дворе могу вам быть пригоден?
Известно, верно, вам, что там я всем угоден,
Что слушает меня внимательно король
И я немалую при нем играю роль.
Я ваш, всецело ваш. Располагайте мною!
Но я за то взамен и вас побеспокою.
Порукой мне ваш вкус, мне нужен ваш совет:
Прошу, послушайте последний мой сонет —
Могу ль я публике на суд его представить?

Альцест

Я в этом не судья, прошу меня избавить.

Оронт

Но, сударь, почему?

Альцест

Суждения мои
Все слишком искренни, что плохо для судьи.

Оронт

Напротив! Выслушать готов я вас покорно
И был бы огорчен, поверьте, непритворно,
Когда бы от меня вы скрыли хоть пустяк.
Я жажду истины!

Альцест

Извольте, если так.

Оронт

Итак, сонет. Сонет *Надежда*... Посвящаю
Той, что едва лишь дверь мне приоткрыла к раю.
Надежда... Пышности трескучей далеки,
Простые, скромные и нежные стишки.

Альцест

Посмотрим, сударь мой.

Оронт

Надежда... Я в волненье —
Не строго ль будете судить об исполненье,
Одобрите ли слог, что вы найдете тут?..

Альцест

Увидим.

Оронт

Сочинил я в несколько минут —
Счастливейшая мысль ко мне тогда слетела!

Альцест

Количество минут — не главное для дела.

Оронт

Надежда ласкою своею
На миг дарит нам счастья свет,

Но ах! Как грустно, коль за нею,
Филида, ничего уж нет!

Филинт

Мне нравится уже и первый ваш куплет.

Альцест
(Филинту, тихо)

Вам это нравится? Стыда в вас вовсе нет!

Оронт

Вы проявили состраданье,
Но я вас в этом упрекну:
Не стоит тратить подаянья,
Чтобы надежду дать одну.

Филинт

Вы мысль облечь смогли в изящнейшую форму.

Альцест
(Филинту, тихо)

Льстец! Хвалит глупости, превысившие норму!

Оронт

Но если вечность ожиданья
Не даст мне вынести страданья,
Тогда прерву я жизни нить.
Мое решенье неизбежно:
    Краса Филида! Безнадежно
    Одной надеждой только жить!

Филинт

Как неожиданно прелестна мысль финала!

Альцест
(в сторону)

Чтоб на него чума, черт побери, напала!
Сломать нахалу нос — отличный бы финал!

Филинт

Изящнее стиха нигде я не слыхал.

Альцест
(в сторону)

О черт!

Оропт

Вы льстите мне, однако ваш приятель...

Филинт

О нет, я вам не льщу!

Альцест
(Филинту, тихо)

Что делаешь, предатель?

Оронт
(Альцесту)

Но с вами уговор у нас ведь был иной:
Вы обещали мне быть искренним со мной.

Альцест

Подобные дела чрезмерно деликатны.
Конечно, похвалы для нас всегда приятны,
Но вздумал одному поэту как-то раз
Я правду высказать взамен учтивых фраз:
Сказал я, что нужны усердные старанья,
Чтоб сдерживать в себе ненужный зуд писанья,
Что надобно, себя покрепче в руки взяв,
Не выносить на свет плоды своих забав
И что желанье всем читать творенья эти
Способно выставить творца в печальном свете.

Оронт

Ужели этим вы хотите намекнуть,
Что мне рассчитывать не следует...

Альцест

Отнюдь.
Но я ему сказал: пусть нудный вздор оставит,
Иль всем он надоест, себя же обесславит!
Пусть полон разными достоинствами он,
Но люди судят ведь сперва с дурных сторон.

Оронт

Что ставите в вину вы моему сонету?

Альцест

Нет, я ему сказал, чтоб страсть он бросил эту,
Что в наши дни она немало, ей-же-ей,
Вконец испортила порядочных людей.

Оронт

Так плохо я пишу? И это ваше мненье?

Алъцест

Нисколько! Но ему сказал я без стесненья:
«Какая же нужда вам рифмы расточать?
Какого дьявола стремитесь вы в печать?
Подчас бездарное прощаем мы маранье,
Но тем лишь, для кого стишонки — пропитанье.
Нет, право, победить старайтесь этот зуд,
Не пробуйте идти к читателю на суд.
Издатель ведь торгаш, доставит вам с охотой
Он славу жалкого, смешного стихоплета.
Останьтесь лучше тем, чем были до сих пор,
Чье имя честное так уважает двор!»
Но, кажется, я с ним пускался тщетно в пренья.

Оронт

Отлично понял я такую точку зренья.
Но относительно сонета самого...

Альцест

Он годен лишь на то, чтоб выбросить его!
Плохие образцы вам подали идею.
В нем нету простоты, я указать вам смею.
Что это, а? «На миг дарит нам счастья свет...»
Иль это: «Ничего за нею больше нет».
А это: «Тратить подаянье,
        Чтобы надежду дать одну?..»
Или: «Филида! Безнадежно
    Одной надеждой только жить!..»
И стиль напыщенный изящных ваших строк
Невыразителен, от правды он далек,
Игра пустая слов, рисовка или мода.
Да разве, боже мой, так говорит природа?
Мне страшен вкус плохой, манерность наших дней;
У дедов много он был лучше, хоть грубей,

И, право, ничего не знаю я прелестней
Хотя бы этой вот старинной милой песни:

Когда б король мне подарил
  Париж, свою столицу,
Чтоб я покинуть должен был
  Красавицу девицу,
Тогда б сказал я королю:
«Возьмите свой Париж обратно,
Мою красотку я люблю,
Лишь с нею мне приятно».

Пусть слог здесь устарел, пусть рифма здесь бедна,
Вы не находите — стократ милей она,
Чем то кривляние, что разуму противно?
Сама живая страсть в ней говорит наивно.

Когда б король мне подарил
  Париж, свою столицу,
Чтоб я покинуть должен был
  Красавицу девицу,
Тогда б сказал я королю:
«Возьмите свой Париж обратно,
Мою красотку я люблю,
Лишь с нею мне приятно».

Так говорит любовь — простая, без прикрас.
(Филинту.)
Да, смейтесь, сударь мой, но уверяю вас,
Что это мне милей, чем вычурные фразы
И ходкие у нас поддельные алмазы.

Оронт

И все ж мои стихи отменно хороши.

Альцест

У вас причины есть хвалить их от души,
Но я прошу у вас о малом снисхожденье:
Дозволить при своем остаться мне сужденье.

Оронт

Мне лестных отзывов довольно от других!

Альцест

От тех, кто лжет, но ложь — не в правилах моих.

Оронт

Вы так уверены, что вы умны безмерно...

Альцест

Когда б я вас хвалил, я б был умнее, верно.

Оронт

Поверьте, обойдусь без ваших я похвал!

Альцест

Придется, сударь мой, я вас предупреждал.

Оронт

Хотел бы я, чтоб вы в ином и лучшем стиле
На этот же предмет стихи бы сочинили.

Альцест

Ну, скверные стихи я сочинить бы мог,
Но их кому-нибудь читать — помилуй бог!

Оронт

Однако, сударь мой, вы высказались прямо.

Альцест

Да, сударь, у других ищите фимиама.

Оронт

Потише, сударь мой, нельзя ль умерить тон?

Альцест

Мой тон? Нет, сударь мой, вполне приличен он.

Филинт
(становясь между ними)

Прошу вас! Господа! Не заводите ссоры!

Оронт

Вы правы. Я вспылил. Оставим эти споры.
Я верный ваш слуга, поверьте, сударь мой.

Альцест

Я также остаюсь покорным вам слугой.

Оронт уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Филинт, Альцест.

Филинт

Вот вам и искренность! Опаснейшая штука!
Вы нажили врага! Ну что ж, вперед наука.
А стоило б слегка вам похвалить сонет...

Альцест

Ни слова больше!

Филинт

Но...

Альцест

Не нужен мне ваш свет!

Филинт

Однако...

Альцест

Полно!

Филинт

...я...

Альцест

Я слушать вас не буду.

Филинт

Но что же...

Альцест

Вы опять?

Филинт

...подобную причуду...

Альцест

Но это чересчур! Не следуйте за мной!

Филинт

Смеетесь? Я от вас ни шагу, милый мой!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Альцест, Селимена.

Альцест

Хотите, чтобы вам всю правду я сказал?
Сударыня! Ваш нрав мне душу истерзал,
Вы мучите меня подобным обращеньем.
Нам надо разойтись — я вижу с огорченьем,
Я обманул бы вас, вам прямо не открыв,
Что рано ль, поздно ли, но нам грозит разрыв.
Хотя бы клялся вам я в противоположном,
Но клятву ту сдержать мне будет невозможно.

Селимена

Так вызвались меня вы проводить, Альцест,
Чтоб ссориться со мной? Как вам не надоест!

Альцест

Не ссорюсь с вами я. Но ветреность такая,
Любого встречного вам в душу допуская,
Толпе поклонников надежды подает.
Признаться, это все не входит в мой расчет.

Селимена

В меня влюбляются. Но я ль тому виною?
Могу ли запретить я увлекаться мною?
Когда являются, неужли я скорей
Должна поклонников гнать палкой от дверей?

Альцест

Не палка здесь нужна — совсем иные средства:
Поменьше мягкости, любезности, кокетства.
Вы привлекаете; здесь вашей нет вины,
Но вы удерживать стараться не должны.
Меж тем вам нравятся ухаживанья эти!
Вы рады всякому, кто попадет вам в сети,
Вы всех их маните искусною игрой,
Чтоб не убавился их ослепленный рой.

Но если бы вы им надежд не подавали,
Они вам верными остались бы едва ли!..
Откройте мне одно: чем вас Клитандр увлек?
Как это счастие ему доставил рок?
Какою доблестью, достойной уваженья,
Сумел добиться он у вас расположенья?
Чем мог он вас пленить, скажите не шутя?
Не на мизинце ли отделкою ногтя?
Иль, может быть, сразил вас вместе с высшим светом
Его парик своим золото-русым цветом?
Камзолы пышные смутили вас сперва
Или бесчисленных оборок кружева?
Очаровали вас чудовищные банты?
Какие доблести, достоинства, таланты?
Дурацкий смех его и тоненький фальцет —
Затронуть сердце вам нашли они секрет?

Селимена

Как в подозреньях вы своих несправедливы!
Но, кажется, давно б сообразить могли вы:
Он обещал помочь мне выиграть процесс,
Есть связи у него, и он имеет вес.

Альцест

Нет, лучше, если бы процесс вы проиграли,
Но меньше моего соперника ласкали.

Селимена

Ко всей вселенной вы готовы ревновать!

Альцест

А вы вселенную хотите чаровать!

Селимена

Но это и должно служить вам утешеньем,
Что я весь мир дарю подобным отношеньем.
Иль лучше было б вам — я, право, не пойму —
Когда б я милости дарила одному?

Альцест

Но я, по-вашему, ревнующий напрасно,—
Чем я счастливей всех? Вот это мне неясно.

Селимена

Конечно, счастье — знать, что вы любимы мной.

Альцест

Как верить этому душе моей больной?

Селимена

Я думаю, мой друг,— и не без córнованья,—
Что с вас достаточно из уст моих признанья.

Альцест

Кто мне поручится, что час назад — увы! —
Того же и другим не говорили вы?

Селимена

О! Для влюбленного вы держитесь прелестно,
И ваше мнение мне чрезвычайно лестно.
Но чтоб не мучил вас сомнений вечных яд,
Я все мои слова беру теперь назад.
Хотите — можете обманываться сами.

Альцест

Как надо вас любить, чтоб не расстаться с вами!
О, если б сердце мне из ваших вырвать рук,
Избавить бы его от нестерпимых мук,
Я б небеса за то благодарил умильно.
Стараюсь, но — увы! — желание бессильно,
И чувство должен я нести, как тяжкий крест.
Я за мои грехи люблю вас.

Селимена

Да, Альцест,
Я чувства вашему подобного не знаю.

Альцест

Да, в этом целый мир на бой я вызываю,
Непостижима страсть безумная моя!
Никто, сударыня, так не любил, как я.

Селимена

Никто. Вы новую изобрели методу —
Сердиться и кричать любви своей в угоду.

Упреки, ссоры, брань — вот пылкий ваш экстаз.
Подобную любовь я вижу в первый раз.

Альцест

Зависит лишь от вас все изменить мгновенно.
Заговорите вы со мною откровенно —
И все обиды вмиг исчезнут без следа...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Баск.

Селимена

Что?

Баск

Господин Акаст!

Селимена

Ну что ж, проси сюда.

Баск уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Альцест, Селимена.

Альцест

Остаться нам вдвоем нельзя ни на мгновенье!
Готовы принимать вы всех без исключенья!
Ужель вы не могли, ну на один хоть час,
Решиться им сказать, что дома нету вас?

Селимена

Чего хотите вы! Как мне его обидеть?

Альцест

Как неприятно мне любезность эту видеть!

Селимена

Когда б узнал, что я не приняла его,
Вовеки бы Акаст мне не простил того.

Альцест

Не все ли вам равно? И что вам до Акаста?

Селимена

Ему подобные — опаснейшая каста:
Не знаю, уж какой благодаря игре,
Но слушают его, представьте, при дворе,
Немало распустил он всевозможных басен.
Хоть он как друг — ничто, зато как враг — опасен.
Не переводятся такие болтуны,
И, право, ссориться мы с ними не должны.

Альцест

Вы осмотрительны и что-то слишком зорки;
У вас — увы! — всегда найдутся отговорки,
Чтоб каждого терпеть, кто только к вам придет.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Баск.

Баск

К вам господин Клитандр, сударыня.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Альцест, Селимена.

Альцест

Ну вот!..

Селимена

Куда вы?

Альцест

Ухожу.

Селимена

Останьтесь!

Альцест

Для чего же?

Селимена

Останьтесь!

Альцест

Не могу.

Селимена

Я так хочу.

Альцест

О боже!
Зачем? Противна мне пустая болтовня.
Чтоб слушал я ее — не ждите от меня!

Селимена

Я так хочу! Я так хочу!

Альцест

Нет!

Селимена

Превосходно.
Ступайте! Можете идти. Как вам угодно.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Элианта, Филинт, Акаст, Клитандр, Баск.

Элианта
(Селимене)

Маркизы оба здесь. Вам доложили?

Селимена

Да.
(Баску)
Подайте кресла нам скорей для всех сюда!

Баск подает кресла и уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же без Баска.

Селимена
(Альцесту)

Вы не ушли еще?

Альцест

Нет, принял я решенье,
Что выяснить должны мы наши отношенья...

Селимена

Молчите!

Альцест

Выбрать вы должны без дальных слов.

Селимена

Да вы сошли с ума!

Альцест

Нимало. Я здоров.

Селимена

О!..

Альцест

Я или они.

Селимена

Вы шутите, конечно.

Альцест

Нисколько. Но мое терпение не вечно.

Клитандр

Я с выхода сейчас, из Лувра,— прямо к вам.
Клеонт всех насмешил невероятно там.
Нет друга у него, чтоб словом и примером
Из жалости его хоть поучил манерам!

Селимена

Да, правда, в обществе совсем несносен он.
Нелепый вид его и жалок и смешон,

И если встретишься с ним после промежутка,
То, право, за него бывает просто жутко.

Акаст

Когда о странностях мы говорить начнем —
Пожалуй, лучшего примера не найдем:
Застиг меня Дамон, красноречив и пылок,
И битый час держал на солнце у носилок.

Селимена

Да, странный человек, но дар его велик:
В искусство громких фраз без смысла он проник.
Ничто из слов его до мозга не доходит,
Он только смутный шум какой-то производит.

Элианта
(Филинту)

Ну что, не правда ли, удачен их дебют?
Уж спуска ближнему, наверно, не дадут.

Клитандр

А вот еще Тимант забавен чрезвычайно!

Селимена

Он? С ног до головы — не человек, а тайна!
Рассеянно, мельком он взор кидает свой;
Вид озабоченный и страшно деловой,
Меж тем как у него нет никакого дела.
Манера глупая давно всем надоела:
Готов всегда любой прервать он разговор,
Чтоб вам «открыть секрет»; малейший самый вздор
Событьем делает, на удивленье свету,
И даже «здравствуйте» он шепчет по секрету.

Акаст

А как, по-вашему, Жеральд?

Селимена

Невыносим
Скучнейшим хвастовством, и пошлым и пустым.
Помешан, бедный, он на дружбе с высшим кругом!
Князьям и герцогам он будет первым другом;
Всё только титулы; весь круг его идей —
Сравненье выездов, собак и лошадей;

Со всеми высшими на «ты» он непременно,
А к прочим смертным всем относится надменно.

Клитандр

С Белизой, говорят, они дружны весьма.

Селимена

Бедняжка! Вот в ком нет ни признака ума!
Ее визит ко мне ужасней всякой пытки:
Занять ее всегда бесплодны все попытки.
Меня бросает в жар, пока ищу я тем,
Но оживить ее нельзя никак, ничем.
Стараясь справиться с унылостью тупою,
Все общие места я тщетно беспокою:
Погода, солнце, дождь, жар, холод — ну никак!..
Глядишь, а этих тем запас уже иссяк.
Не знаешь, что начать, но длится посещенье,
Не близится к концу ужасное мученье;
Ты смотришь на часы, зеваешь уж давно —
Белизе невдомек. Ни с места, как бревно!

Акаст

А что вы можете сказать нам об Адрасте?

Селимена

Напыщенный гордец! Другой не знает страсти.
Он себялюбием, как круглый шар, надут;
Считает, что его не оценили тут;
Он на весь мир сердит, всегда двором обижен;
Кто б ни был награжден, уж значит — он унижен.

Клитандр

А молодой Клеон? В его открытый дом
Стремятся нынче все. Что скажете о нем?

Селимена

Он повару своим обязан возвышеньем,
И все к его столу стремятся с увлеченьем.

Элианта

Он блюда подает, как истый гастроном.

Селимена

Да, если б он себя не подавал притом:
Он с глупостью своей — не лакомое блюдо,
И за его столом мне от него же худо!

Филинт

Но дядюшка его, Дамис, весьма ценим.
Как вы находите его?

Селимена

Мы дружны с ним.

Филинт

Вот честный человек, и умница к тому же.

Селимена

Нет, любит умничать, а что быть может хуже?
Всегда натянут он, и видно по всему,
Что занят лишь одним: как бы сострить ему!
О, угодить ему стараться — труд напрасный!
С тех пор как ум в себе открыл он первоклассный,
Он критикует все, что пишут, свысока.
Решил он, что хвалить — не дело знатока,
Что свойство тонких душ — судить как можно строже,
А приходить в восторг — да сохрани нас боже!
«Глупцы лишь создают кому-нибудь успех».
А он осудит всех — и станет выше всех!
В гостиных разговор и тот он судит, право,
И, руки на груди скрестивши величаво,
С презреньем слушает с далекой высоты,
Чем это жалкие людишки заняты...

Акаст

О, черт меня возьми, портрет похож на диво!

Клитандр

У вас особый дар описывать так живо!

Альцест

О милые друзья! Вперед, смелей вперед!
Пощады никому, свой каждому черед!
Вы строго судите, но между тем замечу:
Вы с радостью им всем бросаетесь навстречу,
Их рады лобызать, им нежно руки жать
И ревностно свои услуги предлагать.

Клитандр

При чем же мы-то здесь? Упреки без утайки
Должны вы обратить по адресу хозяйки.

Альцест

Нет! Обращаются мои упреки к вам.
Вы, вы ей курите преступно фимиам!
Ее блестящий ум отравою питая,
Вредит ей ваша лесть дешевая, пустая,
И в ней злословья бы никто не вызывал,
Не жди она от вас восторгов и похвал.
Да-да, одни льстецы, бесспорно, виноваты
В том, что пороками все люди так богаты.

Филинт

Что значит этот пыл заступничества в вас
За то, что бичевать готовы вы подчас?

Селимена

Как! Вы не видите, что дух противоречья
Способен вызвать в нем приливы красноречья?
Он должен выказать неудержимый жар,
Противоречие — его особый дар.
Ужасно для него общественное мненье,
И в примиренье с ним он видит преступленье.
Он опозоренным себя навеки б счел,
Когда бы против всех отважно не пошел.
Честь спора для него отрадна и желанна,
И спорить сам с собой привык он постоянно:
С своими чувствами готов пуститься в бой,
Раз выскажет при нем их кто-нибудь другой.

Альцест

За вас насмешники все будут непреложно...
В сатире надо мной вам изощряться можно.

Филинт

Но правда ведь и то, мой друг: ваш ум таков —
Всегда протестовать и спорить он готов,
И одинаково, по вашему ж признанью,
Вы возмущаетесь и похвалой и бранью.

Альцест

Не правы люди все ни в чем и никогда,
И к ним в моей душе всегда живет вражда,
Всегда одно из двух: достойные презренья,
Они иль низко льстят, иль судят без зазренья.

Селимена

Но...

Альцест

Нет, сударыня, пусть лучше я умру,
Несносно видеть мне подобную игру.
Но вас на ложный путь заведомо толкают
И вашим слабостям напрасно потакают.

Клитандр

Альцест! Мне кажется, напрасен ваш укор:
Я лично слабостей не видел до сих пор.

Акаст

Мы видим грацию и прелесть. В самом деле,
Какие слабости? Мы их не разглядели!

Альцест

Но я... я к ним не слеп, не равнодушен к ним:
Чем больше любим мы, тем менее мы льстим.
Нет, чистая любовь не знает всепрощенья,
И правду говорить готов я без смущенья.
Я б гнал без жалости вздыхателей долой,
Когда б они во прах склонялись предо мной
И лживой мягкостью — любезны, льстивы, сладки —
Мои превозносить старались недостатки.

Селимена

Итак, по-вашему, когда мы влюблены,
Навек отречься мы от нежности должны
И полагать любви почетным назначеньем
Бранить ее предмет с похвальным увлеченьем?

Элианта

С любовью истинной ваш взгляд несовместим.
Нет, выбором всегда влюбленный горд своим.
Все лишним поводом бывает к восхваленью.
Любовь всегда склонна бывает к ослепленью:

Она любой порок за качество сочтет
И в добродетели его произведет.
Бледна — сравнится с ней жасмина только ветка;
Черна до ужаса — прелестная брюнетка;
Худа — так никого нет легче и стройней;
Толста — величие осанки видно в ней;
Мала, как карлица,— то маленькое чудо;
Громадина — судьбы премилая причуда;
Неряха, женских чар и вкуса лишена —
Небрежной прелести красавица полна;
Будь хитрой — редкий ум, будь дурой — ангел кроткий;
Будь нестерпимою болтливою трещоткой —
Дар красноречия; молчи как пень всегда —
Стыдлива, и скромна, и девственно горда.
Так, если в любящем порывы чувств глубоки,
В любимом существе он любит и пороки.

Альцест

А я вам говорю...

Селимена

Довольно, господа!
Пройдемся лучше мы сейчас немного, да?..
Как! Вы уходите? Спешите?

Клитандр и Акаст

Мы? Нимало.

Альцест
(Селимене)

А если б и ушли? Вас это б испугало?
(Клитандру и Акасту.)
Угодно вам иль нет — я вас предупрежу:
Я только после вас сегодня ухожу.

Акаст
(Селимене)

Коль вам присутствие мое не надоело,
Весь день свободен я и ваш слуга всецело.

Клитандр

Мне только во дворец заехать на прием,
До вечера же я располагаю днем.

Селимена
(Альцесту)

Вы шутите?

Альцест

О нет! Проверить я решился,
Угодно ль вам, чтоб я отсюда удалился.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Баск.

Баск
(Альцесту)

К вам, сударь, человек, он хочет видеть вас
По делу спешному, немедля, сей же час.

Альцест

Скажи, что у меня нет спешных дел.

Баск

Как можно!
Он, сударь, говорит, что дело неотложно.
На нем, сударь, мундир и с золотом...

Селимена

Кто там?
Узнай, иль пусть войдет.

Баск уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Альцест, Селимена, Элианта, Филинт, Акаст,
Клитандр, жандарм.

Альцест
(жандарму)

А? Что угодно вам?
Прошу вас...

Жандарм

Сударь мой! Два слова к вам имею.

Альцест

Но поделитесь вслух вы новостью своею.

Жандарм

Из управления имею я приказ
Просить пожаловать туда немедля вас.

Альцест

Меня?

Жандарм

Да, сударь мой, вас лично.

Альцест

Для чего же?

Филинт

Наверное, Оронт,— так на него похоже.

Селимена

Как?

Филинт

Вышел спор у них. Так, из-за пустяков.
Хвалою не почтил Альцест его стишков.
Должно быть, там хотят устроить примиренье.

Альцест

Ну нет! Во мне они не встретят одобренья.

Филинт

Но если есть приказ, то надо вам пойти.

Альцест

К чему судилище нас может привести?
Иль должен буду я хвалить по приговору
Стихи, что вызвали меж нами эту ссору?
Э, нет! Свои слова назад я не возьму:
Стишонки скверные.

Филинт

Смягчитесь вы к нему.

Альцест

Я на своем стою: они невыносимы.

Филинт

Одумайтесь, прошу, вы слишком нетерпимы!
Пойдемте!

Альцест

Я пойду, но в мире власти нет,
Чтоб вырвать у меня желанный ей ответ.

Филинт

Идем!

Альцест

Пока меня король сам не заставил,
Чтоб я подобные стихи хвалил и славил,
Я буду утверждать, что плох его сонет
И петли за него достоин сам поэт!

Акаст и Клитандр смеются.

О, гром и молния! Не думал я, признаться,
Что так забавен я!

Селимена

Пора вам отправляться.

Альцест

Иду, сударыня, но тотчас возвращусь
И правды я от вас любой ценой добьюсь!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клитандр, Акаст.

Клитандр

Любезный мой маркиз! Признаться, мне завидно –
Ты так доволен всем, так весел очевидно,
Но без обиняков, по чести мне открой:
Что служит поводом для радости такой?

Акаст

Я вижу, черт возьми, по размышленье зрелом,
Что грусть была бы мне неподходящим делом.
Я молод, не дурен, есть средства у меня,
Есть имя звучное и знатная родня,
И хоть всем этим я обязан предков славе,
Но все ж на чин любой рассчитывать я вправе.
А что касается моих сердечных дел
(Что, право, главное), я ловок в них и смел.
Не раз причиною бывал я увлеченья,
И к чести не одно мне служит приключенье;
К тому же одарен и вкусом и умом,
Могу беседовать свободно обо всем;
Есть у меня апломб во взглядах и сужденьях;
Я видное лицо на первых представленьях,
Аплодисментам знак всегда я подаю,
И ценят похвалу небрежную мою;
Могу похвастаться весьма приличной миной,
Зубами чудными и талией осиной;
Как одеваюсь я, признаешь ты и сам,
Что тут я сто очков вперед любому дам;
Ценим я королем, любим прекрасным полом,
Так почему же мне не быть всегда веселым?
В таких условиях, маркиз, в стране любой
Мне, кажется, легко довольным быть собой.

Клитандр

Но если вам любовь дается так свободно,
К чему же тратить здесь вздыхания бесплодно?

Акаст

Бесплодно? Черт возьми, ну нет! Я не из тех,
Что сносят холодность и терпят неуспех.
Кто жалок, некрасив, пусть, без ума влюбленный,
Терзается у ног богини непреклонной.
Пусть неудачники, вздыхая без конца,
Слезами размягчить стараются сердца,
Стремясь путем мольбы и длительной осады
Добиться наконец желаемой награды.
Но мне подобные... Я не привык, маркиз,
Чтоб дамы на меня смотрели сверху вниз,
И, как бы ни пленял предмет мой красотою,

Я все же думаю, что я не меньше стою.
Нет! Никого любить не стал бы я в кредит,
Немножко гордости успеху не вредит.
Для равновесия мне нужно — я замечу, —
Чтоб оба мы в любви друг другу шли навстречу.

Клитандр

Ты думаешь, маркиз, ты здесь весьма в чести?

Акаст

Я думаю, маркиз, что в том я прав... Прости!

Клитандр

На чем основано такое убежденье?
Послушай, лучше брось! Ты просто в заблужденье.

Акаст

Да-да, я обольщен, я прямо ослеплен!

Клитандр

Но почему ты так в успехе убежден?

Акаст

Я обольщен.

Клитандр

Твои так смелы упованья...

Акаст

Я ослеплен.

Клитандр

Но где надежде основанья?

Акаст

Я в заблуждении.

Клитандр

Ужель она, ответь,
Дала тебе права надежду возыметь?

Акаст

О нет, отвергнут я!

Клитандр

Прошу, ответь без шуток!

Акаст

Я вижу лишь отпор.

Клитандр

Довольно прибауток!
На что надеешься? О чем твои мечты?

Акаст

Увы! Несчастен я, зато счастливец — ты.
Моя особа здесь ужасно неприятна,
И я на этих днях повешусь, вероятно.

Клитандр

Чтоб кончить миром нам, маркиз любезный мой,
Давай-ка мы в одном условимся с тобой:
Кто доказательство вернее дать сумеет,
Что благосклонностью красавицы владеет,
Тому уступит тот, кто будет побежден,
И от соперника его избавит он.

Акаст

Черт побери меня, маркиз, твой план прекрасен!
Идет! Я на него от всей души согласен.
Но тсс!..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Селимена.

Селимена

Вы здесь еще?

Клитандр

Любовь — тюремщик наш.

Селимена

Я слышала, внизу подъехал экипаж.
Вы не видали — кто?

Клитандр и Акаст

Нет-нет!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Баск.

Баск

К вам Арсиноя.

Селимена

Как! Эта женщина?.. Вот, право, нет покоя!

Баск

С ней барышня внизу. Прикажете принять?

Селимена

Что только нужно ей? Я не могу понять.

Баск уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Клитандр, Акаст, Селимена.

Акаст

Надеется она иметь на вас влиянье
Своею скромностью...

Селимена

Чистейшее кривлянье!
В душе таит она желание одно —
Кого-нибудь поймать. Да это мудрено!
Чужих поклонников считать ей нестерпимо;
Как ни старается, а все проходят мимо.
Вот почему она, в стараньях не успев,
На «наш порочный век» свой изливает гнев

И добродетели стремится скрыть покровом,
Как в одиночестве ей тяжело суровом,
И, жалких прелестей своих спасая честь,
В чем ей отказано — грехом стремится счесть.
Однако был бы ей поклонник очень к месту,
Ведь слабость, бедная, давно таит к Альцесту!
Не может мне она простить любви его,
Приписывает мне хищенье, воровство.
В ней на меня кипят и ревность и досада,
Едва скрывает их, им дать бы волю рада.
Нет ничего глупей! Я искренне скажу,
Что просто не терплю я дерзкую ханжу
И...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Арсиноя.

Селимена

Ах, какой сюрприз! Какими вы судьбами?
Ах, ах! Как жаждала я повидаться с вами!

Арсиноя

Сказать вам многое давно хотелось мне...

Селимена

Как рада с вами я побыть наедине!

Клитандр и Акаст уходят, смеясь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Селимена, Арсиноя.

Арсиноя

По правде, их уход пришелся очень впору —
Так нашему мешать не будут разговору.

Селимена

Присядьте!

Арсиноя

Дружбы долг — касаться тех вещей,
Что в жизни нам всего значительней, важней...

Со мной согласны вы, сударыня? Но что же
Благопристойности и чести нам дороже?
Вот почему от вас я правды не таю
И дружбу выказать решила вам мою.
Вчера пришлось мне быть в кругу довольно тесном
И добродетелью особенно известном.
Там речь зашла о вас, и скрыть я не могу,
Что порицали вас в почтенном том кругу.
Толпа вздыхателей, поклонников... и слухи,
Что к их моленьям вы не остаетесь глухи.
Суровых критиков над вами без числа,
И строже судят вас, чем я снести могла.
Вы понимаете, огорчена сердечно,
Я извиняла вас от всей души, конечно;
Я сразу под свою защиту вас взяла,
Ручалась я за вас, что нет в вас тени зла.
Но все ж, вы знаете, есть в жизни положенья,
Которым не найти, как хочешь, извиненья,
И согласиться я — увы! — была должна,
Что в светских россказнях и ваша есть вина,
Что нечто дерзкое есть в поведенье этом:
Уж слишком мало вы считаетесь со светом;
Легко б вы изменить могли привычки те,
Что пищу подают подобной клевете.
Меня не проняли все эти уверенья —
Храни меня господь от тени подозренья!
Но думать принято: «Нет дыма без огня»,
И, право, лучше жить, приличия храня.
Сударыня! Ваш ум порукою мне в этом:
Не оскорбитесь вы моим благим советом
И мне, надеюсь я, поверите, что он
Движением души из дружбы к вам внушен.

Селимена

Моя признательность, сударыня, безмерна,
Совет ваш дорог мне, вы рассудили верно;
Не только за него сердиться не хочу,
Но вам от всей души я тем же отплачу.
Вы рассказали мне, вооружась любовью,
Как пищу я даю нелепому злословью;
Я с вас возьму пример — без лести я сейчас
Вам все перескажу, что говорят про вас.
Недавно в обществе одном была я тоже;

Людей не знаю я к вопросам чести строже!
О добродетели заговорили вдруг,
И речь немедленно зашла о вас, мой друг.
Но неприступный вид и гордое смиренье
Ни в ком не вызвали — представьте! — одобренья.
Вид вашей строгости, немного напускной,
И речи, полные морали прописной,
И мины ужаса от пустяка любого,
Где ваша чистота завидеть грех готова,
Пренебрежение ко всем, ко всем кругом,
Зато уверенность в достоинстве своем,
Тон проповедницы и строгость осужденья
К невиннейшим вещам без тени снисхожденья —
Все, вместе взятое, судил согласный хор.
Не скрою — вот каков был общий приговор:
«К чему вид набожный и скромный Арсиное,
Коль скоро с ним вразрез идет все остальное?
В молитве нет ее усердней и верней,
Зато прислугу бьет, не платит денег ей.
Нет в церкви ревностней ее святого пыла,
А тут же сыплются с лица у ней белила.
Завесить наготу стремится на холсте,
А чересчур склонна к реальной наготе!»
Я против всех взяла вас под защиту смело,
Что это клевета — уверить я хотела,
Но уступить пришлось, верх взяло большинство,
И вот их мнение, не скрою я его:
Что лучше б меньше вы другими занимались
И больше за собой вы наблюдать старались;
Что раньше о себе отчет должны мы дать,
Чем торопиться так всех близких осуждать;
Что наша жизнь должна вполне быть без упрека,
Коль исправлять людей хотим мы от порока,—
Не лучше ль этот труд другим предоставлять,
Кому его небес вручила благодать?
Сударыня! Ваш ум порукою мне в этом:
Не оскорбитесь вы моим благим советом
И мне, надеюсь я, поверите, что он
Движением души из дружбы к вам внушен.

Арсиноя

Хоть мы и платимся за добрые движенья,
Не ожидала я такого возраженья.

Теперь уже во мне сомненья больше нет,
Что больно вас задел мой искренний совет.

Селимена

О нет, сударыня! Я нахожу, напротив,
Что, к простоте такой друг друга приохотив,
К взаимной пользе мы могли бы все идти:
С самовлюбленностью жестокий бой вести.
Когда угодно вам, то будемте друг другу
Всегда оказывать подобную услугу
И будем повторять дословно, без прикрас
Вы — сплетни обо мне, я — россказни о вас.

Арсиноя

Вас оскорбить при мне не могут клеветою,
Увы! Лишь я хулы и порицанья стою.

Селимена

Пределов ни хвале, ни порицанью нет —
Зависит это все от вкуса и от лет.
Всему своя пора: любви с ее тревогой
И добродетели с ее моралью строгой,
К последней же легко прибегнуть нам всегда,
Когда уже начнут нам изменять года.
Она все прошлые ошибки прикрывает.
За вами, может быть, пойду и я, кто знает...
С годами все придет, но, право, смысла нет —
Не правда ли, мой друг? — быть строгой в двадцать лет.

Арсиноя

Вы преимуществом так горды непритворно,
Что о своих годах твердите мне упорно.
Меж нами разница не так уж велика,
Чтоб на меня глядеть могли вы свысока.
Не знаю я, к чему такие ухищренья,
Зачем выводите меня вы из терпенья!

Селимена

А я, сударыня, ума не приложу,
Чем в раздраженье вас всегда я привожу.
Должна ль я отвечать за ваши огорченья,
Могу ли к вам в других я вызвать восхищенье?

Моя ли в том вина, что людям я мила?
И если каждый день дарят мне без числа
Те чувства, что себе присвоить вы б хотели,—
Они мне не нужны. Идите ж смело к цели.
Для вас свободен путь, чтоб их завоевать,
И вашим прелестям не стану я мешать!

Арсиноя

И думаете вы, что важно непременно
Число поклонников? Оно для вас так ценно!
Но верьте: знают все, какая им цена
И чем легко привлечь их в наши времена.
Ужель поверят вам, что бескорыстно, даром
Они пылают так к опасным вашим чарам,
Что вашею душой они увлечены
И что их чувства к вам почтения полны?
Поверьте: свет не слеп. Мы знаем: без сомненья,
Немало женщин в нем, достойных поклоненья,
Однако же у них, на чистом их пути,
Толпы поклонников подобной не найти.
Отсюда выводы у нас не будут шатки:
Чтоб привлекать сердца, дают теперь задатки;
Нет обожателей лишь ради наших глаз,
И заплатить за всё судьба заставит нас.
Так славою своей хвалиться перестаньте —
В ней мало ценности, как в маленьком брильянте,
И не гордитесь так вы прелестью своей,
Чтоб сверху вниз глядеть на остальных людей.
Когда бы зависть в нас была к таким победам,
Кто нам бы помешал идти за вами следом?
Да, не щадить себя — и можно доказать,
Что есть любовники, лишь стоит пожелать.

Селимена

Так заведите их! Легко вам будет это —
Пленять при помощи подобного секрета
И без...

Арсиноя

Сударыня! Оставим эту речь —
Уж слишком далеко нас может спор завлечь.
Давно б окончить я могла беседу эту,
Когда бы не пришлось мне ждать мою карету.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Альцест.

Селимена

Прошу, сударыня, прошу вас! Боже мой,
Вам вовсе нет причин спешить сейчас домой!
Но только попрошу у вас я извиненья,
Вас в лучшем обществе оставлю, без сомненья.
Вы мне позволите?..

(Альцесту.)

Как кстати ваш приход!
(Арсиное.)
Наш милый общий друг удачней вас займет...
Альцест! Я удалюсь, чтоб написать записку,—
Позднее написать я не могу без риску.
Честь гостью занимать я вам передаю,
И это извинит невежливость мою.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Арсиноя, Альцест.

Арсиноя

Я вам поручена, пока я жду карету.
Я рада этому! Скажу вам по секрету,
Что, право, для меня не удалось бы ей
Придумать ничего приятней и милей.
Есть люди, что к себе от первого мгновенья
Внушают интерес и чувство уваженья —
Так, в вас... в вас что-то есть, что сразу к вам влечет.
Вы для меня предмет участья и забот.
О, если б при дворе взглянули благосклонней
На ваши качества и ум разносторонний!
Но там не знают вас, заслуги не ценя,
И это так гнетет и мучает меня!

Альцест

Что вы, сударыня! И в чем моя заслуга?
Какая мной двору оказана услуга?

Что я блестящего такого совершал,
Чтоб от двора мог ждать награды и похвал?

Арсиноя

Не все, к кому наш двор относится прекрасно,
Свершают подвиги. Здесь нужен случай, ясно,
А не было его у вас до этих пор,
Но ваши качества заметить должен двор!

Альцест

Мы качества мои оставим, ради бога!
Ну что до них двору? Уж слишком было б много,
Чтоб стал зачем-то двор докапываться вдруг
До незамеченных достоинств и заслуг.

Арсиноя

Достоинства в глаза бросаются порою.
Вас ценят многие, я этого не скрою.
Не дальше как вчера я слышала сама,
Что люди видные хвалили вас весьма.

Альцест

Что там, сударыня! Кого теперь не хвалят!
И, право, всех в наш век в одну корзину валят.
Все нынче велики, герои все кругом.
Коль нынче хвалят вас, не много чести в том:
Всех душат похвалой, и, лести не жалея,
В газетах говорят про моего лакея.

Арсиноя

А мне хотелось бы, чтоб случай вам помог
И услужить двору нашли бы вы предлог.
Раз только вы не прочь, скажите — и машину
Без всякого труда для вас легко я сдвину.
Есть люди у меня, мне стоит намекнуть —
И облегчат они вам этот новый путь.

Альцест

К чему, сударыня? Тот путь мне непригоден.
Поверьте: от оков я должен быть свободен.
Не создан я судьбой для жизни при дворе,
К дипломатической не склонен я игре,—
Я родился с душой мятежной, непокорной,

И мне не преуспеть средь челяди придворной.
Дар у меня один: я искренен и смел,
И никогда людьми играть бы не сумел.
Кто прятать мысль свою и чувства не умеет,
Тот в этом обществе, поверьте, жить не смеет.
Да, от двора вдали, на трудовом пути
Чинов и титулов, конечно, не найти,
Зато, лишившися надежды возвышенья,
Не надо нам терпеть отказы униженья,
Не надо никогда играть нам дураков,
Быть в восхищении от слабеньких стишков,
Не надо выносить от милых дам капризы,
Терпеть, когда острят пустейшие маркизы!

Арсиноя

Отлично, двор тогда оставим в стороне,
Но чувства вашего коснуться дайте мне.
Открою прямо вам: мне тяжело безмерно,
Что вы свою мечту направили неверно.
Вы счастья стоите, и вы узнать должны,
Что недостойна та, кем вы увлечены.

Альцест

Вот как, сударыня!.. Напомнить вам посмею,
Что, как мне кажется, вы очень дружны с нею?

Арсиноя

Нет, больше выносить мне совесть не велит,
Как вы страдаете, душа за вас болит.
Я больше не могу — от вас скрывать не стану,—
Что подвергаетесь вы низкому обману.

Альцест

Вот дружбы истинной все признаки тут есть;
Влюбленному всегда мила такая весть.

Арсиноя

Пускай мы дружны с ней, но все равно повсюду
Я громко укорять ее в измене буду.
К вам вся ее любовь — притворство лишь одно.

Альцест

Все может быть! Читать нам в сердце не дано,
Но вашей доброте как будто не пристало
Желать, чтоб в сердце мне сомнение запало.

Арсиноя

Вы не хотите знать несчастья своего?
Не верьте ничему, вот только и всего.

Альцест

Нет, но в таких делах сомнения жестоки.
Всего ужаснее догадки и намеки.
Я б одного хотел: пускай прольется свет;
Узнать всю истину — других желаний нет.

Арсиноя

Что ж, если б только вы действительно хотели,
Нет легче ничего, как все узнать на деле.
Я вам открою все, поедемте ко мне.
Удостоверитесь во всем вы и вполне.
Я доказательство дам верное измены,
И вы поверите в неверность Селимены,
И, если можете ее вы позабыть,
Вам утешение найдется, может быть.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Элианта, Филинт.

Филинт

Ну нет! Упрямее не видывал я нрава,
И, чтоб их примирить, нужна была управа!
Уж судьи повернуть старались так и сяк,
Но на своем стоял упорно наш чудак,
И, верно, в первый раз такого роду ссору
Пришлось им подвергать судебному разбору.
«Пусть так,— он говорил,— я уступлю во всем,
Но только этот пункт оставим целиком.
На что в обиде он? В чем оскорбленье слышит?

В том славы нет худой, что он бездарно пишет.
На что он сердится, я, право, не пойму,
И что суждение мое далось ему?
Прекрасный человек ведь все-таки при этом
Отлично может быть посредственным поэтом;
Он честный дворянин, сомненья в этом нет,
Он смел, достоин, добр, но он плохой поэт;
Готов его хвалить, когда б мне приказали,
За ловкость на коне, с оружьем, в бальной зале,
Но за его стихи — увольте! ваш слуга!
Писать не должен он; мне правда дорога.
Простить ему стихи я б только мог, поверьте,
Когда б он их писал под страхом лютой смерти».
Ну, словом, все, на что могли склонить его
(И это было уж большое торжество),
Что он сказал ему, смягчив свой тон немного:
«Мне, сударь, очень жаль, что я сужу так строго,
И я из дружбы к вам хотел бы от души
Сказать вам, что стихи бесспорно хороши».
Тут их заставили обняться в заключенье,
И тем окончилось все это развлеченье.

Элианта

Он странный человек, совсем из ряда вон,
Но я ценю его, и нравится мне он.
Такая искренность — особенное свойство:
В ней благородное какое-то геройство.
Вот очень редкая черта для наших дней,
И я хотела бы встречаться чаще с ней.

Филинт

А я чем более встречаюсь с ним, признаться,
Тем больше одному готов я изумляться:
С такой натурою, какой он одарен,
Как мог он полюбить, как мог увлечься он?
И тщетно разгадать стараюсь я причину,
Как в вашу именно влюбился он кузину.

Элианта

Вот лишний вам пример: душ сходство и сродство
Для сердца, для любви не значит ничего.
Такой симпатии невольной зарожденье
Опровергает все подобные сужденья.

Филинт

Но как вам кажется: любим он или нет?

Элианта

Ах, на такой вопрос мне трудно дать ответ!
Как знать, любим ли он! Любовь душой играет.
Я думаю, она сама не понимает.
Мы любим иногда, не ведая о том,
А часто бред пустой любовью мы зовем.

Филинт

Боюсь я, что наш друг с прелестною кузиной
Минуты счастия не будет знать единой.
О, если б чувствовать по-моему он мог,
Он скоро понял бы, где счастия залог!
Он сделал бы умней, оставив Селимену
И ваших добрых чувств к себе поднявши цену.

Элианта

Я буду искренна. Я вам сказать должна
(В подобных случаях нам искренность нужна):
Я против чувств его ни капли не имею,
Ему сочувствую я всей душой своею;
Когда бы от меня зависел их союз,
Я б помогла сама скрепленью этих уз.
Но если бы он мог нуждаться в утешенье,
Нежданно потерпев надежд своих крушенье,
И если бы она другого избрала,
То, может быть, его утешить я б могла,
И то, что встретил он у ней отказ, нимало
Моей симпатии к нему б не помешало.

Филинт

А я, сударыня, я и ценю и чту
К Альцесту ваших чу́вств прекрасных теплоту.
Спросите у него — он скажет несомненно,
Что говорил ему о вас я откровенно.
Но если все-таки их свяжет Гименей,
Вы будете рукой располагать своей,
Тогда позвольте мне с надеждою смиренной
Пытаться заслужить тот дар неоцене́нный,
Который у него отвергнуть хватит сил.
О, если бы он мне дарован небом был!

Элианта

Вы шутите, Филинт.

Филинт

Сударыня, нимало!
Давно уж сердце вам открыть любовь желало.
От глубины души теперь я говорю:
Приблизить этот миг желанием горю.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Альцест.

Альцест

Ах, разделите же со мною возмущенье!
При всей моей любви не нахожу прощенья.

Элианта

Чем вы взволнованы? Что с вами?

Альцест

Что со мной?..
Я насмерть поражен изменою такой!
Стихии бешенство, громов небесных кара —
Все легче было бы подобного удара.
Конец моей любви! Нет слов, как тяжело!

Элианта

Сберитесь с силами. Но что ж произошло?

Альцест

О небо!.. Неужли такого обаянья
С порочной низостью возможно сочетанье?

Элианта

Но что же, наконец?

Альцест

Ах, гибель мне грозит!
Со мной все кончено, я предан, я убит!
О, кто б поверить мог? Нет, легче мне могила,
Она мне неверна, она мне изменила!

Элианта

Есть доказательства серьезные у вас?

Филинт

Вы подозрительны бываете подчас,
И ваш ревнивый ум готов принять химеру
За...

Альцест

Сударь! Черт возьми, в советах знайте меру!
Улики для меня достаточно такой:
Письмо, что писано изменницы рукой!
К Оронту от нее письмо в моем кармане,
Оно открыло мне все о ее обмане.
Оронт! А я его как раз не брал в расчет;
Я думал: он-то уж ее не увлечет!

Филинт

Но письмам не должны мы верить безусловно,
И, может быть, она совсем не так виновна.

Альцест

Довольно, сударь мой, заботьтесь о себе
И предоставьте вы меня моей судьбе!

Элианта

Но вы должны простить, должны свой гнев умерить...

Альцест

Нет, этот труд могу я только вам доверить.
Я прибегаю к вам с надеждою одной,
Что вы поможете душе моей больной.
Вы за меня должны отмстить неблагодарной,
Что платит за любовь изменою коварной,
Отмстить за эту ложь,— ведь ложь вам так чужда!

Элианта

Мне отомстить за вас? Но как?

Альцест

Сказав мне: да,
Приняв мою любовь и сердце безраздельно.
Вот чем изменнице я отомщу смертельно,

Я накажу ее: пусть мучится она,
Увидев, что душа к другой любви полна,
Увидев нежность всю, заботу и почтенье,
Что я у ваших ног сложу в благоговенье.

Элианта

Я вам сочувствую, поверьте, всей душой,
И сердце ваше — дар прекрасный и большой,
Но, право, может быть, не так опасна рана
И мстить изменнице еще вам слишком рано.
От милых рук удар не ранит глубоко,
И забываем мы наш пылкий гнев легко.
Решенья любящих нередко очень хрупки:
Кто мил нам, в тех легко все извинить проступки;
Обида тает вмиг под взглядом дорогим,
И гнев влюбленного непрочен, точно дым.

Альцест

Нет-нет, сударыня! Настаивать бесцельно,
Я разрываю с ней, я оскорблен смертельно.
Мое намеренье всех ваших слов сильней,
Я б презирал себя, когда б вернулся к ней...
Она!.. Я вне себя от гнева и волненья.
Я брошу ей в лицо всю тяжесть обвиненья,
Я сердце от нее навек освобожу
И с радостью его у ваших ног сложу!

Элианта и Филинт уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Альцест, Селимена.

Альцест
(про себя)

Смогу ль умерить я свое негодованье?..

Селимена

Что сталось с вами вдруг? В каком вы состоянье?
Вздыхаете, мрачны, нахмурено чело...
Что вас в подобное унынье привело?

Альцест

А то, что нет души испорченной и злобной,
Чтоб вашей в низости была она подобной,
Что в ярости стихий, у демонов в аду —
И там преступницы вам равной не найду!

Селимена

Вот это нежности! Я слушаю! Прелестно!

Альцест

А! Будет вам шутить, смеяться неуместно,
Краснейте лучше вы, краснейте от стыда!
Недаром же я вам не верил никогда.
Вот доказательство в руках теперь имею,
Что предали меня вы хитростью своею.
Как недоверие бранили вы мое!
Меня не подвело врожденное чутье.
Напрасно тщательно скрывали вы все это —
Я знал: мне только скорбь сулит моя планета.
Да, но не думайте: не так я терпелив,
Чтоб оскорбление снести не отомстив!
Я знаю: разум наш здесь не играет роли,
Любовь рождается помимо нашей воли;
Насильно пробудить ни в ком не можем страсть,
Душа всегда вольна признать, чью хочет, власть,
И я б без жалобы ушел от вас подальше,
Когда б вы истину открыли мне без фальши,
Когда бы сразу вы отвергнули мой пыл,
И лишь судьбу винить я в этом должен был.
Но ложной клятвою не выпускать из плена...
Вот это уж обман, преступная измена!
Достойной кары нет для низости такой,
Не в силах я сдержать гнев справедливый мой...
Да-да, сударыня! Я вас предупреждаю:
Я вне себя сейчас, с собой не совладаю,
Я насмерть поражен ударом роковым,
Рассудок мой погиб, я не владею им.
Я в гневе ничего теперь не различаю
И за последствия уже не отвечаю.

Селимена

Что значит это все — угрозы, крик и шум?
Иль окончательно вы потеряли ум?

Альцест

Я потерял его в тот день, когда отравой
Проникнул в душу мне ваш взор, ваш взор лукавый,
И в ослеплении поверил я на миг,
Что я взаимности, изменница, достиг.

Селимена

Измена? Где? Кому? Скажите же, в чем дело?

Альцест

Вы притворяетесь искусно и умело,
Но средство я нашел вас уличить во всем.
Взгляните. Почерк вам, наверное, знаком?
Довольно этих строк: измены вашей черной
Они являются уликою бесспорной.

Селимена

Так вот безделица, что сводит вас с ума!

Альцест

Вы не краснеете от этого письма?

Селимена

К чему же мне краснеть? Причин не вижу, право.

Альцест

Притворство дерзкое и смело и лукаво.
Хоть подписи и нет — ваш почерк это, да?

Селимена

Мой почерк. Ну так что ж? Какая тут беда?

Альцест

И можете смотреть без всякого волненья
На эту тяжкую улику обвиненья?

Селимена

Я вам должна сказать: мой милый, вы смешны!

Альцест

И вы осмелитесь отречься от вины?
К Оронту нежности — свидетельство вне спора
И вашего стыда, и моего позора.

Селимена

К Оронту? Почему? Кто это вам сказал?

Альцест

Те, у кого из рук письмо я это взял.
Но пусть и не к нему, к другому,— я согласен;
Из этого письма мне факт измены ясен,
К кому ж написано — не все ли мне равно?

Селимена

Но если к женщине написано оно,—
Что в нем преступного, и где для вас обида?

Альцест

Уловка хороша! Я упустил из вида,
Я объяснения такого ждать не мог.
Меня избавили вы сразу от тревог.
Такие хитрости и грубы и нелепы.
Иль думаете вы, что люди так уж слепы?
Посмотрим! Поглядим! Какой найдете путь,
Чтоб ложью новою доверье обмануть?
Боюсь, что доказать удастся вам едва ли,
Что это к женщине так пылко вы писали.
Извольте объяснить значенье этих фраз,
Что я сейчас прочту...

Селимена

Однако будет с вас!
Забавно, что вы вдруг такую взяли волю,
Я оскорблять себя вам больше не позволю.

Альцест

Но не волнуйтесь же, попробуйте сперва
Мне толком объяснить нежнейшие слова.

Селимена

Нет, не исполню я подобную причуду.
Что б вы ни думали, я разъяснять не буду.

Альцест

Я верить вам готов, хоть это мудрено,
Но докажите мне, что к женщине оно!

Селимена

Нет-нет, к Оронту я писала, это верно.
Я обожанием его горда безмерно,
С восторгом слушаю его я болтовню,
Я восхищаюсь им, люблю его, ценю,—
Вот вам! Ну, мстите же, казните, все такое,
Но главное — меня оставьте вы в покое.

Альцест
(в сторону)

О небо! Где предел жестокости людской?
Встречался ль кто еще со злобою такой?
Как! К ней я прихожу, взволнован и встревожен,
И я же виноват! И я же уничтожен!
Мой презирают гнев и с дерзкой похвальбой
Смеются над моей последнею мольбой!
Однако все-таки у сердца нет забвенья,
Нет силы разорвать постыдной цепи звенья,
Вооружить себя я не имею сил
Презреньем к той, кого так сильно полюбил!
(Селимене.)
Вам слишком хорошо известны ваши чары.
Мне взор вот этих глаз страшнее божьей кары,
И слишком хорошо вы пользуетесь тем,
Что окончательно при вас рассудок нем.
Так прекратите же скорей мои страданья,
Скорее для себя найдите оправданья,
Письмо хоть как-нибудь вы объясните мне —
Я вам готов помочь, не верю я вине.
О, притворитесь же, что любите немного!
Я притворюсь тогда, что верю в вас, как в бога.

Селимена

Вы с вашей ревностью сошли с ума, ей-ей,
И, право, вы любви не стоите моей.
Хотела бы я знать, кто б мог меня заставить
В глаза вам прямо лгать и низко так лукавить?
И если б сердце я другому отдала,
Неужто смело в том сознаться б не могла?
Как! Все признания души, для вас открытой,
В том, что я вас люблю, не служат мне защитой?
Какая вам еще уверенность нужна?
Я подозрением таким оскорблена.

Усилий стоит нам неимоверных, крайних
Открыться наконец в своих заветных тайнах.
Честь пола нашего таким признаньям враг —
С трудом решаемся мы на последний шаг,
Но раз подобную преграду мы преступим,
То этим мы ужель доверия не купим?
Когда вам о любви открыто говорят
И вы не верите — виновны вы стократ.
Довольно! На себя я просто негодую,
Что к вам питала я симпатию такую.
Конечно, я глупа, и я себя браню,
Что чувства добрые к вам все еще храню.
Мне б надо было стать к другому благосклонной,
Чтоб вашим жалобам был дан предлог законный.

Альцест

Увы, изменница! Моя безумна страсть,
Я вашей хитрости не в силах не подпасть.
Конечно, здесь обман, но не борюсь с судьбою.
Что ж делать, не могу я справиться с собою:
Я ваш, и проследить хочу я до конца,
Как вы обманете влюбленного слепца.

Селимена

Нет, вы не любите меня, как я б хотела.

Альцест

Увы, моей любви нет меры, нет предела!
Чтоб ваша красота моею лишь была,
Я, право, иногда готов желать вам зла:
Чтоб никому кругом любви вы не внушали;
Чтоб жили в бедности, в унынии, в печали;
Чтоб, от рождения судьбой обделены,
Вы не были горды, богаты и знатны;
Чтоб я один, один своей безмерной властью
Исправил суд небес, один привел вас к счастью,
Чтоб с гордой радостью мог убедиться я,
Что все, что есть у вас, дала любовь моя!

Селимена

Однако вы добра мне пожелать сумели.
Дай бог, чтобы своей вы не достигли цели!..
Что это? Ваш лакей? Как странно он одет!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Дюбуа.

Альцест

Что значит этот вид?.. Ответишь ты иль нет?
Ну?..

Дюбуа

Сударь!..

Альцест

Говори!

Дюбуа

Молчание и тайна...

Альцест

Ну?

Дюбуа

Обстоятельства тревожны чрезвычайно.

Альцест

Да что с тобой?

Дюбуа

Сказать?

Альцест

Конечно же, сказать!

Дюбуа

Но вы здесь не одни...

Альцест

Эй, времени не трать
И к делу!

Дюбуа

Сударь! Мы должны... должны отсюда...

Альцест

Что, что?

Дюбуа

Удрать скорей, чтоб не случилось худа.

Альцест

Зачем?

Дюбуа

Поверьте мне, у вас беда стряслась!

Альцест

В чем дело?

Дюбуа

Наутек скорее, не простясь!

Альцест

Что значит это все?

Дюбуа

Сосчитаны часочки,
И надо тягу нам задать без проволочки.

Альцест

Я голову тебе об стену разобью,
Коль ты не объяснишь фантазию свою!

Дюбуа

А вот что, сударь мой! Послушать не хотите ль?
Сегодня к нам пришел на кухню посетитель —
Страшенный, в черном весь; бумагу он принес.
Чтоб посмотреть, что в ней, я было сунул нос:
Бумага из суда. Но, сударь мой, поверьте,
Так нацарапано — не разберут и черти.

Альцест

Что в этом общего, скажи мне, низкий плут,
Со всем, что только что ты наболтал мне тут?

Дюбуа

А вот что: час спустя пришел к вам ваш знакомый,
Он очень сожалел, что не застал вас дома;
Он мне и приказал немедленно идти
И где бы ни было скорее вас найти.

И, зная, как я вам служу нелицемерно...
Как бишь его зовут?.. Нет, не скажу наверно...

Альцест

Бог с ним! Что он сказал? Да ну же, ротозей!

Дюбуа

Ну, словом, все равно, из ваших он друзей...
Сказал, что вы должны покинуть это место,
Иначе пахнет здесь возможностью ареста.

Альцест

Как! Он подробностей тебе не объяснил?

Дюбуа

Нет, он велел подать бумаги и чернил
И написал письмо. Я утверждаю смело:
Вы из его письма узнаете, в чем дело.

Альцест

Давай его сюда.

Селимена

Как это объяснить?

Альцест

Не знаю. Я в письме найти надеюсь нить...
Ты скоро ль, негодяй? Вот олух с глупой рожей!

Дюбуа

Эх, я его забыл там, на столе, в прихожей!

Альцест

Не знаю, как тебя...

Селимена

Не тратьте вы минут,
Спешите разузнать скорей, в чем дело тут.

Альцест

Подумаешь, судьба какими-то путями
Взялась мне помешать договориться с вами.
Позвольте ж, чтобы над ней победу одержать,
До вечера еще вернуться к вам опять.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Альцест, Филинт.

Альцест

Решенье принято. Я вам сказал: так будет.

Филинт

Исполнить эту мысль никто вас не принудит.

Альцест

Не тратьте даром слов. О чем мы говорим?
Нет, я не изменю намереньям моим.
Не в силах выносить царящего разврата,
От общества людей уйду — и без возврата.
Как! Ведь противник мой был всеми осужден.
Всё, всё против него — честь, правда и закон,
Все правоту мою кругом провозгласили,
И я спокоен был, что правда будет в силе.
И что ж? Негаданно свалился я с небес:
Хоть правда за меня — я проиграл процесс!
Подлец, известный всем историей постыдной,
Оправдан в низости преступной, очевидной;
Он, задушив меня, добился своего —
Так ложь над истиной справляет торжество.
Его неискренность и лживая слезливость
Над правом взяли верх, сломили справедливость.
Преступник обелен и заслужил венец!
Но мало этого: на что идет наглец?
Книжонку гнусную пускает в обращенье,
Которую нельзя читать без отвращенья.
И всюду клеветы уж поползла змея:
Он измышляет слух, что автор книжки — я!
И, присоединясь к презренному навету,
Кто с ним исподтишка разносит сплетню эту?
Оронт, которого считает честным двор,
Кто может лишь одно поставить мне в укор:
Что правду высказал я о его сонете,
Когда ко мне пришел молить он о совете.
Так только потому, что я был прям и смел,
Ни правде, ни ему солгать не захотел,

Он отвечает мне такою грязной басней,
И нету у меня теперь врага опасней!
Но что ж так гневен он и так непримирим?
А то, что я нашел сонет его плохим.
Все люди, черт возьми, так созданы от века:
Тщеславие — рычаг всех действий человека.
Вот вам та доброта, та совесть, правда, честь,
Которая у них в их жалких душах есть!
Довольно! Кончено! Страдать от них нелепо.
Прочь от разбойников, из гнусного вертепа!
Нет! Раз по-волчьи вы живете меж людьми,
Я более не ваш — довольно, черт возьми!

Филинт

В своем намеренье вы, право, слишком скоры,
И преждевременны подобные укоры.
Про книгу выдумка ничтожна и пуста,
Отлично знают все, что это клевета.
Сам по себе падет слух более чем вздорный,
И враг ваш сам себе наносит вред бесспорный.

Альцест

Он?.. И не думайте: ему все нипочем,
Суд разрешил ему быть полным подлецом.
Не только повредить ему тот слух не может,
Нет! Уважение к нему еще умножит.

Филинт

Нет, хитрости его, поверьте, всем ясны.
Напрасна клевета. Вам с этой стороны
Бояться нечего — никто не верит слухам.
А этот ваш процесс... Не надо падать духом!
Подайте жалобу немедля, у суда
Просите отменить решенье...

Альцест

Никогда!
Пусть этот приговор грозит мне разореньем,
Отказываюсь я от всех хлопот с презреньем.
Нет! Слишком уж хорош наглядный сей урок,
Как право попрано и обелен порок.
Пример преступного такого вероломства
Я в назидание оставлю для потомства.

Пусть двадцать тысяч я за это заплачу,—
За двадцать тысяч тех я право получу
Кричать, что на земле царит неправда злая,
И ненавидеть всех отныне, не скрывая.

Филинт

Но все ж...

Альцест

Да вам-то что? Какая вам печаль?
Иную вывести вы можете мораль?
Или осмелитесь без всякого стесненья
Вы этому найти подобье извиненья?

Филинт

О нет! Согласен я, что всюду ложь, разврат,
Что злоба и корысть везде кругом царят,
Что только хитрости ведут теперь к удаче,
Что люди бы должны быть созданы иначе.
Но все ж достаточно ль для нас таких идей,
Чтоб вычеркнуть себя из общества людей?
Быть может, служат нам людские недостатки,
Чтоб философии в нас развивать зачатки,—
Для добродетели занятья выше нет!
Когда бы честностью был одарен весь свет
И были все сердца чисты и благородны,
То добродетели нам стали б непригодны.
Все их величье в том, чтоб с пошлостью и злом
Могли встречаться мы с безоблачным челом,
И сердца чистого глубокие порывы...

Альцест

Я знаю, сударь мой, как вы красноречивы.
У вас примерами набита голова,
Но даром тратите и время и слова:
Я все-таки уйду и общество покину —
Так разум мне велит. Открыть ли вам причину?
Стеснять себя в речах я, право, не привык,
И мне немало бед готовит мой язык.
Позвольте, я дождусь спокойно Селимену —
Пускай в моей судьбе узнает перемену.
Я должен, должен знать, любим я или нет,
И жизнь дальнейшую решит ее ответ.

Филинт

Мы можем подождать у Элианты с вами.

Альцест

Я слишком угнетен заботами, делами...
Ступайте к ней один, остаться дайте мне
Здесь, в темном уголке, с тоской наедине...

Филинт

Ну, это компаньон плохой для ожиданья!
Я с Элиантою вернусь к вам. До свиданья!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Альцест, Оронт, Селимена.

Оронт

Да, окончательно должны вы мне сказать,
Хотите ли со мной свою судьбу связать.
Пусть станет наконец мне ваше чувство ясно,
Ведь колебание влюбленному ужасно.
Когда вы тронуты любви моей огнем,
Сознайтесь искренне вы в чувстве мне своем.
А в доказательство, как прав моих признанье,
Прошу вас запретить Альцесту притязанья
И, им пожертвовав отныне для меня,
Не принимать его с сегодняшнего дня.

Селимена

Но что причиною подобного гоненья?
О нем прекрасного вы были раньше мненья.

Оронт

Мне объяснения позвольте приберечь...
Сударыня! Теперь о ваших чувствах речь,
И выбрать надо вам меня или другого.
Чтобы решилось все, я жду от вас лишь слова.

Альцест
(выходя из уголка, куда он удалился)

Да, мой соперник прав в желании своем,
И выбора от вас, сударыня, мы ждем.

И я пришел сюда достигнуть той же цели,
Чтоб доказать вы мне свою любовь сумели.
Не может долее тянуться так игра,
И объясниться нам начистоту пора.

Оронт

Ни в коем случае своей ненужной страстью
Я, сударь, вашему мешать не стал бы счастью...

Альцест

Ревнив я или нет, но, сударь, вам скажу:
Ни в коем случае не склонен к дележу...

Оронт

...и если только вас она предпочитает...

Альцест

...и если к вам она хоть тень любви питает...

Оронт

...клянусь без жалобы навеки отойти.

Альцест

...клянусь, что навсегда уйду с ее пути.

Оронт

Сударыня, прошу, свободно нам откройтесь!

Альцест

Сударыня, прошу, вы истины не бойтесь!

Оронт

Вам стоит лишь сказать нам тайну сердца вслух.

Альцест

Вам стоит лишь решить — которого из двух?

Оронт

Как! Трудно сразу вам ответить? Неужели?

Альцест

Как! Сделать выбора еще вы не успели?

Селимена

Мой бог! Подобная настойчивость к чему?
Как это неумно!.. Я, право, не пойму...
О нет! Сама с собой я не играю в прятки,
И в чувствах собственных нет для меня загадки.
Я сердца своего, конечно, не делю,
И было б мне легко сказать, кого люблю.
Но только для меня нет хуже наказанья,
Чем делать так, в лицо публичные признанья.
Обидные слова — мне кажется, что их
Не надо говорить в присутствии других.
Чтоб сердца нашего влеченье ясным стало,
Мы вовсе не должны приподнимать забрало,
И надо способы помягче нам найти,
Чтобы отвергнутый сказал мечте «прости».

Оронт

Не бойтесь огорчить своим прямым ответом —
На это я иду.

Альцест

А я прошу об этом!
Я требую от вас, чтоб был ответ ваш прям.
Пощады, жалости совсем не нужно нам.
«Всех сохранять» у вас великое искусство,
Но не должны теперь скрывать вы свое чувство.
Скажите прямо все, прошу в последний раз,
Иначе я решу, что ваш ответ — отказ;
Молчанью вашему найду я объясненье,
Пойму его, и в нем вам будет обвиненье.

Оронт

Ваш гнев понятен мне, он только справедлив,
И разделяю я всецело ваш порыв.

Селимена

А я не выношу, я не терплю капризов.
Вы мне бросаете какой-то странный вызов.
Иль к объяснению вы глухи моему?..
Но вот в свидетели кузину я возьму.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Элианта и Филинт.

Селимена

Меня преследуют, кузина, помогите!
Здесь целый заговор, взываю я к защите.
Вот оба требуют, чтоб я сейчас же им
Открыла, кто из них мне мил и мной любим.
Так, прямо, им в лицо сказала б без смущенья,
Кто должен о любви оставить попеченье!
Ну где же виданы подобные дела?

Элианта

Боюсь, что здесь я вам помочь бы не могла,
Вам лучше от меня не требовать защиты —
Я не стою за то, чтоб мысли были скрыты.

Оронт

Напрасно ищете поддержки у других.

Альцест

Уловки ни к чему, оставьте лучше их.

Оронт

Ну говорите же! Весов толкните чашу.

Альцест

Молчите, если так, храните тайну вашу.

Оронт

Я только слова жду, чтоб кончить этот спор.

Альцест

А я молчание сочту за приговор.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Акаст, Клитандр и Арсиноя.

Акаст
(Селимене)

Сударыня, мы к вам! Примите извиненья,
Но требовать от вас мы вправе разъясненья,

Клитандр
(Альцесту и Оронту)

Как кстати случай вас теперь привел сюда!
Ведь здесь замешаны вы тоже, господа.

Арсиноя
(Селимене)

Вас появлением рискую удивить я,
Но виноваты в том последние событья.
Вот эти господа вас обвиняют в том,
Чему не верю я ни сердцем, ни умом.
Глубокое я к вам питаю уваженье,
Так мне ли вас винить в подобном преступленье?
Их доказательствам я верить не хочу;
Размолвку позабыв, я дружбе дань плачу.
Посмотрим, что вы им ответите обоим!
Надеюсь твердо я, что клевету мы смоем.

Акаст

Да-да, сударыня. Спокойно, без угроз,
Мы просто требуем ответа на вопрос.
Вот это письмецо Клитандру вы писали?

Клитандр

Вот эти строки вы Акасту посылали?

Акаст
(Оронту и Альцесту)

Вам этот почерк всем, наверное, знаком.
Не сомневаюсь я, что, верно, всех кругом
Вас ознакомить с ним изволили любезно.
Но это вам прочесть весьма не бесполезно.

«Вы странный человек: Вы осуждаете мою веселость и упрекаете меня, что особенно веселой я бываю без Вас! Это крайне несправедливо. И если Вы не явитесь сейчас же попросить у меня прощения за то, что так меня обидели, я не прощу Вам этого никогда. Наш долговязый виконт...»

Только его здесь не хватает!

«...Наш долговязый виконт, с которого Вы начинаете свои жалобы, не в моем вкусе. После того как он три четверти часа подряд плевал в колодец и пускал круги по воде, я не могу быть о нем хорошего мнения. Что касается маленького маркиза...»

Это я, господа, без малейшего преувеличения!

«...Что касается маленького маркиза, который вчера так долго жал мне руку, то, по-моему, вряд ли есть что-нибудь более жалкое, чем его особа; единственное его достоинство — это дворянство. Относительно господина с зелеными бантами...»

(Альцесту)

Камешек в ваш огород, сударь!

«...Относительно господина с зелеными бантами могу сказать, что иногда он развлекает меня своими резкостями и своим мрачным отчаянием, но гораздо чаще я нахожу, что это невыносимейший человек на свете. Что же касается господина в камзоле...»

(Оронту)

Вот и ваша очередь!

«...Что же касается господина в камзоле, который ударился в остроумие и хочет быть писателем во что бы то ни стало, я не могу принудить себя слушать его болтовню: проза его утомляет меня не меньше его стихов. Поймите же, что вовсе я не так уж развлекаюсь, как Вам кажется, мне очень не хватает Вас во всех развлечениях, в которые меня втягивают, самая лучшая приправа к нашим удовольствиям — это присутствие людей, которых любишь».

Клитандр

Да-а!.. А вот и я.

«К Вашему слащавому Клитандру, о котором Вы мне пишете, я вряд ли могла бы питать дружеское расположение. Его сумасбродство выразилось в том, что он воображает, будто его любят, а Ваше — в том, что Вы думаете, будто Вас не любят. Будьте благоразумны, поменяйтесь чувствами с ним и приходите ко мне по возможности чаще — так мне легче будет переносить его нестерпимую назойливость».

Образчик славный здесь и добрых чувств и слога!
Как это все назвать? Скажите, ради бога!..
Довольно же! От нас узнает целый свет
Ваш настоящий нрав, ваш истинный портрет.

Акаст

Я б много мог сказать, мне хватит матерьяла,
Но даже тратить гнев охота вся пропала.
Легко докажет вам ваш «маленький маркиз»,
Что может выиграть куда ценнее приз.

Клитандр и Акаст уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Альцест, Оронт, Селимена, Филинт, Элианта, Арсиноя.

Оронт

Как! Значит, я служил насмешкам злым мишенью,
Коль доброму к себе я верил отношенью?
Что ж вы писали мне? Иль хитростью такой
Хотели заманить вы целый род людской?
О, я был слишком прост! Теперь с меня довольно.
Я рад, что вы себя открыли нам невольно.
Вы сердце навсегда назад вернули мне,
Его лишились вы, и я отмщен вполне!
(Альцесту)
Отныне, сударь мой, я вам мешать не стану,
Счастливого конца желаю я роману!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Альцест, Селимена, Филинт, Элианта, Арсиноя.

Арсиноя
(Селимене)

Подобной низости не ожидала я.
Я не могу молчать! Кипит душа моя!
Мы до сих пор таких поступков не встречали.
Ах! Мне до них до всех, поверьте, нет печали,
Но он,
(указывая на Альцеста)
любивший вас так чисто и тепло,—
Как сердце изменить ему — ему! — могло?
Он дивный человек, прекрасный, чистый, честный,
И вдруг...

Альцест

Сударыня, оставьте пыл ваш лестный!
Позвольте за себя стоять мне самому.
Я, право, вашего усердья не пойму:
Хоть сердце в вас ко мне участием согрето,
Я не могу ничем вам заплатить за это,
И если я решусь отмстить моим врагам,
То все ж за помощью я обращусь не к вам.

Арсиноя

Так вот как вы мое участье объяснили?
Однако вы себя высоко оценили!
Самонадеянность подобная мила,
Но слишком вас она далеко завела.
Остатки от других мне не нужны и даром,
И за отвергнутым я не гонюсь товаром —
Вы, право, чересчур гордиться не должны.
В таких, как я, для вас, конечно, нет цены.
Останьтесь ей верны, как самой подходящей.
Увижу с радостью такой союз блестящий!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Альцест, Селимена, Филинт, Элианта.

Альцест

Что ж! Несмотря на все, что говорилось тут,
Я молча ожидал, когда они уйдут.
Да, я молчал и ждал — мне показалось — вечно.
Могу ли я теперь...

Селимена

О, можете, конечно!
Вы вправе говорить все, что угодно вам,
Вы вправе волю дать упрекам и словам.
Ну да, я сознаюсь: во всем я виновата,
Мне извинений нет, пусть настает расплата.
Что мне до остальных? Мне злоба их смешна.
Но перед вами... да, тяжка моя вина.
Вы негодуете, вы безусловно правы.
Я, я вас сделала предметом злой забавы!
Нет извинения обману моему,
Я вашу ненависть как должное приму.

Альцест

Ужель к вам ненависть найти в душе сумею?
Могу ль торжествовать над нежностью моею?
Возненавидеть вас так страстно я хотел,
Но в сердце сил найти на это не сумел!
(Элианте и Филинту.)
Вы видите: я раб своей несчастной страсти,
У слабости своей преступной я во власти!

Но это не конец, и, к моему стыду,
В любви — увидите — я до конца дойду.
Нас мудрыми зовут... Что эта мудрость значит?
Нет, сердце каждое людскую слабость прячет...
(Селимене.)
Я вам, изменница, готов простить вину,
Я снисходительно на это все взгляну,
Пойму, что главное — наносное влиянье,
И в вашей юности найду вам оправданье.
Да-да, я все прощу! Когда б решились вы
Со мною прочь бежать от суетной молвы,
От общества людей и навсегда отныне
Со мной укрылись бы вдвоем в глуши, в пустыне,—
Лишь это оправдать вполне бы вас могло,
Заставить позабыть писаний ваших зло;
Вы тем исправили б свою неосторожность
И дали бы мне вас еще любить возможность.

Селимена

Что говорите вы! Как! Мне, в расцвете лет,
Уехать с вами в глушь, совсем покинуть свет?..

Альцест

Но если любите меня вы, дорогая,
К чему вам общество, к чему вам жизнь другая?
О, если любим мы, к чему нам целый свет?

Селимена

Но одиночество так страшно в двадцать лет!
Во мне решимости и силы не хватает,
Такая будущность меня не привлекает.
Когда приятно вам вступить в союз со мной,
Охотно буду вам я любящей женой,
И брак...

Альцест

Достаточно! Я излечился разом:
Вы это сделали сейчас своим отказом.
Раз вы не можете в счастливой стороне,
Как все нашел я в вас, все обрести во мне,—
Прощайте навсегда! Как тягостную ношу,
С восторгом наконец я ваши цепи сброшу!

Селимена уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Альцест, Филинт, Элианта.

Альцест
(Элианте)

В вас добродетели поспорят с красотой,
Я ставлю высоко ваш милый нрав простой,
Я вас давно ценю, вы — сердце без упрека,
Но дайте мне всегда ценить вас издалека!
Простите! После бурь, измучивших его,
Я сердца предлагать не смею своего.
Я недостоин вас. Теперь мне слишком ясно,
Что я о счастии мечтать бы стал напрасно,
Что оскорбил бы вас такой ничтожный дар:
Остатки жалкие, угасший сердца жар,—
И вы...

Элианта

Пусть это вас совсем не беспокоит,
Ведь друга вашего лишь попросить мне стоит —
И он вас выручит и примет без труда
И руку от меня и сердце навсегда.

Филинт

О, я так пламенно мечтал об этой чести,
Что за нее отдам и жизнь и кровь я вместе!

Альцест

Все пожелания примите от меня
И будьте счастливы, любовь свою храня.
А я, измученный, поруганный жестоко,
Уйду от пропасти царящего порока
И буду уголок искать вдали от всех,
Где мог бы человек быть честным без помех!

Филинт
(Элианте)

А мы употребим всю силу убежденья,
Чтоб отказался он от своего решенья.

ЛЕКАРЬ ПОНЕВОЛЕ

КОМЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сганарель.
Мартина — его жена.
Робер — его сосед.
Лука.
Жеронт.
Люсинда — его дочь.
Леандр — возлюбленный Люсинды.
Жаклина — кормилица у Жеронта, жена Луки.
Валер — слуга Жеронта.
Тибо.
Перрен — его сын.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет лес.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сганарель, Мартина.

Сганарель. Говорят тебе: работать не стану, а вот хозяином в доме буду!

Мартина. А тебе говорят, что ты будешь все делать по-моему. Я не затем выходила замуж, чтобы ты надо мной куражился.

Сганарель. Вот ведь беда с этими женами! Аристотель верно сказал: баба хуже черта!

Мартина. Подумаешь, какой ученый выискался! Больно мне нужен твой дурацкий Аристотель.

Сганарель. Да, ученый. А ты поищи-ка другого торговца хворостом, чтобы так рассуждал обо всем, да чтобы шесть лет прослужил у знаменитого лекаря, да чтобы чуть не с пеленок знал назубок всю латинскую грамматику.

Мартина. Иди ты к черту, болван!

Сганарель. Сама иди к черту, потаскуха!

Мартина. Будь проклят день и час, когда меня дернуло стать твоей женой!

Сганарель. Будь проклят рогач нотариус, который дал мне подписаться под собственной моей погибелью!

Мартина. Еще ты будешь жаловаться! Да ты должен денно и нощно бога благодарить, что я пошла за тебя. Чем, скажи на милость, ты заслужил такую жену, как я?

Сганарель. Что и говорить, честь великая, было чем похвастаться после первой ночи! Да ну тебя, лучше и не вспоминать! А то я такое скажу...

Мартина. Что? Что ты скажешь?

Сганарель. Довольно! Я что знаю, то знаю, тебе еще здорово повезло со мной.

Мартина. Это мне-то повезло? Да ведь ты довел меня до больницы! Бабник, лодырь, объедала!

Сганарель. Вот и соврала: скорее уж — опивала.

Мартина. Растаскал по крохам все мое добро!

Сганарель. Это называется — жить на доход со своего хозяйства.

Мартина. Кровать и ту из-под меня вытащил!

Сганарель. Раньше будешь вставать.

Мартина. Ни одной-то вещички в доме не оставил!

Сганарель. Легче с места сняться.

Мартина. Только и знаешь, что пить да играть с утра до вечера!

Сганарель. Иначе со скуки околеешь.

Мартина. А мне что прикажешь делать со всей семьей?

Сганарель. Что вздумается, то и делай.

Мартина. У меня четверо малых ребят на руках.

Сганарель. Спусти их на пол.

Мартина. День-деньской только и слышу: дай хлеба, дай хлеба!

Сганарель. А ты надавай им колотушек. Когда я сыт и пьян, я люблю, чтобы всем в доме доставалось вдоволь.

Мартина. Ты что ж, пьянчуга, воображаешь, что и дальше так будет?

Сганарель. А ты поспокойнее, жена.

Мартина. Думаешь, я весь век стану терпеть твою наглость и распутство?

Сганарель. Эй, жена, не горячись!

Мартина. И не заставлю тебя исполнять свой долг?

Сганарель. Уважаемая супруга! Вам, надо думать, известно, что нрав у меня не из терпеливых, а рука не из легких.

Мартина. Меня не застращаешь! Плевала я на тебя!

Сганарель. Эх, женка, голубушка моя! Похоже, что у тебя опять шкура чешется?

Мартина. Вот посмотришь, как я тебя боюсь.

Сганарель. Дражайшая моя половина! Вам, верно, хочется кое-что заработать?

Мартина. Страсть как ты меня напугал!

Сганарель. Желанная ты моя красавица! Ох и задам же я тебе сейчас трепку!

Мартина. Пропойца!

Сганарель. Ох отлуплю!

Мартина. Винная бочка!

Сганарель. Ей-ей, вздую!

Мартина. Подлец!

Сганарель. Смотри, шкуру спущу!

Мартина. Врун! Наглец! Обманщик! Мерзавец! Плут! Висельник! Прощелыга! Шалопай! Мошенник! Разбойник! Вор!..

Сганарель. А-а, ну, ты своего добилась! *(Берет палку и бьет жену.)*

Мартина *(кричит)*. Ай-ай-ай!

Сганарель. По-другому тебя не утихомиришь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Робер.

Робер. Стой! Стой! Стой! Что здесь творится? Безобразие! Какой это мерзавец так колотит свою жену?

Мартина *(Роберу)*. А может, я хочу, чтобы он меня колотил?

Робер. В таком случае на здоровье, сударыня.

Мартина. И что вы суетесь?

Робер. Прошу прощения.

Мартина. Вам-то какое дело?

Робер. Да, собственно, никакого.

Мартина. Ведь это нахальство — мешать мужу бить жену.

Робер. Беру свои слова назад.

Мартина. Ну что вам здесь понадобилось?

Робер. Ничего.

Мартина. Тогда зачем же нос совать?

Робер. Незачем.

Мартина. Занимайтесь своими делами.

Робер. Слушаюсь.

Мартина. Мне нравится, когда меня бьют.

Робер. О вкусах не спорят.

Мартина. А вас это не касается.

Робер. Согласен.

Мартина. И вы дурак, что полезли, куда вас не просят. *(Дает ему пощечину.)*

Робер *(Сганарелю)*. Прошу прощения, любезный! Колотите, дубасьте, лупите вашу супругу сколько душе угодно. Могу вам даже помочь, если хотите.

Сганарель. Не надо мне вашей помощи.

Робер. Нет так нет.

Сганарель. Я ее бью, когда мне вздумается, а не вздумается, так и не бью.

Робер. Правильно.

Сганарель. Она моя жена, а не ваша.

Робер. Без сомнения.

Сганарель. И нечего мной командовать.

Робер. Молчу, молчу.

Сганарель. На черта мне ваша помощь?

Робер. Как вам будет угодно.

Сганарель. Вмешиваться в чужие дела — нахальство! Еще Цицерон сказал: свои собаки грызутся — чужая не приставай. *(Бьет Робера и прогоняет его.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сганарель, Мартина.

Сганарель. А ну давай помиримся. Руку!

Мартина. Сначала вздул, а теперь мириться!

Сганарель. Есть о чем говорить. Руку!

Мартина. Не желаю.

Сганарель. Ну!

Мартина. Нет!

Сганарель. Женушка!

Мартина. Ни за что!

Сганарель. Давай руку, говорят тебе.

Мартина. И не подумаю.

Сганарель. А ну поди ко мне, поди, поди!

Мартина. Нет, не желаю я с тобой мириться.

Сганарель. Да ну, пустяки какие! Перестань!

Мартина. Отвяжись от меня.

Сганарель. Давай руку, сколько раз тебе повторять?

Мартина. Очень уж круто ты со мной обошелся.

Сганарель. Подумаешь! Я ведь прошу прощения, давай сюда руку!

Мартина. Так и быть, прощаю. *(В сторону.)* Но ты у меня еще попляшешь!

Сганарель. Нашла на что обижаться, дуреха! Да такие размолвки время от времени просто необходимы любящим супругам: парочка-другая тумаков только разжигает чувство. Сейчас пойду в лес и натаскаю тебе штук сто вязанок. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мартина одна.

Мартина. Ладно же, я хоть и пошла на мировую, но тебе обиды не спущу. Страсть как хочу рассчитаться с тобой за эти побои. Конечно, любая женщина знает, чем отомстить мужу, но моего остолопа этим не проймешь. Ну, я уж придумаю месть почувствительнее, да и то еще не разочтусь с тобой за такое надругательство.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мартина, Валер, Лука.

Лука *(Валеру, не замечая Мартины)*. Ну и порученьице мы на себя взвалили! Все равно ни черта у нас не выйдет.

Валер *(Луке, не замечая Мартины)*. Ничего не поделаешь, куманек, хозяина надо слушаться. Да вдобавок и нам с тобой не все равно, здорова или больна хозяйская дочка, наша барышня. Ведь и нам перепадет кое-что со свадебного стола, а свадьба-то все откладывается из-за того, что она больная лежит. Орас — человек щедрый и, уж конечно, сумеет ее добиться; она хоть и без ума от какого-то там Леандра, но ее папенька, сам понимаешь, никогда не согласится на такого зятя.

Мартина *(думая, что она одна)*. Неужто я так и не придумаю, как ему получше отомстить?

Лука *(Валеру)*. И надо же, чтобы человеку взбрела на ум эдакая чепуха, коли уж ученые доктора и те лопочут, лопочут по-латыни, а все без толку!

Валер *(Луке)*. Случается, поищешь хорошенько, да и найдешь, что у тебя под самым носом лежало...

Мартина *(все еще думая, что она одна)*. Нет, я ему отомщу, уж это как пить дать. Не могу забыть и никогда не забуду, как он меня дубасил, и уж... *(Натыкается на Валера и*

Луку.) Ах, милостивые государи, прошу прощения, я была так занята своими мыслями, что и не заметила вас!

Валер. У каждого своя забота. Мы вот тоже ищем то, что нам ох как хотелось бы найти!

Мартина. Может, я вам сумею помочь?

Валер. А что же? Мы, видите ли, ищем такого ученого человека, такого чудо-лекаря, который взялся бы вылечить дочь нашего хозяина — у ней от какой-то хворобы язык отнялся. Сколько ученых лекарей ее пользовало, а толку чуть. Но ведь может же сыскаться человек, который знает заветные лекарства, чудодейственные средства: он возьмет да и сделает то, что не удавалось другим. Вот за таким-то лекарем мы и охотимся.

Мартина *(в сторону).* Кажется, сама судьба меня наставляет, как отомстить моему прощелыге! *(Громко.)* Ну, можно сказать, вы уже нашли то, чего искали: у нас здесь есть такой лекарь, на всем свете никто лучше его не лечит неизлечимых больных.

Валер. Скажите же, ради бога, как нам его найти?

Мартина. Да он вон в том лесочке ломает хворост... для развлечения.

Лука. Это лекарь-то ломает хворост?

Валер. Вы, верно, хотите сказать, что он развлекается собиранием трав?

Мартина. Да нет, он большой чудак и любит это занятие. Человек он шалый, блажной какой-то, дурашливый; с виду вам ни за что не догадаться, кто он есть. Он и одевается как-то не по-людски. Любит прикидываться невеждой, таит свою ученость и больше всего на свете боится, как бы не прознали, что господь наградил его таким удивительным лекарским даром.

Валер. Что ты скажешь! Все великие люди немножко с придурью; видно, от учености-то и начинают чудесить.

Мартина. А уж у этого придури хоть отбавляй. Иной раз кажется, будто он прямо мечтает, чтобы его поколотили, иначе никак не заставишь его признаться, что он такой искусный лекарь. Я вам заранее говорю, коли найдет на него блажь, вы толку не добьетесь. Станет отпираться, кричать, что сроду лекарем не бывал. Ну, тут уж берите дубинки в руки и бейте, пока не признается. Мы всегда так делаем, когда у нас кто-нибудь занедужит.

Валер. Вот чудак, так чудак!

Мартина. Да, но зато потом увидите, какие он творит чудеса.

Валер. Как его зовут?

Мартина. Сганарелем. Да его нетрудно узнать. Мужчина с большой черной бородой, на нем кафтан зеленый с желтым и брыжи.

Лука. Зеленый с желтым? Что ж он, попугаев лечит?

Валер. А он и взаправду такой искусник, как вы говорите?

Мартина. О господи, да он просто чудотворец! Полгода назад у нас тут от одной женщины все врачи отступились. Целых шесть часов ее считали мертвой и уже собрались хоронить, как вдруг кто-то насильно приволок этого человека. Он едва взглянул на нее и тут же влил ей в рот каплю — не знаю там, уж какого лекарства, только она сразу встала на ноги и принялась как ни в чем не бывало расхаживать по комнате.

Лука. Вот это да!

Валер. Не иначе как это была капля жидкого золота.

Мартина. Очень может быть. Или вот: еще трех недель не прошло, как один мальчонка лет двенадцати свалился с колокольни на мостовую и сломал себе голову, руки и ноги. Опять, конечно, привели нашего лекаря, он натер мальчонку мазью своего приготовления, и тот сейчас же побежал в бабки играть.

Лука. Вот это да!

Валер. Наверно, ему известна панацея.

Мартина. Ясно как божий день.

Лука. Вот это здорово! Такого нам и надо! Идем скорей за ним.

Валер. Спасибо, что выручили.

Мартина. Помните только, о чем я вас предупреждала.

Лука. Будьте спокойны, мы уж справимся! Если дело только за побоями, так оно — в шляпе.

Мартина уходит.

Валер *(Луке)*. Ну и повезло нам, что мы с ней повстречались! Уж как она нас обнадежила!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Валер, Лука, Сганарель.

Сганарель *(поет за сценой)*. Ла-ла-ла!

Валер. Слышь, кто-то поет и ломает хворост!

Сганарель *(появляется с бутылкой в руках, не замечая Валера и Луку)*. Ла-ла-ла!.. Хватит с меня, поработал, можно и глотку промочить. Теперь малость передохнем. *(Пьет.)* Ох и солоно же мне достается этот проклятый хворост!

Бутылочка моя,
Бутылочка,
Как люблю я тебя,
Моя милочка!
Ах, когда бы постоянно ты была
Вплоть до верха налита!
Ах, бутылочка моя,
И зачем же ты пуста? [1]

Тьфу, черт побери, не стоит сокрушаться!

Валер *(Луке, тихо)*. Это он!

Лука *(Валеру, тихо)*. Скорей всего! Прямо на него наткнулись.

Валер. Подойдем поближе!

Сганарель *(обнимая бутылку)*. Ах ты, маленькая моя плутовочка, и как же я тебя люблю, сосочка ты моя! *(Поет, но, заметив Валера и Луку, наблюдающих за ним, понижает голос.)*

Ах, когда бы постоянно ты была
Вплоть...

(Видит, что они приблизились и смотрят на него в упор.) Что за черт! Что им от меня нужно?

Валер *(Луке)*. Это он, ясно!

Лука *(Валеру)*. Точь-в-точь как она его описала.

Сганарель ставит бутылку на землю; Валер склоняется, чтобы отвесить ему поклон, а Сганарель, думая, что он потянулся за бутылкой, переставляет ее подальше; Лука склоняется так же, как Валер; Сганарель хватает бутылку и выразительным жестом прижимает ее к животу.

Сганарель *(про себя)*. Переговариваются и смотрят на меня. Что они задумали?

Валер. Позвольте узнать, сударь: не вас ли зовут Сганарелем?

Сганарель. А? Чего?

Валер. Я спрашиваю: не вы ли господин Сганарель?

Сганарель *(поворачиваясь к Валеру, потом к Луке)*. И да и нет, смотря по тому, что вам надобно от господина Сганареля.

Валер. Мы хотим только засвидетельствовать ему свое глубочайшее почтение.

Сганарель. Ну, коли так, то я Сганарель.

---

[1] Перевод стихов в комедии «Лекарь поневоле» принадлежит П. П. Гнедичу.

Валер. Сударь! Мы счастливы вас видеть. Нас послали к вам за тем, что мы ищем, и мы покорнейше просим вас помочь нам в беде.

Сганарель. Ежели мое скромное ремесло может вам пригодиться, я готов к услугам.

Валер. Премного обязаны, сударь. Однако будьте добры, наденьте шляпу, как бы солнце не напекло вам голову.

Лука. Накройтесь, сударь.

Сганарель. Вот учтивые ребята! *(Надевает шляпу.)*

Валер. Не удивляйтесь, сударь, что мы разыскали вас: знаменитости всегда на виду, а мы столько наслышаны о ваших талантах!

Сганарель. Что и говорить, господа, на всем свете никто лучше меня не вяжет хворост.

Валер. Ах, сударь!..

Сганарель. Хворостинка к хворостинке — не вязаночки, а игрушки.

Валер. Мы не за этим пришли, сударь.

Сганарель. Зато и цена им сто десять су за сотню.

Валер. Оставимте этот разговор, сударь.

Сганарель. Воля ваша, дешевле не могу.

Валер. Нам, сударь, все известно.

Сганарель. Коли так, значит, вам известно и почем я торгую.

Валер. Если вам угодно смеяться...

Сганарель. Я и не думаю смеяться, а уступить ничего не могу.

Валер. Ради бога, давайте говорить серьезно.

Сганарель. Другой, может, и продаст дешевле, да вязанка вязанке рознь, а я за свои...

Валер. Ну полно, сударь, морочить нас!

Сганарель. Ей-богу, сдерут с вас втридорога, а таких все равно не достанете.

Валер. Тьфу!

Сганарель. Как бог свят, переплатите. Я вам по чести говорю, у меня без запроса.

Валер. Пристало ли вам, сударь, валять дурака и унижаться до грубых шуток? Чего ради такому ученому человеку, такому прославленному лекарю рядиться в чужое платье и скрывать от людей свой талант?

Сганарель *(в сторону)*. Он сумасшедший!

Валер. Ради бога, сударь, перестаньте нас дурачить.

Сганарель. Как?

Лука. Ей-ей, ни к чему все это шутовство! Уж мы что знаем, то знаем.

Сганарель. Да в чем дело? Чего вы пристали? За кого вы меня принимаете?

Валер. За того, кто вы есть,— за прославленного лекаря.

Сганарель. Сами вы лекарь, а я не лекарь и сроду им не был.

Валер *(Луке, тихо)*. И вправду помешанный! *(Громко.)* Прошу вас, сударь, перестаньте запираться. Не заставляйте нас прибегнуть к крайним мерам.

Сганарель. К чему?

Валер. К действиям, весьма для нас прискорбным.

Сганарель. Черт возьми, да прибегайте к чему угодно! Я не лекарь и не знаю, чего вам от меня надо.

Валер *(Луке, тихо)*. Похоже, что придется пустить в ход то самое средство. *(Громко.)* Сударь! В последний раз прошу вас: признайтесь, кто вы.

Лука. А да ну вас, довольно канителиться! Говорите напрямки, что вы лекарь,— и делу конец.

Сганарель *(в сторону)*. Это начинает меня злить.

Валер. Охота вам запираться, раз мы всё знаем!

Лука. На что вам сдались эти увертки? Какой в них прок?

Сганарель. Раз и навсегда заявляю вам, господа: я не лекарь.

Валер. Не лекарь?

Лука. Не лекарь, говоришь?

Сганарель. Сколько раз вам повторять — нет!

Валер. Ну что ж, если так, ничего не поделаешь!

Валер и Лука берут каждый по палке и бьют его.

Сганарель. Ай-ай-ай! Господа, я готов быть кем угодно!

Валер. Зачем же вы, сударь, заставляете нас так обращаться с вами?

Лука. Охота же вам задавать нам такую работу и самому принимать побои!

Валер. Смею вас уверить, что мне это весьма огорчительно.

Лука. А я так, ей-богу, и впрямь рассердился.

Сганарель. Что это за чертовщина, господа? Смеетесь вы надо мной, или вам и вправду примерещилось, будто я лекарь?

Валер. Как! Вы и сейчас не хотите сознаться и отрекаетесь от своего звания?

Сганарель. Черт побери, да я сроду лекарем не был!

Лука. Выходит, что всё это про вас наврали?

Сганарель. Понятно, наврали, провалиться мне на этом месте!

Валер и Лука снова бьют его.

Ай-ай-ай! Раз вы настаиваете, господа, то я лекарь, лекарь, пускай еще и аптекарь в придачу! Согласен на что хотите, только бы шкура цела осталась.

Валер. Ну вот и отлично, сударь! Я очень рад, что вы наконец образумились.

Лука. Прямо сердце радуется, как заговорили-то хорошо.

Валер. Покорнейше прошу меня простить.

Лука. И на меня не серчайте, что такое дело вышло.

Сганарель *(в сторону)*. Бог ты мой, а может, это я ошибся? Может, я и не приметил, как сделался лекарем?

Валер. Вы не пожалеете, сударь, что открылись нам. Будьте спокойны, вас ждет щедрая награда.

Сганарель. Но скажите, господа, сами-то вы не ошибаетесь? Вы наверняка знаете, что я лекарь?

Лука. С места не сойти, наверняка!

Сганарель. Точно?

Валер. Еще бы!

Сганарель. Черт возьми, а мне-то и невдомек!

Валер. Позвольте, ведь вы же самый искусный лекарь в мире!

Сганарель. Ой-ой-ой!

Лука. Вы же на ноги поставили прорву больных!

Сганарель. Господи помилуй!

Валер. Одну женщину целых шесть часов считали мертвой и уже хоронить собрались, а вы дали ей капельку какого-то лекарства — и она тут же поднялась и стала расхаживать по комнате.

Сганарель. Черт возьми!

Лука. А мальчонка лет двенадцати, что сверзился с колокольни и сломал себе голову, руки и ноги,— не успели вы его смазать какой-то там мазью, как уж он вскочил и побежал играть в бабки.

Сганарель. Наваждение!

Валер. Вы, сударь, не беспокойтесь, вам заплатят столько, сколько вы спросите, если пойдете за нами.

Сганарель. Сколько спрошу?

Валер. Да.

Сганарель. Ну, в таком случае я лекарь, не об чем и разговаривать. Я было запамятовал, а теперь вспомнил. Рассказывайте, в чем дело? Куда идти-то?

Валер. Мы вас проводим. А дело в том, что одна девушка потеряла дар речи.

Сганарель. Ей-богу, я его не находил.

Валер *(Луке, тихо)*. Вот шутник! *(Сганарелю.)* Идемте, сударь.

Сганарель. Как? Без лекарской мантии?

Валер. Это мы раздобудем.

Сганарель *(вручая бутылку Валеру)*. Держите: здесь у меня прохладительное питье. *(Оборачивается к Луке и плюет.)* По предписанию лекаря разотрите этой ногой.

Лука *(Валеру)*. Вот, ей-богу, мне по душе этот лекарь! Сдается мне, он ее вылечит, эдакий выдумщик!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена представляет комнату в доме Жеронта.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жеронт, Валер, Лука, Жаклина.

Валер *(Жеронту)*. Ну, сударь, я думаю, вы останетесь довольны. Мы привели к вам первостатейного лекаря.

Лука. Уж этот-то, черт его дери, все науки произошел. Другие лекари ему и в подметки не годятся.

Валер. Сколько он уже совершил чудесных исцелений!

Лука. Покойников из гроба поднимал!

Валер. Правда, я вам говорил: он малость с придурью, и когда у него ум за разум зайдет, так даже не верится, что он лекарь.

Лука. Очень уж он охоч до шуток. Другой раз кажется, извините за выражение, что у него не все дома.

Валер. Все равно он великий ученый и подчас очень даже умно рассуждает.

Лука. И то правда: как разговорится, ну словно по писаному чешет!

Валер. Его слава уж до наших мест докатилась. Народ к нему валом валит.

Жеронт. Мне не терпится его увидеть. Идите скорей за ним.

Валер. Сейчас предоставим. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жеронт, Лука, Жаклина.

Жаклина. Помяните мое слово, сударь, и этот ничего нового не выдумает. Лечат ее лечат, а все понапрасну: вашей дочке не лекарства надобны, а муженек молодой, здоровый, да такой, чтобы ей по вкусу пришелся.

Жеронт. Ну, пошла! Тебя это, голубушка кормилица, не касается.

Лука. Прикуси-ка язычок, хозяюшка моя Жаклина, не суйся, куда тебя не просят.

Жаклина. Ей-богу же, все эти лекари только и делают, что переливают из пустого в порожнее. Вашей дочке требуется не ревень и не александрийский лист, а муж, от такого пластыря все девичьи недуги как рукой снимет.

Жеронт. Да кто ж ее теперь возьмет? А раньше, когда я хотел выдать ее замуж, она заупрямилась и ни в какую.

Жаклина. Еще бы! За нелюбимого! Отчего вы не отдавали ее за господина Леандра, по котором она вздыхает? Вот тогда бы она вас послушалась. Об заклад бьюсь, что он и такую ее возьмет, только бы вы не перечили.

Жеронт. Леандр ей не пара, он беднее того, другого.

Жаклина. У него дядюшка богач, Леандр его наследник.

Жеронт. Ну нет, лучше синица в руках, чем журавль в небе. Денежки не те, что у дядюшки, а те, что у пазушки. На наследство рассчитывать не приходится, а то можно остаться ни при чем. Смерть не очень-то торопится угождать господам наследникам. Пока ты собираешься пожить на счет умершего родственника, можешь сам с голоду сдохнуть.

Жаклина. А по-моему, что в браке, что в чем другом счастье поважнее богатства. Да вот беда, папеньки и маменьки только и знают что спрашивать: «А много ль у него добра? А много ль за ней дадут?» Вот, к примеру, кум Пьер выдал свою Симонетту за толстого Фому только из-за того, что у него виноградник на четвертушку больше, чем у молодого Робена, в которого она была по уши влюблена. Ну, а получилось что? Бедняжка стала желтая, как айва, ей и богатство в пользу не пошло. Это вам урок, сударь мой! Ведь чего человеку надо? Пожить в свое удовольствие, вот и все. Нет уж, я бы для своей дочки доходы со всей Босы променяла на хорошего да любимого мужа.

Жеронт. Тьфу пропасть, ну и болтунья же вы, кормилица! Замолчите, ради бога! Вы так горячитесь, что у вас молоко перегорит.

Лука *(при каждой фразе, которую он произносит, ударяет Жеронта в грудь)*. Ну полно тебе, дерзкая баба! Хозяин и без твоих советов обойдется. Твое дело — ребенка кормить, а не рассуждать. Хозяин — человек добрый и поумнее тебя будет, он отец своей дочке и сам знает, чего ей надо.

Жеронт. Эй ты, полегче!

Лука *(снова ударяет его в грудь)*. Я, сударь, сейчас ее поучу хорошенько, чтобы знала, как с хозяином разговаривать.

Жеронт. Это бы хорошо, да зачем ты руками размахался?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Валер и Сганарель.

Валер. Сударь! Вот он, наш лекарь.

Жеронт *(Сганарелю)*. Добро пожаловать, сударь, мы очень нуждаемся в вашей помощи.

Сганарель *(в лекарской мантии и остроконечной шляпе)*. Гиппократ сказал... что нам обоим следует надеть шляпы.

Жеронт. Гиппократ это сказал?

Сганарель. Да.

Жеронт. Разрешите полюбопытствовать, в какой именно главе.

Сганарель. В главе... о шляпах.

Жеронт. Ну, коли Гиппократ сказал, так последуем его совету.

Сганарель. Господин лекарь! Наслышавшись рассказов о чудесных...

Жеронт. Позвольте, с кем вы говорите?

Сганарель. С вами.

Жеронт. Я не лекарь.

Сганарель. Вы не лекарь?

Жеронт. Честное слово, нет!

Сганарель. Наверняка?

Жеронт. Наверняка.

Сганарель берет палку и бьет Жеронта.

Ай-ай-ай.

Сганарель. Ну, теперь уж вы лекарь, у меня тоже другой ученой степени сроду не бывало.

Жеронт *(Валеру и Луке).* Да вы мне какого-то черта привели!

Валер. Я ведь вам докладывал, что он большой шутник.

Жеронт. Да, но за такие шутки я его в шею выгоню.

Лука. Не обращайте внимания, сударь, это он так, потехи ради.

Жеронт. Мне такие потехи не по вкусу.

Сганарель. Прошу прощения, сударь, за такую вольность, которую я допустил.

Жеронт. Сделайте одолжение.

Сганарель. Я очень сожалею...

Жеронт. Пустое!

Сганарель. Несколько ударов палкой...

Жеронт. Я их и не почувствовал.

Сганарель. ...которые я имел честь вам нанести...

Жеронт. Стоит ли поминать об этом, сударь? У меня, видите ли, есть дочь, и она занемогла престранной болезнью.

Сганарель. Очень рад, сударь, что ваша дочь нуждается во мне, и от души желаю, чтобы и у вас явилась такая нужда, и у остального вашего семейства, дабы я мог доказать свою готовность вам услужить.

Жеронт. Весьма признателен вам за сердечное участие.

Сганарель. Смею вас уверить, что мои чувства вполне искренни.

Жеронт. Слишком много чести, сударь.

Сганарель. Как звать вашу дочь?

Жеронт. Люсиндой.

Сганарель. Люсинда! Ах, какое прекрасное имя для пациентки! Люсинда!

Жеронт. Пойду посмотрю, что она делает.

Сганарель. А кто эта пышная женщина?

Жеронт. Кормилица моего ребенка. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лука, Жаклина, Валер, Сганарель.

Сганарель *(про себя).* Вот это я понимаю, украшение дома! *(Громко.)* Ах, кормилица, очаровательная кормилица, вся моя медицина — только жалкая раба по сравнению с вашим занятием! Как бы я хотел быть счастливым малюткой, сосущим молоко из ваших прелестей! *(Кладет руку ей на грудь.)* Все мои снадобья, вся моя ученость, все мои таланты — к вашим услугам, и я...

Лука. Покорнейше прошу, господин лекарь, оставьте мою жену в покое.

Сганарель. Как! Это ваша жена?

Лука. Да.

Сганарель. А я и не знал. Рад за вас и за вас тоже, сударыня. *(Делает вид, будто хочет обнять Луку, и обнимает кормилицу.)*

Лука *(отталкивает Сганареля и становится между ним и женой)*. Потише, потише, сударь!

Сганарель. Уверяю вас, я в восторге от того, что вы пребываете в брачном союзе. Я ее поздравляю с таким мужем, а вас, сударь, с такой умной, красивой и статной женой. *(Опять делает вид, что хочет обнять Луку, тот раскрывает объятия, но Сганарель увертывается и снова обнимает кормилицу.)*

Лука *(отталкивает его)*. Эй, эй, нельзя ли без таких поздравлений.

Сганарель. Как! Вы не хотите, чтобы я вместе с вами радовался столь счастливому союзу?

Лука. Со мной радуйтесь сколько вашей душе угодно, а с моей женой не разводите этих антимоний.

Сганарель. Но ведь я одинаково радуюсь за вас обоих, и если я обнимаю вас, чтобы выразить свои чувства, то могу обнять и ее для того же самого. *(Продолжает ту же игру.)*

Лука *(в третий раз отталкивает его)*. Да оставьте вы, господин лекарь, эти шутки!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Жеронт.

Жеронт. Сейчас, сударь, сюда приведут мою дочь.

Сганарель. Я жду ее, сударь, и медицина тоже.

Жеронт. А где же медицина?

Сганарель *(показывая на свой лоб)*. Здесь!

Жеронт. Отлично.

Сганарель. Но так как я интересуюсь всем вашим семейством, то мне нужно еще попробовать молоко кормилицы и освидетельствовать ее грудь. *(Подходит к Жаклине.)*

Лука *(отталкивает его так, что Сганарель невольно делает пируэт)*. Ничего! Ничего! И без этого обойдется!

Сганарель. Лекарь обязан осматривать соски кормилиц.

Лука. Слуга покорный! Эдак еще и не то можно на обязанности свалить.

Сганарель. Что за наглость чинить препятствия лекарю! Пошел вон!

Лука. Как бы не так!

Сганарель *(скосив на него глаза)*. Вот возьму и напущу на тебя лихорадку!

Жаклина *(хватает Луку за руку, да так, что он тоже невольно делает пируэт)*. Убирайся-ка отсюда подобру-поздорову. Я не маленькая и уж сумею за себя постоять, ежели он что-нибудь такое сделает.

Лука. Не желаю, чтобы он тебя щупал!

Сганарель. Скажите на милость! Мужлан, а туда же, ревнует!

Жеронт. Вот моя дочь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Люсинда.

Сганарель. Так это и есть больная?

Жеронт. Да. Она моя единственная дочь, и я буду несчастнейшим человеком в мире, если она умрет.

Сганарель. Этого она не сделает. Умирать без предписания врача не полагается.

Жеронт. Дайте стул.

Сганарель *(усаживается между Жеронтом и Люсиндой)*. Больная очень недурна, и я ручаюсь, что она придется по вкусу любому здоровому мужчине.

Жеронт. Сударь! Вы заставили ее улыбнуться!

Сганарель. Тем лучше. Если лекарь заставляет больного улыбаться — это наилучший признак. *(Люсинде.)* Итак, в чем, собственно, дело? Что с вами? Где вы чувствуете боль?

Люсинда *(показывает рукой на рот, голову и горло)*. Хан-хи-хон-хан!

Сганарель. Что? Что вы там толкуете?

Люсинда *(с той же жестикуляцией)*. Хан-хи-хон-хан-хан-хи-хон!

Сганарель. Чего?

Люсинда. Хан-хи-хон!

Сганарель. Хан-хи-хон-хан-хи! Ни черта не понимаю! Что за тарабарщина такая?

Жеронт. Сударь! В этом и заключается ее болезнь. Она лишилась языка, и никто до сих пор не может определить, отчего с ней стряслась эдакая беда. Из-за этого пришлось отложить ее свадьбу.

Сганарель. Почему?

Жеронт. Жених хочет дождаться, чтобы она выздоровела, и тогда уже вести ее к венцу.

Сганарель. Какой же это дурень отказывается от немой жены? Дал бы господь моей жене заболеть этой болезнью, я бы уж не стал ее лечить.

Жеронт. Мы покорнейше просим вас, сударь, приложить все старания и вылечить мою дочь.

Сганарель. Ну, насчет этого будьте спокойны! А скажите-ка, очень она страдает от своей болезни?

Жеронт. Очень, сударь.

Сганарель. Тем лучше. И сильные у нее бывают боли?

Жеронт. Очень сильные.

Сганарель. Прекрасно! А ходит она кое-куда?

Жеронт. Ходит, сударь.

Сганарель. Обильно?

Жеронт. Мне ничего об этом не известно.

Сганарель. Ну, а консистенция хороша?

Жеронт. Я в таких делах мало что смыслю.

Сганарель *(Люсинде)*. Дайте руку. *(Жеронту.)* Пульс показывает, что ваша дочь нема.

Жеронт. Да, сударь, в этом ее недуг, вы сразу его обнаружили.

Сганарель. Еще бы!

Жаклина. Смотрите! Сразу разгадал, чем она хворает.

Сганарель. Мы, великие медики, с первого взгляда определяем заболевание. Невежда, конечно, стал бы в тупик и нагородил бы вам всякого вздору, но я немедленно проник в суть вещей и заявляю вам: ваша дочь нема.

Жеронт. Так-то оно так, но я бы хотел услышать, отчего это случилось?

Сганарель. Сделайте одолжение. Оттого, что она утратила дар речи.

Жеронт. Хорошо, но назовите мне, пожалуйста, причину, по которой она его утратила.

Сганарель. Величайшие ученые скажут вам то же самое: оттого, что у нее язык не ворочается.

Жеронт. А в чем же вы усматриваете причину того, что он не ворочается?

Сганарель. Аристотель сказал по этому поводу... много хорошего.

Жеронт. Охотно верю.

Сганарель. О, это был великий муж!

Жеронт. Не сомневаюсь.

Сганарель. Подлинно великий! Вот настолько *(показывает рукой)* больше меня. Но продолжим наше рассуждение: я считаю, что язык у нее перестал ворочаться вследствие мокроты, которую мы, ученые, называем дурной, другими словами, дурная мокрота. А так как газы, образуемые испарениями выделений, поднимаясь в область болезней, доходят до... как бы это сказать?.. до... Вы понимаете по-латыни?

Жеронт. Ни слова.

Сганарель *(вскакивая)*. Вы не знаете по-латыни?

Жеронт. Нет.

Сганарель *(вдохновенно)*. *Cabricias arci thuram, catalamus singulariter, nominativo haec Musa* — Муза *bonus, bona, bonum. Deus sanctus, estne oratio latinas? Etiam* — Да! *Quare* — Зачем? *Quia substantivo et adjectivum concordat in generi, numerum et casus.*

Жеронт. Ах, почему я не выучился этому языку!

Жаклина. Вот ученый, так ученый!

Лука. Ох, до чего здорово — ни слова не понимаю!

Сганарель. Так вот, эти газы, о которых я говорил, переходят из левого бока, где помещается печень, в правый, где находится сердце, и бывают случаи, что легкое, *armyan* по-латыни, сообщающееся с мозгом, который по-гречески зовется *nasmus*, посредством полой жилы, по-древнееврейски *cubile*, встречает на своем пути вышеупомянутые газы, скопляющиеся в брюшной полости предплечья, а так как вышеупомянутые газы — слушайте внимательно, прошу вас,— так как вышеупомянутые газы, неся в себе известную толику зловредности... Слушайте, слушайте хорошенько!..

Жеронт. Да-да.

Сганарель. ...неся в себе известную толику зловредности, вызванную... Будьте внимательны, прошу вас!..

Жеронт. Я весь обратился в слух.

Сганарель. ...вызванную едкостью мокрот, скопившихся в углублении у диафрагмы, то в иных случаях эти газы...

Ossabandus, nequeys, nequer, potarinum, quipsa milus — вот причина немоты вашей дочери.

Жаклина. Ах, муженек! Как он все объяснил-то!

Лука. Мне бы господь так язык привесил!

Жеронт. Да, лучше разъяснить невозможно. Вот только что меня смутило, так это насчет сердца и печени. Мне кажется, вы расположили их наоборот: сердце-то ведь помещается слева, а печень справа.

Сганарель. Да, в свое время так считалось, но мы все это изменили. Медицина теперь пользуется новой методой.

Жеронт. Я этого не знал, прошу прощения за свое невежество.

Сганарель. Не беда! Вам позволительно не знать всей нашей премудрости.

Жеронт. Это верно. Но как же вы, сударь, советуете бороться с болезнью?

Сганарель. Как советую бороться с болезнью?

Жеронт. Да.

Сганарель. Мой совет немедленно уложить больную в постель и давать ей как можно больше хлеба, вымоченного в вине.

Жеронт. А это зачем, сударь?

Сганарель. Затем, что в смеси хлеба и вина имеется симпатическая сила, заставляющая язык молоть. Разве вы не знаете, что такой смесью кормят попугаев? Благодаря этому они отлично научаются разговаривать.

Жеронт. Правильно! Вот это я понимаю, ученый! Несите скорее хлеба и вина, да побольше!

Сганарель. Вечером я зайду проверить, каково будет ее самочувствие.

Лука и Валер уводят Люсинду.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Жаклина, Сганарель, Жеронт.

Сганарель *(Жаклине)*. Постойте, куда вы? *(Жеронту.)* Сударь! Вашей кормилице тоже нужно прописать небольшую дозу лекарства.

Жаклина. Что? Мне? Да я себя чувствую отлично.

Сганарель. Вот это-то и плохо, кормилица, вот это-то и плохо. Избытка здоровья тоже следует опасаться. Право, вам очень не вредно будет сделать небольшое кровопусканьице и смягчающий клистирчик.

Жеронт. Вот этой методы, сударь, я никак понять не могу. Зачем делать кровопускание, если человек совершенно здоров?

Сганарель. Напротив, сударь, очень полезная метода. Ведь пьют же для предупреждения жажды, так вот и кровь следует отворять, чтобы предупредить болезнь.

Жаклина *(уходя)*. Благодарю покорно! Не желаю я, чтобы из меня делали ходячую аптеку.

Сганарель. Хоть вы и противница лекарств, а мы все-таки сумеем вас убедить в их полезности.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сганарель, Жеронт.

Сганарель. Позвольте пожелать вам всего наилучшего.

Жеронт. Подождите, пожалуйста.

Сганарель. Что вам угодно?

Жеронт. Я вам сейчас заплачу, сударь.

Сганарель *(пока Жеронт открывает кошелек, протягивает руку за спиной)*. Я не возьму, сударь.

Жеронт. Сударь!

Сганарель. Ни в коем случае.

Жеронт. Одну минутку!

Сганарель. И не говорите!

Жеронт. Прошу вас!

Сганарель. Да что вы, помилуйте!

Жеронт. Тут и говорить не о чем!

Сганарель. Нет, есть о чем!

Жеронт. Ну полно!

Сганарель. Я лечу не из-за денег.

Жеронт. Верю, верю.

Сганарель *(взяв деньги)*. Вес изрядный!

Жеронт. Да, сударь.

Сганарель. Я не корыстолюбив.

Жеронт. Оно и видно.

Сганарель. И платой не интересуюсь.

Жеронт. Я этого и не думал. *(Уходит.)*

Сганарель *(оставшись один, рассматривает деньги)*. Ей-богу, очень недурно, только бы...

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Сганарель, Леандр.

Леандр. Сударь! Я уже давно жду вас. Я пришел умолять вас о помощи.

Сганарель *(щупая ему пульс)*. Да, пульс никуда не годится.

Леандр. Я не болен, сударь, и не за такой помощью к вам обращаюсь.

Сганарель. Ежели вы здоровы, то какого черта вы меня об этом не предупредили.

Леандр. Я все вам сейчас расскажу в двух словах. Меня зовут Леандром, я влюблен в Люсинду, которую вы лечите, но ее отец меня невзлюбил и отказал мне от дома. Вот я и решился просить вас о содействии: помогите мне в одной маленькой хитрости! Мне необходимо перемолвиться с Люсиндой несколькими словами, от которых зависит вся моя жизнь, все мое счастье.

Сганарель. За кого вы меня принимаете? Какая дерзость приглашать меня в пособники ваших сердечных дел, унижать достоинство лекаря подобными предложениями!

Леандр. Сударь, прошу вас, не поднимайте шума!

Сганарель *(наступает на него)*. Нет, я буду шуметь! Вы нахал!

Леандр. Потише, сударь!

Сганарель. Бестолочь эдакая!

Леандр. Ради бога!

Сганарель. Нет, это неслыханная дерзость, я вам покажу, как приставать.

Леандр *(вынимая кошелек)*. Сударь!

Сганарель. С подобными поручениями... *(Берет кошелек.)* Я говорю не о вас, вы порядочный юноша, и я рад оказать вам услугу. Но бывают наглецы, которые принимают человека не за то, что он собой представляет, и меня, откровенно говоря, это просто бесит.

Леандр. Прошу прощения, сударь, за невольно допущенную...

Сганарель. Пустое! Итак, в чем же дело?

Леандр. Надо вам знать, сударь, что болезнь, которую вы собираетесь лечить, притворная. Лекари об ней судили и рядили: один все сваливал на мозг, другой — на кишечник, третий — на селезенку, четвертый — на печень, а вызвана она только любовью. Люсинда притворилась немощной, чтобы избежать ненавистного ей брака... Но я боюсь, как бы нас не увидели вместе. Уйдем отсюда, а по дороге вы узнаете, какой услуги я жду от вас.

Сганарель. Пошли, молодой человек! По какой-то непонятной причине я проникся участием к вашей любви и клянусь моей медициной, что больная либо отдаст богу душу, либо будет принадлежать вам.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена представляет местность недалеко от дома Жеронта.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сганарель, Леандр.

Леандр. Что же, аптекарь из меня хоть куда. А так как ее батюшке я почти на глаза не попадался, то в этом платье и парике он меня ни за что не узнает.

Сганарель. Где уж ему!

Леандр. Теперь мне бы только выучить пять-шесть медицинских слов повысокопарнее, чтобы расцветить свою речь, и я вполне сойду за ученого мужа.

Сганарель. Да на что вам это понадобилось? Хватит с вас ученой одежи. А медицинских слов я знаю не больше вашего.

Леандр. Как?

Сганарель. Черт меня возьми, если я хоть сколько-нибудь смыслю в медицине! Вы честный человек, и я вам доверюсь, как вы доверились мне.

Леандр. Что? Так вы, значит, не...

Сганарель. Ни сном ни духом! Они меня насильно произвели в лекари. Я сроду не помышлял стать ученым и обучался-то без году неделю. С чего это им взбрело на ум, понятия не имею, но когда я увидел, что они всеми правдами и неправдами хотят сделать из меня лекаря, я решил: ладно, на вашу совесть. И странное дело — все вокруг словно с ума посходили! Твердят в один голос, что я ученый, хоть кол на голове теши.

Ко мне сбегаются со всех сторон, и, если дальше так пойдет, я думаю не бросать медицины. Лучшего ремесла, по-моему, не сыщешь, потому тут худо ли, хорошо ли работаешь, все равно тебе денежки платят. За плохую работу никто по шее не дает, а материал — пожалуйста, кромсай, сколько твоей душе угодно. Башмачник, если испортит хоть кусочек кожи,— плати из своего кармана, лекарь испортит человека — и никто ему худого слова не скажет. Выйдет какая-нибудь промашка — не мы виноваты, а тот, кто помер. Да вот еще что хорошо в нашем деле: покойники — люди тихие и скромные, никому не побегут жаловаться на лекарей, которые их уморили.

Леандр. Да, на этот счет покойники — народ надежный.

Сганарель *(заметив приближающихся к нему людей)*. Вон уж, верно, опять идут ко мне за советом. Подите и дожидайтесь меня около дома вашей любезной.

Леандр уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сганарель, Тибо, Перрен.

Тибо. Мы к вашей милости — мой сынок Перрен и я.

Сганарель. А в чем дело?

Тибо. Да вот его матушка, Переттой ее звать, уже полгода с постели не поднимается.

Сганарель *(протягивая руку за деньгами)*. Чего же вам надо от меня?

Тибо. А вы уж ее, сударь, каким-нибудь питьем попотчуйте, чтобы ей малость полегчало.

Сганарель. Надо вперед узнать, какая у нее болезнь.

Тибо. Да признали, что сводянка.

Сганарель. Сводянка?

Тибо. Ну да, ее так и сводит, бедную. И печенка у ней, и утроба, или, как там по-ученому-то, селезень, заместо крови воду из себя выпускают. Говорят, у ней в теле лихи развелись, и ее через два дня на третий каждодневная лихоманка треплет, пот прошибает да в ногах суставы ломит. В горле у моей старухи столько мокрети скопилось, что вот-вот ее задушит, а как корчи и сутолоки начнутся, ну, думаем, конец ей пришел. У нас в деревне, с вашего позволения, есть аптекарь, так он ей чего-чего только не давал. Мне уж в добрый десяток экю встали его, извините за выражение, промывательные, шампанские мухи, что ей ставили, фигстуры из гиацинта да сердечные наливки. Но все, как говорится, не в коня корм. Аптекарь хотел было дать ей этого... как его... разорвотного, да я побоялся, как бы старуха на тот свет не отправилась. Сказывают, будто знаменитые лекари этой штукой невесть сколько народу уморили.

Сганарель *(не убирая протянутой руки)*. К делу, друг мой, к делу!

Тибо. Да мы не за безделкой пришли. Скажите, сударь, что нам делать-то с ней?

Сганарель. Я ничего не понимаю, что вы толкуете.

Перрен. Сударь! Моя матушка больная лежит, и мы вам принесли два экю,— дайте нам какого ни на есть лекарства.

Сганарель. А вот теперь я вас понял. Молодой человек все объяснил просто и понятно. Итак, значит, ваша матушка больна водянкой, и все тело у нее распухло. Далее, она страдает лихорадкой, которая сопровождается болью в суставах, а временами с ней случаются корчи и судороги, иными словами — бессознательное состояние.

Перрен. Так, сударь, ей-богу, так.

Сганарель. Вас я понял с первого слова, а вот батюшка ваш сам не знает, что городит. Следовательно, вы просите у меня лекарства?

Перрен. Так точно, сударь.

Сганарель. Лекарства, которое бы вылечило ее?

Перрен. Да уж мы на вас надеемся.

Сганарель. Нате вам кусок сыру и заставьте вашу матушку его принять.

Перрен. Сыру, сударь?

Сганарель. Да, это сыр с примесью золота, кораллов, жемчуга и прочих драгоценностей.

Перрен. Премного благодарны, сударь. Пойду упрошу ее поскорей его съесть.

Сганарель. Идите. А если она умрет, устройте ей похороны побогаче.

Сцена меняется. Комната в доме Жеронта, та же, что во втором действии.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жаклина, Сганарель, Лука в глубине сцены.

Сганарель. А, вот вы где, прекрасная кормилица! Какая счастливая встреча, дражайшая кормилица! Вы — ревень, крушина, александрийский лист, прочищающий меланхолию моей души!

Жаклина. Ей-ей, господин лекарь, для меня вы уж больно красно говорите, я ведь в вашей латыни ничего не смыслю.

Сганарель. Заболейте, сударыня кормилица, пожалуйста, заболейте, хотя бы из любви ко мне. Я буду счастлив пользовать вас.

Жаклина. Нет уж, увольте, я совсем не люблю, когда меня пользуют.

Сганарель. Как это прискорбно, прекрасная кормилица, иметь такого ревнивого и злого мужа!

Жаклина. Ничего не поделаешь, сударь, это мне за грехи, уж что кому на роду написано.

Сганарель. Бог с вами! Ведь это мужлан, он за вами по пятам ходит, не дает нам словом перемолвиться!

Жаклина. Ну, то, что вы видели,— это еще цветочки.

Сганарель. Шутить изволите! Да неужто у него хватает духу обижать такую женщину, как вы? А я, прекрасная кормилица, знаю человека, тут неподалеку, который был бы счастлив поцеловать хотя бы кончик вашего сосочка! И надо же, чтобы женщина такого телосложения попала в руки скотине, грубияну, тупице, дураку... Простите, кормилица, что я так отзываюсь о вашем муже.

Жаклина. Ох, сударь, кто-кто, а уж я-то знаю, что он заслужил все эти прозвания!

Сганарель. Понятное дело, кормилица, заслужил, он еще заслужил, чтобы вы украсили кое-чем его башку в наказание за ревнивый нрав.

Жаклина. Да, по правде сказать, другая на моем месте его бы уж давно проучила!

Сганарель. Ей-богу, вам бы следовало изменить ему с кем-нибудь. Уверяю вас, он этого вполне заслуживает, и я был бы счастлив, прекрасная кормилица, когда бы ваш выбор пал...

Сганарель протягивает руки, чтобы обнять Жаклину, но Лука просовывает голову и становится между ними. Увидев Луку, Сганарель и Жаклина расходятся в разные стороны.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лука, Жеронт.

Жеронт. Эй, Лука! Не попадался тебе где-нибудь наш лекарь?

Лука. Попадался, черт его дери, да еще с моей женой.

Жеронт. Где же он теперь?

Лука. Не знаю. Хорошо бы, коли в преисподней.

Жеронт. Поди-ка посмотри, что делает моя дочь.

Лука уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Жеронт, Сганарель, Леандр.

Жеронт. Ах, сударь, а я только что спрашивал, где вы!

Сганарель. Я занимался у вас на дворе изгнанием лишней жидкости из своего организма. Как чувствует себя больная?

Жеронт. Хуже после вашего лекарства.

Сганарель. Отлично. Значит, оно действует.

Жеронт. Как бы от его действия она не задохнулась!

Сганарель. Будьте спокойны, у меня есть лекарства от всего на свете. Я только выжидаю, когда начнется агония.

Жеронт *(показывая на Леандра)*. Кого это вы привели с собой?

Сганарель *(жестами поясняет, что это аптекарь)*. Это...

Жеронт. Кто?

Сганарель. ...тот...

Жеронт. Ну?

Сганарель. ...кто...

Жеронт. Да говорите же!

Сганарель. ...надобен вашей дочери.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Люсинда и Жаклина.

Жаклина *(Жеронту)*. Сударь! Вашей дочке захотелось немножко ноги промять.

Сганарель. Это ей очень полезно. Подойдите, господин аптекарь, и пощупайте ей пульс, а потом я с вами поговорю о ее болезни. *(Отводит Жеронта в противоположный конец сцены и держит за плечи так, чтобы тот не мог повернуть голову в сторону Леандра и Люсинды.)* Видите ли, сударь, нас, врачей, очень занимает один важный и сложный вопрос: кого легче вылечивать — мужчин или женщин. Слушайте внимательно, прошу вас! Одни говорят так, другие эдак, а я утверждаю: ни так, ни эдак! Поскольку несоразмерность непроизвольных выделений, встречающихся в организме женщин, является причиной того, что животное начало берет у них верх над духовным, становится понятно, что непостоянство их суждений находится в зависимости от косвенного движения лунного диска, а так как солнце, бросая свои лучи на вогнутую поверхность земли, освещает...

Люсинда *(Леандру)*. О нет, я неспособна изменить своему чувству!

Жеронт. Моя дочь заговорила! О великая сила лекарств! О величайший из лекарей! Я бесконечно обязан вам, сударь, за это чудесное исцеление. Чем смогу я заплатить вам за такое благодеяние?

Сганарель *(прохаживается по сцене и обмахивается шляпой)*. Признаюсь, я приложил немало усилий, чтобы справиться с этой болезнью!

Люсинда. Отец! Я снова обрела дар речи, но только затем, чтобы сказать вам: у меня никогда не будет другого мужа, кроме Леандра, а ваше желание навязать мне Ораса все равно ни к чему не приведет.

Жеронт. Но...

Люсинда. Ничто на свете не поколеблет моего решения.

Жеронт. Как?

Люсинда. Не стоит терять время на уговоры.

Жеронт. Ну, а...

Люсинда. Никакие доводы меня не убедят.

Жеронт. Я...

Люсинда. Мое решение бесповоротно.

Жеронт. Но...

Люсинда. Родительская власть надо мной бессильна — я не выйду замуж за нелюбимого.

Жеронт. А я...

Люсинда. Все ваши усилия тщетны.

Жеронт. Это...

Люсинда. Мое сердце не подчинится вашему тиранству.

Жеронт. Ты...

Люсинда. Я лучше запрусь в монастырь, чем выйду замуж против воли.

Жеронт. Но...

Люсинда *(живо)*. Нет! Ни в коем случае! Не может быть и речи! Вы теряете время! Я не покорюсь! Это решено!

Жеронт. Господи, какое словоизвержение! И никак его не остановишь. *(Сганарелю.)* Сударь! Умоляю вас: сделайте ее опять немой!

Сганарель. Увы, это невозможно. Я могу разве что из особого уважения сделать вас глухим.

Жеронт. Покорно благодарю! *(Люсинде.)* Ты что же это...

Люсинда. Нет! Что бы вы ни говорили, я останусь непреклонна.

Жеронт. Ты нынче же обвенчаешься с Орасом.

Люсинда. Скорей я обвенчаюсь со смертью.

Сганарель *(Жеронту)*. Бог мой, да погодите вы, у меня есть лекарство и от этой болезни! Ведь она одержима недугом, а я знаю, чем его излечить.

Жеронт. Неужто, сударь, вы можете вылечить и мозговое заболевание?

Сганарель. Да. Позвольте мне немедленно приступить к лечению. Я лечу решительно все болезни, а мой аптекарь поможет мне. *(Леандру.)* Одну минутку! Вы видите, что страсть, которую она питает к Леандру, неугодна ее отцу, а посему необходимо действовать немедленно. Соки в ее организме уже окислились, пора начать борьбу с болезнью, ибо, если ее запустить, это может плохо кончиться. Я лично предлагаю дать больной хорошую дозу очистительного побега, смешанную с двумя драхмами брачных пилюль. Не исключено, что она заупрямится и не захочет принять мое лекарство, но вы мастер своего дела и уж как-нибудь заставите ее проглотить эту смесь. Подите прогуляйтесь с ней по саду на предмет подготовки организма, а я тем временем переговорю с ее отцом. Главное, не теряйте времени! Скорее — средство, сильнодействующее средство!

Леандр, Люсинда и Жаклина уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Жеронт, Сганарель.

Жеронт. Какое это снадобье, сударь, вы прописали ей? Никогда в жизни не слыхивал подобных названий.

Сганарель. Это снадобье, к которому мы прибегаем в самых крайних случаях.

Жеронт. Нет, скажите, видана ли подобная дерзость?

Сганарель. Девицы иногда бывают упрямы.

Жеронт. И надо же было ей влюбиться в этого Леандра!

Сганарель. Жаркая кровь мутит молодые головы.

Жеронт. Как только я узнал о безумной страсти моей дочери, я ее посадил под замок.

Сганарель. Правильно поступили.

Жеронт. И сделал все, чтобы воспрепятствовать их встречам.

Сганарель. Отлично.

Жеронт. Не то они уж выкинули бы какую-нибудь штуку.

Сганарель. Без сомнения.

Жеронт. Она могла бы, чего доброго, и удрать с ним.

Сганарель. Разумно сказано.

Жеронт. Меня предупредили, что он всячески ухищряется, чтобы повидать ее.

Сганарель. Какое бесстыдство!

Жеронт. Но у него ничего не получится.

Сганарель. Еще бы!

Жеронт. Я уж позабочусь, чтобы это свидание не состоялось.

Сганарель. Да, он не на такого напал. Где ему с вами тягаться! Вам ума не занимать стать!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Лука.

Лука. Ах, черти! Беда, сударь! Ваша дочка деру дала со своим Леандром! Аптекарь-то этот Леандр и есть! А обстряпал все дельце господин лекарь.

Жеронт. Что? Убит, убит наповал! Полицию сюда! Караульте его хорошенько! Ах, предатель, вам не уйти от суда! *(Уходит.)*

Лука. Провалиться мне на этом месте, господин лекарь, если вас не вздернут на перекладине! Стойте смирно!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сганарель, Лука, Мартина.

Мартина *(Луке)*. О господи! Насилу нашла этот дом! Скажите, пожалуйста, что сталось с лекарем, которого я вам указала?

Лука. Да вот он, только его скоро повесят.

Мартина. Что? Повесят моего мужа? Бог ты мой, да что же он такое натворил?

Лука. Он устроил так, что дочку нашего хозяина похитили.

Мартина. Милый мой муженек! Правда, что тебя хотят повесить?

Сганарель. Сама видишь. Ох, беда!

Мартина. И ты дашь отправить себя на тот свет на глазах у целой кучи людей?

Сганарель. А что я могу сделать?

Мартина. Если бы ты хоть успел хвороста наготовить, я бы уж не так горевала.

Сганарель. Уходи, ты мне сердце надрываешь.

Мартина. Нет, я хочу ободрить тебя в последнюю минуту. Я дождусь, пока тебя повесят.

Сганарель. О-о!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Жеронт.

Жеронт *(Сганарелю)*. Сейчас прибудет комиссар и вас упрячут в такое место, что я буду за вас спокоен.

Сганарель *(на коленях)*. Сударь! Нельзя ли вместо всего этого просто выпороть меня?

Жеронт. Нет, вашу судьбу решит правосудие... Но что я вижу!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, Леандр, Люсинда и Жаклина.

Леандр. Сударь! Перед вами вновь Леандр, и он возвращает вам вашу Люсинду. Мы с ней хотели бежать и тайно обвенчаться, но потом решили поступить благороднее. Я не хочу похищать вашу дочь. Я хочу, чтобы вы сами мне ее отдали. Довожу до вашего сведения, сударь, что я сейчас получил письма, извещающие меня о смерти дядюшки, а ведь я наследник всего его состояния.

Жеронт. Ваше благородство достойно всяческих похвал, и я с величайшей радостью отдаю вам свою дочь.

Сганарель *(в сторону)*. Вот выкрутилась-то медицина!

Мартина. Ну, раз уж тебя не будут вешать, так благодари меня за звание лекаря: ведь ты моими стараниями удостоился этой чести.

Сганарель. А, так это ты исхлопотала мне такую порку?

Леандр *(Сганарелю)*. Конец столь хорош, что, право, следует позабыть о прошлых обидах.

Сганарель. Ну ладно! *(Мартине.)* Прощаю тебе побои, выпавшие на мою долю, за те почести, которые ты мне доставила. Но впредь изволь быть почтительна с таким важным человеком, как я, и помни, что нет ничего страшнее, чем вызвать гнев лекаря.

СКУПОЙ

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гарпагон — отец Клеанта и Элизы, влюбленный в Мариану.
Клеант — сын Гарпагона, возлюбленный Марианы.
Элиза — дочь Гарпагона, возлюбленная Валера.
Ансельм — отец Валера и Марианы.
Валер — сын Ансельма.
Мариана — дочь Ансельма.
Фрозина — посредница в сердечных делах.
Симон — маклер.
Жак — повар и кучер Гарпагона.
Клод — служанка Гарпагона.
Брендавуан } слуги Гарпагона.
Ламерлуш }
Лафлеш — слуга Клеанта.
Комиссар.
Писарь.

Действие происходит в Париже, в доме Гарпагона.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Элиза, Валер.

Валер. Элиза, милая, что ж это? Вы только что уверяли, что никогда не измените мне, а теперь задумались? Я в восторге, а вы вздыхаете? Уж не жалеете ли вы, что меня осчастливили? Или вы раскаиваетесь в том, что уступили моим пламенным чувствам и дали слово?

Элиза. Мне не в чем раскаиваться, Валер. Власть любви так отрадна! У меня не хватило бы сил ей противиться. Но если уж говорить правду, я тревожусь за будущее. Я боюсь, что люблю вас больше, чем следует.

Валер. Чего бояться, Элиза, когда делаешь доброе дело?

Элиза. Ах, многого можно бояться: рассердится отец, станет упрекать семья, осудит свет... Но больше всего боюсь я, Валер, что изменится ваше сердце, что вы станете платить мне преступной холодностью, как это часто бывает, если мы уж очень пылко и доверчиво любим.

Валер. О, не обижайте меня, не судите обо мне по другим! Подозревайте меня во всем, Элиза, но только не в том, чтобы я мог изменить своему долгу. Я слишком сильно люблю вас и буду любить, пока жив.

Элиза. Ах, Валер, не вы один это говорите! Послушать — все мужчины одинаковы, а на деле какая между ними разница!

Валер. Ну так и судите меня по моим делам, а не по мнимым поступкам — это все ни на чем не основанные опасения, плод докучливого воображения. Умоляю вас: будьте справедливы, не добивайте меня чувствительными ударами оскорбительных подозрений, дайте мне время привести вам бесчисленное множество доказательств моей любви.

Элиза. Когда любишь, так охотно веришь! Да, Валер, я думаю, что вы не способны обмануть меня. Я верю, что вы меня действительно любите и никогда мне не измените, я ни в чем не хочу сомневаться, но что обо мне скажут? Вот чего я страшусь.

Валер. Да что же могут сказать?

Элиза. Я бы ничего не боялась, если бы все знали вас так, как знаю я. Вы служите оправданием моим поступкам. Защитой мне служат ваши достоинства, а также признательность к вам, которую мне внушает само небо. Я никогда не забуду этого ужасного случая, благодаря которому мы с вами познакомились, никогда не забуду, с каким удивительным самоотвержением бросились вы за мной в воду и спасли от ярости бурных волн, с какой нежной заботливостью привели меня в чувство, как потом вы были почтительны и терпеливы в своей горячей любви ко мне, которую ни препятствия, ни время не сумели охладить, как ради меня вы забыли своих родных, забыли родные края, остались здесь и, чтоб не расставаться со мной, под чужим именем поступили в услужение к моему отцу. Все это произвело на меня неизгладимое впечатление, иначе я не дала бы вам согласия. Но, быть может, в глазах других людей это не оправдание, я не уверена, что меня поймут.

Валер. Единственная моя заслуга перед вами — это моя любовь. Ваш отец — вот ваше оправдание, если уж оно вам так необходимо. При его страшной скупости, при его строгости к детям и не то еще извинить можно. Простите меня, дорогая Элиза, но тут ничего другого и не скажешь. Как только мне удастся найти отца и мать, нам легко будет с ним сладить. Я с нетерпением жду известий, и, если мои родители запоздают, я сам за ними отправлюсь.

Элиза. Ах, Валер, не оставляйте меня, прошу вас! Старайтесь понравиться отцу — только это сейчас и нужно.

Валер. Я и то стараюсь. Вам известно, к каким я должен был прибегнуть уловкам, чтобы попасть к нему в услужение, как я к нему подлаживаюсь, как я к нему подольщаюсь, чтобы войти в доверие, какую комедию я ломаю перед ним ежедневно, чтобы заслужить его любовь. И я уже вижу большие успехи. Подражай людям в их склонностях, следуй их правилам, потворствуй их слабостям, восторгайся каждым их поступком — и делай из них что хочешь; это самый лучший путь, можно смело играть в открытую, теперь я в этом убежден. Пересаливать не бойся, тут и самый умный человек поймается, как последний дурак, явный вздор, явную нелепость проглотит и не поморщится, если только это кушанье приправлено лестью. Нельзя сказать, чтобы это было честно, но к нужным людям необходимо применяться. Раз другого средства нет, виноват уже не тот, кто льстит, а тот, кто желает, чтобы ему льстили.

Элиза. Хорошо бы вам и с братом подружиться, а то на служанку полагаться опасно — вдруг она вздумает выдать нас?

Валер. С обоими я, пожалуй, не слажу. Они так друг на друга не похожи, что к ним сразу не подделаешься. Лучше уж вы воздействуйте на брата— ведь вы же с ним дружны... Да вот и он. Я ухожу. Поговорите-ка с ним теперь же, только не очень откровенничайте.

Элиза. Не знаю, хватит ли у меня храбрости.

Валер уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Элиза, Клеант.

Клеант. Ты одна, Элиза? Как я рад! Слушай: я должен открыть тебе тайну.

Элиза. Я слушаю тебя внимательно. Что скажешь?

Клеант. Многое скажу, сестра, но в двух словах: я влюблен.

Элиза. Влюблен?

Клеант. Да, влюблен. Но погоди! Я знаю, что завишу от отца и не смею выходить из его воли. Без согласия родителей мы не вправе давать какие бы то ни было обязательства, их желания должны быть нашими желаниями, других мы иметь не можем — так уж судили небеса. Они застрахованы от всяких безумств, а потому у них и ошибок меньше, чем у нас, им виднее, что нам пригодно, что — нет. Благоразумие просвещает, а страсть ослепляет. Увлечения молодости толкают нас к пропасти... Все это я говорю тебе, сестра, для того, чтобы ты мне этого уже не говорила: моя любовь ничего не желает слушать, разуверять меня бесполезно.

Элиза. Ты посватался, Клеант?

Клеант. Нет еще, но это решено. Еще раз прошу тебя: не отговаривай меня.

Элиза. Ты считаешь меня способной на это?

Клеант. Нет, Элиза, но ты не влюблена: ты не знаешь, какую отрадную власть имеет пылкая любовь над сердцами, я боюсь твоей рассудительности.

Элиза. Ах, не будем говорить о моей рассудительности, Клеант! Кто хоть раз в жизни не терял рассудка? Открой я тебе свое сердце, ты, быть может, увидел бы, что я гораздо менее рассудительна, чем ты.

Клеант. О, если бы и твое сердце...

Элиза. Поговорим сначала о тебе. В кого ты влюблен?

Клеант. В молодую девушку, она недавно поселилась неподалеку от нас. Ее достаточно увидеть, чтобы полюбить. Никогда еще природа не создавала ничего более прелестного, с первой же встречи я пришел в восхищение. Зовут ее Марианой, живет она с больной матерью и трогательно заботится о ней, как истинно любящая дочь. Что бы она ни делала, все у нее выходит так мило! Это само очарование, сама нежность, подкупающая доброта, изумительная душевная чистота... Ах, если бы ты увидела ее, Элиза!

Элиза. А я и так ее вижу. Ты ее любишь — этого с меня довольно.

Клеант. Я узнал стороной, что они очень небогаты и при всей своей бережливости еле-еле сводят концы с концами. Представь себе, Элиза, как был бы я рад облегчить нужду любимой девушки и незаметно помочь скромным, хорошим людям. Представь и пойми, каково это мне, что из-за скупости отца я принужден лишить себя этой радости и ничем не могу доказать свою любовь!

Элиза. Да, я понимаю, Клеант, как тебе должно быть горько.

Клеант. То есть так горько, сестра, что и сказать нельзя. В самом деле, что может быть ужаснее этой черствости, этой непонятной скаредности отца? На что нам богатство в будущем, если мы не можем воспользоваться им теперь, пока молоды, если я весь в долгу, оттого что мне жить не на что, если нам с тобой приходится, чтобы мало-мальски прилично одеваться, брать в долг у купцов? Выведай у отца, как он отнесется к моему решению. Коли заупрямится, я уеду с Марианой, бог даст, как-нибудь да проживем. Перехвачу где-нибудь деньжонок. Знаешь что, Элиза, если и ты в таком же положении, как и я, если отец будет нам мешать, уедем оба, бросим его, освободимся наконец от невыносимого гнета его скупости.

Элиза. Да, с каждым днем нам все тяжелее становится жить без матушки и...

Клеант. Я слышу его голос. Уйдем, докончим наш разговор и попробуем совместными усилиями сломить его нрав.

Элиза и Клеант уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гарпагон, Лафлеш.

Гарпагон. Вон сию же минуту, без всяких разговоров! Убирайся, мошенник! Прочь с глаз моих, висельник!

Лафлеш *(про себя)*. Отродясь не видал я такого злого старикашку. Бес в него вселился, прости, господи, мое согрешение.

Гарпагон. Что ты там бормочешь?

Лафлеш. За что вы меня гоните?

Гарпагон. И ты еще спрашиваешь, негодяй? Вон, пока я тебя не исколотил!

Лафлеш. Что я вам сделал?

Гарпагон. Я хочу, чтоб ты убрался,— вот что!

Лафлеш. Ваш сын, сударь, приказал мне дожидаться его.

Гарпагон. Дожидайся на улице, а не у меня в доме. Нечего тебе здесь торчать, высматривать да вынюхивать. Соглядатай! Предатель! Так и следит, так и шарит своими проклятыми глазами, что я делаю, где что плохо лежит, нельзя ли что-нибудь стянуть,— мне это надоело.

Лафлеш. Черта с два у вас что-нибудь стянешь, когда вы все под замком держите да еще день и ночь сторожите!

Гарпагон. Держу под замком — значит, нахожу нужным; сторожу — значит, мне так нравится. Сыщик тоже выискался, до всего ему дело! *(Про себя.)* А что, если он проведал о моих деньгах? *(Громко.)* Уж не вздумал ли ты рассказать где-нибудь, что я деньги прячу?

Лафлеш. А вы-таки прячете?

Гарпагон. Я этого не говорил, бездельник! *(Про себя.)* Как он меня бесит! *(Громко.)* Я спрашиваю: не дернула ли тебя нелегкая рассказывать, что у меня есть деньги?

Лафлеш. Э, что нам за дело — есть у вас деньги, нет ли! Нам от этого ни тепло, ни холодно.

Гарпагон *(замахнувшись, чтобы дать ему пощечину)*. Ты еще рассуждаешь? Я тебя отучу рассуждать... Убирайся вон, в последний раз говорю тебе!

Лафлеш. Хорошо, я уйду.

Гарпагон. Постой! Ты ничего не стащил?

Лафлеш. Что у вас тащить-то?

Гарпагон. Не верю. Покажи руки!

Лафлеш. Вот вам руки.

Гарпагон. Другие!

Лафлеш. Другие?!

Гарпагон. Другие.

Лафлеш. Вот вам другие!

Гарпагон *(показывая на его штаны)*. А туда ничего не спрятал?

Лафлеш. Посмотрите!

Гарпагон *(ощупывая его)*. Эти широкие штаны как раз для того и придуманы, чтоб прятать краденое. Вешать бы тех надо, кто такие штаны носит!

Лафлеш *(про себя)*. Вот он-то как раз и заслуживает того, чего боится, вот бы кого я с радостью обокрал!

Гарпагон. А?

Лафлеш. Что?

Гарпагон. Что это ты говоришь: обокрал?

Лафлеш. Я говорю, что вы меня обыскиваете — думаете, что я вас обокрал.

Гарпагон. Вот-вот! *(Шарит у Лафлеша в карманах.)*

Лафлеш *(про себя)*. Будь прокляты все скряги со всем их скряжничеством!

Гарпагон. Как? Что ты говоришь?

Лафлеш. Что я говорю?

Гарпагон. Ну да! Что ты говоришь о скрягах и о скряжничестве?

Лафлеш. Я говорю: будь они прокляты.

Гарпагон. Кто?

Лафлеш. Скряги.

Гарпагон. А кто они, эти скряги?

Лафлеш. Пакостники и сквернавцы.

Гарпагон. Кто ж они такие?

Лафлеш. Да вы-то из-за чего беспокоитесь?

Гарпагон. Это уж мое дело.

Лафлеш. Вы, может, думаете, что говорю про вас?

Гарпагон. Я думаю то, что думаю, но ты мне должен сказать, кому ты это говоришь.

Лафлеш. Я говорю... Я говорю моей шапке.

Гарпагон. Вот тебе по шапке-то и попадет за это.

Лафлеш. Не можете же вы запретить мне бранить скряг!

Гарпагон. Не могу, но зато я могу заткнуть тебе глотку, чтобы не слышать твоих дерзостей. Молчать!

Лафлеш. Я никого не назвал.

Гарпагон. Я тебя отдую, если ты еще хоть слово скажешь.

Лафлеш. Знает кошка, чье мясо съела!

Гарпагон. Ты замолчишь?

Лафлеш. Замолчу — поневоле.

Гарпагон. А-а!

Лафлеш *(показывает Гарпагону карман своего камзола).* Смотрите, вот еще карман. Теперь вы довольны?

Гарпагон. Ну-ну, отдай сам!

Лафлеш. Да что отдать-то?

Гарпагон. То, что ты взял.

Лафлеш. Я у вас ничего не брал.

Гарпагон. Наверное?

Лафлеш. Наверное.

Гарпагон. Прощай! Пошел ко всем чертям!

Лафлеш *(про себя).* Вот так расчет!

Гарпагон. Грех на твоей душе, ежели что...

Лафлеш уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гарпагон один.

Гарпагон. Этот бездельник вывел меня из себя, видеть не могу хромого пса! Да, немалая забота — хранить у себя много денег. Счастлив тот, кто может держать капитал в надежном месте, а в кармане иметь только на необходимые расходы. Куда их спрячешь? Сундукам я решительно не доверяю: это приманка для воров — на сундуки-то они первым делом и кидаются.

Входят **Клеант** и **Элиза** и тихо говорят между собой.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гарпагон, **Клеант**, **Элиза**.

Гарпагон *(думая, что он один).* Не знаю, хорошо ли я сделал, что зарыл в саду десять тысяч экю, которые мне вчера вернули. Держать десять тысяч экю золотом — это, я вам скажу... *(Заметив Клеанта и Элизу.)* Боже! Я сам себя выдаю! Я увлекся и, кажется, начал думать вслух. *(Клеанту и Элизе.)* Что такое?

Клеант. Ничего, батюшка.

Гарпагон. Вы давно здесь?

Элиза. Только что вошли.

Гарпагон. Вы слышали?

Клеант. Что, батюшка?

Гарпагон. Да вот...

Клеант. Что?

Гарпагон. Что я сказал...

Клеант. Нет.

Гарпагон. Врешь! Врешь!

Элиза. Простите, но...

Гарпагон. Вы кое-что слышали, дело ясное. Это я сам с собой рассуждал, как трудно теперь наживать деньги, говорил, что, мол, счастлив тот, у кого есть десять тысяч экю.

Клеант. Мы боялись подойти, чтобы не помешать вам.

Гарпагон. Я очень рад, что разъяснил вам, а то вы, чего доброго, не так поняли бы меня — вообразили бы, что это я про себя говорю, будто у меня десять тысяч экю.

Клеант. Мы в ваши дела не вмешиваемся.

Гарпагон. Ах, если б у меня было десять тысяч экю!

Клеант. Я не думаю...

Гарпагон. Уж как бы они мне пригодились!

Элиза. Это такое дело...

Гарпагон. Они мне очень нужны.

Клеант. Я полагаю...

Гарпагон. Это бы сильно поправило мои дела.

Элиза. Да вы...

Гарпагон. Я бы тогда не плакался на худые времена.

Клеант. Батюшка! Вам ли плакаться? Всем известно, что вы человек богатый.

Гарпагон. Кто? Я богатый? Врут! Вот уж напраслина! Одни мошенники могут распускать такие слухи.

Элиза. Не сердитесь, батюшка.

Гарпагон. Не диво ли, что родные дети предают меня и становятся моими врагами?

Клеант. Разве сказать, что вы богаты, значит быть вашим врагом?

Гарпагон. Да. Такие разговоры и твое мотовство приведут к тому, что меня скоро зарежут — в надежде, что у меня денег куры не клюют.

Клеант. Какое ж такое мотовство?

Гарпагон. Какое? Да что может быть неприличнее того роскошного костюма, в котором ты шатаешься по городу? Вчера я бранил твою сестру, но это еще хуже. Как тебя еще земля носит? Ты только посмотри на себя — на тебе все с иголочки. Двадцать раз я говорил тебе, Клеант: не нравится мне твое поведение. Строишь из себя маркиза. Чтобы так одеваться, ты должен обкрадывать меня, не иначе.

Клеант. То есть как — обкрадывать?

Гарпагон. А я почем знаю? Ну где ты берешь деньги, чтобы жить так, как ты живешь?

Клеант. Где? Я играю, мне обыкновенно везет, весь выигрыш я на себя и трачу.

Гарпагон. Это очень дурно. Если тебе везет в игре, ты должен этим пользоваться и отдавать деньги в рост, чтобы сберечь их на черный день. Не говоря о чем другом, хотелось бы мне знать, на кой черт все эти ленты, которыми ты увешан с головы до ног? Разве недостаточно полдюжины шнурков, чтобы штаны держались? Зачем тратить деньги на парики, когда можно даром носить свои волосы? Я готов об заклад биться, что твои парики и ленты стоят, по крайней мере, двадцать пистолей, а двадцать пистолей приносят в год восемнадцать ливров шесть су восемь денье — и это только из восьми процентов!

Клеант. Вы правы.

Гарпагон. Оставим это, однако, и поговорим о другом. *(Заметив, что Клеант и Элиза обмениваются знаками.)* Э! *(Про себя.)* Мне сдается, что они замышляют обокрасть меня. *(Громко.)* Что вы там? А?

Элиза. Мы с ним торгуемся, кому первому говорить: мы оба хотим вам кое-что сказать.

Гарпагон. И я вам тоже хочу кое-что сказать.

Клеант. Мы насчет брака, батюшка.

Гарпагон. И я тоже насчет брака.

Элиза. Ах, батюшка!

Гарпагон. Почему «ах»! Что тебя так испугало: слово или самый брак?

Клеант. Брак может испугать нас обоих оттого, что мы не знаем, как вы на него посмотрите. Мы боимся, что наши чувства, пожалуй, не будут согласны с вашим выбором.

Гарпагон. Имейте терпение. Беспокоиться вам решительно не о чем. Я знаю, что́ для вас обоих нужно, вам не придется сетовать на то, как я намерен поступить. Итак... *(Клеанту.)* Скажи: ты видел молодую особу по имени Мариана, что живет недалеко отсюда?

Клеант. Видел, батюшка.

Гарпагон *(Элизе)*. А ты?

Элиза. Я об ней слыхала.

Гарпагон. Как ты находишь, Клеант, эту девушку?

Клеант. Прелестная девушка!

Гарпагон. Какова она?

Клеант. Сама скромность, а уж какая умница!..

Гарпагон. А наружность? Обращение?

Клеант. У нее все хорошо!

Гарпагон. Не правда ли, о такой девушке стоит подумать?

Клеант. О да, батюшка!

Гарпагон. Не правда ли, лучшей жены и желать не надо?

Клеант. Конечно, не надо.

Гарпагон. Не правда ли, из нее выйдет отличная хозяйка?

Клеант. Еще бы!

Гарпагон. И муж будет вполне ею доволен?

Клеант. Вполне.

Гарпагон. Есть, однако, маленькая помеха: боюсь я, что она вся тут, со всем ее приданым.

Клеант. Ах, батюшка, что значит приданое, когда женишься на такой девушке!

Гарпагон. Напрасно ты так говоришь, напрасно! Лучше мы скажем так: нет приданого? Что делать! При умении можно его возместить.

Клеант. Само собой разумеется.

Гарпагон. Ну, я очень рад, что мы сошлись. Ее скромность и кротость очаровали меня, и я решился жениться на ней, лишь бы нашлось у нее хоть что-нибудь в приданое.

Клеант. Ах!

Гарпагон. Ты что?

Клеант. Вы решили?

Гарпагон. Жениться на Мариане.

Клеант. Кто? Вы? Вы?

Гарпагон. Ну да, я! я! Что с тобой?

Клеант. Мне дурно, я должен уйти.

Гарпагон. Это ничего. Ступай на кухню и выпей стакан холодной воды.

Клеант уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гарпагон, Элиза.

Гарпагон. Вот она, нынешняя молодежь! Мокрые куры! Итак, Элиза, насчет себя я решил твердо. Твоего брата я женю на вдове, о которой мне говорили утром, а тебя я выдаю за господина Ансельма.

Элиза. За господина Ансельма?

Гарпагон. Да. Это человек степенный, благоразумный, толковый, ему не больше пятидесяти лет, о богатстве же его всем известно.

Элиза *(приседая)*. Смею вас уверить, батюшка, что я вовсе не хочу идти замуж.

Гарпагон *(передразнивая)*. Смею вас уверить, милая дочка, что вы замуж выйдете.

Элиза *(приседая)*. Не взыщите, батюшка.

Гарпагон *(передразнивая ее)*. Не взыщите, дочка.

Элиза. Я очень уважаю господина Ансельма, но *(приседая)*, как вам будет угодно, я за него не выйду.

Гарпагон. Я ваш покорный слуга, но *(передразнивая ее)* как вам будет угодно, а вы за него выйдете сегодня вечером.

Элиза. Сегодня вечером?

Гарпагон. Сегодня вечером.

Элиза *(приседая)*. Этого не будет, батюшка.

Гарпагон *(передразнивая ее)*. Будет, дочка.

Элиза. Нет!

Гарпагон. Да!

Элиза. Говорят вам — нет!

Гарпагон. Говорят вам — да!

Элиза. Вы меня не заставите!

Гарпагон. Нет, заставлю!

Элиза. Я скорей руки на себя наложу, чем выйду за него.

Гарпагон. Рук ты на себя не наложишь, а за него выйдешь. Нет, какова дерзость! Слыхано ли, чтобы дочь так разговаривала с отцом?

Элиза. А видано ли, чтобы отец так выдавал дочь замуж?

Гарпагон. Против такой партии ничего не скажешь: всякий одобрит мой выбор, хоть сейчас об заклад.

Элиза. Хоть сейчас об заклад, что ни один умный человек вашего выбора не одобрит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Валер.

Гарпагон *(заметив в глубине сцены Валера)*. Вот Валер. Хочешь, отдадимся на его суд?

Элиза. Я согласна.

Гарпагон. И ты подчинишься его решению?

Элиза. Да, что он скажет — тому и быть.

Гарпагон. Чего лучше! Поди сюда, Валер! Мы тебя выбрали судьей, чтобы ты решил, кто из нас прав — она или я.

Валер. Конечно, вы, и толковать не об чем.

Гарпагон. Да ты знаешь ли, о чем у нас речь?

Валер. Нет, но вы не можете быть неправы: вы — олицетворенный разум.

Гарпагон. Я хочу нынче же вечером выдать ее за человека и богатого и степенного, а она, бездельница, смеется мне в глаза и говорит, что не хочет. Что ты на это скажешь?

Валер. Что я на это скажу?

Гарпагон. Да.

Валер. Гм! Гм!

Гарпагон. Что?

Валер. Я скажу, что, в сущности, я на вашей стороне, вы не можете ошибаться, но и у нее, вероятно, есть какие-нибудь основания, так что...

Гарпагон. Господин Ансельм — это ли не партия? Человек благородный, благонравный, положительный, разумный и с большими средствами. От первого брака детей у него нет. Это ли не сокровище?

Валер. Так-то оно так, но она может сказать вам, к чему такая спешка? Нужно хоть немного времени, чтобы проверить свои чувства...

Гарпагон. Случай надо хватать за вихор. Упустишь — другого не дождешься. Ансельм-то ведь берет ее без приданого.

Валер. Без приданого?

Гарпагон. Да.

Валер. А! Ну, тогда другое дело. Это, видите ли, такой убедительный довод... тут уж нечего...

Гарпагон. Что я сберегаю-то при этом?

Валер. Понятно! Какие уж тут возражения? Правда, ваша дочь может сказать, что брак—великое дело. Выйти замуж—значит быть ей счастливой или несчастной на всю жизнь, так что, прежде чем заключить союз до могилы, нужно крепко подумать.

Гарпагон. Без приданого!

Валер. Вы правы. Это решает все, кончено дело. Кто-нибудь, пожалуй, станет убеждать вас, что в подобных случаях нельзя не считаться с сердцем девушки и что слишком большая разница в возрасте, наклонностях и чувствах крайне опасна для супружества.

Гарпагон. Без приданого!

Валер. Да, тут уж ничего не скажешь, дело ясное, тут сам черт рта не разинет. Хотя опять-таки есть немало родителей, которым счастье их дочерей дороже денег; они ни за что не пожертвовали бы этим счастьем ради собственной выгоды и прежде всего позаботились бы о том, чтобы супруги жили ладно, дружно, в радости и в спокойствии, были верны друг другу и чтобы...

Гарпагон. Без приданого!

Валер. Да, правда, молчу! Без приданого! Этим все сказано!

Гарпагон *(про себя, поглядывая в сторону сада).* Ой! Кажется, собака лает. Не добираются ли до моих денег? *(Валеру.)* Не уходи. Я сейчас вернусь. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Элиза, Валер.

Элиза. Что за шутки, Валер?

Валер. Это для того, чтобы не раздражать его и добиться, чего нам надо. Противоречить ему — значит все испортить. Есть такие упрямцы, люди, неуступчивые от природы: на них можно действовать только окольными путями, они не терпят ни малейшего сопротивления, всякая правда ожесточает их, прямым доводам рассудка они не внемлют, им необходимо потакать. Делайте вид, что во всем соглашаетесь с ним, и будет по-вашему, а иначе...

Элиза. Но этот брак, Валер!..

Валер. Подумаем, как бы его расстроить.

Элиза. Думать уже поздно — много ли времени до вечера?

Валер. Попросите отсрочки, притворитесь больной.

Элиза. Я притворюсь, а врач меня выдаст!

Валер. Тоже сказали! Что они понимают, врачи-то? Притворяйтесь смело, какую хотите болезнь выдумывайте — они всему поверят и всему дадут объяснение.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Гарпагон.

Гарпагон *(в глубине сцены, про себя).* Все слава богу.

Валер *(не видя Гарпагона).* Наконец, у нас есть спасение в бегстве. И если ваша любовь, дорогая Элиза, способна устоять... *(Заметив Гарпагона.)* Да, дочь должна повиноваться отцу. Разбирать женихов — не ее дело, а если еще *без приданого,* так уж тут и рассуждать нечего: бери что дают.

Гарпагон. Так! Отлично сказано!

Валер. Простите, сударь, я погорячился и позволил себе взять неподобающий тон.

Гарпагон. Что ты! Да я в восторге, даю тебе над ней полную власть! *(Элизе.)* Теперь уж ты не отвертишься. Ту власть над тобой, которой меня облекло небо, отныне я передаю ему и требую, чтобы ты из его воли не выходила.

Валер *(Элизе)*. Попробуйте теперь меня ослушаться!

Элиза уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Валер, Гарпагон.

Валер. Я пойду за ней, сударь, и буду продолжать наставлять ее.

Гарпагон. Ты меня очень этим обяжешь...

Валер. Ее надо держать в ежовых рукавицах.

Гарпагон. Это верно. Тем более что...

Валер. Не беспокойтесь. Я уверен в успехе.

Гарпагон. С богом, с богом! А мне необходимо отлучиться ненадолго.

Валер *(направляется к выходу и, дойдя до двери, как бы обращается к Элизе)*. Да, деньги важнее всего на свете. Вы должны благодарить за то, что у вас такой отец. Он знает жизнь. Когда предлагают взять девушку *без приданого*, вперед заглядывать нечего. *Без приданого* — это все, это заменяет красоту, молодость, знатное происхождение, честь, благоразумие, скромность.

Гарпагон. Славный малый! Что ни слово, то перл. Хорошо, что у меня такой слуга!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клеант, Лафлеш.

Клеант. Негодяй ты этакий! Где ты пропадаешь? Ведь я приказал тебе...

Лафлеш. Точно так, сударь, я хотел вас дождаться во что бы то ни стало, но ваш батюшка — неучтивый он человек, доложу я вам,— прямо-таки выгнал меня и едва не прибил.

Клеант. Как наше дело? Обстоятельства нас торопят: оказывается, отец — мой соперник.

Лафлеш. Ваш батюшка влюбился?

Клеант. Да. И чего мне стоило скрыть от него мое волнение, когда я узнал об этом!

Лафлеш. Ему влюбляться? Что за блажь! Уж не лукавый ли его попутал? Издевается он над добрыми людьми, что ли? Таким ли, как он, влюбляться!

Клеант. За грехи мои, должно быть, пришло это ему в голову.

Лафлеш. Что же вы не открылись ему?

Клеант. Не хотел возбуждать в нем подозрений, иначе мне трудно будет расстроить этот брак... Ну, какой ответ?

Лафлеш. Ей-богу, сударь, занимать деньги — чистая беда: попадешь в лапы к ростовщикам, как вы, например,— всего натерпишься.

Клеант. Полный отказ, стало быть?

Лафлеш. Нет, почему? Наш Симон — это, я вам доложу, маклер, каких мало,— говорит, что он для вас все вверх дном перевернул. Уверяет, что вы одним своим видом пленили его.

Клеант. Так я получу пятнадцать тысяч франков?

Лафлеш. Да, но только в том случае, если вы согласитесь на некоторые условия.

Клеант. Посылал он тебя к заимодавцу?

Лафлеш. Что вы! Да разве так дела делаются? Тот еще старательнее прячется, чем вы: здесь такая таинственность, что вы и представить себе не можете. Он ни за что не откроет своего имени. А сегодня вас сведут с ним в чужом доме, и вы скажете ему про ваше состояние и семейное положение. Ну, конечно, как только он узнает, кто ваш отец,— дело устроится.

Клеант. Тем более что мое состояние — материнское, оттягать его нельзя.

Лафлеш. А вот его условия — он сам продиктовал их Симону, чтобы тот предъявил их вам, прежде чем вести дальнейшие переговоры: «Если заимодавец сочтет себя в достаточной мере обеспеченным, заемщик же достиг совершеннолетия и принадлежит к семейству, обладающему изрядным, прочным, верным, чистым и свободным от долгов состоянием, надлежащей точности обязательство будет подписано у благонадежного нотариуса, по выбору заимодавца, для которого в особенности важно, чтобы настоящий договор соответствовал всем требованиям закона...»

Клеант. Против этого ничего нельзя сказать.

Лафлеш. «Заимодавец, дабы не испытывать ни малейших угрызений совести, желает ссудить требуемую сумму лишь из пяти процентов...»

Клеант. Из пяти процентов? Это по-божески. Грех жаловаться.

Лафлеш. Что верно, то верно. «Но так как вышеупомянутый заимодавец не располагает требуемой суммой и для удовлетворения заемщика вынужден занять таковую у другого лица из двадцати процентов, то эти последние — само собой разумеется — должны быть уплачены тем же заемщиком ввиду того, что вышеупомянутый заимодавец совершает заем единственно из одолжения...»

Клеант. Ах, черт возьми! Да ведь это жид, да ведь это арап! Ведь это уж выходит из двадцати пяти!

Лафлеш. Совершенно верно, я так и говорил. Подумайте.

Клеант. Да что тут думать! Мне деньги нужны, поневоле согласишься.

Лафлеш. Я так и сказал.

Клеант. Еще что-нибудь есть?

Лафлеш. Еще одно маленькое условие: «Из требуемой суммы в пятнадцать тысяч франков заимодавец может выдать наличными деньгами лишь двенадцать тысяч; остальные три тысячи заемщик обязуется принять вещами, поименованными в прилагаемой описи, по произведенной вышеупомянутым заимодавцем умеренной и добросовестной оценке...»

Клеант. Что это значит?

Лафлеш. «Во-первых, кровать на четырех ножках — покрывало оливкового цвета, весьма искусно отделано венгерским кружевом,— стеганое одеяло и полдюжины стульев. Все в полной исправности, одеяло и покрывало подбиты легкой тафтой красного и голубого цвета. Далее, полог из добротной омальской саржи цвета засохшей розы, с позументами и шелковой бахромой...»

Клеант. Куда мне это, на что?

Лафлеш. Постойте. «Далее, тканые обои с узорами, изображающими приключения двух любовников — Гамбо и Масеи. Далее, большой раздвигающийся стол орехового дерева на двенадцати точеных ножках; к нему шесть табуретов...»

Клеант. На кой мне это черт!

Лафлеш. Имейте терпение. «Далее, три мушкета крупного калибра, выложенные перламутром, к ним три сошки. Далее, кирпичная перегонная печь с двумя колбами и тремя ретортами — вещь необходимая для любителей перегонки...»

Клеант. Сил моих нет!

Лафлеш. Не волнуйтесь. «Далее, болонская лютня с почти полным комплектом струн. Далее, бильярд, шашечница, а также гусек, игра древних греков, ныне снова вошедшая в моду,— во все эти игры приятно поиграть от нечего делать. Далее, чучело ящерицы, длиной в три с половиной фута,— эту диковину можно привесить к потолку для украшения комнаты. Все вышеупомянутые предметы, стоящие никак не менее четырех с половиной тысяч ливров, заимодавец из любезности готов уступить за тысячу экю».

Клеант. Провались он со своей готовностью, кровопийца гнусный! Слыхано ли что-нибудь подобное? Мало ему чудовищных процентов — он еще хочет навязать мне хламу всякого вместо трех тысяч ливров! Да я и двухсот экю за него не выручу!.. И все-таки приходится согласиться, разбойник приставил мне нож к горлу и дохнуть не дает.

Лафлеш. Не прогневайтесь, сударь, но залезать в долги, дорого покупать, дешево продавать, съедать хлеб на корню — это прямой путь к разорению: вспомните Панурга!

Клеант. А что прикажешь делать? Вот до чего наши отцы доводят нас своей проклятой скупостью! Можно ли после этого удивляться, что мы желаем их смерти?

Лафлеш. По правде говоря, скаредность вашего батюшки хоть кого выведет из терпения. Я, благодаря бога, к мошенническим проделкам не очень склонен, и хоть наш брат не прочь поживиться где можно, но я знаю меру и умею увертываться от всего, что мало-мальски пахнет виселицей, однако, глядя на вашего батюшку, меня, сознаюсь, так и подмывает обокрасть его, и я даже думаю, что это было бы доброе дело.

Клеант. Покажи-ка мне опись...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Гарпагон и Симон.
Клеант и Лафлеш в глубине сцены.

Симон. Да, сударь, этот молодой человек нуждается в деньгах. Обстоятельства его таковы, что он заранее согласен на все ваши условия.

Гарпагон. А вы уверены, Симон, что это дело безопасное? Известно ли вам имя, имущество и семейное положение того, о ком вы говорите?

Симон. Нет. Мне известно о нем очень мало — меня случайно указали ему. Но вам-то он, конечно, все расскажет, его человек уверял меня, что вы останетесь им довольны. Знаю только, что он из богатой семьи, что его мать умерла и что он ждет смерти отца не позже как через восемь месяцев, в чем даже готов выдать вам расписку.

Гарпагон. Все это похоже на дело. Любовь к ближнему, Симон, обязывает нас по мере возможности оказывать помощь.

Симон. Разумеется.

Лафлеш *(узнав Симона, Клеанту, тихо)*. Что это? Наш Симон говорит с вашим батюшкой.

Клеант *(Лафлешу, тихо)*. Неужто Симон узнал, кто я такой? Не ты ли меня выдал?

Симон *(Клеанту и Лафлешу)*. Э, вы поторопились! Кто вам сказал, что это здесь? *(Гарпагону.)* Они явились сюда не по моей вине, сударь,— я им не говорил, как вас зовут и где вы живете. Но я думаю, что большой беды в этом нет: я уверен в их скромности. Вам остается только объясниться с ними.

Гарпагон. Как!

Симон *(указывая на Клеанта)*. Вот он, молодой человек, который желает занять у вас пятнадцать тысяч ливров.

Гарпагон. Бездельник! Так это ты дошел до такого безобразия?

Клеант. Батюшка! Так это вы занимаетесь такими нехорошими делами?

Симон убегает, Лафлеш прячется.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клеант, Гарпагон.

Гарпагон. Так это ты намерен разорить себя постыдными займами?

Клеант. Так это вы наживаетесь на предосудительном ростовщичестве?

Гарпагон. И после этого ты осмеливаешься показываться мне на глаза?

Клеант. И после этого вы осмеливаетесь смотреть в глаза добрым людям?

Гарпагон. Дойти до такого беспутства, влезть в неоплатные долги, бессовестно размотать состояние, в поте лица скопленное родителями,— да где у тебя стыд?

Клеант. Опозорить себя подобного рода сделками, пожертвовать добрым именем ради наживы, превзойти в утонченном лихоимстве самых отъявленных кровопийц,— и вы не краснеете?

Гарпагон. С глаз долой, негодяй! С глаз долой!

Клеант. Кто, по-вашему, хуже: тот ли, кто нуждается в деньгах и достает их за деньги, или тот, кто их грабит и не знает, что с ними делать?

Гарпагон. Убирайся, говорят тебе! Не выводи меня из терпения!

Клеант уходит.

Нет худа без добра, теперь уж я буду глядеть за ним в оба!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гарпагон, Фрозина.

Фрозина. Сударь!

Гарпагон. Подожди. Я сейчас вернусь и поговорю с тобой. *(Про себя.)* Посмотрю, что-то мои денежки! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Фрозина, Лафлеш.

Лафлеш *(не видя Фрозины).* Вот так приключение! Должно быть, у него целый склад всякой рухляди, в описи нет ни одной знакомой вещи.

Фрозина. А, это ты, Лафлеш! Как ты сюда попал?

Лафлеш. Батюшки! Фрозина! Ты здесь зачем?

Фрозина. Все за тем же: устраиваю делишки, оказываю услуги, насколько хватает умения. Без этого теперь и на свете не прожить, сам знаешь: такие люди, как я, только ловкостью да пронырством и сыты.

Лафлеш. У тебя какие-нибудь дела с хозяином этого дома?

Фрозина. Да, есть у нас с ним дельце, надеюсь поживиться.

Лафлеш. От него-то? Ну уж... Честь тебе и слава будет, если ты хоть что-нибудь из него вытянешь! Должен тебя предупредить, что здесь деньги в большой цене.

Фрозина. Услуга услуге рознь.

Лафлеш. Как бы не так! Ты, видно, еще не знаешь господина Гарпагона. Господин Гарпагон из всех человеческих существ существо самое бесчеловечное, это не простой смертный, а смертный грех. Нет такой услуги, которая бы заставила его из благодарности раскошелиться. Насчет похвалы, знаков уважения, благосклонности на словах, дружбы — это сколько угодно, а вот насчет денег — ни-ни! Его любезности и ласки сухи и бесплодны. Нет для него хуже слова, чем дать; он никогда не скажет — дам, а непременно — ссужу.

Фрозина. Господи боже мой! Меня-то уж не учить, как людей выдаивать. Я кого хочешь разжалоблю, до любого сердца достучусь, ни одного слабого местечка без внимания не оставлю.

Лафлеш. Все это здесь ни к чему. Посмотрю я, как ты его разжалобишь по части денег! Это чистый турок, да и турок-то из самых безжалостных. Околевай на его глазах — он и не пошевельнется. Одним словом, деньги для него дороже славы, дороже чести, дороже добродетели. Один вид просящего вызывает у него судороги. Попросить у него — это значит бить его по больному месту, пронзить ему сердце, вытянуть из него внутренности, и если... Идет! Прощай! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Фрозина, Гарпагон.

Гарпагон *(про себя)*. Все в порядке. *(Громко.)* Ну что, Фрозина?

Фрозина. Ах, как вы прекрасно выглядите! Сразу видно, что вы вполне здоровы!

Гарпагон. Кто? Я?

Фрозина. Я еще никогда не видала вас таким свежим и бодрым.

Гарпагон. В самом деле?

Фрозина. Я думаю, во всю свою жизнь вы не были таким молодцом, как теперь; я знаю двадцатипятилетних — старики перед вами!

Гарпагон. Однако, Фрозина, мне уже шестьдесят.

Фрозина. Ну и что же? Шестьдесят лет! Подумаешь, как много! Самый что ни на есть цветущий возраст, лучшая пора для мужчины.

Гарпагон. Пожалуй. А все-таки лет двадцать с плеч долой было бы не худо.

Фрозина. Полно! Никакой вам в этом надобности нет: вы и так сто лет проживете.

Гарпагон. Ты думаешь?

Фрозина. Непременно. По всем приметам. Покажитесь-ка!.. Ну так и есть: между бровей складка — это к долголетию.

Гарпагон. Ты в этом что-нибудь смыслишь?

Фрозина. Еще бы не смыслить! Дайте руку... Господи боже мой, и конца-то не найдешь!

Гарпагон. Чему?

Фрозина. Видите, до какого места эта линия доходит?

Гарпагон. А что это означает?

Фрозина. Хотите — верьте, хотите — нет, я сказала — сто, так еще двадцать накиньте!

Гарпагон. Врешь!

Фрозина. На вас и смерти нет, прямо вам скажу. Вы еще детей и внуков похороните.

Гарпагон. Тем лучше! Как наши дела?

Фрозина. И спрашивать нечего. Когда-нибудь я не исполняла, за что бралась? А уж где сватовство, там на меня смело положитесь. Нет такой свадьбы на свете, какой бы я живо не состряпала. Кажется, приди мне только в голову — турецкого султана женила бы на республике венецианской. Наше-то дело, конечно, полегче. И мать и дочь хорошо меня знают, и я наговорила им о вас с три короба. Матери успела шепнуть, что вы не раз видели Мариану на улице и у окна и какие у вас на ее счет намерения.

Гарпагон. Что ж она?

Фрозина. Обрадовалась. А когда я ей сказала, что вы хотите сегодня же вечером свадебный контракт подписать,— понятно, чтоб и невеста тут же была,— она сейчас же согласилась и дочку мне поручила.

Гарпагон. Видишь ли, Фрозина, мне пришлось позвать сегодня на ужин господина Ансельма, так вот хорошо бы заодно и Мариану угостить...

Фрозина. Это правда. После обеда она сделает визит вашей дочери, потом хотела побывать на ярмарке, а оттуда и на ужин.

Гарпагон. Так они вместе поедут — я могу ссудить им свою карету.

Фрозина. Вот и прекрасно!

Гарпагон. А насчет приданого, Фрозина, был у вас разговор с матерью? Ты ей сказала, что для такого случая она должна хоть что-нибудь придумать, хоть как-нибудь изловчиться, извернуться? Нельзя же, в самом деле, чтобы девушка так-таки ровно ни с чем замуж выходила!

Фрозина. Как — ни с чем? Да она вам принесет двенадцать тысяч ливров годового дохода.

Гарпагон. Двенадцать тысяч ливров годового дохода?

Фрозина. Ну да. Во-первых, выращена и воспитана она в большой воздержанности: салат, молоко, сыр, яблоки — вот и вся ее пища, а разных там закусок да пирожных, всяких разносолов, как другие привыкли, для нее хоть бы и не было; стоит же все это немало — уж три тысячи франков в год кладите. Кроме того, она любит ходить опрятно, но без всякой роскоши, не надо ей ни платьев нарядных, ни уборов драгоценных, ни мебели великолепной, до чего все женщины такие охотницы, а ведь эта статья принесет вам более четырех тысяч ливров в год. Наконец, никакой игры она не выносит, а возьмите-ка нынешних барынь и барышень! Я знаю одну из здешних: в этом году двадцать тысяч проиграла. Но мы меньше положим, вчетверо меньше. Выходит, стало быть, пять тысяч франков на игру, четыре тысячи франков на наряды и уборы — это девять, да тысячу экю на стол... Двенадцать тысяч франков ровнехонько!

Гарпагон. Да, это, конечно, недурно, но существенного-то я здесь ничего не вижу.

Фрозина. Скажите на милость! Какую же вам еще жену надо? Не щеголиха, не мотовка, не картежница — это все несущественно, по-вашему?

Гарпагон. Ты говоришь, что она на то-то и то-то не будет тратиться — и вот, мол, ее приданое. Да это насмешка, а не приданое. Не могу я выдать расписку в том, чего не получал; ты мне в руки дай, чтобы я чувствовал!

Фрозина. Господи, да вы почувствуете! Они мне еще говорили, что у них имение где-то есть — вам же достанется.

Гарпагон. Это надо проверить. И еще одно, Фрозина, меня беспокоит: Мариана молода, как ты знаешь, а молодежь льнет к молодежи. Боюсь я, не стар ли я для нее и не завела бы она у меня в доме новых порядков, от которых мне, пожалуй, плохо придется.

Фрозина. Ах, как мало вы ее знаете! Она и тут на других не похожа. Вот что я вам скажу: молодых людей она терпеть не может, а стариков обожает.

Гарпагон. Кто? Она?

Фрозина. Да-да. Послушали бы вы ее! На молокососов, говорит, и смотреть, говорит, мне противно, а уж как увижу старика с почтенной бородой — так сама не своя. Чем старее, тем для нее лучше, так что вы своих лет перед ней не скрывайте. Ей подавай шестидесятилетнего. Четыре месяца назад совсем было уж замуж вышла, да жених сказал, что ему пятьдесят шесть, и контракт без очков стал подписывать — ну и расстроилось дело.

Гарпагон. Только из-за этого?

Фрозина. Только из-за этого. Мне, говорит, пятидесяти шести мало, да и что, говорит, за нос, когда на нем очков нет!

Гарпагон. Поди ж ты! Сколько на свете живу — в первый раз такое слышу.

Фрозина. Да это еще что! В комнате у нее висят картины и гравюры. Вы думаете небось: Адонисы да Кефалы, Парисы да Аполлоны? Нет-с, извините, прекрасные изображения Сатурна, царя Приама, престарелого Нестора, добродетельного Анхиза, спящего на плечах у своего сына.

Гарпагон. Поразительно! Вот уж никогда бы не подумал. Я очень рад, что у нее такой вкус. В самом деле, будь я женщина, я бы тоже не любил молокососов.

Фрозина. Понятно! А за что их любить-то, дрянь такую? Кто на них, на сопляков да на мотов, польстится? И чем, собственно, они могут нравиться, желала бы я знать?

Гарпагон. Я, по крайней мере, решительно этого не понимаю и удивляюсь, за что их женщины так любят.

Фрозина. Дуры, одно слово. Разве здравомыслящая девушка польстится на молодость? Все эти красавчики — да разве это мужчины? Что в них привлекательного?

Гарпагон. Я каждый день твержу то же самое. Петушиные голоса, кошачьи усики, парики из пакли, штаны чуть держатся, живот наружу...

Фрозина. Да, уж хороши, особенно как с вами сравнишь! Вот это мужчина, есть на что посмотреть! Вот как надо одеваться, чтобы понравиться!

Гарпагон. Так, по-твоему, я ничего?

Фрозина. Просто прелесть! На картину проситесь! Повернитесь, пожалуйста... Лучше не надо! Пройдитесь... Телосложение изящное, осанка молодецкая, движения свободные, и никаких болезней не заметно.

Гарпагон. Да я никаких особенных болезней, слава богу, и не знаю. По временам только одышка одолевает.

Фрозина. Это пустяки. Одышка вас не портит: когда вы кашляете, так оно даже как-то мило выходит.

Гарпагон. Скажи ты мне вот что: Мариана никогда не видела меня? Хоть мельком?

Фрозина. Никогда. Но мы много говорили с ней о вас. Я уж как следует расписала и на все лады расхвалила: такого, мол, мужа днем с огнем поискать.

Гарпагон. Умница! Спасибо тебе.

Фрозина. У меня к вам, сударь, небольшая просьба. Я веду тяжбу и могу проиграть ее — деньжонок не хватает.

Гарпагон хмурится.

Я бы ее легко выиграла, если б только вы были так добры... Вы не поверите, как она рада будет вас видеть!

Гарпагон снова принимает веселый вид.

Ах, как вы ей понравитесь! Ваши старомодные брыжи произведут на нее неотразимое впечатление. А про штаны, привязанные шнурками к камзолу, и говорить нечего: она с ума сойдет от восторга. Жених в штанах со шнурками! Да она будет на седьмом небе!

Гарпагон. Отрадно слышать.

Фрозина. Так вот, сударь, эта тяжба очень для меня важна.

Гарпагон хмурится.

Если проиграю — вконец разорюсь, а не бог весть сколько мне и нужно-то... Если б вы видели, с каким восторгом она меня слушала, когда я говорила о вас!

Гарпагон снова принимает веселый вид.

Глазки так и сверкали, а уж я-то старалась!.. И довела ее наконец до того, что сейчас, говорит, хочу за него замуж, сию минуту!

Гарпагон. Разодолжила ты меня, Фрозина! Так разодолжила, что не знаю, чем и отблагодарить тебя.

Фрозина. Так вот вы, сударь, мне и помогите.

Гарпагон хмурится.

Тогда я поправлюсь и век буду за вас бога молить.

Гарпагон. Прощай! Мне нужно дописать письма.

Фрозина. Клянусь вам, сударь, что вы меня выручили бы из большой беды.

Гарпагон. Я велю заложить карету, чтобы везти вас на ярмарку.

Фрозина. Если б не крайность, я бы не докучала вам.

Гарпагон. А ужин закажу пораньше — на ночь есть вредно.

Фрозина. Не откажите, будьте благодетелем!.. Ах, сударь! Если б вы знали, какая радость...

Гарпагон. Мне надо идти. Меня зовут. До скорого свидания! *(Уходит.)*

Фрозина *(одна)*. А, чтоб тебя, старый пес! Ничем не проймешь его, скареда. Ну да я этого дела не оставлю. Не с этого, так с другого конца, а уж я свое возьму!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гарпагон, Клеант, Элиза, Валер, Клод, Жак,
Брендавуан, Ламерлуш.

Гарпагон. Ну, все сюда! Я вам отдам приказания на сегодня и распределю обязанности. Подойди, Клод! Начнем с тебя.

В руках у Клод половая щетка

Ты уже во всеоружии, это хорошо. Твое дело — позаботиться, чтобы везде было чисто, но как можно осторожнее обращайся с мебелью, не три ее очень — испортишь. Кроме того, во время ужина ты должна смотреть за бутылками: пропадет ли какая, разобьется ли — ты жалованьем своим отвечаешь.

Жак *(про себя)*. Хитро придумано.

Гарпагон *(к Клод)*. Ступай.

Клод уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гарпагон, Клеант, Элиза, Валер, Жак, Брендавуан,
Ламерлуш.

Гарпагон. Брендавуан и Ламерлуш! Вы будете полоскать рюмки и подавать вино, но только в случае надобности; не берите примера с тех болванов слуг, которые сами навязываются, когда иной, может быть, и думать забыл о вине. Ждите, пока попросит раз-другой, да чтоб воды побольше на столе было.

Жак *(про себя)*. Ну еще бы! С чистого-то вина сразу охмелеешь.

Ламерлуш. Кафтаны снять, сударь?

Гарпагон. Да, когда начнут съезжаться гости, но смотрите, не запачкайте платья.

Брендавуан. Вам известно, сударь, что у меня на камзоле спереди жирное пятно.

Ламерлуш. А у меня, сударь, сзади штаны разорваны, так что, извините за выражение, видна...

Гарпагон. Довольно! Поворачивайся к гостям больше передом, а задом к стене. *(Брендавуану, показывая, как нужно держать шляпу, чтобы прикрыть пятно.)* А ты, когда будешь прислуживать, держи шляпу вот так.

Брендавуан и Ламерлуш уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гарпагон, Клеант, Элиза, Валер, Жак.

Гарпагон. Ты, Элиза, наблюдай за тем, как будут убирать со стола — чтобы все цело было. Это как раз занятие для девушки. А пока что приготовься достойно принять мою невесту и поезжай с ней на ярмарку. Слышишь, что я говорю?

Элиза. Слышу, батюшка. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гарпагон, Клеант, Валер, Жак.

Гарпагон. А ты, сынок, бесценный,— я простил тебе сегодняшний случай, так ты и подавно не вздумай встретить ее с кислой миной.

Клеант. С кислой миной? Да из-за чего?

Гарпагон. Боже ты мой! Известно, как ведут себя дети, когда их отцы вторично женятся, и как они смотрят на свою мачеху. Если ты хочешь, чтобы я забыл твою выходку, то изволь быть как можно любезнее и предупредительнее.

Клеант. Откровенно говоря, батюшка, я вовсе не рад тому, что она будет моей мачехой, что ж мне вас обманывать! А что касается любезности и предупредительности, то это я вам обещаю.

Гарпагон. Да уж, постарайся.

Клеант. Останетесь довольны.

Гарпагон. Ну и хорошо.

Клеант уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гарпагон, Валер, Жак.

Гарпагон. Ты мне нужен, Валер. Поди-ка сюда, Жак, теперь и до тебя очередь дошла.

Жак. С кем вы желаете говорить, сударь: с кучером или с поваром? Я ведь у вас и то и другое.

Гарпагон. И с тем и с другим.

Жак. А с кем сначала?

Гарпагон. С поваром.

Жак. Сию минуту. *(Снимает кучерской кафтан и остается в одежде повара.)*

Гарпагон. На кой черт это переодевание?

Жак. Что прикажете?

Гарпагон. Сегодня, Жак, у меня будет ужин.

Жак *(про себя)*. Что за чудеса!

Гарпагон. Можешь расстараться?

Жак. За хорошие деньги.

Гарпагон. Провались ты! Опять деньги! Только и слышишь от них: «Деньги! Деньги! Деньги!» Привязались: давай им денег. Все о деньгах! Ни шагу без денег!

Валер. Глупее этого ответа я ничего не слыхал. Эко диво — приготовить хороший ужин за хорошие деньги! Это легче легкого, так-то всякий дурак справится. Нет, уж коли ты мастер своего дела, так давай говорить о хорошем ужине, но подешевле.

Жак. О хорошем ужине, но подешевле?

Валер. Да.

Жак. Сделайте милость, господин дворецкий, откройте нам секрет. Возьмите уж на себя и мои обязанности, благо вы здесь все в свои руки забрали.

Гарпагон. Перестань! Так что же тебе требуется?

Жак. Да вот, дворецкий приготовит вам хороший ужин подешевле.

Гарпагон. Я спрашиваю не его, а тебя.

Жак. На сколько персон?

Гарпагон. Будет человек восемь—десять, но готовить надо не больше, как на восемь. Где сыты восемь, там сыты и десять.

Валер. Понятно.

Жак. Ну, стало быть, четыре перемены. Пять сортов закусок, суп, заливное...

Гарпагон. Да ты что, черт тебя побери, намерен целый город накормить?

Жак. Жаркое...

Гарпагон *(зажимает ему рот)*. Изверг! Хочешь по миру меня пустить?

Жак. Еще одно легкое блюдо...

Гарпагон. Еще что?

Валер *(Жаку)*. Да что ты, в самом деле закормить всех хочешь? Гостей-то разве наш господин на убой созвал? Почитай-ка правила здоровья да спроси врачей: что может быть вреднее обжорства?

Гарпагон. Так, так!

Валер. Заруби у себя на носу, любезный, и всей своей родне внуши, что кто подает у себя за столом много мяса, тот прямой душегуб; если хозяин любит своих гостей, он должен соблюдать умеренность. Есть даже такое древнее изречение: мы для того едим, чтобы жить, а не для того живем, чтобы есть.

Гарпагон. Отлично сказано! Подойди, я тебя поцелую. Отроду ничего умнее не слыхал: мы для того живем, чтобы есть, а не для того едим... Нет, что-то не то. Как бишь ты сказал?

Валер. Мы для того едим, чтобы жить, а не для того живем, чтобы есть.

Гарпагон *(Жаку)*. Вот. Слыхал? *(Валеру.)* Какой великий человек изрек это?

Валер. Забыл.

Гарпагон. Напомни мне записать эти слова. Я прикажу золотыми буквами вырезать их над камином в зале.

Валер. Непременно. А насчет ужина позвольте распорядиться мне — я все устрою в лучшем виде.

Гарпагон. Устраивай.

Жак. Вот и прекрасно. Меньше забот.

Гарпагон *(Валеру)*. Нужно что-нибудь такое, чего много не съешь: рагу из барашка, например, пожирнее, паштет с каштанами...

Валер. Положитесь на меня.

Гарпагон. Затем, Жак, нужно почистить карету.

Жак. Простите. Это уже относится к кучеру. *(Надевает кучерской кафтан.)* Так вы изволили сказать...

Гарпагон. Нужно почистить карету и заложить лошадей — поедешь на ярмарку.

Жак. Лошадей, сударь? Да они с места не сдвинутся. Не стану лгать: они валяются не на подстилке — подстилки у бедных животных никакой нет. А постятся они у вас так, что и на лошадей не похожи — одна тень от них осталась.

Гарпагон. Ах, бедненькие! Да им же ничего не приходится делать!

Жак. Можно и ничего не делать, сударь, а есть-то все-таки надо? Да они, бедняги, на какую угодно работу пойдут, лишь бы сытыми быть. Сердце надрывается глядеть, как они тощают. Я ведь люблю лошадок, мне за них больно. Каким жестоким человеком надо быть, сударь, чтобы не жалеть ближних!

Гарпагон. Довезти до ярмарки — не бог весть какой труд.

Жак. Нет, сударь, у меня и духу на это не хватит. Понадобится стегнуть — рука не поднимется. Как вы хотите, чтобы они сволокли карету, когда они сами ног не волочат?

Валер. Я попрошу, сударь, соседа Пикара сесть за кучера, а Жак пусть остается и готовит ужин.

Жак. Ладно. Подохнут, так, по крайней мере, не из-за меня.

Валер. Уж больно ты умничаешь, Жак.

Жак. Уж очень ты подлизываешься, дворецкий!

Гарпагон. Молчать!

Жак. Я не выношу льстецов, сударь. Я же его насквозь вижу: вечно усчитывает хлеб, вино, дрова, соль, свечи, и все это для того только, чтобы к вам подмазаться и подольститься. Меня это бесит. А послушать, что о вас говорят каждый день,— право, досада возьмет. Как-никак я же вас люблю после лошадей больше всех на свете.

Гарпагон. А нельзя ли узнать, Жак, что обо мне говорят?

Жак. Можно, сударь, если б только я был уверен, что вы не рассердитесь.

Гарпагон. Нисколько не рассержусь.

Жак. Ох, рассердитесь! Непременно рассердитесь!

Гарпагон. Да нет же! Напротив, это доставит мне удовольствие, мне очень любопытно это знать.

Жак. Раз уж вы сами желаете, сударь, так я вам должен сказать по чистой совести, что над вами везде смеются, всячески на ваш счет прохаживаются, перемывают вам все косточки — рассказов про вашу скаредность не оберешься. Одни говорят, что вы заказали особые календари, где постных дней вдвое больше, чем надо,— это для того, чтобы ваша прислуга почаще постилась: другие — что у вас прислуга никогда не получает ни подарков к праздникам, ни жалованья при расчете, потому что вы всегда сыщете, к чему придраться. Один рассказывает, что как-то вы притянули к суду соседскую кошку за то, что она съела у вас остатки баранины; другой — что раз ночью вас накрыли, как вы у своих же лошадей овес воровали, и что кучер, который до меня был, отдул вас палкой в темноте, только вы промолчали об этом. Словом сказать, вас на все корки отделывают, куда ни сунься. Вы — посмешище всего города, на каждом перекрестке клянут вас, и нет вам иных имен, как скряга, сквалыга и скупердяй.

Гарпагон *(бьет его)*. А ты дурак, негодяй, мошенник и нахал!

Жак. Ну вот, разве я был неправ? А вы мне не верили. Я же вас предупреждал, что вы рассердитесь, если я вам правду скажу.

Гарпагон. А ты сначала выучись разговаривать со мной! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Валер, Жак.

Валер *(смеясь)*. Насколько я могу судить, Жак, тебе плохо платят за твое прямодушие.

Жак. Не твое дело, выскочка! Напустил на себя важность! Смейся, когда тебя самого поколотят, а надо мной смеяться нечего.

Валер. Не сердитесь, многоуважаемый!

Жак *(про себя)*. Ага! Поджал хвост! Нагоню-ка я на него страху! Если он будет так глуп, что испугается меня, то и бока намну. *(Громко.)* Советую вам помнить, господин зубоскал, что я зубоскалить с вами не намерен, а выведете меня из терпения, так я заставлю вас иначе зубы скалить. *(Грозит Валеру и загоняет его в глубину сцены.)*

Валер. Ну-ну, потише!

Жак. Да что там потише! Я не хочу потише!

Валер. Ну, пожалуйста!

Жак. Невежа, вот ты кто!

Валер. Господин Жак!..

Жак. Я тебе дам «господин Жак»! Вот как возьму палку, так всю важность из тебя повыколочу.

Валер. Что? Палку? *(Наступает на Жака.)*

Жак. Да я ничего...

Валер. Советую помнить вам, господин Жак, что я еще лучше могу вас оттузить!

Жак. Не смею спорить.

Валер. Жалкий поваришка!

Жак. Конечно, конечно!

Валер. Ты еще меня узнаешь.

Жак. Прошу прощения!

Валер. Ну? Что ж ты меня не бьешь?

Жак. Да это я пошутил!

Валер. Мне твои шутки не нравятся. *(Бьет его палкой.)* Плохой ты шутник, так и знай! *(Уходит.)*

Жак *(один)*. Вот я и поплатился за свое прямодушие! Невыгодное это занятие — говорить правду, зарекаюсь. Хозяин прибьет — куда ни шло, но дворецкий... Погоди, я тебе отплачу!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Жак, Мариана, Фрозина.

Фрозина. Ты не знаешь, Жак, хозяин дома?

Жак. Дома, дома. Кому-кому, а мне-то это хорошо известно.

Фрозина. Так скажи ему, пожалуйста, что мы здесь.

Жак уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мариана, Фрозина.

Мариана. Ах, Фрозина, какое странное чувство я испытываю! Я так боюсь того, что меня ожидает!

Фрозина. Да отчего же? Что ж тут такого?

Мариана. И ты еще спрашиваешь! Представь себя на моем месте: ведь я все равно что на казнь иду.

Фрозина. Я вижу ясно, что от такой казни, как Гарпагон, умереть вам не очень-то приятно. И еще я знаю, что молодчик, о котором вы мне говорили, не выходит у вас из головы, меня не обманешь.

Мариана. Я и не собираюсь обманывать тебя, Фрозина. Он так прекрасно держал себя, когда бывал у нас, что сознаюсь, я не могла остаться к нему равнодушной.

Фрозина. Да вы знаете, кто он такой?

Мариана. Нет. Знаю только, что полюбить его нетрудно. Если б мне позволили выбирать, конечно, я бы не задумалась, но меня принуждают выйти за другого, и это для меня пытка.

Фрозина. Да уж, эти молодчики умеют вкрасться в душу, разливаются соловьем, но ведь почти каждый из них гол как сокол, а вам прямой расчет выйти хоть за старого, да за богатого. Конечно, о любви тут не может быть и речи, жить с таким мужем — радость не велика. Да ведь это ненадолго. Поверьте, жить ему не много осталось, и тогда выбирайте любого: он вас за все вознаградит.

Мариана. Бог с тобой, Фрозина! Думать о счастье — и желать или ожидать чужой смерти! И когда еще он умрет!

Фрозина. Вона! Да вы с тем за него и выходите, чтобы как можно скорей овдоветь, об этом следует и в контракте упомянуть. Свинья он будет, если через три месяца не помрет. А вот и он.

Мариана. Ах, Фрозина, какой урод!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Гарпагон.

Гарпагон *(Мариане)*. Не прогневайтесь, красавица, что принимаю вас в очках. Я знаю, что ваши прелести бросаются в глаза, их нельзя не увидать, никаких увеличительных стекол для них не надо, но ведь на звезды мы смотрим в увеличительные стекла, а я утверждаю и удостоверяю, что вы — звезда, да еще какая! Самая что ни на есть прекрасная... Фрозина! Она молчит и как будто не рада, что видит меня.

Фрозина. Она еще не оправилась от смущения. Девушки стыдятся сразу показывать, что у них на сердце.

Гарпагон. Это верно. *(Мариане.)* Вот, милое дитя, позвольте вам представить мою дочь.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Элиза.

Мариана. Простите, сударыня, что я так поздно выбралась к вам.

Элиза. А вы меня простите, что я вас не опередила — это была моя обязанность.

Гарпагон. Видите, какая она у меня большая! Дурная трава в рост идет.

Мариана *(Фрозине, тихо)*. Какой противный!

Гарпагон *(Фрозине)*. Что наша красавица говорит?

Фрозина. Она в восторге от вас.

Гарпагон. Слишком много чести, очаровательница.

Мариана *(про себя)*. Отвратительное существо!

Гарпагон. Я вам несказанно благодарен за ваше лестное мнение обо мне.

Мариана *(про себя)*. Нет сил терпеть!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, Клеант, Валер и Брендавуан.

Гарпагон. А это мой сын, пришел засвидетельствовать вам свое почтение.

Мариана *(Фрозине, тихо)*. Ах, Фрозина, какая встреча! Ведь это я о нем тебе говорила!

Фрозина *(Мариане, тихо)*. Вот так случай!

Гарпагон. Вы, я вижу, удивлены, что у меня такие взрослые дети, но я скоро от них обоих отделаюсь.

Клеант *(Мариане)*. По правде говоря, сударыня, я не ожидал ничего подобного. Батюшка привел меня в немалое изумление, когда объявил о своем намерении.

Мариана. Я могу сказать вам то же самое. Эта неожиданная встреча удивила меня не меньше, чем вас,— я совсем не была подготовлена.

Клеант. Само собой разумеется, сударыня, лучшего выбора батюшка сделать не мог: видеть вас — это большое счастье для меня, но я не стану уверять, будто я мечтаю о том, чтобы вы были моей мачехой. Я не умею говорить любезности и сознаюсь откровенно, что не хотел бы вас так называть. Кое-кому, пожалуй, мои слова покажутся грубыми, но вы — я убежден — поймете их как должно. Вам нетрудно представить себе, что́ я теперь испытываю; зная меня, вы поймете, что радоваться мне тут нечему, и я считаю своей обязанностью, с позволения батюшки, объявить вам, что, если бы моя воля, не бывать бы этому браку никогда!

Гарпагон. Отличился! Наговорил любезностей!

Мариана. Я вам отвечу тем же: как вы не хотите называть меня мачехой, так и я, конечно, не хочу называть вас пасынком. Пожалуйста, не считайте меня виновницей вашего огорчения. Я никогда не решилась бы по своей воле причинить вам какую-нибудь неприятность. Даю вам слово, что — не будь надо мною власти — я бы никогда не огорчила вас этим браком.

Гарпагон. Разумно! На дурацкую речь и ответ должен быть такой же. Не взыщите с него, грубияна, красавица: по молодости и по глупости он сам не знает, что говорит.

Мариана. Я нисколько не обижена, уверяю вас. Напротив, я очень благодарна ему за откровенность, я довольна его признанием. Если бы он говорил иначе, я бы его не уважала.

Гарпагон. Вы чересчур снисходительны к нему. Со временем, однако, он поумнеет, и чувства у него изменятся.

Клеант. Нет, батюшка, я никогда не изменюсь,— прошу вас, сударыня, мне верить.

Гарпагон. Какое сумасбродство! Продолжает стоять на своем!

Клеант. А вам угодно, чтобы я кривил душой?

Гарпагон. Он все свое! Нельзя ли о чем-нибудь другом?

Клеант. Хорошо. О другом так о другом. Позвольте мне, сударыня, заменить батюшку и высказать вам, что в жизни я не встречал никого прелестнее вас, что нет для меня высшего счастья, как нравиться вам, и что назваться вашим мужем — такая честь, такое блаженство, которые я не променял бы на жребий величайшего из земных царей. Да, сударыня, обладать вами — заветная мечта моя, предел моей гордости. Всем бы я пожертвовал ради такой победы, ни перед чем бы не остановился...

Гарпагон. Полегче, брат, не увлекайся!

Клеант. Это я говорю от вашего имени.

Гарпагон. У меня у самого, слава богу, язык есть, поверенных мне не надо... Дайте-ка нам кресла!

Фрозина. А не лучше ли нам не ярмарку отправиться? Пораньше бы вернулись — и побеседовать время осталось бы.

Гарпагон *(Брендавуану)*. Карету заложить!

Брендавуан уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Мариана, Фрозина, Гарпагон, Элиза, Клеант, Валер.

Гарпагон *(Мариане)*. Простите, красавица, что я позабыл угостить вас чем-нибудь перед прогулкой.

Клеант. Я уж об этом позаботился, батюшка: сейчас должны принести мандаринов, апельсинов и варенья — я распорядился от вашего имени.

Гарпагон *(тихо)*. Валер!

Валер *(тихо)*. Он с ума сошел!

Клеант. Вы полагаете, батюшка, что этого будет мало? В таком случае прошу извинения у нашей гостьи.

Мариана. Мне никакого угощения не надо.

Клеант. Случалось ли вам, сударыня, видеть такой дивный брильянт, как вот у батюшки на перстне?

Мариана. Какой он яркий!

Клеант *(снимает перстень с пальца Гарпагона и протягивает его Мариане)*. Посмотрите получше.

Мариана. Чудный брильянт! Как он сверкает! *(Хочет возвратить перстень.)*

Клеант *(загораживает ей дорогу)*. Нет-нет, сударыня, он еще ярче заиграет на вашей прелестной ручке. Батюшка вам его дарит.

Гарпагон. Я? Дарю?

Клеант. Ведь правда, батюшка, вы желаете, чтобы Мариана приняла от вас этот перстень как залог вашей любви?

Гарпагон *(Клеанту, тихо)*. Это еще что такое?

Клеант *(Мариане)*. Да что я спрашиваю? Видите, он делает мне знаки, чтобы я уговорил вас.

Мариана. Я ни за что...

Клеант. Полноте! Назад он не возьмет.

Гарпагон *(про себя)*. Что мне с ним делать?

Мариана. Это было бы...

Клеант *(не дает вернуть перстень)*. Нет-нет, вы его обидите.

Мариана. Пожалуйста!

Клеант. Ни в коем случае!

Гарпагон *(Клеанту, тихо)*. А, чтоб тебя!

Клеант. Видите? Видите? Это его ваш отказ так огорчил.

Гарпагон *(Клеанту, тихо)*. Злодей!

Клеант *(Мариане)*. Он в отчаянии.

Гарпагон *(Клеанту, тихо, с угрозой)*. Кровопийца!

Клеант. Из-за вас, сударыня, батюшка бранит меня.

Гарпагон *(Клеанту, тихо, грозя ему)*. Грабитель!

Клеант *(Мариане)*. Он захворает. Не отказывайтесь, сударыня!

Фрозина *(Мариане)*. Да что вы ломаетесь! Возьмите, коли уж так просят.

Мариана *(Гарпагону)*. Чтобы вас не сердить, я оставлю перстень у себя — до той поры, когда можно будет возвратить его.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Брендавуан.

Брендавуан *(Гарпагону)*. Какой-то человек, сударь, спрашивает вас.

Гарпагон. Скажи, что я занят; пусть в другой раз зайдет.

Брендавуан. Он говорит, что принес вам деньги. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Мариана, Фрозина, Гарпагон, Элиза, Клеант, Валер.

Гарпагон *(Мариане)*. Прошу меня извинить. Я сейчас вернусь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же и Ламерлуш.

Ламерлуш *(вбегает и сбивает с ног Гарпагона)*. Сударь!..

Гарпагон. Смерть моя!

Клеант. Что, батюшка, вы не ушиблись?

Гарпагон. Этот злодей, наверно, подкуплен моими должниками, чтобы шею мне сломать.

Валер *(Гарпагону)*. Успокойтесь!

Ламерлуш. Простите, сударь, я думал вам угодить...

Гарпагон. Что тебе нужно, разбойник?

Ламерлуш. Обе лошади расковались.

Гарпагон. Так пусть отведут их к кузнецу.

Клеант. А пока, батюшка, я возьму на себя роль хозяина, провожу Мариану в сад и туда же велю подать лакомства.

Все, кроме Гарпагона и Валера, уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Гарпагон, Валер.

Гарпагон. Валер! Присмотри за тем, как он будет угощать, спаси, что только можно, и отошли обратно купцу.

Валер. Будет исполнено. *(Уходит.)*

Гарпагон *(один)*. Чадушко! Разорить меня задумал?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клеант, Элиза, Мариана, Фрозина.

Клеант. Войдемте сюда, здесь гораздо лучше: никто нас не станет подслушивать, мы можем говорить свободно.

Элиза. Да, Мариана, брат мне во всем признался. Я знаю, какие неприятности и огорчения чинят такого рода помехи, и, поверьте, принимаю искреннее участие в вашем деле.

Мариана. Ваше участие — великое для меня утешение. Я так несчастна, Элиза, не отнимайте же у меня вашей дружбы!

Фрозина. Бедные вы мои детки! Что же вы мне раньше не сказали? Я бы все повернула иначе — не на горе вам, а на радость.

Клеант. Что поделаешь! Такова уж, видно, судьба моя. На что же вы решаетесь, прелестная Мариана?

Мариана. Ах, мне ли на что-нибудь решаться? В моем зависимом положении я могу только желать.

Клеант. Желать — и ничего больше? И ничем не помочь мне? Ничем не выразить сочувствия, не проявить доброты, ничем не доказать свою любовь?

Мариана. Что мне вам на это сказать? Поставьте себя на мое место и рассудите, что я могу сделать. Придумывайте, приказывайте — я на все согласна. Надеюсь, вы будете благоразумны и ничего нескромного, неблагопристойного не потребуете от меня?

Клеант. Покорно благодарю! Придумывай, приказывай да еще заботься о том, чтобы не нарушить ни скромности, ни благопристойности!

Мариана. Как же мне быть? Положим, я бы пренебрегла многим из того, к чему обязывает наша девичья честь, но ведь у меня есть и обязанности дочери. Матушка так любит меня, что я ни за какие блага не решусь ее опечалить. Приложите все усилия, чтобы заслужить ее расположение. Я позволяю вам сказать ей все, вообще действуйте, как найдете нужным, а когда она спросит меня, тут уж я, конечно, таиться от нее не стану.

Клеант. Фрозина, голубушка Фрозина! Ты нам поможешь?

Фрозина. Про это и спрашивать нечего: я всей душой готова помочь. По природе-то я жалостлива, сердце у меня не каменное, я всегда рада услужить, когда вижу такую любовь — честную, благородную. Что бы такое предпринять?

Клеант. Подумай хорошенько!

Мариана. Научи нас!

Элиза. Распутай все, что сама напутала.

Фрозина. Трудновато. *(Мариане.)* Матушку-то вашу, я думаю, можно будет уговорить: отец ли, сын ли — ей все равно. *(Клеанту.)* Да беда в том, что отец-то этот — ваш отец.

Клеант. Ты права.

Фрозина. Я хочу сказать, что, если ему откажут, он с досады и против вашего брака упрется. Не лучше ли будет устроить так, чтобы он сам отказался? *(Мариане.)* А для этого надо, чтобы вы ему перестали нравиться.

Клеант. Верно!

Фрозина. Сама знаю, что верно. Мысль хорошая, а вот как ее, черт возьми, осуществить?.. Постойте! Найти бы женщину в летах да половчее, вроде меня, мы бы ей имя почуднее придумали, свитой бы ее снабдили, и пусть бы она знатную даму разыграла, маркизу там какую-нибудь либо виконтессу, из Нижней Бретани, что ли. Я бы уж сумела уверить вашего родителя, что она пребогатая — сто тысяч капиталу имеет, не считая домов; без памяти влюблена в него, желает выйти за него замуж и все свое состояние готова ему по брачному контракту отписать. Будьте уверены, он этого мимо ушей не пропустит. *(Мариане.)* Любить-то он вас любит, что и говорить, но денежки любит чуточку побольше. А когда он поймается на эту удочку да согласится на ваш брак, там нам и горя мало: пусть разделывается со своей маркизой как знает.

Клеант. Отлично придумано.

Фрозина. Я сама все оборудую. Я вспомнила одну свою приятельницу — она как раз для этой роли хороша.

Клеант. Отблагодарю же я тебя, Фрозина, если только наше дело выгорит! А тем временем, Мариана, нужно все-таки воздействовать на вашу матушку. Только бы нам этот брак расстроить! Напрягите все силы, играйте на ее любви к вам, воспользуйтесь неотразимым очарованием ваших взоров и ваших речей, расточайте нежные слова, умоляйте ее, ласкайтесь — и я убежден, что она не устоит.

Мариана. Я сделаю все, что могу, ничего не забуду.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Гарпагон.

Гарпагон *(никем не замеченный, про себя)*. Э, мой сын целует руку у будущей мачехи, а будущая мачеха не очень-то противится! Нет ли тут какого подвоха?

Элиза. А вот и батюшка!

Гарпагон. Карета готова. Если угодно, можете ехать.

Клеант. Раз вы не едете, батюшка, то я их провожу.

Гарпагон. Нет, останься. Они без тебя обойдутся, а мне ты нужен.

Элиза, Мариана и Фрозина уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клеант, Гарпагон.

Гарпагон. Ну так вот, если забыть о том, что она твоя будущая мачеха, как ты ее находишь?

Клеант. Как я ее нахожу?

Гарпагон. Да, каково ее обращение, сложение, наружность, ум?

Клеант. Так себе.

Гарпагон. Только-то?

Клеант. Откровенно говоря, я воображал ее не такой. Обращение у нее жеманное, сложение неуклюжее, наружность весьма посредственная, ум самый заурядный. Не думайте, батюшка, что я хочу расхолодить вас: она ли, другая будет мне мачехой — мне это решительно все равно.

Гарпагон. Давеча ты говорил ей, однако...

Клеант. Говорил пустые любезности от вашего имени и вам в угоду.

Гарпагон. Так что у тебя нет никакого влечения к ней?

Клеант. У меня? Ни малейшего.

Гарпагон. Досадно! А мне пришла было в голову хорошая мысль. Смотря на нее, я поразмыслил о своем возрасте и подумал: что скажут люди, если я женюсь на молоденькой? И я решил бросить эту затею, а так как я уже сделал ей предложение и связан с ней словом, то, если бы она не была тебе противна, уступил бы ее тебе.

Клеант. Мне?

Гарпагон. Тебе.

Клеант. В жены?

Гарпагон. В жены.

Клеант. Послушайте... Это верно, что она мне не очень по вкусу, но, чтобы доставить вам удовольствие, батюшка, я на ней женюсь, если вам угодно.

Гарпагон. Я гораздо благоразумнее, чем ты полагаешь, приневоливать тебя я вовсе не намерен.

Клеант. Я сам себя готов приневолить — из любви к вам.

Гарпагон. Нет-нет. Где нет влечения, там нет и счастья.

Клеант. Влечение может явиться потом, батюшка. Недаром говорят: стерпится — слюбится.

Гарпагон. Нет, мужчина не должен действовать очертя голову: последствия могут быть очень прискорбные, брать на себя ответственность за них я не хочу. Если бы ты чувствовал к ней хоть какую-нибудь склонность — в добрый час: я женил бы тебя на ней вместо себя, но раз этого нет — я остаюсь при своем первоначальном намерении и женюсь на ней сам.

Клеант. Ну, если так, батюшка, то я не стану перед вами таиться: узнайте всю правду. Я люблю ее с того дня, как увидел на прогулке. Тогда же я хотел просить вашего благословения и только потому воздержался, что узнал о вашем намерении и побоялся прогневить вас.

Гарпагон. Ты был у нее?

Клеант. Да, батюшка.

Гарпагон. И не один раз?

Клеант. Не один.

Гарпагон. И хорошо тебя принимали?

Клеант. Очень хорошо, но они не знали, кто я такой, оттого-то Мариана и растерялась, когда увидела меня здесь.

Гарпагон. Ты с ней объяснился и просил ее руки?

Клеант. Конечно. Я даже и матери намекнул.

Гарпагон. Как же она к этому отнеслась?

Клеант. Весьма любезно.

Гарпагон. А дочка отвечает тебе взаимностью?

Клеант. Судя по некоторым признакам, можно думать, батюшка, что я ей не противен.

Гарпагон *(про себя)*. Прекрасно! Я только этого и добивался. *(Громко.)* Ну-с, так вот что я тебе скажу, сынок: ты должен об этой любви забыть, оставить в покое мою невесту и в ближайшее время жениться на той, кого я для тебя предназначил.

Клеант. Ловкую вы со мной сыграли штуку, батюшка! Так знайте же и вы, коли на то пошло, что от Марианы я никогда не откажусь и вам ее ни за что не уступлю; вы заручились согласием ее матери, а я, быть может, другие пути найду.

Гарпагон. Как, бездельник! Ты смеешь со мной соперничать?

Клеант. Это вы со мной соперничаете! Я раньше вас с ней познакомился.

Гарпагон. Я твой отец, ты обязан почитать меня.

Клеант. В таком деле что отец, что сын — все равно: любовь ничего этого знать не хочет.

Гарпагон. А вот я возьму палку, так ты узнаешь!

Клеант. Напрасны все ваши угрозы.

Гарпагон. Ты откажешься от Марианы?

Клеант. Ни за что на свете!

Гарпагон. Палку мне! Палку!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Жак.

Жак. Э! Э! Что такое, господа? Что это вы вздумали?

Клеант. А мне наплевать!

Жак *(Клеанту)*. Полегче, сударь!

Гарпагон. Я выучу тебя, нахал, как разговаривать со мной!

Жак *(Гарпагону)*. Сударь! Ради бога!

Клеант. Я от своего не отступлюсь!

Жак *(Клеанту)*. На родного-то отца?

Гарпагон. Пусти меня!

Жак *(Гарпагону)*. На родного-то сына? Ведь это вам не я!

Гарпагон. Жак! Рассуди, кто из нас прав.

Жак. Извольте. *(Клеанту.)* Отойдите в сторонку.

Гарпагон. Я люблю одну девушку и хочу на ней жениться, а этот висельник имел наглость тоже ее полюбить и тоже хочет на ней жениться, несмотря на то, что я ему запрещаю. Какова наглость?

Жак. Нет, он не прав.

Гарпагон. Какой ужас! Сын затеял соперничество с отцом! Он из уважения ко мне должен отказаться от всяких посягательств.

Жак. Вы правы. Постойте здесь, я с ним поговорю. *(Подходит к Клеанту.)*

Клеант. Если уж он выбрал тебя судьей, пусть будет так, мне все равно — ты ли, другой ли. Суди нас, Жак, я готов.

Жак. Вы мне оказываете большую честь.

Клеант. Я влюблен в одну девушку; она мне отвечает взаимностью и охотно принимает мое предложение, а батюшке пришло в голову разлучить нас и жениться на ней самому.

Жак. Понятно, он не прав.

Клеант. Не стыдно ли в его годы думать о женитьбе? Пристало ли ему влюбляться? Пусть предоставит это тем, кто помоложе.

Жак. Вы правы. Он пошутил. Дайте мне сказать ему пару слов. *(Гарпагону.)* Ну, ваш сын совсем не такой уж сумасброд, он одумался. Вот что он мне сказал: я, говорит, сознаю, что обязан уважать батюшку, я, говорит, просто погорячился и готов исполнить его волю, лишь бы он, говорит, стал со мной поласковей и выбрал мне невесту по моему вкусу.

Гарпагон. А! Так ты скажи ему, Жак, что при таких условиях он может на меня надеяться. Кроме Марианы, я разрешаю ему жениться, на ком он хочет.

Жак. Погодите. *(Клеанту.)* Ну, ваш батюшка совсем уж не так безрассуден. Он меня уверил, что его рассердила ваша горячность, но что у него и в мыслях не было идти вам наперекор: я, говорит, согласен на все, чего бы он ни пожелал, лишь бы он, говорит, не бесновался, а выказал уступчивость, сыновнюю покорность и уважение.

Клеант. А, так и ты уверь его, Жак, что если он отдаст мне Мариану, то увидит во мне самого покорного сына, и уж тогда я из его воли ни в чем не выйду.

Жак *(Гарпагону)*. Конец делу. Он на все согласен.

Гарпагон. Так-то лучше.

Жак *(Клеанту)*. Наша взяла. Он удовлетворен.

Клеант. Слава богу!

Жак. Можете продолжать беседу, господа. Теперь у вас пошло дело на лад, да и поссорились вы только оттого, что один другого не понял.

Клеант. Жак, голубчик! Я тебе всю жизнь буду благодарен.

Жак. Не за что, сударь.

Гарпагон. Ты меня порадовал, Жак, и заслужил награду. *(Шарит в кармане. Жак протягивает руку, но Гарпагон вынимает носовой платок.)* Ступай! Я этого не забуду, можешь быть уверен.

Жак. Низко вам кланяюсь. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Клеант, Гарпагон.

Клеант. Простите, батюшка, что я так погорячился.

Гарпагон. Ничего!

Клеант. Уверяю вас, что я глубоко раскаиваюсь.

Гарпагон. И я глубоко радуюсь твоему благоразумию.

Клеант. Как вы добры, что так скоро забыли мою вину!

Гарпагон. Когда дети становятся послушны, их вины легко забываются.

Клеант. У вас не осталось ни малейшей досады на мое сумасбродство?

Гарпагон. Ты меня обезоружил своей покорностью и почтительностью.

Клеант. Обещаю вам, батюшка, что до гроба не забуду вашей доброты.

Гарпагон. А я тебе обещаю, что от меня ни в чем тебе отказа не будет.

Клеант. Ах, батюшка, мне ничего больше от вас не надо: вы мне дали все, потому что дали Мариану.

Гарпагон. Что?

Клеант. Я говорю, батюшка, что я вполне удовлетворен: вы были так добры, что отдали мне Мариану, чего же мне еще?

Гарпагон. Кто сказал, что я отдал тебе Мариану?

Клеант. Вы, батюшка.

Гарпагон. Я?

Клеант. Ну да!

Гарпагон. Как? Да ведь ты же обещал от нее отступиться?

Клеант. Я? От нее отступиться?

Гарпагон. Конечно!

Клеант. Ни за что!

Гарпагон. Так ты не передумал?

Клеант. Напротив, я думаю о ней больше, чем когда-либо.

Гарпагон. Негодяй! Ты опять за свое?

Клеант. Я слова на ветер не бросаю.

Гарпагон. Пеняй же на себя, негодный мальчишка!

Клеант. Как вам будет угодно.

Гарпагон. Я запрещаю тебе показываться мне на глаза!

Клеант. Дело ваше.

Гарпагон. Я от тебя отрекаюсь.

Клеант. Отрекайтесь.

Гарпагон. Ты мне больше не сын!

Клеант. Пусть будет так.

Гарпагон. Я лишаю тебя наследства.

Клеант. Всего, чего хотите!

Гарпагон. И проклинаю тебя!

Клеант. Сколько милостей сразу!

Гарпагон уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Клеант, Лафлеш.

Лафлеш *(выходит из сада, держа шкатулку в руках.)* Ах, сударь, как хорошо, что я вас встретил! Идите скорей за мной.

Клеант. Что такое?

Лафлеш. Идите за мной, говорят вам! Нам повезло.

Клеант. В чем повезло?

Лафлеш. Вот оно, наше счастье!

Клеант. Что это такое?

Лафлеш. То, к чему я давно подбирался.

Клеант. Да что же это?

Лафлеш. Казна вашего батюшки — я ее подтибрил.

Клеант. Как это ты сделал?

Лафлеш. Все узнаете. Бежать надо — он уж там кричит.

Клеант и Лафлеш убегают.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Гарпагон один.

Гарпагон *(кричит еще в саду, затем вбегает).* Воры! Воры! Разбойники! Убийцы! Смилуйтесь, силы небесные! Я погиб, убит, зарезали меня, деньги мои украли! Кто бы это мог быть? Что с ним сталось? Где он? Куда спрятался? Как мне найти его? Куда бежать? Или не надо бежать? Не там ли он? Не здесь ли он? Кто это? Стой! Отдай мои деньги, мошенник!.. *(Сам себя ловит за руку.)* Ах, это я!.. Я потерял голову — не пойму, где я, кто я и что я делаю. Ох, бедные мои денежки, бедные мои денежки, друзья мои милые: отняли вас у меня! Отняли мою опору, мою утеху, мою радость! Все для меня кончено, нечего мне больше делать на этом свете! Не могу я без вас жить. В глазах потемнело, дух захватило, умираю, умер, похоронен. Кто воскресит меня? Кто отдаст мне мои милые денежки или скажет, кто их у меня взял? А? Что?.. Никого нет. Кто бы ни был этот вор, но ведь нужно же было ему выследить, выждать, и время-то как раз выбрал такое, когда я с мошенником-сыном препирался... Пойду. Позову полицию — пусть весь дом допрашивают... слуг, служанок, сына, дочь, меня самого. Что это? Сколько народу! И всех-то я подозреваю, в каждом вижу вора!.. А? О чем это они говорят? Не о том ли, кто меня ограбил?.. Что это за шум там, наверху? Не вор ли там?.. Сжальтесь надо мной: если знаете что о моем воре, не таите, скажите! Может, он среди вас прячется?.. Смотрят, смеются... Та-ак! Все они там были, все воровали! Скорее за комиссарами, за сержантами, за приставами, за судьями, пытать, вешать, колесовать! Всех до одного перевешаю, а не найду денег — сам повешусь.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гарпагон, комиссар, писарь.

Комиссар. Предоставьте действовать мне — я свое ремесло, благодарение богу, разумею. Не с нынешнего дня открываю кражи. Хотел бы я иметь столько мешочков по тысяче франков, сколько я отправил народу на виселицу.

Гарпагон. Все власти должны вмешаться в это дело. Если я не отыщу моих денег, я пойду дальше.

Комиссар. Необходимо произвести самое тщательное дознание и расследование. Вы говорите, что в шкатулке было...

Гарпагон. Ровно десять тысяч.

Комиссар. Десять тысяч экю?

Гарпагон. Десять тысяч экю.

Комиссар. Кража значительная.

Гарпагон. Нет той казни, которая была бы достаточна за такое преступление, и, если оно останется безнаказанным, значит, нет у нас ничего священного.

Комиссар. В какой монете была эта сумма?

Гарпагон. В новеньких полновесных луидорах и пистолях.

Комиссар. Кого подозреваете в краже?

Гарпагон. Всех! Весь город и все предместья — под стражу, не иначе!

Комиссар. Поверьте мне: никого понапрасну тревожить не следует, нужно постараться исподтишка добыть улики и тогда со всей строгостью приступить к обнаружению похищенного.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Жак.

Жак *(обращаясь за сцену)*. Я сейчас вернусь, а без меня его зарезать, опалить ножки, окунуть в кипяток и подвесить к потолку.

Гарпагон *(Жаку)*. Кого? Моего вора?

Жак. Я говорю о поросенке, которого прислал мне ваш дворецкий: будет приготовлен по новому способу.

Гарпагон. Не об этом речь. Вот этому господину *(показывает на комиссара)* желательно знать кое-что другое.

Комиссар *(Жаку)*. Не бойтесь: я вас не обижу, все обойдется тихо.

Жак. Вы гость, сударь?

Комиссар. Вы не должны, любезный друг, ничего скрывать от вашего господина.

Жак. Будьте спокойны, сударь, я все свое искусство покажу и так угощу вас, что останетесь довольны.

Гарпагон. Не в этом дело.

Жак. Если ужин выйдет не такой, как я хотел, так уж это вина вашего дворецкого, он меня своей бережливостью по рукам и ногам связал.

Гарпагон. Негодяй! Тут дело поважней твоего ужина. Ты мне говори про деньги, которые у меня украли.

Жак. У вас деньги украли?

Гарпагон. Да, разбойник! И тебя повесят, если ты их не отдашь.

Комиссар *(Гарпагону)*. Послушайте: зачем вы так на него нападаете? Я по его лицу вижу, что он честный малый, его не надо сажать в тюрьму, он и так все расскажет. *(Жаку.)* Да, мой друг, если вы сознаетесь, вам худа не сделают, а ваш господин щедро вознаградит вас. У него сегодня украли деньги. Не может быть, чтобы вы об этом не знали.

Жак *(про себя)*. Вот когда я отплачу дворецкому! Стоило ему сюда поступить — он стал любимчиком, хозяин только с ним и советуется. Да и палку его я еще хорошо помню.

Гарпагон. О чем задумался?

Комиссар *(Гарпагону)*. Не троньте его. Он собирается с духом и сейчас все расскажет. Повторяю: он честный малый.

Жак *(Гарпагону)*. Коли хотите знать правду, сударь, так это ваш дворецкий.

Гарпагон. Валер?

Жак. Он самый.

Гарпагон. Валер, которому я так верил?

Жак. Он, он. По-моему, это он вас обокрал.

Гарпагон. Почему ты так думаешь?

Жак. Почему?

Гарпагон. Да, почему?

Жак. Потому что... Думаю — и все тут.

Комиссар. Нам нужны улики.

Гарпагон. Ты видел, как он бродил вокруг того места, где были спрятаны деньги?

Жак. Видел, как же. А где у вас деньги были?

Гарпагон. В саду.

Жак. Ну, так и есть! Я видел, как он по саду кружил. А в чем были деньги?

Гарпагон. В шкатулке.

Жак. Вот-вот! Я у него и шкатулку видел.

Гарпагон. Какая же она? Я сейчас узнаю, моя ли.

Жак. Какая?

Гарпагон. Да.

Жак. Такая... Вроде шкатулки.

Комиссар. Само собой разумеется, но вы опишите нам ее.

Жак. Большая шкатулка.

Гарпагон. А моя небольшая.

Жак. Правда, сама по себе она небольшая. Я сказал — большая, потому что в ней денег много.

Комиссар. А какого она цвета?

Жак. Какого цвета?

Комиссар. Да.

Жак. Цвета она... этого, знаете ли... Ну вот, вертится на языке...

Гарпагон. Ну?

Жак. Не красного ли?

Гарпагон. Нет, серого.

Жак. Да-да, красновато-серого. Я это и хотел сказать.

Гарпагон. Нет никакого сомнения: это она. Запишите, сударь, запишите его показание! Господи! На кого теперь положиться можно? После этого я ни за кого не поручусь — не поручусь даже, что я сам себя не обворую.

Жак *(Гарпагону)*. Вот он идет, сударь. Только вы не говорите ему, что это я его выдал.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Валер.

Гарпагон. Поди-ка сюда! Признавайся в самом грязном поступке, в самом ужасном злодеянии, какого еще не видывал свет!

Валер. Что вам угодно, сударь?

Гарпагон. Как, мерзавец! И ты не краснеешь, совершив такое преступление?

Валер. О каком преступлении вы говорите?

Гарпагон. О каком преступлении я говорю? Бесстыжий! Как будто не знает, о чем речь! Напрасно будешь отпираться: дело раскрыто, мне известно все. Отплатил ты за мою доброту, нечего сказать! Нарочно втерся ко мне, чтобы сыграть со мной такую штуку!

Валер. Раз уж вам все известно, сударь, я ни увертываться, ни отпираться не буду.

Жак *(про себя)*. Ого! Стало быть, нечаянно угадал!

Валер. Я и без того намерен был сознаться вам, ждал только удобного случая. Но уж если вы сами узнали, так прошу вас не сердиться и выслушать мои оправдания.

Гарпагон. Какие еще там оправдания, гнусный воришка?

Валер. Нет, сударь, я не заслужил такого названия. Я, конечно, провинился перед вами, но мою вину, воля ваша, можно простить.

Гарпагон. То есть как — простить? Такое-то злодейство, такое-то смертоубийство простить?

Валер. Ради бога, успокойтесь! Когда вы меня выслушаете, вы увидите, что зло не так велико, как вам кажется.

Гарпагон. Зло не так велико, как мне кажется! Кровь моя, нутро мое — вот ведь это что, висельник!

Валер. Ваша кровь, сударь, нисколько здесь не пострадала, да и не могла пострадать. Дело легко поправить.

Гарпагон. Я этого и добиваюсь. Отдай то, что украл.

Валер. Ваша честь, сударь, получит полное удовлетворение.

Гарпагон. Не о чести речь. Ты мне лучше скажи, кто тебя подтолкнул на это?

Валер. Ах, сударь, и вы еще спрашиваете?

Гарпагон. Да-да, спрашиваю!

Валер. Меня подтолкнуло то чувство, которое все оправдывает: любовь.

Гарпагон. Любовь?

Валер. Да, любовь.

Гарпагон. Нечего сказать, хороша любовь, хороша любовь! Любовь к моим луидорам.

Валер. Нет, сударь, не богатство ваше привлекло меня, и не оно меня обольстило: я заранее отказываюсь от ваших денег, оставьте мне только то, что уже есть у меня.

Гарпагон. Черта с два! Так я тебе и оставил, дожидайся! Оставь ему то, что он у меня украл,— наглость-то какая!

Валер. Вы называете это кражей?

Гарпагон. Еще бы не кража! Этакое-то сокровище!

Валер. Да, правда, сокровище и притом самое драгоценное из ваших сокровищ, но отдать его мне — еще не значит потерять. На коленях умоляю вас: не отымайте у меня это прелестное сокровище! Отдайте его мне, сделайте доброе дело!

Гарпагон. Да ты что? Ошалел?

Валер. Мы дали друг другу слово, поклялись никогда не расставаться.

Гарпагон. Хорошо слово, хороша клятва!

Валер. Да, мы связаны навеки.

Гарпагон. Я сумею вас развязать, не беспокойтесь!

Валер. Одна только смерть может разлучить нас.

Гарпагон. Околдовали его мои денежки!

Валер. Я уже сказал вам, сударь, что поступил так не по расчету. У меня и в мыслях не было того, что вы подозреваете: я действовал по благородному побуждению.

Гарпагон. Слышите? Он еще скажет, что норовит завладеть моим добром из христианского милосердия. Но знай, висельник, знай, разбойник: я приму меры, закон не попустит несправедливости.

Валер. Вы властны поступать, как вам угодно, я все готов снести, но прошу вас верить одному: если тут и есть чья-нибудь вина, то разве только моя, дочь же ваша ни в чем не виновата.

Гарпагон. Я думаю! Странно было бы, если бы она тебе пособляла! Но к делу, однако, признавайся, куда ты ее спрятал?

Валер. Никуда я ее не прятал, она у вас в доме.

Гарпагон *(про себя)*. Милая моя шкатулочка! *(Громко.)* Так она дома?

Валер. Да, сударь.

Гарпагон. А скажи, ты ее не тронул?

Валер. Я? Тронул? Вы нас обоих обижаете. Я пылал к ней чистой, почтительной любовью.

Гарпагон *(про себя)*. Пылал к моей шкатулке!

Валер. Я предпочел бы умереть, чем оскорбить ее даже намеком, она для этого слишком благоразумна и добродетельна!

Гарпагон *(про себя)*. Моя шкатулка слишком добродетельна!

Валер. Единственное наслаждение, которое я себе позволял,— это любоваться ею. Ни одна преступная мысль не осквернила той любви, какую мне внушили ее прекрасные глаза.

Гарпагон *(про себя)*. Прекрасные глаза моей шкатулки! Он говорит о ней, как о возлюбленной.

Валер. Клод знает всю правду, сударь, она может вам засвидетельствовать...

Гарпагон. Как! И моя служанка тут замешана?

Валер. Да, сударь, она была свидетельницей нашей клятвы, и только после того, как ей стало ясно, что у меня честные намерения,— только после этого она согласилась убедить вашу дочь дать мне слово.

Гарпагон. А? *(Про себя.)* От страха он, кажется, заговариваться начал. *(Валеру.)* С чего ты мою дочь сюда приплетаешь?

Валер. Я говорю, что мне стоило огромных усилий победить ее стыдливость силой моей любви.

Гарпагон. Чью стыдливость?

Валер. Вашей дочери. Только вчера решилась она подписать брачное обязательство.

Гарпагон. Моя дочь подписала брачное обязательство?

Валер. Да, и я тоже.

Гарпагон. Господи! Новая напасть!

Жак *(комиссару)*. Пишите, сударь, пишите!

Гарпагон. Мало мне горя! Этого еще недоставало! *(Комиссару.)* Исполните ваш долг, сударь, передайте его дело в суд — он вор и соблазнитель.

Валер. Я ни то, ни другое. Когда вы узнаете, кто я...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Элиза, Мариана и Фрозина.

Гарпагон. А, мерзкая девчонка, недостойная дочь! Нечего сказать, впрок пошли тебе мои наставления! Ты позволяешь себя увлечь проходимцу, вору, ты даешь ему слово без моего согласия! Но вы оба промахнулись! *(Элизе.)* Будешь сидеть в четырех стенах. *(Валеру.)* А по тебе за твою наглость виселица плачет.

Валер. Ваша запальчивость — плохой судья, и судить меня не вам, а кто будет судить, те прежде выслушают.

Гарпагон. Я оговорился: тебя не повесят, нет, тебя колесовать будут живого.

Элиза *(на коленях)*. Батюшка, не будьте так суровы, умоляю вас! Не злоупотребляйте родительской властью! Не поддавайтесь первому порыву гнева — сначала обдумайте все хладнокровно! Постарайтесь поближе узнать человека, которого вы осыпаете оскорблениями. Он совсем не тот, за кого вы его принимаете. Вы станете ко мне снисходительнее, когда узнаете, что без него меня давно бы уж не было на свете. Да, батюшка, это он спас меня, когда я тонула, ему вы обязаны тем, что не потеряли дочь — ту самую дочь...

Гарпагон. Все это меня не касается. Лучше бы он тебя тогда не спас, нежели учинить такое злодеяние.

Элиза. Батюшка! Заклинаю вас родительской любовью...

Гарпагон. Нет-нет, и слышать ничего не хочу. Да совершится правосудие!

Жак *(про себя)*. Это тебе за побои!

Фрозина *(про себя)*. Все перепуталось!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Ансельм.

Ансельм. Что это, господин Гарпагон? Вы так взволнованы...

Гарпагон. Ах, господин Ансельм, перед вами несчастнейший человек в мире! Как раз, когда нужно подписывать с вами контракт, у меня столько неприятностей, столько тревог! Меня всего обворовали — отняли имущество, отняли честь. Вот этот злодей, этот изверг посягнул на священнейшие права, прокрался ко мне под видом слуги, стащил у меня деньги и соблазнил мою дочь.

Валер. Да никто о ваших деньгах и не помышляет! Перестаньте вы чушь городить.

Гарпагон. Да, они обручились. Это уж прямо вас касается, господин Ансельм; ваша святая обязанность — подать на него в суд, преследовать его судебным порядком и выместить на нем всю нанесенную вам обиду.

Ансельм. Насильно я ни за что не женюсь. Сердца, отданного другому, мне не надо, но из участия к вам я готов взяться за ваше дело, как за свое собственное.

Гарпагон. Вот комиссар, он — честный комиссар, он ничего не упустит, все исполнит, что по долгу службы следует. *(Комиссару, указывая на Валера.)* Сударь! Прошу составить обвинительный акт таким образом, чтобы все его злодеяния были выставлены в самом черном свете.

Валер. Какое преступление в том, что я полюбил вашу дочь? Почему я должен нести кару за то, что мы обручились? Когда вы узнаете, кто я такой...

Гарпагон. Слыхал я эти сказки. Много развелось теперь воров благородного звания и всяких обманщиков, что в мутной воде рыбу ловят и прикрываются первым попавшимся именем, лишь бы оно было известно.

Валер. Смею вас уверить, я слишком честен для того, чтобы присваивать себе чужие имена. Весь Неаполь может засвидетельствовать мое происхождение.

Ансельм. Осторожнее! Сначала подумайте, а потом уже говорите. Вы можете попасть впросак: перед вами человек, которому знаком весь Неаполь. Я вас выведу на чистую воду.

Валер *(с гордым видом надевая шляпу)*. Я ничего не боюсь. Если вам знаком Неаполь, то должен быть знаком и дон Томазо д'Альбурчи.

Ансельм. Конечно, знаком. Мне ли его не знать?

Гарпагон. Дон Томазо, дон Мартино — мне-то какое до них дело? *(Увидав, что горят две свечи, одну из них задувает.)*

Ансельм. Пожалуйста, не перебивайте. Послушаем, что он скажет.

Валер. Я хочу сказать, что он — мой отец.

Ансельм. Дон Томазо?

Валер. Да.

Ансельм. Полноте! Придумайте что-нибудь поудачнее, а этим нас не обманете и себя не спасете.

Валер. Прошу вас быть осторожнее в выражениях. Я вас не обманываю и могу это доказать.

Ансельм. Как! Вы осмеливаетесь утверждать, что вы — сын дона Томазо д'Альбурчи?

Валер. Да, осмеливаюсь — и готов подтвердить это где угодно.

Ансельм. Неслыханная дерзость! Так знайте же — и да будет вам стыдно,— что шестнадцать лет назад, если не больше, этот человек погиб в море с женой и детьми, когда бежал из Неаполя от беспорядков и преследований вместе с другими благородными семействами.

Валер. Да. Но знайте же и вы — и да будет вам стыдно,— что его семилетнего сына и одного из слуг подобрал испанский корабль, и этот спасенный сын — я! Капитан корабля пожалел меня, приютил и воспитал, как родного сына. Потом я вступил в военную службу. Вскоре я узнал, что мой отец, которого я считал умершим, жив. Я отправился на поиски, и здесь небо уготовило мне встречу с прелестной Элизой. Ее красота пленила меня. Моя страстная любовь, а также суровость ее отца вынудили меня проникнуть под чужим именем в этот дом, а на поиски родителей я отправил другого человека.

Ансельм. Но чем вы докажете, что это не сказка, а быль?

Валер. Доказательства и свидетели налицо: капитан корабля, рубиновая печать моего отца, агатовый браслет, который мать надела мне на руку, и старик Пьетро — тот самый слуга, который спасся вместе со мной во время кораблекрушения.

Мариана. Ах, теперь и я могу подтвердить, что вы не обманщик! Из ваших слов явствует, что вы — мой брат.

Валер. Я — ваш брат?

Мариана. Да. Сердце мое забилось при первых же твоих словах. А как матушка-то будет рада! Она часто рассказывала мне о наших злоключениях. Бог не попустил и нашей гибели при кораблекрушении, но мы променяли смерть на неволю: нас спасли корсары. Через десять лет, и то случайно, мы вырвались на свободу и вернулись в Неаполь. Оказалось, что все наше имущество продано, а об отце ни слуху ни духу. Тогда мы перебрались в Геную — там матушке удалось собрать жалкие крохи, оставшиеся от расхищенного наследства, но ее родня дурно обошлась с нею; она приехала сюда и здесь еле-еле сводит концы с концами.

Ансельм. О небо! Нет предела твоему могуществу. Обнимите меня, дети, и порадуйтесь вместе с вашим отцом.

Валер. Так вы — наш отец?

Мариана. А матушка вас оплакивала!

Ансельм. Да, дочь моя, да, сын мой, я дон Томазо д'Альбурчи. Небо спасло меня от гибели в морской пучине и от разорения: все деньги были при мне. Шестнадцать с лишком лет считал я вас всех погибшими и наконец, после долгих скитаний, вздумал искать счастья в новом браке, в новой семье, вздумал жениться на кроткой и благородной девушке. Возвращаться в Неаполь я не рискнул и решил покинуть его навсегда. Мне удалось заглазно продать имущество, и я поселился здесь под именем Ансельма, чтобы прежнее мое имя не напоминало мне о былых невзгодах.

Гарпагон. Так это ваш сын?

Ансельм. Да.

Гарпагон. В таком случае потрудитесь уплатить мне десять тысяч экю, которые он у меня украл.

Ансельм. Он? У вас украл?

Гарпагон. Да, он.

Валер. Кто это вам сказал?

Гарпагон. Жак.

Валер *(Жаку)*. Ты это говорил?

Жак. Вы же видите, что я молчу.

Гарпагон. Комиссар записал его показания.

Валер. И вы думаете, что я способен на такую подлость?

Гарпагон. Там уж способен ли, нет ли, а денежки мои подай!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Клеант и Лафлеш.

Клеант. Успокойтесь, батюшка, и никого не обвиняйте. Я кое-что узнал о вашей пропаже и пришел вам сказать, что если вы позволите мне жениться на Мариане, то деньги будут вам возвращены.

Гарпагон. Где они?

Клеант. Не тревожьтесь: они в надежном месте, я за них отвечаю, и вообще все зависит от меня. Я только жду вашего решения. Предоставляю вам на выбор — или отдать мне Мариану, или проститься со шкатулкой.

Гарпагон. Ты ничего из нее не вынул?

Клеант. Ничего. Матушка Марианы уже объявила, что ей все равно, вы или я,— как сама Мариана хочет. Итак, дело за вами.

Мариана *(Клеанту)*. Вы еще не знаете, что теперь этого согласия уже недостаточно: небо возвратило мне не только брата *(указывает на Валера)*, но и отца. *(Указывает на Ансельма.)* Что-то он скажет?

Ансельм. Неужто я вернулся к вам, дети мои, для того, чтобы противиться вашим желаниям? Сознайтесь, господин Гарпагон, что для молодой девушки сын всегда будет больше по сердцу, чем отец. Не заставляйте же меня тратить лишние слова, возьмите пример с меня и соглашайтесь на обе свадьбы.

Гарпагон. Пока я не увижу моей шкатулки, я ничего не скажу.

Клеант. Она цела и невредима.

Гарпагон. На приданое денег у меня нет.

Ансельм. У меня найдутся. Об этом не беспокойтесь.

Гарпагон. Вы принимаете на себя все расходы по обеим свадьбам?

Ансельм. Да, принимаю. Вы удовлетворены?

Гарпагон. Да, но вы должны сшить мне к этим свадьбам новое платье.

Ансельм. Идет. А теперь можно и повеселиться.

Комиссар. Стойте, господа, стойте, не торопитесь. А кто мне заплатит за составление акта?

Гарпагон. На что нам ваш акт?

Комиссар. Выходит, я даром трудился?

Гарпагон *(указывая на Жака)*. Вот вам вместо платы: можете его повесить.

Жак. Как же после этого жить на свете? Скажешь правду — бьют палкой, солжешь — хотят повесить.

Ансельм. Уж вы его простите, господин Гарпагон!

Гарпагон. А комиссару заплатите?

Ансельм. Так и быть. Ну, детки, поспешим обрадовать вашу матушку.

Гарпагон. А я поспешу к моей милой шкатулочке!

ГОСПОДИН ДЕ ПУРСОНЬЯК

КОМЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Господин де Пурсоньяк.
Оронт.
Жюли — дочь Оронта.
Эраст — молодой человек, влюбленный в Жюли.
Сбригани — неаполитанец, посредник в сердечных делах.
Нерина — посредница в сердечных делах.
Люсетта — мнимая гасконка.
Дети.
Первый доктор.
Второй доктор.
Аптекарь.
Крестьянин.
Крестьянка.
Первый солдат швейцарской гвардии.
Второй солдат швейцарской гвардии.
Полицейский офицер.
Первый страж.
Второй страж.
Лакеи.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА БАЛЕТА

Певица.
Два певца.
Музыканты.
Танцоры.
Два балетмейстера.
Два пажа, танцующие.
Четверо любопытных, танцующие.
Два солдата швейцарской гвардии, танцующие.
Два смешных медика.
Шуты.
Два адвоката, поющие.
Два прокурора, танцующие.
Двое полицейских.
Цыганка, поющая.
Цыган, поющий.
Маски, поющие и танцующие.

Действие происходит в Париже.

ПРОЛОГ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эраст, певица, два певца, музыканты, танцоры.

Эраст *(музыкантам и танцорам)*. Исполняйте в точности мои распоряжения, касающиеся серенады, а я уйду и больше здесь уже не покажусь. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Певица, два певца, музыканты, танцоры.

Серенада состоит из пения, музыки и танцев. Слова намекают на отношения между Эрастом и Жюли и выражают чувства двух влюбленных, которым препятствуют их упрямые родители.

Певица

О ночь! На все глаза целительной рукою
Накинь покров волшебный сна
И лишь того не принуждай к покою,
Кого избрал Амур своим слугою.
О ночь! Твой мрак и тишина
Желаннее, чем день прекрасный,
Для ласковых речей, для вздохов неги страстной.

Первый певец

Как хорошо в полночный час
Вздыхать и таять в неге страстной,
Когда в сердцах горит огонь согласный,
Когда враждебных не боишься глаз,
Когда дневной тиран настичь не может нас!
Как хорошо в полночный час
Вздыхать и таять в неге страстной,
Когда в сердцах горит огонь согласный!

Второй певец

Пусть разлучить стремятся нас,
Пускай сердцам поставлена преграда —
Верь: совершенную любовь нельзя убить.
Мы победим, и только надо
По-настоящему любить.

Все трое вместе

Так будем же любить до гроба:
Гонение людей, слепой Фортуны злоба,
Родительский запрет, разлука, тяжкий труд
Усилят нашу страсть и твердость нам дадут.
Так будем же любить до гроба!
Когда любовь воистину сильна,
Все в мире победит она [1].

ПЕРВЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Танец двух балетмейстеров.

ВТОРОЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Танец двух пажей.

ТРЕТИЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Четверо любопытных поссорились между собой во время танца пажей и теперь сами танцуют и одновременно дерутся на шпагах.

ЧЕТВЕРТЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Два солдата швейцарской гвардии разнимают дерущихся и, помирив их, начинают танцевать вместе с ними.

---

[1] В комедии «Господин де Пурсоньяк» стихи переведены В. Левиком.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жюли, Эраст, Нерина.

Жюли. Ах, Эраст, будем осторожны, иначе нас застанут врасплох! Я так боюсь, что нас увидят вместе: ведь тогда все погибло — мне же запрещено встречаться с вами.

Эраст. Я смотрю кругом и никого не вижу.

Жюли *(Нерине)*. Будь и ты, Нерина, начеку. Смотри в оба, не идет ли кто-нибудь.

Нерина *(отходя в глубину сцены)*. Положитесь на меня и смело говорите все, что вам нужно сказать друг другу.

Жюли. Ну что, Эраст, придумали вы, как помочь нашему горю? У вас есть надежда расстроить эту злополучную свадьбу, которую затеял мой отец?

Эраст. По крайней мере, мы трудимся над этим изо всех сил и уже приготовили немало боевых снарядов, чтобы разрушить эту нелепую затею.

Нерина *(подбегает к Жюли)*. Сюда идет ваш батюшка, честное слово!

Жюли. Ах, разойдемся скорее в разные стороны!

Нерина. Нет-нет, стойте спокойно: мне показалось.

Жюли. Боже, как ты глупа, Нерина! Ну можно ли так пугать?

Эраст. Да, прелестная Жюли, мы придумали тьму всяких ухищрений и, с вашего соизволения, решимся все пустить в ход. Не спрашивайте, какие мы для этого нажмем пружины. Вас это позабавит: мы, как в комедиях, усладим вас прелестью нежданного, заранее не открывая, что вам предстоит увидеть. Достаточно сказать, что у нас в запасе есть несколько совершенно готовых планов военных действий и что за это дело берутся находчивая Нерина и ловкий Сбригани.

Нерина. Конечно! Ваш батюшка совсем с ума сошел: вздумал навязать вам лиможского адвоката, сроду его и не видав,— этого господина де Пурсоньяка, который тащится сюда в почтовом дилижансе, чтобы выкрасть вас из-под самого нашего носа. Из-за каких-нибудь лишних трех-четырех тысяч экю по одному лишь слову вашего дядюшки дать отставку жениху, который вам нравится! Ну пара ли такая девушка какому-то лиможцу? Уж если ему не терпится жениться, почему же он не возьмет какую-нибудь свою, лиможскую, а добрых людей не оставит в покое? Одно имя господина де Пурсоньяка приводит меня в неописуемую ярость. Меня бесит господин де Пурсоньяк! Из-за одного этого имени «Пурсоньяк» я себя не пожалею, а уж расстрою эту свадьбу! Не бывать вам госпожой де Пурсоньяк! Пурсоньяк! Разве можно с этим примириться? Нет, меня мутит от Пурсоньяка. Мы так его одурачим, столько шуток с ним сыграем, что наш господин де Пурсоньяк живо уберется к себе в Лимож!

Эраст. Вот наш хитроумный неаполитанец и, верно, с новостями.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Сбригани.

Сбригани. Сударь! Ваш недруг сейчас прибудет. Я видел его в трех милях отсюда, там, где дилижанс останавливается на ночлег. На кухне, куда он явился позавтракать, я наблюдал за ним добрых полчаса и могу сказать, что знаю его теперь вдоль и поперек. О его наружности я ничего вам говорить не стану. Вы сами увидите, каким нарисовала его природа и соответствует ли облику его убранство. Что же касается ума, то предупреждаю вас заранее: тупица, каких мало, а это нам и на руку. Словом сказать, этот человек попадется в любые сети, какие бы ему ни расставили.

Эраст. Это правда?

Сбригани. Истинная правда, если только я мало-мальски разбираюсь в людях.

Нерина. Сударыня! Вы имеете дело со знаменитостью: в лучшие руки ваше дело просто не могло попасть. Он истинный герой нашего века, для подвигов, какие нам предстоят, равного ему не найти. Перед вами человек, который раз двадцать, только чтобы помочь друзьям, великодушно рисковал угодить на каторгу, который с опасностью для жизни добросовестно доводит до конца самые отчаянные предприятия и которого все же изгнали из родной страны за множество честных дел, а ведь он брал их на себя исключительно по своему благородству.

Сбригани. Такие похвалы хоть кого могли бы смутить. Однако с еще большим правом я мог бы воздать хвалу вам за те чудеса, которые совершали вы. Особенно мне бы хотелось напомнить вам о том, какую славу вы себе стяжали, когда столь честным образом обжулили в игре на двенадцать тысяч экю молодого знатного иностранца, которого ввели к вам в дом; или же когда вы столь искусно составили фальшивый договор и разорили целую семью; или же когда вы, обнаружив несравненное величие духа, сумели отпереться, будто вы в глаза не видели ценностей, которые вам были сданы на хранение; или же когда вы своим лжесвидетельством столь самоотверженно отправили на виселицу двух ни в чем не повинных людей.

Нерина. Право, это такие мелочи, о которых не стоит говорить. Я краснею от ваших комплиментов.

Сбригани. Я готов пощадить вашу скромность. Оставим этот разговор и примемся за дело. Начнем с того, что немедленно отправимся к нашему провинциалу. Вы же, со своей стороны, держите наготове прочих актеров нашей комедии.

Эраст *(к Жюли)*. Во всяком случае, сударыня, помните вашу роль и, чтобы лучше скрыть нашу игру, притворитесь, как мы уговорились, что вы чрезвычайно довольны решением вашего отца.

Жюли. Если дело только за этим, все выйдет чудесно.

Эраст. А что, если, прелестная Жюли, из всех наших ухищрений ничего не получится?

Жюли. Тогда я откроюсь отцу в моих истинных чувствах.

Эраст. А если он не поглядит на ваши чувства и будет стоять на своем?

Жюли. Я пригрожу ему, что уйду в монастырь.

Эраст. А если и это его не остановит и он будет принуждать вас к браку?

Жюли. Что мне вам на это ответить?

Эраст. Что ответить?

Жюли. Да.

Эраст. То, что говорят, когда любят.

Жюли. Что же именно?

Эраст. Что никакая сила не может вас к этому принудить и что, несмотря на все старания отца, вы обещаете мне быть моею.

Жюли. Ах, боже мой, Эраст! Довольствуйтесь тем, что я делаю сейчас, и не выпытывайте заранее решений моего сердца. Не насилуйте моего дочернего долга и не предлагайте мне тех ужасных крайностей, в которых, может быть, и не встретится нужды. А если мне и придется к ним прибегнуть, то лишь поневоле, если так сложатся обстоятельства.

Эраст. Ну что ж...

Сбригани. А, да вот и он! Приготовимся!

Нерина. Вот так фигура!

Эраст, Жюли и Нерина уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сбригани, господин де Пурсоньяк.

Господин де Пурсоньяк *(глядя в ту сторону, откуда он появился, и обращаясь к людям, которые, видимо, шли за ним следом)*. Ну что? Что случилось? В чем дело? Черт бы побрал этот дурацкий город со всеми дуралеями, которые здесь живут! Шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на болванов, которые пялят на тебя глаза и хохочут! Эй, ротозей! Займитесь своими делами, дайте человеку пройти и не гогочите ему в лицо! Черт меня возьми, если я не тресну кулаком по роже первого, кто засмеется!

Сбригани. Что ж это такое, господа? Что это значит? К кому вы пристаете? Разве можно так издеваться над честными провинциалами, которые к нам приезжают?

Господин де Пурсоньяк. Вот это, сразу видно, человек разумный.

Сбригани. Как вы себя ведете? И что вас так распотешило?

Господин де Пурсоньяк. Правильно!

Сбригани. Что в этом господине такого смешного?

Господин де Пурсоньяк. Вот-вот!

Сбригани. Разве он не такой, как все люди?

Господин де Пурсоньяк. Кривобокий я, что ли, или горбатый?

Сбригани. Учитесь распознавать людей!

Господин де Пурсоньяк. Прекрасно сказано!

Сбригани. Лицо этого господина внушает уважение.

Господин де Пурсоньяк. Совершенно справедливо.

Сбригани. Он человек знатный...

Господин де Пурсоньяк. Да, лиможский дворянин.

Сбригани. ...умный...

Господин де Пурсоньяк. Окончивший курс юридических наук.

Сбригани. Он оказал нам слишком много чести тем, что посетил наш город.

Господин де Пурсоньяк. Несомненно!

Сбригани. В нем нет ничего такого, что могло бы вызвать насмешку.

Господин де Пурсоньяк. Разумеется!

Сбригани. И тот, кто позволит себе над ним смеяться, будет иметь дело со мной!

Господин де Пурсоньяк. Милостивый государь! Я чрезвычайно вам обязан.

Сбригани. Мне крайне прискорбно, сударь, что столь достойной особе, как вы, оказан такой прием, и я прошу у вас прощения за наш город.

Господин де Пурсоньяк. Я ваш покорный слуга.

Сбригани. Я видел вас еще утром, сударь, во время остановки дилижанса: вы изволили завтракать, и, глядя, как изящно вы кушали хлеб, я сразу почувствовал к вам симпатию. Я знаю, вы здесь в первый раз, совсем новый здесь человек, и очень рад, что встретился с вами и могу предложить вам свои услуги на время вашего приезда. Я вам объясню, как надо вести себя с местными жителями, ведь они не всегда относятся с должным уважением к порядочным людям.

Господин де Пурсоньяк. Вы слишком любезны.

Сбригани. Я уже говорил вам, что с первого взгляда почувствовал к вам расположение.

Господин де Пурсоньяк. Крайне вам признателен.

Сбригани. Мне очень понравилось ваше лицо.

Господин де Пурсоньяк. Чрезвычайно польщен.

Сбригани. Я сразу увидел в нем нечто весьма достойное...

Господин де Пурсоньяк. Покорно вас благодарю.

Сбригани. ...нечто приятное...

Господин де Пурсоньяк. Ах, что вы!

Сбригани. ...привлекательное...

Господин де Пурсоньяк. Ах, что вы!

Сбригани. ...кроткое...

Господин де Пурсоньяк. Ах, что вы!

Сбригани. ...величавое...

Господин де Пурсоньяк. Ах, что вы!

Сбригани. ...искреннее...

Господин де Пурсоньяк. Ах, что вы!

Сбригани. ...и задушевное.

Господин де Пурсоньяк. Ах, что вы!

Сбригани. Поверьте, что я весь к вашим услугам.

Господин де Пурсоньяк. Моей признательности нет границ.

Сбригани. Говорю от чистого сердца.

Господин де Пурсоньяк. Охотно верю.

Сбригани. Если б я имел честь быть вашим знакомым, вы убедились бы, что я человек в высшей степени искренний...

Господин де Пурсоньяк. Нисколько не сомневаюсь.

Сбригани. ...враг всякого притворства...

Господин де Пурсоньяк. Твердо в этом уверен.

Сбригани. ...неспособный скрывать свои чувства.

Господин де Пурсоньяк. Я так и думал.

Сбригани. Я вижу, вы обратили внимание, что на мне платье другого покроя, чем у местных жителей, но дело в том, что ваш покорный слуга родом из Неаполя, и я решил хотя бы отчасти сохранить манеру одеваться, а также искренность, присущую моим землякам.

Господин де Пурсоньяк. Прекрасно сделали. А мне вот захотелось одеться так, как одеваются придворные, когда отправляются в путешествие.

Сбригани. Клянусь честью, наряд этот вам более к лицу, нежели всем нашим придворным.

Господин де Пурсоньяк. То же самое говорил мне мой портной. Костюм изящный, роскошный, он наделает в Париже много шуму.

Сбригани. Вне всякого сомнения. Вы, конечно, побываете в Лувре?

Господин де Пурсоньяк. Пожалуй, мне придется представиться ко двору.

Сбригани. Король будет в восторге от вашего посещения.

Господин де Пурсоньяк. Надо полагать.

Сбригани. Вы уже наняли квартиру?

Господин де Пурсоньяк. Нет, только еще собирался искать.

Сбригани. Вы доставили бы мне огромное удовольствие, если бы разрешили помочь вам; мне здесь знакома каждая улица, каждый дом.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Те же и Эраст.

Эраст. Что это? Кого я вижу? Какая приятная встреча! Господин де Пурсоньяк! Как я рад вас видеть! Но что это? Вы как будто меня не узнаете?

Господин де Пурсоньяк. Доброго здоровья, сударь.

Эраст. Неужели каких-нибудь пять-шесть лет настолько изгладили меня из вашей памяти, что вы не узнаете лучшего друга семьи Пурсоньяков?

Господин де Пурсоньяк. Прошу прощения. *(К Сбригани.)* Честное слово, я его не знаю.

Эраст. В Лиможе я знаю всех Пурсоньяков от мала до велика. Когда я жил там, я только у них и бывал и почти каждый день имел честь видеть вас.

Господин де Пурсоньяк. Это я имел честь, сударь...

Эраст. Неужели мое лицо вам не знакомо?

Господин де Пурсоньяк. Да, правда. *(К Сбригани.)* Знать его не знаю.

Эраст. Разве вы не помните, сколько раз я имел счастье с вами выпивать?

Господин де Пурсоньяк. Простите! *(К Сбригани.)* Не понимаю, что он говорит.

Эраст. Как зовут того трактирщика в Лиможе, который всегда так вкусно кормит?

Господин де Пурсоньяк. Пти-Жан?

Эраст. Он самый. К нему-то мы с вами чаще всего и хаживали, чтобы подзакусить. А как у вас в Лиможе называется место для прогулок?

Господин де Пурсоньяк. Аренское кладбище?

Эраст. Вот-вот. Сколько приятных часов я провел там в беседах с вами! Неужели не помните!

Господин де Пурсоньяк. Простите... Припоминаю... *(К Сбригани.)* Черт меня возьми, если я помню что-нибудь подобное.

Сбригани *(господину де Пурсоньяку)*. Такие вещи часто выпадают из памяти.

Эраст. Обнимемся же и вновь скрепим узы нашей старинной дружбы!

Сбригани *(господину де Пурсоньяку)*. По-видимому, этот человек вас очень любит.

Эраст. Скажите, пожалуйста, как поживают ваши родные? Как чувствует себя ваш... ну, этот самый... такой почтенный человек...

Господин де Пурсоньяк. Мой брат, консул?

Эраст. Да-да.

Господин де Пурсоньяк. Великолепно себя чувствует.

Эраст. Как я рад! А этот весельчак? Ну, этот ваш...

Господин де Пурсоньяк. Мой двоюродный брат, асессор?

Эраст. Правильно.

Господин де Пурсоньяк. Все такой же веселый и бодрый.

Эраст. Ах, как меня это радует! Ну, а ваш дядюшка, которого я...

Господин де Пурсоньяк. У меня нет никакого дядюшки.

Эраст. В те времена как будто бы был...

Господин де Пурсоньяк. У меня была тетка.

Эраст. Тетушку-то я и имел в виду. Ну как она поживает?

Господин де Пурсоньяк. Уже полгода, как умерла.

Эраст. Как жаль! Бедная женщина! Такая прекрасная особа!

Господин де Пурсоньяк. Мой племянник, каноник, тоже чуть было не умер от оспы.

Эраст. Вот было бы жалко!

Господин де Пурсоньяк. Разве вы и его знаете?

Эраст. Что за вопрос! Высокий, статный молодой человек.

Господин де Пурсоньяк. Ну, не такой уж он высокий.

Эраст. Да, но он хорошо сложен.

Господин де Пурсоньяк. Вот это верно.

Эраст. Он ведь ваш племянник?

Господин де Пурсоньяк. Да.

Эраст. Сын вашего брата или сестры?

Господин де Пурсоньяк. Правильно.

Эраст. Каноник церкви святого... как его...

Господин де Пурсоньяк. Святого Стефана.

Эраст. Вот-вот, о нем я и говорю.

Господин де Пурсоньяк *(к Сбригани)*. Он перечислил всю мою родню.

Сбригани. Он знает вас великолепно.

Господин де Пурсоньяк. По-видимому, вы долго жили в нашем городе?

Эраст. Целых два года.

Господин де Пурсоньяк. Стало быть, вы были у нас, когда губернатор крестил ребенка у моего кузена, асессора?

Эраст. Конечно, я был одним из первых приглашенных.

Господин де Пурсоньяк. Это было торжественно.

Эраст. Очень торжественно.

Господин де Пурсоньяк. Обед был на славу.

Эраст. Еще бы!

Господин де Пурсоньяк. Значит, вы были свидетелем моей ссоры с перигорским дворянином?

Эраст. Был.

Господин де Пурсоньяк. Черт возьми! Нашел с кем связываться!

Эраст. Ха-ха!

Господин де Пурсоньяк. Он, правда, влепил мне пощечину, зато и я в долгу не остался.

Эраст. Разумеется. Итак, я совершенно уверен, что вы остановитесь у меня.

Господин де Пурсоньяк. Я боюсь...

Эраст. Помилуйте! Я не допущу, чтобы мой лучший друг поселился не у меня.

Господин де Пурсоньяк. Это вас...

Эраст. Нет, черт возьми, вы остановитесь у меня!

Сбригани *(господину де Пурсоньяку)*. Раз он так настаивает, мой совет — воспользоваться его приглашением.

Эраст. Где ваши вещи?

Господин де Пурсоньяк. Я оставил их на попечении слуги в гостинице.

Эраст. Мы пошлем кого-нибудь за ними.

Господин де Пурсоньяк. Нет. Я наказал ему не отходить от них, пока сам за ними не приду, а то ведь могут и обокрасть.

Сбригани. Весьма разумная предосторожность.

Господин де Пурсоньяк. В этом городе надо держать ухо востро!

Эраст. Сразу видно умного человека.

Сбригани. Я схожу за вещами вместе с господином де Пурсоньяком, а затем приведу его, куда вы укажете.

Эраст. Отлично. Я пока отдам кое-какие распоряжения, а вы пожалуйте прямо в этот дом.

Сбригани. Мы скоро будем у вас.

Эраст *(господину де Пурсоньяку)*. Жду с нетерпением.

Господин де Пурсоньяк *(к Сбригани)*. Право, я никак не рассчитывал на такое знакомство.

Сбригани. Он производит впечатление порядочного человека.

Господин де Пурсоньяк и Сбригани уходят.

Эраст *(один)*. Ну, господин де Пурсоньяк, теперь вы у нас запляшете! Все готово, остается только постучать в эту дверь. Отворите!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Эраст, аптекарь.

Эраст. Если я не ошибаюсь, сударь, вы тот доктор, с которым на днях говорили от моего имени?

Аптекарь. Нет, сударь, я не доктор, мне эта честь не принадлежит; я всего лишь аптекарь, скромный аптекарь, который к вашим услугам.

Эраст. А доктор дома?

Аптекарь. Да, принимает больных. Пойду скажу ему, что вы пожаловали.

Эраст. Не нужно, не ходите. Я подожду, пока он освободится. Его заботам я собираюсь поручить одного моего родственника, о котором с ним уже говорили. Он слегка поврежден в уме, и мы, его родные, хотели бы сначала вылечить его, а потом женить.

Аптекарь. Знаю, знаю, о ком идет речь. Я был у доктора, когда с ним об этом говорили. По чести скажу, по чести скажу, искуснее врача вам не найти! Он знает медицину, как я — «Отче наш», и ни на йоту не отступит от правил, предписанных древними, хотя бы из-за этого больной отправился на тот свет. Да, он всегда идет проторенной дорогой, проторенной дорогой и не станет плутать по нехоженым тропам. Ни за какие блага не согласился бы он лечить больного средствами, которых не предписывают медицинские светила.

Эраст. Правильно делает. Больной не должен хотеть выздороветь, если нет на то соизволения медицинских светил.

Аптекарь. Я так хвалю его не потому, что мы с ним большие друзья. Но, право, одно удовольствие, одно удовольствие быть его пациентом. Я предпочел бы умереть от его лекарств, чем выздороветь от лекарств другого врача. Что бы ни случилось, с ним всегда можно быть уверенным, что все протекает, как должно, и, если даже вы с его врачебной помощью умрете, вашим наследникам не в чем будет вас упрекнуть.

Эраст. Да, это большое утешение для покойника!

Аптекарь. Конечно! По крайней мере, знаешь, что умер по всем правилам. К тому же он не из тех врачей, у которых больные залеживаются, как товар на полке. Он человек проворный, проворный, любит поторапливать больного, и если кому-либо суждено умереть, то он содействует тому, чтобы это случилось как можно скорее.

Эраст. В самом деле, чем скорее, тем лучше.

Аптекарь. Совершенно справедливо. К чему мешкать и ходить вокруг да около? Нужно только сразу определить, долго или не долго протянется болезнь.

Эраст. Вы правы.

Аптекарь. На мою долю выпала особая честь: он лечил у меня троих детей, и в какие-нибудь три дня они уже убрались, а попади они к другому, так мучились бы еще месяца три.

Эраст. Какое счастье иметь таких друзей!

Аптекарь. Еще бы! У меня теперь осталось двое детей, и заботится он о них, как о своих собственных: лечит и распоряжается ими, как ему вздумается, я уж ни во что не вмешиваюсь. Часто бывает так: возвращаюсь домой и с удивлением узнаю, что им пустили кровь или дали слабительное по его предписанию.

Эраст. Поистине дружеские попечения!

Аптекарь. Вот он и сам, вот он и сам, вот он и сам идет!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, первый доктор, крестьянин и крестьянка.

Крестьянин. Сударь! Ему невтерпеж. Очень уж, говорит, сильно болит голова.

Первый доктор. Ваш больной — дурак, тем более что, по Галену, при болезни, которой он страдает, должна болеть не голова, а селезенка.

Крестьянин. Что ни говорите, сударь, а у него вдобавок вот уже шестой месяц как не проходит понос.

Первый доктор. Прекрасно. Это симптом, что внутренности прочищаются. Я навещу его дня через два. Но если он умрет за это время, вы не преминете известить меня об этом, ибо не приличествует врачу посещать мертвеца.

Крестьянин уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Эраст, аптекарь, первый доктор, крестьянка.

Крестьянка *(доктору)*. Сударь! Моему отцу все хуже да хуже.

Первый доктор. Я в этом не виноват. Я пользую его всевозможными средствами, что ж он не выздоравливает? Сколько раз ему отворяли кровь?

Крестьянка. За двадцать дней, сударь, пятнадцать раз.

Первый доктор. Пятнадцать раз?

Крестьянка. Да.

Первый доктор. И он все не выздоравливает?

Крестьянка. Нет.

Первый доктор. Это доказывает, что болезнь не в крови. Мы столько же раз дадим ему слабительное и проверим, не в соках ли она. А если и это не поможет, пропишем ему ванны.

Аптекарь. Вот оно, искусство, вот оно, искусство медицины!

Крестьянка уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Эраст, аптекарь, первый доктор.

Эраст *(доктору)*. Я, сударь, посылал к вам на днях для переговоров об одном моем родственнике, у которого слегка помутился рассудок. Мне было бы желательно поместить его у вас: так и лечить его будет удобнее, и он меньше будет мозолить людям глаза.

Первый доктор. Да, сударь, я уже распорядился и могу ручаться, что уход за ним будет самый тщательный.

Эраст. А вот и он.

Первый доктор. По счастливому стечению обстоятельств у меня сейчас гостит мой старый приятель; мне было бы весьма любопытно посоветоваться с ним по поводу вашего больного.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и господин де Пурсоньяк.

Эраст *(господину де Пурсоньяку)*. Мне нужно будет отлучиться по делу *(указывая на доктора)*, но я оставлю вас на попечение этого господина; ради меня он сделает для вас все, что от него зависит.

Первый доктор. Это мой долг. Постараюсь оправдать ваше доверие.

Господин де Пурсоньяк *(в сторону)*. Это его дворецкий. Видно, мой хозяин — человек знатный.

Первый доктор. Да, обещаю вам заботиться о вашем госте методически, по всем правилам нашей науки.

Господин де Пурсоньяк. Ради бога, к чему столько церемоний? Я пикому не хочу причинять беспокойство.

Первый доктор. Такая обязанность — для меня одно удовольствие.

Эраст *(доктору)*. Вот вам пока шесть пистолей в счет обещанного.

Господин де Пурсоньяк. Нет-нет, прошу вас! Я не допущу, чтобы вы на меня тратились и посылали за покупками.

Эраст. Ради бога, не беспокойтесь! Деньги я дал совсем не на то.

Господин де Пурсоньяк. Прошу вас, будьте со мной запросто.

Эраст. Я этого и хочу. *(Доктору, тихо.)* Самое главное, не отпускайте его от себя ни на шаг: временами он порывается бежать.

Первый доктор. Насчет этого не беспокойтесь.

Эраст *(господину де Пурсоньяку)*. Простите, что я так невежлив...

Господин де Пурсоньяк. Помилуйте! Вы и так ко мне слишком внимательны.

Эраст уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Аптекарь, первый доктор, господин де Пурсоньяк, второй доктор.

Первый доктор. Это большая честь для меня, сударь, что именно мне поручили за вами ухаживать.

Господин де Пурсоньяк. Очень вам признателен.

Первый доктор. Рекомендую вам моего собрата, ученейшего человека. Я с ним сейчас посоветуюсь, какой нам режим установить для вас.

Господин де Пурсоньяк. Еще раз повторяю: к чему такие церемонии? Я довольствуюсь малым.

Первый доктор. Эй, принесите сюда кресла!

Появляются **лакеи**, подают кресла и уходят.

Господин де Пурсоньяк. Однако какая мрачная прислуга у такого молодого человека!

Первый доктор. Прошу вас, сударь, садитесь.

Доктора сажают его между собой.

Господин де Пурсоньяк *(садится).* Очень благодарен.

Доктора щупают ему пульс.

Что это значит?

Первый доктор. Хорошо ли вы кушаете, сударь?

Господин де Пурсоньяк. Да, а пью еще лучше.

Первый доктор. Вот это-то и плохо. Такая сильная потребность в холодном и влажном указывает на внутренний жар и сухость. Хорошо ли вы спите?

Господин де Пурсоньяк. Да, особенно когда плотно поужинаю.

Первый доктор. Видите сны?

Господин де Пурсоньяк. Случается.

Первый доктор. Какого рода?

Господин де Пурсоньяк. Сны как сны... Что это за разговор, черт возьми?

Первый доктор. Каков у вас стул?

Господин де Пурсоньяк. Честное слово, не понимаю, к чему эти вопросы? Лучше бы пропустить стаканчик-другой.

Первый доктор. Немного терпения! Мы при вас же обсудим, как с вами быть, а чтобы вы нас поняли, будем говорить не по-латыни.

Господин де Пурсоньяк. Да какие же особые обсуждения требуются для того, чтобы закусить?

Первый доктор. Поелику известно, что нельзя вылечить болезнь, не изучив ее досконально, а досконально изучить ее невозможно, в точности не определив, на основании диагностических и прогностических данных, ее особой идеи и подлинной сущности, то позвольте мне, наш уважаемый старейшина, войти в рассмотрение оной болезни, а затем уже коснуться терапии и лечебных средств, к коим нам должно будет прибегнуть для совершенного ее излечения. Итак, милостивый государь, с вашего позволения я утверждаю, что пациент наш, здесь присутствующий, имеет несчастье быть пораженным, одержимым, охваченным, измученным тем видом умственного расстройства, каковой мы весьма удачно именуем ипохондрическою меланхолией, формой помешательства весьма тяжелой, для излечения которой требуется такой эскулап, как вы, непревзойденный мастер, поседевший, как говорится, в боях, через руки коего прошло великое множество вс́якого рода больных. Сей недуг именуется мною ипохондрической меланхолией, в отличие от двух других его форм, поелику достославный Гален научным, как это ему свойственно, способом установил три вида сего недуга, каковой мы именуем меланхолией и именуемый подобным образом не только римлянами, но и греками, что в сем случае особое имеет значение. Первый вид его зависит от болезни мозга как таковой; второй зависит от общей порчи крови, наполнившейся и пропитавшейся желчью; третий же, именуемый ипохондрическим, каковой мы в сем случае и наблюдаем, происходит от расстройства в нижней части внутренностей, главным образом селезенки, коей воспаление засоряет мозг нашего больного изрядным количеством густой и грязной копоти, испарения каковой, черные и зловредные, нарушают функции важнейшей нашей способности, чем и вызывается, по нашему разумению, данный недуг, коим наш больной столь явно поражен и терзаем. Дабы удостовериться в безошибочности диагноза, мною поставленного, достаточно взглянуть на это сосредоточенное выражение лица, заметить на этом лице печаль в сочетании со страхом и подозрительностью, заметить признаки патогномонические и индивидуальные, столь точно указанные божественным старцем Гиппократом, обратить внимание на эту физиономию, на эти глаза, красные и блуждающие, на эти длинные усы, на сложение этого тела, хилого, тщедушного, смуглого и волосатого, каковые признаки свидетельствуют о крайней пораженности оного субъекта сим недугом, от ипохондрического расстройства происходящим, каковой недуг, с течением времени укрепившись, укоренившись, угнездившись, обретя, так сказать, права гражданства, легко может перейти в манию, в чахотку, в апоплексию, даже в буйное помешательство. Исходя из этого, поелику правильно распознанный недуг уже наполовину исцелен, ибо *ignoti nulla est* *curatio morbi*[1], вам нетрудно будет со мной согласиться касательно врачебных мер, которые к больному применить должно. Во-первых, дабы сие чрезмерное полнокровие и вместе с тем худосочие, по всему телу распространившееся, остановить, предлагаю подвергнуть больного усиленной флеботомии, иными словами — кровопусканиям частым и обильным, сперва из плечевой вены, засим из головной и даже, буде болезнь окажется упорной, вскрыть лобную вену с широким отверстием в оной, дабы сгустившаяся кровь могла выйти наружу. В то же время необходимо очистить, освободить и опорожнить его внутренности надлежащими и соответственными слабительными, колагогическими, меланогогическими и прочими. А поелику истинной причиной всякого недуга являются загрязненные и замутненные соки, иначе говоря — черные, плотные испарения, затемняющие, заражающие и отравляющие животные силы, то я почитаю за благо на будущее время назначить больному ванну из чистой и свежей воды с большим количеством сыворотки, дабы вода изгнала муть из соков, а сыворотка рассеяла черноту испарений. Но прежде всего я почитаю необходимым развлечь больного приятною беседою, пением и игрой на музыкальных инструментах, к коим я не почел бы неуместным добавить и пляску, дабы танцоры движениями своими, легкостью и проворством оживили больного и вывели его из оцепенения, вызванного застоем в крови, а застой в крови и есть источник его недуга. Таковы предлагаемые мною меры, к которым наш старейший и ученейший собрат благодаря своему опыту, мудрости и познаниям, кои он приобрел в нашей науке, волен присовокупить другие, более действительные. Dixi[2].

Второй доктор. Я далек от мысли, милостивый государь, что-либо прибавлять к только что вами сказанному. Вы так подробно остановились на признаках, симптомах и причинах недуга и рассуждение ваше представляется мне столь ученым, столь прекрасным, что больного нельзя не признать помешанным, меланхоликом-ипохондриком, а если бы даже он и не был таковым, то он должен им стать ради красоты речей ваших и справедливости вашего суждения. Да, милостивый государь, вы поистине графически, graphice depinxisti, изобразили все, что оного недуга касается. Большей учености, мудрости и находчивости невозможно было высказать в постижении, обдумывании и осмысливании всего того, что вы изволили сказать по поводу этой болезни, как по части диагноза, так и по части прогноза, а равно и терапии. И мне остается лишь поздравить пациента, что он попал в ваши руки, и объявить ему, что это великое для него счастье, что он помешался, ибо это дает ему возможность испытать на себе целебную силу тех мягких врачебных средств, которые вы имели полное основание ему назначить. Я все их одобряю вполне: manibus et pedibus descendo in tuam sententiam[1]. Я бы только предложил, помимо всего прочего, делать больному нечетное число кровопусканий и промываний желудка, ибо numero Deus impari gaudet[2]; сыворотку давать больному внутрь перед ванной; на лоб ему надеть повязку с солью, ибо соль есть символ мудрости; выбелить стены его комнаты, дабы рассеять мрачные его мысли: album est disgregativum visus[3], и, не откладывая, сделать легкое промывательное, каковое послужило бы прологом и введением к тем разумным мерам лечения, кои, если только больному суждено выздороветь, должны принести ему облегчение. Дай бог, чтобы ваше желание, милостивый государь, исполнилось и предписанные вами меры пошли больному на пользу!

---

[1] Нельзя лечить болезнь неизвестную *(лат.)*.

[2] Вот и все *(лат.)*.

Господин де Пурсоньяк. Господа! Я вас слушаю целый час. Мы что, комедию здесь играем?

Первый доктор. Нет, сударь, мы совсем не играем.

Господин де Пурсоньяк. Что же все это значит? К чему тогда вся эта галиматья и все эти глупости?

Первый доктор. Ага, уже начал бросать оскорбления! Только этого симптома нам и не хватало для окончательного определения его болезни. Болезнь легко может превратиться в манию.

Господин де Пурсоньяк *(в сторону)*. С кем это меня тут посадили? *(Плюет несколько раз.)*

Первый доктор. Еще симптом: обильное слюнотечение.

Господин де Пурсоньяк. Сейчас все брошу и уйду.

Первый доктор. Еще симптом: безудержное стремление к перемене места.

Господин де Пурсоньяк. Да что же это такое? Чего вы от меня хотите?

Первый доктор. Вылечить вас, как нам было приказано.

Господин де Пурсоньяк. Вылечить меня?

---

[1] Я всецело разделяю твое мнение *(лат.)*.
[2] Бог любит нечетные числа *(лат.)*.
[3] Белый цвет проясняет зрение *(лат.)*.

Первый доктор. Да.

Господин де Пурсоньяк. Черт возьми, я же совершенно здоров!

Первый доктор. Нехороший признак, когда больной не ощущает своей болезни.

Господин де Пурсоньяк. Уверяю вас, я отлично себя чувствую.

Первый доктор. Нам лучше знать, как вы себя чувствуете. Мы медики, и нам виднее, в каком вы состоянии.

Господин де Пурсоньяк. Если вы медики, то на что же вы мне нужны? Плевать я хотел на медицину!

Первый доктор. Ого! Ого! Да он еще более невменяем, чем мы предполагали.

Господин де Пурсоньяк. Мои родители не принимали никаких лекарств, и оба скончались без помощи врачей.

Первый доктор. Тогда не удивительно, что сын, которого они произвели на свет, безумен. *(Второму доктору.)* Итак, приступим к лечению и сладостною гармонией, веселящей душу, смягчим, утешим и укротим возмущенный его дух, готовый, как видно, разъяриться.

Аптекарь и оба доктора уходят.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Господин де Пурсоньяк один.

Господин де Пурсоньяк. Что за дьявольщина! Или все в этом городе рехнулись? Никогда еще я ничего подобного не видел и ничего не могу понять.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Господин де Пурсоньяк, два смешных медика, которых изображают итальянские певцы.

Все трое усаживаются. Медики несколько раз встают и кланяются господину де Пурсоньяку, который тоже всякий раз встает и отвечает им поклоном.

Оба медика

Господь здоровья вам пошли!
Вы заболели от печали.
Она влечет недуг тяжелый.

Чтоб вы опять веселым стали,
Пришли мы с песнею веселой,
Мы лишь затем сюда пришли,
Чтоб вы, как прежде, расцвели.
Господь здоровья вам пошли,
Вас от печали исцели!

Первый медик

Грусть, унылость и кручина —
Вот болезней всех причина.
Так рассмейтесь, и тотчас
От поветрий, и зараз,
И от всех недугов враз
Исцелит веселье вас.

Второй медик

Танцуйте, смейтесь, веселитесь —
И вы мгновенно исцелитесь.
А если вдруг начнется бред,
Вина хлебните, лучше средства нет,
И временами нюхайте табак.
Ну, веселей, мосье де Пурсоньяк!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Господин де Пурсоньяк, два смешных медика, шуты.

БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Пляска шутов вокруг господина де Пурсоньяка.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Господин де Пурсоньяк, аптекарь с клистирной трубкой.

Аптекарь. Милостивый государь! Вот легонькое средство, легонькое средство; пожалуйста, примите, пожалуйста, примите!

Господин де Пурсоньяк. Что? Этого еще только недоставало!

Аптекарь. Его вам прописали, его вам прописали!

Господин де Пурсоньяк. Совсем оглушил!

Аптекарь. Примите же, примите; оно не повредит, оно не повредит!

Господин де Пурсоньяк. Ох!

Аптекарь. Легонький клистирчик, легонький клистирчик, нежный-пренежный, да-да, он очень нежный! Вам надобно его поставить, сударь, чтоб вас прочистило, прочистило, прочистило!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Господин де Пурсоньяк, аптекарь, два смешных медика, шуты.

Медики с клистирными трубками и шуты пляшут вокруг господина де Пурсоньяка, затем останавливаются перед ним и поют.

Оба медика

Поставь сие,
Синьор мосье,
Поставь, поставь, поставь сие!
Клистир вернее, чем любое зелье:
Не повредит и возвратит веселье.
Поставь сие,
Синьор мосье,
Поставь, поставь, поставь сие!

Господин де Пурсоньяк. Идите вы ко всем чертям! *(Отбивается шляпой от клистирных трубок и, преследуемый медиками и шутами, бежит в глубину сцены, затем возвращается на прежнее место и садится в кресло, возле которого его поджидает аптекарь; медики и шуты возвращаются следом за ним.)*

Оба медика

Поставь сие,
Синьор мосье,
Поставь, поставь, поставь сие!
Клистир вернее, чем любое зелье:
Не повредит и возвратит веселье.
Поставь сие,
Синьор мосье,
Поставь, поставь, поставь сие!

Господин де Пурсоньяк убегает вместе с креслом, аптекарь бежит за ним и приставляет клистирную трубку к креслу; медики и шуты устремляются вслед за ними.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Первый доктор, Сбригани.

Первый доктор. Он преодолел все воздвигнутые мною преграды и убежал от лечения, которое я начал было к нему применять.

Сбригани. Надо быть самому себе врагом, чтобы спасаться от столь целительных лекарств, как ваши.

Первый доктор. Нежелание выздороветь есть признак больного мозга и помраченного рассудка.

Сбригани. Вы бы его мигом вылечили.

Первый доктор. Несомненно, даже при наличии двенадцати осложнений.

Сбригани. Однако по его милости вы теряете пятьдесят пистолей, которые вы заработали честным трудом.

Первый доктор. Я вовсе не намерен их терять: хочет он или не хочет, а я его вылечу. Он привязан и прикован к моим лекарствам, и, где бы я его ни нашел, я велю схватить его, как дезертира медицины и нарушителя моих предписаний.

Сбригани. Вы правы. Ваши снадобья — дело верное, эти деньги он все равно что у вас из кармана вытащил.

Первый доктор. Где бы мне узнать о нем?

Сбригани. У милейшего Оронта, конечно: это ведь на его дочери он собирается жениться. Боюсь только, как бы тот, ничего не зная о болезни будущего зятя, не вздумал поспешить со свадьбой.

Первый доктор. Сейчас же пойду к нему.

Сбригани. Хорошо сделаете.

Первый доктор. Мне его отдали под залог моей лечебной помощи. Больному нельзя позволять издеваться над врачом.

Сбригани. Это вы здорово сказали. Послушайтесь вы моего совета: не давайте ему жениться до тех пор, пока досыта не напичкаете его своими снадобьями.

Первый доктор. Положитесь на меня.

Сбригани *(вполголоса)*. А я, со своей стороны, придумаю какую-нибудь другую махинацию и оставлю в дураках и тестя и зятя. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Первый доктор, Оронт.

Первый доктор. Милостивый государь! Правда ли, что некий господин де Пурсоньяк женится на вашей дочери?

Оронт. Да, он должен приехать из Лиможа. Вероятно, он уже здесь.

Первый доктор. Да он уже приехал, его поместили ко мне, а он сбежал. Именем медицины я запрещаю вам заключать брачный договор, пока я должным образом не подготовлю жениха, дабы он был в состоянии производить здоровое и телом и душой потомство.

Оронт. Как понять ваши слова?

Первый доктор. Ваш будущий зять был вверен моим попечениям в качестве пациента. Его недуг — это моя собственность, входящая в состав моего движимого имущества. Так вот, я заявляю вам, что не допущу этого брака, прежде чем он не возместит убытков, нанесенных медицине, и не примет всех лекарств, которые я ему назначу.

Оронт. Он болен чем-нибудь?

Первый доктор. Да.

Оронт. Чем же именно, позвольте спросить?

Первый доктор. Не трудитесь расспрашивать.

Оронт. Разве это такая болезнь, что...

Первый доктор. Мы, медики, обязаны соблюдать тайну. Достаточно того, что я приказываю вам и вашей дочери без моего согласия не заключать с ним брачного договора, дабы не навлечь на себя гнев медицинского факультета и не пасть жертвой болезней, которые нам угодно будет на вас наслать.

Оронт. В таком случае я не настаиваю на этом браке.

Первый доктор. Мне его поручили, и он обязан быть моим пациентом.

Оронт. Совершенно справедливо.

Первый доктор. Сколько бы он ни убегал, я по суду заставлю его у меня лечиться.

Оронт. Вполне с вами согласен.

Первый доктор. Пускай он сдохнет, а я его вылечу.

Оронт. От всей души этого желаю.

Первый доктор. А если я его не разыщу, то примусь за вас и стану вместо него лечить вас.

Оронт. Я совершенно здоров.

Первый доктор. Меня это не касается. Мне нужен больной, и я возьму первого попавшегося.

Оронт. Берите кого хотите, только не меня.

Первый доктор уходит.

Вот так рассуждение!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Оронт, Сбригани, одетый фламандским купцом.

Сбригани. Мосье! Разрешайте порекомендоваться: я иностранная фламандская купца, и я очень желательна поспрашивать у вас небольшая сведения.

Оронт. Что вы говорите, сударь?

Сбригани. Наденьте ваша шляпа на ваша голова, мосье, попрошу вас.

Оронт. Что вы хотите мне сказать, сударь?

Сбригани. Я ничего не сказал, мосье, если вы не надевал ваша шляпа на ваша голова.

Оронт. Пусть будет по-вашему. Так в чем же дело, сударь?

Сбригани. Знакомая ли вам в этот город некая господин Оронт?

Оронт. Да, я его знаю.

Сбригани. Какая она человек, мосье, разрешайте спросить?

Оронт. Человек как человек.

Сбригани. Я вас спросить, мосье, богатая ли она человек, имеет ли состояние?

Оронт. Да.

Сбригани. Очень сильно богатая, мосье?

Оронт. Да.

Сбригани. Мой очень рад, мосье.

Оронт. Что же вас так радует?

Сбригани. На это есть небольшой причина, очень важный для нас.

Оронт. В чем же все-таки дело?

Сбригани. Дело то, мосье, что эта господин Оронт отдает своя дочь замуж за некая господин де Пурсоньяк.

Оронт. Ну и что же?

Сбригани. А эта господин де Пурсоньяк, мосье, очень много задолжала десять или двенадцать фламандская купца, которая сюда приехала.

Оронт. Господин де Пурсоньяк много задолжал десяти — двенадцати купцам?

Сбригани. Да, мосье, и восемь месяц уже, как мы получали исполнительная лист, а она отложила расплата со свой кредиторы из приданая, что господин Оронт будет давать за своя дочь.

Оронт. Гм-гм! Он отсрочил свою расплату с кредиторами до этого времени?

Сбригани. Да, мосье. И мы все с большая нетерпения ожидаем эта свадьба.

Оронт *(в сторону)*. Недурное известие! *(Громко.)* Желаю вам всего доброго.

Сбригани. Я благодарна мосье за большая любезность.

Оронт. Ваш покорный слуга.

Сбригани. Я, мосье, больший чем обязан вам за добрая известия.

Оронт уходит. Сбригани снимает накладную бороду и фламандский костюм, надетый поверх обыкновенного.

Дела идут недурно. Скинем наш фламандский наряд и подумаем о новых кознях. Постараемся посеять между тестем и зятем столько розни, столько подозрений, что затеянная свадьба расстроится. Оба они готовы клюнуть на любую удочку, какую им ни закинь, так что для нашего брата, первостатейного мошенника, поймать такую легкую добычу — это детская игра, не больше.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сбригани, господин де Пурсоньяк.

Господин де Пурсоньяк. «Поставь сие, синьор мосье, поставь, поставь, поставь сие!» Что за белиберда? *(Увидев Сбригани.)* Ой!

Сбригани. Что такое, сударь? Что с вами?

Господин де Пурсоньяк. Куда ни взгляну, мне всюду мерещится промывательное.

Сбригани. Как так?

Господин де Пурсоньяк. Вы не знаете, что со мной случилось в том доме, к которому вы меня подвели?

Сбригани. Понятия не имею. А что?

Господин де Пурсоньяк. Я надеялся, что меня там как следует угостят.

Сбригани. Ну и что же?

Господин де Пурсоньяк. «Я вас оставляю на попечение этого господина...» Лекари в черном... Усаживают в кресло... Щупают пульс... «Сомнений нет: он помешан». Двое каких-то толстомордых... в широкополых шляпах... «Добрый день, добрый день...» Шестеро шутов... «Та-ра-та-та, та-ра-та-та... Не унывайте, мосье Пурсоньяк!..» Аптекарь... Клистир... «Вам надобно его поставить, сударь, легонький клистирчик, нежный-пренежный. Чтоб вас прочистило, прочистило, прочистило! Поставь сие, синьор мосье, поставь, поставь, поставь сие!» Никогда в жизни мне не приходилось слышать столько глупостей.

Сбригани. Что же все это значит?

Господин де Пурсоньяк. Это значит, что человек, который лез ко мне обниматься, просто обманщик: он пригласил меня к себе, чтобы посмеяться надо мной и устроить мне гадость.

Сбригани. Так ли это?

Господин де Пурсоньяк. Я в этом не сомневаюсь. За мною по пятам гнались человек десять полоумных, и мне стоило огромного труда вырваться из их лап.

Сбригани. Подумайте только, до чего наружность обманчива! Я был уверен, что это один из самых близких ваших друзей. Неужели на свете могут быть такие мошенники? Мне это представляется невероятным.

Господин де Пурсоньяк. Скажите, пожалуйста, от меня не пахнет промывательным?

Сбригани. Гм! Немножко припахивает.

Господин де Пурсоньяк. У меня и обоняние и воображение полны этим запахом. Мне все чудится, что в меня нацеливаются десятки клистирных трубок.

Сбригани. До чего доходит людская злоба! Бывают же такие мерзавцы, такие злодеи!

Господин де Пурсоньяк. Укажите мне, ради бога, дом господина Оронта: я хочу прямо сейчас пойти к нему.

Сбригани. Эге, да вы, оказывается, влюбчивы? Слышали, должно быть, что у господина Оронта есть дочка?

Господин де Пурсоньяк. Да. Я собираюсь на ней жениться.

Сбригани. Же... жениться?

Господин де Пурсоньяк. Да.

Сбригани. Законным браком?

Господин де Пурсоньяк. А как же еще?

Сбригани. А, тогда другое дело, прошу прощения.

Господин де Пурсоньяк. Что вы этим хотите сказать?

Сбригани. Ничего.

Господин де Пурсоньяк. Нет, все-таки?

Сбригани. Право, ничего. Это я так, не подумав.

Господин де Пурсоньяк. Я вас очень прошу мне сказать, что за этим кроется.

Сбригани. Уверяю вас, в этом нет необходимости.

Господин де Пурсоньяк. Ради бога!

Сбригани. Нет-нет. Умоляю вас, увольте меня от этого!

Господин де Пурсоньяк. Значит, вы мне не друг?

Сбригани. Напротив, самый преданный друг.

Господин де Пурсоньяк. В таком случае вы ничего не должны от меня скрывать.

Сбригани. Здесь затронуты интересы другого лица.

Господин де Пурсоньяк. Вот перстенек, я прошу вас принять его в знак любви ко мне; быть может, он побудит вас быть со мною откровенным.

Сбригани. Дайте мне немного подумать, не иду ли я против совести. *(Отходит на несколько шагов от господина де Пурсоньяка и говорит вполголоса, но так, что тот его слышит.)* Вот, например, человек устраивает свои дела, старается как можно выгоднее пристроить дочь, но ведь вредить-то никому не следует. Дела эти, по правде сказать, ни для кого здесь не тайна, но я-то их собираюсь открыть человеку, который о них не знает, а порочить своего ближнего возбраняется. Все это так, но, с другой стороны, представьте себе приезжего человека, которого хотят поймать, а он по простоте душевной собирается жениться на девушке, не зная ее и сроду в глаза не видав. К тому же он дворянин, хороший человек, я к нему расположен, он считает меня своим другом и тем оказывает мне особую честь, доверяет мне и в знак любви дарит перстень. *(Господину де Пурсоньяку.)* Да, я считаю, что вправе сказать вам все — совесть мне это позволяет. Постараюсь, однако, быть как можно мягче, чтобы по возможности не обижать людей. Сказать, что эта девушка ведет себя недостойно, было бы, пожалуй, слишком сильно. Поищем выражения помягче. Слово «легкомысленная» недостаточно. «Прожженная кокетка» точней всего, мне кажется, выразит нашу мысль, и я осмеливаюсь воспользоваться этим определением, чтобы честно вам сказать, кто она такая.

Господин де Пурсоньяк. Что же, меня хотят обвести вокруг пальца?

Сбригани. Видите ли, возможно, что, в сущности, она не так уж порочна, как о ней думают. К тому же, на худой конец, найдутся ведь люди, которые стоят выше этого и не считают, что их честь зависит...

Господин де Пурсоньяк. Слуга покорный, я отнюдь не питаю пристрастия к подобного рода головным уборам. Пурсоньяки привыкли ни перед кем не опускать глаз.

Сбригани. А вот и ее отец.

Господин де Пурсоньяк. Этот старик?

Сбригани. Да. Я удаляюсь. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Господин де Пурсоньяк, Оронт.

Господин де Пурсоньяк. Здравствуйте, сударь, здравствуйте!

Оронт. Честь имею кланяться, сударь.

Господин де Пурсоньяк. Вы господин Оронт, не так ли?

Оронт. Он самый.

Господин де Пурсоньяк. А я господин де Пурсоньяк.

Оронт. Очень приятно.

Господин де Пурсоньяк. Вы думаете, господин Оронт, что лиможцы — глупцы?

Оронт. А вы думаете, господин де Пурсоньяк, что парижане — дураки?

Господин де Пурсоньяк. Уж не воображаете ли вы, господин Оронт, что такой мужчина, как я, возьмет в жены первую попавшуюся девушку?

Оронт. Уж не воображаете ли вы, господин де Пурсоньяк, что такая девушка, как моя дочь, возьмет в мужья первого попавшегося мужчину?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Жюли.

Жюли. Мне сказали, батюшка, что господин де Пурсоньяк приехал. Ну конечно, это он — мне подсказало сердце! Как он сложён! Как хорош собой! Как я довольна, что у меня будет такой супруг! Позвольте мне обнять его и засвидетельствовать ему...

Оронт. Спокойней, дочь моя, спокойней!

Господин де Пурсоньяк *(в сторону).* Батюшки, как влюбчива! Так сразу и загорелась!

Оронт. Желал бы я знать, господин де Пурсоньяк, на каком основании вы являетесь...

Жюли *(приближается к господину де Пурсоньяку, смотрит на него томным взглядом и хочет взять за руку).* Как я счастлива вас видеть, и как я горю нетерпением...

Оронт. Ах, дочь моя, отойди, говорят тебе!

Господин де Пурсоньяк. Ого, какая бойкая девица!

Оронт. Желал бы я знать, повторяю, на каком основании, позвольте вас спросить, вы берете на себя смелость...

Жюли продолжает ту же игру.

Господин де Пурсоньяк *(в сторону).* Господи, пошли мне сил!

Оронт *(к Жюли).* Опять? Да что же это такое, наконец!

Жюли. А почему мне нельзя ласкать супруга, которого вы сами для меня выбрали?

Оронт. Нельзя. Ступай к себе.

Жюли. Дайте же мне на него наглядеться!

Оронт. Иди, говорят тебе!

Жюли. Позвольте мне остаться здесь!

Оронт. Нет, не позволю, и если ты сию минуту не уйдешь...

Жюли. Ничего не поделаешь, ухожу.

Оронт. Моя дочь — дура: она ничего не понимает.

Господин де Пурсоньяк *(в сторону).* До чего я ей понравился!

Оронт *(к Жюли, которая сделала несколько шагов и остановилась).* Уйдешь ты или нет?

Жюли. Когда же вы наконец обвенчаете меня с господином де Пурсоньяком?

Оронт. Никогда! Он тебе не пара.

Жюли. А я мечтаю за него выйти, да вы и сами этого хотели.

Оронт. Прежде хотел, а теперь расхотел.

Господин де Пурсоньяк *(в сторону).* Как ей не терпится прибрать меня к рукам!

Жюли. Сколько бы вы ни противились, а мы с ним наперекор всему свету непременно поженимся.

Оронт. Ничего, я сумею вас обоих приструнить, можете мне поверить! Вот нашла на девчонку блажь!

Жюли уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Господин де Пурсоньяк, Оронт.

Господин де Пурсоньяк. Ах, боже мой, нареченный тестюшка, не волнуйтесь! Никто не собирается похищать вашу дочь, своими уловками вы никого не проведете!

Оронт. А ваши тоже ни к чему не приведут.

Господин де Пурсоньяк. Как вы могли подумать, что Леонард де Пурсоньяк купит кота в мешке, что у него не найдется и крупицы разума, чтобы осмотреться, порасспросить людей и удостовериться, что, вступая в брак, он не порочит своей чести?

Оронт. Не знаю, что вы этим хотите сказать. Но вы-то как могли подумать, что человек в шестьдесят три года может быть таким безмозглым и так мало уважает свою дочь, что выдаст ее за человека, который вы сами знаете чем болен и отдан доктору на излечение?

Господин де Пурсоньяк. Это подвох, я решительно ничем не болен.

Оронт. Да мне сам врач сказал!

Господин де Пурсоньяк. Врач вам солгал. Я дворянин и готов с ним встретиться со шпагой в руке.

Оронт. Я знаю, чему мне должно верить, и обмануть меня вам не удастся, так же как и по части долгов, которые вы собирались покрыть приданым моей дочери.

Господин де Пурсоньяк. Каких долгов?

Оронт. Перестаньте притворяться. Я виделся с фламандским купцом: он вместе с прочими кредиторами восемь месяцев назад получил на вас исполнительный лист.

Господин де Пурсоньяк. Какой фламандский купец? Какие кредиторы? Какой исполнительный лист?

Оронт. Вы отлично понимаете, о чем я говорю.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Люсетта.

Люсетта *(господину де Пурсоньяку)*. А, вот ты где? Наконец-то я тебя разыскала. Что, негодяй, можешь ты мне в глаза смотреть?

Господин де Пурсоньяк. Что этой женщине от меня нужно?

Люсетта. Что надо, бессовестный? Ты еще притворяешься, будто меня не знаешь, и не краснеешь, бесстыжий, на меня глядя? *(Оронту.)* Не знаю, господин хороший, о вас ли идет молва, будто выдаете вы за него свою дочку, только смею вас уверить, что я ему жена, что семь лет назад он проездом через Пезенас сумел ко мне подольститься, и уж не знаю, как это ему удалось, только покорил он мое сердечко, и стала я его женушкой!

Оронт. Вот так так!

Господин де Пурсоньяк. Что за черт!

Люсетта. А через три года бросил меня, подлец! Наплел, будто едет по каким-то делам на свою сторону, и с той поры о нем ни слуху ни духу. Вдруг добрые люди говорят, будто объявился он в нашем городе и собирается жениться на другой, а родители ему ее отдают, потому что не знают про его первый брак. Как услышала я, все бросила и кинулась сюда, чтоб помешать этому незаконному браку и осрамить перед всем честным народом этого неслыханного злодея.

Господин де Пурсоньяк. Удивительная нахалка!

Люсетта. Бессовестный, и не грех тебе меня обижать? Неужто тебя совесть не мучает?

Господин де Пурсоньяк. Я — ваш муж?

Люсетта. А то, скажешь, нет, низкий ты человек? Ты сам хорошо знаешь, что все это истинная правда. Уж как же я жалею, что все это так вышло: была бы я теперь невинной девушкой, жила бы себе спокойно, горюшка не зная,— на беду мою ты мне подвернулся, улестил, да и обманул меня. Если б не ты, не терпела бы я сейчас такого срама, не пришлось бы мне смотреть, как злодей муж гнушается моей любовью. Вся душа у меня изныла из-за его коварной измены, а ему меня нисколечко не жаль.

Оронт. Не могу удержаться от слез! *(Господину де Пурсоньяку.)* Какой же вы злой человек!

Господин де Пурсоньяк. Ничего не могу понять.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Нерина, одетая пикардийкой.

Нерина. Ой, мочи нет! Совсем запыхалась! Ах, обманщик, заставил же ты меня побегать! Теперь уж ты от меня не уйдешь! Правосудия, правосудия требую! Этой свадьбы нельзя допускать! *(Оронту.)* Это мой муж, сударь, и я не я буду, коли его не повесят, висельника этого!

Господин де Пурсоньяк. Как, еще одна?

Оронт *(в сторону)*. Ну и молодчик!

Люсетта. Что это ты тут наговорила: не допускать, повесить? Этот человек — твой муж?

Нерина. Да, сударыня, а я его жена.

Люсетта. Врешь ты, это я его жена, и коли быть ему на виселице, так уж повешу его я, и никто другой.

Нерина. Не разберу, что ты там городишь.

Люсетта. Я про то толкую, что я ему супружница.

Нерина. Супруга?

Люсетта. Ну да.

Нерина. А я тебе повторяю, что его жена я.

Люсетта. А я говорю — я.

Нерина. Четыре года, как он на мне женат.

Люсетта. А мы с ним лет уж семь как поженились.

Нерина. Я приведу очевидцев — они подтвердят.

Люсетта. У нас в округе все про это знают.

Нерина. Весь наш город тому свидетель.

Люсетта. Весь Пезенас был на нашей свадьбе.

Нерина. Весь Сен-Кентен присутствовал на нашем венчании.

Люсетта. Я говорю истинную правду.

Нерина. Я говорю сущую правду.

Люсетта *(господину де Пурсоньяку)*. Что, окаянный, посмеешь ты отрицать?

Нерина *(господину де Пурсоньяку)*. Откажешься ты от меня, злодей?

Господин де Пурсоньяк. Обе вы одинаково правы.

Люсетта. Ну и бессовестный! Неужто ты, мерзавец, забыл про бедненькую Фаншон и про несчастного Жане, которые у нас родились?

Нерина. Посмотрите на этого подлеца! Как! Ты не помнишь наше бедное дитя, крошку Мадлену, которую ты мне оставил в залог своей верности?

Господин де Пурсоньяк. Бессовестные нахалки!

Люсетта. Поди сюда, Фаншон, поди и ты, Жане, подите сюда оба, подите, поглядите на этого зверя-отца, которому не жаль своих детищ!

Нерина. Подойди, Мадлена, подойди, дитятко, пристыди своего бессовестного отца!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и дети.

Дети. Ах, папа! Папа! Папа!

Господин де Пурсоньяк. Подите прочь, потаскушкины отродья!

Люсетта. Ты что, изменник, последней совести лишился: не признаешь своих детей? И в тебе не говорит отцовская любовь? Нет, ты от меня так не отделаешься, негодяй! Я от тебя не отстану, буду попрекать тебя твоим злодейством, пока тебя не повесят, изверг, пока тебя не повесят!

Нерина. И не стыдно тебе говорить мне такие слова и быть таким бесчувственным к ласкам этого несчастного ребенка? Нет, ты не уйдешь из моих рук! Как ни вертись, а я докажу, что я твоя жена, и добьюсь, что тебя повесят.

Дети. Папа! Папа! Папа!

Господин де Пурсоньяк. Караул! Караул! Куда мне бежать? Не могу больше!

Оронт *(Люсетте и Нерине).* Вы действительно хорошо сделаете, если его накажете. Он заслуживает, чтобы его повесили.

Все уходят. Входит Сбригани.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Сбригани один.

Сбригани. Я слежу за всем издали: дела идут недурно. Мы так доймем нашего провинциала, что он, честное слово, рад будет унести отсюда ноги.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Сбригани, господин де Пурсоньяк.

Господин де Пурсоньяк. Ах, я совсем разбит! Что за мучение! Вот проклятый город! Напали со всех сторон!

Сбригани. Что с вами, сударь? Опять что-нибудь стряслось?

Господин де Пурсоньяк. Да. В этом городе хоть пруд пруди женами и клистирами.

Сбригани. Как так?

Господин де Пурсоньяк. Две мерзкие трещотки явились ко мне с обвинением, будто я женат на обеих, и грозят судом.

Сбригани. Скверно ваше дело! Местный суд дьявольски строг по части таких преступлений.

Господин де Пурсоньяк. Да, но если б даже и состоялось следствие, разбор дела, предварительное решение и вступление его в силу по неявке одной из сторон, то у меня остается еще возможность обжаловать приговор, приостановить его действие и отменить ввиду нарушения процессуальных норм.

Сбригани. Вот что значит изъясняться на языке чисто юридическом! Сразу видно, что вы с этим делом знакомы.

Господин де Пурсоньяк. Я? Ничего подобного. Я дворянин.

Сбригани. Чтобы так изъясняться, нужно иметь опыт.

Господин де Пурсоньяк. Ничего подобного. Просто здравый смысл подсказывает мне, что мои доводы не могут не быть приняты во внимание и что меня не осудят по одному лишь голословному обвинению, без проверки свидетельских показаний и без очной ставки.

Сбригани. Какое знание всех юридических тонкостей!

Господин де Пурсоньяк. Эти слова сами так и срываются у меня с языка, но значения их я не понимаю.

Сбригани. Мне думается, что здравый смысл может помочь дворянину разобраться в вопросах права и судопроизводства, но не в крючкотворном языке.

Господин де Пурсоньяк. Слова эти встречались мне в романах, и я их запомнил.

Сбригани. Ах вот оно что!

Господин де Пурсоньяк. В доказательство того, что крючкотворство мне чуждо, я попрошу вас направить меня к какому-нибудь адвокату, чтобы посоветоваться с ним о моем деле.

Сбригани. Извольте, я вас познакомлю с двумя опытными адвокатами. Но предупреждаю вас, чтобы вы не удивлялись их манере говорить: они усвоили в суде привычку говорить нараспев, так что можно подумать, будто они поют. Вы примете их разговор за пение.

Господин де Пурсоньяк. Не все ли мне равно, как они говорят? Лишь бы сказали то, что мне важно от них услышать.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же, два адвоката, из которых первый тянет слова, а второй говорит скороговоркой, два прокурора и двое полицейских.

Первый адвокат

Многоженство, без сомненья,—
Смертный грех и преступленье.

Второй адвокат

Ваш вопрос
Ясен, прост.
Любой защитник прав,
Суть дела разобрав,
Всецело будет прав.
Так скажет любой цивилист,
Глоссатор, законник, юрист,
Юстиниан, Папиньян, Ульпиан,
Бартоло, Имола и Трибоньян,
Альчиа, Кастр, Ребюф, Фернан,
Жазон, Кюжас и Юлиан.
Пишут все, без расхожденья,
Одного держась сужденья:
Многоженство, без сомненья,—
Смертный грех и преступленье.

БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Танец двух прокуроров и двух полицейских, а второй адвокат между тем продолжает.

Второй адвокат

Все просвещенные народы
Высоконравственной природы:
Французы, немцы и британцы,
Датчане, шведы и голландцы,
Испанцы, венгры, итальянцы,
Поляки и фламандцы —
Все приняли один закон,
Непререкаемый и ясный:
Да, многоженство — грех ужасный,
И петлей наказуем он.

Господин де Пурсоньяк, выйдя из терпения, прогоняет их.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эраст, Сбригани.

Сбригани. Да, все складывается так, как мы того желаем. Человек он совершенно необразованный, очень недалекий, и мне так удалось запугать его строгостью здешних законов и приготовлениями к его казни, что он не чает, как отсюда выбраться. А чтобы легче ускользнуть от стражей, которые, как я его уверил, поставлены у городских ворот с целью его задержать, он решил переодеться, и при этом — в женское платье.

Эраст. Хотелось бы мне на него посмотреть в этом наряде!

Сбригани. Постарайтесь же и вы довести комедию до конца, и пока я буду разыгрывать с ним мои сцены, пойдите... *(Шепчет ему на ухо.)* Понимаете?

Эраст. Понимаю.

Сбригани. А после того, как я его сплавлю... *(Шепчет ему на ухо.)*

Эраст. Отлично!

Сбригани. И когда я уведомлю отца... *(Снова шепчет ему на ухо.)*

Эраст. Лучше и придумать нельзя!

Сбригани. Вон идет наша барышня. Уходите скорее, он не должен видеть нас вместе.

Эраст уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сбригани, господин де Пурсоньяк, переодетый женщиной.

Сбригани. Я твердо уверен, что в этом наряде ни одна душа вас не узнает. Вид у вас, как у знатной дамы.

Господин де Пурсоньяк. Меня удивляет, что у вас совершенно не соблюдаются судебные формальности.

Сбригани. Я уже вам говорил: здесь человека сначала вешают, а судят потом.

Господин де Пурсоньяк. Вот уж поистине неправосудное правосудие!

Сбригани. Суд здесь чертовски строг, особенно по части такого рода преступлений.

Господин де Пурсоньяк. Но если человек не виновен?

Сбригани. Это безразлично. К тому же местные жители терпеть не могут ваших земляков, для них нет большего удовольствия, чем когда вешают лиможца.

Господин де Пурсоньяк. Да что им сделали лиможцы?

Сбригани. Этим грубиянам ненавистны учтивость и добродетели непарижан. Должен вам сознаться, что я очень за вас боюсь. Если вы попадете на виселицу, это будет для меня неутешное горе.

Господин де Пурсоньяк. Меня заставляет бежать отсюда не столько страх смерти, сколько позорная для дворянина казнь через повешение: подобный случай может бросить тень на все дворянское звание.

Сбригани. Да, конечно, после этого у вас стали бы оспаривать право на звание кавалера. Ну, а пока что я поведу вас под руку, а вы старайтесь подражать походке, речи и манерам знатной дамы.

Господин де Пурсоньяк. Тут я вас не подведу: мне случалось видеть великосветских дам. Одно меня смущает — мои усы.

Сбригани. Пустое! Бывают и женщины с такими же усиками, как у вас. Давайте посмотрим, как это у вас получится.

Господин де Пурсоньяк прохаживается, подражая манерам дамы из высшего общества.

Хорошо!

Господин де Пурсоньяк. Эй, карету мне! Где ж это моя карета? Боже мой, какое несчастье иметь таких слуг! Неужели меня заставят ждать целый день на улице и так и не подадут кареты?

Сбригани. Превосходно.

Господин де Пурсоньяк. Эй, вы там, кучер, лакей! Ну, негодник, получишь ты у меня сегодня кнута! Лакей! Лакей! Куда же запропал мой лакей? Сквозь землю он провалился, что ли? Да есть у меня, наконец, лакей или нет?

Сбригани. Прелесть как хорошо! Одно только: у вашего чепчика немножко не сходятся концы. Я схожу принесу другой, потуже, чтобы, в случае если мы с вами кого-нибудь встретим, вы могли бы лучше закрыть лицо.

Господин де Пурсоньяк. А что мне пока делать?

Сбригани. Подождите меня здесь. Я сейчас приду. А вы немножко пройдитесь. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Господин де Пурсоньяк, два солдата швейцарской гвардии.

Первый солдат *(не замечая господина де Пурсоньяка)*. Шифей, шифей, камрад! Итем скорей, штопы поспеть на Гревскую площать, а то не уфитим, как путут каснить этофо каспатина те Пурсоньяка, которофо прикофорили к пофешению са шею.

Второй солдат *(не замечая господина де Пурсоньяка)*. Лучше пыло пы снять окошко, штоп поклятеть, как путут ушинять нат ним распрафу.

Первый солдат. Кофорят, там уше постафили польшую фиселицу, софсем нофенькую, штопы утафить на ней этофо Пурсоньяка.

Второй солдат. Шестное слофо, путет польшое утофольствие фитеть, как фстернут этофо лимошца.

Первый солдат. Та, фитеть, как он затрыкает ноками наферху перет всем наротом!

Второй солдат. Сапафный плут! Кофорят, он шенился зрасу на трех!

Первый солдат. Шатный шорт! Сакотелось отному трех шен. Мало ему отной!

Второй солдат *(заметив господина де Пурсоньяка)*. А, топрый тень, мамсель!

Первый солдат. Што вы тут телаете в одиношестве?

Господин де Пурсоньяк. Дожидаюсь своих слуг, господа.

Первый солдат. Та она красотка, ей-погу!

Господин де Пурсоньяк. Полно, господа!

Второй солдат. Мамсель! Не укотно ли фам пофеселиться с нами на Гревской площати? Мы фам покашем отно маленькое, но прекорошенькое пофешение.

Господин де Пурсоньяк. Премного вам благодарна.

Второй солдат. Там отнофо лимошскофо тфорянина лофким опрасом фстернут на фысокую переклатину.

Господин де Пурсоньяк. Я не любопытна.

Первый солдат. Какая у фас пышная груть!

Господин де Пурсоньяк. Руки прочь!

Первый солдат. Шестное слофо, я пы с утофольствием с вами поресфился!

Господин де Пурсоньяк. Нет, это слишком! Таких непристойностей не говорят женщинам моего звания!

Второй солдат. Отфяшись, я сам хочу с ней поресфиться!

Первый солдат. А я не посфолю!

Второй солдат. А я тепя не спрошу!

Оба тянуг господина де Пурсоньяка в разные стороны.

Первый солдат. Ты нишефо со мной не стелаешь!

Второй солдат. Фрешь!

Первый солдат. Сам ты фрешь!

Господин де Пурсоньяк. Помогите! Караул!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, полицейский офицер и два стража.

Полицейский офицер. Что такое? Что за безобразие? Чего вы пристали к этой даме? Живо проваливайте отсюда, не то я сейчас же отправлю вас в тюрьму!

Первый солдат. Латно, я пошел. Што, не тосталась она тепе?

Второй солдат. Латно, я тоше пошел. И тепе она не тосталась!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Господин де Пурсоньяк, полицейский офицер,
два стража.

Господин де Пурсоньяк. Я вам чрезвычайно признательна, сударь, за то, что вы спасли меня от этих наглецов.

Полицейский офицер! Что я вижу! Этот человек очень похож лицом на того, которого мне описывали.

Господин де Пурсоньяк. Уверяю вас, это не я!

Полицейский офицер. Эге! Стало быть, вы...

Господин де Пурсоньяк. Я ничего не знаю.

Полицейский офицер. Почему же вы так сказали?

Господин де Пурсоньяк. Просто так.

Полицейский офицер. Нет, за вашими словами что-то кроется, и я вас сейчас арестую.

Господин де Пурсоньяк. Ах, сударь, помилуйте!

Полицейский офицер. Нет-нет! Судя по вашему лицу и по вашим словам, вы тот самый господин де Пурсоньяк, которого мы ищем,— вы только переоделись. Вы немедленно отправитесь в тюрьму.

Господин де Пурсоньяк. Какой ужас!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Сбригани.

Сбригани *(господину де Пурсоньяку)*. Боже! Что это значит?

Господин де Пурсоньяк. Они меня узнали!

Полицейский офицер. Да-да, как я рад!

Сбригани *(офицеру)*. Ах, сударь, ради меня! Мы же с вами давнишние друзья. Заклинаю вас, не уводите его в тюрьму!

Полицейский офицер. Нет, это невозможно.

Сбригани. Вы человек сговорчивый. Нельзя ли уладить дело за несколько пистолей?

Полицейский офицер *(страже)*. Уйдите отсюда на минутку.

Стражи уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Господин де Пурсоньяк, полицейский офицер, Сбригани.

Сбригани *(господину де Пурсоньяку)*. Ему надо дать денег, чтобы он вас отпустил. Скорее!

Господин де Пурсоньяк *(дает Сбригани денег)*. У, проклятый город!

Сбригани. Вот, сударь.

Полицейский офицер. Сколько здесь?

Сбригани. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

Полицейский офицер. Нет-нет, мне дан слишком строгий приказ.

Сбригани *(полицейскому офицеру, который собирается уходить)*. Ах, боже мой, погодите! *(Господину де Пурсоньяку.)* Скорее дайте ему еще столько же!

Господин де Пурсоньяк. Но...

Сбригани. Скорее, говорят вам, не теряйте времени! Быть вздернутым — удовольствие не из приятных!

Господин де Пурсоньяк. Ай! *(Дает Сбригани еще денег.)*

Сбригани *(полицейскому офицеру)*. Получите, сударь.

Полицейский офицер *(к Сбригани)*. Мне придется бежать вместе с ним. Оставаться тут теперь и для меня небезопасно. Позвольте, я его провожу, а вы останьтесь здесь.

Сбригани. Пожалуйста, позаботьтесь о нем хорошенько!

Полицейский офицер. Обещаю вам не покидать его, пока не доставлю в надежное место.

Господин де Пурсоньяк *(к Сбригани)*. Прощайте! Вы единственный честный человек, которого я встретил в этом городе.

Сбригани. Не теряйте времени. Я вас так люблю, что мне хочется, чтобы вы были уже как можно дальше отсюда. *(Один.)* Скатертью дорога! Ну и простофиля! Но вот...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сбригани, Оронт.

Сбригани *(делает вид, что не замечает Оронта)*. Ах, какой ужасный случай! Какая печальная весть для отца! Бедный Оронт, как мне тебя жалко! Как ты это перенесешь, как справишься с таким ужасным горем?

Оронт. Что случилось? Какое несчастье ты мне предвещаешь?

Сбригани. Ох, сударь! Этот коварный лиможец, этот вероломный господин де Пурсоньяк похитил вашу дочь!

Оронт. Похитил мою дочь?

Сбригани. Да! Она так обезумела от любви к нему, что покинула вас и последовала за ним. Говорят, в нем есть что-то такое, от чего все женщины сходят с ума.

Оронт. Скорее обратимся к правосудию! Стражу за ним в погоню!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, Эраст и Жюли.

Эраст *(к Жюли)*. Идите же, не упирайтесь: я должен возвратить вас отцу. *(Оронту.)* Сударь! Вот ваша дочь, я силой вырвал ее из рук человека, с которым она бежала. И сделал я это не из любви к ней, а только из уважения к вам, ибо после поступка, совершенного ею, я должен презирать ее и окончательно исцелиться от любви, которую прежде питал к ней.

Оронт. Ах, негодница!

Эраст *(к Жюли)*. Возможно ли? Так поступить со мной после всех доказательств моей сердечной склонности? Я не корю вас за то, что вы подчинились воле вашего отца. Он мудр и справедлив во всех своих действиях, и я нисколько не в обиде на него, что он отверг меня ради другого. Если он не сдержал данного мне слова, значит, у него есть на то свои причины. Его уверили, что другой богаче меня не то на четыре, не то на пять тысяч экю, а это сумма немалая и стоит того, чтобы ради нее человек нарушил свое слово. Но в одно мгновение забыть мой сердечный пламень, загореться страстью к первому встречному и позорно, не спросив согласия отца, последовать за ним после всех преступлений, в которых его обвиняют,— о, за этот поступок вас осудит весь мир, сердце мое не находит для вас достаточно горьких упреков.

Жюли. А что же тут такого? Да, я полюбила его и решила за ним последовать, потому что мой отец избрал его мне в супруги. Что бы вы ни говорили, он очень честный человек, и все преступления, которые ему приписывают,— это гнусная клевета.

Оронт. Молчи, бесстыдница, я лучше знаю, кто он такой!

Жюли. С ним, конечно, сыграли злую шутку, и, может быть *(указывает на Эраста)*, он и подстроил ему эту каверзу, чтобы отвратить вас от него.

Эраст. Вы считаете, что я на это способен?

Жюли. Считаю.

Оронт. Молчать, тебе говорят! Ты дура!

Эраст. Нет-нет, не думайте, что мною руководило желание расстроить вашу свадьбу и что бежать за вами меня принудила страсть! Нет! Повторяю: я сделал это только из уважения к вашему отцу. Я не мог допустить, чтобы ваш низкий поступок покрыл позором почтенные седины этого достойного человека.

Оронт. Я бесконечно вам обязан, господин Эраст.

Эраст. Прощайте, сударь. Я был исполнен самого горячего желания войти в вашу семью, я сделал все, чтобы добиться этой чести, но мне не посчастливилось: вы не сочли меня достойным такой милости. Это не помешает мне сохранить к вам чувство глубокого уважения и беззаветной преданности. И если мне не суждено стать вашим зятем, по крайней мере, я всегда буду вашим покорным слугой.

Оронт. Постойте, господин Эраст! Ваше поведение тронуло меня до глубины души, и я даю согласие на ваш брак с моей дочерью.

Жюли. Я не хочу другого мужа, кроме господина де Пурсоньяка.

Оронт. А я хочу, чтобы ты сейчас же вышла замуж за господина Эраста. Давай сюда руку.

Жюли. Нет, ни за что!

Оронт. Я тебе сейчас влеплю такую затрещину!

Эраст. Нет-нет, сударь, не прибегайте к насилию, умоляю вас!

Оронт. Она должна меня слушаться! Я ей покажу, кто тут из нас хозяин!

Эраст. Разве вы не видите, как она любит этого человека? И вы хотите, чтобы я обладал ее телом, в то время как ее душа будет принадлежать другому?

Оронт. Он приворожил ее,— вот увидите, что ее чувства скоро изменятся. Дайте-ка мне вашу руку. Ну же!

Жюли. Я не...

Оронт. Ах, сколько лишних разговоров! Дай руку, говорят тебе! Давай, давай, давай!

Эраст *(к Жюли)*. Не думайте, что это из любви к вам я отдаю вам свою руку; я влюблен в вашего батюшку, на нем я и женюсь.

Оронт. Очень вам благодарен. К приданому моей дочери я прибавлю еще десять тысяч экю. Позовите нотариуса для составления брачного договора!

Эраст. А до его прихода можно и повеселиться. Пусть войдут все маски, которых привлекла сюда со всех концов города молва о свадьбе господина де Пурсоньяка!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Цыганка, цыган, маски, поющие и танцующие.

Цыганка

Подите прочь, подите прочь,
Печаль, унынье и усталость!
Пускай придут на эту ночь
Любовь, игра, веселье, шалость.
Пари над всем, беспечный смех!
Кто весел, тот сильнее всех.

Хор масок

Пари над всем, беспечный смех!
Кто весел, тот сильнее всех.

Цыганка

За мной спешили вы сюда
Наперекор любым помехам,
И вы, бесспорно, господа,
Удивлены своим успехом.
Умейте каждый миг любить —
Вот средство век счастливым быть.

Цыган

Амура в спутники зови —
И в сердце не проникнет скука.
Когда бы не было любви,
Была бы жизнь — пустая штука.
Пусть лучше смерть подкосит нас,
Чем без любви прожить хоть час.
Богатство...

Цыганка

Слава...

Цыган

И почет.

Цыганка

Величье, скипетр и держава...

Цыган

Все эти радости, коль нет любви,— не в счет.

Цыганка

Ах, без любви нет жизни, право!

Оба вместе

Умейте каждый миг любить —
Вот средство век счастливым быть.

Хор

Пора за игры приниматься.
На сцену, пляска, песнь и смех!

Маска, изображающая Панталоне

Когда сошлись мы, чтоб смеяться,
Имеет право мудрым зваться
Лишь тот, кто безрассудней всех.

Все

Умейте каждый миг любить —
Вот средство век счастливым быть!

ПЕРВЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Пляска дикарей.

ВТОРОЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Пляска бискайцев.

МЕЩАНИН ВО ДВОРЯНСТВЕ

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА КОМЕДИИ

Господин Журден — мещанин.
Госпожа Журден — его жена.
Люсиль — их дочь.
Клеонт — молодой человек, влюбленный в Люсиль.
Доримена — маркиза.
Дорант — граф, влюбленный в Доримену.
Николь — служанка в доме г-на Журдена.
Ковьель — слуга Клеонта.
Учитель музыки.
Ученик учителя музыки.
Учитель танцев.
Учитель фехтования.
Учитель философии.
Музыканты.
Портной.
Подмастерье портного.
Два лакея.
Три пажа.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА БАЛЕТА

В ПЕРВОМ ДЕЙСТВИИ

Певица.
Два певца.
Танцовщики.

ВО ВТОРОМ ДЕЙСТВИИ

Портновские подмастерья *(танцуют).*

В ТРЕТЬЕМ ДЕЙСТВИИ

Повара *(танцуют).*

В ЧЕТВЕРТОМ ДЕЙСТВИИ

Муфтий.
Турки, свита муфтия *(поют).*
Дервиши *(поют).*
Турки *(танцуют).*

Действие происходит в Париже, в доме г-на Журдена.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Увертюра исполняется множеством инструментов; посреди сцены за столом ученик учителя музыки сочиняет мелодию для серенады, заказанной г-ном Журденом.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Учитель музыки, учитель танцев, два певца, певица, два скрипача, четыре танцовщика.

Учитель музыки *(певцам и музыкантам)*. Пожалуйте сюда, вот в эту залу; отдохните до его прихода.

Учитель танцев *(танцовщикам)*. И вы тоже, станьте с этой стороны.

Учитель музыки *(ученику)*. Готово?

Ученик. Готово.

Учитель музыки. Посмотрим... Очень недурно.

Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я велел ученику, пока наш чудак проснется, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дéла выше головы.

Учитель музыки. Еще бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении — это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось для его же блага, чтоб он лучше разбирался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музыки. Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слегка неравнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана — это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда — видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы,— похвала просвещенного человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки. Я с этим согласен, я тоже люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживешь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее; лучший способ поощрения — это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всем вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного вельможи, который нас сюда ввел.

Учитель танцев. В ваших словах есть некоторая доля истины, но только, мне кажется, вы придаете деньгам слишком большое значение; между тем корысть есть нечто до такой степени низменное, что человеку порядочному не должно выказывать к ней особой склонности.

Учитель музыки. Однако у нашего чудака вы преспокойно берете деньги.

Учитель танцев. Конечно, беру, но деньги для меня не главное. Если б к его богатству да еще хоть немного хорошего вкуса — вот чего бы я желал.

Учитель музыки. Я тоже: ведь мы оба по мере сил этого добиваемся. Но, как бы то ни было, благодаря ему на нас стали обращать внимание в обществе, а что другие будут хвалить, то он оплатит.

Учитель танцев. А вот и он.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, г-н Журден в халате и ночном колпаке и два лакея.

Г-н Журден. Ну, господа! Как там у вас? Покажете вы мне нынче вашу безделку?

Учитель танцев. Что? Какую безделку?

Г-н Журден. Ну, эту, самую... Как это у вас называется? Не то пролог, не то диалог с песнями и пляской.

Учитель танцев. О! О!

Учитель музыки. Как видите, мы готовы.

Г-н Журден. Я немного замешкался, но дело вот в чем: одеваюсь я теперь, как одевается знать, и мой портной прислал мне шелковые чулки, до того узкие — право, я уж думал, что мне их так никогда и не натянуть.

Учитель музыки. Мы всецело к вашим услугам.

Г-н Журден. Я прошу вас обоих не уходить, пока мне не принесут мой новый костюм: я хочу, чтоб вы на меня поглядели.

Учитель танцев. Как вам будет угодно.

Г-н Журден. Вы увидите, что теперь я с ног до головы одет как должно.

Учитель музыки. Мы в этом нисколько не сомневаемся.

Г-н Журден. Я сделал себе из индийской ткани халат.

Учитель танцев. Отличный халат.

Г-н Журден. Мой портной уверяет, что вся знать по утрам носит такие халаты.

Учитель музыки. Он вам удивительно идет.

Г-н Журден. Лакей! Эй, два моих лакея!

Первый лакей. Что прикажете, сударь?

Г-н Журден. Ничего не прикажу. Я только хотел проверить, как вы меня слушаетесь. *(Учителю музыки и учителю танцев.)* Как вам нравятся их ливреи?

Учитель танцев. Великолепные ливреи.

Г-н Журден *(распахивает халат; под ним у него узкие красного бархата штаны и зеленого бархата камзол)*. А вот мой домашний костюмчик для утренних упражнений.

Учитель музыки. Бездна вкуса!

Г-н Журден. Лакей!

Первый лакей. Что угодно, сударь?

Г-н Журден. Другой лакей!

Второй лакей. Что угодно, сударь?

Г-н Журден *(снимает халат)*. Держите. *(Учителю музыки и учителю танцев.)* Ну что, хорош я в этом наряде?

Учитель танцев. Очень хороши. Лучше нельзя.

Г-н Журден. Теперь займемся с вами.

Учитель музыки. Прежде всего мне бы хотелось, чтобы вы прослушали музыку, которую вот он *(указывает на ученика)* написал для заказанной вами серенады. Это мой ученик, у него к таким вещам изумительные способности.

Г-н Журден. Очень может быть, но все-таки не следовало поручать это ученику. Еще неизвестно, годитесь ли вы сами для такого дела, а не то что ученик.

Учитель музыки. Слово «ученик» не должно вас смущать, сударь. Подобного рода ученики смыслят в музыке не меньше великих мастеров. В самом деле, чудеснее мотива не придумаешь. Вы только послушайте.

Г-н Журден *(лакеям)*. Дайте халат — так удобней слушать... Впрочем, постойте, пожалуй, лучше без халата. Нет, подайте халат, так будет лучше.

Певица

Ирида! Я томлюсь, меня страданье губит,
Меня ваш строгий взгляд пронзил, как острый меч.
Когда вы мучите того, кто вас так любит,
Сколь вы страшны тому, кто гнев ваш смел навлечь! [1]

Г-н Журден. По-моему, это довольно заунывная песня, от нее ко сну клонит. Я бы вас попросил сделать ее чуть-чуть веселее.

Учитель музыки. Мотив должен соответствовать словам, сударь.

Г-н Журден. Меня недавно обучили премилой песенке. Погодите... сейчас-сейчас... Как же это она начинается?

Учитель танцев. Право, не знаю.

Г-н Журден. Там еще про овечку говорится.

Учитель танцев. Про овечку?

Г-н Журден. Да-да. Ах, вот! *(Поет.)*

Жанетту я считал
И доброй и прекрасной,
Жанетту я считал овечкою, но ах!
Она коварна и опасна,
Как львица в девственных лесах!

Правда, славная песенка?

Учитель музыки. Еще бы не славная!

Учитель танцев. И вы хорошо ее поете.

---

[1] В комедии «Мещанин во дворянстве» стихи переведены Арго.

Г-н Журден. А ведь я музыке не учился.

Учитель музыки. Вам бы хорошо, сударь, поучиться не только танцам, но и музыке. Эти два рода искусства связаны между собой неразрывно.

Учитель танцев. Они развивают в человеке чувство изящного.

Г-н Журден. А что, знатные господа тоже учатся музыке?

Учитель музыки. Конечно, сударь.

Г-н Журден. Ну так и я стану учиться. Вот только не знаю когда: ведь, кроме учителя фехтования, я еще нанял учителя философии,— он должен нынче утром начать со мной заниматься.

Учитель музыки. Философия — материя важная, но музыка, сударь, музыка...

Учитель танцев. Музыка и танцы... Музыка и танцы — это все, что нужно человеку.

Учитель музыки. Нет ничего более полезного для государства, чем музыка.

Учитель танцев. Нет ничего более необходимого человеку, чем танцы.

Учитель музыки. Без музыки государство не может существовать.

Учитель танцев. Без танцев человек ничего не умел бы делать.

Учитель музыки. Все распри, все войны на земле происходят единственно от незнания музыки.

Учитель танцев. Все людские невзгоды, все злоключения, коими полна история, оплошности государственных деятелей, ошибки великих полководцев — все это проистекает единственно от неумения танцевать.

Г-н Журден. Как так?

Учитель музыки. Война возникает из-за несогласия между людьми, не правда ли?

Г-н Журден. Верно.

Учитель музыки. А если бы все учились музыке, разве это не настроило бы людей на мирный лад и не способствовало бы воцарению на земле всеобщего мира?

Г-н Журден. И то правда.

Учитель танцев. Когда человек поступает не так, как должно, будь то просто отец семейства, или же государственный деятель, или же военачальник, про него обыкновенно говорят, что он сделал неверный шаг, не правда ли?

Г-н Журден. Да, так говорят.

Учитель танцев. А чем еще может быть вызван неверный шаг, как не неумением танцевать?

Г-н Журден. Да, с этим я тоже согласен, вы оба правы.

Учитель танцев. Все это мы говорим для того, чтобы вы себе уяснили преимущества и пользу танцев и музыки.

Г-н Журден. Теперь я понимаю.

Учитель музыки. Угодно вам ознакомиться с нашими сочинениями?

Г-н Журден. Угодно.

Учитель музыки. Как я вам уже говорил, это давнишняя моя попытка выразить все страсти, какие только способна передать музыка.

Г-н Журден. Прекрасно.

Учитель музыки *(певцам).* Пожалуйте сюда. *(Г-ну Журдену.)* Вы должны вообразить, что они одеты пастушка́ми.

Г-н Журден. И что это всегда пастушки́? Вечно одно и то же!

Учитель танцев. Когда говорят под музыку, то для большего правдоподобия приходится обращаться к пасторали. Пастухам испокон веку приписывали любовь к пению; с другой стороны, было бы весьма ненатурально, если бы принцы или мещане стали выражать свои чувства в пении.

Г-н Журден. Ладно, ладно. Посмотрим.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

Певица и два певца.

Певица

Сердца в любовном упоенье
Всегда встречают тысячи помех.
Любовь приносит нам и счастье и томленье.
Недаром есть такое мненье,
Что нам милей всего— не знать любви утех.

Первый певец

Нет, нам всего милей та радость без конца,
Которая сердца
Любовников сливает.
Блаженству на земле без страсти не бывать.
Любовью кто пренебрегает,
Тому и счастья не знавать.

Второй певец

О, кто бы не хотел любви изведать власть,
Когда бы не была обманчивою страсть!
Но, ах, как быть со злой судьбиной?
Здесь верной нет пастушки ни единой,
И недостойный пол, позоря белый свет,
Свидетельствует нам, что верности уж нет.

Первый певец

О сердца дрожь!

Певица

О страсть во взорах!

Второй певец

Сплошная ложь!

Первый певец

Тот миг мне дорог!

Певица

Они полны утех!

Второй певец

Я презираю всех!

Первый певец

О, не сердись, забудь свой гнев безмерный!

Певица

Мы приведем тебя сейчас
К пастушке любящей и верной.

Второй певец

Увы! Достойных нет средь вас!

Певица

Я иду на испытанье,—
Вот тебе моя любовь.

Второй певец

Кто поручится заране,
Что не быть обману вновь?

Певица

Тот, кто верен, пусть докажет
Свой сердечный нежный пыл.

Второй певец

Небо пусть того накажет,
Кто постыдно изменил.

Все трое вместе

Над нами, пламенея,
Любви горит венец.
Слиянье двух сердец —
Что может быть милее?

Г-н Журден. И это все?

Учитель музыки. Все.

Г-н Журден. По-моему, ловко закручено. Кое-где попадаются очень занятные словечки.

Учитель танцев. А теперь моя очередь: я вам предложу небольшой образчик самых изящных телодвижений и самых изящных поз, из каких только может состоять танец.

Г-н Журден. Опять пастухи?

Учитель танцев. Это уж как вам будет угодно. *(Танцовщикам.)* Начинайте.

БАЛЕТ

Четыре танцовщика по указаниям учителя танцев делают различные движения и исполняют всевозможные па.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г-н Журден, учитель музыки, учитель танцев.

Г-н Журден. Очень даже здорово: танцоры откалывают лихо.

Учитель танцев. А когда танец идет под музыку, то впечатление еще сильнее. Мы сочинили для вас балет,— вы увидите, сколь это очаровательно.

Г-н Журден. Он понадобится мне сегодня же: особа, в честь которой я все это устраиваю, должна пожаловать ко мне на обед.

Учитель танцев. Все готово.

Учитель музыки. Одного, сударь, недостает: такой особе, как вы, со всем вашим великолепием, с вашей склонностью к изящным искусствам, непременно нужно давать у себя концерты по средам или по четвергам.

Г-н Журден. А у знатных господ бывают концерты?

Учитель музыки. Разумеется, сударь.

Г-н Журден. Тогда и я начну давать. И хорошо это получится?

Учитель музыки. Не сомневаюсь. Вам потребуется три голоса: сопрано, контральто и бас, а для аккомпанемента альт, лютня и, для басовых партий, клавесин, а для ритурнелей две скрипки.

Г-н Журден. Хорошо бы еще морскую трубу. Я ее очень люблю, она приятна для слуха.

Учитель музыки. Предоставьте все нам.

Г-н Журден. Смотрите не забудьте прислать певцов, чтоб было кому петь во время обеда.

Учитель музыки. У вас ни в чем недостатка не будет.

Г-н Журден. Главное, чтоб хорош был балет.

Учитель музыки. Останетесь довольны, особенно некоторыми менуэтами.

Г-н Журден. А, менуэт — это мой любимый танец! Поглядите, как я его танцую. Ну-ка, господин учитель!

Учитель танцев. Извольте, сударь, надеть шляпу.

Г-н Журден берет шляпу своего лакея и надевает ее поверх колпака. Учитель танцев берет г-на Журдена за руку и, напевая менуэт, танцует вместе с ним.

Ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла. Пожалуйста, в такт. Ла-ла-ла, ла-ла. Колени не гнуть. Ла-ла-ла. Плечами не дергать. Ла-ла, ла-ла-ла-ла, ла-ла, ла-ла. Не растопыривать рук. Ла-ла-ла, ла-ла. Голову выше. Носки держать врозь. Ла-ла-ла. Корпус прямей.

Г-н Журден. Ну как?

Учитель танцев. Лучше нельзя.

Г-н Журден. Кстати, научите меня кланяться маркизе — мне это скоро понадобится.

Учитель танцев. Кланяться маркизе?

Г-н Журден. Да. Ее зовут Дорименой.

Учитель танцев. Позвольте вашу руку.

Г-н Журден. Не нужно. Вы только покажите, а я запомню.

Учитель танцев. Если вы желаете, чтоб это был поклон весьма почтительный, то прежде отступите назад и поклонитесь один раз, затем подойдите к ней с тремя поклонами и в конце концов склонитесь к ее ногам.

Г-н Журден. А ну, покажите.

Учитель танцев показывает.

Понятно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и лакей.

Лакей. Сударь! Учитель фехтования пришел.

Г-н Журден. Скажи, пусть войдет и начинает урок. *(Учителю музыки и учителю танцев.)* А вы поглядите, как это у меня выходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, учитель фехтования и лакей с двумя рапирами.

Учитель фехтования *(берет у лакея две рапиры и одну из них подает г-ну Журдену).* Прошу вас, сударь: поклон. Корпус прямо. Легкий упор на левое бедро. Не надо так расставлять ноги. Обе ступни на одной линии. Кисть руки на уровне бедра. Конец рапиры прямо против плеча. Не надо так вытягивать руку. Кисть левой руки на высоте глаза. Левое плечо назад. Голову прямо. Взгляд уверенный. Выпад. Корпус неподвижен. Парируйте квартой и отходите с тем же парадом. Раз, два. В позицию. Уверенно начинайте снова. Шаг назад. Когда делаете выпад, нужно, чтобы рапира выносилась вперед, а тело, сколько можно, было защищено от удара. Раз, два. Прошу вас: парируйте терсом и отходите с тем же парадом. Выпад. Корпус неподвижен. Выпад. Становитесь в позицию. Раз, два. Начинайте сызнова. Шаг назад. Защищайтесь, сударь, защищайтесь! *(С криком: «Защищайтесь!» — несколько раз колет г-на Журдена.)*

Г-н Журден. Ну как?

Учитель музыки. Вы делаете чудеса.

Учитель фехтования. Как я вам уже говорил, весь секрет фехтования заключается в том, чтобы, во-первых, наносить противнику удары, а во-вторых, чтобы самому таковых не получать, и вы никогда их не получите, если, как я это вам прошлый раз доказал путем наглядного примера, научитесь отводить шпагу противника от своего тела, а для этого нужно только легкое движение кисти руки — к себе или от себя.

Г-н Журден. Стало быть, эдаким манером каждый человек, даже и не из храбрых, может наверняка убить другого, а сам останется цел?

Учитель фехтования. Конечно. Разве я вам это не доказал наглядно?

Г-н Журден. Доказали.

Учитель фехтования. Отсюда ясно, какое высокое положение мы, учителя фехтования, должны занимать в государстве и насколько наука фехтования выше всех прочих бесполезных наук, как, например, танцы, музыка и...

Учитель танцев. Но-но, господин фехтмейстер! Отзывайтесь о танцах почтительно.

Учитель музыки. Будьте любезны, научитесь уважать достоинства музыки.

Учитель фехтования. Да вы просто забавники! Как можно ставить ваши науки на одну доску с моей?

Учитель музыки. Подумаешь, важная птица!

Учитель танцев. Напялил нагрудник, чучело!

Учитель фехтования. Берегитесь, плясунишка, вы у меня запляшете не как-нибудь, а вы, музыкантишка, запоете ангельским голоском.

Учитель танцев. А я, господин драчунишка, научу вас, как нужно драться.

Г-н Журден *(учителю танцев)*. Да вы спятили! Затевать ссору с человеком, который все терсы и кварты знает как свои пять пальцев и может убить противника путем наглядного примера?

Учитель танцев. Плевать я хотел на его наглядный пример и на все его терсы и кварты!

Г-н Журден *(учителю танцев)*. Полно, говорят вам!

Учитель фехтования *(учителю танцев)*. Ах, вы вот как, нахальная пигалица!

Г-н Журден. Успокойтесь, любезный фехтмейстер!

Учитель танцев *(учителю фехтования)*. Ах, вы вот как, лошадь ломовая!

Г-н Журден. Успокойтесь, любезный танцмейстер!

Учитель фехтования. Мне только до вас добраться...

Г-н Журден *(учителю фехтования)*. Потише!

Учитель танцев. Мне только до вас дотянуться...

Г-н Журден *(учителю танцев)*. Будет вам!

Учитель фехтования. Я уж вас отколошмачу!

Г-н Журден *(учителю фехтования)*. Ради бога!

Учитель танцев. Я вас так вздую...

Г-н Журден *(учителю танцев)*. Умоляю!

Учитель музыки. Нет уж, позвольте, мы его выучим хорошему тону.

Г-н Журден *(учителю музыки)*. Боже мой! Да перестаньте!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и учитель философии.

Г-н Журден. А, господин философ! Вы как раз вовремя подоспели с вашей философией. Помирите как-нибудь этих господ.

Учитель философии. В чем дело? Что случилось, господа?

Г-н Журден. Повздорили из-за того, чье ремесло лучше, переругались и чуть было не подрались.

Учитель философии. Полноте, господа! Как можно доводить себя до такой крайности? Разве вы не читали ученого трактата Сенеки о гневе? Что может быть более низкого и более постыдного, чем эта страсть, которая превращает человека в дикого зверя? Все движения нашего сердца должны быть подчинены разуму, не так ли?

Учитель танцев. Помилуйте, сударь! Я преподаю танцы, мой товарищ занимается музыкой, а он с презрением отозвался о наших занятиях и оскорбил нас обоих!

Учитель философии. Мудрец стоит выше любых оскорблений. Лучший ответ на издевательства — это сдержанность и терпение.

Учитель фехтования. Они имеют наглость сравнивать свое ремесло с моим!

Учитель философии. Это ли повод для волнения? Из-за суетной славы и из-за положения в обществе люди не должны вступать между собою в соперничество: чем мы резко отличаемся друг от друга, так это мудростью и добродетелью.

Учитель танцев. Я утверждаю, что танцы — это наука, заслуживающая всяческого преклонения.

Учитель музыки. А я стою на том, что музыку чтили во все века.

Учитель фехтования. А я им доказываю, что наука владеть оружием — это самая прекрасная и самая полезная из всех наук.

Учитель философии. Позвольте, а что же тогда философия? Вы все трое — изрядные нахалы, как я погляжу: смеете говорить в моем присутствии такие дерзости и без зазрения совести называете науками занятия, которые недостойны чести именоваться даже искусствами и которые могут быть приравнены лишь к жалким ремеслам уличных борцов, певцов и плясунов!

Учитель фехтования. Молчать, собачий философ!

Учитель музыки. Молчать, педант тупоголовый!

Учитель танцев. Молчать, ученый сухарь!

Учитель философии. Ах вы, твари эдакие!.. *(Бросается на них; они осыпают его ударами.)*

Г-н Журден. Господин философ!

Учитель философии. Мерзавцы, подлецы, нахалы!

Г-н Журден. Господин философ!

Учитель фехтования. Гадина! Скотина!

Г-н Журден. Господа!

Учитель философии. Наглецы!

Г-н Журден. Господин философ!

Учитель танцев. Ослиная голова!

Г-н Журден. Господа!

Учитель философии. Негодяи!

Г-н Журден. Господин философ!

Учитель музыки. Убирайся к черту, нахал!

Г-н Журден. Господа!

Учитель философии. Жулики, прощелыги, продувные бестии, проходимцы!

Г-н Журден. Господин философ! Господа! Господин философ! Господа! Господин философ!

Все учителя уходят, продолжая драться.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Г-н Журден, лакей.

Г-н Журден. Э, да ладно, деритесь, сколько хотите! Мое дело сторона, я разнимать вас не стану, а то еще халат с вами разорвешь. Набитым дураком надо быть, чтобы с ними связываться: не ровен час, так огреют, что своих не узнаешь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и учитель философии.

Учитель философии *(оправляя воротник)*. Приступим к уроку.

Г-н Журден. Ах, господин учитель, как мне досадно, что они вас побили!

Учитель философии. Пустяки. Философ должен ко всему относиться спокойно. Я сочиню на них сатиру в духе Ювенала, и эта сатира их совершенно уничтожит. Но довольно об этом. Итак, чему же вы хотите учиться?

Г-н Журден. Чему только смогу: ведь я смерть как хочу стать ученым, и такое зло меня берет на отца и мать, что меня с малолетства не обучали всем наукам!

Учитель философии. Это понятное чувство, *nam sine doctrina vita est quasi mortis imago.* Вам это должно быть ясно, потому что вы, уж верно, знаете латынь.

Г-н Журден. Да, но вы все-таки говорите так, как будто я ее не знаю. Объясните мне, что это значит.

Учитель философии. Это значит: без науки жизнь есть как бы подобие смерти.

Г-н Журден. Латынь говорит дело.

Учитель философии. У вас есть основы, начатки каких-либо познаний?

Г-н Журден. А как же, я умею читать и писать.

Учитель философии. С чего вам угодно будет начать? Хотите, я обучу вас логике?

Г-н Журден. А что это за штука — логика?

Учитель философии. Это наука, которая учит нас трем процессам мышления.

Г-н Журден. Кто же они такие, эти три процесса мышления?

Учитель философии. Первый, второй и третий. Первый заключается в том, чтобы составлять себе правильное представление о вещах при посредстве универсалий, второй — в том, чтобы верно о них судить при посредстве категорий, и, наконец, третий — в том, чтобы делать правильное умозаключение при посредстве фигур: *Barbara, Celarent, Darii, Ferio, Baralipton*[1] и так далее.

Г-н Журден. Уж больно слова-то заковыристые. Нет, логика мне не подходит. Лучше что-нибудь позавлекательнее.

---

[1] Barbara, Celarent и т. д.— условные термины схоластической логики *(лат.)*.

Учитель философии. Хотите, займемся этикой?

Г-н Журден. Этикой?

Учитель философии. Да.

Г-н Журден. А про что она, эта самая этика?

Учитель философии. Она трактует о счастье жизни, учит людей умерять свои страсти и...

Г-н Журден. Нет, не надо. Я вспыльчив, как сто чертей, и никакая этика меня не удержит: когда меня разбирает злость, я желаю беситься сколько влезет.

Учитель философии. Может быть, вас прельщает физика?

Г-н Журден. А физика — это насчет чего?

Учитель философии. Физика изучает законы внешнего мира и свойства тел, толкует о природе стихий, о признаках металлов, минералов, камней, растений, животных и объясняет причины всевозможных атмосферных явлений, как-то: радуги, блуждающих огней, комет, зарниц, грома, молнии, дождя, снега, града, ветров и вихрей.

Г-н Журден. Слишком много трескотни, слишком много всего наворочено.

Учитель философии. Так чем же вы хотите заняться?

Г-н Журден. Займитесь со мной правописанием.

Учитель философии. С удовольствием.

Г-н Журден. Потом научите меня узнавать по календарю, когда бывает луна, а когда нет.

Учитель философии. Хорошо. Если рассматривать этот предмет с философской точки зрения, то, дабы вполне удовлетворить ваше желание, надлежит, как того требует порядок, начать с точного понятия о природе букв и о различных способах их произнесения. Прежде всего я должен вам сообщить, что буквы делятся на гласные, названные так потому, что они обозначают звуки голоса, и на согласные, названные так потому, что произносятся с помощью гласных и служат лишь для обозначения различных изменений голоса. Существует пять гласных букв, или, иначе, голосовых звуков: А, Е, И, О, У.

Г-н Журден. Это мне все понятно.

Учитель философии. Чтобы произнести звук А, нужно широко раскрыть рот: А.

Г-н Журден. А, А. Так!

Учитель философии. Чтобы произнести звук Е, нужно приблизить нижнюю челюсть к верхней: А, Е.

Г-н Журден. А, Е, А, Е. В самом деле! Вот здорово!

Учитель философии. Чтобы произнести звук И, нужно еще больше сблизить челюсти, а углы рта оттянуть к ушам: А, Е, И.

Г-н Журден. А, Е, И, И, И, И. Верно! Да здравствует наука!

Учитель философии. Чтобы произнести звук О, нужно раздвинуть челюсти, а углы губ сблизить: О.

Г-н Журден. О, О. Истинная правда! А, Е, И, О, И, О. Удивительное дело! И, О, И, О.

Учитель философии. Отверстие рта принимает форму того самого кружка, посредством коего изображается звук О.

Г-н Журден. О, О, О. Вы правы. О. Как приятно знать, что ты что-то узнал!

Учитель философии. Чтобы произнести звук У, нужно приблизить нижние зубы к верхним, не стискивая их, однако ж, а губы вытянуть и тоже сблизить, но так, чтобы они не были плотно сжаты: У.

Г-н Журден. У, У. Совершенно справедливо! У.

Учитель философии. Ваши губы при этом вытягиваются, как будто вы гримасничаете. Вот почему, если вы пожелаете в насмешку над кем-либо состроить рожу, вам стоит только сказать: У.

Г-н Журден. У, У. Верно! Эх, зачем я не учился прежде! Я бы все это уже знал.

Учитель философии. Завтра мы разберем другие буквы, так называемые согласные.

Г-н Журден. А они такие же занятные, как и эти?

Учитель философии. Разумеется. Когда вы произносите звук Д, например, нужно, чтобы кончик языка уперся в верхнюю часть верхних зубов: ДА.

Г-н Журден. ДА, ДА. Так! Ах, до чего же здорово, до чего же здорово!

Учитель философии. Чтобы произнести Ф, нужно прижать верхние зубы к нижней губе: ФА.

Г-н Журден. ФА, ФА. И то правда! Эх, батюшка с матушкой, ну как тут не помянуть вас лихом!

Учитель философии. А чтобы произнести звук Р, нужно приставить кончик языка к верхнему нёбу, однако ж под напором воздуха, с силой вырывающегося из груди, язык беспрестанно возвращается на прежнее место, отчего происходит некоторое дрожание: Р-РА.

Г-н Журден. Р-Р-Р-РА, Р-Р-Р-Р-Р-РА! Какой же вы молодчина! А я-то сколько времени потерял даром! Р-Р-Р-РА.

Учитель философии. Все эти любопытные вещи я объясню вам до тонкостей.

Г-н Журден. Будьте настолько любезны! А теперь я должен открыть вам секрет. Я влюблен в одну великосветскую даму, и мне бы хотелось, чтобы вы помогли мне написать ей записочку, которую я собираюсь уронить к ее ногам.

Учитель философии. Отлично.

Г-н Журден. Ведь правда, это будет учтиво?

Учитель философии. Конечно. Вы хотите написать ей стихи?

Г-н Журден. Нет-нет, только не стихи.

Учитель философии. Вы предпочитаете прозу?

Г-н Журден. Нет, я не хочу ни прозы, ни стихов.

Учитель философии. Так нельзя: или то, или другое.

Г-н Журден. Почему?

Учитель философии. По той причине, сударь, что мы можем излагать свои мысли не иначе, как прозой или стихами.

Г-н Журден. Не иначе, как прозой или стихами?

Учитель философии. Не иначе, сударь. Все, что не проза, то стихи, а что не стихи, то проза.

Г-н Журден. А когда мы разговариваем, это что же такое будет?

Учитель философии. Проза.

Г-н Журден. Что? Когда я говорю: «Николь! Принеси мне туфли и ночной колпак», это проза?

Учитель философии. Да, сударь.

Г-н Журден. Честное слово, я и не подозревал, что вот уже более сорока лет говорю прозой. Большое вам спасибо, что сказали. Так вот что я хочу ей написать: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви», но только нельзя ли это же самое сказать полюбезнее, как-нибудь этак покрасивее выразиться?

Учитель философии. Напишите, что пламя ее очей испепелило вам сердце, что вы день и ночь терпите из-за нее столь тяжкие...

Г-н Журден. Нет-нет-нет, это все не нужно. Я хочу написать ей только то, что я вам сказал: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви».

Учитель философии. Следовало бы чуть-чуть подлиннее.

Г-н Журден. Да нет, говорят вам! Я не хочу, чтобы в записке было что-нибудь, кроме этих слов, но только их нужно расставить как следует, как нынче принято. Приведите мне, пожалуйста, несколько примеров, чтобы мне знать, какого порядка лучше придерживаться.

Учитель философии. Порядок может быть, во-первых, тот, который вы установили сами: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви». Или: «От любви смерть мне сулят, прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза». Или: «Прекрасные ваши глаза от любви мне сулят, прекрасная маркиза, смерть». Или: «Смерть ваши прекрасные глаза, прекрасная маркиза, от любви мне сулят». Или: «Сулят мне прекрасные глаза ваши, прекрасная маркиза, смерть».

Г-н Журден. Какой же из всех этих способов наилучший?

Учитель философии. Тот, который вы избрали сами: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви».

Г-н Журден. А ведь я ничему не учился и вот все ж таки придумал в один миг. Покорно вас благодарю. Приходите, пожалуйста, завтра пораньше.

Учитель философии. Не премину. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Г-н Журден, лакей.

Г-н Журден *(лакею)*. Неужели мне еще не принесли костюма?

Лакей. Никак нет, сударь.

Г-н Журден. Окаянный портной заставляет меня дожидаться, когда у меня и без того дела по горло. Как я зол! Чтоб его лихорадка замучила, этого разбойника портного! Чтоб его черт подрал, этого портного! Чума его возьми, этого портного! Попадись он мне сейчас, пакостный портной, собака портной, злодей портной, я б его...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, портной и подмастерье с костюмом для г-на Журдена.

Г-н Журден. А, наконец-то! Я уж начал было на тебя сердиться.

Портной. Раньше поспеть не мог, и так уж двадцать подмастерьев засадил за ваш костюм.

Г-н Журден. Ты мне прислал такие узкие чулки, что я насилу их натянул. И уже две петли спустились.

Портной. Они еще как растянутся!

Г-н Журден. Да, только не раньше, чем лопнут все петли. К тому же еще башмаки, которые ты для меня заказал, жмут невыносимо.

Портной. Нисколько, сударь.

Г-н Журден. То есть как — нисколько?

Портной. Нет-нет, они вам не тесны.

Г-н Журден. А я говорю — тесны.

Портной. Это вам так кажется.

Г-н Журден. Оттого и кажется, что мне больно. Иначе бы не казалось!

Портной. Вот, извольте взглянуть: не у каждого придворного бывает такой красивый костюм, и сделан он с отменным вкусом. Тут с моей стороны требовалось особое искусство, чтобы получился строгий костюм, хотя и не черного цвета. Самому лучшему портному не сшить такого костюма, это уж я вам ручаюсь.

Г-н Журден. А это еще что такое? Ты пустил цветочки головками вниз?

Портной. Вы мне не говорили, что хотите вверх.

Г-н Журден. Разве об этом надо говорить особо?

Портной. Непременно. Все господа так носят.

Г-н Журден. Господа носят головками вниз?

Портной. Да, сударь.

Г-н Журден. Гм! А ведь и правда красиво.

Портной. Если угодно, я могу и вверх пустить.

Г-н Журден. Нет-нет.

Портной. Вы только скажите.

Г-н Журден. Говорят тебе, не надо. У тебя хорошо получилось. А сидеть-то он на мне будет ладно, как по-твоему?

Портной. Что за вопрос! Живописец кистью так не выведет, как я подогнал к вашей фигуре. У меня есть один подмастерье: по части штанов — это просто гений, а другой по части камзолов — краса и гордость нашего времени.

Г-н Журден. Парик и перья — как, ничего?

Портной. Все в надлежащем порядке.

Г-н Журден *(приглядываясь к портному)*. Э-ге-ге, господин портной, а ведь материя-то на вас от моего камзола, того самого, что вы мне шили прошлый раз! Я ее сразу узнал.

Портной. Мне, изволите ли видеть, так понравилась материя, что я и себе выкроил на кафтан.

Г-н Журден. Ну и выкраивал бы, только не из моего куска.

Портной. Не угодно ли примерить?

Г-н Журден. Давай.

Портной. Погодите. Это так не делается. Я привел людей, чтоб они вас облачили под музыку: такие костюмы надеваются с особыми церемониями. Эй, войдите!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и подмастерья, танцующие.

Портной *(подмастерьям)*. Наденьте этот костюм на господина Журдена так, как вы всегда одеваете знатных господ.

ПЕРВЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Четверо танцующих подмастерьев приближаются к г-ну Журдену. Двое снимают с него штаны, двое других — камзол, а затем, все время двигаясь в такт, они надевают на него новый костюм. Г-н Журден прохаживается между ними, а они смотрят, хорошо ли сидит костюм.

Подмастерье. Ваша милость! Пожалуйте сколько-нибудь подмастерьям, чтоб они выпили за ваше здоровье.

Г-н Журден. Как ты меня назвал?

Подмастерье. Ваша милость.

Г-н Журден. «Ваша милость»! Вот что значит одеться по-господски! А будете ходить в мещанском платье — никто вам не скажет «ваша милость». *(Дает деньги.)* На, вот тебе за «вашу милость».

Подмастерье. Премного довольны, ваше сиятельство.

Г-н Журден. «Сиятельство»? Ого! «Сиятельство»! Погоди, дружок... «Сиятельство» чего-нибудь да стоит, это не простое слово — «сиятельство»! На, вот тебе от его сиятельства!

Подмастерье. Ваше сиятельство! Мы все, как один, выпьем за здоровье вашей светлости.

Г-н Журден. «Вашей светлости»? Ого-го! Погоди, не уходи. Это мне-то — «ваша светлость»! *(В сторону.)* Если дело дойдет до «высочества», честное слово, ему достанется весь кошелек. *(Подмастерью.)* На, вот тебе за «вашу светлость».

Подмастерье. Покорнейше благодарим, ваше сиятельство, за ваши милости.

Г-н Журден *(в сторону)*. Вовремя остановился, а то бы я все ему отдал.

ВТОРОЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Четверо подмастерьев танцуют, радуясь щедрости г-на Журдена.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г-н Журден, два лакея.

Г-н Журден. Идите за мной: я хочу пройтись по городу в новом костюме, да только смотрите не отставайте ни на шаг, чтоб все видели, что вы мои лакеи.

Лакей. Слушаем, сударь.

Г-н Журден. Позовите сюда Николь — мне нужно отдать ей кое-какие распоряжения. Стойте, она сама идет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Николь.

Г-н Журден. Николь!

Николь. Что угодно?

Г-н Журден. Послушай...

Николь. Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Чего ты смеешься?

Николь. Хи-хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Что с тобой, бесстыдница?

Николь. Хи-хи-хи! На кого вы похожи! Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Что такое?

Николь. Ах, боже мой! Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Экая нахалка! Ты это надо мной смеешься?

Николь. Ни-ни, сударь, даже не думала. Хи-хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Посмейся-ка еще,— уж и влетит тебе от меня!

Николь. Ничего не могу с собой поделать, сударь. Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Перестанешь ты или нет?

Николь. Извините, сударь, но вы такой уморительный, что я не могу удержаться от смеха. Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Нет, вы подумайте, какая наглость!

Николь. До чего ж вы сейчас смешной! Хи-хи!

Г-н Журден. Я тебя...

Николь. Извините, пожалуйста. Хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Послушай: если ты сию секунду не перестанешь, клянусь — я закачу тебе такую оплеуху, какой еще никто на свете не получал.

Николь. Коли так, сударь, можете быть спокойны: не буду больше смеяться.

Г-н Журден. Ну смотри! Сейчас ты мне уберешь...

Николь. Хи-хи!

Г-н Журден. Уберешь как следует...

Николь. Хи-хи!

Г-н Журден. Уберешь, говорю, как следует залу и...

Николь. Хи-хи!

Г-н Журден. Ты опять?

Николь *(валится от хохота)*. Нет уж, сударь, лучше побейте меня, но только дайте посмеяться вдоволь — так мне будет легче. Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Ты меня доведешь!

Николь. Смилуйтесь, сударь, дайте мне посмеяться. Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Вот я тебя сейчас...

Николь. Су... ударь... я лоп... лопну, если не похохочу. Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Видали вы такую подлянку? Вместо того чтобы выслушать мои приказания, нагло смеется мне в лицо.

Николь. Что же вам угодно, сударь?

Г-н Журден. Мне угодно, чтобы ты, мошенница, потрудилась навести в доме чистоту: ко мне скоро гости будут.

Николь *(встает)*. Вот мне уже и не до смеху, честное слово! Ваши гости наделают всегда такого беспорядку, что при одной мысли о них на меня нападает тоска.

Г-н Журден. Что ж, мне из-за тебя держать дверь на запоре от всех моих знакомых?

Николь. По крайней мере, от некоторых.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и г-жа Журден.

Г-жа Журден Ах-ах! Это еще что за новости? Что это на тебе, муженек, за наряд? Верно, вздумал посмешить людей, коли вырядился таким шутом? Хочешь, чтобы все на тебя пальцем показывали?

Г-н Журден. Разве одни дураки да дуры станут на меня показывать пальцем.

Г-жа Журден. Да уж и показывают: твои повадки давно всех смешат.

Г-н Журден. Кого это «всех», позволь тебя спросить?

Г-жа Журден. Всех благоразумных людей, всех, которые поумнее тебя. А мне так совестно глядеть, какую ты моду завел. Собственного дома не узнать. Можно подумать, что у нас каждый день праздник: с самого утра, то и знай, пиликают на скрипках, песни орут,— соседям, и тем покою нет.

Николь. И то правда, сударыня. Мне не под силу будет поддерживать в доме чистоту, коли вы, сударь, будете водить к себе такую пропасть народу. Грязи наносят прямо со всего города. Бедная Франсуаза вконец измучилась: любезные ваши учителя наследят, а она каждый божий день мой после них полы.

Г-н Журден. Ого! Вот так служанка Николь! Простая мужичка, а ведь до чего же языкастая!

Г-жа Журден. Николь права: ума-то у нее побольше, чем у тебя. Хотела бы я знать, на что тебе, в твои годы, понадобился учитель танцев?

Николь. И еще этот верзила фехтовальщик — он так топочет, что весь дом трясется, а в зале, того и гляди, весь паркет повыворотит.

Г-н Журден. Молчать, и ты, служанка, и ты, жена!

Г-жа Журден. Стало быть, ты задумал учиться танцевать? Нашел когда: у самого скоро ноги отнимутся.

Николь. Может статься, вам припала охота кого-нибудь убить?

Г-н Журден. Молчать, говорят вам! Обе вы невежды. Вам невдомек, какие это мне дает пре-ро-га-тивы!

Г-жа Журден. Лучше бы подумал, как дочку пристроить: ведь она уж на выданье.

Г-н Журден. Подумаю я об этом, когда представится подходящая партия. А пока что я хочу думать о том, как бы мне разным хорошим вещам научиться.

Николь. Я еще слыхала, сударыня, что нынче в довершение всего хозяин нанял учителя философии.

Г-н Журден. Совершенно верно. Хочу понабраться ума-разума, чтоб мог я о чем угодно беседовать с порядочными людьми.

Г-жа Журден. Не поступить ли тебе в один прекрасный день в школу, чтоб тебя там розгами драли на старости лет?

Г-н Журден. А что ж тут такого? Пусть меня выдерут хоть сейчас, при всех, лишь бы знать все то, чему учат в школе!

Николь. Да, это бы вам пошло на пользу.

Г-н Журден. Без сомнения.

Г-жа Журден. В хозяйстве тебе все это вот как пригодится!

Г-н Журден. Непременно пригодится. Обе вы несете дичь; мне стыдно, что вы такие необразованные. *(Г-же Журден.)* Вот, например, знаешь ли ты, как ты сейчас говоришь?

Г-жа Журден. Конечно. Я знаю, что говорю дело и что тебе надо начать жить по-другому.

Г-н Журден. Я не о том толкую. Я спрашиваю: что такое эти слова, которые ты сейчас сказала?

Г-жа Журден. Слова-то мои разумные, а вот поведение твое очень даже неразумное.

Г-н Журден. Говорят тебе, я не о том толкую. Я вот о чем спрашиваю: то, что я тебе говорю, вот то, что я тебе сказал сейчас,— что это такое?

Г-жа Журден. Глупости.

Г-н Журден. Да нет, ты меня не понимаешь. То, что мы оба говорим, вся наша с тобой речь?

Г-жа Журден. Ну?

Г-н Журден. Как это называется?

Г-жа Журден. Все равно, как ни назвать.

Г-н Журден. Невежда! Это проза!

Г-жа Журден. Проза?

Г-н Журден. Да, проза. Все, что проза, то не стихи, а все, что не стихи, то проза. Видала? Вот что значит ученость! *(К Николь.)* Ну, а ты? Тебе известно, как произносится У?

Николь. Как произносится?

Г-н Журден. Да. Что ты делаешь, когда говоришь У?

Николь. Чего?

Г-н Журден. Попробуй сказать У.

Николь. Ну, У.

Г-н Журден. Что же ты делаешь?

Николь. Говорю У.

Г-н Журден. Да, но когда ты говоришь У, что ты в это время делаешь?

Николь. То и делаю, что вы велели.

Г-н Журден. Вот поговори-ка с дурами! Ты вытягиваешь губы и приближаешь верхнюю челюсть к нижней: У. Видишь? Я корчу рожу: У.

Николь. Да, нечего сказать, ловко.

Г-жа Журден. И впрямь чудеса!

Г-н Журден. Вы бы еще не то сказали, ежели б увидали О, ДА-ДА и ФА-ФА!

Г-жа Журден. Что это за галиматья?

Николь. На что это все нужно?

Г-н Журден. Эти невежды хоть кого выведут из себя.

Г-жа Журден. Вот что, гони-ка ты своих учителей в шею и со всей их тарабарщиной.

Николь. А главное, эту дылду — учителя фехтования: от него только пыль столбом.

Г-н Журден. Скажи на милость! Дался вам учитель фехтования! Вот я тебе сейчас докажу, что ты ничего в этом не смыслишь. *(Велит подать рапиры и одну из них протягивает Николь.)* Вот, смотри, наглядный пример, линия тела. Когда тебя колют квартой, то надо делать так, а когда терсом, то вот так. Тогда тебя никто уж не убьет, а во время драки это самое важное — знать, что ты в безопасности. А ну попробуй, кольни меня разок!

Николь. Что ж, и кольну! *(Несколько раз колет г-на Журдена.)*

Г-н Журден. Да тише ты! Эй-эй! Осторожней! Черт бы тебя побрал, скверная девчонка!

Николь. Вы же сами велели вас колоть.

Г-н Журден. Да, но ты сперва колешь терсом, вместо того чтобы квартой, и у тебя не хватает терпения подождать, пока я отпарирую.

Г-жа Журден. Ты помешался на всех этих причудах, муженек. И началось это у тебя с тех пор, как ты вздумал водиться с важными господами.

Г-н Журден. В том, что я вожусь с важными господами, виден мой здравый смысл: это куда лучше, чем водиться с твоими мещанами.

Г-жа Журден. Да уж, нечего сказать: прок от того, что ты подружился с дворянами, ох как велик! Взять хоть этого распрекрасного графа, от которого ты без ума: до чего же выгодное знакомство!

Г-н Журден. Молчать! Думай сначала, а потом давай волю языку. Знаешь ли ты, жена, что ты не знаешь, о ком говоришь, когда говоришь о нем? Ты себе не представляешь, какое это значительное лицо: он настоящий вельможа, вхож во дворец, с самим королем разговаривает, вот как я с тобой. Разве это не великая для меня честь, что такая высокопоставленная особа постоянно бывает в моем доме, называет меня любезным другом и держится со мной на равной ноге? Никому и в голову не придет, какие услуги оказывает мне граф, а при всех он до того бывает со мною ласков, что мне, право, становится неловко.

Г-жа Журден. Да, он оказывает тебе услуги, он с тобою ласков, но и денежки у тебя занимает.

Г-н Журден. Ну и что ж? Разве это для меня не честь — дать взаймы такому знатному господину? Могу ли я вельможе, который называет меня любезным другом, отказать в таком пустяке?

Г-жа Журден. А какие такие одолжения делает этот вельможа тебе?

Г-н Журден. Такие, что, кому сказать, никто не поверит.

Г-жа Журден. Например?

Г-н Журден. Ну уж этого я тебе не скажу. Будь довольна тем, что свой долг он мне уплатит сполна, и очень даже скоро.

Г-жа Журден. Как же, дожидайся!

Г-н Журден. Наверняка. Он сам мне говорил!

Г-жа Журден. Держи карман шире.

Г-н Журден. Он дал мне честное слово дворянина.

Г-жа Журден. Враки!

Г-н Журден. Ух! Ну и упрямая ты, жена! А я тебе говорю, что он свое слово сдержит, я в этом уверен.

Г-жа Журден. А я уверена, что не сдержит и что все его любезности — один обман, и ничего более.

Г-н Журден. Замолчи! Вот как раз и он.

Г-жа Журден. Этого только недоставало! Верно, опять пришел просить у тебя в долг. Глядеть на него тошно.

Г-н Журден. Молчать, тебе говорят!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Дорант.

Дорант. Здравствуйте, господин Журден! Как поживаете, любезный друг?

Г-н Журден. Отлично, ваше сиятельство. Милости прошу.

Дорант. А госпожа Журден как поживает?

Г-жа Журден. Госпожа Журден живет помаленьку.

Дорант. Однако, господин Журден, каким вы сегодня франтом!

Г-н Журден. Вот, поглядите.

Дорант. Вид у вас в этом костюме безукоризненный. У нас при дворе нет ни одного молодого человека, который был бы так же хорошо сложен, как вы.

Г-н Журден. Хе-хе!

Г-жа Журден *(в сторону)*. Знает, как в душу влезть.

Дорант. Повернитесь. Верх изящества.

Г-жа Журден *(в сторону)*. Да, сзади такой же дурак, как и спереди.

Дорант. Даю вам слово, господин Журден, у меня было необычайно сильное желание с вами повидаться. Я питаю к вам совершенно особое уважение: не далее как сегодня утром я говорил о вас в королевской опочивальне.

Г-н Журден. Много чести для меня, ваше сиятельство. *(Г-же Журден.)* В королевской опочивальне!

Дорант. Наденьте же шляпу.

Г-н Журден. Я вас слишком уважаю, ваше сиятельство.

Дорант. Боже мой, да наденьте же! Пожалуйста, без церемоний.

Г-н Журден. Ваше сиятельство...

Дорант. Говорят вам, наденьте, господин Журден: ведь вы мой друг.

Г-н Журден. Ваше сиятельство! Я ваш покорный слуга.

Дорант. Если вы не наденете шляпу, тогда и я не надену.

Г-н Журден *(надевая шляпу)*. Лучше показаться неучтивым, чем несговорчивым.

Дорант. Как вам известно, я ваш должник.

Г-жа Журден *(в сторону)*. Да, нам это слишком хорошо известно.

Дорант. Вы были так великодушны, что неоднократно давали мне в долг и, надо заметить, выказывали при этом величайшую деликатность.

Г-н Журден. Шутить изволите, ваше сиятельство.

Дорант. Однако ж я почитаю непременною своею обязанностью платить долги и умею ценить оказываемые мне любезности.

Г-н Журден. Я в этом не сомневаюсь.

Дорант. Я намерен с вами расквитаться. Давайте вместе подсчитаем, сколько я вам всего должен.

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. Ну что, жена? Видишь, какую ты на него взвела напраслину?

Дорант. Я люблю расплачиваться как можно скорее.

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. А что я тебе говорил?

Дорант. Итак, посмотрим, сколько же я вам должен.

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. Вот они, твои нелепые подозрения.

Дорант. Вы хорошо помните, сколько вы мне ссудили?

Г-н Журден. По-моему, да. Я записал для памяти. Вот она, эта самая запись. В первый раз выдано вам двести луидоров.

Дорант. Верно.

Г-н Журден. Еще выдано вам сто двадцать.

Дорант. Так.

Г-н Журден. Еще выдано вам сто сорок.

Дорант. Вы правы.

Г-н Журден. Все вместе составляет четыреста шестьдесят луидоров, или пять тысяч шестьдесят ливров.

Дорант. Подсчет вполне верен. Пять тысяч шестьдесят ливров.

Г-н Журден. Тысячу восемьсот тридцать два ливра — вашему поставщику перьев для шляп.

Дорант. Совершенно точно.

Г-н Журден. Две тысячи семьсот восемьдесят ливров — вашему портному.

Дорант. Правильно.

Г-н Журден. Четыре тысячи триста семьдесят девять ливров двенадцать су восемь денье — вашему лавочнику.

Дорант. Отлично. Двенадцать су восемь денье,— подсчет верен.

Г-н Журден. И еще тысячу семьсот сорок восемь ливров семь су четыре денье — вашему седельнику.

Дорант. Все это соответствует истине. Сколько же всего?

Г-н Журден. Итого пятнадцать тысяч восемьсот ливров.

Дорант. Итог верен. Пятнадцать тысяч восемьсот ливров. Дайте мне еще двести пистолей и прибавьте их к общей сумме; получится ровно восемнадцать тысяч франков, каковые я вам возвращу в самое ближайшее время.

Г-жа Журден *(г-ну Журдену, тихо)*. Ну что, права я была?

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. Отстань!

Дорант. Вас не затруднит моя просьба?

Г-н Журден. Помилуйте!

Г-жа Журден *(г-ну Журдену, тихо)*. Ты для него дойная корова.

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. Молчи!

Дорант. Если вам это неудобно, я обращусь к кому-нибудь другому.

Г-н Журден. Нет-нет, ваше сиятельство.

Г-жа Журден *(г-ну Журдену, тихо)*. Он не успокоится, пока тебя не разорит.

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. Говорят тебе, молчи!

Дорант. Скажите прямо, не стесняйтесь.

Г-н Журден. Нисколько, ваше сиятельство.

Г-жа Журден *(г-ну Журдену, тихо)*. Это настоящий проходимец!

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. Да замолчи ты!

Г-жа Журден *(г-ну Журдену, тихо)*. Он высосет из тебя все до последнего су.

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. Да замолчишь ты?

Дорант. Многие с радостью дали бы мне взаймы, но вы мой лучший друг, и я боялся, что обижу вас, если попрошу у кого-нибудь еще.

Г-н Журден. Слишком много чести для меня, ваше сиятельство. Сейчас схожу за деньгами.

Г-жа Журден *(г-ну Журдену, тихо)*. Что? Ты ему еще хочешь дать?

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. А как же быть? Разве я могу отказать такой важной особе, которая еще нынче утром говорила обо мне в королевской опочивальне?

Г-жа Журден *(г-ну Журдену, тихо)*. А, да ну тебя, дурак набитый!

Г-н Журден и два лакея уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Николь, г-жа Журден, Дорант.

Дорант. Вы как будто не в духе. Что с вами, госпожа Журден?

Г-жа Журден. Голова у меня кругом идет.

Дорант. А где же ваша уважаемая дочка? Что-то ее не видно.

Г-жа Журден. Моя уважаемая дочка находится именно там, где она сейчас находится.

Дорант. Как она себя чувствует?

Г-жа Журден. Обыкновенно — вот как она себя чувствует.

Дорант. Не угодно ли вам как-нибудь на днях посмотреть вместе с дочкой придворный балет и комедию?

Г-жа Журден. Вот-вот, нам теперь как раз до смеха, как раз до смеха нам теперь!

Дорант. Уж верно, госпожа Журден, в молодости вы славились красотою, приятностью в обхождении и у вас была тьма поклонников.

Г-жа Журден. Хорош, сударь, нечего сказать! А что ж теперь, по-вашему: госпожа Журден — совсем развалина, и голова у нее трясется?

Дорант. Ах, боже мой, госпожа Журден, простите! Я совсем забыл, что вы еще молоды; это моя всегдашняя рассеянность виновата. Прошу извинить невольную мою дерзость.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и г-н Журден.

Г-н Журден *(Доранту)*. Вот вам ровно двести луидоров.

Дорант. Поверьте, господин Журден, что я искренне вам предан и мечтаю быть вам чем-нибудь полезным при дворе.

Г-н Журден. Я вам очень обязан.

Дорант. Если госпожа Журден желает посмотреть придворный спектакль, я велю оставить для нее лучшие места.

Г-жа Журден. Госпожа Журден покорно вас благодарит.

Дорант *(г-ну Журдену, тихо)*. Прелестная наша маркиза, как я уже известил вас запиской, сейчас пожалует к вам отобедать и посмотреть балет. В конце концов мне все же удалось уговорить ее побывать на представлении, которое вы для нее устраиваете.

Г-н Журден. Отойдемете на всякий случай подальше.

Дорант. Мы с вами не виделись целую неделю, и до сих пор я ничего вам не мог сказать о брильянте, который я должен был передать от вас маркизе, но все дело в том, что побороть ее щепетильность мне стоило величайшего труда: она согласилась его принять только сегодня.

Г-н Журден. Как он ей понравился?

Дорант. Она от него в восхищении. Я почти уверен, что красота этого брильянта необычайно поднимет вас в ее глазах.

Г-н Журден. Дай-то бог!

Г-жа Журден *(к Николь).* Стоит им сойтись вместе, мой муженек так к нему и прилипнет.

Дорант. Я приложил все старания, чтобы она составила себе верное понятие как о ценности вашего подарка, так и о силе вашей любви.

Г-н Журден. Не знаю, как вас и благодарить. До чего мне неловко, что такая важная особа, как вы, утруждает себя ради меня!

Дорант. Что вы! Разве можно друзьям быть такими щепетильными? И разве вы в подобном случае не сделали бы для меня того же самого?

Г-н Журден. Ну конечно! С великой охотой.

Г-жа Журден *(к Николь).* Когда он здесь, мне просто невмоготу.

Дорант. Я, по крайней мере, когда нужно услужить другу, решительно на все готов. Как скоро вы мне признались, что пылаете страстью к очаровательной маркизе, моей хорошей знакомой, я сам вызвался быть посредником в ваших сердечных делах.

Г-н Журден. Сущая правда. Благодеяния ваши приводят меня в смущение.

Г-жа Журден *(к Николь).* Когда же он наконец уйдет?

Николь. Их водой не разольешь.

Дорант. Вам удалось найти кратчайший путь к ее сердцу. Женщины больше всего любят, когда на них тратятся, и ваши беспрестанные серенады, ваши бесчисленные букеты, изумительный фейерверк, который вы устроили для нее на реке, брильянт, который вы ей подарили, представление, которое вы для нее готовите,— все это красноречивее говорит о вашей любви, чем все те слова, какие вы могли бы сказать ей лично.

Г-н Журден. Я не остановлюсь ни перед какими затратами, если только они проложат мне дорогу к ее сердцу. Светская дама имеет для меня ни с чем не сравнимую прелесть, подобную честь я готов купить любою ценой.

Г-жа Журден *(к Николь, тихо).* О чем это они столько времени шепчутся? Подойди-ка тихонько да послушай.

Дорант. Скоро вы ею вволю налюбуетесь, ваш взор насладится ею вполне.

Г-н Журден. Чтобы нам не помешали, я устроил так, что моя жена отправится обедать к сестре и пробудет у нее до самого вечера.

Дорант. Вы поступили благоразумно, а то ваша супруга могла бы нас стеснить. Я от вашего имени отдал распоряжения повару, а также велел все приготовить для балета. Я сам его сочинил, и если только исполнение будет соответствовать замыслу, то я уверен, что от него...

Г-н Журден *(заметив, что Николь подслушивает, дает ей пощечину)*. Это еще что? Ну и нахалка! *(Доранту.)* Придется нам уйти.

Г-н Журден и Дорант уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Николь, г-жа Журден.

Николь. Однако, сударыня, любопытство мне кое-чего стоило. А все-таки тут дело нечисто: они что-то держат от вас в секрете.

Г-жа Журден. Мой муженек давно у меня на подозрении, Николь. Голову даю на отсечение, что он за кем-то приударяет; вот я и стараюсь проведать — за кем. Подумаем, однако ж, о моей дочери. Ты знаешь, что Клеонт влюблен в нее без памяти, мне он тоже пришелся по душе, и я хочу ему посодействовать и, если только удастся, выдать за него Люсиль.

Николь. По правде вам скажу, сударыня, я просто в восторге, что вы так решили: ведь если вам по душе хозяин, то мне по душе слуга, и уж как бы я хотела, чтобы вслед за их свадьбой сыграли и нашу!

Г-жа Журден. Ступай к Клеонту и скажи, что я его зову: мы вместе пойдем к мужу просить руки моей дочери.

Николь. С удовольствием, сударыня. Бегу! Такого приятного поручения я еще никогда не исполняла.

Г-жа Журден уходит.

То-то, наверно, обрадуются!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Николь, Клеонт, Ковьель.

Николь *(Клеонту)*. Ах, как вы вовремя! Я вестница вашего счастья и хочу вам...

Клеонт. Прочь, коварная, не смей обольщать меня лживыми своими речами!

Николь. Так-то вы меня встречаете?

Клеонт. Прочь, говорят тебе, сей же час ступай к неверной своей госпоже и объяви, что ей больше не удастся обмануть простодушного Клеонта.

Николь. Это еще что за вздор? Миленький мой Ковьель! Скажи хоть ты, что все это значит?

Ковьель. «Миленький мой Ковьель»! Негодная девчонка! А ну, прочь с глаз моих, дрянь ты этакая, оставь меня в покое!

Николь. Как? И ты туда же?..

Ковьель. Прочь с глаз моих, говорят тебе, не смей больше со мной заговаривать!

Николь *(про себя)*. Вот тебе раз! Какая муха укусила их обоих? Пойду расскажу барышне об этом милом происшествии. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Клеонт, Ковьель.

Клеонт. Как! Поступать таким образом со своим поклонником, да еще с самым верным и самым страстным из поклонников!

Ковьель. Ужас как с нами обоими здесь обошлись!

Клеонт. Я расточаю ей весь пыл и всю нежность, на какие я только способен. Ее одну люблю я в целом свете и помышляю лишь о ней. Она одна предмет всех дум моих и всех желаний, она моя единственная радость. Я говорю лишь о ней, думаю только о ней, вижу во сне лишь ее, сердце мое бьется только ради нее, я дышу только ею. И вот достойная награда за эту преданность мою! Два дня не виделись мы с нею; они тянулись для меня, как два мучительных столетья, вот наконец негаданная встреча, душа моя возликовала, румянцем счастья залилось лицо, в восторженном порыве я устремляюсь к ней... и что же? Неверная не смотрит на меня, она проходит мимо, как будто мы совсем, совсем чужие!

Ковьель. Я то же самое готов сказать.

Клеонт. Так что же сравнится, Ковьель, с коварством бессердечной Люсиль?

Ковьель. А что сравнится, сударь, с коварством подлой Николь?

Клеонт. И это после такого пламенного самопожертвования, после стольких вздохов и клятв, которые исторгла у меня ее прелесть!

Ковьель. После такого упорного ухаживания, после стольких знаков внимания и услуг, которые я оказал ей на кухне!

Клеонт. Стольких слез, которые я пролил у ее ног!

Ковьель. Стольких ведер воды, которые я перетаскал за нее из колодца!

Клеонт. Как пылко я ее любил, любил до полного самозабвения!

Ковьель. Как жарко было мне, когда я за нее возился с вертелом, жарко до полного изнеможения!

Клеонт. А теперь она проходит мимо, явно пренебрегая мной!

Ковьель. А теперь она пренагло поворачивается ко мне спиной!

Клеонт. Это коварство заслуживает того, чтобы на нее обрушились кары.

Ковьель. Это вероломство заслуживает того, чтобы на нее посыпались оплеухи.

Клеонт. Смотри ты у меня, не вздумай за нее заступаться!

Ковьель. Я, сударь? Заступаться? Избави бог!

Клеонт. Не смей оправдывать поступок этой изменницы.

Ковьель. Не беспокойтесь.

Клеонт. Не пытайся защищать ее,— напрасный труд.

Ковьель. Да у меня и в мыслях этого нет!

Клеонт. Я ей этого не прощу и порву с ней всякие отношения.

Ковьель. Хорошо сделаете.

Клеонт. Ей, по-видимому, вскружил голову этот граф, который бывает у них в доме; я убежден, что она польстилась на его знатность. Однако из чувства чести я не могу допустить, чтобы она первая объявила о своей неверности. Я вижу, что она стремится к разрыву, и намерен опередить ее: я не хочу уступать ей пальму первенства.

Ковьель. Отлично сказано. Я вполне разделяю ваши чувства.

Клеонт. Так подогрей же мою досаду и поддержи меня в решительной битве с остатками любви к ней, дабы они не подавали голоса в ее защиту. Пожалуйста, говори мне о ней как можно больше дурного. Выставь мне ее в самом черном свете и, чтобы вызвать во мне отвращение, старательно оттени все ее недостатки.

Ковьель. Ее недостатки, сударь? Да ведь это же ломака, смазливая вертихвостка,— нашли, право, в кого влюбиться! Ничего особенного я в ней не вижу, есть сотни девушек гораздо лучше ее. Во-первых, глазки у нее маленькие.

Клеонт. Верно, глаза у нее небольшие, но зато это единственные в мире глаза: столько в них огня, так они блестят, пронизывают, умиляют.

Ковьель. Рот у нее большой.

Клеонт. Да, но он таит в себе особую прелесть: этот ротик невольно волнует, в нем столько пленительного, чарующего, что с ним никакой другой не сравнится.

Ковьель. Ростом она невелика.

Клеонт. Да, но зато изящна и хорошо сложена.

Ковьель. В речах и в движениях умышленно небрежна.

Клеонт. Верно, но это придает ей своеобразное очарование. Держит она себя обворожительно, в ней так много обаяния, что не покориться ей невозможно.

Ковьель. Что касается ума...

Клеонт. Ах, Ковьель, какой у нее тонкий, какой живой ум!

Ковьель. Говорит она...

Клеонт. Говорит она чудесно.

Ковьель. Она всегда серьезна.

Клеонт. А тебе надо, чтоб она была смешливой, чтоб она была хохотуньей? Что же может быть несноснее женщины, которая всегда готова смеяться?

Ковьель. Но ведь она самая капризная женщина в мире.

Клеонт. Да, она с капризами, тут я с тобой согласен, но красавица все может себе позволить, красавице все можно простить.

Ковьель. Ну, значит, вы ее, как видно, никогда не разлюбите.

Клеонт. Не разлюблю? Нет, лучше смерть. Я буду ненавидеть ее с такой же силой, с какою прежде любил.

Ковьель. Как же это вам удастся, если она, по-вашему, верх совершенства?

Клеонт. В том-то именно и скажется потрясающая сила моей мести, в том-то именно и скажется твердость моего духа, что я возненавижу и покину ее, несмотря на всю ее красоту, несмотря на всю ее привлекательность для меня, несмотря на все ее очарование. Но вот и она.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же, Люсиль и Николь.

Николь *(к Люсиль)*. Я, по крайней мере, была глубоко возмущена.

Люсиль. Все это, Николь, из-за того, о чем я тебе сейчас напомнила. А, он здесь!

Клеонт *(Ковьелю)*. Я и говорить с ней не желаю.

Ковьель. А я последую вашему примеру.

Люсиль. Что это значит, Клеонт? Что с вами сталось?

Николь. Да что с тобой, Ковьель?

Люсиль. Отчего вы такой грустный?

Николь. Что это ты надулся?

Люсиль. Вы утратили дар речи, Клеонт?

Николь. У тебя язык отнялся, Ковьель?

Клеонт. Вот злодейка!

Ковьель. Вот Иуда!

Люсиль. Я вижу, вас расстроила наша сегодняшняя встреча.

Клеонт *(Ковьелю)*. Ага! Поняли, что натворили.

Николь. Наверно, тебя задело за живое то, как мы держали себя с вами утром.

Ковьель *(Клеонту)*. Знают кошки, чье мясо съели.

Люсиль. Ведь это единственная причина вашей досады, не правда ли, Клеонт?

Клеонт. Да, коварная, если вам угодно знать, так именно это. Но только я вас предупреждаю, что ваша измена не доставит вам радости: я сам намерен порвать с вами, я лишу вас права считать, что это вы меня оттолкнули. Разумеется, мне будет нелегко побороть мое чувство, меня охватит тоска, некоторое время я буду страдать, но я себя пересилю, и лучше я вырву из груди сердце, чем поддамся слабости и возвращусь к вам.

Ковьель *(к Николь)*. А куда он, туда и я.

Люсиль. Вот уж много шуму из ничего! Я вам сейчас объясню, Клеонт, по какой причине я утром уклонилась от встречи с вами.

Клеонт *(пытается уйти от Люсиль)*. Ничего не желаю слушать.

Николь *(Ковьелю)*. Я тебе сейчас скажу, почему мы так быстро прошли мимо.

Ковьель *(пытается уйти от Николь)*. Знать ничего не желаю.

Люсиль *(идет за Клеонтом).* Итак, сегодня утром...

Клеонт *(не глядя на Люсиль, направляется к выходу).* Еще раз — нет.

Николь *(идет за Ковьелем).* Было бы тебе известно...

Ковьель *(не глядя на Николь, направляется к выходу).* Притворщица, отстань!

Люсиль. Послушайте!

Клеонт. Конец всему.

Николь. Дай мне сказать.

Ковьель. Я глух.

Люсиль. Клеонт!

Клеонт. Нет-нет!

Николь. Ковьель!

Ковьель. Ни-ни!

Люсиль. Постойте!

Клеонт. Басни!

Николь. Послушай!

Ковьель. Вздор!

Люсиль. Минутку!

Клеонт. Ни за что!

Николь. Чуть-чуть терпенья!

Ковьель. Чепуха!

Люсиль. Два только слова!

Клеонт. Все кончено, нет-нет!

Николь. Одно словечко!

Ковьель. Мы не знакомы.

Люсиль *(останавливается).* Ну что ж, раз вы не хотите меня выслушать, то оставайтесь при своем мнении и поступайте, как вам заблагорассудится.

Николь *(тоже останавливается).* Коли так, поступай, как тебе вздумается.

Клеонт *(поворачивается к Люсиль).* Любопытно, однако ж, знать причину вашего прелестного поведения.

Люсиль *(пытается уйти от Клеонта).* У меня пропало всякое желание об этом с вами говорить.

Ковьель *(поворачивается к Николь).* Послушаем, однако ж, в чем тут дело.

Николь *(хочет уйти от Ковьеля).* У меня пропала всякая охота тебе это объяснять.

Клеонт *(идет за Люсиль).* Расскажите же мне...

Люсиль *(не глядя на Клеонта, направляется к выходу).* Ничего не стану рассказывать.

Ковьель *(идет за Николь).* Растолкуй же мне...

Николь *(не глядя на Ковьеля, направляется к выходу).* Ничего не стану растолковывать.

Клеонт. О, пощадите!

Люсиль. Еще раз — нет!

Ковьель. Будь так любезна!

Николь. Конец всему.

Клеонт. Я вас молю!

Люсиль. Подите прочь!

Ковьель. Прошу тебя!

Николь. Ступай-ка вон!

Клеонт. Люсиль!

Люсиль. Нет-нет!

Ковьель. Николь!

Николь. Ни-ни!

Клеонт. Ради бога!

Люсиль. Не желаю!

Ковьель. Ну скажи!

Николь. Ни за что.

Клеонт. Пролейте свет!

Люсиль. И не подумаю.

Ковьель. Открой ты мне глаза!

Николь. Была охота!

Клеонт. Ну что ж, коль скоро вы не хотите взять на себя труд разуверить меня и объяснить ваше поведение, которого любовный пламень мой не заслужил, то, неблагодарная, вы видите меня в последний раз: я ухожу, и в разлуке с вами я умру от горя и от любви.

Ковьель *(к Николь).* А я — следом за ним.

Люсиль *(Клеонту, который собирается уходить).* Клеонт!

Николь *(Ковьелю, который идет за своим господином).* Ковьель!

Клеонт *(останавливается).* Что?

Ковьель *(тоже останавливается).* Ну?

Люсиль. Куда же вы?

Клеонт. Я вам сказал.

Люсиль. Как! Вы хотите умереть?

Клеонт. О да, жестокая, вы сами этого хотите.

Ковьель. Мы помирать пошли.

Люсиль. Я? Я хочу вашей смерти?

Клеонт. Да, хотите.

Люсиль. Кто вам сказал?

Клеонт *(подходит к Люсиль).* Как же не хотите, когда вы не хотите разрешить мои сомнения?

Люсиль. Да я-то тут при чем? Если б вы с самого начала соблаговолили меня выслушать, я бы вам сказала, что повинна в утреннем происшествии, причинившем вам такую обиду, моя старая тетка, с которой мы вместе шли: она твердо убеждена, что если мужчина, не дай бог, подошел к девушке, тем самым он ее уже обесчестил, вечно читает нам об этом проповеди и старается внушить, что мужчины — это бесы и что от них нужно бежать без оглядки.

Николь *(Ковьелю)*. Вот и весь секрет.

Клеонт. А вы не обманываете меня, Люсиль?

Ковьель *(к Николь)*. А ты меня не дурачишь?

Люсиль *(Клеонту)*. Все это истинная правда.

Николь *(Ковьелю)*. Все так и было.

Ковьель *(Клеонту)*. Ну что ж, поверить им?

Клеонт. Ах, Люсиль, вам стоит сказать одно только слово — и волнения души моей тотчас же утихают! Как легко убеждают нас те, кого мы любим!

Ковьель. Ну и ловки же умасливать нашего брата эти чертовы куклы!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и г-жа Журден.

Г-жа Журден. Очень рада вас видеть, Клеонт, вы как раз вовремя. Сейчас придет мой муж; воспользуйтесь случаем и просите у него руки Люсиль.

Клеонт. Ах, сударыня, как отрадно мне слышать эти слова и как сходятся они с моими собственными желаниями! Что может быть для меня приятнее этого приказа, что может быть для меня дороже этого благодеяния?

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и г-н Журден.

Клеонт. Господин Журден! Я решил не прибегать ни к чьему посредничеству, чтобы обратиться к вам с просьбой, которая касается давнишней моей мечты. Это слишком важная для меня просьба, и я почел за нужное сам изложить вам ее. Итак, скажу вам не обинуясь, что честь быть вашим зятем явилась бы для меня наивысшей милостью, и вот эту именно милость я и прошу вас мне оказать.

Г-н Журден. Прежде чем дать вам ответ, сударь, я попрошу вас сказать, дворянин вы или нет.

Клеонт. Сударь! Большинство, не задумываясь, ответило бы на этот вопрос утвердительно. Слова нынче дешевы. Люди без зазрения совести присваивают себе дворянское звание,— подобный род воровства, по-видимому, вошел в обычай. Но я на этот счет, признаюсь, более щепетилен. Я полагаю, что всякий обман бросает тень на порядочного человека. Стыдиться тех, от кого тебе небо судило родиться на свет, блистать в обществе вымышленным титулом, выдавать себя не за то, что ты есть на самом деле,— это, на мой взгляд, признак душевной низости. Разумеется, мои предки занимали почетные должности, сам я с честью прослужил шесть лет в армии, и состояние мое таково, что я надеюсь занять не последнее место в свете; но, со всем тем, я не намерен присваивать себе дворянское звание, несмотря на то, что многие на моем месте сочли бы себя вправе это сделать, и я вам скажу напрямик: я не дворянин.

Г-н Журден. Кончено, сударь: моя дочь — не для вас.

Клеонт. Как?

Г-н Журден. Вы — не дворянин; дочку мою вы не получите.

Г-жа Журден. Да при чем тут — дворянин, не дворянин? Мы-то с тобой от ребра Людовика Святого, что ли, происходим?

Г-н Журден. Молчи, жена, я вижу, к чему ты клонишь.

Г-жа Журден. Сами-то мы с тобой не из честных мещанских семей?

Г-н Журден. Вот язык-то без костей у тебя, жена!

Г-жа Журден. Разве наши родители не были купцами?

Г-н Журден. Уж эти бабы! Слова сказать не дадут. Коли твой родитель был купцом, тем хуже для него, а про моего родителя так могут сказать только злые языки. Одним словом, я хочу, чтобы зять у меня был дворянин.

Г-жа Журден. Твоей дочке нужен муж подходящий: лучше ей выйти за человека честного, богатого да статного, чем за дворянина, нищего да нескладного.

Николь. Вот уж верно! В нашей деревне господский сынок такой увалень и такой оболтус, какого я отроду не видывала.

Г-н Журден *(к Николь)*. Замолчи, нахалка! Вечно вмешиваешься в разговор. Добра для дочки у меня припасено довольно, недостает только почета, вот я и хочу, чтоб она была маркизой.

Г-жа Журден. Маркизой?

Г-н Журден. Да, маркизой.

Г-жа Журден. Сохрани господи и помилуй!

Г-н Журден. Это дело решенное.

Г-жа Журден. А я на это никак не согласна. От неравного брака ничего хорошего не жди. Не желаю я, чтоб мой зять стал попрекать мою дочь родителями и чтоб их дети стыдились называть меня бабушкой. Случится ей в один прекрасный день прикатить ко мне в карете, и вот ежели она ненароком кому-нибудь из соседей забудет поклониться, так чего только про нее не наговорят! «Поглядите, скажут, на госпожу маркизу! Видите, как чванится! Это дочка господина Журдена, в детстве она почитала за великое счастье поиграть с нами. Прежде она не была такой спесивой: ведь оба ее деда торговали сукном подле ворот святого Иннокентия. Нажили детям добра, а теперь, поди, на том свете ох как за это расплачиваются, потому честному человеку никогда так не разбогатеть». Терпеть не могу я этих пересудов. Коротко говоря, я хочу, чтоб мой зять был мне благодарен за дочку и чтоб я могла сказать ему попросту: «Садись-ка, зять, пообедай с нами».

Г-н Журден. Вот тут-то вся твоя мелочная душонка и сказалась: тебе бы весь век прозябать в ничтожестве. Довольно разговоров! Наперекор всем дочь моя будет маркизой, а разозлишь меня еще пуще, так я ее герцогиней сделаю. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Клеонт, Ковьель, Люсиль, Николь, г-жа Журден.

Г-жа Журден. Не унывайте, Клеонт. *(К Люсиль.)* Пойдем-ка, дочка. Ты прямо так отцу и скажи: если не за Клеонта, так ни за кого, мол, не выйду.

Г-жа Журден, Люсиль и Николь уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Клеонт, Ковьель.

Ковьель. Много вам помогло ваше благородство!

Клеонт. Что поделаешь! Я на этот счет необычайно щепетилен, и переломить себя — это выше моих сил.

Ковьель. А кто вам велел относиться к такому человеку серьезно? Разве вы не видите, что он помешался? Ну что вам стоило снизойти к его слабости?

Клеонт. Твоя правда, но я никак не мог предполагать, что для того, чтобы стать зятем господина Журдена, требуется предъявить дворянские грамоты.

Ковьель *(хохочет)*. Ха-ха-ха!

Клеонт. Чего ты смеешься?

Ковьель. Я надумал сыграть с нашим умником одну шутку, благодаря которой вы добьетесь своего.

Клеонт. Что такое?

Ковьель. Преуморительная штучка!

Клеонт. Да что же именно?

Ковьель. Тут у нас недавно был маскарад, и для моей затеи это как раз то, что нужно: я думаю воспользоваться этим, чтобы обвести вокруг пальца нашего простофилю. Придется, конечно, разыграть комедию, но с таким человеком все можно себе позволить, и раздумывать тут особенно нечего: он свою роль сыграет чудесно и, каких бы небылиц ему ни наплели, ко всему отнесется с полным доверием. У меня и актеры и костюмы готовы, дайте мне только полную волю.

Клеонт. Но научи же меня...

Ковьель. Сейчас я вам все растолкую. Уйдемте-ка отсюда: вон он опять.

Клеонт и Ковьель уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Г-н Журден один.

Г-н Журден. Что за черт! То и дело колют мне глаза моим знакомством с вельможами, а для меня ничего не может быть приятнее таких знакомых. От них один только почет и уважение. Я бы позволил отрубить себе два пальца на руке, лишь бы мне родиться графом или же маркизом.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Г-н Журден, лакей.

Лакей. Сударь! Там его сиятельство под руку с какой-то дамой.

Г-н Журден. Ах, боже мой! Мне нужно еще отдать коекакие распоряжения. Скажи, что я сейчас. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Лакей, Доримена, Дорант.

Лакей. Барин велели сказать, что сейчас выйдут.

Дорант. Очень хорошо.

Лакей уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Доримена, Дорант.

Доримена. Не знаю, Дорант, по-моему, я все же поступила опрометчиво, что позволила вам привезти меня в незнакомый дом.

Дорант. Где же в таком случае, маркиза, моя любовь могла бы вас приветствовать, коль скоро вы во избежание огласки не желаете со мной встречаться ни у себя, ни у меня?

Доримена. Да, но вы не хотите сознаться, что я незаметно для себя привыкаю к ежедневным и слишком сильным доказательствам вашей любви ко мне. Сколько бы я ни отказывалась, в конце концов я все же сдаюсь на ваши уговоры: своею деликатною настойчивостью вы добиваетесь от меня того, что я готова исполнить любое ваше желание. Началось с частых посещений, за ними последовали признания, признания повлекли за собой серенады и представления, а там уж пошли подарки. Я всему этому противилась, но вы неисправимы, и всякий раз вам удается сломить мое упорство. Теперь я уже ни за что не отвечаю: боюсь, что вы все же склоните меня на брак, хотя я всячески этого избегала.

Дорант. Давно пора, маркиза, уверяю вас. Вы вдова, вы ни от кого не зависите. Я тоже сам себе господин и люблю вас больше жизни. Отчего бы вам сегодня же не составить мое счастье?

Доримена. Ах, боже мой, Дорант, для того чтобы совместная жизнь была счастливой, от обеих сторон требуется слишком много! Как часто благоразумнейшим супругам не удается создать союз, который бы их удовлетворял!

Дорант. Помилуйте, маркиза, вы явно преувеличиваете трудности, а ваш собственный опыт еще ничего не доказывает.

Доримена. Как бы там ни было, я возвращаюсь к тому же. Я ввожу вас в расходы, и это меня беспокоит: во-первых, они к слишком многому меня обязывают, а во-вторых, простите за откровенность, я уверена, что они не могут вас не обременять, а мне это неприятно.

Дорант. Ах, маркиза, это сущие пустяки, вас это не должно...

Доримена. Я знаю, что говорю. Между прочим, брильянт, который вы заставили меня принять,— такая дорогая вещь...

Дорант. Маркиза, умоляю, не переоценивайте вещицы, которую моя любовь считает недостойною вас! Позвольте... Но вот и хозяин дома.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Те же и г-н Журден.

Г-н Журден *(сделав два поклона, оказывается на слишком близком расстоянии от Доримены)*. Чуть-чуть назад, сударыня.

Доримена. Что?

Г-н Журден. Если можно, на один шаг.

Доримена. Что такое?

Г-н Журден. Отступите немного, а то я не могу сделать третий поклон.

Дорант. Господин Журден любит изысканное обхождение.

Г-н Журден. Сударыня! Это величайшая для меня радость, что я оказался таким баловнем судьбы и таким, можно сказать, счастливцем, что имею такое счастье и вы были так добры, что сделали мне милость и пожелали почтить меня почетом благосклонного своего присутствия, и если б только я был достоин удостоиться таких достоинств, каковы ваши... и небо... завидующее моему блаженству... предоставило мне... преимущество заслужить... заслужить...

Дорант. Довольно, господин Журден. Маркиза не любит длинных комплиментов. Она и так уже наслышана о необычайной остроте вашего ума. *(Доримене, тихо.)* Как видите, у этого славного мещанина забавные манеры.

Доримена *(Доранту, тихо)*. Это нетрудно заметить.

Дорант. Позвольте вам представить, маркиза, лучшего моего друга...

Г-н Журден. Это для меня слишком много чести.

Дорант. ...человека вполне светского.

Доримена. Я испытываю к нему глубокое уважение.

Г-н Журден. Я еще ничего не сделал, сударыня, чтобы заслужить такую милость.

Дорант *(г-ну Журдену, тихо)*. Смотрите не проговоритесь о брильянте, который вы ей подарили.

Г-н Журден *(Доранту, тихо).* Можно только спросить, как он ей понравился?

Дорант *(г-ну Журдену, тихо).* Что вы! Боже вас сохрани! Это было бы с вашей стороны неучтиво. Если желаете походить на вполне светского человека, то, наоборот, сделайте вид, будто это не вы ей подарили. *(Доримене.)* Господин Журден говорит, что он вам несказанно рад.

Доримена. Я очень тронута.

Г-н Журден *(Доранту, тихо).* Как я вам признателен, что вы замолвили за меня словечко перед маркизой!

Дорант *(г-ну Журдену, тихо).* Я еле уговорил ее поехать к вам.

Г-н Журден *(Доранту, тихо).* Не знаю, чем мне вас отблагодарить.

Дорант. Он говорит, маркиза, что вы первая в мире красавица.

Доримена. Мне это очень лестно.

Г-н Журден. Это мне, сударыня, лестно, что вы...

Дорант. А не пора ли обедать?

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Те же и лакей.

Лакей *(г-ну Журдену).* Все готово, сударь.

Дорант. В таком случае пойдемте к столу, пусть позовут певцов.

БАЛЕТ

Шесть поваров, приготовивших парадный обед, танцуют вместе, что и составляет третью интермедию; затем они вносят уставленный блюдами стол.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г-н Журден, Доримена, Дорант, трое певцов, лакеи.

Доримена. Дорант! Что я вижу? Да это же роскошный пир!

Г-н Журден. Полноте, сударыня, я бы хотел предложить вашему вниманию что-нибудь более великолепное.

Доримена, г-н Журден, Дорант и трое певцов садятся за стол.

Дорант. Господин Журден совершенно прав, маркиза. Я ему весьма признателен за то, что он вам оказывает столь радушный прием. Я с ним согласен, что обед недостаточно для вас великолепен. Я его заказывал сам, но в этой области я не такой тонкий знаток, как некоторые наши друзья, а потому и трапеза получилась не очень изысканная, так что вы найдете здесь прямые нарушения правил поваренного искусства и отклонения от строгого вкуса. Вот если б это взял на себя Дамис, тогда уж ни к чему нельзя было бы придраться: во всем были бы видны изящество и знание дела; он сам расхваливал бы каждое кушанье и в конце концов вынудил бы вас признать его незаурядные способности в науке чревоугодия. Он рассказал бы вам о поджаренных хлебцах со сплошной золотистой корочкой, нежно похрустывающей на зубах, о бархатистом, в меру терпком вине, о бараньей лопатке, нашпигованной петрушкой, о затылке нормандского теленка, вот этаком длинном, белом, нежном, который так и тает во рту, о дивно пахнущих куропатках и, как о венце творенья, о бульоне с блестками жира, за которым следует молоденькая упитанная индейка, обложенная голубями и украшенная белыми луковками вперемежку с цикорием. А что касается меня, то я принужден сознаться в собственном невежестве и, пользуясь удачным выражением господина Журдена, хотел бы предложить вашему вниманию что-нибудь более великолепное.

Доримена. Я ем с большим аппетитом,— вот как я отвечаю на ваш комплимент.

Г-н Журден. Ах, какие прелестные ручки!

Доримена. Руки обыкновенные, господин Журден, но вы, вероятно, имеете в виду брильянт,— вот он действительно очень хорош.

Г-н Журден. Что вы, сударыня, боже меня сохрани, это было бы недостойно светского человека, да к тому же сам брильянт — сущая безделица.

Доримена. Вы слишком требовательны.

Г-н Журден. А вы чересчур снисходительны.

Дорант *(делает знак г-ну Журдену; лакею)*. Налейте вина господину Журдену и вот этим господам, а они будут так любезны, что споют нам застольную песню.

Доримена. Музыка — чудесная приправа к хорошему обеду. Должна заметить, что угощают меня здесь на славу.

Г-н Журден. Сударыня! Не мне...

Дорант. Господин Журден! Послушаем наших певцов: то, что они нам скажут, куда лучше всего того, что можем сказать мы.

Первый и второй певцы
(поют с бокалами в руках)

Филида! Сделай знак мне пальчиком своим,—
Вино в твоих руках так искристо сверкает!
Твоя краса меня одушевляет,
И страстию двойной я ныне одержим.
Вино, и ты, и я — отныне быть должны мы
Навек неразделимы.
Вино в твоих устах горит живым огнем,
Твои уста вину окраску сообщают.
О, как они друг друга дополняют!
Я опьянен вдвойне — тобою и вином.
Вино, и ты, и я — отныне быть должны мы
Навек неразделимы!

Второй и третий певцы

Будем, будем пить вино,—
Время слишком быстролетно:
Надо, надо беззаботно
Брать, что в жизни суждено!
Темны́ реки́ забвенья волны:
Там нет ни страсти, ни вина,
А здесь бокалы полны,—
Так пей, так пей до дна!
Пусть разумники порой
Речи мудрые заводят,
Наша мудрость к нам приходит
Лишь с бутылкой и едой.
Богатство, знание и слава
Не избавляют от забот.
Кто пьян — имеет право
Сказать, что он живет!

Все трое вместе

Лей, мальчик, лей, полнее наливай,
Пока не перельется через край!

Доримена. Лучше спеть невозможно. Просто прекрасно!

Г-н Журден. А я вижу перед собой, сударыня, нечто более прекрасное.

Доримена. Что я слышу? Я и не думала, что господин Журден может быть так любезен.

Дорант. Помилуйте, маркиза! За кого же вы принимаете господина Журдена?

Г-н Журден. Я хочу, чтобы она меня принимала за чистую монету.

Доримена. Опять?

Дорант. Вы его еще не знаете.

Г-н Журден. Она меня узнает, как только пожелает.

Доримена. Да он неистощим!

Дорант. Господин Журден за словом в карман не лезет. Но вы даже не замечаете, маркиза, что он доедает все кусочки, до которых вы дотрагиваетесь.

Доримена. Господин Журден приводит меня в восхищение.

Г-н Журден. Вот если б я мог надеяться на похищение вашего сердца, я был бы...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и г-жа Журден.

Г-жа Журден. Ба! Ба! Да здесь приятная компания, и, как видно, меня не ждали! Так вот почему тебе не терпелось, любезный мой супруг, спровадить меня на обед к моей сестре! Сначала представление, а потом и пир горой! Нечего сказать, нашел, куда девать денежки: потчуешь в мое отсутствие дам, нанимаешь для них певцов и комедиантов, а меня — со двора долой.

Дорант. Что вы говорите, госпожа Журден? Что это у вас за фантазия? Откуда вы взяли, что ваш муж тратит деньги и что это он дает в честь дамы обед? Да будет вам известно, что обед устраиваю я, а он только предоставил для этого свой дом,— советую вам прежде подумать хорошенько, а потом уже говорить.

Г-н Журден. Вот то-то, глупая: обед устраивает его сиятельство в честь этой знатной дамы. Он оказал мне особую милость тем, что избрал для этого мой дом и пригласил и меня.

Г-жа Журден. Всё враки. Я знаю, что́ знаю.

Дорант. Наденьте, госпожа Журден, очки получше.

Г-жа Журден. Мне очки не нужны, сударь, я и так хорошо вижу. Я давно уже чую недоброе: напрасно вы думаете, что я такая дура. Стыдно вам, благородному господину, потакать дурачествам моего мужа. И вам, сударыня, такой важной даме, не к лицу и негоже вносить в семью раздор и позволять моему мужу за вами волочиться.

Доримена. Что все это значит? Послушайте, Дорант, вы издеваетесь надо мной? Заставлять меня выслушивать нелепые бредни этой вздорной женщины! *(Уходит.)*

Дорант *(бежит за Дорименой).* Маркиза, погодите! Маркиза, куда же вы?

Г-н Журден. Сударыня!.. Ваше сиятельство! Извинитесь перед ней за меня и уговорите ее вернуться.

Певцы уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Г-н Журден, лакеи, г-жа Журден.

Г-н Журден. Ах ты, дура этакая, вот что ты натворила! Осрамила меня перед всем светом! Ведь это же надо: выгнать из моего дома знатных особ!

Г-жа Журден. Плевать мне на их знатность.

Г-н Журден. Вот я тебе сейчас, окаянная, разобью голову тарелкой за то, что ты расстроила наш обед!

Лакеи выносят стол.

Г-жа Журден *(уходя).* Испугалась я тебя, как же! Я свои права защищаю, все женщины будут на моей стороне.

Г-н Журден. Счастье твое, что ты скорей от меня наутек!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Г-н Журден один.

Г-н Журден. Вот уж не вовремя явилась! Я как нарочно был в ударе, блистал остроумием. А это еще что такое?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Г-н Журден, Ковьель переодетый.

Ковьель. Не знаю, сударь, имею ли я честь быть вам знакомым.

Г-н Журден. Нет, сударь.

Ковьель *(показывает рукой на фут от полу).* А я знал вас еще вот этаким.

Г-н Журден. Меня?

Ковьель. Да. Вы были прелестным ребенком, и все дамы брали вас на руки и целовали.

Г-н Журден. Меня? Целовали?

Ковьель. Да. Я был близким другом вашего покойного батюшки.

Г-н Журден. Моего покойного батюшки?

Ковьель. Да. Это был настоящий дворянин.

Г-н Журден. Как вы сказали?

Ковьель. Я сказал, что это был настоящий дворянин.

Г-н Журден. Кто, мой отец?

Ковьель. Да.

Г-н Журден. Вы его хорошо знали?

Ковьель. Ну еще бы!

Г-н Журден. И вы его знали за дворянина?

Ковьель. Разумеется.

Г-н Журден. Вот после этого и верь людям!

Ковьель. А что?

Г-н Журден. Есть же такие олухи, которые уверяют, что он был купцом!

Ковьель. Купцом? Да это явный поклеп: он никогда не был купцом. Видите ли, он был человек на редкость обходительный, на редкость услужливый, а так как он отлично разбирался в тканях, то постоянно ходил по лавкам, выбирал, какие ему нравились, приказывал отнести их к себе на дом, а потом раздавал друзьям за деньги.

Г-н Журден. Я очень рад, что с вами познакомился: вы, я думаю, не откажетесь засвидетельствовать, что мой отец был дворянин.

Ковьель. Я готов подтвердить это перед всеми.

Г-н Журден. Вы чрезвычайно меня обяжете. Чем же могу вам служить?

Ковьель. С той поры, когда я водил дружбу с покойным вашим батюшкой — как я вам уже сказал, с этим настоящим дворянином,— я успел объехать весь свет.

Г-н Журден. Весь свет?

Ковьель. Да.

Г-н Журден. Должно полагать, это очень далеко.

Ковьель. Конечно. Всего четыре дня, как я возвратился из длительного путешествия, и так как я принимаю близкое участие во всем, что касается вас, то почел своим долгом прийти сообщить вам в высшей степени приятную для вас новость.

Г-н Журден. Какую?

Ковьель. Известно ли вам, что сын турецкого султана находится здесь?

Г-н Журден. Нет, неизвестно.

Ковьель. Как же так? У него блестящая свита, все сбегаются на него посмотреть, его принимают у нас как чрезвычайно важное лицо.

Г-н Журден. Ей-богу, ничего не знаю.

Ковьель. Для вас тут существенно то, что он влюблен в вашу дочь.

Г-н Журден. Сын турецкого султана?

Ковьель. Да. И он метит к вам в зятья.

Г-н Журден. Ко мне в зятья? Сын турецкого султана?

Ковьель. Сын турецкого султана — к вам в зятья. Я посетил его, турецкий язык я знаю в совершенстве, мы с ним разговорились, и, между прочим, он мне сказал: «Аксям крок солер онш алла мустаф гиделум аманахем варахини уссерэ карбулат» — то есть: «Не видал ли ты молодой красивой девушки, дочери господина Журдена, парижского дворянина?»

Г-н Журден. Сын турецкого султана так про меня сказал?

Ковьель. Да. Я ответил, что знаю вас хорошо и дочку вашу видел, а он мне на это: «Ах, марабаба сахем!» — то есть: «Ах, как я люблю ее!»

Г-н Журден. «Марабаба сахем» значит: «Ах, как я люблю ее»?

Ковьель. Да.

Г-н Журден. Хорошо, что вы сказали,— сам бы я нипочем не догадался, что «марабаба сахем» значит: «Ах, как я люблю ее!» Какой изумительный язык!

Ковьель. Еще какой изумительный! Вы знаете, что значит «какаракамушен»?

Г-н Журден. «Какаракамушен»? Нет.

Ковьель. Это значит «душенька моя».

Г-н Журден. «Какаракамушен» значит «душенька моя»?

Ковьель. Да.

Г-н Журден. Чудеса! «Какаракамушен» — «душенька моя»! Кто бы мог подумать! Просто поразительно!

Ковьель. Так вот, исполняя его поручение, я довожу до вашего сведения, что он прибыл сюда просить руки вашей дочери, а чтобы будущий тесть по своему положению был достоин его, он вознамерился произвести вас в «мамамуши» — это у них такое высокое звание.

Г-н Журден. В «мамамуши»?

Ковьель. Да. «Мамамуши» — по-нашему все равно что паладин. Паладин — это у древних... одним словом, паладин. Это самый почетный сан, какой только есть в мире,— вы станете в один ряд с наизнатнейшими вельможами.

Г-н Журден. Сын турецкого султана делает мне великую честь. Пожалуйста, проводите меня к нему: я хочу его поблагодарить.

Ковьель. Зачем? Он сам к вам приедет.

Г-н Журден. Он ко мне приедет?

Ковьель. Да, и привезет с собой все, что нужно для церемонии вашего посвящения.

Г-н Журден. Уж больно он скор.

Ковьель. Его любовь не терпит промедления.

Г-н Журден. Меня смущает одно: моя дочь упряма, влюбилась по уши в некоего Клеонта и клянется, что выйдет только за него.

Ковьель. Она передумает, как скоро увидит сына турецкого султана. Кроме того, тут есть одно необычайное совпадение: дело в том, что сын турецкого султана и Клеонт похожи друг на друга как две капли воды. Я видел этого Клеонта, мне его показали... Так что чувство, которое она питает к одному, легко может перейти на другого, и тогда... Однако я слышу шаги турка. Вот и он.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Клеонт, одетый турком; три пажа несут полы его кафтана.

Клеонт. Амбусахим оки бораф, Джиурдина, селям алейкюм.

Ковьель *(г-ну Журдену)*. Это значит: «Господин Журден! Да цветет сердце ваше круглый год, будто розовый куст». Это у них все так изысканно выражаются.

Г-н Журден. Я покорнейший слуга его турецкого высочества.

Ковьель. Каригар камбото устин мораф.

Клеонт. Устин йок катамалеки басум басэ алла моран.

Ковьель. Он говорит: «Да ниспошлет вам небо силу льва и мудрость змеи».

Г-н Журден. Его турецкое высочество оказывает мне слишком большую честь, я же, со своей стороны, желаю ему всяческого благополучия.

Ковьель. Осса бинамен садок бабалли оракаф урам.

Клеонт. Ни бель мес.

Ковьель. Он говорит, чтобы вы сей же час шли с ним готовиться к церемонии, а затем отвели его к дочке на предмет заключения брачного союза.

Г-н Журден. Это он столько выразил в трех словах?

Ковьель. Да. Таков турецкий язык: всего несколько слов, а сказано много. Идите же с ним скорей!

Г-н Журден, Клеонт и три пажа уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ковьель один.

Ковьель. Ха-ха-ха! Потеха, право, потеха! Этакий дурачина! Выучи он свою роль заранее, все равно лучше бы не сыграл. Ха-ха-ха!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Ковьель, Дорант.

Ковьель. Сударь! Помогите нам, пожалуйста, в одном дельце, которое мы затеяли в этом доме.

Дорант. Ха-ха-ха! Это ты, Ковьель? Тебя просто не узнать. Как это ты так вырядился?

Ковьель. Как видите. Ха-ха-ха!

Дорант. Чего ты смеешься?

Ковьель. Уж очень забавная, сударь, история, оттого и смеюсь.

Дорант. Что же это такое?

Ковьель. Бьюсь об заклад, сударь, что вы не догадаетесь, какую ловушку приготовили мы для господина Журдена, чтобы он согласился на брак своей дочери с моим господином.

Дорант. Я не догадываюсь, какая именно это ловушка, но зато догадываюсь, что успех ей обеспечен, коль скоро за дело берешься ты.

Ковьель. Вам, конечно, сударь, известно, на какого зверя мы охотимся.

Дорант. Расскажи мне, что вы задумали.

Ковьель. Потрудитесь отойти в сторонку, а то вон уже сюда идут,— надо пропустить. Вы увидите часть комедии, остальное я вам доскажу.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

ТУРЕЦКАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

Муфтий, поющие **дервиши**, танцующие **турки**, свита муфтия.

ПЕРВЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Шестеро турок под музыку торжественно идут парами. Они несут три ковра и, протанцевав несколько фигур, поднимают ковры над головой. **Поющие турки** проходят под этими коврами, а затем выстраиваются по обе стороны сцены. **Муфтий с дервишами** замыкают шествие. Далее турки расстилают ковры и становятся на колени, муфтий и дервиши стоят посредине. Муфтий разными ужимками и гримасами, но без слов, призывает Магомета, а в это время турки, составляющие его свиту, простираются ниц и поют «Алла», затем воздевают руки к небу и снова поют «Алла», и так до конца муфтиевой молитвы, после чего все они поднимаются с полу и поют «Алла экбер» [1], а двое дервишей идут за г-ном Журденом.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и г-н Журден, одетый турком, с бритой головой, без тюрбана и без сабли.

Муфтий
(г-ну Журдену)

Когда ты знай.
То отвечай.
Когда не знай,
Тогда молчай.
Я муфтий здесь,
А ты кто есь?
Не понимай?
Молчай, молчай!

Двое дервишей уводят г-на Журдена.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Муфтий, дервиши, турки.

Муфтий. Сказать мне, турки, кто он иста. Анабаптиста? Анабаптиста?

Турки. Йок [2].

Муфтий. Цвинглиста?

---

[1] «Аллах велик» *(араб.)*.
[2] Нет *(араб.)*.

Турки. Йок.

Муфтий. Коффиста?

Турки. Йок.

Муфтий. Гусита? Мориста? Фрониста?

Турки. Йок. Йок. Йок.

Муфтий. Йок. Йок. Йок. Язычникана?

Турки. Йок.

Муфтий. Лютерана?

Турки. Йок.

Муфтий. Пуритана?

Турки. Йок.

Муфтий. Брамина? Моффина? Зурина?

Турки. Йок. Йок. Йок.

Муфтий. Йок. Йок. Йок. Магометана? Магометана?

Турки. Эй валла! Эй валла!

Муфтий. Как прозваньо? Как прозваньо?

Турки. Джиурдина. Джиурдина.

Муфтий *(подпрыгивая)*. Джиурдина. Джиурдина.

Турки. Джиурдина. Джиурдина.

Муфтий

Магомета господина!
Я просить за Джиурдина
Его сделать паладина,
Дать ему алебардина
И отправить Палестина
На галера бригантина
И со всеми сарацина
Воевать христианина.
Магомета господина!
Я просить за Джиурдина.

(Туркам.) Карош турка Джиурдина?

Турки. Эй валла! Эй валла!

Муфтий *(поет и пляшет)*. Ха-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да.

Турки. Ха-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да.

Муфтий и дервиши уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Турки поющие и танцующие.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же, муфтий, дервиши и г-н Журден.

ВТОРОЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Впереди идет муфтий; на голове у муфтия — невероятной величины парадный тюрбан, к которому в несколько рядов прикреплены зажженные свечи; за ним двое дервишей в остроконечных шапках, на которых тоже красуются зажженные свечи, несут Коран. Двое других дервишей вводят г-на Журдена и ставят его на колени так, чтобы руки касались земли, а спина служила подставкой для Корана; муфтий кладет ему на спину Коран и снова начинает, паясничая, призывать Магомета: сдвигает брови, время от времени ударяет рукой по Корану и быстро-быстро его перелистывает, затем воздевает руки к небу и восклицает: «Гу!» Во время этой второй церемонии турки, составляющие его свиту, то наклоняются, то выпрямляются и тоже восклицают «Гу-гу-гу!»

Г-н Журден *(после того как у него со спины сняли Коран)*. Ух!

Муфтий
(г-ну Журдену)

Твой не обманос?

Турки

Нет, нет, нет.

Муфтий

Не шарлатанос?

Турки

Нет, нет, нет.

Муфтий
(туркам)

Дать ему тюрбанос!

Турки

Твой не обманос?
Нет, нет, нет.
Не шарлатанос?
Нет, нет, нет.
Дать ему тюрбанос!

ТРЕТИЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Танцующие турки под музыку надевают на г-на Журдена тюрбан.

Муфтий
(подавая г-ну Журдену саблю)

Твой — дворян. Не вру ни капля.
Вот тебе сабля.

Турки
(обнажая сабли)

Твой — дворян. Не вру ни капля.
Вот тебе сабля.

ЧЕТВЕРТЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Танцующие турки в такт музыке наносят г-ну Журдену удары саблями плашмя.

Муфтий

Палка, палка,
Бей — не жалка.

Турки

Палка, палка,
Бей — не жалка.

ПЯТЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Танцующие турки в такт музыке бьют г-на Журдена палками.

Муфтий

Не бояться,
Не стыдиться,
Если хочешь
Посвятиться!

Турки

Не бояться,
Не стыдиться,
Если хочешь
Посвятиться!

Муфтий в третий раз начинает призывать Магомета. Дервиши почтительно поддерживают его под руки; затем турки, и поющие и танцующие, начинают прыгать вокруг муфтия и наконец удаляются вместе с ним и уводят с собой г-на Журдена.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г-жа Журден, г-н Журден.

Г-жа Журден. Господи помилуй! Это еще что такое? На кого ты похож? Что это ты на себя напялил? Рядиться вздумал? Да говори же наконец, что все это значит? Кто это тебя таким шутом гороховым вырядил?

Г-н Журден. Вот дура! Так разговаривать с мамамуши!

Г-жа Журден. Что такое?

Г-н Журден. Да-да, теперь все должны быть со мною почтительны. Меня только что произвели в мамамуши.

Г-жа Журден. Как это понять — мамамуши?

Г-н Журден. Говорят тебе, мамамуши. Я теперь мамамуши.

Г-жа Журден. Это еще что за зверь?

Г-н Журден. Мамамуши по-нашему — паладин.

Г-жа Журден. Балдин? Балда ты и есть. Вздумал на старости лет в пляс пускаться.

Г-н Журден. Вот темнота! Это такой сан, в который меня сейчас посвятили.

Г-жа Журден. Как так — посвятили?

Г-н Журден. Магомета господина! Я молить за Джиурдина.

Г-жа Журден. Что это значит?

Г-н Журден. Джиурдина — значит Журден.

Г-жа Журден. Ну Журден, а дальше?

Г-н Журден. Его сделать паладина.

Г-жа Журден. Как?

Г-н Журден. И отправить в Палестина на галера бригантина.

Г-жа Журден. Это зачем же?

Г-н Журден. И со всеми сарацина воевать христианина.

Г-жа Журден. Да что ты несешь?

Г-н Журден. Палка, палка, бей — не жалка.

Г-жа Журден. Что за тарабарщина!

Г-н Журден. Не бояться, не стыдиться, если хочешь посвятиться.

Г-жа Журден. Да что же это такое?

Г-н Журден *(приплясывает и поет)*. У-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да. *(Падает.)*

Г-жа Журден. Боже милосердный! Мой муж совсем с ума сошел!

Г-н Журден *(встает и направляется к выходу)*. Перестань, грубиянка! Относись с уважением к господину мамамуши. *(Уходит.)*

Г-жа Журден *(одна)*. Когда же это он успел рехнуться? Скорей за ним, а то еще убежит из дому! *(Увидев Доримену и Доранта.)* А-а, вас здесь только не хватало! Час от часу не легче. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дорант, Доримена.

Дорант. Да, маркиза, вас ожидает презабавное зрелище. Могу ручаться, что такого сумасброда, каков наш Журден, вы нигде не найдете. Затем наш долг — принять участие в сердечных делах Клеонта и поддержать его затею с маскарадом. Он премилый человек, ему стоит помочь.

Доримена. Я о нем очень высокого мнения. Он вполне достоин счастья.

Дорант. Помимо всего этого, нам не следует пропускать балет, который, собственно говоря, для нас же и устраивается. Посмотрим, насколько удачен мой замысел.

Доримена. Я заметила здесь грандиозные приготовления. Вот что, Дорант: больше я этого не потерплю. Да-да, я хочу положить конец вашей расточительности: чтобы вы больше на меня не тратились, я решила выйти за вас замуж не откладывая. Это единственное средство: со свадьбой все эти безумства обычно кончаются.

Дорант. Неужели вы и правда намерены принять столь отрадное для меня решение?

Доримена. Это только для того, чтобы вы не разорились, иначе, я убеждена, недалек тот час, когда вы останетесь без гроша.

Дорант. О, как я признателен вам за ваши заботы о моем состоянии! Оно всецело принадлежит вам, так же точно, как и мое сердце; распоряжайтесь ими по своему благоусмотрению.

Доримена. Я сумею распорядиться и тем и другим. Но вот и наш чудак. Вид у него обворожительный!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и г-н Журден.

Дорант. Милостивый государь! Мы с маркизой явились поздравить вас с новым званием и разделить вашу радость по поводу предстоящего бракосочетания вашей дочери с сыном турецкого султана.

Г-н Журден *(кланяется им по-турецки)*. Желаю вам, ваше сиятельство, силы змеи и мудрости льва.

Доримена. Я имею счастье одною из первых приветствовать вас по случаю того, что вы взошли на высшую ступень славы.

Г-н Журден. Желаю вам, сударыня, чтоб ваш розовый куст цвел круглый год. Я вам бесконечно благодарен за то, что вы пришли меня чествовать, и весьма рад, что вы снова здесь и что я могу принести вам искренние извинения за дикую выходку моей жены.

Доримена. Пустое! Я охотно прощаю ей этот невольный порыв. Вы ей, разумеется, дороги, и нет ничего удивительного, что, обладая таким сокровищем, она испытывает некоторые опасения.

Г-н Журден. Все права на обладание моим сердцем принадлежат вам.

Дорант. Вы видите, маркиза, что господин Журден не из тех людей, которых ослепляет благополучие: он и в счастье не забывает своих друзей.

Доримена. Это признак души истинно благородной.

Дорант. А где же его турецкое высочество? Мы хотели бы в качестве ваших друзей засвидетельствовать ему свое почтение.

Г-н Журден. Вот он идет. Я уж послал за дочерью, чтоб она отдала ему руку и сердце.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Клеонт, одетый турком.

Дорант *(Клеонту)*. Ваше высочество! В качестве друзей вашего почтенного тестя мы явились засвидетельствовать вам глубочайшее наше уважение и всепокорнейше принести уверения в совершенной нашей преданности.

Г-н Журден. Где же это толмач? Он бы вас ему представил и растолковал, что вы хотите сказать. Вот увидите, он вам непременно ответит: он прекрасно говорит по-турецки. Эй! Эй! Куда же это его унесло? *(Клеонту.)* Струф, стриф, строф, страф. Этот каспатин балшой велмош, балшой велмош, а эта каспаша — ух, какой снатна тама, ух, какой снатна тама! *(Видя, что тот ничего не понимает.)* Ага! *(Указывает на Доранта.)* Он — французский мамамуши, она — французская мамамушиня. Яснее выразиться не могу. Вот, слава богу, и переводчик.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и переодетый Ковьель.

Г-н Журден. Где же вы? Мы без вас как без рук. *(Указывая на Клеонта.)* Скажите ему, пожалуйста, что этот господин и эта дама — особы из высшего общества и что они в качестве моих друзей явились засвидетельствовать ему свое почтение и принести уверения в преданности. *(Доримене и Доранту.)* Послушайте, что он ответит.

Ковьель. Алабала кросьям якши борам алабамен.

Клеонт. Каталеки тубал урин сотер амалушан.

Г-н Журден *(Доранту и Доримене)*. Слышите?

Ковьель. Он желает, чтобы дождь благоденствия во всякое время орошал вертоград вашего семейства.

Г-н Журден. Я вам не зря сказал, что он говорит по-турецки!

Дорант. Поразительно!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Люсиль.

Г-н Журден. Иди сюда, дочь моя, подойди поближе и дай руку этому господину,— он делает тебе честь, что сватается за тебя.

Люсиль. Что с вами, батюшка? Что вы с собой сделали? Или вы комедию играете?

Г-н Журден. Нет-нет, это вовсе не комедия, это дело очень даже серьезное и такое для тебя почетное, что лучше не придумаешь. *(Указывая на Клеонта.)* Вот кого я даю тебе в мужья.

Люсиль. Мне, батюшка?

Г-н Журден. Ну да, тебе. Скорей подай ему руку и благодари бога за такое счастье.

Люсиль. Я не желаю выходить замуж.

Г-н Журден. А я, твой отец, этого желаю.

Люсиль. Ни за что.

Г-н Журден. Без всяких разговоров! Поживей, тебе говорят! Ну, давай же руку!

Люсиль. Нет, батюшка, я уже вам сказала, что нет такой силы, которая принудила бы меня выйти замуж за кого-нибудь, кроме Клеонта. Я скорей решусь на любую крайность, чем... *(Узнает Клеонта.)* Конечно, вы — мой отец, я должна вам беспрекословно повиноваться, устраивайте мою судьбу как вам будет угодно.

Г-н Журден. Ах, как я рад, что сознание долга так скоро к тебе вернулось! Хорошо иметь послушную дочь!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и г-жа Журден.

Г-жа Журден. Это что такое? Что это еще за новости? Говорят, ты собрался выдать свою дочь за какого-то шута?

Г-н Журден. Да замолчишь ли ты, нахалка? Надоели мне твои дикие выходки! Ничем тебя не вразумишь!

Г-жа Журден. Это тебя никакими силами не приведешь в разум: так и жди какого-нибудь нового сумасбродства. Что это ты задумал, и к чему это сборище?

Г-н Журден. Я хочу выдать нашу дочь за сына турецкого султана.

Г-жа Журден. За сына турецкого султана?

Г-н Журден. Да. *(Указывая на Ковьеля.)* Засвидетельствуй ему свое почтение вот через этого толмача.

Г-жа Журден. Не нужно мне никакого толмача, я сама скажу ему прямо в глаза, что дочки моей ему не видать.

Г-н Журден. Да замолчишь ли ты наконец?

Дорант. Помилуйте, госпожа Журден, неужели вы отказываетесь от такой чести? Вы не хотите, чтобы вашим зятем был его турецкое высочество?

Г-жа Журден. Ради бога, сударь, не вмешивайтесь вы в чужие дела.

Доримена. Таким великим счастьем пренебрегать не следует.

Г-жа Журден. И вас, сударыня, я тоже попрошу не лезть, куда не спрашивают.

Дорант. Мы о вас же заботимся, единственно из дружеского к вам расположения.

Г-жа Журден. Не нуждаюсь я в вашем дружеском расположении.

Дорант. Но ведь и ваша дочь согласна подчиниться воле родителя.

Г-жа Журден. Моя дочь согласна выйти за турка?

Дорант. Вне всякого сомнения.

Г-жа Журден. Она может забыть Клеонта?

Дорант. Чем только не поступаются ради того, чтобы именоваться знатною дамой!

Г-жа Журден. Если она выкинула такую штуку, я ее своими руками задушу.

Г-н Журден. Ну, поехала! Я тебе говорю, что свадьба состоится.

Г-жа Журден. А я тебе говорю, что не состоится.

Г-н Журден. Довольно разговоров!

Люсиль. Матушка!

Г-жа Журден. А, да ну тебя, скверная девчонка!

Г-н Журден *(жене)*. Ты что же это, бранишь ее за повиновение отцу?

Г-жа Журден. Да. Она столько же моя дочь, сколько и твоя.

Ковьель *(г-же Журден)*. Сударыня!

Г-жа Журден. А вы-то что собираетесь мне сказать?

Ковьель. Только одно слово.

Г-жа Журден. Очень мне нужно ваше слово!

Ковьель *(г-ну Журдену)*. Сударь! Если только ваша супруга захочет поговорить со мной наедине, то я вам ручаюсь, что она изъявит свое согласие.

Г-жа Журден. Ни за что не соглашусь.

Ковьель. Да вы только выслушайте меня!

Г-жа Журден. Не выслушаю.

Г-н Журден *(жене)*. Выслушай его.

Г-жа Журден. Не желаю я его слушать.

Г-н Журден. Он тебе растолкует...

Г-жа Журден. Не желаю я, чтоб он мне растолковывал.

Г-н Журден. До чего же все женщины упрямы! Что, тебя от этого убудет, что ли?

Ковьель. Вам надо только выслушать меня, а дальше поступайте как вам заблагорассудится.

Г-жа Журден. Ну, что у вас такое?

Ковьель *(г-же Журден, тихо)*. Битый час, сударыня, мы делаем вам знаки. Неужели вы не видите, что все это мы затеяли только для того, чтобы подделаться под господина Журдена с его вечными причудами? Мы дурачим его этим маскарадом: ведь сын турецкого султана — не кто иной, как Клеонт.

Г-жа Журден *(Ковьелю, тихо)*. Ах, вот в чем дело!

Ковьель *(г-же Журден, тихо)*. А я, Ковьель, при нем переводчиком.

Г-жа Журден *(Ковьелю, тихо)*. Ну, коли так, то я сдаюсь.

Ковьель *(г-же Журден, тихо)*. Только не подавайте виду.

Г-жа Журден *(громко)*. Да. Все уладилось. Я согласна на брак.

Г-н Журден. Ну, вот все и образумились! *(Жене.)* А ты еще не хотела его выслушать! Я был уверен, что он сумеет тебе объяснить, что значит сын турецкого султана.

Г-жа Журден. Он мне все толком объяснил, и теперь я довольна. Надо послать за нотариусом.

Дорант. Похвальное намерение. А чтобы вы, госпожа Журден, могли быть совершенно спокойны и с нынешнего дня перестали ревновать почтенного вашего супруга, я вам объявляю, что мы с маркизой воспользуемся услугами того же самого нотариуса и заключим брачный союз.

Г-жа Журден. Я и на это согласна.

Г-н Журден *(Доранту, тихо)*. Это вы для отвода глаз?

Дорант *(г-ну Журдену, тихо)*. Пусть себе тешится этой басней.

Г-н Журден *(тихо)*. Отлично, отлично! *(Громко.)* Пошлите за нотариусом!

Дорант. А пока он придет и составит брачные договоры, давайте посмотрим балет — это послужит развлечением и для его турецкого высочества.

Г-н Журден. Прекрасная мысль. Пойдемте занимать места.

Г-жа Журден. А как же Николь?

Г-н Журден. Николь я отдаю толмачу, а мою супругу — кому угодно.

Ковьель. Благодарю вас, сударь. *(В сторону.)* Ну уж другого такого сумасброда на всем свете не сыщешь!

Комедия заканчивается балетом.

ПЛУТНИ СКАПЕНА

КОМЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Аргант.
Жеронт.
Октав — сын Арганта, влюбленный в Гиацинту.
Леандр — сын Жеронта, влюбленный в Зербинетту.
Зербинетта — мнимая цыганка, на самом деле дочь Арганта, влюбленная в Леандра.
Гиацинта — дочь Жеронта, влюбленная в Октава.
Скапен — слуга Леандра, плут.
Сильвестр — слуга Октава.
Нерина — кормилица Гиацинты.
Карл — плут.
Два носильщика.

Действие происходит в Неаполе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Октав, Сильвестр.

Октав. Плохие вести для влюбленного! Я в отчаянном положении! Так ты, Сильвестр, слышал на пристани, что мой отец возвращается?

Сильвестр. Да.

Октав. Что он приезжает нынче утром?

Сильвестр. Нынче утром.

Октав. И что он намерен меня женить?

Сильвестр. Да.

Октав. На дочери господина Жеронта?

Сильвестр. Господина Жеронта.

Октав. И что его дочь вызвали для этого из Тарента?

Сильвестр. Да.

Октав. И все это ты узнал от моего дядюшки?

Сильвестр. От вашего дядюшки.

Октав. А ему отец написал письмо?

Сильвестр. Письмо.

Октав. И дядюшке, говоришь ты, известны все наши дела?

Сильвестр. Все наши дела.

Октав. Ах, да говори же ты, ради бога, толком! Что это из тебя каждое слово клещами тянуть приходится?

Сильвестр. А что же мне еще говорить? Вы и сами все помните: так все и рассказывайте, как оно есть.

Октав. Посоветуй же мне, по крайней мере, скажи, что делать в таких трудных обстоятельствах.

Сильвестр. Ей-богу, я и сам не хуже вашего растерялся, мне и самому впору просить у добрых людей совета.

Октав. Меня просто убил этот его приезд, черт бы его взял.

Сильвестр. Да и меня тоже.

Октав. А как батюшка узнает, не миновать грозы, попреки посыплются градом.

Сильвестр. Попреки — еще ничего, дай-то бог, чтобы я так дешево отделался. Сдается мне, что я куда дороже заплачу за ваши глупости. Отсюда вижу: собирается грозовая туча и посыплются из нее палки на мою спину.

Октав. Господи! Как же мне быть теперь?

Сильвестр. Вот об этом вам и надо было прежде подумать.

Октав. Ах, ты меня уморишь! Нашел время для поучений.

Сильвестр. Вы, сударь, скорей меня уморите своим легкомыслием.

Октав. Что мне делать? Какое принять решение? Чем помочь беде?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Скапен.

Скапен. В чем дело, господин Октав? Что с вами? Что такое случилось? Какая стряслась беда? Вы, я вижу, совсем расстроены.

Октав. Ах, милый мой Скапен, я пропал, я в отчаянии, я самый несчастный человек на свете!

Скапен. Как так?

Октав. Ты разве ничего не знаешь?

Скапен. Нет.

Октав. Приезжает мой отец с господином Жеронтом, они хотят меня женить.

Скапен. Ну так что ж тут плачевного?

Октав. Ах, ты не знаешь, что меня тревожит!

Скапен. Не знаю, да ведь это от вас зависит: скажете, так буду знать. А у меня душа добрая, отчего же и не помочь молодым людям?

Октав. Ах, Скапен, если б ты что-нибудь придумал, ухитрился бы как-нибудь выручить меня из беды, я бы тебе жизнью был обязан и даже более того!

Скапен. Сказать вам по правде, если уж я возьмусь за дело, так для меня невозможного почти что не бывает. Видно, это от бога у меня такой талант на всякие выдумки, на всякие тонкости и хитрости, которые неучи зовут плутнями. Могу сказать без хвастовства, что еще не родился на свет такой человек, который перещеголял бы меня в умении вести подкопы, строить каверзы и стяжал бы больше славы в этом почтенном занятии. Да только вот заслуг нынче совсем не ценят, ей-богу. Я больше уж ни за что не берусь, после того как мне не повезло с одним дельцем.

Октав. Не повезло? С каким же это, Скапен?

Скапен. Вышел такой случай: я поссорился с правосудием.

Октав. С правосудием?

Скапен. Да. Мы немножко не поладили.

Октав. Ты с правосудием?

Скапен. Ну да, оно со мной плохо обошлось, и я так рассердился на нынешнюю неблагодарность, что решил ни во что больше не мешаться. Ну и ладно! Лучше доскажите до конца вашу историю.

Октав. Ты знаешь, Скапен, вот уже два месяца, как господин Жеронт с моим батюшкой уехали вместе по своим торговым делам.

Скапен. Это я знаю.

Октав. А нас с Леандром оставили под присмотром: меня поручили Сильвестру, а Леандра — тебе.

Скапен. Ну да. С этим поручением я справился неплохо.

Октав. Не так давно Леандр встретился с одной молоденькой цыганкой и влюбился в нее.

Скапен. Это я тоже знаю.

Октав. Мы с ним очень дружны, и он мне тотчас же признался, что любит и любим. Он познакомил меня с этой девушкой, и я согласился, что она красавица, хотя и не такая, как казалось ему. Он только о ней и говорил целыми днями, ежеминутно восхвалял ее красоту и грацию, превозносил ее ум, с восторгом говорил о прелести ее разговора, пересказывал мне все до последнего слова и заставлял восхищаться ее остроумием. Не раз он мне выговаривал за то, что я невнимательно слушаю его рассказы, бранил меня за равнодушие к его нежной страсти.

Скапен. Я пока не вижу, к чему все это клонится.

Октав. Как-то раз я провожал его к тем людям, у которых скрывается его возлюбленная, и вдруг из одного маленького домика в глухом переулке слышим стоны и громкие рыдания. Спрашиваем, что случилось. Какая-то женщина отвечает со вздохом, что там мы увидим большое горе, и, хотя горюют люди, нам чужие, оно должно нас растрогать, если мы не совсем без сердца.

Скапен. Но к чему же все это ведет?

Октав. Из любопытства я уговорил Леандра пойти и посмотреть, в чем дело. Входим, видим умирающую старушку, а возле нее разливается-плачет служанка, тут же и молоденькая девушка вся в слезах, такой редкой, трогательной красоты, какой нигде не встретишь.

Скапен. Ага!

Октав. Другая на ее месте показалась бы просто уродом: на ней была какая-то дрянная юбчонка и ночная кофточка из простой бумазеи; желтый чепчик сбился набок, и волосы в беспорядке падали из-под него на плечи. Но и в таком наряде она блистала красотой, вся она была прелесть, вся — восторг.

Скапен. Вот теперь я понимаю.

Октав. Если бы ты, Скапен, видел ее тогда, ты бы и сам пришел в восторг.

Скапен. Да я и не сомневаюсь. Я, и не видав ее, вижу, что это одно очарование.

Октав. И слезы у нее были совсем не те обыкновенные слезы, от которых девушки дурнеют: она и плакала трогательно, грациозно и была необычайно мила в своем горе.

Скапен. Да уж вижу, все вижу.

Октав. Всякий на моем месте заплакал бы: ведь с какой любовью обнимала она умирающую и называла ее милой матушкой! Да и кого бы не тронула такая доброта ее сердца!

Скапен. И вправду трогательно. Я уж вижу, что вы влюбились в ее доброту.

Октав. Ах, Скапен, в нее влюбился бы даже варвар!

Скапен. Ну конечно! Где ж тут устоять!

Октав. Я, как мог, постарался утешить прелестную девушку в ее горе, и мы вышли. Я спросил у Леандра, как ему понравилась незнакомка, а он мне холодно ответил, что она недурна собою. Меня рассердила его холодность, и я не захотел открыться ему, не сказал, как меня поразила ее красота.

Сильвестр *(Октаву)*. Нельзя ли покороче, сударь, не то мы и до завтра не кончим. Позвольте, я в двух словах доскажу. *(Скапену.)* С той самой минуты господин Октав влюбился без памяти, ему только бы утешать свою любезную, а без того ему и жизнь не мила. Он бы и чаще туда заглядывал, да служанка была против этого — она после смерти матери вела весь дом. Вот он и дошел до отчаяния: клянется, просит, молит, а толку никакого. Ему говорят, что эта девушка — дочь благородных родителей, хотя бедная и одинокая, так что искательства его напрасны, если он не намерен жениться. От таких препятствий страсть его разгорелась пуще. Господин Октав ломал себе голову, бился, раскидывал и так и эдак и наконец решился: вот уже три дня, как он женат.

Скапен. Понимаю.

Сильвестр. Теперь прибавь к этому, что отец возвращается нынче, а ждали его только через два месяца, да еще дядюшка узнал про нашу женитьбу, да тут еще хотят женить его на дочери господина Жеронта от второй жены: она, говорят, у него из Тарента.

Октав. Да ко всему этому прибавь нищету моей любезной и то, что я не в силах ей помочь.

Скапен. И только-то? Что же вы оба растерялись из-за таких пустяков? О чем тут говорить? Ну не стыдно ли тебе, Сильвестр? Не справишься с такой малостью. Ведь этакая дубина! Перерос отца с матерью, а не можешь пошевелить мозгами, придумать какую-нибудь ловкую штуку, вполне позволительную хитрость для поправки ваших дел. Эх, досада берет на дурака! Да если бы мне, в мое время, привелось околпачить наших стариков, уж я бы их обвел вокруг пальца! Бывало, еще мальчишка, от земли не видать, а сколько я выкидывал всяких штук!

Сильвестр. Признаться, господь не наградил меня такими талантами. Где уж мне ссориться с правосудием!

Октав. А вот и любезная моя Гиацинта!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Гиацинта.

Гиацинта. Ах, Октав! Правду ли сказал Сильвестр Нерине, будто отец твой приехал и хочет тебя женить?

Октав. Да, прекрасная Гиацинта, и эта весть нанесла мне жестокий удар... Но что я вижу? Ты плачешь! Зачем эти слезы? Скажи: ты подозреваешь меня в измене? Ужели ты не уверена в моей любви к тебе?

Гиацинта. Да, Октав, я верю, что ты меня любишь, но не знаю, всегда ли ты будешь любить меня.

Октав. Да как же можно тебя полюбить не на всю жизнь?

Гиацинта. Говорят, будто вы, мужчины, не способны любить так долго, как женщины, и будто самая сильная страсть у мужчин угасает так же легко, как и возгорается.

Октав. Значит, мое сердце устроено не так, как у других, дорогая Гиацинта: я уверен, что буду любить тебя до могилы.

Гиацинта. Мне хочется верить, что ты чувствуешь так, как говоришь, в искренности твоих слов я ничуть не сомневаюсь. Я боюсь только, чтобы родительская власть не заглушила в твоем сердце тех нежных чувств, какие ты, быть может, питаешь ко мне. Ты зависишь от отца, а он хочет женить тебя на другой; я же твердо знаю, что умру, если со мной случится такое несчастье.

Октав. Нет, прекрасная Гиацинта, никакой отец не заставит меня изменить тебе, я скорее расстанусь с родиной и даже с самой жизнью, нежели покину тебя. Еще не видев той, кого мне предназначают, я питаю к ней сильнейшее отвращение, и, отнюдь не будучи жестоким, я бы все же хотел, чтоб море навсегда преградило ей путь ко мне. Умоляю тебя: не плачь, любезная моя Гиацинта! Меня убивают твои слезы, я не могу их видеть без сердечной боли.

Гиацинта. Если ты так хочешь, я постараюсь не плакать и вынесу все, что небо ни пошлет мне на долю.

Октав. Небо не оставит нас.

Гиацинта. Я ничего не боюсь, если ты будешь мне верен.

Октав. Не бойся, я никогда не изменю тебе.

Гиацинта. Значит, я буду счастлива.

Скапен *(в сторону)*. Ей-богу, она не так глупа, да и собой недурна, на мой вкус!

Октав *(указывая на Скапена)*. Вот кто отлично мог бы нам помочь, если б захотел.

Скапен. Я поклялся ни во что больше не мешаться, но если вы оба хорошенько меня попросите, тогда, может быть.

Октав. Ну, если надо только попросить хорошенько, чтоб ты нам помог, заклинаю тебя всеми силами души: возьмись за наше дело!

Скапен *(Гиацинте)*. А вы ничего не скажете?

Гиацинта. И я тоже заклинаю вас всем, что для вас дорого: помогите нашей любви.

Скапен. Придется уступить, по человечеству жалко. Так и быть, уж постараюсь для вас.

Октав. Будь уверен, что...

Скапен *(Октаву)*. Помалкивайте. *(Гиацинте.)* А вы ступайте-ка отсюда и не беспокойтесь ни о чем.

Гиацинта уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Октав, Сильвестр, Скапен.

Скапен *(Октаву)*. А вы будьте потверже и приготовьтесь выдержать встречу с вашим батюшкой.

Октав. Признаюсь, я заранее трепещу при мысли об этой встрече; я чувствую, что мне не побороть врожденной моей робости.

Скапен. И все же вам надобно выказать твердость, хотя бы в первую минуту, а не то батюшка заметит вашу слабость и начнет помыкать вами, как мальчишкой. Давайте попробуем. Будьте посмелей, старайтесь отвечать как можно решительнее на все, что он вам будет говорить.

Октав. Буду стараться, сколько могу.

Скапен. Так попробуем, надо же привыкать. Посмотрим, как пойдет у вас эта роль. Извольте начинать: держитесь смелей, смотрите увереннеи, голову выше!

Октав. Вот так?

Скапен. Да, только еще смелей.

Октав. Этак?

Скапен. Хорошо! Вообразите, будто я ваш батюшка, и отвечайте мне потверже, как будто ему самому. «Ах ты, висельник, негодяй, мошенник, недостойный сын такого почтенного отца, ты еще смеешь являться ко мне на глаза после всех твоих мерзостей, после всего, что ты натворил тут без меня! Так вот плоды моих забот о тебе, вот они каковы! Вот как ты меня почитаешь, вот как уважаешь меня!..» Ну? Что же вы? «Достало же у тебя наглости, негодяй эдакий, обручиться без отцовского согласия, да еще обвенчаться тайно! Отвечай же, негодяй, отвечай! Посмотрим, какие такие у тебя оправдания...» Да что же вы молчите как пень, какого черта?

Октав. Мне показалось, будто сам батюшка со мной говорит.

Скапен. Ну да, вот потому-то и нечего стоять дурак дураком.

Октав. Погоди, сейчас соберусь с духом и буду отвечать твердо.

Скапен. Наверно?

Октав. Наверно.

Сильвестр. Ваш батюшка идет!

Октав. Боже мой, я пропал! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сильвестр, Скапен.

Скапен. Куда же вы, господин Октав? Постойте!.. Убежал! Вот оно, малодушие!.. Однако поспешим навстречу старику.

Сильвестр. Что я ему скажу?

Скапен. Говорить буду я, а ты повторяй за мной.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сильвестр и Скапен в глубине сцены; Аргант.

Аргант *(думая, что он один.)* Слыхано ли! Этакая наглость!

Скапен *(Сильвестру).* Видно, узнал. Ишь как ему это в голову засело, даже сам с собой разговаривает!

Аргант *(думая, что он один).* Этакая дерзость!

Скапен *(Сильвестру).* Ну-ка, послушаем!

Аргант *(думая, что он один).* Любопытно, что-то они мне скажут про эту женитьбу!

Скапен *(в сторону).* Да уж найдем, что сказать.

Аргант *(думая, что он один).* Может, станут отпираться?

Скапен *(в сторону).* И не подумаем.

Аргант *(думая, что он один).* Или начнут оправдываться?

Скапен *(в сторону).* Вот это возможно.

Аргант *(думая, что он один).* Уж не вздумают ли плести небылицы?

Скапен *(в сторону).* Все может быть.

Аргант *(думая, что он один).* Им меня не провести.

Скапен *(в сторону).* Напрасно хвастаетесь.

Аргант *(думая, что он один).* Любезного сынка я сумею упрятать понадежнее.

Скапен *(в сторону).* Этого мы не допустим.

Аргант *(думая, что он один).* А уж для мерзавца Сильвестра не пожалею палок.

Сильвестр *(Скапену).* Ну, само собой, и меня не забыл.

Аргант *(увидев Сильвестра).* А, ты здесь, мудрый домашний наставник, образцовый воспитатель молодых людей?

Скапен. Сударь! Как я рад, что вы изволили вернуться!

Аргант. Здравствуй, Скапен *(Сильвестру.)* Хорошо же ты выполнил мои приказания! Нечего сказать, умно вел себя мой сынок, покуда я был в отъезде!

Скапен. Здоровье ваше, сударь, кажется, хорошо?

Аргант. Да, ничего себе. *(Сильвестру).* Что же ты молчишь, мошенник, слова не скажешь?

Скапен. Как изволили съездить?

Аргант. Слава богу. Отстань от меня, дай пробрать его хорошенько.

Скапен. Желаете браниться?

Аргант. Да, желаю.

Скапен. А кого же вам угодно бранить, сударь?

Аргант *(указывая на Сильвестра).* Вот этого мошенника.

Скапен. Да за что же?

Аргант. Ты разве не слыхал, что они тут без меня натворили?

Скапен. Кое-что слышал. Так, пустяки.

Аргант. Хороши пустяки! Этакая наглость!

Скапен. Отчасти вы правы, сударь.

Аргант. Такая дерзость!

Скапен. Ваша правда.

Аргант. Женитьба без отцовского согласия!

Скапен. Что и говорить, нехорошо! Только, по-моему, надо бы с этим делом покончить без шума.

Аргант. По-твоему, так, а по-моему, иначе: я такой шум подниму, что небу жарко будет. Ты еще, чего доброго, скажешь, что мне и сердиться не на что?

Скапен. Что вы, сударь! Да я, как только узнал, сам рассердился, сейчас же принял вашу сторону, сгоряча даже побранил вашего сына. Спросите сами, чего только я ему не наговорил, уж мылил-мылил голову, внушал, какое почтение он должен выказывать отцу, просто, мол, следы его ног целовать обязан. Вы и сами, сударь, не лучше бы его пробрали. Да что там! Теперь-то я одумался и вижу, что, ежели разобраться, он вовсе не так уж виноват.

Аргант. Что ты мне сказки рассказываешь? Женился очертя голову бог знает на ком, да еще не так виноват!

Скапен. Как же быть, сударь, значит, судьба у него такая.

Аргант. Нечего сказать, хорош резон! Да после этого всё, что хочешь, делай: мошенничай, воруй, убивай, а в оправдание говори, что судьба тебя заставила.

Скапен. Ах ты господи! Уж очень вы мудрено толкуете мои слова. Я одно хочу сказать: что он не по своей воле в это дело впутался.

Аргант. А зачем было путаться?

Скапен. Уж не хотите ли вы, сударь, чтобы он вел себя по-стариковски? Молодежь — она и есть молодежь, где же ей набраться осторожности и рассудительности? Да вот вам пример — наш Леандр: сколько я его ни учил, сколько ни выговаривал, а он взял да и выкинул фокус почище вашего сынка. Да разве вы сами не были молоды и не проказили в свое время, как все прочие? Говорят, сударь, что вы в свое время были весьма любезный кавалер, волочились за первыми красавицами и промаху не давали.

Аргант. Что правда, то правда, не буду спорить. Только любезничать я любезничал, а до таких крайностей не доходил.

Скапен. А что же ему было делать? Он видит молодую девушку, та к нему благосклонна (это у него от вас — все женщины его любят), она ему нравится, он ее навещает, ухаживает за ней, нежно вздыхает, ведет себя, как влюбленный. Она ему уступает, он пользуется случаем. Родные застают их вместе и силой заставляют его жениться.

Сильвестр *(в сторону)*. До чего же ловок, пройдоха!

Скапен. Разве вам хотелось бы, чтоб его убили? Все-таки лучше жениться, чем помереть.

Аргант. Мне никто не говорил, что это именно так вышло.

Скапен *(указывая на Сильвестра)*. Да спросите у него, он вам то же самое скажет.

Аргант *(Сильвестру)*. Так его заставили жениться?

Сильвестр. Да, сударь.

Скапен. Разве я стану вам лгать?

Аргант. Так ему надо было сейчас же идти к нотариусу и заявить, что его женили насильно.

Скапен. А он как раз этого и не захотел.

Аргант. Тогда мне легче было бы расторгнуть этот брак.

Скапен. Расторгнуть брак?

Аргант. Ну да.

Скапен. Вы его не расторгнете.

Аргант. Не расторгну?

Скапен. Нет.

Аргант. Как так? Ведь на моей стороне все отцовские права, да еще тот резон, что сына моего женили насильно.

Скапен. Сын ваш на это не согласится.

Аргант. Не согласится?

Скапен. Нет.

Аргант. Мой сын?

Скапен. Да, ваш сын. Как, по-вашему: легко ему будет сознаться, что он испугался, что его силой заставили жениться? Он ни за что не сознается: это значило бы показать себя в черном свете, показать себя недостойным такого отца, как вы.

Аргант. Мне на это наплевать.

Скапен. Спасая вашу честь и свою собственную, он должен всем говорить, что женился по доброй воле.

Аргант. А по-моему, ради спасения моей и его чести он должен говорить как раз наоборот.

Скапен. Да нет, он этого ни за что не скажет.

Аргант. Так я же его заставлю!

Скапен. Не скажет, уверяю вас.

Аргант. Скажет, а не то лишу наследства.

Скапен. Вы, сударь?

Аргант. Да, я.

Скапен. Ладно!

Аргант. То есть как это — ладно?

Скапен. Вы его не лишите наследства.

Аргант. Не лишу его наследства?

Скапен. Нет.

Аргант. Нет?

Скапен. Нет.

Аргант. Вот это мило! Своего родного сына я не лишу наследства?

Скапен. Говорят вам, не лишите.

Аргант. Кто же мне помешает?

Скапен. Да вы сами.

Аргант. Я сам?

Скапен. Да. У вас не хватит духу.

Аргант. Хватит.

Скапен. Шутить изволите, сударь!

Аргант. Нисколько не шучу.

Скапен. Родительская любовь скажется.

Аргант. Вовсе она не скажется.

Скапен. Да-да, сударь!

Аргант. А я тебе говорю, что так и будет.

Скапен. Пустяки, сударь!

Аргант. Никакие не пустяки.

Скапен. Господи, да знаю я вас, ведь сердце у вас доброе, сударь!

Аргант. Вовсе не доброе, а захочу, так и разозлюсь... Ну, довольно болтать, не серди меня. *(Сильвестру.)* Ступай, висельник, отыщи моего негодяя сына, а я пойду к господину Жеронту, расскажу ему, какое у меня несчастье.

Скапен. Сударь! Ежели вам что потребуется, так только прикажите.

Аргант. Благодарю. *(Про себя.)* И надо же, что он у меня единственный сын! Была бы жива моя дочь, я бы ее сделал наследницей! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сильвестр, Скапен.

Сильвестр. Ну, признаю, ты ловкач, теперь уж дело пойдет на лад. Только денег у нас совсем нет, жить нечем, а кредиторы за нами так и гоняются.

Скапен. Не беспокойся, и тут все налажено. Теперь только бы найти верного человека, чтобы он нам разыграл, что требуется,— вот над чем я ломаю голову... Погоди-ка. Стань вот так, нахлобучь шапку по-злодейски, отставь ногу, подбоченься, сделай зверские глаза и пройдись, как король на сцене... Вот и ладно. Пойдем. Есть у меня такой секрет: переймешь — никто тебя не узнает ни в лицо, ни по голосу.

Сильвестр. Смотри только, чтобы мне с правосудием не поссориться, честью тебя прошу.

Скапен. Ну-ну, страх и риск мы разделим по-братски, а какие-нибудь три года каторги благородного человека не остановят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жеронт, Аргант.

Жеронт. Да, конечно, при такой погоде наши должны приехать еще сегодня, а один матрос из Тарента говорил мне, что видел моего доверенного перед самым его отплытием. Однако к приезду моей дочери все сложилось далеко не так, как мы с вами предполагали: то, что вы рассказываете о вашем сыне, самым неожиданным образом расстраивает наши планы.

Аргант. Не беспокойтесь: я вам обещаю устранить все препятствия и сейчас же примусь за дело.

Жеронт. Право, господин Аргант, воспитание детей — такая важная вещь, что этим нужно заниматься серьезно.

Аргант. Само собой. А что?

Жеронт. А то, что молодые люди дурно себя ведут чаще всего потому, что отцы их плохо воспитывают.

Аргант. Да, это бывает. Но что вы хотите этим сказать?

Жеронт. Что я хочу сказать?

Аргант. Да.

Жеронт. Что если бы вы держали вашего сына в строгости, как полагается хорошему отцу, он бы с вами не сыграл такой шутки.

Аргант. Вот именно. Значит, своего вы держали куда строже?

Жеронт. Ну еще бы! Да если бы мой сын выкинул хоть что-нибудь похожее, я бы ему показал!

Аргант. А что, если этот сын, которого вы держали строго, как полагается хорошему отцу, напроказил еще почище моего? Ну-ка?

Жеронт. Как так?

Аргант. То-то — как!

Жеронт. Что это значит?

Аргант. То и значит, господин Жеронт, что не надо сплеча рубить. Прежде чем других осуждать, надо посмотреть хорошенько, все ли у вас самого слава богу.

Жеронт. Не понимаю этой загадки.

Аргант. Я вам ее отгадаю.

Жеронт. Вы что-нибудь слышали про моего сына?

Аргант. Может быть, и слышал.

Жеронт. А что именно?

Аргант. Ваш Скапен намекал мне вскользь на что-то такое, да я тогда был очень сердит, но вы можете узнать подробности от него или от кого-нибудь другого. А я скорей побегу к адвокату — авось посоветует, как мне вывернуться. Всего хорошего! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жеронт один.

Жеронт. Что бы такое могло случиться? Напроказил похуже его сына! Не знаю, что может быть хуже, как жениться без отцовского позволения. Ничего хуже просто придумать невозможно.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Жеронт, Леандр.

Жеронт. А, наконец-то ты!

Леандр *(подбегает к Жеронту и хочет обнять его)*. Батюшка! Как я рад, что вы вернулись!

Жеронт *(уклоняется от его объятий)*. Погоди. Сначала поговорим о деле.

Леандр. Дайте же обнять вас и...

Жеронт *(отталкивает его)*. Говорят тебе, погоди!

Леандр. Как, батюшка? Вы даже не позволяете обнять вас на радостях?

Жеронт. Нет. Нам с тобой надо сначала объясниться.

Леандр. А что такое?

Жеронт. Стань так, чтобы я видел твое лицо.

Леандр. Зачем?

Жеронт. Посмотри мне прямо в глаза.

Леандр. Ну?

Жеронт. Что тут у вас случилось?

Леандр. Как — что случилось?

Жеронт. Так. Что ты без меня натворил?

Леандр. Да что вам от меня угодно, батюшка?

Жеронт. Ничего мне не угодно, а я тебя спрашиваю: что ты тут натворил?

Леандр. Я, батюшка, ровно ничего такого не сделал, что могло бы вас прогневать.

Жеронт. Ровно ничего?

Леандр. Да.

Жеронт. Что-то ты смело заговорил.

Леандр. Я же знаю, что ни в чем не виноват.

Жеронт. Однако Скапен кое-что про тебя рассказал.

Леандр. Скапен?

Жеронт. Ага, вот ты и покраснел!

Леандр. Он вам про меня рассказывал?

Жеронт. Здесь не место разговаривать о таком деле, мы с тобой объяснимся дома. Изволь отправляться, я тоже скоро приду. Ну, предатель, если только ты меня опозорил, я от тебя отрекусь: ты мне больше не сын, ступай прочь, с глаз долой! *(Уходит.)*

ЯЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Леандр один.

Леандр. Как, выдать меня! Мерзавец! Ему самому по многим причинам надо было бы все скрывать от отца, а он первый все ему выложил. Богом клянусь, я этого так не оставлю, накажу его за предательство!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Леандр, Октав, Скапен.

Октав. Любезный Скапен! Я так тебе обязан за твои хлопоты! Какой ты молодец! Как хорошо, что небо послало тебя на помощь!

Леандр. А, вот ты где! Очень, очень рад, что ты мне попался, негодяй этакий!

Скапен. К вашим услугам, сударь. Слишком много чести.

Леандр *(хватаясь за шпагу)*. Со мной шутки плохи. Уж я тебя и проучу!

Скапен *(падая на колени)*. Сударь!

Октав *(становясь между ними и удерживая Леандра)*. Оставь, Леандр!

Леандр. Нет, Октав, пусти меня, не мешай!

Скапен *(Леандру)*. Ах, сударь!

Октав *(удерживая Леандра)*. Ради бога!

Леандр *(замахиваясь на Скапена)*. Дай мне отвести душу!

Октав. Ради нашей дружбы, не бей его, Леандр!

Скапен. Что я вам сделал, сударь?

Леандр *(замахиваясь на Скапена)*. Что ты мне сделал, предатель?

Октав *(удерживая Леандра)*. Да будет тебе!

Леандр. Нет, Октав, я хочу, чтобы он сам сознался в своем вероломстве, сию минуту! Да, мошенник, я знаю, какую шутку ты со мной сыграл, мне передали, а ты, верно, думал, что мне никто ничего не скажет. Но я хочу, чтобы ты сам во всем сознался, а не то сейчас проткну тебя шпагой.

Скапен. Ах, сударь, да неужто рука у вас поднимется?

Леандр. Ну, говори!

Скапен. Что же я вам сделал, сударь?

Леандр. Ах ты, мошенник, твоя же совесть тебе скажет, что ты сделал!

Скапен. Право, сударь, не знаю.

Леандр *(бросаясь на него)*. Не знаешь?

Октав *(удерживая Леандра)*. Леандр!

Скапен. Ну что ж, сударь, если уж вам так хочется, извольте, сознаюсь: это я распил с приятелем бочонок испанского вина, что вам на днях подарили, я же и провертел дырку в бочонке, а потом налил кругом воды, будто бы вино само вытекло.

Леандр. Так это ты, висельник, выпил испанское вино, это я из-за тебя так бранил служанку, думая, что это ее штуки?

Скапен. Да, сударь, виноват.

Леандр. Очень приятно слышать, да только сейчас не о том речь.

Скапен. Не о том, сударь?

Леандр. Да, тут другое дело, поважнее, и я хочу, чтобы ты сам сознался.

Скапен. А больше я что-то ничего не помню, сударь.

Леандр *(замахиваясь на Скапена)*. Не хочешь говорить?

Скапен. Ой!

Октав *(удерживая Леандра)*. Полегче!

Скапен. Ну что ж, сударь, ваша правда: недели три назад, вечером, вы послали меня отнести часики вашей цыганке, а я вернулся весь в грязи, с расквашенной рожей и соврал вам, будто меня избили воры и отняли часы. А часики-то, сударь, остались у меня.

Леандр. Так это ты стянул мои часы?

Скапен. Да, сударь, надо же мне знать, который час.

Леандр. Однако хорош же ты, голубчик, вот уж верный слуга! И все-таки я не про то спрашиваю.

Скапен. Опять не про то?

Леандр. Нет, подлец, мне надо, чтобы ты в другом сознался.

Скапен *(в сторону)*. Черт возьми!

Леандр. Говори живей, мне некогда.

Скапен. Да это, сударь, и все.

Леандр *(замахиваясь на Скапена)*. Все?

Октав *(становясь между ними)*. Перестань!

Скапен. Ну, так и быть, сударь: не припомните ли вы того оборотня, что побил вас палкой с полгода назад? Дело было ночью, еще вы тогда упали в погреб, убегая от него, и чуть себе шею не сломали.

Леандр. Ну и что же?

Скапен. Ведь это я, сударь, прикинулся оборотнем.

Леандр. Так это ты, предатель, разыграл оборотня?

Скапен. Да, сударь, так только, чтобы вас попугать, а то была у вас такая привычка гонять нас ночью по всяким делам.

Леандр. Ну, хорошо, в другое время я тебе все припомню. А теперь к делу, мне надо от тебя добиться, что́ ты рассказал отцу.

Скапен. Вашему батюшке?

Леандр. Да, мошенник, моему батюшке.

Скапен. Я его после приезда и в глаза не видал.

Леандр. Не видал?

Скапен. Нет, сударь.

Леандр. Да так ли?

Скапен. Так, сударь. Он и сам не откажется это подтвердить.

Леандр. Однако я от него же и слышал.

Скапен. С вашего позволения, сударь, ваш батюшка сказал вам неправду.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Карл.

Карл. Сударь! Я к вам пришел с дурной вестью.

Леандр. Что случилось?

Карл. Эти ваши цыгане увозят с собой Зербинетту. Она слезами так и заливается и просила поскорее сказать вам, что если вы через два часа не пришлете им денег на выкуп, то навсегда ее потеряете.

Леандр. Через два часа?

Карл. Да, сударь. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Леандр, Октав, Скапен.

Леандр. Ах, милый Скапен, помоги мне, ради бога!

Скапен *(гордо проходит мимо Леандра)*. Ага, милый Скапен! Теперь, когда понадобился, так и милый Скапен!

Леандр. Слушай: я тебе все прощаю. Если что и хуже есть, все прощу.

Скапен. Да нет, зачем же меня прощать? Уж лучше проткните меня шпагой. Убейте, буду очень рад.

Леандр. Нет, умоляю тебя: спаси мне жизнь, освободи мою Зербинетту.

Скапен. Ни-ни, лучше убейте.

Леандр. Я тобой слишком дорожу. Умоляю тебя: помоги мне, ведь ты все можешь, тебе стоит только захотеть.

Скапен. Да нет, говорят вам: лучше убейте.

Леандр. Ради бога, забудь мои слова! Прошу тебя: подумай, как бы помочь мне.

Октав. Скапен! Надо для него что-то сделать.

Скапен. Как же это можно после такой обиды?

Леандр. Умоляю: забудь все, что я наговорил тебе сгоряча, и помоги мне, пусти в ход всю свою ловкость.

Октав. И я прошу о том же.

Скапен. Нет, не могу забыть такое оскорбление.

Октав. Ну не будь злопамятен!

Леандр. Неужели ты бросишь меня, Скапен, когда моей любви грозит такая беда?

Скапен. Вдруг взять да и разобидеть ни за что ни про что!..

Леандр. Я не прав, сознаюсь.

Скапен. Обругать мошенником, плутом, висельником, подлецом!..

Леандр. Ах, как я в этом раскаиваюсь!

Скапен. Да еще чуть шпагой не проткнули!..

Леандр. От всего сердца прошу у тебя прощения, а если хочешь, то и на колени стану. Смотри, Скапен: я на коленях и еще раз прошу — не бросай меня.

Октав. Право, Скапен, теперь уж надо бы уступить.

Скапен. Встаньте, сударь. В другой раз не будьте так вспыльчивы.

Леандр. Обещаешь меня выручить?

Скапен. Надо подумать.

Леандр. Да ведь время не терпит.

Скапен. Не беспокойтесь. Вам сколько нужно?

Леандр. Пятьсот экю.

Скапен *(Октаву)*. А вам?

Октав. Двести пистолей.

Скапен. Я вытяну эти денежки у ваших родителей. *(Октаву.)* С вашим батюшкой дело уж совсем налажено. *(Леандру.)* А с вашим, хоть он и скуп до крайности, еще проще столковаться. Сами знаете: умом его бог обидел, это уж такой человек — чему угодно поверит. Вам, сударь, тут никакой обиды нет, вы на него ни капельки не похожи. Кого угодно спросите, всякий скажет, что он вам отец только по имени.

Леандр. Ну-ну, довольно, Скапен!

Скапен. Ладно, ладно, нашли чего стесняться! Да будет вам!.. Смотрите! Идет батюшка господина Октава. Начнем с него, благо он явился первым. Уходите-ка отсюда оба. *(Октаву.)* А вы скажите вашему Сильвестру, чтобы шел поскорей играть комедию.

Леандр и Октав уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Скапен, Аргант.

Скапен *(про себя)*. Ишь ты, задумался!

Аргант *(не видя Скапена)*. Так дурно, так безрассудно вести себя! Как это можно жениться на ком попало! Ах, безрассудная молодость!

Скапен. Доброго здоровья, ваша честь!

Аргант. Здравствуй, Скапен.

Скапен. Все думаете о женитьбе вашего сына?

Аргант. Признаться, меня это сильно удручает.

Скапен. В жизни, сударь, каждый день можно нарваться на неприятности, надо всегда быть к этому готовым. Я когда-то слыхал изречение одного древнего мудреца и до сих пор его помню.

Аргант. Какое же это?

Скапен. Такое, что отцу семейства, ежели он уехал из дому, непременно надо ждать всяких несчастий по возвращении: или дом сгорит, или деньги украдут, или жена помрет, или сына кто-нибудь изувечит, или дочь обольстят. А ежели ничего этого не случится, так он должен почитать себя счастливцем. Я и сам всю жизнь стараюсь не забывать этого правила, сколько хватает разума, и, когда возвращаюсь домой, наперед готовлюсь встретить господский гнев, выговоры, брань, побои, палки, плети, а ежели чего недостанет, радуюсь, что мне повезло.

Аргант. И хорошо делаешь, только я-то не намерен мириться с этой дурацкой женитьбой, которая мешает нам распорядиться судьбой Октава. Я только что советовался с адвокатом, как бы мне расторгнуть брак.

Скапен. Ей-богу, сударь, если только вы мне верите, тут надо бы уладить дело по-другому. Сами знаете, что значит у нас судиться: попадете в такую трясину, что и не выберетесь.

Аргант. Твоя правда, сам вижу. А как же по-другому?

Скапен. Как будто бы я нашел выход. Вашему горю я сочувствую, мне вас жалко, вот я и ломаю голову, как бы это вас избавить от забот. Я не могу видеть, как дети огорчают таких почтенных родителей, а к вам, сударь, я всегда был особенно привязан.

Аргант. Очень тебе благодарен.

Скапен. Вот я и пошел к брату этой девицы, что вышла за Октава замуж. Он сущий головорез, лихой рубака, только и разговору, что про убийства, такое уж ремесло; человека убить — это ему все равно что стакан вина выпить. Завел я с ним разговор насчет этого брака и доказал, что расторгнуть его ничего не стоит: раз женили молодца насильно, на вашей стороне, мол, и отцовские права, и поддержка закона, который примет во внимание и ваши права, и ваши деньги, и ваши знакомства. В конце концов я его так обработал, что он меня послушался и не прочь за деньги пойти на мировую. Не пожалейте золота, и он согласится расторгнуть брак.

Аргант. Сколько же он хочет?

Скапен. Да сперва заломил бог знает сколько.

Аргант. Ну все-таки?

Скапен. Несообразную цену.

Аргант. Сколько же?

Скапен. Меньше чем за пятьсот — шестьсот пистолей и слышать не хочет.

Аргант. Шестьсот лихорадок ему в бок! Смеется он, что ли, над нами?

Скапен. Я ему так и сказал. Даже и не подумал согласиться, а дал понять, что не так-то вы просты: ни пятисот, ни шестисот пистолей ни за что не дадите. Не один раз мы с ним толковали и наконец пришли вот к чему. Ему, говорит он, пора отправляться в армию, нужны деньги на обмундирование, и потому он волей-неволей должен согласиться на ваше предложение. Надо, говорит, лошадь, а мало-мальски подходящую нельзя купить дешевле, чем за шестьдесят пистолей.

Аргант. Ну, шестьдесят пистолей — еще куда ни шло, это я дам.

Скапен. Надо еще сбрую и пистолеты — тоже пистолей двадцать.

Аргант. Двадцать да шестьдесят — это будет восемьдесят.

Скапен. Совершенно верно.

Аргант. Многовато, ну да ладно, я и на это согласен.

Скапен. И для слуги тоже, говорит, надо лошадь, пистолей хоть в тридцать.

Аргант. Еще чего! Пусть убирается к черту, ничего не дам!

Скапен. Сударь!

Аргант. Нет-нет! Наглец какой!

Скапен. Вы хотите, чтобы слуга шел пешком?

Аргант. Пускай идет, и с господином вместе.

Скапен. Неужели вас останавливает такой пустяк? Не судитесь вы, ради бога, лучше все отдать, только не связываться с правосудием.

Аргант. Ну ладно, так и быть. Еще тридцать пистолей дам.

Скапен. А еще говорит, ему нужен мул...

Аргант. Пусть убирается к черту со своим мулом! Это уж слишком, лучше будем судиться.

Скапен. Ну пожалуйста!..

Аргант. Больше ничего не дам.

Скапен. Сударь! Хоть самого плохонького мула!

Аргант. Даже осла не дам.

Скапен. Подумайте...

Аргант. Нет, уж лучше подам в суд.

Скапен. Что вы это говорите, на что решаетесь! Да вы посмотрите, что в судах делается! Сколько там апелляций, разных инстанций и всякой волокиты, у каких только хищных зверей не придется вам побывать в когтях: пристава, поверенные, адвокаты, секретари, их помощники, докладчики, судьи со своими писцами! И ни один не задумается повернуть закон посвоему, даже за малую мзду. Подсунет пристав фальшивый протокол, вот вас и засудили, а вы и знать ничего не знаете. Поверенный стакнется с противной стороной и продаст вас ни за грош. Адвоката тоже подкупят, он и в суд не явится, когда будут разбирать ваше дело, или начнет плести всякую чепуху, а до сути так и не доберется. Секретарь прочтет вам заочно обвинительный приговор. Писец докладчика утаит документы, а не то и сам докладчик скажет, будто бы он их не видал. А если вам с великим трудом удастся всего этого избежать, то и тогда окажется, к вашему удивлению, что судей уже настроили против вас их любовницы или какие-нибудь ханжи. Нет, сударь, если можете, держитесь подальше от этой преисподней. Судиться — это все равно что в аду гореть. Да я бы, кажется, от суда на край света сбежал.

Аргант. Сколько ему надо на мула?

Скапен. Сударь! На мула, на строевую лошадь, на лошадь для слуги, на сбрую и пистолеты и на уплату пустячного долга хозяйке он просит всего-навсего двести пистолей.

Аргант. Двести пистолей?

Скапен. Да, сударь.

Аргант *(в гневе расхаживая взад и вперед)*. Ну нет, ну нет, будем судиться.

Скапен. Подумайте, сударь...

Аргант. Я подаю в суд.

Скапен. Не бросайтесь очертя голову...

Аргант. Желаю судиться!

Скапен. Да ведь чтобы судиться, тоже нужны деньги. За составление протокола нужно платить, засвидетельствовать подпись — тоже, за доверенность — платить, за подачу прошения — тоже, адвокату за совет — платить, за обратное получение документов — платить, суточные поверенному — платить. Надо платить и за совет, и адвокатам за речи, и за снятие копии. Надо платить и докладчикам, и за определение, и за внесение в реестр, и за ускорение дела, и за подписи, и за выписки, и за отправку, да еще взяток сколько раздадите. Отдайте вы ему эти деньги — и дело с концом.

Аргант. Как! Двести пистолей?

Скапен. Да, это куда выгоднее. Я в уме уже подсчитал все судебные издержки, и выходит, что если вы этому молодчику заплатите двести пистолей, то сбережете самое меньшее сто пятьдесят, да еще избавитесь от уймы хлопот, мучений и неприятностей. Я бы не пожалел и трехсот пистолей, лишь бы не судиться и не слушать всех глупостей, какие говорят при публике эти шуты гороховые — адвокаты.

Аргант. Мне на это наплевать, пускай говорят, что хотят.

Скапен. Это как вам будет угодно, а я на вашем месте не доводил бы до суда.

Аргант. Ни за что не дам двухсот пистолей.

Скапен. А вот и он, о ком мы говорили.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Сильвестр, переодетый наемным убийцей.

Сильвестр. Скапен! Покажи-ка мне этого Арганта, отца Октава.

Скапен. Зачем вам?

Сильвестр. Я узнал, что он подает на меня в суд, хочет расторгнуть брак моей сестры.

Скапен. Не знаю, есть ли у него такое намерение, а вот двухсот пистолей он вам платить не соглашается, говорит, не много ли будет.

Сильвестр. Чума ему в глотку! Сто чертей и одна ведьма! Попадись он мне только, убью на месте, пусть потом хоть колесуют!

Аргант, весь дрожа, прячется за Скапена.

Скапен. Отец Октава — человек храбрый; может, он вас и не побоится.

Сильвестр. Как так не побоится, черт его возьми? Подать его сюда, сию минуту проткну его шпагой! *(Увидев Арганта.)* А это кто такой?

Скапен. Это не он, сударь, это не он.

Сильвестр. Может, его приятель?

Скапен. Нет, сударь, напротив: его смертельный враг.

Сильвестр. Смертельный враг?

Скапен. Да, сударь.

Сильвестр. Ах, черт! Очень рад. *(Арганту.)* Так вы враг этому подлецу Арганту?

Скапен. Да-да, я вам ручаюсь.

Сильвестр *(трясет руку Арганту)*. Вашу руку! Вашу руку! А я даю вам слово и клянусь честью, клянусь моей шпагой и всем, чем хотите, что нынче же избавлю вас от этого мошенника, от этого подлеца Арганта. Можете на меня положиться.

Скапен. Сударь! У нас такой расправы не допустят.

Сильвестр. Плевал я на это, мне терять нечего.

Скапен. Господин Аргант, верно, примет меры. У него есть и друзья, и слуги, и родные, они защитят его от вас.

Сильвестр. Вот этого-то мне и надо, черт возьми! Этого-то мне и надо! *(Хватаясь за шпагу.)* Ах, черт! Ах, дьявол! Давай его сюда со всеми помощниками, давай его сюда со всеми разом! Где ж они? Пускай попробуют напасть! *(Становясь в позицию.)* Ах, мерзавцы, да как вы смеете? Ну-ка, черт возьми, попробуйте! *(Колет во все стороны, словно перед ним несколько противников.)* Пощады не ждите! Начнем. Стой! Коли! Бей, не жалей! А, мошенники, канальи, много взяли? Я вас! Вы у меня узнаете! Стойте, подлецы, стойте! Вот, получите! Ну-ка, раз! Еще раз! *(Повертываясь к Арганту и Скапену.)* Еще удар! И еще один! Ага, отступаете! Стой, черт возьми, стой на месте!

Скапен. Эй, эй, сударь! Мы же вас не трогаем.

Сильвестр. Вперед вам наука — со мной не шутите. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Скапен, Аргант.

Скапен. Вот видите: сколько народу уложил из-за двухсот пистолей! Ну, давай вам бог удачи!

Аргант *(дрожа от страха)*. Скапен!

Скапен. Что угодно, сударь?

Аргант. Я решил дать ему двести пистолей.

Скапен. Очень рад за вас, сударь.

Аргант. Пойдем к нему, деньги со мной.

Скапен. Да вы лучше отдайте их мне. Что же вам самому лезть на глаза? Это будет урон вашей чести: ведь вы ему сказали, что вы не господин Аргант. Да, кроме того, боюсь, как бы он еще больше не заломил, узнав, кто вы такой.

Аргант. Так-то оно так, только мне хотелось бы видеть, как я отдаю свои денежки.

Скапен. Значит, вы мне не доверяете?

Аргант. Не то чтобы не доверял, а все-таки...

Скапен. Ей-богу, сударь, либо я плут, либо честный человек, одно из двух. С какой стати мне вас обманывать? Разве я хлопочу для кого другого, а не для вас и для моего господина, с которым вы хотите породниться? Коли вы мне не верите, я и вмешиваться ни во что не стану, поищите себе другого, пусть он вам и улаживает ваши дела.

Аргант. На, возьми!

Скапен. Нет, сударь, не доверяйте мне ваши деньги. Мне же лучше, если вы найдете кого другого.

Аргант. Ах ты господи! Да возьми же!

Скапен. Нет, сударь, не верите — и не надо. Кто знает, может, я вас обокрасть хочу.

Аргант. Возьми, говорят тебе! Долго ли мне еще с тобою препираться? Только смотри, будь с ним поосторожней.

Скапен. Это уж мое дело, он не на дурака напал.

Аргант. Я тебя подожду дома.

Скапен. Приду непременно. *(Один.)* С одним покончено. Теперь только другого найти... Да вот и он! Как будто само небо посылает их ко мне в сети.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Скапен, Жеронт.

Скапен *(делая вид, что не замечает Жеронта)*. Господи! Вот еще беда, нежданно-негаданно! Несчастный отец! Бедняга Жеронт, как ему теперь быть?

Жеронт *(про себя)*. Что он там про меня говорит? И лицо такое расстроенное!

Скапен. Неужели никто мне так и не скажет, где господин Жеронт?

Жеронт. Что такое, Скапен?

Скапен *(бегает по сцене, будто не видя и не слыша Жеронта)*. Где бы его найти? Надо же ему сказать про такое несчастье!

Жеронт *(бегая за Скапеном)*. Да что случилось?

Скапен. Бегаю, бегаю и нигде его не найду!

Жеронт. Да вот он я!

Скапен. Прячется он, что ли, и никак не угадаешь где!

Жеронт *(останавливая Скапена)*. Стой же! Ослеп ты, что ли? Как же ты меня не видишь?

Скапен. Ах, сударь, никак вас не найду!

Жеронт. Я целый час за тобой хожу. Ну? Что случилось?

Скапен. Сударь!..

Жеронт. Ну что?

Скапен. Ваш сын...

Жеронт. Ну, ну? Мой сын, а дальше?

Скапен. С ним несчастье, да такое, что из ряду вон.

Жеронт. Да какое же?

Скапен. Я его недавно повстречал, он был очень расстроен. Не знаю, что такое вы ему говорили, только меня-то уж совсем напрасно сюда припутали. Вот мы и пошли прогуляться на пристань, чтобы хоть сколько-нибудь рассеяться. Посмотрели там кое-что, и, между прочим, понравилась нам одна отлично оснащенная турецкая галера. Вдруг молодой турок приятной наружности приглашает нас на эту галеру, подает нам руку. Мы пошли. Он нас принимает очень вежливо, угощает самыми лучшими фруктами, отличным вином — мы такого отроду не пивали.

Жеронт. Что же тут такого прискорбного?

Скапен. Погодите, сударь, сейчас скажу. Пока мы угощались, турок вывел галеру в море, а когда отплыли подальше от пристани, посадил меня в лодку и велел вам сказать, что если не пришлете ему со мной пятьсот экю сей же час, то он увезет вашего сына в Алжир.

Жеронт. Черт знает что! Пятьсот экю?

Скапен. Да, сударь, а главное, он дал мне два часа сроку.

Жеронт. Ах он разбойник! Без ножа зарезал!

Скапен. Теперь вам, сударь, надо скорее думать, как спасти от рабских цепей сына, которого вы так нежно любите.

Жеронт. Кой черт понес его на эту галеру?

Скапен. Почем же он знал, что так выйдет?

Жеронт. Беги, Скапен, беги скорей, скажи этому турку, что я подам на него в суд.

Скапен. Помилуйте! Какой же суд в открытом море?

Жеронт. Кой черт понес его на эту галеру?

Скапен. Бывает, что и злой рок доводит человека до беды.

Жеронт. Ну, Скапен, теперь докажи, что ты верный слуга.

Скапен. Как так, сударь?

Жеронт. Ступай к этому турку и скажи ему, чтобы он вернул мне сына, а ты останешься у него заложником, пока я не соберу денег.

Скапен. Эх, сударь, подумайте, что вы такое говорите! Неужели турок, по-вашему, до того глуп, что примет такого бедняка вместо вашего сына?

Жеронт. Кой черт понес его на эту галеру?

Скапен. Он никак не ожидал такого несчастья. Сударь! Не забудьте: мне дано всего два часа сроку.

Жеронт. Так ты говоришь, он требует...

Скапен. Пятьсот экю.

Жеронт. Пятьсот экю! Да есть ли у него совесть?

Скапен. Ну какая уж там совесть у турка!

Жеронт. Да знает ли он, что такое пятьсот экю?

Скапен. Как же, сударь, знает, что это полторы тысячи ливров.

Жеронт. Что же он, мошенник, думает, что полторы тысячи ливров на дороге валяются?

Скапен. Этому народу хоть кол на голове теши, ничего не втолкуешь.

Жеронт. Кой черт понес его на эту галеру?

Скапен. Ваша правда, сударь, да ведь наперед никак не угадаешь. Ради бога, поторопитесь, сударь!

Жеронт. На, вот тебе ключи от моего шкафа.

Скапен. Так, сударь.

Жеронт. Ты его отопрешь.

Скапен. Понимаю.

Жеронт. Налево висит большой ключ, он от чердака.

Скапен. Так, сударь.

Жеронт. Возьми там все старье из большой корзины и продай его ветошнику, а потом ступай и выкупи моего сына.

Скапен *(отдает ему ключ)*. Эх, сударь, вы точно бредите! Да мне и ста франков за это не дадут, а главное, времени у меня не хватит, сами знаете.

Жеронт. Кой черт понес его на эту галеру?

Скапен. Теперь уж поздно об этом толковать. Бросьте вы галеру, подумайте лучше, что время не терпит, как бы вам совсем не потерять сына. Ах, бедный мой господин! Верно, мне больше тебя не видать! Может, тебя уж заковали и в Алжир увезли, пока я тут болтаю попусту! Небо мне свидетель, я сделал для тебя все, что мог, и, если тебя не выкупили, виной тому единственно отцовское нерадение.

Жеронт. Постой, Скапен, я схожу за деньгами.

Скапен. Скорей, сударь, я и то боюсь, как бы не опоздать.

Жеронт. Так ты сказал, четыреста экю?

Скапен. Пятьсот, сударь.

Жеронт. Пятьсот экю!

Скапен. Да, сударь.

Жеронт. Кой черт понес его на эту галеру?

Скапен. Ваша правда, только поторопитесь.

Жеронт. Неужели другого места для прогулки не нашлось?

Скапен. Оно верно, только нельзя ли поскорей?

Жеронт. Проклятая галера!

Скапен *(в сторону)*. Далась же ему эта галера!

Жеронт. Послушай, Скапен, у меня совсем из головы вон: ведь я только что получил ровно пятьсот экю золотом. Вот уж никак не ожидал, что их у меня так скоро отберут! *(Протягивает Скапену кошелек, но тут же крепко зажимает его в кулаке и отводит руку, а Скапен напрасно старается поймать ее.)* Вот тебе. Ступай и выкупи моего сына.

Скапен *(ловит его руку)*. Слушаюсь, сударь.

Жеронт *(с тем же движением)*. А все-таки скажи этому турку, что он злодей...

Скапен *(с тем же движением)*. Да.

Жеронт *(с тем же движением)*. Без совести...

Скапен *(с тем же движением)*. Да.

Жеронт *(с тем же движением)*. И без чести, вор этакий...

Скапен *(с тем же движением)*. Да уж не беспокойтесь.

Жеронт *(с тем же движением)*. Что он отнимает у меня пятьсот экю, не имея на то никакого права...

Скапен *(с тем же движением)*. Да.

Жеронт *(с тем же движением)*. Что, будь моя воля, я бы их никогда ему не дал...

Скапен *(с тем же движением)*. Очень хорошо.

Жеронт *(с тем же движением)*. И что, попадись он мне под руку, я ему не спущу.

Скапен. Слушаюсь.

Жеронт *(кладет кошелек в карман и направляется к выходу.)* Так ступай же скорей и выкупи моего сына.

Скапен *(бежит за Жеронтом)*. Погодите, сударь!

Жеронт *(оборачивается)*. Чего тебе еще?

Скапен. А где же деньги?

Жеронт. Разве я тебе не отдал?

Скапен. Да нет же, вы их опять положили в карман.

Жеронт. Это у меня от горя ум помутился.

Скапен. Оно и видно.

Жеронт. Кой черт понес его на эту галеру? Проклятая галера! Разбойник турок, чтоб его черт побрал! *(Уходит.)*

Скапен *(один)*. Ишь ты, как ему жалко с деньгами расставаться! Только это еще не все: он мне еще поплатится за то, что насплетничал на меня сыну.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Скапен, Октав, Леандр.

Октав. Ну что, Скапен? Выхлопотал ты чего-нибудь для меня?

Леандр. Сделал ты что-нибудь, поправил ты мои сердечные обстоятельства?

Скапен *(Октаву)*. Вот вам двести пистолей: достал у вашего батюшки.

Октав. Ах, как ты меня обрадовал!

Скапен *(Леандру)*. А для вас, сударь, я ничего не мог сделать.

Леандр *(хочет уйти)*. Мне остается только умереть. К чему мне жизнь, когда у меня отняли Зербинетту!

Скапен. Постойте, постойте, не так скоро! Куда вы спешите?

Леандр *(возвращается)*. Что же мне делать, по-твоему?

Скапен. Да будет вам! Вот они, все улажено!

Леандр. Ах, ты меня воскресил!

Скапен. Только с условием, что вы мне позволите как-нибудь отомстить вашему батюшке за его выходку со мной.

Леандр. Делай все, что хочешь!

Скапен. Вы это обещаете при свидетеле?

Леандр. Да, конечно.

Скапен. Возьмите, вот ваши пятьсот экю.

Леандр. Скорей идем выкупать мою возлюбленную Зербинетту!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Зербинетта, Гиацинта, Скапен, Сильвестр.

Сильвестр. Да, наши молодые люди так и решили, чтобы вы были вместе, вот мы и исполняем их распоряжение.

Гиацинта *(Зербинетте)*. Что может быть приятнее такого приказания? Я могу только радоваться такой подруге, от вас одной зависит, чтобы нас с вами связала столь же тесная дружба, как наших Октава и Леандра.

Зербинетта. Я согласна: я всегда готова откликнуться на зов дружбы.

Скапен. А на зов любви?

Зербинетта. Любовь — совсем другое дело: там гораздо больше опасности, а я не такая уж смелая.

Скапен. Мне думается, вы решительно несправедливы к моему господину: он столько для вас сделал, а у вас не хватит духу ответить на его чувство?

Зербинетта. Я не совсем верю в его чувство. Того, что он для меня сделал, еще мало, я все еще не могу на него положиться. У меня веселый нрав, я смешлива, но это не значит, что я ко всему отношусь легко, и твой господин напрасно думает, что довольно было меня выкупить, чтобы добиться моей любви. Тут мало одних денег: чтобы я могла отвечать на его любовь так, как он того желает, он должен поклясться мне в верности, подкрепив эту клятву какими полагается церемониями.

Скапен. Он и сам того же мнения. У него на ваш счет самые благородные намерения, да я бы и не стал ему помогать, будь у него на уме другое.

Зербинетта. Я готова этому поверить, коли ты так говоришь, но отец Леандра, пожалуй, будет против.

Скапен. Ну, это мы сумеем уладить.

Гиацинта *(Зербинетте)*. Сходство нашей судьбы должно укрепить дружбу между нами: у нас обеих одни и те же печали, нас обеих постигло одно и то же несчастье.

Зербинетта. Вам все-таки легче: вы знаете, кто ваши родители, можете указать, кто ваши родные, и их поддержка может все уладить, может устроить ваше счастье: она заставит всех признать ваш брак. А мне не от кого ждать помощи, мое положение не смягчит его отца, которому нужно только богатство.

Гиацинта. И все-таки вам легче, потому что вашего Леандра не собираются женить на другой.

Зербинетта. Не измена любимого нас страшит. Сознавая свои достоинства, мы можем быть уверены в победе. Я боюсь только отцовской власти, перед ней любые достоинства ничего не значат.

Гиацинта. Ах, зачем самая чистая любовь всегда встречает преграды! Как хорошо любить, когда двум сердцам ничто не препятствует соединиться нежнейшими узами!

Скапен. Ах, что вы, сударыня! Самое несносное в любви — это спокойствие. Безоблачное счастье может наскучить, в жизни никак нельзя обойтись без приливов и отливов: с препятствиями и любовь разгорается сильней, и наслаждение ценится больше.

Зербинетта. Послушай, Скапен: расскажи-ка нам, как ты выманивал деньги у твоего скупого старика,— я слышала, что это презабавная история. Ты же знаешь, что рассказывать мне всякие веселые истории — не напрасный труд, я щедро плачу за них смехом.

Скапен. Сильвестр вам сумеет рассказать не хуже моего. А у меня на уме совсем не то: хочу кое-кому отомстить, мечтаю доставить себе это удовольствие!

Сильвестр. Зачем тебе лезть на рожон ни с того ни с сего?

Скапен. Люблю всякие опасные затеи.

Сильвестр. Который раз тебе говорю: послушайся меня, брось это дело!

Скапен. Нет уж, лучше я самого себя буду слушаться.

Сильвестр. Ну чего ради ты это затеял?

Скапен. А ты чего ради меня отговариваешь?

Сильвестр. Того ради, чтобы тебя не отколотили палками без всякой нужды.

Скапен. Ну так что ж, ведь я своей спиной плачусь, не твоей.

Сильвестр. И то правда: своей спине ты хозяин, делай с ней, что хочешь.

Скапен. Палок я никогда не боялся, а вот таких трусов терпеть не могу: всё дрожат, как бы не попасться, за все им страшно взяться.

Зербинетта *(Скапену)*. Ты нам скоро понадобишься

Скапен. Идите, я сейчас. Я ему покажу, что я себе не изменил и не выдал тайн, которых никто знать не должен.

Зербинетта, Гиацинта и Сильвестр уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Скапен, Жеронт.

Жеронт. Ну, Скапен, как идут дела моего сына?

Скапен. Сын ваш теперь в безопасности, а вот вам, сударь, грозит такая беда, что я, кажется, все бы отдал, лишь бы вы сидели у себя дома.

Жеронт. Что такое?

Скапен. Вот мы с вами разговариваем, а вас везде ищут, хотят убить.

Жеронт. Меня?

Скапен. Да, вас.

Жеронт. Кто же это?

Скапен. Брат той девицы, на которой женился Октав. Он думает: вы для того и хотите их развести, чтобы Октав женился на вашей дочке вместо его сестры. Вот он и решил выместить на вас свою обиду: убьет вас и тем восстановит свою честь. Его приятели все люди военные, везде вас разыскивают, спрашивают про вас. Я сам видел солдат из его роты: они всех встречных опрашивают и заняли повзводно все дороги к вашему дому, так что вы теперь и к себе не пройдете — куда ни поверни, везде на них наткнетесь.

Жеронт. Что же мне делать любезный Скапен?

Скапен. Право, не знаю, сударь: уж очень трудное дело.

Меня так в дрожь и бросило... Погодите-ка. *(Идет в глубину сцены, будто высматривая, нет ли там кого.)*

Жеронт *(дрожа от страха)*. Ну что?

Скапен *(возвращаясь)*. Нет-нет, никого.

Жеронт. Не придумаешь ли ты чего-нибудь, чтобы меня спасти?

Скапен. Я уж придумал одну штуку, да боюсь, как бы меня самого не ухлопали.

Жеронт. Ну, Скапен, докажи, что ты верный слуга! Не покинь меня в беде, прошу тебя!

Скапен. Как можно, сударь! Ведь я к вам всей душой, разве я вас оставлю без помощи?

Жеронт. А я тебя за это награжу, так и знай. Подарю тебе вот это платье, когда износится.

Скапен. Погодите, сударь. Вот кстати попался на дороге мешок. Полезайте в него, а там...

Жеронт *(вообразив, что кто-то идет)*. Ой!

Скапен. Нет-нет, никого. Я говорю, полезайте вот в этот мешок, да боже вас сохрани пошевелиться. Я вас взвалю на спину, будто бы узел, да так и пронесу в дом мимо ваших врагов, а там мы сейчас же запремся и пошлем за подкреплением.

Жеронт. Неплохо придумано!

Скапен. Уж чего лучше. Сами увидите. *(В сторону.)* Ты мне поплатишься за свою клевету!

Жеронт. Что ты говоришь?

Скапен. Я говорю: вот как славно мы их проведем, ваших врагов! Залезайте поглубже в мешок, да не высовывайтесь, а главное, не шевелитесь, что бы ни случилось.

Жеронт. Не беспокойся, я знаю, что мне делать.

Скапен. Спрячьтесь: вон уж идет один молодчик. *(Изменив голос.)* «Неужели мне не удастся убить этого Жеронта? Хоть бы какой добрый человек показал, где он прячется!» *(Жеронту, своим голосом.)* Не шевелитесь! «Нет, черт возьми, я тебя найду, хоть сквозь землю провались!» *(Жеронту, своим голосом.)* Не высовывайтесь! «Эй ты, с мешком!» Что угодно, сударь? «Вот тебе золотой, покажи мне, где этот Жеронт». Вы ищете господина Жеронта? «Да, черт возьми, ищу». А зачем он вам, сударь? «Зачем?» Да. «Хочу угостить его палками». Таких людей, как господин Жеронт, не бьют палками: с ними нельзя так обращаться. «Как — нельзя? С этим болваном, с этим мошенником, с этой мразью?» Господин Жеронт не болван, не мошенник и не мразь, будьте любезны так о нем не отзываться.

«Что? Да как ты смеешь со мной так разговаривать?» Должен же я заступиться за почтенного человека, раз его оскорбляют. «А ты разве друг этому Жеронту?» Да, сударь, я ему друг. «А, черт возьми, друг, тем лучше! *(Бьет палкой по мешку.)* На, получи за него!» *(Кричит, будто бы от боли.)* Ай-яй-яй, сударь! Ай-яй-яй, послушайте! Ай-яй-яй, полегче! Ай-яй-яй! «Вот, передай ему это от меня! Всего наилучшего!» Ох, проклятый гасконец! Ох!

Жеронт *(высовывается из мешка)*. Ох, Скапен, не могу больше!

Скапен. Меня тоже, сударь, всего измолотили, до спины дотронуться нельзя.

Жеронт. Что ты это? Ведь он по моей спине колотил.

Скапен. Нет, сударь, все больше мне попадало.

Жеронт. Что ты врешь? Я же чувствовал удары, да и теперь еще больно.

Скапен. Да нет же, говорят вам, это он только концом палки вас задевал.

Жеронт. Так тебе надо было отойти в сторону, чтобы меня совсем не задело.

Скапен *(засовывая голову Жеронта в мешок)*. Спрячьтесь: вон еще какой-то, на иностранца похож. «Шерт возьми, бегай, как циган, и цела день не найти эта сатана Жеронт». Прячьтесь хорошенько! «Скажить мне, каспадин, ви не знайт, где эта Жеронт? Я ее искаль». Нет, сударь, не могу вам сказать. «Говориль правда, мне нушна от эта Жеронт один маленький пустяки: дюжина палок на его спина и колоть ему насквозь раза четыре эта шпага». Да, право же, сударь, не знаю, где он. «Как будто эта мешок немножка зашевелилась». Извините, сударь, вы ошиблись. «В эта мешок что-то есть». Ровно ничего, сударь. «Я хотель немножка колоть шпага эта мешок». Нет, сударь, лучше не надо. «Ви дольжен показаль, что у вас в эта мешок». Нельзя, сударь. «По какой причин нельзя?» Вам вовсе не нужно знать, что я несу. «А я хотель узнать!» Ничего вы не узнаете. «Как вы смей шутиль!» Это мои вещи, старье всякое. «Показаль без разговор!» И не подумаю. «Не подумай?» Нет. «А вот мой колотиль палькой твой спина!» Не посмеете. «А, твой дурака валять!» *(Бьет палкой по мешку и кричит, будто его самого колотят.)* Ай-яй-яй, сударь, ай-яй-яй! «До свиданья, эта маленький урок тебе научиль грубить!» Ах, черт бы его побрал! Болтает неведомо по-каковски! Ох!

Жеронт *(высовывая голову из мешка)*. Ох, меня всего избили!

Скапен. Ох, умираю!

Жеронт. Какого черта они всё по моей спине молотят?

Скапен *(засовывая голову Жеронта в мешок)*. Спрячьтесь! Вон солдаты идут, целых шестеро! *(Разными голосами.)* «Идем, надо же найти этого Жеронта. Мы всё как есть обыщем. С ног собьемся, а весь город обойдем. Всюду заглянем. Ничего не забудем. Все обшарим. В какую сторону идти? Вот сюда! Нет, вон туда! Налево! Направо! Да нет! Сюда, сюда!» *(Жеронту, своим голосом.)* Спрячьтесь хорошенько. «Э, да вон его слуга! Ну, мошенник, говори, где твой хозяин!» Не троньте меня, господа. «Ну, живей! Говори, что ли! Идем, пошевеливайся! Поскорей, не задерживай нас». Полегче, господа!

Жеронт осторожно высовывается из мешка и видит проделку Скапена.

«Сейчас же отыщи нам твоего хозяина, не то мы тебя изобьем до полусмерти!» Я все перенесу, а своего господина ни за что не выдам. «Мы тебя прикончим». Как вам будет угодно. «Ага, палок захотелось!» Своего господина я не выдам. «Сам захотел попробовать? Вот тебе!» Ай! *(Как только он замахивается палкой, Жеронт выскакивает из мешка, а Скапен убегает.)*

Жеронт *(один)*. Ах ты, мерзавец! Ах ты, злодей! Ах ты, разбойник! Так это ты меня чуть не убил!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Жеронт, Зербинетта.

Зербинетта *(не видя Жеронта)*. Ха-ха-ха! Нет, надо отдышаться.

Жеронт *(не видя Зербинетты)*. Ты мне за это поплатишься, даю слово.

Зербинетта *(не видя Жеронта)*. Ха-ха-ха! Вот забавная история! Как славно одурачили старика!

Жеронт *(увидев Зербинетту)*. Ничего тут нет забавного, и вовсе не над чем так смеяться.

Зербинетта. Как это? Что вы говорите, сударь?

Жеронт. Говорю: напрасно вы надо мной смеетесь.

Зербинетта. Над вами?

Жеронт. Ну да.

Зербинетта. Что вы! Никто и не думал над вами смеяться!

Жеронт. А почему же вы хохочете прямо мне в лицо?

Зербинетта. Вы тут вовсе ни при чем, я смеюсь тому, что мне сейчас рассказали,— презабавная история. Не знаю, почему мне она показалась так смешна, может, потому, что я сама в ней замешана. Но, право же, я не слыхала ничего смешнее той шутки, которую сыграл сын с отцом, чтобы выманить у него деньги.

Жеронт. Сын с отцом, чтобы выманить у него деньги?

Зербинетта. Да-да. Хоть вы меня и не про́сите, а я бы вам с удовольствием рассказала. Я, надо вам сказать, большая охотница рассказывать всякие истории.

Жеронт. Сделайте милость, расскажите.

Зербинетта. С наслаждением. Большой нескромности тут не будет, все равно и без меня этот случай недолго продержится в тайне. Волею судьбы я попала к тем людям, которые зовутся цыганами и, скитаясь из провинции в провинцию, промышляют гаданьем, а иногда и кое-чем другим. Здесь, в городе, меня увидел один молодой человек и влюбился в меня. С этой минуты он не отстает от меня ни на шаг. Сначала, как и все молодые люди, он думал, что стоит ему сказать слово — и я не смогу устоять перед ним. Однако он столкнулся с моей гордостью, и моя гордость заставила его переменить мнение. Тогда он признался в своей страсти тем людям, от которых я зависела, и они согласились за выкуп уступить меня ему. К несчастью, обстоятельства у моего возлюбленного были плохи, как у всякого молодого человека из хорошей семьи, то есть денег у него было мало. У него есть отец, человек богатый, зато скаред, каких свет не создавал... Погодите! Как же это его зовут? Не подскажете ли вы мне? Да вы, верно, знаете, кто у вас в городе считается первым скрягой!

Жеронт. Нет, не знаю.

Зербинетта. Еще имя у него кончается не то на «рон»... не то на «ронт»... О... Оронт! Нет, не так. Же... Жеронт? Да, верно, Жеронт! Вспомнила, это он и есть, Жеронтом зовут этого сквалыгу. Так вот какая история: наши цыгане собирались сегодня уходить из города, и моему молодому человеку из-за безденежья пришлось бы со мной расстаться, если бы не ловкость его слуги, который сумел вытянуть деньги у его же отца. Как зовут слугу, я отлично помню: Скапен. Это такой необыкновенный человек, им просто нельзя нахвалиться!

Жеронт *(в сторону)*. Ах он мошенник!

Зербинетта. Вот на какую хитрость он пустился, чтобы обмануть старого дурака! Ха-ха-ха! Не могу вспомнить без смеха. Право, не могу! Ха-ха-ха! Скапен пошел к этому скареду... Ха-ха-ха!.. и рассказал ему, будто они с его сыном гуляли на пристани... хи-хи... и там увидели турецкую галеру, их будто бы пригласили на нее, и какой-то молодой турок их угостил... ха-ха!.. и пока они угощались, галера ушла в море, и турок послал Скапена в лодке на берег и велел сказать старику, что увезет его сына в Алжир, ежели ему не пришлют сию минуту пятьсот экю. Ха-ха-ха! Вот тут мой скряга, мой скаред вконец растревожился: и сына ему жалко, и денег отдавать не хочется. Эти пятьсот экю для него все равно что нож в сердце. Ха-ха-ха! Он никак не может с ними расстаться, ломает голову, как ему вернуть сына, придумывает всякие глупости. Ха-ха-ха! Собирается посылать в море полицию за турецкой галерой. Ха-ха-ха! Просит слугу остаться заложником вместо сына, пока он соберет деньги, а сам и не думает платить. Ха-ха-ха! Хочет продать старое платье за пятьсот экю, а оно и тридцати не стоит. Ха-ха-ха! Слуга толкует ему, что все это никуда не годится, а он на все его доводы приговаривает жалобно: «Кой черт понес его на эту галеру? Проклятая галера! Разбойник этот турок!» В конце концов, после всяких уверток, со стонами и вздохами... Но вам как будто вовсе не смешна эта история? Что вы на это скажете?

Жеронт. Скажу, что молодой человек — негодяй, висельник, что отец накажет его за такую проделку, а эта цыганка — дрянная наглая девчонка, ежели говорит такие дерзости почтенному человеку, он ей покажет, как завлекать порядочных молодых людей, а слуга — просто разбойник, которого господин Жеронт сегодня же отправит на виселицу! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Зербинетта, Сильвестр.

Сильвестр. Куда это вы убежали? Да знаете ли вы, с кем вы сейчас разговаривали? Ведь это отец господина Леандра!

Зербинетта. Я только сейчас поняла. И надо же, чтобы я, ничего не подозревая, рассказала ему его же собственную историю!

Сильвестр. Что такое? Какую историю?

Зербинетта. Ну да, ту самую. Мне она так понравилась, что просто не терпелось кому-нибудь рассказать. Но что за важность? Ему же хуже, а нам, по-моему, от этого ни тепло ни холодно.

Сильвестр. Вот пришла охота болтать! Экий длинный язык! О своих делах и то помолчать не можете.

Зербинетта. А разве он от других не услышит?

Аргант *(за сценой).* Эй, Сильвестр!

Сильвестр *(Зербинетте).* Идите домой. Меня зовет мой господин.

Зербинетта уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сильвестр, Аргант.

Аргант. Так вы сговорились, мошенники! Ты, Скапен и мой сын сговорились обмануть меня! И вы думаете, я это потерплю?

Сильвестр. Ей-богу, сударь, если Скапен вас обманывает, так я тут ни при чем, я знать ничего не знаю.

Аргант. Мы разберем это дело, негодяй, разберем! Я не позволю втирать мне очки.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Жеронт.

Жеронт. Ах, господин Аргант, у меня такое несчастье!

Аргант. И у меня тоже большое горе, господин Жеронт.

Жеронт. Мошенник Скапен обманом вытянул у меня пятьсот экю.

Аргант. Тот же мошенник Скапен и тоже обманом нагрел меня на двести пистолей.

Жеронт. Мало того, что выманил пятьсот экю, он меня еще так угостил, что рассказывать совестно. Ну да он за это поплатится!

Аргант. Пускай ответит, как он посмел сыграть со мной такую шутку!

Жеронт. Я хочу его наказать примерно!

Сильвестр *(в сторону).* Дай только бог, чтобы мне за все это не попало!

Жеронт. Но это еще не все, господин Аргант: одна беда пришла — жди и другую. Сегодня я питал надежду увидеть дочь, единственное мое утешение, и вдруг узнаю от моего доверенного, что она давно уже уехала из Тарента. Думают, что корабль потонул и она погибла.

Аргант. Да зачем же вы оставили дочь в Таренте? Для чего лишили себя радости всегда видеть ее перед собой?

Жеронт. На то были свои причины: семейные обстоятельства заставили меня скрывать мой второй брак... Но кого я вижу!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Нерина.

Жеронт. А, это ты, кормилица?

Нерина *(бросаясь на колени перед Жеронтом).* Ах, господин Пандольф!..

Жеронт. Ты это брось, зови меня Жеронтом. Мне больше незачем называться тем именем, которое я носил у вас в Таренте.

Нерина. Ах, сударь, сколько хлопот и волнений было нам с этой переменой имени, когда мы вас искали здесь!

Жеронт. Где же мои дочь и жена?

Нерина. Дочь ваша недалеко отсюда. Только, прежде чем вы ее увидите, я должна выпросить у вас прощение: ведь я, оставшись с ней без всякой помощи и не зная, где вас искать, выдала ее замуж.

Жеронт. Моя дочь замужем?

Нерина. Да, сударь.

Жеронт. За кем же?

Нерина. За молодым человеком, которого зовут Октавом,— он сын господина Арганта.

Жеронт. Боже мой.

Аргант. Какое необыкновенное совпадение!

Жеронт. Веди же нас, веди скорее к ней!

Нерина. Вам остается только войти в этот дом.

Жеронт. Ступай вперед. Идемте, идемте, господин Аргант!

Сильвестр *(один).* Вот уж, можно сказать, удивительный случай!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сильвестр, Скапен.

Скапен. Ну, Сильвестр, что у наших делается?

Сильвестр. Я тебе сообщу две новости. Во-первых, дело Октава улажено, наша Гиацинта оказалась дочерью господина Жеронта, случай помог тому, что задумали благоразумные родители. А во-вторых, оба старика грозятся с тобой разделаться, особенно господин Жеронт.

Скапен. Это пустяки. Угрозы мне не повредят, авось тучу пронесет мимо.

Сильвестр. Смотри, как бы сыновья не помирились с отцами, попадешь тогда впросак.

Скапен. Не беспокойся, уж я сумею их умилостивить...

Сильвестр. Беги скорей! Вон они идут.

Скапен убегает.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Сильвестр, Жеронт, Аргант, Гиацинта, Зербинетта, Нерина.

Жеронт. Ну, дочь моя, подойди ко мне! Я был бы совершенно счастлив, ежели бы и матушка твоя была здесь.

Аргант. А вот как раз и Октав.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Октав.

Аргант. Иди, сын мой, порадуйся вместе с нами тому, как счастливо все обернулось с твоей женитьбой. Сам бог...

Октав. Нет, батюшка, на ком бы вы ни предложили мне жениться, все будет напрасно. К чему перед вами скрываться? Ведь вам уже известно, что я женат.

Аргант. Ну да, но ты не знаешь...

Октав. Я знаю все, что мне нужно знать.

Аргант. Я хочу тебе сказать, что дочь господина Жеронта...

Октав. Какое мне дело до дочери господина Жеронта!

Жеронт. Да ведь это она.

Октав *(Жеронту).* Нет, сударь, прошу меня простить: я не изменю своего решения.

Сильвестр *(Октаву).* Да послушайте...

Октав. Молчи, я ничего не желаю слушать.

Аргант *(Октаву).* Твоя жена...

Октав. Нет, батюшка, я скорей умру, чем покину любезную мою Гиацинту. Делайте что хотите, но вот та, которой я поклялся в верности. *(Переходит на противоположную сторону* *сцены и становится рядом с Гиацинтой.)* Я полюбил ее на всю жизнь, и другой жены мне не нужно.

Аргант. Да ведь ее-то тебе и отдают! Вот бестолковый! Заладил свое — и ни с места!

Гиацинта *(указывая на Жеронта).* Да, Октав, вот мой батюшка, я нашла его, и теперь всем нашим несчастьям конец.

Жеронт. Идемте ко мне, там нам будет удобнее беседовать.

Гиацинта *(указывая на Зербинетту).* Батюшка! Прошу у вас как милости: не разлучайте меня с моей милой подругой. У нее столько достоинств, что вы, верно, полюбите ее, когда узнаете ближе.

Жеронт. Ты хочешь, чтобы я взял к себе в дом возлюбленную твоего брата, которая только что наговорила мне дерзостей?

Зербинетта. Простите, сударь, я бы не стала так говорить, если бы знала, что это вы. Ведь вы мне были знакомы только понаслышке.

Жеронт. Как это — только понаслышке?

Гиацинта. Батюшка! Я ручаюсь за ее добродетель, в чувствах брата к ней нет ничего худого.

Жеронт. Вот это мило! Уж не женить ли мне сына на этой девчонке? Бог знает, кто она такая. Верно, обыкновенная потаскушка!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Леандр.

Леандр. Батюшка! Не огорчайтесь тем, что я люблю девушку бедную и незнатного происхождения. Цыгане, у которых я ее выкупил, только сейчас рассказали мне, что она дочь благородных родителей, уроженка нашего города, они ее украли четырехлетним ребенком. Вот и браслет они мне дали: он поможет нам отыскать ее семью.

Аргант. Боже! Это моя дочь, я узнал ее по браслету. Всё правда, я потерял ее четырех лет от роду.

Жеронт. Это ваша дочь?

Аргант. Да, это она, сходство во всех чертах убеждает меня.

Гиацинта. Боже, какое необычайное стечение обстоятельств!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Карл.

Карл. Ах, господа, только что произошел несчастный случай!

Жеронт. Что такое?

Карл. Бедняга Скапен...

Жеронт. Мошенник! Вот я велю его повесить!

Карл. Нет, сударь, вам не придется больше насчет этого беспокоиться. Он проходил мимо постройки, вдруг сверху упал молоток и пробил ему череп насквозь, так что мозг видно. Он умирает и просил принести его сюда, чтобы перед смертью сказать вам несколько слов.

Аргант. Где же он?

Карл. Вот его несут.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Скапен.

Скапен *(с обвязанной головой, будто он ранен; его вносят два носильщика)*. Ах, ах! Видите, господа... видите, в каком я положении! Ах! Мне не хотелось умирать, не попросив прощения у всех, кого я обидел. Ах! Господа! Прежде чем испустить последний вздох, заклинаю вас: простите меня за все, что я вам сделал, особенно вы, господин Аргант, и вы, господин Жеронт. Ах!

Аргант. Я, со своей стороны, тебя прощаю, можешь умереть спокойно.

Скапен *(Жеронту)*. Вас, господин Жеронт, я еще больше обидел... Эти палочные удары...

Жеронт. Не стоит об этом говорить, я тебя тоже прощаю.

Скапен. Такая дерзость с моей стороны эти самые палки...

Жеронт. Оставим это!

Скапен. Перед смертью совесть не дает мне покоя из-за этих палок...

Жеронт. Господи, да перестань!

Скапен. ...из-за этих злополучных палок, которыми я вас...

Жеронт. Говорят тебе, перестань, я все забыл!

Скапен. Ах, как вы добры, сударь! Но от чистого ли сердца вы прощаете мне эти палки?

Жеронт. Ну да, прощаю, замолчи только. Прощаю все — и дело с концом.

Скапен. Ах, сударь, мне много легче стало после ваших слов!

Жеронт. Ну нет, простить-то я тебя простил, только с тем условием, что ты умер.

Скапен. Как же так, сударь?

Жеронт. Если ты выздоровеешь, я от своих слов отрекусь.

Скапен. Ох, ох! Мне опять хуже!

Аргант. Уж простили бы вы его на радостях без всяких условий, господин Жеронт!

Жеронт. Так и быть.

Аргант. Идемте, отужинаем вместе и повеселимся как следует.

Скапен. А меня пусть поднесут поближе к столу, пока я еще не умер!

МНИМЫЙ БОЛЬНОЙ

КОМЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В ПЕРВОМ ПРОЛОГЕ

Флора.
Климена.
Дафна.
Тирсис — предводитель группы пастухов, влюбленный в Климену.
Дорилас — предводитель группы пастухов, влюбленный в Дафну.
Два зефира.
Пастухи и пастушки.
Пан.
Шесть фавнов.

ВО ВТОРОМ ПРОЛОГЕ

Пастушка.
Фавны и эгипаны.

В КОМЕДИИ

Арган — мнимый больной.
Белина — вторая жена Аргана.
Анжелика — дочь Аргана, влюбленная в Клеанта.
Луизон — маленькая дочка Аргана, сестра Анжелики.
Беральд — брат Аргана.
Клеант — молодой человек, влюбленный в Анжелику
Г-н Диафуарус — врач.
Тома Диафуарус — его сын, влюбленный в Анжелику.
Г-н Пургон — врач, лечащий Аргана.
Г-н Флеран — аптекарь.
Г-н де Бонфуа — нотариус.
Туанета — служанка.
Лакей.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ИНТЕРМЕДИЙ

В ПЕРВОМ ДЕЙСТВИИ

Полишинель.
Старуха.
Полицейские, поющие и танцующие.

ВО ВТОРОМ ДЕЙСТВИИ

Цыгане и цыганки, поющие и танцующие.

В ТРЕТЬЕМ ДЕЙСТВИИ

Обойщики, танцующие.
Президент собрания медиков.
Арган — бакалавр.
Доктора.
Аптекари со ступками и пестиками.
Клистироносцы.
Хирурги.

Действие происходит в Париже.

ПЕРВЫЙ ПРОЛОГ

После славных трудов и победоносных подвигов нашего августейшего монарха справедливость требует, чтобы сочинители постарались либо прославить, либо развлечь его. Это мы и попробовали сделать. Настоящий пролог представляет собой попытку прославить государя, а следующая за прологом комедия о *Мнимом больном* задумана была с целью доставить королю отдых после понесенных им благородных трудов.

Сцена представляет приятную сельскую местность.

ЭКЛОГА
С МУЗЫКОЙ И ТАНЦАМИ

Флора, Климена, Дафна, Тирсис, Дорилас, два зефира, пастухи и пастушки.

Флора

Покиньте все свои стада!
Пасту́шки, пастухи, сюда!
Бегите все ко мне, в тень молодого вяза,
Узнайте с радостью из моего рассказа:
Настала счастья черёда!
Покиньте все свои стада!
Пастушки, пастухи, сюда!
Бегите все ко мне, в тень молодого вяза.

Климена и Дафна

Не до тебя мне, пастушок:
Смотри, нас призывает Флора!

Тирсис и Дорилас

Пасту́шка, твой отказ жесток!

Тирсис

Ужель ты на любовь ответишь мне не скоро?

Дорилас

Ужели от меня блаженства час далек?

Климена
(Дафне)

Смотри, нас призывает Флора!

Тирсис и Дорилас

Скажи хоть слово мне. Ответь, молю, ответь!

Тирсис

Ужель мне век страдать без ласкового взора?

Дорилас

Могу ль надеяться тобою овладеть?

Климена
(Дафне)

Смотри, нас призывает Флора!

ПЕРВЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Пастухи и пастушки окружают Флору.

Климена

Известьем радостным каким,
Богиня, подарит твое нас появленье?

Дафна

От любопытства мы горим
Услышать это сообщенье.

Дорилас

Наш дух волнением томим.

Все

Вот-вот умрем от нетерпенья!

Флора

Внимайте же в благоговенье:
Настал желанный миг — Людовик с нами вновь,
С собой он к нам вернул утехи и любовь.
Пускай смертельный страх вас больше не тревожит:
Величием он покорил весь свет;
Теперь оружье сложит:
Врагов уж больше нет.

Все

Ах! Весть великая какая
Несется, радость предрекая!
Утехи, игры, смехи вслед за ней
И вереница ясных дней.
К нам небеса быть не могли добрей:
Ах! Весть великая какая
Несется, радость предрекая!

ВТОРОЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Пастухи и пастушки выражают в танцах свою радость и восторг.

Флора

Извлекайте из свирели
Самых сладких звуков рой:
Возвратился наш герой.
Петь его — нет выше цели.
Сто побед стяжав в бою,
Славу громкую свою
Мощной он схватил рукою,
Так устройте меж собой
Во сто крат приятней бой,
Чтоб воспеть хвалу герою!

Все

Так устроим меж собой
Во сто крат приятней бой,
Чтоб воспеть хвалу герою!

Флора

Дары из царства моего
Зефир в лесу в венки уж вяжет.
Награда ждет певца того,
Чей голос лучше нам расскажет
О том, кто выше и светлей
Всех величайших королей.

Климена

О, будь твоей, Тирси́с, награда...

Дафна

О, победи ты, Дорила́с...

Климена

Тебя любить была б я рада.

Дафна

Тебе навек я б отдалась.

Тирсис

О дорогих надежд отрада!

Дорилас

О сердцу сладостная речь!

Тирсис и Дорилас

Прекрасней где предмет? Прекрасней где награда,
Чтоб вдохновение зажечь?

Скрипки играют мотив, воодушевляющий обоих пастухов на состязание. Флора занимает место судьи у подножья дерева, два зефира становятся по сторонам. Остальные в качестве зрителей становятся по обеим сторонам сцены.

Тирсис

Когда снега, сбежав, вольются в мощь стремнины,
Напора грозного бушующей пучины
Не в силах удержать ничто:
Всё — люди, и стада, и ду́бы-исполины,
Дворцы, селенья, города, плотины —
Потоком грозным залито.
Так — но быстрей и величавей —
Стремит Людовик путь свой к славе!

ТРЕТИЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Пастухи и пастушки из группы Тирсиса под ригурнель танцуют вокруг него, выражая ему свое одобрение.

Дорилас

Когда блеск молнии ужасный мрак пронзает,
Воспламенив пожар в зловещих облаках,
Невольно трепет возникает
И в самых доблестных сердцах.
Но во главе полков внушает
Врагам Людовик больший страх!

ЧЕТВЕРТЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Пастухи и пастушки из группы Дориласа танцуют, выражая ему свое одобрение.

Тирсис

Сказанья древности, что нам известны были,
Теперь превзойдены делами чудной были,
Всю славу дней былых затмив.
Нас полубоги не прельщают:
Мы забываем древний миф,
Нас лишь Людовик восхищает.

ПЯТЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Пастухи и пастушки из группы Тирсиса выражают ему свое одобрение.

Дорилас

Возможность дали нам Людовика деянья
Поверить во все то, о чем гласят преданья
Давно исчезнувших годин.
А наших внуков ждет иное:
Им не докажут их герои,
Что столько мог свершить один.

ШЕСТОЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Пастухи и пастушки из группы Дориласа выражают ему свое одобрение.

После этого обе группы пастухов и пастушек объединяются. Появляется пан в сопровождении шести фавнов.

Пан

Довольно, пастухи, затею прекратите.
Что делать вы хотите?
Пастушеской свирели стон
Старался б выразить напрасно
То, что не смел бы Аполлон
Воспеть на лире сладкогласной.
Вы слишком на свои надеетесь усилья:
Не хватит пламени, которое вас жжет.
Вы рветесь в небеса, но восковые крылья
Уронят вас в пучину вод.

Чтоб воспевать дела отваги беспримерной,
Судьба еще певца не создала;
Нет слов, чтоб описать монарха образ верно,
Молчанье — лучшая хвала,
Которой ждут его дела.
Его иным путем, ему угодным, славьте,
Готовьте для него иное торжество,
Его величие оставьте —
Утех ищите для него.

Флора

Но хоть у вас и не хватило сил
Воспеть бессмертное величие, как надо,
Награду каждый заслужил.
Да, вас обоих ждет награда.
Стремленье важно уж одно
К тому, что гордо и прекрасно.

СЕДЬМОЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Два зефира танцуют с венками в руках, которые они потом возлагают на пастухов.

Климена и Дафна
(подавая им руки)

Стремленье важно уж одно
К тому, что гордо и прекрасно.

Тирсис и Дорилас

За смелый наш порыв как много нам дано!

Флора и Пан

Служа Людовику, не трудятся напрасно.

Обе пары влюбленных

Искать ему утех — отныне наш удел.

Флора и Пан

Блажен, кто посвятить всю жизнь ему сумел!

Все

Сливайте ж, юноши и девы,
Здесь в рощах пляски и напевы —
Так этот день нам повелел!

Пусть эхо сотни раз за нами возглашает:
Людовик выше всех, кто троны украшает.
Блажен, кто посвятить всю жизнь ему сумел!

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ОБЩИЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Фавны, пастухи и пастушки танцуют все вместе, а затем уходят, чтобы приготовиться к представлению комедии.

ВТОРОЙ ПРОЛОГ

Сцена представляет рощу.

Приятная музыка. Появляется пастушка и нежным голосом жалуется, что не может найти никакого средства против снедающего ее недуга. Несколько фавнов и эгипанов, собравшихся для своих обычных игр, замечают пастушку. Они подслушивают ее жалобы и своими плясками сопровождают их.

Жалоба пастушки

Все ваши знания — чистейшая химера,
Немудрый и тщеславный род врачей!
Не излечить меня латынью вашей всей —
Тоски моей безбрежна мера.
Увы, не смею страстный пыл
Тоски мучительной любовной
Открыть тому, кто безусловно
Меня один бы исцелил.
Не думайте придать мне сил.
В мое спасение была б напрасна вера:
Все ваши знания — чистейшая химера.
Лекарств сомнительных воздействие ценя,
Им верить в простоте невежество готово,
Но ими никогда не вылечить меня,
И может обмануть вся ваша болтовня
Лишь только Мнимого больного!
Все ваши знания — чистейшая химера,
Немудрый и тщеславный род врачей!
Не излечить меня латынью вашей всей —
Тоски моей безбрежна мера.
Все ваши знания — чистейшая химера.

Все уходят. Сцена превращается в комнату.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Арган один.

Арган *(сидя за столом, проверяет посредством жетонов счета своего аптекаря)*. Три и два — пять, и пять — десять, и десять — двадцать; три и два — пять. «Сверх того, двадцать четвертого — легонький клистирчик, подготовительный и мягчительный, чтобы размягчить, увлажнить и освежить утробу вашей милости...» Что мне нравится в моем аптекаре, господине Флеране, так это то, что его счета составлены всегда необыкновенно учтиво: «... утробу вашей милости — тридцать су». Да, господин Флеран, однако недостаточно быть учтивым, надо также быть благоразумным и не драть шкуры с больных. Тридцать су за промывательное! Слуга покорный, я с вами об этом уже говорил, в других счетах вы ставили только двадцать су, а двадцать су на языке аптекарей значит десять су; вот вам десять су. «Сверх того, в означенный день хороший очистительный клистир из наицелебнейшего средства — ревеню, розового меда и прочего, согласно рецепту, чтобы облегчить, промыть и очистить кишечник вашей милости,— тридцать су». С вашего позволения, десять су. «Сверх того, вечером означенного дня успокоительное и снотворное прохладительное питье из настоя печеночной травы, чтобы заставить вашу милость уснуть,— тридцать пять су». Ну, на это я не жалуюсь, я хорошо спал благодаря этому питью. Десять, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать су и шесть денье. «Сверх того, двадцать пятого прием превосходного лекарства, послабляющего и укрепляющего, составленного из кассии, александрийского листа и прочего, согласно предписанию господина Пургона, для прочистки и изгнания желчи у вашей милости — четыре ливра». Вы что, шутите, господин Флеран? Относитесь к больным по-человечески. Господин Пургон вам не предписывал ставить в счет четыре франка. Поставьте три ливра, сделайте милость! Двадцать и тридцать су. «Сверх того, в означенный день болеутоляющее вяжущее питье для успокоения вашей милости — тридцать су». Так, десять и пятнадцать су. «Сверх того, двадцать шестого ветрогонный клистир, чтобы удалить ветры вашей милости,— тридцать су». Десять су, господин Флеран! «Вечером повторение вышеупомянутого клистира — тридцать су». Десять су, господин Флеран! «Сверх того, двадцать седьмого отличное мочегонное, чтобы выгнать дурные соки вашей милости,— три ливра». Так, двадцать и тридцать су; очень рад, что вы стали благоразумны. «Сверх того, двадцать восьмого порция очищенной и подслащенной сыворотки, чтобы успокоить и освежить кровь вашей милости,— двадцать су». Так, десять су! «Сверх того, предохранительное и сердцеукрепляющее питье, составленное из двенадцати зернышек безоара, лимонного и гранатового сиропа и прочего, согласно предписанию,— пять ливров». Легче, легче, сделайте милость, господин Флеран; если вы так будете действовать, никто не захочет болеть, довольно с вас и четырех франков; двадцать и сорок су. Три и два — пять, и пять — десять, и десять — двадцать. Шестьдесят три ливра четыре су шесть денье. Таким образом, за этот месяц я принял одно, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь лекарств и сделал одно, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать промывательных. А в прошлом месяце было двенадцать лекарств и двадцать промывательных. Не удивительно, что я чувствую себя хуже, чем в прошлом месяце. Надо сказать господину Пургону: пусть примет меры. Эй, уберите все это! *(Видя, что никто не приходит и что в комнате нет никого из слуг.)* Никого! Сколько ни говори, меня всегда оставляют одного, никакими силами их здесь не удержишь. *(Звонит в колокольчик.)* Никто не слышит, колокольчик никуда не годится! *(Снова звонит.)* Никакого толку! *(Снова звонит.)* Оглохли... Туанета! *(Снова звонит.)* Словно бы я и не звонил. Сукина дочь! Мерзавка! *(Снова звонит.)* С ума можно сойти! *(Перестает звонить и кричит.)* Динь-динь-динь! Чертова кукла! Разве можно оставлять бедного больного одного? Динь-динь-динь! Вот несчастье-то! Динь-динь-динь! Боже мой! Ведь так и умереть недолго. Динь-динь-динь!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Арган, Туанета.

Туанета *(входя)*. Иду, иду!

Арган. Ах ты, сукина дочь! Ах ты, стерва!

Туанета *(делает вид, что ударилась головой)*. А да ну вас, какой нетерпеливый! Вы так торопите людей, что я со всего маху ударилась головой об угол.

Арган *(в бешенстве)*. Ах, злодейка!..

Туанета *(прерывает Аргана)*. Ой-ой-ой!..

Арган. Вот уже...

Туанета. Ой-ой-ой!..

Арган. ...целый час...

Туанета. Ой-ой-ой!..

Арган. ...не могу тебя дозваться...

Туанета. Ой-ой-ой!..

Арган. Молчи, мерзавка, не мешай мне ругать тебя!

Туанета. Вот еще, только этого недоставало — за то, что я так расшиблась!

Арган. Я из-за тебя глотку надорвал, стерва!

Туанета. А я из-за вас голову разбила, одно другого стоит. Как вам будет угодно, а мы квиты.

Арган. Что, негодяйка?

Туанета. Если вы будете ругаться, я буду реветь.

Арган. Оставить меня одного, злодейка!..

Туанета *(снова прерывает Аргана)*. Ой-ой-ой!..

Арган. Ты хочешь, сукина дочь...

Туанета. Ой-ой-ой!..

Арган. Значит, я не могу даже доставить себе удовольствие выругаться как следует?

Туанета. Ругайтесь вволю, сделайте одолжение.

Арган. Да ты же мне не даешь, подлюга,— каждую минуту прерываешь.

Туанета. Если вам доставляет удовольствие ругаться, то не лишайте меня удовольствия реветь: кому что. Ой-ой-ой!..

Арган. Видно, ничего с тобой не поделаешь. Убери все это, мерзавка, убери! *(Встает.)* Как подействовало мое сегодняшнее промывательное?

Туанета. Ваше промывательное?

Арган. Да. Много ли вышло желчи?

Туанета. Ну уж меня эти дела не касаются! Пусть господин Флеран сует в них свой нос — ему от этого прибыль.

Арган. Смотри, чтобы готов был отвар, а то мне скоро опять делать промывательное.

Туанета. Эти господин Флеран и господин Пургон просто издеваются над вами. Вы для них — хорошая дойная корова. Хотела бы я у них спросить, какая такая у вас болезнь, от которой вам дают столько лекарств.

Арган. Молчи, невежда! Не твое дело вмешиваться в предписания медицины. Позови мою дочь Анжелику, мне надо ей кое-что сказать.

Туанета. Вот она сама. Словно угадала ваше желание.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Анжелика.

Арган. Подойди ко мне, Анжелика. Ты пришла кстати — я хотел поговорить с тобой.

Анжелика. Я вас слушаю.

Арган. Погоди! *(Туанете.)* Подай мне палку. Я сейчас приду.

Туанета. Скорей, скорей, сударь! Господин Флеран заставляет вас трудиться!

Арган уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Туанета, Анжелика.

Анжелика. Туанета!

Туанета. Что?

Анжелика. Посмотри-ка на меня.

Туанета. Смотрю.

Анжелика. Туанета!

Туанета. Ну что «Туанета»?

Анжелика. Ты не догадываешься, о чем я хочу с тобой говорить?

Туанета. Подозреваю: наверно, о нашем молодом влюбленном. Вот уже шесть дней, как мы с вами только о нем и беседуем. Вам становится просто не по себе, когда разговор переходит на другой предмет.

Анжелика. Раз ты это знаешь, отчего же ты первая не заговариваешь? И почему ты не избавляешь меня от необходимости наводить тебя на этот разговор?

Туанета. Да я не успеваю: вы обнаруживаете такое рвение, что за вами не угонишься.

Анжелика. Признаюсь, мне никогда не надоест говорить с тобой о нем, мое сердце пользуется каждым мгновением, чтобы открыться тебе. Но скажи, Туанета, разве ты осуждаешь мою склонность к нему?

Туанета. Нисколько.

Анжелика. Разве я дурно поступаю, отдаваясь этим сладостным чувствам?

Туанета. Я этого не говорю.

Анжелика. Неужели ты хотела бы, чтобы я оставалась нечувствительной к нежным излияниям пылкой его страсти?

Туанета. Сохрани меня бог!

Анжелика. Скажи, пожалуйста: разве ты со мной не согласна, что в случайной и неожиданной нашей встрече было некое указание свыше, было что-то роковое?

Туанета. Согласна.

Анжелика. Тебе не кажется, что вступиться за меня, совсем меня не зная,— это поступок истинно благородного человека?

Туанета. Кажется.

Анжелика. Что нельзя было поступить великодушнее?

Туанета. Верно.

Анжелика. И что все это вышло у него прелестно?

Туанета. О да!

Анжелика. Ты не находишь, Туанета, что он хорошо сложен?

Туанета. Без сомнения.

Анжелика. Что он необыкновенно хорош собой?

Туанета. Конечно.

Анжелика. Что во всех его словах, во всех его поступках есть что-то благородное?

Туанета. Совершенно верно.

Анжелика. Что когда он говорит со мной, все его речи дышат страстью?

Туанета. Истинная правда.

Анжелика. И что нет ничего несноснее надзора, под которым меня держат и который мешает всем нежным проявлениям взаимной склонности, внушенной нам самим небом?

Туанета. Вы правы.

Анжелика. Но, милая Туанета, ты думаешь, он действительно меня любит?

Туанета. Гм! Гм! Это еще надо проверить. В любви притворство очень похоже на правду, мне случалось видеть отличных актеров.

Анжелика. Ах, что ты, Туанета! Неужели это возможно, чтобы он — и вдруг говорил неправду?

Туанета. Во всяком случае, вы скоро это узнаете: ведь он написал вам вчера, что собирается просить вашей руки,—

ну так это и есть самый короткий путь, чтобы узнать, правду он вам говорит или нет. Это будет лучшее доказательство.

Анжелика. Ах, Туанета, если он меня обманет, я больше не поверю ни одному мужчине!

Туанета. Вот ваш батюшка.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Арган.

Арган. Ну, дочь моя, я сообщу тебе такую новость, которой ты, наверно, не ожидаешь. Просят твоей руки... Что это значит? Ты смеешься? Да, правда, свадьба — слово веселое. Для девушек нет ничего забавнее. О природа, природа! Я вижу, дочь моя, что мне, в сущности, нечего спрашивать тебя, желаешь ли ты выйти замуж.

Анжелика. Я, батюшка, должна повиноваться во всем, что вам угодно будет мне приказать.

Арган. Отрадно иметь такую послушную дочь. Итак, вопрос решен: я дал согласие.

Анжелика. Мне надлежит, батюшка, беспрекословно исполнять все ваши желания.

Арган. Моей жене, твоей мачехе, хотелось, чтобы я отдал тебя и твою сестрицу Луизон в монастырь, она мне твердила об этом беспрестанно.

Туанета *(в сторону)*. У голубушки есть на это свои причины.

Арган. Она ни за что не хотела соглашаться на этот брак, но я настоял на своем и дал слово.

Анжелика. Ах, батюшка, как я вам благодарна за вашу доброту.

Туанета *(Аргану)*. Честное слово, я вас очень за это одобряю: умнее этого вы за всю жизнь ничего не сделали.

Арган. Я еще не видел твоего жениха, но мне говорили, что и я буду доволен, и ты тоже.

Анжелика. Конечно, батюшка.

Арган. Как! Ты его видела?

Анжелика. Ваше согласие позволяет мне перед вами открыться, я притворяться не стану: шесть дней назад мы случайно познакомились, и предложение, которое вам сделали, есть следствие взаимного влечения, возникшего у нас с первого взгляда.

Арган. Мне ничего об этом не говорили, но я очень рад — тем лучше, если дело обстоит таким образом. Говорят, что это статный юноша, хорошо сложенный.

Анжелика. Да, батюшка.

Арган. Хорошего роста.

Анжелика. Несомненно.

Арган. Приятной наружности.

Анжелика. Разумеется.

Арган. У него славное лицо.

Анжелика. Очень славное.

Арган. Он человек воспитанный, благородного происхождения.

Анжелика. Вполне.

Арган. Очень порядочный.

Анжелика. Другого такого не найдешь в целом свете.

Арган. Свободно изъясняется по-гречески и по-латыни.

Анжелика. Вот этого я не знаю.

Арган. И через несколько дней получит докторский диплом.

Анжелика. Он, батюшка?

Арган. Да. Разве он не говорил тебе?

Анжелика. Право, нет. А кто вам сказал?

Арган. Господин Пургон.

Анжелика. Разве господин Пургон знает его?

Арган. Вот еще новости! Как же он может не знать его, раз молодой человек его племянник?

Анжелика. Клеант — племянник господина Пургона?

Арган. Какой Клеант? Мы говорим о том, кого тебе сватают.

Анжелика. Ну да!

Арган. Так вот, это племянник господина Пургона, сын его шурина доктора Диафуаруса, и зовут его Томá Диафуарус, а вовсе не Клеант. Мы порешили насчет этого брака сегодня утром: господин Пургон, господин Флеран и я, а завтра отец приведет ко мне моего будущего зятя... Что такое? Ты, кажется, изумлена?

Анжелика. Да, батюшка. Я думала, вы говорите об одном человеке, а оказалось, это совсем другой.

Туанета. Как, сударь! Неужели вам могла прийти в голову такая нелепость? Неужели при вашем богатстве вы отдадите дочь за какого-то лекаря?

Арган. Отдам. А ты что вмешиваешься не в свое дело, бесстыдница, мерзавка?

Туанета. Потише, потише! Вы прежде всего начинаете ругаться. Неужели нельзя разговаривать спокойно? Давайте все обсудим хладнокровно. Скажите на милость, почему вы склоняетесь на этот брак?

Арган. Потому что я, чувствуя себя больным и немощным, хочу, чтобы мой зять и его родня были докторами, чтобы они мне помогали, чтобы источники лекарств, которые мне нужны, необходимые мне консультации и назначения врачей находились в лоне моей семьи.

Туанета. Вот так причина! И до чего же приятно, когда люди так спокойно обмениваются мнениями! Но, сударь, положа руку на сердце, разве вы в самом деле больны?

Арган. Как, негодяйка! Ты еще спрашиваешь, болен ли я, бессовестная?

Туанета. Ну, хорошо, сударь, вы больны, не будем об этом спорить. Да, вы больны, я согласна, и даже серьезнее, чем вы думаете,— это правда. Но дочка-то ваша должна выйти замуж не для вас, а для себя, и она-то ведь не больна, так зачем же ей врач?

Арган. Врач нужен мне, а каждая послушная дочь должна быть счастлива, что выходит замуж за человека, который может быть полезен ее отцу.

Туанета. По чести, сударь, хотите, я вам дам дружеский совет?

Арган. Какой такой совет?

Туанета. Забудьте об этом браке.

Арган. Почему?

Туанета. Потому что ваша дочь ни за что на него не согласится.

Арган. Ни за что не согласится?

Туанета. Да.

Арган. Моя дочь?

Туанета. Да, ваша дочь. Она скажет вам, что ей нет дела ни до господина Диафуаруса, ни до его сына Тома Диафуаруса, ни до всех Диафуарусов на свете.

Арган. Но мне-то есть до них дело, не говоря уже о том, что этот брак очень даже выгоден. У господина Диафуаруса есть только один сын, его единственный наследник. Кроме того, господин Пургон, у которого нет ни жены, ни детей, отдает ему по случаю этого брака все свое состояние, а у господина Пургона добрых восемь тысяч ливров дохода.

Туанета. Верно, он много людей уморил, если так разбогател.

Арган. Восемь тысяч ливров дохода — это уже кое-что, не считая состояния его отца.

Туанета. Сударь, все это прекрасно, но вернемся к нашему разговору. Между нами говоря, я советую вам приискать дочери другого мужа: она господину Диафуарусу не пара.

Арган. А я хочу, чтобы она за него вышла!

Туанета. Ай, да перестаньте говорить такие вещи!

Арган. Как! Чтобы я перестал говорить?

Туанета. Ну да!

Арган. А почему мне нельзя это говорить?

Туанета. Скажут, что вы не думаете о том, что говорите.

Арган. Пусть говорят, что хотят, а я скажу, что желаю, чтобы она поступила так, как я обещал.

Туанета. А я уверена, что она этого не сделает.

Арган. Я ее заставлю.

Туанета. А я вам говорю, что она этого не сделает.

Арган. Сделает, не то я отдам ее в монастырь.

Туанета. Вы отдадите?

Арган. Я.

Туанета. Ладно!

Арган. Что «ладно»?

Туанета. Вы не отдадите ее в монастырь.

Арган. Я не отдам ее в монастырь?

Туанета. Нет.

Арган. Нет?

Туанета. Нет.

Арган. Вот это забавно! Я не отдам свою дочь в монастырь, если захочу?

Туанета. Нет, я вам говорю.

Арган. Кто же мне помешает?

Туанета. Вы сами.

Арган. Я сам?

Туанета. Да. У вас не хватит духу.

Арган. Хватит.

Туанета. Вы шутите.

Арган. Вовсе не шучу.

Туанета. В вас заговорит отцовская любовь.

Арган. И не подумает заговорить.

Туанета. Одна-две слезинки, нежное объятие, «папочка, милый папочка», произнесенное нежным голосом,— этого будет достаточно, чтобы вас растрогать.

Арган. На меня это не подействует.

Туанета. Подействует!

Арган. Я тебе говорю, что я от своего не отступлюсь.

Туанета. Пустяки!

Арган. Не смей говорить — «пустяки»!

Туанета. Ведь я знаю вас: вы от природы человек добрый.

Арган *(в сердцах)*. Вовсе я не добрый и могу быть очень даже злым, если захочу!

Туанета. Тише, сударь! Не забывайте, что вы больны.

Арган. Я ей приказываю выйти замуж за того, кого я ей назначил.

Туанета. А я ей приказываю за него не выходить.

Арган. Да что же это такое? Негодная служанка смеет так разговаривать со своим господином!

Туанета. Когда господин не думает о том, что делает, здравомыслящая служанка вправе его образумить.

Арган *(бежит за Туанетой)*. Ах, нахалка! Я тебя убью!

Туанета *(убегает от Аргана и ставит стул между ним и собой)*. Мой долг — помешать тому, что может вас обесчестить.

Арган *(с палкой в руке бегает за Туанетой вокруг стола)*. Погоди, погоди, я тебя научу, как со мной разговаривать!

Туанета *(бегает от него)*. Моя обязанность — не давать вам делать глупости.

Арган *(бегает за ней)*. Собака!

Туанета *(спасаясь от него)*. Нет, никогда я не соглашусь на этот брак!

Арган *(бегает за ней)*. Бездельница!

Туанета *(спасаясь от него)*. Я не хочу, чтобы она вышла за вашего Тома Диафуаруса.

Арган *(бегает за ней)*. Мерзавка!

Туанета *(спасаясь от него)*. И она послушается меня скорей, чем вас.

Арган *(останавливается)*. Анжелика! Неужели ты не можешь унять эту каналью?

Анжелика. Ах, батюшка, смотрите, как бы вы не захворали!

Арган *(Анжелике)*. Если ты ее не уймешь, я тебя прокляну!

Туанета *(уходя)*. А я лишу ее наследства, если она вас послушается.

Арган *(бросаясь на стул)*. Ах! Ах! Я больше не могу! Я сейчас умру!

Анжелика уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Арган, Белина.

Арган. Ах, жена моя, подойдите ко мне!

Белина. Что с вами, мой бедный муж?

Арган. Подите сюда, помогите мне.

Белина. Что с вами, голубчик?

Арган. Ангелочек мой!

Белина. Мой дружок!

Арган. Меня сейчас так рассердили!

Белина. Ах, бедный муженек! Как же это случилось, мой друг?

Арган. Ваша негодная Туанета стала так дерзка!

Белина. Не волнуйтесь!

Арган. Она взбесила меня, ангелочек.

Белина. Успокойтесь, ненаглядный мой.

Арган. Она битый час говорила мне наперекор.

Белина. Успокойтесь, успокойтесь!

Арган. Она имела наглость мне сказать, что я совсем здоров!

Белина. Какая дерзость!

Арган. Ведь вы-то знаете, душенька моя, как обстоит дело.

Белина. Да, мой бесценный, она ошибается.

Арган. Радость моя, эта мерзавка сведет меня в могилу!

Белина. Ну-ну! Ну-ну!

Арган. Это из-за нее у меня разливается желчь.

Белина. А вы не сердитесь так.

Арган. Я давно прошу вас ее прогнать!

Белина. Однако, мой миленький, все слуги и служанки имеют свои недостатки. Часто приходится терпеть их дурные свойства ради хороших. Туанета ловка, услужлива, проворна, а главное — она нам предана, а вы знаете, как надо теперь быть осторожным с людьми, которых нанимаешь. Эй, Туанета!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Туанета.

Туанета. Что вам угодно, сударыня?

Белина. Зачем вы сердите моего мужа?

Туанета *(вкрадчивым голосом)*. Я, сударыня? Ах, я даже не понимаю, о чем вы говорите! Я только и думаю, как бы угодить моему господину.

Арган. Ах, злодейка!

Туанета. Он сказал, что хочет отдать свою дочь за сына господина Диафуаруса. Я ответила, что это прекрасная для нее партия, но что лучше, по-моему, отдать ее в монастырь.

Белина. В этом нет ничего плохого, я нахожу, что она совершенно права.

Арган. Ах, душенька, и вы ей верите? Это такая негодяйка: она наговорила мне кучу дерзостей!

Белина. Охотно верю вам, мой друг. Успокойтесь. Послушай, Туанета: если ты будешь раздражать моего мужа, я тебя выгоню вон. Подай мне меховой плащ господина Аргана и подушки — я усажу его поудобнее в кресле... Вы за собой не следите. Надвиньте хорошенько на уши колпак: легче всего простудиться, когда уши открыты.

Арган. Ах, моя дорогая, я вам так благодарен за все ваши заботы!

Белина *(обкладывая Аргана подушками)*. Встаньте, я вам подложу подушечку. Эту мы положим так, чтобы вы могли опираться с одной стороны, а эту — с другой. Вот эту — под спину, а эту — под голову.

Туанета *(закрывает ему подушкой лицо)*. А эта пусть вас защищает от сырости! *(Убегает)*.

Арган *(вскакивает в гневе и швыряет подушку вдогонку Туанете)*. А, негодяйка, ты хочешь меня задушить!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Арган, Белина.

Белина. Ну-ну! Что такое?

Арган *(падает в кресло)*. Ох-ох-ох! Не могу больше!

Белина. Зачем же так сердиться? Она ведь хотела услужить.

Арган. Душенька! Вы не представляете себе всей подлости этой бездельницы. Она вывела меня из себя. Теперь, чтобы успокоить меня, понадобится не менее десяти лекарств и двадцати промывательных.

Белина. Ну-ну, дружочек, успокойтесь!

Арган. Дорогая моя, вы — мое единственное утешение!

Белина. Бедный мой мальчик!

Арган. Душенька моя! Чтобы вознаградить вас за вашу любовь, я хочу, как я вам уже сказал, составить завещание.

Белина. Ах, мой друг, не будем говорить об этом! При одной мысли мне становится тяжело. От одного слова «завещание» я болезненно вздрагиваю.

Арган. Я вас просил пригласить нотариуса.

Белина. Я его пригласила, он дожидается.

Арган. Позовите же его, душенька.

Белина. Ах, мой друг! Когда так сильно любишь своего мужа, то думать о подобных вещах невыносимо.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и г-н де Бонфуа.

Арган. Подойдите поближе, господин де Бонфуа, подойдите поближе! Присядьте, пожалуйста. Моя жена сказала мне, что вы человек весьма почтенный и вполне ей преданный. Вот я и поручил ей переговорить с вами относительно завещания, которое я хочу составить.

Белина. Я не в состоянии говорить о таких вещах!

Г-н де Бонфуа. Ваша супруга изложила мне, сударь, что́ вы намерены для нее сделать. Однако я должен вам сказать, что вы ничего не можете оставить по завещанию вашей жене.

Арган. Но почему же?

Г-н де Бонфуа. Обычай не позволяет. Если бы вы жили в стране писаных законов, это было бы возможно, но в Париже и в областях, где обычай всесилен, по крайней мере, в большинстве из них, этого сделать нельзя, и подобное завещание было бы признано недействительным. Самое большее, что могут сделать мужчины и женщины, связанные узами брака,— это взаимный дар при жизни, да и это еще только в том случае, если у обоих супругов или же у одного из них не окажется детей в момент смерти того, кто первый умрет.

Арган. Вот нелепый обычай! Чтобы муж ничего не мог оставить жене, нежно его любящей и положившей на него так много забот! Я хотел бы посоветоваться с моим адвокатом, чтобы выяснить, что тут можно сделать.

Г-н де Бонфуа. Надо обращаться не к адвокатам, так как они обычно на этот счет очень строги и полагают, что обойти закон — это ужасное преступление. Они любят создавать всякие трудности и не понимают, что такое сделки с совестью. Лучше посоветоваться с другими людьми, более покладистыми, знающими способы незаметно обойти существующие установления и придать законный вид тому, что недозволено, умеющими устранять всякие затруднения и изобретать хитроумные способы нарушения обычаев. Без этого что бы с нами было? Всегда нужно облегчать ход дела, иначе мы не могли бы работать и я бы давным-давно бросил свою профессию.

Арган. Моя жена говорила мне, сударь, что вы очень искусный и почтенный человек. Будьте добры, скажите, что я могу сделать, чтобы передать ей мое имущество и лишить наследства моих детей?

Г-н де Бонфуа. Что вы можете сделать? Вы можете выбрать какого-нибудь близкого друга вашей жены и оставить ему формально по завещанию все, что у вас есть, а уж он потом передаст это ей. Или же вы можете выдать недвусмысленные расписки подставным кредиторам, которые в свою очередь на все эти суммы выдадут ей денежные обязательства. Наконец, вы еще при жизни можете передать ей наличные деньги или банковские векселя на предъявителя.

Белина. Боже мой, да не хлопочите вы об этом! Если с вами что-нибудь случится, мой ангел, я все равно вас не переживу.

Арган. Душенька моя!

Белина. Да, мой друг, если случится такое несчастье, что я потеряю вас...

Арган. О милая моя жена!

Белина. ...жизнь утратит для меня всякую цену...

Арган. Любовь моя!

Белина. ...и я последую за вами, чтобы вы знали, как нежно я люблю вас.

Арган. Бесценная моя, вы надрываете мне сердце! Умоляю вас, успокойтесь!

Г-н де Бонфуа *(Белине)*. Ваши слезы несвоевременны: дело еще до этого не дошло.

Белина. Ах, сударь, вы не представляете себе, что значит иметь нежно любимого мужа!

Арган. Об одном только я буду жалеть, умирая, мой друг, что у меня нет от вас ребенка. Господин Пургон уверял меня, что он может сделать так, чтобы у нас был ребенок.

Г-н де Бонфуа. Это еще может случиться.

Арган. Одним словом, душенька, мне надо составить завещание так, как советует господин нотариус, однако из предосторожности я хочу выдать вам на руки двадцать тысяч франков золотом, которые спрятаны в потайном шкафчике моего алькова, и два векселя на предъявителя, которые я получил от господина Дамона и господина Жеранта.

Белина. Нет-нет, мне ничего не надо! Ах!.. Сколько, вы говорите, у вас в шкафчике?

Арган. Двадцать тысяч франков, душенька.

Белина. Не говорите мне о деньгах, пожалуйста. Ах!.. А эти векселя на какую сумму?

Арган. Один, ангел мой, на четыре тысячи франков, а другой — на шесть.

Белина. Все сокровища мира, мой друг, для меня ничто, если вас не станет.

Г-н де Бонфуа *(Аргану)*. Угодно вам приступить к составлению завещания?

Арган. Да, сударь, но нам будет удобнее в моем кабинетике. Проводите меня туда, душенька, прошу вас.

Белина. Пойдемте, мой бедненький!

Арган, Белина и г-н де Бонфуа уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Анжелика, Туанета.

Туанета. Вот и нотариус тут,— я слышала, как говорили о завещании. Ваша мачеха не дремлет, и уж это, конечно, какой-нибудь заговор против ваших интересов, в который она втягивает вашего батюшку.

Анжелика. Пусть он распоряжается своим добром, как ему будет угодно, лишь бы не распоряжался моим сердцем! Ты видишь, Туанета, какая мне грозит опасность? Пожалуйста, не покидай меня в этой крайности!

Туанета. Чтобы я вас покинула? Да я лучше умру! Уж как ваша мачеха ни старается сделать меня своей наперсницей и сообщницей, нет у меня к ней никакого расположения, я всегда была на вашей стороне. Предоставьте мне только действовать, уж я сделаю все, чтобы услужить вам. Но чтобы услужить вам по-настоящему, я притворюсь перебежчицей: скрою свою привязанность к вам и сделаю вид, будто во всем сочувствую вашему батюшке и вашей мачехе.

Анжелика. Умоляю тебя: постарайся известить Клеанта, что меня сватают за другого.

Туанета. Могу поручить это только одному человеку — старому ростовщику Полишинелю, который в меня влюблен. Это будет стоить мне нескольких нежных слов,— ради вас я пойду на это охотно. Сегодня уже слишком поздно, но завтра рано утром я пошлю за ним, и он будет в восторге, что...

Белина *(за сценой)*. Туанета!

Туанета *(Анжелике)*. Меня зовут. Прощайте. Положитесь на меня.

ПЕРВАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Сцена превращается в город.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Полишинель приходит ночью, чтобы спеть серенаду своей возлюбленной. Сначала ему мешают скрипачи, на которых он сердится, потом ночной дозор, состоящий из музыкантов и танцоров.

Полишинель. О любовь, любовь, любовь, любовь! Бедный Полишинель! Какую дурацкую фантазию вбил ты себе в башку! Чем ты занимаешься, несчастный безумец! Ты забросил свое ремесло, и дела твои идут из рук вон плохо. Ты не ешь, почти не пьешь, утратил сон и покой, и все из-за кого? Из-за змеи, настоящей змеи, из-за чертовки, которая водит тебя за нос и издевается над всем, что ты ей говоришь. Но тут уж рассуждать не приходится. Ты хочешь этого, любовь,— и я вынужден безумствовать, подобно стольким другим! Конечно, это не очень-то легко для человека моих лет, но что поделаешь? Нельзя быть благоразумным по заказу. И старые мозги развинчиваются так же, как и молодые. Посмотрим, не смягчится ли моя тигрица от серенады. Иной раз ничто так не трогает, как серенада влюбленного перед запертой дверью его возлюбленной. *(Берет лютню.)* Вот на чем буду я себе аккомпанировать. О ночь! О милая ночь! Донеси мои любовные жалобы к ложу моей неумолимой! *(Поет.)*

Ночью и днем я тебя обожаю,
«Да» от тебя услыхать я мечтаю.
Если, жестокая, скажешь ты «нет»,
Я умру в цвете лет.
    Надежды и муки
    Сердце терзают,
    В томленье разлуки
    Часы проползают.
    Но если, мечтаньем
    О счастье дразня,
    Мои ожиданья
    Обманут меня —
Умру я, умру от тоски и страданья!

Ночью и днем я тебя обожаю,
«Да» от тебя услыхать я мечтаю.
Если, жестокая, скажешь ты «нет»,
Я умру в цвете лет.

О, если не спишь ты —
Подумай, как больно
Мне сердце язвишь ты
Игрой своевольной!
Но тщетны моленья,
Мне смерть суждена!
Свое преступленье
Признать ты должна —
И муки смягчит мне твое сожаленье.

Ночью и днем я тебя обожаю,
«Да» от тебя услыхать я мечтаю.
Если, жестокая, скажешь ты «нет»,
Я умру в цвете лет.

В окне появляется старуха.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Полишинель, старуха.

Старуха

Любезники хитрые, что взорами лживыми,
Мольбами упорными,
Речами фальшивыми
Сплетают обман,
Меня никогда не поймать вам в капкан!
По опыту знаю — вам верность чужда:
Мужчина обманет
В любви без стыда...
Безумна бедняжка, что верить вам станет.
Но взоры бездонные
Меня не пленяют,
Но вздохи влюбленные
Меня не сжигают —
В том клятву я дам!
Любовник несчастный!
Лей слезы бесплодно:
Смешон пламень страстный,
Я сердцем свободна —
Верь этим словам.
По опыту знаю — вам верность чужда:

Мужчина обманет
В любви без стыда...
Безумна бедняжка, что верить вам станет.
(Скрывается.)

За сценой слышны скрипки.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Полишинель; скрипачи за сценой.

Полишинель. Что это за дерзкая музыка прерывает мое пение?

Скрипки играют.

Эй, вы там, скрипки! Замолчите! Не мешайте мне изливать жалобы на жестокость моей непреклонной!

Скрипки играют.

Да замолчите, говорят вам! Я хочу петь!

Скрипки играют.

Довольно!

Скрипки играют.

Да что же это такое!

Скрипки играют.

Сил нет!

Скрипки играют.

Вы смеетесь надо мной!

Скрипки играют.

В ушах звенит!

Скрипки играют.

Черт бы вас побрал!

Скрипки играют.

Я в бешенстве!

Скрипки играют.

Да замолчите вы или нет?.. Слава богу, наконец-то!

Скрипки играют.

Опять?

Скрипки играют.

Чертовы скрипачи!

Скрипки играют.

Вот дурацкая музыка!

Скрипки играют.

(Поет, передразнивая скрипку.) Ла-ла-ла-ла-ла-ла!

Скрипки играют.

Ла-ла-ла-ла-ла-ла!

Скрипки играют.

Ла-ла-ла-ла-ла-ла!

Скрипки играют.

Ла-ла-ла-ла-ла-ла!

Скрипки играют.

Ла-ла-ла-ла-ла-ла!

Скрипки играют.

Право, мне это начинает нравиться! Продолжайте, любезные скрипачи, вы мне доставите этим удовольствие!

Скрипки перестают играть.

Ну продолжайте же, прошу вас! Вот верное средство заставить их замолчать. Музыканты привыкли делать не то, о чем их просят... Ну, теперь моя очередь. Перед серенадой необходима небольшая прелюдия: сыграю что-нибудь, чтобы задать себе тон. *(Берет лютню и делает вид, что играет на ней, подражая губами и языком звукам инструмента.)* План-план-план, плин-плин-плин! Плохая погода, никак не настраивается лютня. Плин-плин-плин, плин-тан-план! Струны не держат строй в такую погоду. Плин-план!.. Я слышу шум. Приставлю-ка я лютню к двери.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Полишинель; полицейские сбегаются на шум.

Полицейский *(поет)*. Кто идет? Кто идет?

Полишинель. Это еще что за черт? Или теперь в моде говорить под музыку?

Полицейский. Кто идет? Кто идет? Кто идет?

Полишинель *(в испуге)*. Я, я, я!

Полицейский. Кто идет? Кто идет? Отвечай!

Полишинель. Отвечаю: я, я, я!

Полицейский. Кто же ты? Кто же ты?

Полишинель. Я, я, я! Я, я, я!

Полицейский. Как зовут? Как зовут? Говори сию минуту!

Полишинель

(притворяясь очень смелым)

Меня зовут, меня зовут:
«Убирайся к шуту!»

Полицейский

Сюда, товарищи, скорей!
Схватить зачинщика предерзостных речей!

ПЕРВЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Стража ловит Полишинеля в темноте.
Скрипки и танцы.

Полишинель

Кто идет?
Скрипки и танцы.
Что за нахалы тут шумят?
Скрипки и танцы.
Ну что же?
Скрипки и танцы.
Эй! Где весь мой штат?
Скрипки и танцы.
О смерть!
Скрипки и танцы.
О кровь!
Скрипки и танцы.
Сверну вам всем я шеи!
Скрипки и танцы.
Сюда, ко мне, мои лакеи!
Скрипки и танцы.
Эй, Баск, Пуатвен, Пикар, Шампань, Бретон!
Скрипки и танцы.
Подайте мне мой мушкетон!
Скрипки и танцы.
(Делает вид, что стреляет.)
Пу!

Полицейские падают, потом встают и разбегаются.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Полишинель один.

Полишинель. Ха-ха-ха-ха! Здорово я их напугал! Вот дураки: боятся меня, между тем как я сам их боюсь! Право, все дело в том, чтобы ловко изворачиваться. Если бы я сразу не изобразил из себя важного господина и не прикинулся храбрецом, они бы меня непременно сцапали. Ха-ха-ха!

Полицейские приближаются и, услышав его слова, хватают его за воротник.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Полишинель, полицейские.

Полицейские
(хватают Полишинеля и поют)

Ага! Попался наконец!
Сюда, товарищи! Эй, света, фонарей!

Сбегается весь ночной дозор с фонарями.

Полицейские

Так это ты, негодный ты наглец?
Бездельник, висельник, нахал, подлец, мошенник,
Плут, жулик, негодяй, мерзавец, вор, изменник!
Ты смеешь нас пугать, болван?

Полишинель

Простите, господа, я пьян.

Полицейские

Нет-нет-нет, без рассуждений!
Надо дать урок ему.
Эй, в тюрьму его, в тюрьму!

Полишинель

Господа, но я не вор!

Полицейские

Нет, в тюрьму!

Полишинель

Я почтенный гражданин!

Полицейские

Нет, в тюрьму!

Полишинель

Что я сделал?

Полицейские

Нет, в тюрьму!

Полишинель

Отпустите, господа!

Полицейские

Нет!

Полишинель

Я прошу вас!

Полицейские

Нет и нет!

Полишинель

Э, да что вы?

Полицейские

Нет и нет!

Полишинель

Ради бога!

Полицейские

Нет и нет!

Полишинель

Господа!

Полицейские

Нет-нет-нет-нет!

Полишинель

Отпустите!

Полицейские

Нет и нет!

Полишинель

Пощадите!

Полицейские

Нет-нет-нет!

Полишинель

Умоляю!

Полицейские

Нет и нет!

Полишинель

Заклинаю!

Полицейские

Нет и нет!

Полишинель

Ради неба!

Полицейские

Нет и нет!

Полишинель

Я прошу о снисхожденье!

Полицейские

Нет-нет-нет, без рассуждений!
Надо дать урок ему.
Эй, в тюрьму его, в тюрьму!

Полишинель. Ах, господа, неужели ничто не может смягчить ваши сердца?

Полицейские

О нет, добры мы по природе,
Растрогать нас легко, в нас человечность есть!
На водку дайте нам хотя б червонцев шесть —
И будете сейчас же на свободе.

Полишинель. Увы, господа, уверяю вас, у меня с собой ни гроша.

Полицейские

Ну, если в деньгах недостаток,
Так что б избрали вы охотней:
Ударов палочных десяток
Иль просто в лоб щелчков полсотни?

Полишинель. Если уж так необходимо и без этого не обойдешься, я выбираю щелчки.

Полицейские

Приготовься, подходи
Да точнее счет веди!

ВТОРОЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Танцующие полицейские в такт щелкают Полишинеля.

Полишинель. Раз и два, три-четыре, пять и шесть, семь и восемь, девять-десять, одиннадцать — двенадцать, и тринадцать, и четырнадцать, и пятнадцать...

Полицейские

Эй, со счета не сбивать!
Начинайте-ка опять!

Полишинель. Ах, господа, моя бедная голова больше не выдержит, вы превратили ее в печеное яблоко! Лучше уж палочные удары, чем опять щелчки.

Полицейские

Ну что ж, когда тебе приятней палка —
Пожалуйста, ведь нам не жалко!

ТРЕТИЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Танцующие полицейские в такт бьют Полишинеля палками.

Полишинель. Раз, два, три, четыре, пять, шесть... Ай-ай-ай! Больше не выдержу! Вот вам шесть червонцев, получите!

Полицейские

Ах, славный человек! Вот в ком геройство есть!
Синьор Полишинель, синьор, имеем честь!..

Полишинель

Спокойной ночи вам, примите пожеланья...

Полицейские

Синьор Полишинель, синьор, имеем честь!..

Полишинель

Всегда готов служить...

Полицейские

Синьор Полишинель, синьор, имеем честь!

Полишинель

Слуга ваш...

Полицейские

Синьор Полишинель, синьор, имеем честь!..

Полишинель

До свиданья!

ЧЕТВЕРТЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Полицейские танцуют, выражая радость, что получили деньги. Сцена превращается в комнату Аргана.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клеант, Туанета.

Туанета *(не узнает Клеанта)*. Что вам угодно, сударь?

Клеант. Что мне угодно?

Туанета. Ах, это вы! Вот неожиданно! Зачем вы пришли?

Клеант. Узнать мою судьбу, поговорить с любезной Анжеликой, увериться в ее чувствах и спросить о ее решении по поводу того рокового брака, о котором меня известили.

Туанета. Да, но нельзя же так, с места в карьер говорить с Анжеликой: надо действовать тайно. Вам же сказали, что за ней следят, никуда ее не пускают, не позволяют ни с кем разговаривать. Ведь это только случайно, благодаря тетке, охотнице до представлений, нам удалось попасть в театр, где и зародилась ваша страсть. Мы даже никому не сказали об этом приключении.

Клеант. Потому-то я и пришел сюда не как Клеант, влюбленный в Анжелику, а как друг ее учителя пения, который позволил мне сказать, что он посылает меня вместо себя.

Туанета. Вот ее батюшка. Выйдите на минутку, я скажу ему, что вы здесь.

Клеант уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Туанета, Арган.

Арган *(думая, что он один, и не замечая Туанеты)*. Господин Пургон велел мне по утрам ходить по комнате двенадцать раз взад и вперед. Вот только я забыл спросить его, как надо ходить — вдоль или поперек.

Туанета. Сударь! Тут к вам...

Арган. Не ори, дрянь ты этакая! У меня сделается сотрясение мозга! Тебе мало заботы, что с больными так громко не разговаривают.

Туанета. Я хотела сказать, сударь...

Арган. Тише, говорят тебе!

Туанета. Сударь!.. *(Делает вид, что говорит.)*

Арган. Что?

Туанета. Я говорю... *(Опять делает вид, что говорит.)*

Арган. Что ты говоришь?

Туанета *(громко)*. Я говорю, там один человек хочет вас видеть!

Арган. Пусть войдет.

Туанета делает знак Клеанту войти.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Клеант.

Клеант. Сударь...

Туанета. Не говорите так громко, не то у господина Аргана сделается сотрясение мозга.

Клеант. Сударь! Я очень рад, что вижу вас на ногах и что вы чувствуете себя лучше.

Туанета *(с притворным гневом)*. Как это так «лучше»? Неправда! Господин Арган всегда чувствует себя плохо.

Клеант. А я слышал, что господину Аргану лучше, и я нахожу, что вид у него хороший!

Туанета. Хороший, по-вашему? Очень плохой. Только какие-то нахалы могли вам сказать, что ему лучше. Ему никогда не было так плохо, как сейчас.

Арган. Она совершенно права.

Туанета. Он ходит, спит, ест и пьет, как все люди, но тем не менее он очень болен.

Арган. Это верно.

Клеант. Сударь, я в отчаянии! Я пришел к вам по просьбе учителя пения вашей дочери: ему пришлось уехать на несколько дней в деревню, и он попросил меня, как своего близкого друга, продолжать с ней уроки — он боится, что в случае перерыва она забудет все, что уже выучила.

Арган. Очень хорошо. *(Туанете.)* Позови Анжелику.

Туанета. Не лучше ли, сударь, провести господина учителя к ней в комнату?

Арган. Нет. Пусть она придет сюда.

Туанета. Но он не сможет заниматься с нею как следует, если они не будут одни.

Арган. Ничего, ничего!

Туанета. Сударь! Это только растревожит вас, а ведь вас никак нельзя волновать в таком состоянии: всякое сотрясение вредно для вашего мозга.

Арган. Нисколько, нисколько: я люблю музыку и буду очень рад... А, вот и она! *(Туанете.)* Поди узнай, оделась ли моя жена.

Туанета уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арган, Клеант, Анжелика.

Арган. Поди сюда, дочь моя. Твой учитель пения уехал в деревню, а вот молодой человек, которого он прислал вместо себя, чтобы с тобой заниматься.

Анжелика *(узнает Клеанта)*. О небо!

Арган. Что такое? Почему ты так изумлена?

Анжелика. Дело в том...

Арган. Что тебя так поражает?

Анжелика. Тут, батюшка, удивительное совпадение...

Арган. Какое?

Анжелика. Мне сегодня приснилось, будто мне грозит великая опасность, и вдруг я вижу человека, похожего как две капли воды на этого господина. Я бросаюсь к нему с просьбой о помощи, и он спасает меня. Судите же сами, каково было мое удивление, когда я наяву увидела того, кто мне снился всю ночь.

Клеант. Счастлив тот, кто наяву или во сне занимает ваши мысли, и для меня было бы блаженством, если бы вы сочли меня достойным избавить вас от опасности, потому что нет ничего на свете, чего я не сделал бы ради...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Туанета.

Туанета *(Аргану)*. Право, сударь, я теперь на вашей стороне и отказываюсь от всего, что говорила вчера. К вам пришли с визитом господин Диафуарус-отец и господин Диафуарус-сын. Какой у вас будет прекрасный зять! Вы сейчас увидите такого красавчика, такого умницу! Он успел сказать всего два слова и уже привел меня в восторг! И ваша дочь тоже будет им очарована.

Арган *(Клеанту, который делает вид, что хочет уйти)*. Не уходите, сударь. Дело в том, что я выдаю замуж мою дочь, и вот сейчас к ней пришел жених, а она его никогда еще не видела.

Клеант. Ваше желание, сударь, чтобы я присутствовал при таком приятном свидании,— это большая честь для меня.

Арган. Он сын известного врача. Свадьба состоится через четыре дня.

Клеант. Очень приятно.

Арган. Передайте это учителю пения, пусть он тоже придет на свадьбу.

Клеант. Непременно.

Арган. Вас также милости прошу.

Клеант. Чрезвычайно признателен.

Туанета. Посторонитесь! Вот они.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, г-н Диафуарус, Томá Диафуарус и лакеи.

Арган *(прикладывая руку к своему колпаку, но не снимая его)*. Господин Пургон, сударь, запретил мне обнажать голову. Вы сами медики и должны понимать, как это может быть опасно.

Г-н Диафуарус. Наши посещения во всех случаях должны приносить только пользу, а не вред.

Арган и г-н Диафуарус говорят одновременно.

Арган. Я принимаю, сударь...

Г-н Диафуарус. Мы пришли к вам, сударь...

Арган. ...с превеликим удовольствием...

Г-н Диафуарус. ...мой сын Тома́ и я...

Арган. ... ту честь, которую вы мне оказываете...

Г-н Диафуарус. ... засвидетельствовать вам, сударь...

Арган. ... и желал бы...

Г-н Диафуарус. ... ту радость...

Арган. ...иметь возможность посетить вас...

Г-н Диафуарус. ...которую вы нам доставляете тем, что оказываете нам честь...

Арган. ...чтобы уверить вас в этом...

Г-н Диафуарус. ...изъявляя желание нас принять...

Арган. ...но вы знаете, сударь...

Г-н Диафуарус. ...в лоно вашей досточтимой...

Арган. ...что такое бедный больной...

Г-н Диафуарус. ...сударь, семьи...

Арган. ...которому остается только...

Г-н Диафуарус. ...и уверить вас...

Арган. ...сказать вам...

Г-н Диафуарус. ...что в любом деле, которое будет зависеть от нашей профессии...

Арган. ...что он будет постоянно искать случая...

Г-н Диафуарус. ...а также и во всех прочих...

Арган. ...доказать вам, сударь...

Г-н Диафуарус. ...мы будем всегда готовы, сударь...

Арган. ...что он весь к вашим услугам!

Г-н Диафуарус. ...выказать наше усердие. *(Сыну.)* Ну, Тома, подойди засвидетельствуй свое почтение.

Тома Диафуарус *(г-ну Диафуарусу)*. Начинать-то с отца?

Г-н Диафуарус. С отца.

Тома Диафуарус *(Аргану)*. Сударь! Я пришел сюда, чтобы в вашем лице приветствовать, признать, полюбить и почтить второго отца, и притом такого второго отца, которому, смею сказать, я более обязан, чем первому. Первый произвел меня на свет, вы же меня избрали. Он принял меня в силу необходимости, вы же приняли меня по собственному желанию. То, что я получил от него,— это творение его плоти, то же, что я получил от вас, есть творение вашей воли. И чем духовные свойства выше телесных, тем более обязан я вам и тем драгоценнее для меня наша будущая родственная связь, ради которой я и пришел сегодня, дабы заранее выразить вам мои искреннейшие и почтительнейшие чувства.

Туанета. Да здравствует школа, из которой выходят такие искусники!

Тома Диафуарус *(г-ну Диафуарусу)*. Я хорошо говорил, батюшка?

Г-н Диафуарус. *Optime*[1].

Арган *(Анжелике)*. Поздоровайся с господином Диафуарусом.

Тома Диафуарус. Мне можно ее поцеловать?

Г-н Диафуарус. Можно, можно.

Тома Диафуарус *(Анжелике)*. Сударыня! Небо справедливо нарекло вас второй матерью прекрасной девицы, ибо...

Арган. Это не жена моя, а дочь.

Тома Диафуарус. Где же ваша супруга?

Арган. Она сейчас придет.

Тома Диафуарус. Мне подождать ее прихода, батюшка?

Г-н Диафуарус. Нет, приветствуй пока невесту.

Тома Диафуарус. Сударыня! Подобно тому как статуя Мемнона издавала гармоничный звук, когда солнечные лучи озаряли ее, так и я преисполняюсь сладостного восторга, когда восходит солнце вашей красоты. И подобно тому как, по словам естествоиспытателей, цветок, именуемый гелиотропом, неизменно обращает лицо свое к дневному свету, так и сердце мое будет отныне всегда обращаться к лучезарным светочам обожаемых очей ваших, как к своему единственному полюсу. Дозвольте же мне, сударыня, возложить сегодня на алтарь ваших прелестей в виде жертвоприношения мое сердце, которое мечтает только об одном счастье: на всю жизнь, сударыня, стать вашим смиреннейшим, покорнейшим и преданнейшим слугой и супругом.

Туанета. Вот что значит наука! До чего же красно говорят ученые люди!

Арган *(Клеанту)*. Ну? Что вы на это скажете?

Клеант. Скажу, что это замечательно. Если господин Диафуарус такой же хороший врач, как и оратор, то быть его пациентом — одно удовольствие.

---

[1] Отлично *(лат.)*.

Туанета. Еще бы! Это просто чудо, если он так же прекрасно лечит, как и говорит.

Арган. Скорей сюда мое кресло и стулья всем гостям!

Лакеи приносят кресло и стулья.

Ты садись сюда, дочка. *(Г-ну Диафуарусу.)* Вы видите, сударь, что все в восторге от вашего сына. Это большое для вас счастье — быть отцом такого юноши.

Г-н Диафуарус. Могу смело сказать, сударь, и не потому, что я его отец: я имею основание быть им довольным, и все, кто его знает, находят, что он добрый юноша. Правда, он никогда не отличался ни пламенным воображением, ни блестящим умом, как некоторые другие юноши, но именно поэтому я ожидал, что у него непременно разовьется рассудительность — качество, необходимое в нашем деле. Он никогда не был резвым и бойким ребенком. Он всегда был кроток, спокоен, молчалив, никогда ни с кем не разговаривал и не играл в так называемые детские игры. Его еле-еле научили читать: в девять лет он толком не знал азбуки. «Ничего,— думал я,— деревья, которые поздно цветут, приносят наилучшие плоды. Чертить на мраморе гораздо труднее, чем на песке, но то, что на нем начертано, сохраняется несравненно дольше. Так и здесь: неспособность к ученью, вялость воображения — все это признак будущего здравомыслия». Когда я отдал его в школу, ему нелегко было учиться, но он мужественно боролся с трудностями, и его наставники всегда хвалили его за прилежание и усидчивость. В конце концов, в поте лица своего, он с честью получил степень, и я могу сказать, не хвастаясь, что в течение двух лет ни один кандидат не отличался на диспутах так, как он. Он на всех навел страх, не проходит ни одного заседания, на котором бы он с пеной у рта не защищал противоположного мнения. Он тверд в споре, непоколебим в своих взглядах, никогда не меняет своих суждений и отстаивает то или иное положение, пользуясь всеми изворотами логики. Но особенно нравится мне в нем то, что, по моему примеру, он слепо верит нашим древним учителям и не желает даже слушать о так называемых открытиях нашего века касательно кровообращения и о прочем тому подобном.

Тома Диафуарус *(вынимает из кармана длинный свиток и подает Анжелике)*. Против последователей теории кровообращения я написал сей трактат, который, с позволения вашего батюшки, я осмеливаюсь поднести вам, сударыня, как почтительное приношение первых плодов моего разумения.

Анжелика. Сударь! Для меня это совершенно бесполезная вещь, я ведь в этом ничего не понимаю.

Туанета *(берет свиток)*. Давайте, давайте, это нам пригодится: повесим на стену вместо картины.

Тома Диафуарус *(кланяется Аргану)*. Позвольте мне также, с разрешения вашего батюшки, доставить вам развлечение и пригласить вас, сударыня, на вскрытие женского трупа, которое состоится на днях,— я буду там давать объяснения.

Туанета. Нечего сказать, приятное развлечение! Обыкновенно люди водят своих возлюбленных в театр, но показать вскрытие трупа — это, конечно, гораздо более светское удовольствие.

Г-н Диафуарус. Затем, что касается до свойств, необходимых для супружества и для продолжения рода, то уверяю вас, что, по данным медицины, он всеми ими обладает в полной мере. Способность деторождения у него отлично развита, и темперамент у него как раз такой, какой требуется, чтобы потомство было вполне здоровым.

Арган. А вы не имеете намерения, сударь, представить его ко двору и там выхлопотать ему место врача?

Г-н Диафуарус. По правде говоря, должность врача, состоящего при великих мира сего, никогда не привлекала меня; мне всегда казалось, что лучше всего для нас, грешных, держаться простых смертных. С ними куда легче. Вы ни перед кем не отвечаете за свои действия: надо только следовать правилам науки, не заботясь о том, что из этого получается. А с великими мира сего это очень хлопотливо: когда они заболевают, они непременно хотят, чтобы врач вылечил их.

Туанета. Вот забавно! Какие чудаки! Хотят, чтобы ваш брат, доктор, их вылечивал! Но ведь вы совсем не для этого при них состоите! Ваше дело — получать от них вознаграждение и прописывать им лекарства, а уж они пускай сами выздоравливают как умеют.

Г-н Диафуарус. Это верно. Мы должны только соблюдать правила.

Арган *(Клеанту)*. Сударь! Пусть дочь моя что-нибудь споет гостям.

Клеант. Я ждал ваших приказаний, сударь. Чтобы развлечь общество, я решил спеть с вашей дочерью одну сцену из новой оперы. *(Анжелике, подавая ей ноты.)* Вот ваша партия.

Анжелика. Моя партия?

Клеант *(Анжелике, тихо)*. Пожалуйста, не отказывайтесь. Дайте мне возможность объяснить вам, что́ это за сцена, которую мы будем с вами петь. *(Громко.)* Голос у меня неважный, но на это хватит. Надеюсь, господа, вы меня извините: ведь я буду петь только для госпожи Анжелики.

Арган. А стихи хорошие?

Клеант. Это, в сущности, маленькая импровизация. Вы услышите размеренную прозу, нечто вроде вольных стихов, какие страсть и необходимость могут вложить в уста двух лиц, которые говорят о том, что их волнует, и при этом без всякой подготовки.

Арган. Прекрасно. Послушаем.

Клеант. Вот содержание сцены. Один пастух был поглощен приятным зрелищем, как вдруг его внимание привлек шум, раздавшийся поблизости. Он оборачивается и видит, что какой-то грубиян оскорбляет пастушку. Пастух тотчас же становится на защиту того пола, перед которым должны преклоняться все мужчины; затем, наказав грубияна за дерзость, он подходит к пастушке и видит, что из чудных очей этой молодой девушки струятся дивные слезы. «Ах,— сказал он себе,— возможно ли оскорблять такое прелестное существо? Кто тот бесчеловечный, тот варвар, которого не тронули бы ее слезы?» Он пытается остановить эти слезы, которые кажутся ему такими прекрасными, а любезная пастушка в это время старается отблагодарить его за небольшую услугу, и она делает это так очаровательно, так нежно и страстно, что пастух не в силах сопротивляться, и каждое ее слово, каждый взгляд — это пламенная стрела, пронзающая его сердце. «Что может быть достойно,— думает он,— таких милых слов благодарности? Какой услуги не оказал бы всякий, какой опасности не подверг бы он себя с радостью, чтобы только вызвать на мгновение трогательные чувства такой ласковой и признательной души?» Зрелище более не привлекает его, но он жалеет, что оно слишком кратко, потому что конец зрелища разлучает его с обожаемой пастушкой. И с первого же мига встречи, с первого взгляда в его сердце вселяется бурная страсть, какая обычно созревает лишь в течение долгих лет. Он уже ощущает всю боль разлуки, он уже страдает, не видя той, которую видел так мало. Он делает все возможное, чтобы еще раз увидеть ту, о ком днем и ночью лелеет сладостное воспоминание, но ему мешает неволя, в которой живет его пастушка. Сила страсти заставляет его решиться просить руки обожаемой красавицы, без которой он уже не может жить. Он ухитряется переслать ей записку и получает от нее согласие. Но в то же время его предупреждают, что отец красавицы хочет выдать ее за другого и что скоро должна состояться свадьба. Посудите сами, какой это жестокий удар для сердца бедного пастуха! Он охвачен смертельной тоской, он не может представить себе без ужаса, что его любимая находится в объятиях другого. Его любовь, доведенная до отчаяния, подсказывает ему средство проникнуть в дом пастушки, чтобы узнать о ее чувствах и услышать от нее приговор, которому он должен будет подчиниться. Там он наблюдает за приготовлениями к тому, что так страшит его. Он видит, как приходит его недостойный соперник, которого отцовская прихоть сделала помехой его любви. Он видит, как торжествует этот смешной соперник подле любезной пастушки, словно победа уже за ним. Все это рождает в нем гнев, с которым он едва может совладать. Он бросает горестные взгляды на ту, которую обожает: его уважение к ней и присутствие ее отца позволяют ему объясняться только взглядами. Но в конце концов порыв страсти преодолевает все препятствия, и он произносит такие слова. *(Поет.)*

Филида милая, страданий слишком много!
Молчанья разорвем мучительную сеть.
Откройте сердце мне, скажите, ради бога,
Жить мне иль умереть?

Анжелика
(поет)

Вы видите, Тирсис, как грустно мне, как больно!
Перед супружеством немилым я дрожу,
Вздыхаю, как и вы, в тоске на вас гляжу.
Сказала я — довольно!

Арган. Ого! Я и не думал, что у меня дочка такая искусница: так и распевает с листа без ошибки.

Клеант

Филида нежная! Ужели
Невыразимое судил мне счастье рок
И в вашем сердце уголок
Вы дать Тирсису захотели?

Анжелика

В моем отчаянье я скромность преступлю:
Да-да, Тирсис, я вас люблю!

Клеант

О, что за слово! Дивный миг!
Но верно ль я его постиг?
Скажите вновь его, чтоб отогнать сомненье.

Анжелика

Да-да, Тирсис, я вас люблю!

Клеант

Еще, молю!

Анжелика

Я вас люблю!

Клеант

Еще, еще сто раз, не зная утомленья!

Анжелика

Я вас люблю, я вас люблю!
Да-да, Тирсис, я вас люблю!

Клеант

Вы, боги, вы, цари, властители вселенной,
На мир у ног своих глядящие надменно,—
Все ваше счастие сравнится ли с моим?
Филидой я любим!
Но мысль одна страшней всего:
С отчаяньем соперника я вижу...

Анжелика

Ах, я его смертельно ненавижу!
Мне пытка, как и вам, присутствие его.

Клеант

Что, если вас отец к замужеству принудит?

Анжелика

Скорее я умру,
Но этого не будет!
Скорее я умру, скорей умру!

Арган. А что говорит на это отец?

Клеант. Ничего не говорит.

Арган. Ну и дурак же этот отец: терпит такие глупости и ничего не говорит!

Клеант
(продолжает петь)

Любовь моя...

Арган. Нет-нет, довольно! Эта комедия подает очень дурной пример. Пастух Тирсис — нахал, а пастушка Филида — бесстыдница, раз она так говорит при отце. *(Анжелике.)* Покажи-ка мне ноты! Стой, стой, а где же слова, которые ты пела? Здесь только ноты.

Клеант. Разве вы не знаете, сударь, что недавно открыли способ писать слова нотными знаками?

Арган. Хорошо, хорошо. Будьте здоровы, сударь. До свиданья! Мы прекрасно обошлись бы и без вашей нелепой оперы.

Клеант. Я думал вас развлечь.

Арган. Глупости не развлекают... А вот и моя жена!

Клеант уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Арган, Анжелика, Туанета, г-н Диафуарус,
Тома Диафуарус, Белина.

Арган. Душенька! Вот сын господина Диафуаруса.

Тома Диафуарус. Сударыня! Небо справедливо нарекло вас второй матерью прекрасной девицы, ибо на лице вашем...

Белина. Сударь! Я в восторге, что имею честь видеть вас у себя.

Тома Диафуарус. ...ибо на лице вашем... ибо на лице вашем... Сударыня! Вы прервали меня на полуслове, и это меня сбило.

Г-н Диафуарус. Доскажешь в другой раз, Тома.

Арган. Я жалею, душа моя, что вас сейчас здесь не было.

Туанета. Ах, сударыня, вы много потеряли! Тут был и второй отец, и статуя Мемнона, и цветок, именуемый гелиотропом.

Арган. Ну, дочь моя, дай руку твоему нареченному и поклянись ему в верности, как твоему будущему мужу.

Анжелика. Батюшка!

Арган. Что «батюшка»? Что это значит?

Анжелика. Умоляю вас, не торопитесь! Дайте нам, по крайней мере, узнать друг друга. Пусть у нас возникнет взаимная склонность, которая так необходима для заключения счастливого союза.

Тома Диафуарус. Что касается меня, сударыня, то во мне она уже возникла, мне нечего дольше ждать.

Анжелика. Если вы так спешите, сударь, то я зато более медлительна. Признаюсь, ваши достоинства еще не произвели на меня достаточно сильного впечатления.

Арган. Ладно, ладно, это еще успеется, когда вы поженитесь.

Анжелика. Ах, батюшка, прошу вас, повремените! Брак — это такая цепь, которую нельзя налагать на сердце насильно, и, если господин Диафуарус — благородный человек, он, конечно, не согласится на брак с девушкой, которую отдают за него против ее воли.

Тома Диафуарус. *Nego consequentiam* [1], сударыня. Я отлично могу быть благородным человеком и все-таки с благодарностью принять вас из рук вашего батюшки.

Анжелика. Насилие — дурной способ заставить полюбить себя.

Тома Диафуарус. Нам известно из книг, сударыня, что у древних существовал обычай насильно увозить невест из родительского дома, чтобы невесты не думали, что они по своей доброй воле попадают в объятия мужчин.

Анжелика. То были древние, сударь, а мы — люди современные. В наш век притворство не нужно, и, если брак нам по душе, мы отлично выходим замуж без всякого принуждения. Потерпите немного; если вы любите меня, сударь, вы должны желать всего, чего желаю и я.

Тома Диафуарус. Да, сударыня, но постольку, поскольку это не вредит интересам моей любви.

Анжелика. Однако высшее доказательство любви — это подчинение воле того, кого любишь.

Тома Диафуарус. *Distinguo* [2], сударыня. В том, что не касается обладания любимым существом,— *concedo* [3], но в том, что касается,— *nego* [4].

Туанета *(Анжелике)*. Спорить бесполезно. Господин Диафуарус только что со школьной скамьи, вам за ним все равно не угнаться. И чего вы так упорствуете и отказываетесь от чести принадлежать к медицинскому сословию?

---

[1] Не вижу в ваших словах никакой последовательности *(лат.)*.

[2] Тут надо различать *(лат.)*.

[3] Согласен *(лат.)*.

[4] Возражаю *(лат.)*.

Белина. Не увлечена ли она кем-нибудь?

Анжелика. Если б я и увлеклась, сударыня, то, уж во всяком случае, не потеряла бы ни ума, ни чести.

Арган. Хорошенькую же роль я во всем этом играю!

Белина. На вашем месте, родной мой, я бы не стала принуждать ее выходить замуж. Уж я знаю, что бы я сделала.

Анжелика. Я знаю, сударыня, что вы хотите сказать, я знаю вашу доброту ко мне, но все же боюсь, что ваш совет будет не очень удачен.

Белина. Конечно, такие разумные и добродетельные девицы, как вы, презирают повиновение и покорность воле отца. Это в старину...

Анжелика. Долг дочери имеет свои пределы, сударыня; ни разум, ни законы не требуют от нас, чтобы мы распространяли его решительно на все.

Белина. Другими словами, вы только и думаете что о замужестве, но вы желаете выбрать себе супруга по своему вкусу.

Анжелика. Если батюшка не хочет выдать меня замуж за того, кто мне нравится, то я буду умолять его, по крайней мере, не принуждать меня выходить за того, кого я не могу полюбить.

Арган. Я, господа, прошу у вас за все это прощения!

Анжелика. У каждого вступающего в брак есть свои цели. Так как я хочу иметь мужа только для того, чтобы любить его по-настоящему и быть верной ему до гроба, то, признаюсь вам, я отношусь к этому с некоторой осторожностью. Есть такие особы, которые выходят замуж только для того, чтобы избавиться от родительского гнета и получить возможность делать все, что им вздумается. Есть и такие, сударыня, которые смотрят на замужество как на чисто коммерческое предприятие, которые выходят замуж только в надежде на наследство, в надежде, что они разбогатеют, когда супруг умрет. Они без зазрения совести перебегают от одного мужа к другому, чтобы завладеть их наследством. Вот такие особы, по правде говоря, не очень разборчивы, им все равно, за кого выйти замуж.

Белина. Вы сегодня очень красноречивы. Мне только хотелось бы знать, что вы хотите всем этим сказать?

Анжелика. Я, сударыня? Что же я могу хотеть сказать, кроме того, что говорю?

Белина. Вы так глупы, душенька, просто невозможно!

Анжелика. Вам хочется, сударыня, вызвать меня на какую-нибудь дерзость, но я вас предупреждаю, что вы этого удовольствия не получите.

Белина. С вашей наглостью ничто не может сравниться.

Анжелика. Нет, сударыня, что бы вы ни говорили.

Белина. В вас столько нелепой гордости и глупейшей самонадеянности, что только руками разведешь.

Анжелика. Всем этим вы ничего не достигнете, сударыня. Наперекор вам я останусь благоразумной, а чтобы отнять у вас всякую надежду добиться того, чего вам хочется, я избавлю вас от своего присутствия. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Арган, Туанета, г-н Диафуарус, Тома Диафуарус, Белина.

Арган *(вдогонку Анжелике)*. Слушай, ты! Выбирай одно из двух: или ты через четыре дня выйдешь за него замуж, или отправишься в монастырь. *(Белине.)* Не огорчайтесь, я ее приберу к рукам.

Белина. Мне жаль вас оставлять, деточка, но у меня неотложное дело в городе. Я скоро вернусь.

Арган. Идите, душенька. Да зайдите к вашему нотариусу: пусть он устроит то, о чем мы говорили.

Белина. Прощайте, дружочек мой!

Арган. Прощайте, моя милочка!

Белина уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Арган, Туанета, г-н Диафуарус, Тома Диафуарус.

Арган. Вот эта женщина меня любит... просто на удивление!

Г-н Диафуарус. Разрешите откланяться, сударь.

Арган. Скажите, доктор, как вы меня находите?

Г-н Диафуарус *(щупая Аргану пульс)*. Тома! Возьми другую руку господина Аргана: посмотрим, как ты умеешь разбираться в пульсе. Quid dicis? [1]

Тома Диафуарус. Dico [2], что пульс господина Аргана — это пульс человека больного.

---

[1] Что скажешь? *(лат.)*

[2] Скажу... *(лат.)*

Г-н Диафуарус. Хорошо.

Тома Диафуарус. Пульс жестковатенький, чтобы не сказать — жесткий.

Г-н Диафуарус. Очень хорошо.

Тома Диафуарус. Непостоянный.

Г-н Диафуарус. Bene[1].

Тома Диафуарус. И даже немного скачущий.

Г-н Диафуарус. Optime.

Тома Диафуарус. Что означает расстройство спланической паренхимы, то есть селезенки.

Г-н Диафуарус. Прекрасно.

Арган. Нет, господин Пургон говорит, что у меня больная печень.

Г-н Диафуарус. Ну да. Говоря «паренхима», мы разумеем и то и другое, так как между ними осуществляется тесная связь посредством vas breve[2], желудочного прохода и желчных протоков. Он вам, наверно, предписывает есть побольше жареного?

Арган. Нет, только вареное.

Г-н Диафуарус. Ну да, жареное или вареное — это одно и то же. Он вас лечит прекрасно, вы находитесь в хороших руках.

Арган. Доктор! А сколько крупинок соли нужно класть, когда ешь яйцо?

Г-н Диафуарус. Шесть, восемь, десять — чтобы всегда было четное число, а в лекарствах — всегда нечетные числа.

Арган. До свиданья, сударь!

Г-н Диафуарус и Тома Диафуарус уходят. Туанета провожает их.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Арган, Белина.

Белина. Деточка! Я зашла к вам перед уходом, чтобы сообщить вам об одной вещи, на которую вы должны обратить внимание. Проходя мимо комнаты Анжелики, я увидела у нее молодого человека, и как только он меня заметил, так сейчас же убежал.

Арган. Молодой человек у моей дочери?

---

[1] Хорошо *(лат.)*.

[2] Малого сосуда *(лат.)*.

Белина. Да. Ваша маленькая Луизон была там же, она может вам все рассказать.

Арган. Пошлите ее ко мне, душенька, пошлите ее ко мне! *(Один.)* Ах, бесстыдница! Теперь мне понятно ее упорство.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Арган, Луизон.

Луизон. Что вам угодно, папочка? Мамаша сказала, что вы меня спрашивали.

Арган. Да. Поди-ка сюда. Поближе. Повернись. Подними глаза. Посмотри на меня. Ну?

Луизон. Что, папочка?

Арган. Да ну же!

Луизон. Что?

Арган. Тебе ничего не надо мне сказать?

Луизон. Если вам угодно, я, чтобы вас позабавить, расскажу вам сказку про ослиную кожу или прочту басню о вороне и лисице, которую я недавно выучила.

Арган. Это мне не нужно.

Луизон. А что же?

Арган. Плутовка! Ты отлично знаешь, что я хочу сказать!

Луизон. Простите, папенька.

Арган. Так-то ты слушаешься меня?

Луизон. А что?

Арган. Разве я тебе не велел рассказывать мне обо всем, что бы ты ни увидела?

Луизон. Да, папочка.

Арган. А ты исполнила это?

Луизон. Да, папочка. Я всегда рассказывала вам обо всем, что видела.

Арган. А сегодня ты ничего не видела?

Луизон. Ничего, папочка.

Арган. Ничего?

Луизон. Ничего, папочка.

Арган. Наверно?

Луизон. Наверно.

Арган. Вот как? Ну так я тебе кое-что покажу.

Луизон *(видя, что Арган берет пучок розог)*. Ай, папочка!

Арган. Ага, лгунья, ты не пожелала рассказать мне о том, что видела мужчину в комнате твоей сестры?

Луизон *(плача)*. Папочка!

Арган *(берет ее за руку)*. Я тебя отучу врать!

Луизон *(бросается на колени)*. Ах, папочка, простите! Сестрица велела ничего вам не говорить, но я вам все расскажу.

Арган. Сначала я тебя высеку за то, что ты солгала. А там посмотрим.

Луизон. Простите, папочка!

Арган. Нет-нет.

Луизон. Милый папочка, не секите меня!

Арган. Непременно высеку.

Луизон. Ради бога, папочка, не секите!

Арган *(замахивается)*. Ну-ну!

Луизон. Ах, папочка, вы меня ранили! Погодите, я умираю. *(Притворяется мертвой.)*

Арган. Ай! Что такое? Луизон, Луизон! Ах, боже мой! Луизон! Ах, дочь моя! Ах, я несчастный! Моя бедная дочь умерла! Что я наделал! Проклятые розги! Черт бы их побрал! Ах, бедная девочка, моя бедная Луизон!

Луизон. Ну-ну, папочка, не плачьте так: я еще не совсем умерла.

Арган. Какова плутовка! Ну ладно, на этот раз я тебя прощаю, но ты должна мне все, все говорить.

Луизон. О да, папочка!

Арган. Смотри, говори правду. Мой мизинчик все знает и скажет мне, если ты солжешь.

Луизон. Папочка! Только вы сестрице не говорите, что я вам сказала.

Арган. Нет-нет.

Луизон *(посмотрев сначала, не подслушивает ли кто-нибудь)*. Ну вот, папочка: к сестрице в комнату приходил мужчина, когда я там была.

Арган. И что же?

Луизон. Я у него спросила, что ему надо, а он сказал, что он ее учитель пения.

Арган *(в сторону)*. Так-так. Вот оно что! *(К Луизон.)* Ну и что же?

Луизон. Потом пришла сестрица.

Арган. Ну и что же?

Луизон. Она сказала ему: «Уходите, уходите, уходите! Боже мой, уходите! Что мне с вами делать?»

Арган. Ну и что же?

Луизон. А он не хотел уходить.

Арган. Что же он ей говорил?

Луизон. Много разных вещей.

Арган. Ну? Еще что?

Луизон. Он говорил ей и то и се, и что он очень ее любит, и что она красивее всех на свете.

Арган. А потом?

Луизон. А потом он стал перед ней на колени.

Арган. А потом?

Луизон. А потом начал целовать ей руки.

Арган. А потом?

Луизон. А потом к двери подошла мамаша, и он убежал.

Арган. И больше ничего не было?

Луизон. Ничего, папочка.

Арган. Однако мой мизинчик что-то шепчет. *(Подносит мизинец к уху.)* Постой! Что? Ого! Да? Ой-ой! Мой мизинчик говорит мне, что ты видела что-то такое, чего не хочешь мне рассказать.

Луизон. Значит, папочка, ваш мизинчик — лгун.

Арган. Смотри!

Луизон. Нет, папочка, не верьте ему: честное слово, он лгун.

Арган. Ну ладно, ладно, увидим. Ступай, да замечай все хорошенько. Ступай! *(Один.)* Ну и дети пошли! Ах, сколько забот! Даже о своей болезни подумать некогда. Право, у меня больше сил нет. *(Падает в кресло.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Арган, Беральд.

Беральд. Ну, братец, как дела? Как вы себя чувствуете?

Арган. Ах, братец, очень плохо!

Беральд. Как — очень плохо?

Арган. Да, у меня ужасная слабость.

Беральд. Как это неприятно!

Арган. У меня даже сил нет говорить.

Беральд. А я пришел, братец, предложить вам хорошую партию для моей племянницы Анжелики.

Арган *(с раздражением, встав с кресла)*. Не говорите мне, братец, об этой негоднице! Это негодяйка, нахалка, бесстыдница, которую я самое позднее через два дня отправлю в монастырь.

Беральд. Вот это хорошо! Я очень рад, что силы к вам понемногу возвращаются и мое посещение пошло вам на пользу. Ладно, мы поговорим о деле потом. А сейчас я хочу предложить вам одно развлечение: надеюсь, оно рассеет вашу печаль, и вы придете в расположение духа более благоприятное для того дела, о котором я собираюсь с вами говорить. Когда я шел к вам, мне встретились цыгане, одетые маврами, они танцуют и поют. Я уверен, что это доставит вам удовольствие и принесет не меньше пользы, чем рецепты господина Пургона. Идемте!

ВТОРАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Брат Мнимого больного, чтобы развлечь его, приводит к нему цыган и цыганок, одетых маврами; они поют и танцуют.

Первая цыганка

Пользуйся весной
Жизни молодой.
Юность быстролетная!
Счастьем наслаждайся,
Вся любви отдайся,
Юность беззаботная!
Все наслажденья света,
Что мы встречаем на пути,
Не могут счастьем расцвести,
Когда душа любовью не согрета.
Пользуйся весной
Жизни молодой,
Юность быстролетная!
Счастьем наслаждайся,
Вся любви отдайся,
Юность беззаботная!
Не теряйте счастливых минут:
Красота исчезает,
Ее время стирает,
Зимний холод сменяет,
Леденит, убивает —
И без радости дни настают.
Пользуйся весной
Жизни молодой,
Юность быстролетная!
Счастьем наслаждайся,
Вся любви отдайся,
Юность беззаботная!

ПЕРВЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Цыгане и цыганки танцуют.

Вторая цыганка

К чему же размышленья эти,
Когда любовь зовет?
Она сильней всего на свете
Нас в юности влечет.
Любовь так сладостно нас манит
В расцвете юных дней,
Что спорить с ней никто не станет —
Не в силах мы: нас так и тянет
Скорей отдаться ей.
Но услыхать довольно,
Как может ранить больно
Ее опасный дар,—
И мы бежим невольно
Любви волшебных чар.

Третья цыганка

Как сладко в молодые лета
Любить того, кто мил,
Когда в ответ мы видим пыл
Любимого предмета!
Но если нам он изменил —
Ах, как ужасно это!

Четвертая цыганка

Когда любовник изменяет,
Еще невелика беда,
Но сколько злобы и стыда
Невольно нас терзает,
Коль наше сердце и тогда
Неверный сохраняет!

Вторая цыганка

Ах так на что ж решаться?
Неопытным сердцам?

Четвертая цыганка

Ужели подчиняться
Тирана власти нам?

Все вместе

О да! Признáем полновластье
Любви капризов, мук и счастья,
Томлений сладостного сна.
Хотя немало в ней мучений,
Но сколько милых наслаждений
В награду нам несет она!

ВТОРОЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Все цыгане, одетые маврами, танцуют, заставляя прыгать обезьян, которых они привели с собой. Сцена превращается в комнату Аргана.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Арган, Беральд, Туанета.

Беральд. Ну как, братец? Что скажете? Разве это не лучше приема кассии?

Туанета. Гм... Хороший прием кассии — тоже недурная штучка...

Беральд. Так вот, не пора ли нам поговорить о нашем деле?

Арган. Одну минутку, братец, я сейчас приду.

Туанета. Что ж это, сударь, вы забыли, что не можете ходить без палки?

Арган. И то правда.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Беральд, Туанета.

Туанета. Уж вы, пожалуйста, защитите вашу племянницу.

Беральд. Изо всех сил постараюсь.

Туанета. Надо непременно помешать нелепому браку, который он вбил себе в голову. Я уж думала: хорошо бы ему подсунуть какого-нибудь лекаря, который был бы за нас и сумел бы отвратить его от Пургона, доказав, что его лечение никуда не годится. Но так как у нас нет для этого подходящего человека, то придется мне самой сыграть с ним одну шутку, Беральд. Какую же?

Туанета. Выдумка забавная. Может быть, она и не очень умна, да, надеюсь, окажется удачной. Предоставьте это мне, а сами действуйте по своему усмотрению... Вот и наш голубчик. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Беральд, Арган.

Беральд. Прежде всего, братец, пожалуйста, не горячитесь во время нашего разговора...

Арган. Обещаю.

Беральд. Отвечайте без всякого гнева на то, что я намерен вам предложить...

Арган. Хорошо.

Беральд. И обсудите со мной спокойно и беспристрастно то дело, о котором я намерен вести с вами речь.

Арган. Ну ладно, ладно! Бог ты мой, какое длинное предисловие!

Беральд. Объясните мне, братец: как это при вашем богатстве, имея только одну дочь,— маленькую Луизон я не считаю,— как это вы дошли до такой мысли, чтобы отдать ее в монастырь?

Арган. Объясните мне, братец: хозяин ли я у себя дома и могу ли делать все, что мне угодно?

Беральд. Это ваша жена уговаривает вас отделаться таким образом от дочерей. Я не сомневаюсь, что из чувства милосердия она была бы очень рада, если бы они обе стали благочестивыми монахинями.

Арган. А, вот оно что! Виновата во всем оказалась моя бедная жена! Она причина всякого зла! И все против нее!

Беральд. Нет, братец, оставим ее в покое. Я согласен, что эта женщина исполнена лучших намерений по отношению к вашей семье, что она совершенно бескорыстна, что с вами она поразительно нежна, а к вашим детям выказывает из ряду вон выходящую привязанность и доброту,— все это совершенно верно. Не будем о ней говорить и вернемся к вашей дочери. Какие соображения побуждают вас отдать ее за сына лекаря?

Арган. Те соображения, братец, что мне нужен именно такой зять.

Беральд. Да, но ей-то он совсем не нужен, а у меня как раз есть другой жених, который гораздо больше ей подходит.

Арган. Да, братец, но этот гораздо более подходит мне.

Беральд. Однако, братец, человек, которого она должна выбрать себе в мужья, предназначается для нее или для вас?

Арган. И для нее, и для меня, братец. Я хочу иметь в своей семье таких людей, которые мне нужны.

Беральд. Значит, если бы ваша маленькая дочка была взрослой, вы отдали бы ее за аптекаря?

Арган. Почему же нет?

Беральд. Неужели вы всю жизнь будете возиться с докторами да аптекарями и не перестанете считать себя больным, наперекор мнению людей и самой природе?

Арган. Что вы хотите этим сказать, братец?

Беральд. Хочу сказать, что я не знаю человека, который был бы менее болен, чем вы, я хотел бы иметь такое здоровье, как у вас. Лучшим доказательством вашего здоровья и прекрасного состояния вашего организма является то, что при всем вашем старанье вы до сих пор умудрились не испортить вконец вашей здоровой натуры и не подохнуть от всех лекарств, которыми вас пичкают.

Арган. А знаете ли вы, братец, что только ими я и держусь? Господин Пургон прямо говорит, что без его забот обо мне я не прожил бы и трех дней.

Беральд. Смотрите, как бы его заботы не отправили вас на тот свет.

Арган. Поговорим, братец, серьезно. Значит, вы совсем не верите в медицину?

Беральд. Нет, братец, и не думаю, чтобы для моего блага мне следовало в нее верить.

Арган. Как! Вы не верите в истину, установленную всем миром и почитаемую на протяжении многих веков?

Беральд. Я не только далек от того, чтобы верить в нее, но считаю, что это самая большая глупость, придуманная людьми. И если посмотреть на вещи с философской точки зрения, то я не знаю худшего лицемерия и большей нелепости, чем когда один человек берется вылечить другого.

Арган. Почему же вы не допускаете, братец, чтобы один человек мог вылечить другого?

Беральд. По той причине, братец, что пружины нашего механизма — это тайна, в которой до сих пор люди никак не могут разобраться: природа опустила перед нашими глазами слишком плотные завесы, чтобы можно было через них что-либо разглядеть.

Арган. Значит, по-вашему, доктора ничего не знают?

Беральд. Знают, братец. Они знают гуманитарные науки, прекрасно говорят по-латыни, умеют назвать все болезни по-гречески, определить их и подразделить, но что касается того, чтобы вылечить их,— этого они не умеют.

Арган. Но все же нельзя не согласиться, что в этом деле доктора знают больше других.

Беральд. Они знают, братец, то, что я вам уже сказал, а это не очень-то помогает лечению. Все их преимущество заключается в звонкой галиматье да в вычурной болтовне, которая выдает нам слова за дело и обещания за помощь.

Арган. Но, в конце концов, братец, есть люди не менее умные и опытные, чем вы, и, однако, мы видим, что в болезни все они прибегают к помощи врачей.

Беральд. Это доказательство человеческой слабости, а вовсе не серьезности медицинской науки.

Арган. Но ведь ясно, что врачи верят в ее серьезность, раз они прибегают к ней сами.

Беральд. Да, потому что иные врачи разделяют общее заблуждение, из которого они извлекают пользу, а другие хоть и извлекают пользу, но сами не заблуждаются. Ваш господин Пургон, например, вполне чистосердечен: он лекарь с головы до ног, человек, который больше верит в свои правила, чем во все математические истины, и считает преступлением всякую попытку в них разобраться. Он не усматривает в медицине ничего неясного, ничего сомнительного, ничего затруднительного и со всем жаром предубеждения, со всем упорством веры, со всей прямолинейностью здравого смысла и рассудка прописывает направо и налево свои слабительные и кровопускания, ни с чем решительно не считаясь. На него нельзя даже сердиться за то зло, которое он способен причинить. Он отправит вас на тот свет, имея самые благие намерения, и уморит вас так же спокойно, как уморил свою жену и детей, да и самого себя уморил бы, если бы понадобилось.

Арган. У вас, братец, с давних пор зуб против него... Но к делу. Что же следует предпринять, когда человек заболевает?

Беральд. Ничего, братец.

Арган. Ничего?

Беральд. Ничего. Надо только оставаться спокойным. Природа сама, если ей не мешать, постепенно наводит порядок. Это только наше беспокойство, наше нетерпение все портят: люди почти всегда умирают от лекарств, а не от болезней.

Арган. Но ведь нельзя же отрицать, братец, что природе можно известным образом прийти на помощь!

Беральд. Ах, братец, это все выдумки, которыми мы любим себя тешить! Ведь во все времена у людей возникали досужие вымыслы, которым мы верим потому, что они нам приятны и нам хочется, чтобы они были истиной. Когда врач обещает помочь вашему организму, успокоить его, освободить его от того, что ему вредно, и дать то, чего ему не хватает, исцелить его, восстановить его деятельность, когда врач обещает вам очистить кровь, излечить внутренности и мозг, сократить селезенку, наладить работу легких, починить печень, укрепить сердце, сохранить нормальное количество внутреннего тепла в организме, когда он уверяет, что знает секрет продления жизни на долгие годы, он рассказывает вам медицинский роман. А как дойдет до проверки на опыте, то ничего у этого врача не выходит, и вы словно пробуждаетесь после волшебного сна с чувством досады, что всему этому поверили.

Арган. Другими словами, вся мудрость мира сосредоточена у вас в голове, и вы воображаете, что знаете больше, чем все великие врачи нашего времени?

Беральд. У ваших великих врачей слово расходится с делом. Послушать, что они говорят,— они умнейшие люди на свете, а посмотреть на деле, так они величайшие невежды.

Арган. Ого! Вы, я вижу, сами великий врач! Жаль, что здесь нет никого из докторов: они живо разбили бы все ваши доводы и заткнули вам рот.

Беральд. Братец! Я вовсе не ставлю своей задачей сражаться с медициной: пусть каждый человек на свой страх и риск верит во все, что ему вздумается. Наш разговор должен остаться между нами. Мне бы только очень хотелось вывести вас из заблуждения и ради забавы показать вам какую-нибудь комедию Мольера, затрагивающую этот предмет.

Арган. Ваш Мольер со своими комедиями — изрядный наглец! Хорош предмет для насмешек — такие почтенные люди, как доктора!

Беральд. Он осмеивает не докторов, он показывает смешные стороны медицины.

Арган. Его ли ума это дело — критиковать медицину? Этакий невежа, этакий наглец! Смеяться над советами и рецептами врачей, нападать на медицинское сословие, выводить на сцену таких достойных людей, как доктора!

Беральд. Что же ему и выводить на сцену, как не различные профессии? Выводят же там каждый день принцев и королей, которые уж, кажется, не ниже родом, чем доктора.

Арган. Черт возьми! Будь я доктор, я бы отомстил ему за его дерзость. А если бы он заболел, я бы оставил его без всякой помощи. Что бы с ним ни было, я не прописал бы ему ни одного клистиришки, ни единого кровопусканьишка, а сказал бы ему: «Подыхай, подыхай! В другой раз не будешь издеваться над медициной!»

Беральд. Однако вы на него очень сердиты!

Арган. Да, потому что он сумасброд; умные доктора непременно так с ним и поступят.

Беральд. Он окажется еще умнее ваших докторов и не обратится к ним за помощью.

Арган. Тем хуже для него, если он не прибегнет к лекарствам.

Беральд. У него есть причины отказываться от них: он уверяет, что лекарства хороши только для людей здоровых и крепких, у которых хватает сил выдержать одновременно и болезнь и лекарство; у него же самого ровно столько сил, сколько нужно, чтобы выдержать только болезнь.

Арган. Глупейшее рассуждение!.. Послушайте, братец, не будем больше говорить об этом человеке: это вызывает у меня разлитие желчи, я могу снова расхвораться.

Беральд. Пожалуйста, братец. Итак, переменим разговор. Теперь мне хочется вам сказать, что из-за упорства вашей дочери вам не следует прибегать к таким крайним мерам, как заключение ее в монастырь; при выборе зятя не должно слепо доверять своему вкусу — здесь необходимо до известной степени считаться со склонностью самой девушки, ибо дело идет о всей ее жизни, от этого зависит, будет ли она счастлива в супружестве.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и г-н Флеран с клистиром в руке.

Арган. Ах, братец, с вашего позволения...

Беральд. Как! Что вы хотите делать?

Арган. Небольшое промывательное — это очень быстро.

Беральд. Помилуйте! Неужели вы не можете побыть минутку без промывательных и без лекарств? Отложите до другого раза и посидите со мной спокойно.

Арган. Господин Флеран! Отложим до вечера или до завтрашнего утра.

Г-н Флеран *(Беральду)*. Зачем вы вмешиваетесь не в свое дело, зачем вы спорите против предписаний врача и не даете господину Аргану поставить клистир? Вы слишком много на себя берете!

Беральд. Полно, сударь! Сразу видно, что вы не привыкли иметь дело с человеческими лицами.

Г-н Флеран. Нельзя так издеваться над лечением и заставлять меня даром терять время. Я пришел сюда только потому, что получил определенное предписание, и я расскажу господину Пургону, что вы помешали исполнить его приказание и мою обязанность. Вот увидите, вот увидите... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Беральд, Арган.

Арган. Из-за вас, братец, может случиться несчастье.

Беральд. Большое несчастье — не поставить клистир, который прописал господин Пургон! Еще раз спрашиваю вас, братец: неужели нет средств вылечить вас от страсти к докторам и вы на всю жизнь так и погрязнете в их лекарствах?

Арган. Ах, братец, вы рассуждаете, как вполне здоровый человек! Будь вы на моем месте, вы бы заговорили по-иному. Легко бранить медицину, когда ты здоров как бык.

Беральд. Но какая же у вас болезнь?

Арган. Вы меня выводите из себя! Я желал бы, чтобы к вам привязалась та же болезнь, что и ко мне. Посмотрел бы я тогда, что бы вы запели... А вот и господин Пургон!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, г-н Пургон и Туанета.

Г-н Пургон. Мне сейчас рассказали, что у вас в доме творится бог знает что: оказывается, здесь смеются над моими назначениями и не желают исполнять мои предписания!

Арган. Сударь! Это не...

Г-н Пургон. Величайшая дерзость, неслыханный бунт больного против врача!

Туанета. Это ужасно!

Г-н Пургон. Клистир, который я имел удовольствие приготовить самолично...

Арган. Это не я...

Г-н Пургон. Клистир, придуманный и составленный по всем правилам науки...

Туанета. Какое безобразие!

Г-н Пургон. Клистир, который должен был произвести на внутренности чудесное действие...

Арган. Это мой брат...

Г-н Пургон. Этот клистир отвергается с презрением!

Арган *(указывая на Беральда)*. Это он...

Г-н Пургон. Чудовищный поступок!

Туанета. Совершенно верно.

Г-н Пургон. Вопиющее покушение на достоинство медицины!

Арган *(указывая на Беральда)*. Это он виноват...

Г-н Пургон. Преступление против медицинского сословия, преступление, которому нельзя придумать достаточно строгого наказания!

Туанета. Вы правы.

Г-н Пургон. Я заявляю вам, что отныне порываю с вами всякие отношения.

Арган. Но ведь это мой брат...

Г-н Пургон. ...и что я не желаю больше иметь с вами ничего общего.

Туанета. Поделом господину Аргану.

Г-н Пургон. Чтобы доказать вам, что все кончено, я разрываю дарственную, которую я составил в пользу моего племянника на случай его женитьбы. *(В бешенстве рвет бумагу на мелкие клочки.)*

Арган. Это мой брат все наделал!

Г-н Пургон. Пренебречь моим клистиром!

Арган. Велите принести, я сейчас же его поставлю.

Г-н Пургон. Еще немного — и я бы окончательно вылечил вас.

Туанета. Он этого не заслуживает.

Г-н Пургон. Я собирался прочистить ваш организм, изгнать из него дурные соки...

Арган. Ах, братец!

Г-н Пургон. И мне бы потребовалось не более дюжины лекарств, чтобы довести прочистку до конца...

Туанета. Он не стоит ваших забот.

Г-н Пургон. Но раз вы не захотели, чтобы я вас вылечил...

Арган. Да я же не виноват!

Г-н Пургон. Раз вы вышли из повиновения, которого доктор вправе требовать от своего больного...

Туанета. Это вопиет к отмщению!

Г-н Пургон. Раз вы взбунтовались против лекарств, которые я вам назначил...

Арган. Да нисколько!

Г-н Пургон. Мне остается только вам сказать, что я покидаю вас и предоставляю вам страдать от вашего дурного организма, от расстройства ваших внутренних органов, от вашей испорченной крови, от горечи вашей желчи и от застоя ваших дурных соков.

Туанета. Правильно делаете!

Арган. Боже мой!

Г-н Пургон. Желаю вам, чтобы через несколько дней вы пришли в состояние полной неизлечимости.

Арган. Помилуйте!

Г-н Пургон. Пусть у вас сделается брадипепсия...

Арган. Господин Пургон!

Г-н Пургон. После брадипепсии — диспепсия...

Арган. Господин Пургон!

Г-н Пургон. После диспепсии — апепсия...

Арган. Господин Пургон!

Г-н Пургон. После апепсии — лиентерия...

Арган. Господин Пургон!

Г-н Пургон. После лиентерии — дизентерия...

Арган. Господин Пургон!

Г-н Пургон. После дизентерии — гидропизия...

Арган. Господин Пургон!

Г-н Пургон. А после гидропизии — смерть, как следствие вашего безумия.

Г-н Пургон уходит. Туанета провожает его.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Беральд, Арган.

Арган. Ах, боже мой, я умираю! Братец! Вы погубили меня.

Беральд. Что такое? Что с вами?

Арган. Я больше не могу... Я уже чувствую, как медицина мстит за себя.

Беральд. Да вы с ума сошли, братец! Я бы дорого дал, чтобы никто не видел, что с вами происходит. Ощупайте себя, прошу вас, придите в себя и не давайте воли своему воображению.

Арган. Вы слышали, братец, какими ужасными болезнями он мне грозил?

Беральд. Какой же вы простак!

Арган. Он сказал, что через несколько дней я буду неизлечим.

Беральд. А какое это имеет значение? Оракул он, что ли? Послушать вас, так можно подумать, что господин Пургон держит в своих руках нить вашей жизни и, облеченный высшей властью, укорачивает или удлиняет ее, как ему вздумается. Поймите, что основа вашей жизни заключена в вас самих, а гнев господина Пургона столь же мало способен вас умертвить, как его лекарство — исцелить. Вот вам удобный случай, если бы вы пожелали избавиться от докторов. А уж если вы не в состоянии без них обойтись, то нетрудно, братец, найти другого доктора, с которым было бы не так опасно иметь дело.

Арган. Ах, братец, он так хорошо изучил мою натуру, так умеет с ней обращаться!

Беральд. У вас, надо сознаться, тьма предрассудков, вы очень странно смотрите на вещи.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Туанета.

Туанета *(Аргану)*. Сударь! Пришел лекарь и желает вас видеть.

Арган. Какой лекарь?

Туанета. Такой, который лечит.

Арган. Я тебя спрашиваю, кто он такой?

Туанета. Не знаю, только он похож на меня как две капли воды. Если бы я не была уверена, что моя мать честная женщина, я бы подумала, что это мой братец, которого она произвела на свет после смерти моего батюшки.

Арган. Пусть войдет.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Беральд, Арган.

Беральд. Вам повезло: один врач вас покинул, другой явился на смену.

Арган. Боюсь я, как бы из-за вас не случилось несчастья.

Беральд. Опять вы за свое!

Арган. Видите ли, у меня из головы не выходят все эти неизвестные мне болезни, эти...

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Туанета, одетая доктором.

Туанета. Разрешите, сударь, вам представиться и предложить свои услуги по части всевозможных кровопусканий и слабительных, которые могут вам понадобиться.

Арган. Я вам очень обязан, сударь. *(Беральду.)* Вылитая Туанета, честное слово!

Туанета. Прошу прощения, сударь: я забыл отдать одно распоряжение моему слуге, я сейчас возвращусь. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Беральд, Арган.

Арган. Вам не кажется, что это и есть Туанета?

Беральд. Сходство, правда, очень большое. Но такие вещи случаются, история полна примеров подобной игры природы.

Арган. Меня это очень удивляет, и...

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Туанета.

Туанета. Что вам угодно, сударь?

Арган. Что такое?

Туанета. Разве вы меня не звали?

Арган. Я? Нет!

Туанета. Верно, у меня в ушах зазвенело.

Арган. Побудь-ка здесь, я хочу посмотреть, насколько велико сходство у этого доктора с тобой.

Туанета. Да, как же, есть мне время! Я на него и так нагляделась! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Беральд, Арган.

Арган. Если бы я не видел их обоих, я подумал бы, что это одно и то же лицо.

Беральд. Мне приходилось читать удивительные вещи о подобного рода сходстве, и даже в наши дни произошел один такой случай, когда все были обмануты.

Арган. Я бы, наверно, ошибся и готов был бы присягнуть, что это одно и то же лицо.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же и Туанета, одетая доктором.

Туанета. Покорнейше прошу извинить меня, сударь.

Арган *(Беральду, тихо)*. Удивительно!

Туанета. Не сочтите, пожалуйста, за нескромность мое желание повидать такого знаменитого больного, как вы: о вас всюду идет молва, и это может послужить оправданием моей смелости.

Арган. Я к вашим услугам, сударь.

Туанета. Я замечаю, сударь, что вы пристально на меня смотрите. Как вы полагаете, сколько мне лет?

Арган. Мне кажется, самое большее лет двадцать шесть — двадцать семь.

Туанета. Ха-хах-хах-ха! Мне девяносто!

Арган. Девяносто!

Туанета. Да. Вы видите перед собой результат секретов моего искусства, которые дают мне возможность сохранять себя бодрым и свежим.

Арган. Вот это да! Прекрасный молодой старик для своих девяноста лет!

Туанета. Я странствующий доктор: переезжаю из города в город, из провинции в провинцию, из королевства в королевство и разыскиваю достойный моего дарования материал — разыскиваю заслуживающих моего внимания больных, на которых можно было бы применить все те великие и прекрасные открытия, которые я сделал в медицине. Я презираю возню с обычными ничтожными болезнями, всеми этими пустячными ревматизмами, воспалениями, всякими там лихорадочками, истериками, мигреньками. Я ищу серьезных болезней: хороших длительных горячек с мозговыми явлениями, хорошего пятнистого тифа, хорошей чумы, хорошей водяночки, хорошего плеврита с воспалением легких — вот это мне по душе, вот тут я могу развернуться вовсю. Я хотел бы, сударь, чтобы у вас были все эти болезни, которые я назвал, чтобы все доктора от вас отступились, чтобы вы утратили всякую надежду и дошли до агонии, тогда я доказал бы вам превосходство моих средств, а равно и мое желание быть вам полезным.

Арган. Я бесконечно признателен вам, сударь, за вашу доброту.

Туанета. Дайте-ка ваш пульс. Ну-ну, бейся как следует! О, я тебя приведу в порядок! Вот дерзкий пульс! Сразу видно, что он еще со мной незнаком. Кто ваш доктор?

Арган. Господин Пургон.

Туанета. В моем списке знаменитых докторов этого имени нет. Какую болезнь он у вас нашел?

Арган. Он говорит, что у меня болезнь печени, а другие думают — что селезенки.

Туанета. Все они невежды! У вас больные легкие.

Арган. Легкие?

Туанета. Да. Что вы чувствуете?

Арган. У меня время от времени болит голова.

Туанета. Ну конечно, легкие!

Арган. Иногда кажется, что глаза застилает.

Туанета. Легкие!

Арган. Иногда болит сердце.

Туанета. Легкие!

Арган. Иногда я чувствую слабость во всем теле.

Туанета. Легкие!

Арган. А иногда бывает боль в животе, как будто бы колики.

Туанета. Легкие! Аппетит у вас есть?

Арган. Есть, сударь.

Туанета. Легкие! Вы любите винцо?

Арган. Люблю, сударь.

Туанета. Легкие! Вас слегка клонит ко сну после обеда? Вам приятно бывает поспать?

Арган. Да, сударь.

Туанета. Легкие, легкие, говорят вам! Какое питание назначил вам доктор?

Арган. Он позволил мне есть суп.

Туанета. Невежда!

Арган. Домашнюю птицу.

Туанета. Невежда!

Арган. Телятину!

Туанета. Невежда!

Арган. Разные бульоны.

Туанета. Невежда!

Арган. Свежие яйца.

Туанета. Невежда!

Арган. На ночь — чернослив, для облегчения желудка.

Туанета. Невежда!

Арган. А главное, велит сильно разбавлять вино водой.

Туанета. *Ignorantus, ignoranta, ignorantum!*[1] Вы должны пить чистое вино. А для того чтобы сгустить вашу кровь, которая слишком жидка, вам надо есть жирную говядину, жирную свинину, каштаны, хороший голландский сыр, рисовую и всякую другую кашу и непременно желе, чтобы пища склеивалась и обволакивалась. Ваш доктор — олух. Я пришлю вам моего помощника, а сам, пока я здесь, в городе, буду время от времени навещать вас.

---

[1] Невежественный, невежественная, невежественное! *(искаженное лат.)*

Арган. Вы очень меня обяжете.

Туанета. На кой черт вам эта рука?

Арган. Что?

Туанета. Я бы на вашем месте сейчас же ее отрезал.

Арган. Почему?

Туанета. Разве вы не видите, что она оттягивает к себе всю пищу и мешает той стороне получать питание?

Арган. Да, но мне нужна эта рука.

Туанета. Точно так же, будь я на вашем месте, я выколол бы себе правый глаз.

Арган. Выколоть глаз?

Туанета. Разве вы не видите, что он мешает другому глазу и отнимает у него питание? Послушайте меня, выколите его как можно скорее, и тогда у вас левый глаз будет гораздо лучше видеть.

Арган. Это ведь не к спеху.

Туанета. Ну, прощайте! Мне жаль так скоро от вас уходить, но я тороплюсь на один весьма важный консилиум по поводу мужчины, который вчера умер.

Арган. Мужчины, который вчера умер?

Туанета. Да. Необходимо обсудить и решить, что надо было делать, чтобы вылечить его. До свиданья!

Арган. Больные, как вы знаете, никогда не провожают.

Туанета уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Беральд, Арган.

Беральд. Это, кажется, действительно очень хороший доктор.

Арган. Да, только уж очень он скор.

Беральд. Все великие доктора таковы.

Арган. Отрезать руку, выколоть глаз для того, чтобы другой лучше видел? Нет, уж пусть лучше он не так хорошо видит. Вот так операция, после которой сделаешься кривым и безруким!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Те же и Туанета.

Туанета *(делая вид, что с кем-то разговаривает)*. Хорошо, хорошо, покорно благодарю! Некогда мне шутки шутить.

Арган. Что там такое?

Туанета. Да вот ваш доктор хотел пощупать мне пульс.

Арган. Кто бы мог подумать: в девяносто лет!

Беральд. Ну, братец, раз господин Пургон с вами теперь в ссоре, не поговорим ли мы о том женихе, которого я имею в виду для моей племянницы?

Арган. Нет, братец. Я решил отдать ее в монастырь, раз она противится моей воле. Я прекрасно вижу, что тут завелись любовные делишки. Я проведал об одном тайном свидании, хотя никто еще не подозревает, что оно мне стало известно.

Беральд. Ну что же, братец, если даже тут и есть легкое увлечение, разве это уж так преступно? Может ли это вас опозорить, если все клонится к такому честному делу, как брак?

Арган. Как хотите, братец, а она станет монахиней — это решено.

Беральд. Вы думаете этим кому-то угодить.

Арган. Я понимаю, куда вы все клоните: моя жена не дает вам покоя.

Беральд. Да, братец, уж если говорить начистоту, так действительно я имею в виду вашу супругу. Мне так же несносно ваше помешательство на медицине, как ваша безумная любовь к этой женщине: я не могу видеть, как вы попадаете во все ловушки, которые она вам расставляет.

Туанета. Ах, сударь, не говорите так о моей госпоже! Право, о ней ничего дурного сказать нельзя: это женщина бесхитростная, и уж любит она господина Аргана, так любит... невозможно сказать, до чего любит.

Арган. Спросите у Туанеты, как она со мной ласкова...

Туанета. Истинная правда.

Арган. Как ее тревожит моя болезнь...

Туанета. В самом деле!

Арган. Какими заботами и попечениями она меня окружает.

Туанета. Все верно. *(Беральду.)* Хотите, я вам сейчас покажу, и вы сможете воочию убедиться, до чего она любит господина Аргана? *(Аргану.)* Позвольте мне, сударь, раскрыть ему глаза и рассеять его заблуждение.

Арган. Каким образом?

Туанета. Ваша жена сейчас придет сюда. Вытянитесь в кресле и притворитесь, что вы умерли. Вы увидите, как она будет горевать, когда я объявлю ей об этом.

Арган. Отлично.

Туанета. Только не давайте ей слишком долго предаваться отчаянию, а то она может умереть с горя.

Арган. Я сам знаю, что мне надо делать.

Туанета *(Беральду)*. А вы спрячьтесь пока в этот угол.

Арган. А не опасно притворяться мертвым?

Туанета. О нет! Какая же может быть в этом опасность? Скорее вытягивайтесь! *(Тихо.)* То-то посмеемся над вашим братцем!.. А вот и ваша жена. Лежите смирно.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Беральд, Арган, вытянувшийся в кресле, Туанета, Белина.

Туанета *(делает вид, что не замечает Белину)*. Ах, боже мой, вот беда! Что же это за напасть такая!

Белина. Что с тобой, Туанета?

Туанета. Ах, сударыня!

Белина. Что случилось?

Туанета. Ваш муж скончался!

Белина. Мой муж скончался?

Туанета. Увы, да! Приказал долго жить!

Белина. Наверно?

Туанета. Наверно! Об этом еще никто не знает. Я была около него одна, и он тихо испустил дух на моих руках. Вот он, вытянулся в кресле.

Белина. Слава тебе господи! Наконец-то я освободилась от этой обузы! Какая ты глупая, Туанета, что так огорчаешься!

Туанета. Я думала, сударыня, что следует поплакать.

Белина. Полно, не стоит! Подумаешь, какая потеря! Кому он был нужен? Человек, всех стеснявший, неопрятный, противный, вечно возившийся со своими клистирами и лекарствами, постоянно сморкавшийся, кашлявший, плевавший, человек глупый, надоедливый, ворчливый, всех изводивший, день и ночь ругавший служанок и лакеев!..

Туанета. Вот чудное надгробное слово!

Белина. Помоги мне, Туанета, привести в исполнение мой план,— можешь быть уверена, что без награды не останешься. Так как, по счастью, никто еще ничего не знает, перенесем его на кровать и скроем, что он умер, пока я не улажу свои дела. Я хочу захватить бумаги и деньги: было бы просто несправедливо не вознаградить себя за то, что я провела около него свои лучшие годы. Пойдем, Туанета, возьмем сначала все ключи.

Арган *(внезапно встает)*. Не торопитесь!

Белина. Ай!

Арган. А, любезная супруга, так-то вы меня любите?

Туанета. Ай-ай, покойник не умер!

Арган *(вдогонку Белине)*. Я очень рад, что узнал вашу любовь ко мне и услышал прекрасное похвальное слово, которое вы произнесли в мою честь. Это мне наука: вперед буду умнее и осмотрительнее.

Беральд *(выходит из засады)*. Ну что, братец, теперь вы убедились?

Туанета. По чести, ничего подобного я не ожидала!.. Но я слышу, идет ваша дочь. Лягте еще разок — посмотрим, как она примет весть о вашей кончине. Ее тоже не мешает проверить: раз уж вы на это пошли, то вот так вы и узнаете, какие чувства питают к вам все ваши близкие.

Беральд снова прячется.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Беральд, Арган, Туанета, Анжелика.

Туанета *(делает вид, что не замечает Анжелику)*. Ах, боже мой! Вот горе-то! Какой ужасный день!

Анжелика. Что с тобой, Туанета? О чем ты плачешь?

Туанета. Увы, я должна сообщить вам печальную весть!

Анжелика. Что такое?

Туанета. Ваш батюшка скончался.

Анжелика. Мой отец скончался, Туанета?

Туанета. Да, посмотрите сами. Он только что умер от разрыва сердца.

Анжелика. О боже! Какое несчастье! Жестокая моя судьба! Увы! Неужели я потеряла отца, единственное, что было у меня в жизни, и, к довершению всего, потеряла в ту минуту, когда он на меня гневался? Что будет со мной, несчастной? Где найду я утешение в таком великом горе?

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Те же и Клеант.

Клеант. Что с вами, прелестная Анжелика? О чем вы так плачете?

Анжелика. Увы! Я оплакиваю потерю самого дорогого и любимого существа: я оплакиваю смерть моего отца!

Клеант. О боже! Какое несчастье! Какой неожиданный удар! А ведь я только что упросил вашего дядю сделать за меня предложение и теперь явился к вашему батюшке, чтобы представиться ему лично и попытаться своими мольбами и изъявлениями своей преданности склонить его на то, чтобы вы стали моею.

Анжелика. Ах, Клеант! Не будем больше об этом говорить. Оставим все мечты о браке. После смерти отца свет потерял для меня всю свою привлекательность, я отрекаюсь от него навсегда. Да, батюшка, если раньше я прекословила вам, то теперь я исполню, по крайней мере, одно ваше желание и тем искуплю свою вину перед вами. *(Бросается на колени перед Арганом.)* Позвольте мне, батюшка, дать вам этот обет и в знак раскаянья поцеловать вас.

Арган *(встает и обнимает Анжелику)*. Ах, дочь моя!

Анжелика. Ай!

Арган. Подойди ко мне, не бойся, я не умер. Ты моя кровь и плоть, ты моя истинная дочь. Я счастлив тем, что увидел твою прекрасную душу.

Анжелика. Ах, какая радостная неожиданность!.. Батюшка! Раз, к моему великому счастью, небо возвращает вас мне, позвольте мне броситься к вашим ногам и умолять вас об одном: если вы не сочувствуете влечению моего сердца, если вы не согласны выдать меня замуж за Клеанта, то заклинаю вас — не заставляйте меня, по крайней мере, выходить за другого. Вот единственная милость, о которой я вас прошу.

Клеант *(бросается к ногам Аргана)*. Пусть наши мольбы тронут вас! Не противьтесь порыву того прекрасного чувства, которое мы испытываем друг к другу.

Беральд. Брат! Неужели вы можете перед этим устоять?

Туанета. Сударь! Неужто вас не трогает такая любовь?

Арган. Пусть он сделается доктором, тогда я соглашусь на их брак. *(Клеанту.)* Да, сделайтесь доктором — и я отдам за вас мою дочь.

Клеант. С восторгом, сударь! Если нужно только это, чтобы стать вашим зятем, я готов сделаться доктором, даже аптекарем, если вам угодно. Это пустяки, ради прелестной Анжелики я готов на все.

Беральд. А знаете, что мне пришло в голову, братец? Сделайтесь вы сами доктором! Тогда будет еще удобнее: вы найдете в самом себе все, что вам требуется.

Туанета. И то правда! Это самый лучший способ скоро вылечиться: ни одна болезнь не посмеет привязаться к доктору.

Арган. Видно, братец, вы надо мной смеетесь. Разве в моем возрасте начинают учиться?

Беральд. Вот еще — учиться! Вы и так достаточно образованны — многие доктора знают не больше вашего.

Арган. Но ведь надо уметь хорошо говорить по-латыни, распознавать болезни и знать средства от них.

Беральд. Как только получите докторскую мантию и шапочку, сразу же все узнаете и станете великим искусником.

Арган. Что? Стоит надеть мантию — и ты уже можешь рассуждать о болезнях?

Беральд. Ну да! Когда говорит человек в мантии и шапочке, всякая галиматья становится ученостью, а всякая глупость — разумной речью.

Туанета. Право, сударь, одна ваша борода уже много значит: у кого есть борода, тот уже наполовину доктор.

Клеант. Я, во всяком случае, согласен на все.

Беральд *(Аргану)*. Хотите, мы это устроим сейчас?

Арган. Как — сейчас?

Беральд. Да, сейчас, у вас в доме.

Арган. У меня в доме?

Беральд. Да. У меня есть много друзей среди медиков, они сейчас же сюда явятся и проделают эту церемонию у вас в зале. И это вам ничего не будет стоить.

Арган. Ну, а мне-то что же говорить? Что отвечать?

Беральд. Вам все объяснят в двух словах и напишут на бумаге, что вам надо будет говорить. Идите оденьтесь понаряднее, а я пошлю за ними.

Арган. Что ж, попробуем. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Беральд, Туанета, Анжелика, Клеант.

Клеант. Что все это значит? Кто эти ваши знакомые медики?

Туанета. Что вы собираетесь делать?

Беральд. Собираюсь немного позабавиться сегодня вечером. Актеры сочинили маленькую интермедию, изображающую получение докторского звания, с танцами и музыкой. Вот я и хочу, чтобы мы все ее посмотрели и чтобы мой брат исполнил в ней главную роль.

Анжелика. Однако, дядюшка, мне кажется, вы слишком уж потешаетесь над моим отцом.

Беральд. Нет, милая племянница, я хочу не столько над ним потешиться, сколько снизойти к его слабости. Это все останется между нами. Каждый из нас тоже может взять на себя какую-нибудь роль и принять участие в комедии. Во время карнавала это разрешается. Пойдем скорее и приготовим все, что нужно.

Клеант *(Анжелике)*. Вы согласны?

Анжелика. Да, если дядюшка будет нами руководить.

ТРЕТЬЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Она представляет собой шуточную церемонию присвоения докторского звания бакалавру, которого изображает Арган,— церемонию с музыкой, пением и танцами.

ПЕРВЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Являются обойщики, они украшают зал и расставляют скамьи. Затем собрание, состоящее из восьми клистироносцев, шести аптекарей, двадцати двух докторов, одного бакалавра, восьми хирургов танцующих и двух поющих, входит и занимает места согласно рангу каждого.

Президент

Вам, мудриссими доктóрес,
Медицине профессóрес,
Аткве и другим месьорес,
Истинным экзекуторес
Всех прескрипций факультатис,
Квихик ныне собиратис,—
Апотикарии, хирургиани,—
Вам, всей честной компании,—
Чести, денег за визитум,
Атква бонум аппетитум.

Коллеги! Я нон поссум сáтис
Удивлятис, восторгатис,

Квалис нам дана концессия —
Медицинская профессия
Бен тровата прекрасниссима,
Медицина иллюстриссима!

Лишь одним своим названием,
Сиречь наименованием,
Совершантур чудесорум,
Позволентур народорум
Всевозможнейших родорум,
В ус не дуя, жить годорум.

Уби сумус — мы видемус,
Сколько славы намус всемус
В целом мире: старус, малус
Видят в нас свой идеалус.
Все лекарств у нас искарунт,
Как богов нас обожарунт,
Перед нашей компетенцией
Князь и царь склонят главенции.

Эрго, нам велит сапьенция,
Здравус смыслус эт пруденция:
Не жалея сил, стараре,
Чтоб из рук не упускаре
Славу, гонор, привилегию,
Чтоб в доктриссиму коллегию
Проникать не допускаре
Лиц, достойных уважения
Эт способных занимаре
Нострум бонум положение.

Нунк, затем вы конвокати,
Чтоб в учебном докторате
Сей ученый муж, касторис
Ищет звания докторис,
Здесь пройдя экзаменацию,
Получил квалификацию.

Первый доктор

Если домине президентус
И тотус кворум извиненус,
Бакалавра эго поссум
Затруднить одним вопросом:

Кауза и резонус — кваре
Опиум фецит засыпаре?

Бакалавр

Почтенный доктор инквит: кваре
Опиум фецит засыпаре?
Респондэс на кое:
Хабет свойство такое —
    Виртус снотворус,
    Которус
Поте силу храпира
Натуру усыпира.

Хор

Бене, бене, бене, превосходно:
Дигнус он войти свободно
В костро славное сословие,
Респондендо всем условиям.

Второй доктор

С санкции домини президента
И достойниссиме факультета
Прошу у бакалавра ответа:
Какие медикаменты
И назначения какие
Подлежат гидропизии?

Бакалавр

Клистериум вставляре,
Постеа кровь пускаре,
А затем — пургаре.

Хор

Бене, бене, бене, превосходно:
Дигнус он войти свободно
В ностро славное сословие,
Респондендо всем условиям.

Третий доктор

С санкции домини президента,
Доктористими собрания
И всей ученой компании,
Бакалавра, если поссум,

Затрудню одним вопросом:
Как лечить диабетиков,
Астматиков и табетиков?

Бакалавр

Клистериум вставляре,
Постеа кровь пускаре,
А затем — пургаре.

Хор

Бене, бене, бене, превосходно:
Дигнус он войти свободно
В ностро славное сословие,
Респондендо всем условиям.

Четвертый доктор

Бакалавр силен, как немногие,
В медицине и патологии.
Да позволит мне домине президентус
И доктриссиме собрание инквире
И спросире, как поступире:
Иери пришел ко мне пациентус,
Голова у него болидит,
Бокус у него колидит,
Кум гранде трудом дышебат,
Кум пена распиребат,—
Благоволите сказаре:
Как илло поступаре?

Бакалавр

Клистериум вставляре,
Постеа кровь пускаре,
А затем — пургаре.

Хор

Бене, бене, бене, превосходно:
Дигнус он войти свободно
В ностро славное сословие,
Респондендо всем условиям.

Четвертый доктор

Бакалавр силен, как немногие,
В медицине и патологии.

Да позволит мне домине президентус
И доктриссиме собрание инквире
И спросире, как поступире:
Иери пришел ко мне пациентус,
Горячка не покидает его ни на моментус,
Голова у него болидит,
Бокус у него колидит,
Кум гранде трудом дышебат,
Кум пена распиребат,—
Благоволите сказаре:
Как илло поступаре?

Бакалавр

Клистериум вставляре,
Постеа кровь пускаре,
А затем — идем пургаре.

Пятый доктор

Но если недугус — самус
Пессимус, упрямус,
Но вульт уступаре:
Квид илло поступаре?

Бакалавр

Клистериум вставляре,
Постеа кровь пускаре,
А затем — идем пургаре.

Хор

Бене, бене, бене, превосходно:
Дигнус он войти свободно
В ностро славное сословие,
Респондендо всем условиям.

Президент

Юрас: дашь ли с сей минуты
Клятву соблюдать статуты,
Медицины все прескрипции,
Не меняя их транскрипции?

Бакалавр

Юро.

Президент

Юрас ты ин омнибус
Консультационибус
Быть того же семпер мнения,
Как и древнее учение?

Бакалавр

Юро.

Президент

Не давать пациенторум
Новых медикаменторум
И ничем не пользоватис,
Кроме средств от факультатис,
Хоть больной бы издыхантур
И совсем в ящик сыгрантур?

Бакалавр

Юро.

Президент

Это кум берето исто
Доно тиби право клинициста,
Санкциам и разрешениам
На всякого рода лечениам:
    Медиканди,
    Пурганди,
    Кровопусканди,
    Вскрыванди,
    Резанди,
    Секанди
    И убиванди
Безнаказанно всяким манером
Пер тотам террам.

ВТОРОЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Все хирурги и аптекари в такт кланяются бакалавру.

Бакалавр

Мудриссиме профессора доктрины,
Ревеню, кассии и рицины!
Было бы безумиензис,
Смешиензис и нелепиензис,

Если б я осмелибатур
Вас хвалами лаудатор,
Прибавляндо солнциусу светарис,
Небосклониусу — звездарис,
Волнам — океанус косматус,
Весне — роз ароматус.
Вместо всех словобилес,
Коллеги венерабилес,
Позвольте мне апелляре
И вобис сик сказаре:
Вы дали мне, михи, юро,
Магис, чем отец и натура:
Натурой и отцом
Я создан был человеком,
Вы ж были добрее мекум,
Сделав меня врачом,
И за это, доктриссиме кворум,
В этом сердце живут к вам, кви
Ин сэкула сэкулорум —
Чувства благодарности и любви.

Хор

Виват, виват,
Виват ему стократ!
Виват, докторус новус,
Славный краснословус!
Тысячу лет ему кушаре,
Милле аннис попиваре,
Кровь пускаре и убиваре!

ТРЕТИЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Все хирурги и аптекари танцуют под пение и музыку, бьют в ладоши и в такт стучат пестиками.

Хирурги

Да узрит он скоро
Свой рецепторум
У всех хирургорум
И апотикарум
Ходким товаром!

Хор

Виват, виват,
Виват ему стократ!

Виват, докторус новус,
Славный краснословус!
Тысячу лет ему кушаре,
Милле аннис попиваре,
Кровь пускаре и убиваре!

Хирурги

Будь за аннум анно
К нему постоянно
Судьба благосклонис
Своими донис!
Пусть не знает иных он болес,
Кроме песты, веролес,
Резис, коликас, воспалениас
И кровотечениас!

Хор

Виват, виват,
Виват ему стократ!
Виват, докторус новус,
Славный краснословус!
Тысячу лет ему кушаре,
Милле аннис попиваре,
Кровь пускаре и убиваре!

ЧЕТВЕРТЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Доктора, хирурги и аптекари торжественно уходят в том же порядке, в каком вошли.

ПРИМЕЧАНИЯ

Жан-Батист Поклен в первый раз поставил свое имя актера на договоре труппы Блистательного театра 12 сентября 1643 года; когда же через семнадцать лет впервые была напечатана его комедия («Смешные жеманницы»), то имя автора на титульном листе не значилось. Было лишь указано, что данная пьеса играна на сцене театра «Пти Бурбон».

Мольер вообще еще не публиковал своих произведений, и только сенсационный успех «Смешных жеманниц», потребовавший нескольких переизданий комедии в том же 1660 году, утвердил ее автора в сознании своего писательского дара. С этих пор его комедии одна за другой стали выходить из-под печатного станка.

В 1666 году вышло первое Собрание сочинений Мольера в двух томах (Les Oeuvres de Monsieur Molière, Paris, T. Jolly, 1666, 2 v.). Оно открывалось стихотворением «Благодарность королю», первый том содержал комедии «Смешные жеманницы», «Мнимый рогоносец», «Шалый» и «Любовная досада». Во втором же томе были напечатаны «Докучные», «Школа мужей», «Школа жен», «Критика «Школы жен».

Следующее Собрание сочинений Мольера, вышедшее в год смерти драматурга, должно было быть полным (Les Oeuvres de Monsieur Molière, Paris, C. Barbin, 1673). Но пятый том по каким-то причинам был не напечатан или задержан; таким образом в этом издании отсутствовали такие произведения, как «Тартюф», «Дон Жуан», «Скупой», «Жорж Данден».

Зато амстердамское издание сочинений Мольера, выпущенное известной фирмой Эльзевиров, восполняло эту брешь (1675). Здесь были напечатаны все комедии Мольера, за исключением «Дон Жуана» (замененного одноименной пьесой драматурга Доримона).

И, наконец, в 1682 году в Париже вышло первое издание Собрания сочинений Мольера, изданное стараниями ученика и друга Мольера — Лагранжа и «парижского коллекционера» Вино. Издание состояло из восьми томов и открывалось предисловием Лагранжа, содержащим в себе важнейшие данные о жизни и творчестве Мольера. Последние два тома —

VII и VIII — содержали произведения, не изданные при жизни автора, и в том числе комедию «Дон Жуан» (Les Oeuvres de Monsieur de Molière, revues, corrigées et augmentées, Paris, D. Thierry, C. Barbin et P. Trabouillet, 1682).

Данное издание послужило основой для всех последующих Собраний сочинений Мольера. Среди них должны быть выделены комментированные издания Оже (1819), Ташеро (1823), Эме-Мартена (1837), Луи Молана (1883—1885).

Лучшее академическое издание сочинений Мольера в тринадцати томах осуществлено Эженом Депуа и Полем Менаром (1873—1900). Помимо общего введения, оно снабжено обширными предисловиями к каждой пьесе, рядом исторических документов, относящихся к жизни и творчеству Мольера, и указаниями на сценическую историю его комедий. Последние четыре тома содержат обширную библиографию Мольера и лексический словарь его комедий: Oeuvres de Molière, éd. Eugène Despois et Paul Mesnard (Collection «Les grands écrivains de la France»).

Среди новейших изданий комедий Мольера выделяются издания Копо (1926), Г. Мишо (1947), Р. Жуани, последнее из нам известных (Théâtre complet de Molière, éd. R. Joinny. P., s. d.).

Связи Мольера с Россией идут в отдаленное прошлое, ко дням жизни великого драматурга и актера. Известно, что 17 сентября 1668 года французским двором было устроено празднество в честь русского посланника — боярина Потемкина, в которое входила постановка комедии «Амфитрион». Роль Созия, слуги Амфитриона, исполнял сам глава труппы и автор пьесы Мольер.

По свидетельству историков, Петр I ценил творчество Мольера и поощрял переводы его пьес. Так, существует перевод комедии «Смешные жеманницы» под названием «Драгые смеяные — комедия французская, презентованная перед королем самоедским». Перевод был сделан одним из шутов Петра I, «самоедским королем», поляком по происхождению, и отличался очень грубым, в иных случаях совершенно несообразным языком. Комедия была разделена на два акта, и в ней сделаны вставки в виде феерических сцен и балетов. Перевод относится к 1703 году.

Особенно популярны стали комедии Мольера в России с момента возникновения первого постоянного театра в Петербурге. На сцене этого театра менее чем за два года (1757—1758) были показаны «Скапиновы обманы» («Плутни Скапена»), «Скупой», «Школа жен», «Тартюф», «Мещанин во дворянстве», «Жорж Данден», «Мизантроп, или Нелюдим». К этому же времени относится первое издание собрания сочинений Мольера — «Комедии из театра господина Мольера. Переведенные Иваном Кропотовым», М. 1788. Любопытным памятником Мольеру в России является манускрипт этих переводов, хранящийся в парижской Национальной библиотеке.

Во второй половине XVIII века уже почти все комедии Мольера были переведены на русский язык. Стало обычаем переносить действие комедий Мольера на русскую почву, и в этих перелицовках, при всей наивности такого подхода, была своя историческая логика. Один из ранних переводчиков «Тартюфа», назвав свой перевод «Ханжеев, или Лицемер», писал в предисловии: «Сия комедия, в которой так много комической соли без примеси площадных шуток, так много чувства благородного общества без принуждения, показалась мне довольно близкою к нашим нравам... она потеряла бы всю цену, если бы была оставлена во французских нравах» [1].

Но и сохранение имен мольеровских героев, и стремление передать в стихах ритм французского оригинала не гарантировали еще точности перевода. Любопытен в этом отношении перевод «Тартюфа» (1841), сделанный Н. Хмельницким, соавтором А. Грибоедова и А. Шаховского по комедии «Своя семья». Хмельницкий достаточно искусен в построении легкого водевильного стиха, но он нередко добавляет к тексту Мольера стихи от себя, имея в виду русские нравы и характеры.

Комедии Мольера прошли в XIX веке и этап прозаических переводов, которые делались из расчета большей точности перевода и его приближения к разговорной речи, но при этом грубо нарушался поэтический строй мольеровских пьес, исчезали их динамика и театральность. Примером тому может служить «Тартюф» в переводе П. Табусина («Ханжа», 1877, Киев).

Русское издание Собрания сочинений Мольера относится к 1884 году, В него вошло двадцать комедий, причем некоторые пьесы, написанные стихами, были переведены прозой, иные же даны с сокращениями.

Первым полным Собранием сочинений Мольера на русском языке является издание, составленное П. И. Вейнбергом и П. В. Быковым (1913), с очерком жизни и творчества Мольера — Е. В. Аничкова и предисловиями к каждой комедии — Ю. А. Веселовского (издание А. Ф. Маркса).

Лучшее дореволюционное иллюстрированное и снабженное научным аппаратом полное Собрание сочинений Мольера вышло в 1912—1913 годах в издании Брокгауза и Эфрона (в двух томах). Представляя собой очередной выпуск «Библиотеки Великих писателей», выходившей под редакцией проф. С. Венгерова, это издание из тридцати трех пьес Мольера давало двадцать семь в новых переводах, лучшие из которых были сделаны В. С. Лихачевым, П. П. Гнедичем, В. Я. Брюсовым и

---

[1] «Ханжеев, или Лицемер», комедия Мольера в пяти действиях, в стихах. Вольный перевод (А. П. Пушкин). Москва. В типографии Ф. Любия, 1809 год.

Т. Л. Щепкиной-Куперник. К написанию очерка о Мольере и предисловий к его комедиям были привлечены крупнейшие знатоки французской литературы XVII века — А. Н. Веселовский, Ю. А. Веселовский, Е. В. Аничков, Ф. Д. Батюшков и др.

Богато иллюстрированное, это издание дает представление о графической истории Мольера за три века — XVII, XVIII и XIX. Воспроизведена здесь и полная коллекция портретов Мольера. Научный интерес представляет библиографический очерк «Мольер в русской литературе», составленный Н. Н. Бахтиным.

И все же это издание надо признать сильно устаревшим по двум причинам: из-за историко-культурного метода, с его пристрастием к сравнительному анализу «бродячих сюжетов», которого придерживалось большинство авторов предисловий, и из-за недостаточной точности многих переводов, из которых выдержали испытание временем лишь «Скупой» В. С. Лихачева, «Любовная досада» Т. Л. Щепкиной-Куперник и «Амфитрион» В. Брюсова.

Первым послереволюционным изданием комедий Мольера был однотомник под редакцией В. Филиппова, с предисловием А. В. Луначарского и вступительной статьей П. С. Когана (ГИХЛ. 1929).

Новое научное издание Полного собрания сочинений Мольера (в четырех томах) вышло в издательстве Academia (первые два тома) и Гослитиздате (вторые два тома) в 1935—1939 годах под редакцией А. А. Смирнова и С. С. Мокульского. Лишь пять из всего числа комедий Мольера были тщательно выправлены и оставлены в старых переводах, остальные же были переведены заново с соблюдением высоких норм советского переводческого искусства. К новому изданию Мольера были успешно привлечены такие выдающиеся поэты-переводчики, как Т. Л. Щепкина-Куперник, М. М. Лозинский, Вс. Рождественский и др. Редакторами издания была проведена большая текстологическая работа по уточнению окончательной редакции текста, а также в некоторых случаях введены необходимые ремарки, отсутствовавшие в старых изданиях комедии Мольера. Результатом большой работы переводчиков и редакторов было то, что издание 1935—1939 годов составило «стабильный корпус» русских переводов Мольера, который в последующих изданиях меняется лишь в отдельных случаях.

Значительная работа была проведена и в плане научного комментирования комедий Мольера — здесь главная заслуга оставалась за С. С. Мокульским, автором большой вступительной статьи «Мольер и его творчество». Некоторый уклон в сторону вульгарной социологии все же не лишал эту работу ее главного научного достоинства — рассмотрения творчества Мольера на фоне ярко очерченной картины социальной борьбы и многостороннего анализа самих комедий. К комментированию отдельных комедий Мольера были привлечены авторитетные историки западноевропейской литературы, а также молодые специалисты по французской литературе и театру XVII века (А. Гвоздев, А. А. Смирнов, С. С. Мокульский, И. Соллертинский, В. Г. Ремизов, В. Блюменфельд, Г. Бояджиев и др.).

Вышедшее через двадцать лет новое «Собрание сочинений Мольера в двух томах» (ГИХЛ. 1957) под редакцией Н. М. Любимова и С. С. Мокульского было обогащено новыми переводами таких значительных произведений Мольера, как «Мизантроп» (Т. Л. Щепкиной-Куперник), «Дон Жуан» (А. В. Федорова), «Мещанин во дворянстве» (Н. М. Любимова) и др. Вступительная статья и комментарии принадлежат автору этих строк.

Последнее издание Полного собрания сочинений Мольера в четырех томах вышло в 1967—1969 годах (изд-во «Искусство»), редактор переводов Н. М. Любимов. Здесь помещен новый перевод «Тартюфа», осуществленный М. А. Донским, и перепечатан перевод В. С. Лихачева комедии «Скупой». Автором этих строк написаны большая вводная статья «Гений Мольера» и очерк «Мольер сценический». Ему же принадлежат комментарии ко всем произведениям Мольера и новый перевод его двух фарсов.

СМЕШНЫЕ ЖЕМАННИЦЫ

LES PRÉCIEUSES RIDICULES

Первое представление комедии было дано в Париже на сцене театра «Пти Бурбон» 18 ноября 1659 года [1].

Роль маркиза Маскариля исполнял Мольер.

Первое издание вышло в 1660 году («Les Précieuses ridicules», éd. G. de Luyne).

Помимо вышеуказанного перевода («Драгые смеяные»), из последующих переводов «Смешных жеманниц» отметим русифицированный перевод И. Мещерского «Кажись, обе с ума сошли».— «Театральная библиотека» № 2, 1880; переводы О. И. Бакста «Жеманницы» в изд. А. Ф. Маркса (1910, т. I) и П. П. Гнедича (изд. Брокгауз и Эфрон, 1913).

Из спектаклей XIX века наиболее примечательны: постановка «Смешных жеманниц» в Малом театре в 1873 году с участием Н. А. Никулиной, Н. И. Музиля, О. А. Правдина и М. П. Садовского; там же в 1911 году с Е. К. Лешковской в роли Мадлон, Е. Д. Турчаниновой в роли Като. Комедия была играна во время гастролей в России Коклена-старшего в 1882 и 1901 годах.

---

[1] Точная датировка мольеровских премьер дается по «Реестру» Лагранжа, начатому в 1659 г., после вступления последнего в труппу Мольера.

В советские годы «Смешные жеманницы» были поставлены под названием «Смехотворные прелестницы» в Большом драматическом театре в Ленинграде в 1921 году (постановка и декорации А. Бенуа) и в Школе-студии им. Вл. И. Немировича-Данченко в Москве в 1953 году, постановка В. О. Топоркова.

В самом наименовании комедии «Смешные жеманницы» выражен сатирический замысел Мольера. Он высмеивает здесь салонные нравы и искусство, получившие наименование «прециозных», что в переводе на русский язык означает «изысканные», «жеманные».

Стр. 29. *Странное дело...*— «Смешные жеманницы» были первой комедией, отданной Мольером в печать. Обстоятельства этого дела несколько необычны. После успешной премьеры комедии 18 ноября 1659 года последовал ее двухнедельный запрет. Между тем интерес публики к новой комедии Мольера все возрастал. Пользуясь этим, издатель Жан Рибу, раздобыв экземпляр комедии, хотел отпечатать ее без ведома автора. Энергичное вмешательство Мольера воспрепятствовало этому; опротестовав право Рибу на напечатание его комедии, Мольер передал его книгоиздателю де Люину.

«Надо покориться судьбе и дать согласие на то, что все равно не преминули бы сделать и без моего позволения»,— писал Мольер в Предисловии, впервые назвав писателей «своими собратьями».

...вспомнить известную пословицу...— Подразумевается французская пословица: « Cette femme est belle à la chandelle, mais le jour gâte tout » — эта женщина красива при свечах, но дневной свет все портит.

Стр. 30. *...почему я выбрал именно этот сюжет для своей комедии.*— Зная враждебное отношение к своей комедии со стороны прециозных салонов, имевших влияние на власти, Мольер из тактических соображений маскировал свой подлинный замысел.

Доктор, Капитан, Тривелин — маски итальянской импровизированной комедии XVI—XVII вв. (так называемой комедии дель арте).

Стр. 31. *Лагранж* и *Дюкруази* — положительные персонажи комедии, носят фамилии актеров, исполнявших данные роли. Имена *Мадлон, Като* и *Маротта* соответствуют именам актрис, исполнявших эти роли (Мадлены Бежар, Катерины Дебри и Марии Рагно). *Маскариль* и *Жодле* — популярные театральные типы-маски; первый получил широкую известность благодаря Мольеру; второй был создан фарсовым актером Жюльеном Бедо. *Альманзор* — имя арабского происхождения, вычитанное жеманницами в одном из прециозных романов и данное ими своему слуге.

Стр. 33. *...прослыть острословом.*— В оригинале — bel esprit (остроумец, остромысл). Так называли молодых аристократов, посетителей великосветских салонов, которые отличались умением придавать своей речи изысканную форму.

Стр. 34. *Кир* и *Мандана* — герой и героиня романа Мадлены Скюдери «Артамен, или Великий Кир» (1649—1653).

Аронс и *Клелия* — герой и героиня романа М. Скюдери «Клелия, или Римская история» (1656—1661).

Стр. 35. *Карта Страны Нежности* — приводится в романе «Клелия, или Римская история» в качестве путеводителя для кавалеров, добивающихся благосклонности дам. Все названные пункты дают аллегорическое обозначение тех любезностей и услуг, которые обязан оказать кавалер, ухаживая за дамой.

Стр. 36. *...имя Поликсена, избранное сестрицей, или Аминта, как я себя называю...* — Менять собственное имя на имя, заимствованное из мифологии или из прециозных романов, было очень распространено в аристократических салонах.

Стр. 37. *...по великому Сириусу.* — Маротта коверкает наименование романа «Великий Кир» (имя «Кир» по-французски звучит «Сирюс»).

Стр. 40. *Амилькар* — тип лирического, нежного любовника в романе М. Скюдери «Клелия, или Римская история».

...всех авторов «Собрания избранных сочинений». — Под этим названием вышел сборник прециозных стихов братьев Корнелей, Бенсерада, Скюдери, Буаробера и др. (1653).

Стр. 41. *Портреты* — краткие поэтические характеристики, введенные в моду М. Скюдери, которая дала их образцы в романе «Клелия, или Римская история».

Мадригал — небольшое лирическое стихотворение любовного содержания, посвященное какой-либо знатной даме и восхваляющее ее красоту.

Стр. 42. *Ого! Какого дал я маху...* — пародия на один из мадригалов, напечатанных в упомянутом «Собрании избранных сочинений».

Стр. 43. *...нечто хроматическое.* — Хроматизм — музыкальный термин, обозначающий повышение или понижение звука на полтона. Мадлон употребляет это слово невпопад, желая щегольнуть своей ученостью.

Стр. 44. *Бургундский отель* — основной драматический театр Парижа, враждовавший с театром Мольера. Актерам этого театра была свойственна искусственная, напыщенная манера игры и декламации.

Стр. 45. *Пердрижон* — владелец модного галантерейного магазина в Париже.

Стр. 47. *...бледность его физиономии.* — Популярный комик Жодле выступал на сцене не в маске, а с обсыпанным мукой лицом (старинный фарсовый грим).

Стр. 49. *...воодушевить наши ножки...* — прециозная перифраза, которая должна означать: «устроить танцы».

Куранта — старинный медленный танец.

БРАК ПОНЕВОЛЕ
LE MARIAGE FORCÉ

Первое представление комедии-балета было дано в Лувре 29 января 1664 года. В 1688 году Мольер переработал первоначально трехактный балет в одноактную комедию. Постановка 24 февраля 1688 года. Роль Сганареля исполнял Мольер. В балете роль Египтянина танцевал Людовик XIV.

Первое издание комедии вышло в 1668 году («Le Mariage forcé», comedie par J.B.P. de Molière. à Paris chez Jean Ribou, 1668).

Первый русский перевод: «Принужденная женитьба». Комедия в I д. Соч. г. Мольера. Перевод с французского, М. 1779. Второе издание М. 1778. Последующие переводы — Д. Т. Ленской, «Хоть тресни, да женись». Вольный перевод в стихах, М. 1837; Е. Федюкин, «Женитьба поневоле», 1871; Ф. Устрялов, «Женитьба по принуждению», 1879 (перепечатано в изд. О. И. Бакста; 1884, т. I); П. О. Морозов и А. Н. Чудинов, «Брак поневоле» (изд. Брокгауз и Эфрон, 1913, т. I).

Из спектаклей XIX века наиболее примечательны постановки на сцене Малого театра в 1866 году, под названием «Хоть тресни, а женись», и на сцене Московского Художественного театра, под названием «Брак поневоле», 1919. В главных ролях выступали Л. Леонидов (Панкрас) и В. Лужский (Сганарель).

Стр. 54. *Сганарель* — традиционный театральный персонаж комедии Мольера, наделяемый драматургом определенными индивидуализированными чертами.

Панкрас — традиционный тип доктора-педанта, происходит от итальянской маски из комедии дель арте — Панкрацио.

Марфуриус — также традиционный литературный тип ученого педанта.

Пиррон (ок. 360—270 гг. до н. э.) — греческий философ, основоположник философского скептицизма. Указывая на субъективность представлений о качестве предмета, Пиррон предостерегал от какой бы то ни было определенности суждений.

Стр. 56. *А теперь шестьдесят четвертый*...— Жеронимо называет дату написания Мольером комедии «Брак поневоле» (1664).

Стр. 58. ...*истинно дружеский совет.*— Сцена между Сганарелем и Жеронимо навеяна эпизодом из романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»[1] «О том, как Панург советуется с Пантагрюэлем, стоит ли ему жениться» (кн. III, гл. IX—XIV).

Стр. 59. *...для пущей торжественности, в маске.*— Упоминание маски предвещает появление балетных и маскарадных эпизодов, в которых будет участвовать Жеронимо.

Стр. 63. *...в главе «О качестве»* — восьмая глава трактата Аристотеля «О категориях».

Стр. 64. *Вот-вот.*— Предыдущая сцена написана с использованием шутливой ситуации из романа Рабле (кн. II, гл. IX).

Стр. 65. *Субстанция* и *акциденция* — сущность и внешнее проявление сущности — философские термины, широко употребляемые в схоластических спорах. Они производят комический эффект из-за неуместности их употребления философом-педантом.

...или же только третьи? — Три процесса мышления: восприятие, суждение и вывод.

...десять или же всего только одна? — Согласно учению Аристотеля, существуют десять философских категорий — сущность, количество, отношение, качество, действие, страсти, пространство, время, ситуация и способ существования.

Стр. 66. *...в виде лаконической апофегмы...*— Апофегма — остроумное изречение.

Стр. 67. *Онейрокритика* — истолкование снов (греч.).

Космометрия — измерение вселенной (греч.).

Метопоскопия — гадание по чертам лица (греч.).

Геомантия — гадание по брошенной горсти земли (греч.).

Стр. 68. *Мне кажется, будто я пришел.*— Сцена написана в подражание эпизоду из романа Рабле (кн. III, гл. XXXV и XXXVI — беседа Панурга с философом Труйоганом).

Стр. 71. *...к этому знаменитому чернокнижнику...*— В первоначальном варианте следовала сцена между Сганарелем и Волшебником, завершающаяся выходом четырех демонов, которые строили рога Сганарелю.

Стр. 76. *...в честь этого счастливого брака.*— В первоначальном варианте за этими словами следовал пятый балетный выход — обучение Сганареля куранте; в шестом выходе исполнялась испанская песенка и танцевали две испанки и двое испанцев, а также выступал акробат; этот номер, слабо связанный с сюжетом, вводился с целью демонстрации искусства акробатики некоего господина Тартаса. Седьмой выход составляла шутовская сцена, а в восьмом, и последнем, четверо поклонников в танце ухаживали за супругой Сганареля.

---

[1] Далее ссылки на Рабле относятся к этому же роману.

ТАРТЮФ

LE TARTUFFE, OU L'IMPOSTEUR

Первая (трехактная) редакция комедии была представлена в придворном театре в Версале 12 мая 1664 года; вторая, под названием «Обманщик», в театре Пале-Рояль 5 августа 1667 года; третья, окончательная,— там же 5 февраля 1669 года. Борьба Мольера за свою комедию прослежена во вступительной статье. Роль Оргона играл Мольер.

Комедия была впервые напечатана в 1669 году (Le Tartuffe, ou L'Imposteur, éd. Ribous, 1669).

Первые издания русских переводов:

1. «Тартюф, или Лицемер». Комедия из театра господина Мольера, переведенная Иваном Кропотовым, М. 1757 (в прозе); изд. 2-е, М. 1788.

2. А. М. Пушкин, «Ханжеев, или Лицемер», 1809. Это — один из лучших ранних переводов Мольера. Несмотря на русификацию имен действующих лиц и некоторые вольности, в переводе А. М. Пушкина передавался не только точный смысл, но и игра слов оригинала.

Только в XIX веке было сделано шесть переводов «Тартюфа». Лучшие из них принадлежат Д. Д. Минаеву (1884) и В. С. Лихачеву (1889).

Большой точностью и поэтической выразительностью отличается перевод М. М. Лозинского (Academia, t. II, 1937; «Искусство», «Комедии Мольера», 1952; ГИХЛ, т. I, 1957).

Первое представление комедии на русском языке состоялось в С.-Петербурге в Российском театре 22 ноября 1757 года; на московской сцене 21 апреля 1761 года.

Из спектаклей XIX века наиболее примечательны:

Постановка «Тартюфа» на сцене Александринского театра. Комедия шла под названием «Фарисеев, или Лицемер», перевод в стихах А. С. Норова, 1832 (переделка на русские нравы). Исполнители: Я. Г. Брянский, А. Г. Каратыгина-старшая.

Там же — «Тартюф» (перевод Н. И. Хмельницкого) 15 декабря 1841 года. Исполнители: Тартюф — В. А. Каратыгин, Оргон — П. А. Каратыгин, Эльмира — А. М. Каратыгина, Дорина — Сосницкая.

Там же в 1870 году — «Фарисеев, или Лицемер», перевод в стихах А. С. Норова (переделка на русские нравы) с участием В. В. Стрельской (Дорина) и С. В. Шумского (Оргон). В 1878 году (Тартюф — Н. Ф. Сазонов), в 1878—1888 годах (Тартюф — В. Н. Давыдов), в 1897, 1908 годах (Тартюф — А. П. Петровский).

Постановка на сцене Большого театра в Москве 31 января 1836 года — «Фарисеев, или Лицемер» в бенефис М. С. Щепкина. Исполнители: Фарисеев (Тартюф) — П. С. Мочалов, Четкин (Оргон) — М. С. Щепкин, Людмила (Эльмира) — М. Д. Львова-Синецкая, Виктор (Дамис) — И. В. Самарин.

В Малом театре «Тартюф» шел еще в 1843, 1856, 1867, 1875, 1884 годах (исполнители: М. С. Щепкин, Д. Т. Ленский, С. В. Шумский, И. В. Самарин, Г. Н. Федотова, О. Правдин, А. П. Ленский, Н. М. Медведева).

В советские годы «Тартюф» был поставлен более тридцати раз на многих языках народов СССР.

Самой значительной постановкой Мольера на советской сцене является спектакль «Тартюф» на сцене Московского Художественного театра СССР имени М. Горького в 1941 году. Постановка К. С. Станиславского, завершенная М. Н. Кедровым и В. О. Топорковым (Тартюф — М. Н. Кедров, Оргон — В. О. Топорков).

Экспериментальный интерес представляет постановка Ю. Любимова (Театр на Таганке, 1969).

Во время гастролей «Комеди Франсез» в Москве в 1954 году «Тартюф» был включен в репертуар театра (Тартюф — Жан Ионель, Оргон — Луи Сенье, Дорина — Беатрис Бретти, Эльмира — Анни Дюко).

Эта же комедия с успехом была дана Лионским театром де ла Сите (режиссер Роже Планшон, гастроли в Москве в 1963 г.).

Стр. 79. *Предисловие.*— Опубликовав комедию в марте 1669 г., Мольер предпослал ей предисловие, в котором решительно защищал свои позиции. Во втором издании комедии (июнь 1669 г.) были присоединены два послания к королю от 1664 и 1667 гг.

Стр. 80. *...противопоставить выведенного мною лицемера человеку истинно благочестивому.*— Надо полагать, речь идет о Клеанте.

...и поныне принадлежит Бургундский отель...— «Братство страстей господних» возникло в XIV в. и получило в 1402 г. привилегию на исполнение мистерий. В 1548 г. «Братство» соорудило новое театральное помещение — Бургундский отель, в котором во времена Мольера выступала конкурирующая с ним труппа «Королевских актеров».

Стр. 81. *...одним из докторов Сорбонны...*— Речь идет о Жане Мишеле, авторе «Мистерии страстей господних» (1486), медике по образованию.

...вызывавшие восторг всей Франции.— Имеются в виду трагедии П. Корнеля «Полиевкт» (1643) и «Теодора» (1645).

...никогда еще на театр так не ополчались.— Имеются в виду трактат главы янсенистов Николя. «Трактат о комедии» (1659) и сочинение принца Конти под тем же названием, в которых театр объявлялся рассадником пороков.

Стр. 82. *...гордились тем, что пишут комедии...*— Намек на сотрудничество римского консула Сципиона с комедиографом Теренцием.

...как одно из наших ценнейших достояний...— Неожиданное в устах Мольера восхваление медицины указывает, что его постоянные на-

смешки над врачами относились к устаревшим методам лечения и невежественным врачам-шарлатанам.

Стр. 83. *...была всенародно осуждена в Афинах...*— намек на присуждение к смерти Сократа.

Стр. 84. *...сказанными о комедии «Тартюф».*— Подразумевается принц Конде, в прошлом — вождь Фронды, один из крупнейших полководцев в армии Людовика XIV. Конде поддерживал Мольера в его борьбе за «Тартюфа» и способствовал показу этой комедии в частных домах до ее официального разрешения.

«Скарамуш-отшельник» — малопристойный фарс итальянских комедиантов.

Стр. 85. *...монсиньера легата...*— Кардинал-легат Киджи, племянник папы Александра VII и его чрезвычайный посол в Париже, присутствовал на чтении «Тартюфа» 4 августа в Фонтенебло.

...книжка, написанная неким кюре...— Имеется в виду кюре церкви св. Варфоломея — Пьер Рулле.

Стр. 86. *...от притесняющих меня власти и могущества...*— Подразумевается президент Ламуаньон, который в отсутствие короля становился в Париже главой полиции и получал всю полноту власти.

...не поддается никакому влиянию.— Речь идет снова о Ламуаньоне, участие которого в тайном «Обществе святых даров» Мольеру было неизвестно.

Стр. 87. *Один весьма почтенный врач...*— Речь идет о Мовиллене — лечащем враче Мольера, который станет помогать ему при сочинении комического церемониала — «посвящения в доктора» — в пьесе «Мнимый больной».

Стр. 88. *Тартюф.*— Имя Тартюф, сочиненное Мольером, имеет в корне созвучие со старофранцузским словом truffe (обман, плутня).

Стр. 95. *Во время наших смут...*— то есть в годы гражданской войны — Фронды (1648—1653).

Стр. 101. *...без чувства состраданья.*— Согласно легенде, отшельник Л. Макер, проживший в египетской пустыне шестьдесят лет, убил блоху, за что в наказание присудил себя к шести месяцам жизни нагим и голодным. Чревоугодник Тартюф на подобное самопожертвование, конечно, не пошел бы.

Стр. 102. *Не кладезь мудрости...*— Монолог Клеанта был своеобразной защитой Мольера против обвинений в вольнодумстве и безбожии.

Стр. 118. *...на табурет складной укажет вам в гостиной.*— В гостиных XVII века при рассаживании гостей соблюдалась строгая иерархия: кресла, стулья, скамьи, табуреты. Складные табуреты предназначались для лиц самого низшего ранга.

Стр. 130. *Нет, лучше мачехе своей все поручите.*— Судя по точно продуманному замыслу Дорины, можно предположить, что Эльмира, разыгрывая Тартюфа, действовала по совету служанки.

Стр. 131. *Власяница* — сетка из жесткого волоса, которую «для умерщвления плоти» носили под рубашкой «праведники».

Стр. 161. *Мне передал его мой бедный друг Аргас...*— Аргас, приятель Оргона, вероятно, принимал участие в Фронде и после ее подавления бежал из Франции, передав Оргону свои бумаги.

Стр. 166. *Г-н Лояль.*— Лояль (loyal) по-французски означает «законный». Мольер умышленно дает это имя человеку, подкупленному Тартюфом.

ДОН ЖУАН, ИЛИ КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

DON JUAN, OU LE FESTIN DE PIERRE

Первое представление было дано в Париже на сцене театра Пале-Рояль 15 февраля 1665 года. Роль Сганареля исполнял Мольер.

Ввиду запрещения пьесы при жизни Мольера «Дон Жуан» напечатан не был.

Впервые комедия была напечатана в 1682 году в полном Собрании сочинений Мольера, составленном Лагранжем и Вино. Любопытно отметить, что в амстердамском издании комедий Мольера (1675) «Дон Жуан» Мольера был заменен пьесой «Каменный гость, или Пораженный молнией атеист» Доримона без указания авторства последнего. Другим показательным моментом является то, что комедия Мольера, вплоть до 1840 года, печаталась в стихотворном переложении Тома Корнеля.

Первые издания русских переводов:

1. В. Строев, «Каменный гость», драма в пяти действиях.— «Репертуар и Пантеон», 1843, № 9 (переделка, присочинен первый акт, в котором Дон Жуан убивает Командора и уговаривает его дочь Эльвиру бежать из родительского дома). Первый акт мольеровского «Дон Жуана» превращен во второй, второй в третий, третий в четвертый, в котором очень важная сцена с нищим совершенно переделана: нищим выведен еврей, отказывающийся есть свинину по предложению Дон Жуана. Мольеровские четвертый и пятый акты у Строева соединены в один пятый, в котором выпущены сцены с отцом и сцена с Сганарелем, где подверглось сомнению существование потустороннего мира, и ряд других сцен. Появление призрака тоже было у Строева исключено.

2. В. И. Родиславский, «Дон Жуан», комедия в пяти действиях, 1871.

В XIX веке комедия переводилась еще О. Бакстом (1884) и В. С. Лихачевым (1894).

В советские годы сделано три перевода «Дон Жуана» — М. Кузьминым, 1937; А. В. Федоровым, 1957; М. А. Донским, 1971.

Первые представления на русском языке состоялись в С.-Петербурге в Александринском театре 5 мая 1816 года с И. С. Сосницким в роли Дон Жуана, и в Москве в Малом театре в 1818 году.

Из спектаклей на рубеже XIX—XX веков наиболее примечательны: спектакль Малого театра 14 декабря 1876 года с участием А. П. Ленского в роли Дон Жуана, спектакль Александринского театра в 1910 году (постановка В. Э. Мейерхольда) с участием Ю. М. Юрьева и К. А. Варламова, декорации Головина, и спектакль в Малаховском театре в Москве в 1915 году (Дон Жуан — Н. М. Радин, Сганарель — М. М. Тарханов).

В советские годы «Дон Жуан» ставился в Москве (театр им. Баумана, 1941) и в Ленинграде (Госдрама, 1932; театр Комедии, 1951). Оригинальное решение образа Дон Жуана было дано Ваграмом Папазяном (на армянском языке) в 1924 году.

Во время гастролей французского Национального Народного театра в Москве и Ленинграде в 1956 году пьеса шла в постановке Жана Вилара (Дон Жуан — Жан Вилар, Сганарель — Даниэль Сорано, Эльвира — Мари Шометт).

Стр. 178. *Действующие лица.*— Нарушения канона классицистической комедии, допущенные в «Дон Жуане», заметны уже по составу действующих лиц — здесь наряду с испанской знатью действуют крестьяне и крестьянки из Иль де Франса, популярный фарсовый тип (Сганарель) соседствует с почтенным парижским буржуа. Не канонично и большое число персонажей комедии. Местом действия выбрана Сицилия, причем полностью нарушен классицистский закон единства действия: первый акт идет на городской площади, второй — на берегу моря, третий — в лесу, у могилы Командора, четвертый — в апартаментах Дон Жуана, пятый — снова в деревне и у могилы Командора.

Стр. 179. *Что бы ни говорил Аристотель...*— Ссылка на мнение Аристотеля о табаке носит комический характер. Табак появился в Европе только в XVI в. Несмотря на запрещение торговли табаком (указ Людовика XIII), к середине XVII в. курение и торговля табаком получили во Франции широкое распространение.

Стр. 180. *Эпикурейская свинья.*— Эпикур (342—270 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, которого церковные авторы объявляли проповедником разврата.

Сарданапал — легендарный ассирийский царь, известный своим распутным образом жизни.

Стр. 184. *Командор* — главный военачальник рыцарского ордена.

Стр. 189. *...четыре су парижских...* — Во Франции XVII в. не было еще единой валюты. Правом чеканки монет обладала каждая область.

Стр. 202. *Медицина — одно из величайших заблуждений человечества.* — Высмеивая схоластику, Мольер многократно высмеивал и современную медицину, зараженную схоластической фразеологией и сохранявшую многие приемы невежественного средневекового врачевания. Врачи-шарлатаны и невежды показаны Мольером в комедиях «Летающий доктор», «Любовь-целительница», «Лекарь поневоле», «Господин де Пурсоньяк», «Мнимый больной».

Рвотное вино — лечебное средство.

Стр. 203. *Я не взялся бы вас обратить.* — В первом полном подцензурном издании комедий Мольера (1682) весь последующий текст до слов «тут я хоть на виселицу готов» был сокращен. В изданиях, напечатанных за пределами Франции — амстердамском (1691) и брюссельском (1694),— сцена была восстановлена.

Черный монах — по старинному народному поверью — привидение, которое пугает запоздалых путников в ночь под рождество.

...дважды четыре — восемь. — В последнем комментированном французском издании Мольера (под редакцией Робера Жданни) указывается, что эти слова были издевательски сказаны принцем Оранским исповеднику на смертном ложе.

Стр. 205. *...и куска хлеба нет.* — Последующая сцена до слов нищего «...лучше я умру с голоду» в издании 1682 г. по цензурным условиям была выпущена, но восстановлена в следующем, амстердамском издании.

Стр. 207. *...видеть вас в качестве секунданта.* — Предполагается дуэль, в которой дерутся между собой и секунданты.

Стр. 222. *...шествовать новою для меня стезею.* — Фраза имеет явно пародийный смысл: возможен намек на принца Конти, который из просвещенного покровителя труппы Мольера превратился под влиянием своего духовника в ханжу и гонителя актеров.

Стр. 228. *...мое жалованье!* — Это восклицание, столь не соответствующее торжественности момента, было запрещено после первых представлений (оно фигурирует в амстердамском издании 1691 г.). Взамен этих слов Сганарель произносил благочестивую сентенцию: «После стольких лет службы я не получил никакой другой награды, кроме лицезрения безбожия моего господина, которого постигла самая ужасная на свете кара» (издание 1682 г.). В новейших комментариях, однако, высказано предположение, что после первых представлений «Дон Жуана» эта фраза не произносилась.

МИЗАНТРОП
LE MISANTHROPE

Первое представление комедии было дано в Париже на сцене театра Пале-Рояль 4 июня 1666 года. Роль Альцеста исполнял Мольер.

Комедия была впервые напечатана в 1667 году (Le Misanthrope, éd. J. Ribou, 1667).

Первые издания русских переводов:

«Мизантроп, или Нелюдим». Комедия в пяти действиях. Сочинения г-на Мольера. Перевод с франц. И. Е. (И. П. Елагина), М. 1788.

«Мизантроп», комедия в пяти действиях, в стихах, перевод Ф. Ф. Кокошкина, 1816.

В последующие годы комедия была переведена В. Курочкиным (1867), Львом Поливановым (1893) и Н. Холодковским (1913).

В советские годы перевод комедии был сделан М. Е. Левберг (1937).

Первые спектакли на русском языке:

В С.-Петербурге 22 декабря 1757 года в Российском театре и там же в 1789 году (роль Альцеста исполнял И. А. Дмитриевский).

В Москве в Казенном театре 13 декабря 1815 года, в бенефис С. Ф. Мочалова (отца).

Там же в Малом театре 21 сентября 1823 года с П. С. Мочаловым в роли Альцеста. В театре Горевой в 1889 году с М. М. Петипа в роли Альцеста.

Стр. 235. *Его слащавый тон и набожные мины...*— В этом портрете легко угадываются черты, роднящие противника Альцеста с Тартюфом.

Стр. 247. *Когда б король...*— Хотя эта песенка во французском песенном фольклоре не обнаружена, однако, судя по ее словесной фактуре, стихотворному размеру, ритму и рефрену, она принадлежит к старинным французским песням. (К этому выводу приходят мольеристы Э. Депуа и П. Менар в своем обстоятельном комментарии, помещенном в академическом издании комедий Мольера.)

Стр. 251. *Не на мизинце ли отделкою ногтя?* — У щеголей во время Людовика XIII была мода отращивать длинный ноготь на мизинце.

Стр. 262. *В любимом существе он любит и пороки.*— Монолог Элианты является вольным переложением стихов Лукреция, чью философскую поэму «О природе вещей» Мольер переводил в молодости.

...во дворец заехать на прием...— Имеется в виду вечерний прием короля; круг избранных лиц приглашался королем остаться у него на вечере, после окончания общего приема.

Стр. 264. *Управление* — суд, учрежденный в 1651 г. для рассмотрения дел об оскорблениях высшего дворянства и военных чинов.

Стр. 292. *Книжонку гнусную пускает в обращенье...*— Намек на выпуск парижскими святошами, раздраженными «Тартюфом», некоей «книжонки», сочинение которой было приписано Мольеру. Книга эта, о которой рассказывает первый биограф Мольера Гримаре, до нас не дошла. Но возможно, что речь шла о «Возмутительной книге» и что Мольер таким образом снимал с себя подозренье об участии в ее авторстве.

ЛЕКАРЬ ПОНЕВОЛЕ

LE MÉDECIN MALGRÉ LUI

Первое представление комедии было дано в Париже в театре Пале-Рояль 6 августа 1666 года.

Роль Сганареля исполнял Мольер.

Первое издание относится к 1667 году («Le Médecin malgré lui», éd. J. Ribou, 1667).

Первые русские переводы :

«Доктор принужденный» — упоминается в «Описаниях комедиям, какие есть в Государственном посольском приказе» (1709). Рукопись не дошла. Дата перевода — между 1702—1709 годами.

«Лекарь поневоле», комедия в трех действиях, перевод П. С. (Петра Свистунова), Москва, 1788.

В последующие годы комедия была переведена В. Родиславским (1877), В. Ранцевым (1899) и П. П. Гнедичем (1913).

Первые русские постановки:

«Лекарь поневоле» был показан при дворе перед молодым Петром I. «Во время малолетства Петра Великого часто в Заиконоспасском монастыре играны были комедии духовные, а иногда и светские, с французского на словенский язык переведенные, яко то, врач против воли и другие» (С.-Петербургский вестник, 1779, IV, стр. 85).

Следующее указание на постановку «Лекаря поневоле» дано в «Летописи русского театра» Арапова, когда театр антрепренера Кунста «после знаменитой победы над шведами среди других героических спектаклей показал комедию «Доктор принужденный». Третье упоминание постановки «Лекаря поневоле» относится к театру Наталии Алексеевны (сестры Петра I), в котором эта пьеса шла под названием «О докторе битом».

Из постановок XIX века наиболее примечательны спектакли «Лекаря поневоле» в С.-Петербурге на сцене Александринского театра в 1869 году с участием П. В. Васильева и в Малом театре в Москве 31 января 1849 года (бенефис М. С. Щепкина); там же в 1913 году с участием О. Правдина и В. Н. Рыжовой (постановка Ф. Ф. Комиссаржевского).

Любопытно отметить, что для открытия Народного театра в Гербовом зале Зимнего дворца 12 июля 1919 года была дана комедия «Лекарь поневоле». В годы гражданской войны эта комедия часто исполнялась фронтовыми бригадами артистов и силами красноармейской самодеятельности.

Интересные постановки «Лекаря поневоле» в советские годы были осуществлены в Москве в Первом педагогическом театре (1922, постановка Г. Рошаля) и в Петрограде в Большом драматическом театре (1921, постановка и декорация А. Бенуа) с Н. Ф. Монаховым в заглавной роли.

Всего комедия была поставлена на сцене театров Советского Союза, включая национальные театры, более двадцати раз.

Стр. 313. ...*кафтан зеленый с желтым*...— Зеленый и желтый были традиционными цветами средневековых шутов и членов «дурацких» корпораций.

Наверно, ему известна панацея.— Панацеей называлось у средневековых алхимиков мнимое всеисцеляющее лекарство.

Стр. 319. ...*доходы со всей Босы*...— Боса — река во Франции; омываемые ею долины были столь плодородны, что вошли в поговорку.

Стр. 325. ...*язык у нее перестал ворочаться вследствие мокроты*...— Согласно «гуморальной» теории схоластической медицины, болезни возникали от накопившейся в человеческом организме вредной жидкости (humor — влага).

Cabricias, arci thuram, catalamus и т. д.— набор греческих, латинских и псевдолатинских слов.

Armyan, nasmus, cubile и т. д.— наукообразные слова, придуманные Сганарелем.

Стр. 331. *Экю* — старинная французская монета стоимостью в четыре франка.

Стр. 335. *Я могу разве что из особого уважения сделать вас глухим.*— Эти слова, а также вся история Люсинды, обретшей дар речи, заимствована Мольером из утерянного фарса «Немая жена», содержание которого рассказано в романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (кн. III, гл. 34).

СКУПОЙ

L'AVARE

Первое представление комедии было дано в Париже в театре Пале-Рояль 9 сентября 1668 года. Роль Гарпагона исполнял Мольер.

Первое издание вышло в 1669 году («L'Avare», éd. J. Ribou, 1669).

Первые русские переводы:

«Скупой».— Комедии из театра господина Мольера, переведенные Иваном Кропотовым. т. I, М. 1757; изд. 2-е, М. 1788.

«Скупой», перевод С. Т. Аксакова, 1828 — в Полном собрании сочинений С. Т. Аксакова, т. IV, СПб. 1866.

В последующие годы комедию переводили — Д. Сигов (1832), В. Орлов (1849), М. Косинский (1874), Н. Устрелов (1875), П. Табусин, В. С. Лихачев (1890), И. И. Медведев (1900), И. Б. Евгеньев (1912).

В советские годы перевод комедии был сделан М. А. Булгаковым (1937) и Н. Немчиновой (1957).

Первый спектакль в России состоялся в С.-Петербурге в Оперном театре 16 октября 1757 года.

Из спектаклей XIX века наиболее примечательны:

В С.-Петербурге в Александринском театре (1843) с А. Е. Мартыновым в роли Гарпагона.

В Москве в Малом театре (1830) (М. С. Щепкин — Гарпагон, П. С. Мочалов — Клеант); там же в 1892 году с участием О. А. Правдина, А. А. Яблочкиной и Е. Д. Турчаниновой. В театре Корша в 1880 году (Гарпагон — В. Н. Андреев-Бурлак).

В советские годы «Скупой» был поставлен более двадцати раз. Наиболее примечательны спектакли в Минске в Белорусском государственном театре (1937 с Г. П. Глебовым в роли Гарпагона, в Ленинграде в Новом театре, руководимом народным артистом РСФСР Б. М. Сушкевичем (1938), с артистом Таскиным в роли Гарпагона и в Москве в Камерном театре (1941) с участием народного артиста РСФСР П. П. Гайдебурова в роли Гарпагона.

Стр. 340. *Гарпагон.*— Имя «Гарпагон» имеет своим корнем латинское слово «harpago» — гарпун. Так назывались якори, которыми во время морского боя подтягивали вражеские корабли. В переносном смысле это слово означает «хапун», «загребущие руки».

Стр. 345. *Покажи руки! ... Другие!* — Эта комическая сцена восходит к пьесе Плавта «Горшок», где скупой Эвклион, осмотрев обе руки слуги, велит ему показать еще «третью».

Стр. 347. *...видеть не могу хромого пса!* — Роль Лафлеша исполнял Луи Бежар (младший), который прихрамывал.

Стр. 349. *Пистоль* — старинная золотая монета ценностью около десяти франков.

Ливр и *денье* — старинные французские денежные «единицы», приблизительно соответствующие современному франку и сантиму.

...это только из восьми процентов.— Этот процент значительно выше установленного в те времена законом.

Стр. 356. *Омальская саржа* — ткань, выделываемая в алжирском городе Омале.

Стр. 356. *...любовников — Гамбо и Масеи.*— Старинная популярная повесть «История любви Гамбо и Масеи» часто служила сюжетом для рисунков на гобеленах и обойных тканях.

Сошки — подставки для мушкета при стрельбе с упора.

Стр. 357. *Панург* — персонаж романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Стр. 361. *...турецкого султана женила бы на республике венецианской.*— Выражение, заимствованное из романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (кн. III, гл. 41). С XV в. Турция и Венецианская республика находились во враждебных отношениях.

Стр. 363. *Приам* — престарелый троянский царь.

Нестор — старейший греческий царь, участник Троянской войны.

Анхиз — старец, отец троянского героя Энея.

Стр. 392. *...бежал из Неаполя от беспорядков...*— Можно предположить, что речь идет о неаполитанском восстании 1647—1648 гг., руководимом Мазаниелло.

ГОСПОДИН ДЕ ПУРСОНЬЯК
MONSIEUR DE POURCEAUGNAC

Первое представление комедии было дано в саду королевского замка Шамбор 6 октября 1669 года. В театре Пале-Рояль поставлена 15 ноября 1669 года. Роль господина де Пурсоньяка исполнял Мольер.

Первое издание комедии относится к 1670 году («Monsieur de Pourceaugnac», éd. J. Ribou, 1670).

Русские переводы:

Петр Вейнберг, «Господин де Пурсоньяк», комедия-балет — в Собр. соч. Мольера, изд. О. И. Бакста, 1884 г., т. III; Н. Минский, в изд. Брокгауз и Эфрон, 1913.

Первые постановки в России:

В Москве в Малом театре (1867) с участием П. М. Садовского и Н. И. Музиля и там же в 1878 году с В. А. Макшеевым в заглавной роли.

В советские годы наиболее интересны постановки «Господина де Пурсоньяка» в Ленинграде в Театре народной комедии (1921) и в Москве в Райдрамтеатре МОНО (1924), постановка Е. Б. Вильнера, в Театре сатиры (1938), постановка Н. М. Горчакова.

Стр. 396. *Пурсоньяк.*— Фамилия «Пурсоньяк» происходит от французского слова «pourceau» — свинья, боров. Имя *Сбригани* — от итальянского слова «sbricco» — разбойник.

Стр. 400. *Лиможский адвокат.*— Уроженцы Лиможа со времен романа Рабле считались тупоумными и чванливыми.

Стр. 406. *Асессор* — судебная должность.

Стр. 407. *Перигорский дворянин.*— Перигор — область в средневековой Франции.

Стр. 409. *Гален* (131—201) — выдающийся древнеримский врач, считавшийся авторитетом у средневековых медиков.

Стр. 414. *Флеботомия* — вскрытие кровеносных сосудов.

...колагогическими, меланогогическими...— средневековые медицинские термины.

Стр. 432. *Цивилист* — юрист по гражданским делам.

Юстиниан, Папиньян и т. д.— знаменитые в древности юристы.

Стр. 441. *Панталоне* — комическая маска старого венецианского купца из итальянской комедии дель арте.

Стр. 442. *Пляска бискайцев.*— Бискаец — житель Бискайи, комический персонаж испанской народной комедии XVI в.

МЕЩАНИН ВО ДВОРЯНСТВЕ
LE BOURGEOIS GENTILHOMME

Первое представление комедии было дано в королевском замке Шамбор 14 октября 1670 года. Непосредственным поводом написания комедии было указание Людовика XIV, данное Мольеру,— высмеять турецкие церемонии. Оскорбленный фразой турецкого посла, что на лошади его повелителя больше драгоценных камней, чем на короле Франции, Людовик сперва велел засадить турка под домашний арест, а затем, выслав его из Франции, устроил такую своеобразную «месть».

В театре Пале-Рояль комедия была показана 23 ноября того же года. Роль господина Журдена исполнял Мольер.

Первое издание комедии вышло в 1670 г. («Le Bourgeois gentilhomme», éd. Le Monnier, 1671).

Первые русские переводы:

«Мещанин во дворянстве», комедия с балетом в пяти действиях, перевод Петра Свистунова, СПб. 1761; изд. 2-е, М. 1788.

«Мещанин-дворянин», комедия, СПб. 1844 (переделка В. Р. Зотова).

В последующие годы комедию переводили А. Н. О — ская (1880), В. П. Өстрогорский (1893), В. С. Лихачев (1898), И. И. Медведев (1899).

Первые спектакли в России:

О первой постановке на русском языке упомянуто в «Драматическом словаре», изд. 1787 года: «Представлена первый раз на Российском театре в Санкт-Петербурге в 1756 году генваря 25 дня и по сие время на российских театрах играна бывает к удовольствию зрителей».

Из спектаклей XIX века наиболее примечательны:

В С.-Петербурге в Александринском театре 14 декабря 1843 года (Журден — А. Е. Мартынов). В Москве в Малом театре в 1825, 1844, 1864 годах (исполнители: М. С. Щепкин, П. М. Садовский, В. И. Живокини). В Новом театре в 1900 году (спектакль шел в постановке А. П. Ленского 6 января 1900 г., на сцене Большого театра с участием А. А. Остужева, Е. Д. Турчаниновой, Н. К. Яковлева). В театре Корша в 1888 году (с участием В. Н. Давыдова).

Во время гастролей в России в 1903 году Коклен-старший выступал в роли Журдена.

В советские годы комедия «Мещанин во дворянстве» была поставлена более двадцати раз в Москве, Ленинграде и других городах Союза. Наиболее примечательна постановка Малого театра с С. Л. Кузнецовым в роли Журдена (1929) и постановка в театре им. Е. Вахтангова (1970).

Спектакль «Мещанин во дворянстве» был показан во время гастролей театра Комеди Франсез в Москве в 1954 году (Журден — Луи Сенье).

Стр. 444. *Ковьель* — французская форма итальянского имени Ковьелло — маски ловкого слуги из неаполитанского варианта комедии дель арте. *Муфтий* — у мусульман мудрец, толкователь Корана. *Дервиши* — мусульманские нищенствующие монахи.

Стр. 447. *Я сделал себе из индийской ткани халат.*— Индийская ткань — старинное наименование ситца, который привозился в XVII в. из Индии и был предметом роскоши.

Стр. 448. *Правда, славная песенка?* — Господин Журден поет народную песенку. Существуют еще три куплета этой песни.

Стр. 453. *Клавесин* — старинный музыкальный клавишный инструмент.

Ритурнель — повторяющаяся в аккомпанементе короткая музыкальная фраза.

Морская труба — музыкальный инструмент, с очень резким и сильным звуком.

Стр. 454. *Кварта, парад, терс* — наименование фехтовальных приемов.

Стр. 456. *Сенека* Люций Анней (4 г. до н. э.— 65 г. н. э.) — римский поэт и философ.

Стр. 458. *Ювенал* Децим Юний (60—140) — римский поэт-сатирик, известный своими суровыми обличениями распутных нравов времен империи.

Универсалии — философский термин средневековой схоластики.

Стр. 485. *...подле ворот святого Иннокентия.*— Речь идет о рыночном квартале Парижа, в котором проходило детство Мольера.

Стр. 495. *Мамамуши* — мнимотурецкое слово, сочиненное Мольером и ставшее нарицательным для обозначения чванных вельмож.

Стр. 498. *Анабаптиста, цвинглиста...* — Перечисляя различные вероисповедания, Мольер добавляет к ним и несколько вымышленных — «мориста», «фрониста», «моффина», «зурина».

Стр. 508. *Комедия заканчивается балетом.* — Следовало музыкально-танцевальное представление под музыку Ж.-Б. Люлли (1632—1687) — известного французского композитора, неоднократно писавшего музыку для комедий Мольера.

ПЛУТНИ СКАПЕНА
LES FOURBERIES DE SCAPIN

Первое представление комедии было дано в Париже в театре Пале-Рояль 24 мая 1671 года. Роль Скапена исполнял Мольер.

Первое издание вышло в 1671 году («Les Fourberies de Scapin», éd. Le Monnier).

Первые русские переводы:

«Скапиновы обманы», перевод Василия Теплова, 1752 (перевод издан не был; упоминание о нем имеется в «Реестре трагедиям и комедиям, которые на российском театре были уже представлены», хранящемся в парижской Национальной библиотеке).

Иван Смирнов, «Скапеновы обманы», комедия славного г-на Мольера в трех действиях, перевод с французского, М. 1803.

Первые представления комедии на русском языке:

В С.-Петербурге 25 сентября 1757 года в Оперном театре. В Москве 4 июня 1760 года.

Наиболее примечательный спектакль XIX века — в Москве на сцене Малого театра в 1866 году с участием С. В. Шумского (Скапен) и П. М. Садовского (Жеронт).

В советские годы «Плутни Скапена» были поставлены более тридцати раз.

Фронтовая бригада двух московских детских (Центрального и Третьего) театров в 1942 году показывала комедию у самых передовых позиций Воронежского и Сталинградского фронтов. Оригинальна постановка Молдавского театра «Лучаферул» (1963).

Стр. 510. *Скапен* — французская форма имени «Скапино» — наименования первого Дзанни (ловкого слуги) в комедии дель арте.

Стр. 511. *Тарент* — приморский город в Южной Италии.

Стр. 536. *Кой черт понес его на эту галеру?* — Фраза, заимствованная Мольером из комедии Сирано де Бержерака «Одураченный педант» (1654).

Стр. 542. *Залезайте поглубже в мешок...* — Сцена с мешком заимствована Мольером у площадного французского комедианта Жана Табарена (ум. 1626 г.).

МНИМЫЙ БОЛЬНОЙ
LE MALADE IMAGINAIRE

Первое представление комедии было дано не при дворе, как предполагалось первоначально, а в театре Пале-Рояль 10 февраля 1673 года. Роль Аргана исполнял Мольер. Через несколько часов после четвертого представления этой комедии, 17 февраля 1673 года Мольер скончался.

Первое издание вышло в 1673 году («Le Malade imaginaire», éd. Ch. Ballard).

Первые русские переводы:

«Больным быть думающий», СПб. 1743.

«Мнимый больной» (переделка Н. А. Полевого), 1840.

Последующие переводы:

«Мнимый больной», перевод Петра Вейнберга. Собр. соч. Мольера, изд. О. И. Бакста, 1884.

Перевод Н. Минского, изд. Брокгауз и Эфрон, 1913.

Первые русские постановки:

«Мнимый больной», перевод А. Волкова — участвуют любители: Кропотов, сестры Бибиковы, Торов, Торова — 1765.

Из спектаклей XIX века наиболее примечательны: постановка комедии на сцене Александринского театра в С.-Петербурге 1 декабря 1815 года (бенефис Рахмановой); в Москве в Малом театре в 1846 году с участием П. М. Садовского, в 1866 году с В. И. Живокини в роли Аргана и в 1910 году с участием О. А. Правдина и Н. К. Яковлева. Ярким театральным событием была постановка «Мнимого больного» в Художественном театре 27 марта 1913 года с К. С. Станиславским в роли Аргана (постановка и декорации А. Бенуа).

В советские годы «Мнимый больной» был поставлен в Москве, Ленинграде и других городах, всего около двадцати раз.

Стр. 554. *Пургон* — врач, фамилия происходит от французского purger — очищать желудок. *Бонфуа* — нотариус (фамилия его образована от слов bonne foi — добросовестность). *Полишинель* — комический герой французского народного кукольного театра, связанный своим происхождением с итальянским Пульчинеллой. Свою арию Полишинель поет по-итальянски.

Стр. 556. *Первый пролог.*— Речь идет о победе французского оружия в Голландии и триумфальном возвращении Людовика XIV в Париж 1 августа 1672 г.

Стр. 562. *Эгипаны* — мифологические существа, разновидность сатиров.

Стр. 563. *Кассия* — слабительное средство.

Стр. 592. *Статуя Мемнона издавала гармонический звук...*— Колоссальная статуя мифического царя Мемнона, близ Фив (в действительности, изображение фараона Аменхотепа III), издавала дрожащие звуки при восходе солнца, вследствие прохождения воздуха через трещины.

Стр. 593. *...открытиях нашего века касательно кровообращения...*— Речь идет о знаменитом открытии Гервея (1619), вызвавшем яростные нападки со стороны схоластической медицины.

Стр. 601. *Малого сосуда.*— «Малый сосуд» — термин, обозначающий желудочный проход.

Стр. 602. *...расстройство спланической паренхимы* — мнимонаучная диагностика недуга Аргана, данная в терминах средневековой медицины.

Стр. 616. *Брадипепсия, диспепсия, апепсия, лиентерия, дизентерия, гидропизия* — наименования (частично устаревшие) различных видов расстройства пищеварения.

Г. Бояджиев

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Бояджиев. Великий реформатор комедии 5

СМЕШНЫЕ ЖЕМАННИЦЫ. *Перевод Н. Яковлевой* . 27
БРАК ПОНЕВОЛЕ. *Перевод Н. Любимова* 53
ТАРТЮФ, ИЛИ ОБМАНЩИК. *Перевод Мих. Донского* 77
ДОН ЖУАН, ИЛИ КАМЕННЫЙ ГОСТЬ. *Перевод А. В. Федорова* 177
МИЗАНТРОП. *Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник* . . . 229
ЛЕКАРЬ ПОНЕВОЛЕ. *Перевод Наталии Ман* . . . 305
СКУПОЙ. *Перевод В. С. Лихачева* 339
ГОСПОДИН ДЕ ПУРСОНЬЯК. *Перевод Н. Аверьяновой* 395
МЕЩАНИН ВО ДВОРЯНСТВЕ. *Перевод Н. Любимова* 443
ПЛУТНИ СКАПЕНА. *Перевод Н. Дарузез* 509
МНИМЫЙ БОЛЬНОЙ. *Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник* 553

Примечания *Г. Бояджиева* 637

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 44

Жан Мольер

КОМЕДИИ

*

Редактор М. Ваксмахер

Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти

Художественный редактор
Л. Калитовская

Технический редактор
Л. Платонова

Корректоры
Р. Пунга и А. Юрьева

*

Сдано в набор 27/I 1972 г. Подписано
к печати 3/VII 1972 г. Бумага типогр.
№ 1. Формат $60\times84^1/_{16}$. 41,5 печ. л.
38,72 усл. печ. л. 34,04+5 нак.+
1 вкл.=34,63 уч.-изд. л.
Тираж 300 000 экз. Заказ № 2668.
Цена 1 р. 84 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Граверные работы
Ю. Стольцера

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28

Brisart d.
J. Sauve f.

P.Briſart d.

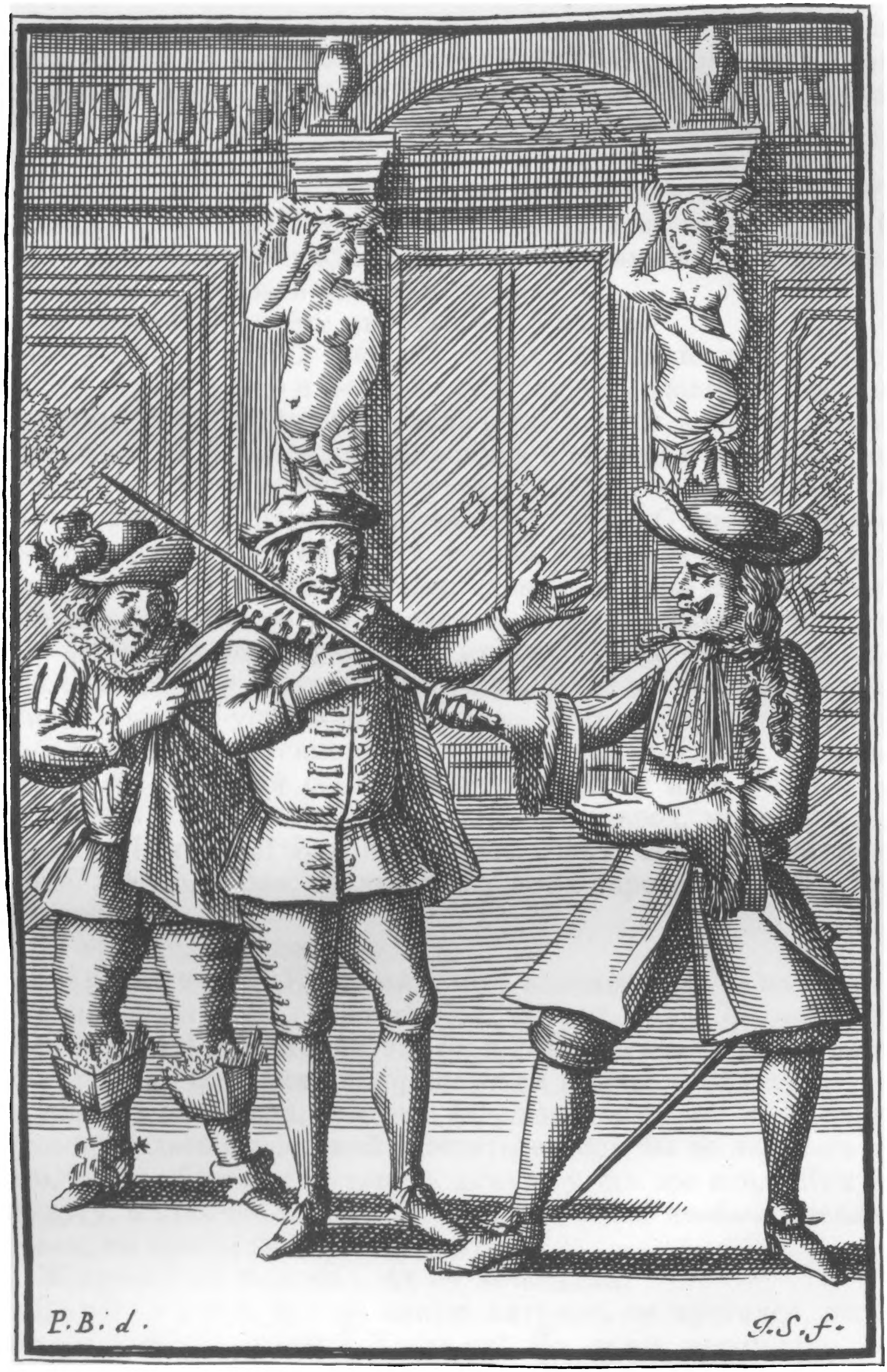
Briſart d.
I. Sauue F.

P. Brissart d.
J. Sauve F.

P. Briſſard. d.
I. Sauvé f.

P Brissart d.
I. Sauue f.

P. Briſſart, d.
I. Sauué F.


P·B· d·
I·S·f·

Briſart d.
Sauvé fc.